1891 годъ. Октябрь.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ,

МУЗЫКАЛЬНЫЙ

и

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„АРТИСТЪ.“

(Годъ 3).

№ 16.

МОСКВА.
Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко, Пименов. ул., соб. д.
1891.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. САМЪ У СЕБЯ ПОДЪ СТРАЖЕЙ, ком. въ 3-хъ д. **Д. Педро Кальдерона де ла Барка** перев. **С. А. Юрьева**. Дѣйствіе 2-е 1
II. САМОРОДОКЪ, повѣсть **И. Н. Потапенко** 8
III. ТЕХНИКА ДРАМЫ, **Г. Фрейтага**, перев. **В. М. Спасской** 23
IV. НЕ ТО, повѣсть **Д. Н. Мамина (Сибиряка)** (продолженіе) 31
V. ФРАНЦУЗСКАЯ ЖИВОПИСЬ, ст. **А. Ки—лева**. 42
VI. БРАКЪ ПО ЛЮБВИ, разсказъ **Л. Галеви**. 48
VII. ГАЛЛЕРЕЯ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ. **В. И. Суриковъ**, ст. **В. М. Михеева** (съ этюдами художника и его портретомъ). 61
VIII. ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ РУССКАГО СЦЕНИЧЕСКАГО ИСКУССТВА ст. **А. Н. Сиротинина** (съ портретомъ *Якова Шумскаго*) 68
IX. К. Ю. ДАВЫДОВЪ, КАКЪ ОСНОВАТЕЛЬ ШКОЛЫ, ст. **В. Гутора** . 89
X. СВѢТЛЯКЪ стих. **Д. С. Мережковскаго** 96
XI. Изъ оперы **А. Брюно** «ГРЕЗЫ» («LE RÊVE».) *Монологъ Жана*. . . . 97
XII. СЛЫШУ-ЛЬ ГОЛОСЪ ТВОЙ романсъ **А. К. Глазунова** 103
XIII. СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. (Москва. Малый театръ. *Жизнь Имлмова* ст. **И. И. Иванова**; *Осколки минувшаго*, ст. **И. И.**; Большой театръ. Возобновленіе *Марты*, ст. **С. Н. Кругликова**. Театръ г. Корша.. *Ученыя барыни* Мольера, ст. **И. И. Иванова**. *Силуэты, Бойкая барыня, Клубъ холостяковъ, Меблированныя комнаты Королева, Король и поэтъ*, ст. **Р. С. Т.** Театръ „Скоморохъ“. Открытіе, ст. **І. В.** С.-Петербургъ. Театрально-литературный комитетъ. Открытіе сезона. Г-жа Томсонъ въ „Цѣпяхъ“. Возобновленіе „Василисы Мелентьевой“, „Правда хорошо, а счастье лучше“, „Бѣшенныя деньги“, „Паутины“ и „Гамлета“, „Плоды просвѣщенія“, ст. **Г.**—Г. О. Дютшъ. Репертуаръ русской оперы. Предстоящій концертный сезонъ, ст. **Леля.**—И. А. Гончаровъ †) 105
XIV. БИБЛІОГРАФІЯ. (*Сочиненія М. Ю. Лермонтова* иллюстрированное изданіе Т-ва Кушнерева и К⁰ и П. К. Прянишникова.—L. Romain *Essais de critique musicale* Л. Вольфъ. *Музыкальный мотивъ, его развитіе и проведеніе.*—Я. Новеръ. *Торжественныя представленія въ Байрейтѣ.*—Ф. Пфоль. *Байрейтскія фанфары.* L. Palustre. *Album de l'exposition rétrospective de Tours.*—G. Milanesle. *Les correspondants de Michel Ange* —Hendschel. *Allerlei Skizzen.*—А. Додэ. *Портъ Тарасконъ*) 133
XV. ХРОНИКА (Москва.—Петербургъ.—Провинціальные театры.—Корреспонденціи изъ *Баку, Екатеринославля, Ельца, Житомира, Кіева, Костромы, Новороссійска, Новочеркасска, Одессы, Орла, Оренбурга, Рыбинска, Самары, Старой Руссы, Твери, Тифлиса, Харькова, и Шадринска.*—Славянскія художественныя извѣстія.—Заграничная хроника). 137

ПРИЛОЖЕНІЯ:

XVI. ВЪ НЕРАВНОЙ БОРЬБѢ, драма въ 4 д. **Владиміра А. Александрова**. 1
XVII. ОСКОЛКИ МИНУВШАГО, ком. въ 5 д. и 6 карт. (передѣлана изъ романа **Вс. Крестовскаго** (псевдонимъ) „*Въ ожиданіи лучшаго*“) **И. Н. Ге**. 18
XVIII. ЧЕСТЬ, ком. въ 4 д. **Г. Зудермана**, переводъ съ нѣмецкаго **Н. К.** . . 74
√ Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. (Драмы). . . (стр. 19—21)

XIX. „ПОМѢШАЛИ“, картина **В. Е. Маковскаго** . . . . фототипіи гг. Шереръ Набгольцъ и К⁰ въ Москвѣ.
XX. ВЪ ОЖИДАНІИ ШАФЕРА, карт. **И. М. Прянишникова**
XXI. П. А. СТРЕПЕТОВА въ роли Лизаветы („*Горькая судьбина*“) портретъ **И. Е. Рѣпина**, гравюра **г. Матэ**.
XXII. ПОРТРЕТЪ В. И. СУРИКОВА, автотипія Риффарта въ Берлинѣ.
XXIII. ПОРТРЕТЪ Г. ИБСЕНА, автотипія П. О. Яблонскаго въ С.-Петербургѣ.

Клише рисунковъ, виньетокъ и заставокъ фирмъ Баше въ Парижѣ, Риффарта въ Берлинѣ и П. О. Яблонскаго въ Петербургѣ.

Дозволено цензурою. Москва, сентябрь 1891 года.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ,

МУЗЫКАЛЬНЫЙ и ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„АРТИСТЪ.“

(Годъ 3).

№ 16.

1891 годъ. Октябрь.

МОСКВА.
Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименов. ул., соб. д.
1891.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. САМЪ У СЕБЯ ПОДЪ СТРАЖЕЙ, ком. въ 3-хъ д. **Д. Педро Кальдерона де ла Барка** перев. **С. А. Юрьева.** Дѣйствіе 2-е 1
II. САМОРОДОКЪ, повѣсть **И. Н. Потапенко** 8
III. ТЕХНИКА ДРАМЫ, **Г. Фрейтага**, перев. **В. М. Спасской** 23
IV. НЕ ТО, повѣсть **Д. Н. Мамина (Сибиряка)** (продолженіе) 31
V. ФРАНЦУЗСКАЯ ЖИВОПИСЬ, ст. **А. Ки—лева.** 42
VI. БРАКЪ ПО ЛЮБВИ, разсказъ **Л. Галеви.** 48
VII. ГАЛЛЕРЕЯ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ. **В. И. Суриковъ**, ст. **В. М. Михеева** (съ этюдами художника и его портретомъ). 61
VIII. ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ РУССКАГО СЦЕНИЧЕСКАГО ИСКУССТВА ст. **А. Н. Сиротинина** (съ портретомъ *Якова Шумскаго*) 68
IX. К. Ю. ДАВЫДОВЪ, КАКЪ ОСНОВАТЕЛЬ ШКОЛЫ, ст. **В. Гутора** . 89
X. СВѢТЛЯКЪ стих. **Д. С. Мережковскаго** 96
XI. Изъ оперы **А. Брюно** «ГРЕЗЫ» («LE RÊVE».) *Монологъ Жана.* . . . 97
XII. СЛЫШУ-ЛЬ ГОЛОСЪ ТВОЙ романсъ **А. К. Глазунова** 103
XIII. СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. (Москва. Малый театръ. *Жизнь Илимова* ст. **И. И. Иванова**; *Осколки минувшаго*, ст. **И. И.**; Большой театръ. Возобновленіе *Марты*, ст. **С. Н. Кругликова.** Театръ г. Корша.. *Ученыя барыни* Мольера, ст. **И. И. Иванова.** *Силуэты, Бойкая барыня, Клубъ холостяковъ, Меблированныя комнаты Королева, Король и поэтъ*, ст. **Р. С. Т.** Театръ „Скоморохъ“. Открытіе, ст. **І. В.** С.-Петербургъ. Театрально-литературный комитетъ. Открытіе сезона. Г-жа Томсонъ въ „Цѣпяхъ“. Возобновленіе „Василисы Мелентьевой“, „Правда хорошо, а счастье лучше“, „Бѣшенныя деньги“, „Паутины“ и „Гамлета“, „Плоды просвѣщенія“, ст. **Г.**—Г. О. Дютшъ. Репертуаръ русской оперы. Предстоящій концертный сезонъ, ст. **Леля.**—И. А. Гончаровъ †) 105
XIV. БИБЛІОГРАФІЯ. (*Сочиненія М. Ю. Лермонтова* иллюстрированное изданіе Т-ва Кушнерева и К° и П. К. Прянишникова.—L. Romain *Essais de critique musicale* Л. Вольфъ. *Музыкальный мотивъ, его развитіе и проведеніе.*—Я. Новеръ. *Торжественныя представленія въ Байрейтѣ.*—Ф. Шфодь. *Байрейтскія фанфары.* L. Palustre. *Album de l'exposition rétrospective de Tours.*—G. Milanesle. *Les correspondants de Michel Ange.*—Hendschel. *Allerlei Skizzen.*—А. Додэ. *Портъ Тарасконъ*) 133
XV. ХРОНИКА (Москва.—Петербургъ.—Провинціальные театры.—Корреспонденціи изъ *Баку, Екатеринославля, Ельца, Житомира, Кіева, Костромы, Новороссійска, Новочеркасска, Одессы, Орла, Оренбурга, Риги, Самары, Старой Руссы, Твери, Тифлиса, Харькова, и Шадринска.*—Славянскія художественныя извѣстія.—Заграничная хроника). 137

ПРИЛОЖЕНІЯ:

XVI. ВЪ НЕРАВНОЙ БОРЬБѢ, драма въ 4 д. **Владиміра А. Александрова.** 1
XVII. ОСКОЛКИ МИНУВШАГО, ком. въ 5 д. и 6 карт. (передѣлана изъ романа **Вс. Крестовскаго** (псевдонимъ) „*Въ ожиданіи лучшаго*“) **И. Н. Ге.** 18
XVIII. ЧЕСТЬ, ком. въ 4 д. **Г. Зудермана,** переводъ съ нѣмецкаго **Н. К.** . . 74
Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. (Драмы). . . (стр. 19—21)

XIX. „ПОМѢШАЛИ“, картина **В. Е. Маковскаго** . . . . } фототипіи гг. Шереръ Наб-
XX. ВЪ ОЖИДАНІИ ШАФЕРА, карт. **И. М. Прянишникова** } гольцъ и К° въ Москвѣ.
XXI. П. А. СТРЕПЕТОВА въ роли Лизаветы („*Горькая судьбина*“) портретъ **И. Е. Рѣпина,** гравюра **г. Матэ.**
XXII. ПОРТРЕТЪ В. И. СУРИКОВА, автотипія Риффарта въ Берлинѣ.
XXIII. ПОРТРЕТЪ Г. ИБСЕНА, автотипія П. О. Яблонскаго въ С.-Петербургѣ.
Клише рисунковъ, виньетокъ и заставокъ фирмъ Баше въ Парижѣ, Риффарта въ Берлинѣ и П. О. Яблонскаго въ Петербургѣ.

Дозволено цензурою. Москва, сентябрь 1891 года.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ виду выраженнаго нѣкоторыми изъ г. г. подписчиковъ желанія имѣть особо роскошные экземпляры нашего журнала,

печатаются, начиная съ **№ 15** (сентября 1891 г.),

СТО ОСОБЫХЪ (НУМЕРОВАННЫХЪ) ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ

журнала «Артистъ»

на веленевой бумагѣ.

Желающіе получать это изданіе платятъ за годъ безъ пересылки 16 руб., съ пересылкою 18 руб. Желающіе же получать это изданіе въ роскошныхъ переплетахъ платятъ 25 руб. безъ пересылки и 30 руб. съ пересылкою.

Начиная съ сентября 1891 года **учащіеся въ спеціальныхъ театральныхъ, музыкальныхъ и художественныхъ школахъ** пользуются правомъ подписки на журналъ «Артистъ» **по пониженной цѣнѣ** — 7 руб. безъ пересылки и 8 руб. съ пересылкою.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на сезонъ $189^{1}/_{2}$ года

на театральный, музыкальный и художественный журналъ

„АРТИСТЪ“

(годъ 3-й).

Журналъ выходитъ по той же программѣ и при томъ же составѣ сотрудниковъ.

Подписная цѣна за годъ (**7** книгъ) **9** руб., съ доставкой и пересылкой **10** рублей.

Допускается **разсрочка:** при подпискѣ **4** руб., послѣ полученія каждой изъ первыхъ 2 книжекъ по **2** р. и послѣ 3-й—остальныя деньги.

Отдѣльные №№. по 2 руб.

Подписка на 1891 годъ продолжается—

новые подписчики на 1891 г. получатъ всѣ №№ вышедшіе съ января 1891 года.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ **полные комплекты журнала за 1890 годъ** (№№ 5—11) продаются въ редакціи **по 9 р. за экзем., съ пересылкою по 11 руб 20 к.**, съ наложеннымъ платежомъ—**11 р. 40 к.** По такой же цѣнѣ продаются и **полные комплекты** журнала **за сезонъ $189^{0}/_{1}$ г.** (№№ 8—14).

За **распродажей всѣхъ экземпляровъ № 4**, продажа полныхъ комплектовъ 1-го сезона $18^{89}/_{90}$ года (№№ 1—7) прекращена. Лица желающія пріобрѣсти **1-й сезонъ $18^{89}/_{90}$ безъ № 4** (остальные шесть №№ 1—3 и 5—7) платятъ **7 р. 75 к. съ пересылкой 10 р.**, съ наложеннымъ платежомъ **10 р. 20 к.**

Лица, желающія пріобрѣсти **10 книгъ**, (№№ 5—14) платятъ **13 руб.**, **съ пересылкой 16 руб.**, съ наложеннымъ платежомъ **16 руб. 40 коп.**; желающіе же пріобрѣсти экз. **13** книгъ (№№ 1—3 и 5—14) платятъ **16 руб. 75 коп.**, съ пересылкою **21 руб.**, съ наложеннымъ платежомъ **21 руб. 50 коп.**

Подписка принимается и отдѣльные нумера продаются **въ конторѣ редакціи (Москва, Кудринская Садовая, д. Бартельсъ)**, въ отдѣленіяхъ конторы: въ кн. магазинахъ „Новаго Времени“ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ и Харьковѣ и въ конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи) и кромѣ того въ книжной лавкѣ московскаго Большаго театра и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ, музыкальныхъ и эстампныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ; въ Кіевѣ у г. Оглоблина; въ Казани у г. Дубровина; въ Костромѣ у г. Бекенева; въ Варшавѣ у г. Карбасникова; въ Орлѣ и Курскѣ у г. Кашкина. Иногородніе благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.

Самъ у себя подъ стражей.

Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ

Донъ Педро Кальдерона де ла Барка

приспособленная къ сценѣ **Сергѣемъ Юрьевымъ.**

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА 1-я.

Дворцовый садъ.

Входятъ **Маргерита и Серафима.**

Маргерита. Остановимся, милая Серафима. Я разскажу тебѣ все; здѣсь одни цвѣты услышатъ насъ. Они молчаливы, имъ можно довѣрить всякую тайну; они уже не разъ видѣли мои слезы, не разъ слышали мои вздохи; одинокая, я имъ разсказывала мои радости, мое горе. Поистинѣ велико наслажденіе кому нибудь разсказать о своихъ страданіяхъ, хотябы и нѣмымъ, безчувственнымъ растеніямъ и суровымъ скаламъ. Я обѣщалась тебѣ открыть тайну, слушай же: за нѣсколько дней до ужаснаго происшествія, которое наполнило мою душу такою горестію, дворецкій сказалъ мнѣ: Если вашему высочеству будетъ угодно полюбоваться самыми рѣдкими вещами, брилліантами и другими драгоцѣнностями, такъ изящно сдѣланными, что они способны удовлетворить самое смѣлое воображеніе, я знаю одного брилліантщика, иностранца, который теперь въ Неаполѣ и желаетъ предложить свои сокровища высокимъ принцамъ, собравшимся на наши празднества. Я заинтересовалась этимъ и приказала привести брилліантщика ко мнѣ. Ахъ, если бы я никогда его не видала! Его очаровательный образъ не проникъ-бы въ мою душу, я не страдала бы такою неизъяснимою сердечною болью, и не чувствовала такой странной горести... Ты удивляешься, что простой ремесленникъ могъ овладѣть моей душой. Не удивляйся, Серафима. Подъ смиренною одеждою брилліантщика скрывался принцъ Фредерикъ!.. О, это искусство такъ благородно, что заниматься имъ не унизительно ни принцамъ, ни королямъ... Я продолжаю: среди множества самыхъ рѣдкихъ вещей онъ мнѣ показалъ одинъ медальонъ, усыпанный драгоцѣнными камнями, до того богатый, до того изящно сдѣланный, что онъ превосходитъ всякое воображеніе. Этотъ медальонъ ни что иное, какъ великолѣпно обдѣланный портретъ... Отгадай, чей? Отгадай кого я увидѣла? Себя! Да, я увидѣла себя, и этотъ портретъ, Серафима, такъ похожъ на меня, что въ первую минуту я не могла разобрать, что передо мною: портретъ или я сама? Точно моя душа переселилась въ портретъ; да, она перешла изъ меня въ него. Серафима, я потеряла мою душу, и брилліантщикъ унесъ ее съ собой. Я спросила прекраснаго купца, для чего онъ такъ украсилъ мой портретъ? Смутясь и избѣгая моихъ взоровъ, онъ отвѣтилъ: этотъ медальонъ сдѣланъ по заказу принца Фредерика, которому было угодно носить его на своей груди. Слава объ вашей красотѣ достигла до него, онъ влюбился въ васъ по однимъ разсказамъ, и приказалъ мнѣ добыть вашъ портретъ и вдѣлать въ этотъ медальонъ. Едва онъ увидѣлъ ваши черты, такъ вѣрно переданныя живописцемъ, онъ воскликнулъ: О, небесный ангелъ, отъ котораго жестокая судьба меня на вѣки отлучила, ты, можетъ быть, наслѣдовалъ ненависть твоего отца къ нашей семьѣ... Да, я не сѣю, дивный небожитель, любить даже и

твою тѣнь, не смѣю оскорблять твоей святыни тайнымъ созерцаніемъ твоего портрета; онъ не долженъ касаться моей груди, но я не хочу, чтобы кромѣ твоей чья нибудь иная смертная рука касалась твоего божественнаго образа; ты одна достойна обладать имъ! Иди, сказалъ онъ мнѣ, отнеси ей этотъ портретъ. Пусть онъ возвратится къ ней, какъ волны рѣки къ родному морю, какъ пламя къ солнцу. Тогда, принцесса, я взялъ на себя передать вамъ этотъ портретъ, хотя бы мнѣ это стоило жизни. Вотъ онъ!... Онъ сказалъ это, отдалъ мнѣ портретъ и, не ожидая отвѣта, скрылся. Нѣсколько времени я стояла какъ обезумленная, ничего не понимая. Потомъ я стала разсматривать медальонъ и замѣтила, что онъ двойной, и открыла его, и знаешь-ли, что я увидѣла?! Другой портретъ — портретъ принца Фредерика. И что-же, брилліантщикъ былъ самъ принцъ! Такое неожиданное открытіе, такое удивительное объясненіе въ любви перемѣшало всѣ мои мысли. Я не стану тебѣ разсказывать всѣхъ безумныхъ мечтаній, которыя закружились, какъ вихрь, въ моей головѣ. Къ чему?.. Мои надежды измѣнили мнѣ, все счастье исчезло какъ сонъ. Я полюбила, и полюбила безнадежно. Эти цвѣты знаютъ объ этомъ; они слышали мои вздохи, мои стенанія, когда я одна бродила ночью въ этихъ уединенныхъ аллеяхъ. Они также слышали вздохи и стенанія Фредерика; онъ ночью приходилъ къ моему балкону и высказывалъ свою любовь! Ты знаешь теперь, кто былъ таинственный рыцарь турнира и какое чувство вдохнуло въ него такую дерзкую рѣшимость... Молю небо, чтобы солдаты моего отца не нашли принца Фредерика. Если только его приведутъ, отецъ мой выместитъ на немъ всѣ несчастныя войны свои съ королемъ Сициліи, а я умру, потому что все существо мое неразрывно соединено съ принцемъ! И живу я только потому, что Фредерикъ живъ, и умру въ одно мгновеніе съ нимъ.

Серафима. Благодарю васъ, синьора, за то, что вы довѣрили мнѣ вашу тайну, но скажите, какъ съумѣли вы такъ долго скрывать вашу любовь?

Маргерита. О! мы, женщины, умѣемъ, когда захотимъ, глубоко хоронить наши тайны.

Серафима. Его величество изволитъ приближаться.

Маргерита. Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы отецъ освободилъ Роберта!

Входятъ **Король и придворные.**

Король. Что, Маргерита? Что твоя грусть? Ты ни на одну секунду не развеселишься?

Маргерита. Я сейчасъ говорила Серафимѣ, что ни горе, ни тоска не оставляютъ меня никогда.

Король. Да, Серафима самый вѣрный человѣкъ.

Маргерита. Она вамъ разскажетъ, какъ сильно я тоскую.

Серафима. Больше тосковать нельзя.

Король *(Серафимѣ).* А открыла ли она тебѣ причину своего горя?

Серафима. Нѣтъ, государь, но, судя по словамъ ея высочества, есть средство облегчить ея печаль.

Король. Въ самомъ дѣлѣ?!

Серафима. Стоитъ только поймать того, кто убилъ синьора Педро.

Король. Такъ веселитесь же, принцесса, я твердо увѣренъ, что онъ скоро будетъ въ моихъ рукахъ.

Маргерита. Я вамъ скажу, какъ вы можете его добыть; ничего нѣтъ легче,— прикажите сейчасъ-же освободить его слугу, тѣмъ болѣе, что вся его вина— вѣрность своему господину. Потомъ, ваше величество, прикажите зорко слѣдить за нимъ; навѣрно онъ пойдетъ къ принцу, и мы такимъ образомъ тотчасъ узнаемъ гдѣ Фредерикъ.

Король. А, какая славная мысль! Сейчасъ-же, сейчасъ привести ко мнѣ плѣнника.

Маргарита. Не теряйте ни минуты. *(Одинъ придворный уходитъ.)*

Генералъ *(входя).* Спѣшу къ стопамъ вашего величества.

Король. Что такое?... Что случилось?

Генералъ. Желанія вашего величества исполнены.

Король. Что ты! Ну какъ-же? какъ?

Генералъ. Я отправился съ частью вашей гвардіи на поиски за злодѣемъ; узнавъ, что онъ скрылся въ одномъ дремучемъ лѣсу, я двинулся туда и вдругъ увидѣлъ его подъ скалой; онъ былъ печаленъ и стоялъ въ глубокомъ раздумьѣ. Надо вамъ доложить при этомъ, что у него пала лошадь, должно полагать, отъ излишней усталости. Заслышавъ насъ, онъ быстро повернулся и такъ рѣшительно и страшно на насъ взглянулъ, что я навѣрно полагалъ, что насъ онъ изрубитъ въ куски. Однако, вслѣдствіе принятыхъ нами мѣръ и нашего мужества, мы все-таки имъ овладѣли. Только онъ ни за что не хочетъ сознаться, что онъ принцъ Фредерикъ: упорно твердитъ, что онъ простой мужикъ, и судя по тому, что онъ говоритъ, мнѣ кажется, что онъ хочетъ притвориться дуракомъ.

Король. А! Да что тутъ толковать! Чѣмъ бы онъ тамъ ни называлъ себя, мужикомъ или принцемъ — все равно. Дуракъ-ли онъ, или нѣтъ — намъ какое дѣло? Съ насъ довольно и того, что измѣнникъ и злодѣй у насъ въ рукахъ. Привести его. *(Генералъ уходитъ.)*

Маргерита. О небо! Сжалься надо мною! Смерть, прекрати мои страданія! Я не могу... не могу скрыть такихъ мученій; вздохи невольно вырываются изъ моей груди, невольно те-

кутъ слезы изъ глазъ моихъ... Боже, защити меня!

Король. Что это такое? Что съ тобою, дочь моя?

Маргерита. Я чувствую, что я въ одно и то же время и горю и леденѣю; невыносимая боль раздираетъ мою грудь и душитъ меня. Сжалься надо мной, милосердное небо! Прекрати мои мученія! *(Уходитъ.)*

Король. Серафима, что это такое? Злодѣй въ нашихъ рукахъ, а она въ отчаяніи? Принцесса тебѣ довѣрилась, что же ты думаешь о такомъ странномъ ея состояніи?

Серафима. Я знаю, что, отвѣчая, я выдамъ тайну ея высочества; но рѣшаюсь на это для ея же спасенія. И такъ знайте, государь, что принцесса въ отчаяніи оттого, что принцъ Фредерикъ пойманъ. *(Король въ изумленіи).* Одно слово объяснитъ вамъ все: принцесса Маргерита и принцъ Фредерикъ любятъ другъ друга! Мысль, что принцъ пойманъ теперь и погибнетъ, навѣрно убьетъ принцессу.

Король. Что ты? Вотъ что я узналъ!.. Ну, такъ я теперь буду дѣйствовать совершенно иначе. Мудрый человѣкъ соображается съ обстоятельствами. Умѣренность и кротость будутъ руководить мною. *(Входитъ Роберто.)*

Роберто. Припадаю къ стопамъ вашимъ, государь. Я вѣрно служилъ моему господину и не имѣлъ намѣренія нанести оскорбленія вашему величеству. Смиренно ожидаю теперь смертнаго приговора себѣ.

Король. Нѣтъ, Роберто, встань, ты свободенъ. Вѣрность твоя заслуживаетъ не казни, а великой награды. Милосердное небо услышало мою молитву. Нашли твоего господина и видишь его ведутъ плѣнникомъ.

Роберто *(въ сторону).* Боже! возможно-ли это?! Значитъ, кто-нибудь узналъ его и предалъ.

(Входятъ **генералъ, солдаты** *и* **Бенито,** *одѣтый въ найденные имъ рыцарскіе доспѣхи.)*

Генералъ. Государь, предъ вами принцъ Фредерикъ, знаменитый сынъ короля Сициліи.

Бенито. Что вамъ тутъ мерещится? Не разберешь, что это. Какая-то дьявольщина!... Я принцъ?... Я сынъ Цецилiи?... Да что же это?... Бѣлены что-ли объѣлись они?... Въ чью это башку пришло передѣлать меня въ принца?... Куда это я попалъ?

Король *(въ сторону).* Какое положеніе? Не знаю, что дѣлать... Съ одной стороны мое сердце пылаетъ справедливымъ гнѣвомъ и требуетъ казни измѣннику, съ другой любовь моя къ Маргеритѣ принуждаетъ быть кроткимъ. Что тутъ дѣлать? Престранное какое-то, невыносимое положеніе! Какъ трудно управлять людьми и быть рѣшителемъ ихъ судьбы! Какъ трудно, Господи Боже мой! *(Вслухъ.)* Ваше высочество, вы теперь въ моей власти, и вѣроятно полагаете, что я сейчасъ обрушу на вашу голову страшное мщеніе за всѣ оскорбленія, которыя вы и вашъ братъ нанесли мнѣ. Вы жестоко ошибаетесь; вы не знаете моихъ чувствъ, не знаете, что въ сердцѣ моемъ болѣе кротости и милосердія, чѣмъ можно ожидать. Во всякомъ случаѣ вы мой плѣнникъ.

Бенито. Я-то? Да скажите, Бога ради, что я вамъ такое сдѣлалъ?... Развѣ вотъ что нарядился такъ, или что выпулъ изъ-подъ куста все это?... Отчего-же мнѣ не взять того, что я нашелъ?... Точно грибъ оно тамъ выросло подъ деревомъ.

Король. Ваше высочество не обманете насъ; напрасно притворяетесь то грубымъ мужикомъ, то сумасшедшимъ; какъ бы ни были густы туманы, имъ никогда не скрыть солнца, и сквозь нихъ оно ясно видно. Положитесь на меня, ваше высочество, я постараюсь заставить васъ позабыть, что такъ жестоко поступила съ вами злая фортуна.

Бенито. Что?... Какъ?... Такъ это фортуна подсидѣла меня? Гдѣ-же она, эта проклятая колдунья?... Гдѣ она?... Въ жизнь свою такого имени не слыхивалъ!... Скажите-же, гдѣ она?... Голова идетъ кругомъ! Э, да прахъ васъ возьми, снимите съ меня скорѣе все это и отдайте мнѣ мою одежду! Да нѣтъ... Я божусь вамъ, у васъ у всѣхъ глаза отведены!... Совсѣмъ я не принцъ и не бывалъ никогда принцемъ, и въ глаза не видывалъ никакой Цецилiи.

Роберто *(въ сторону).* Ясно, что тутъ всѣ обманулись... постараюсь утвердить ихъ въ ошибкѣ. Это дастъ возможность принцу удобнѣе скрываться и бѣжать отсюда, и его не будутъ преслѣдовать! *(Вслухъ Бенито.)* Ваше высочество, позвольте мнѣ обнять ваши колѣна. Даже въ присутствіи его величества неаполитанскаго короля не могу удержаться отъ желанія выразить вамъ, принцъ, мою вѣрноподданническую вѣрность и любовь.

Бенито. Вонъ оно что!... Чудакъ, право!... Что это тебѣ вздумалось цѣловать мои ноги?... Я, братъ, этого не люблю, да и тебѣ-то что за охота?

Роберто. И для чего скрываться теперь вашему высочеству? Васъ всѣ узнали.

1-й солдатъ. Да, всѣ васъ знаютъ.

Капитанъ. Всѣ мы знаемъ, что вы принцъ Фредерикъ, наслѣдникъ Сициліи.

Бенито. Такъ это и ты, и ты, и ты, и вы, и всѣ вы одно говорите?

Роберто. Конечно, принцъ.

Бенито. Ну такъ знайте-жъ: всѣ вы лжете. Клянусь, сколько ни знаю женщинъ, ни одной не зовутъ Цецилiей. Развѣ вотъ что! Кажется, у пастуха сосѣдней деревни есть дочь Цецилiя. Да вѣдь та мнѣ не мать,—какой-же я ей наслѣдникъ! Говорю вамъ по чистой совѣсти!

Роберто. И вы все продолжаете притворяться? Вы этимъ обижаете меня, вашего вѣрнаго слугу, съ вѣрностью котораго не сравниться и вѣрность слуги Энея, Ахиѳія.

Бенито. Что онъ мнѣ еще говоритъ тутъ? Чортъ знаетъ, что это такое, въ головѣ у меня вертятся тысячи колесъ. *(Говоритъ Роберто.)* Да чортъ-же тебя возьми, ты демонъ или человѣкъ?... Скажи ты мнѣ на милость, чего тебѣ отъ меня нужно?

Роберто *(королю)*. Ваше величество! Мой господинъ, принцъ Фредерикъ, необыкновенно упрямъ. Его упрямство равняется его храбрости, и если что онъ разъ взялъ себѣ въ голову...

Король *(прерываетъ Роберто)*. Отведите его поскорѣе въ башню Бельфлоръ. Я передаю его принцессѣ Еленѣ. Только слушайте: я хочу, чтобъ она поступила съ нимъ кротко. Я не желаю, чтобъ его пребываніе въ Бельфлорѣ было похоже на тюремное заключеніе, и требую, чтобы къ принцу Фредерику были внимательны и почтительны. Понимаете? (*Тихо Роберто.*) Я совсѣмъ такъ поступаю, какъ будто бы мой врагъ былъ моимъ зятемъ.

Роберто. Что тутъ удивительнаго, ваше величество, врагъ можетъ сдѣлаться зятемъ, а зять врагомъ.

Король. А вотъ что еще пришло мнѣ въ голову: заключите въ башню вмѣстѣ съ принцемъ и Роберто. Это будетъ пріятно его высочеству. Скажите-же Еленѣ, что я прошу ее обращаться съ принцемъ и почтительно и кротко. Я постараюсь вознаградить ее за все. *(Въ сторону.)* И все это я дѣлаю ради моей Маргериты... О женщины, какъ вы всесильны! Ваши фантазіи способны перевернуть всѣ планы мужчинъ.

Генералъ *(къ Бенито)*. Ваше высочество, не угодно-ли вамъ идти и отдохнуть.

Бенито *(въ сторону)*. Вотъ и еще дуракъ! *(Всмухъ.)* Ну да, да: буду ходить, отдыхать... буду дѣлать все, что хотите, только не приставайте ко мнѣ.

Роберто. Ваше высочество, съ вами будетъ вашъ Роберто.

Бенито. А вотъ еще другой!... Да чортъ тебя возьми, ужъ ты не Робертъ-ли дьяволъ... И какъ это они всѣ согласились!... Всѣ говорятъ одно... Да ужъ и впрямь, нѣтъ-ли тутъ правды?... Ну да, что тутъ думать, все-таки не дурно, если я въ самомъ дѣлѣ принцъ; я даже не прочь быть сыномъ и наслѣдникомъ какой-то Цециліи, коли она богата. Пусть будетъ, что будетъ. *(Всѣ уходятъ.)*

СЦЕНА 2-я.

Лѣсъ.

Входятъ **Антонія и три крестьянина.**

Антонія. Оставь меня, Белярдо. Какъ мнѣ не плакать?... Нечѣмъ утѣшиться!

1-й крестьянинъ. Такъ ужъ, будто, и нечѣмъ?

Антонія. Нечѣмъ.

2-й крестьянинъ. Такъ что-жъ, по твоему умирать, что-ли, надо?

Антонія. Да, умирать. Онъ мнѣ сказалъ: «Голубушка Антонія, какъ ты воротишься въ лѣсъ, найдешь меня на томъ-же самомъ мѣстѣ, и узнаешь на дѣлѣ мою любовь». Прихожу, а его тамъ нѣтъ.

1-й крестьянинъ. Вѣрно, звѣрье его поѣло.

2-й крестьянинъ. Должно быть, волки.

Антонія. Навѣрно такъ. Конечно съѣли... Бѣдный Бенито былъ такъ вкусенъ! Каково это: съѣли?!.. Зачѣмъ вы такъ говорите! Ужъ больно мнѣ это тяжело. (*Всѣ уходятъ.*)

Входятъ: **Елена и Фредерикъ.**

Фредерикъ. Какъ мнѣ высказать вамъ мою благодарность за такое благосклонное вниманіе ко мнѣ! Мнѣ остается только гордиться имъ.

Елена. Вы достойны большаго.

Фредерикъ. Нѣтъ, синьора, я не достоинъ цѣловать слѣды вашихъ ногъ.. Что значу я?.. Съ этой минуты я не могу жаловаться на мою участь. Одинокій, блуждая въ лѣсу, я проклиналъ мою судьбу, а теперь вижу, что она даритъ меня такимъ счастьемъ, какимъ только награждаетъ своихъ любимцевъ. Благословляю небо за мои бѣдствія; они привели меня къ великому блаженству.

Елена (*въ сторону*). Подумаешь, какъ будто онъ знаетъ то, что сводитъ меня съ ума, и раздѣляетъ со мною мое безумство. Пока онъ самъ не откроется во всемъ, о, сердце, скрывай твои чувства. (*Вслухъ.*) Судя по вашимъ словамъ, синьоръ, можно бы подумать, что я васъ сдѣлала владыкой неба и земли, а я васъ только поставила начальникомъ надъ моимъ замкомъ. Кажется, тутъ не за что такъ сильно благодарить.

Фредерикъ. Не знаю, какъ говорить съ вами, синьора!.. Право, вы смущаете меня!.. Когда я благодарю васъ скромно и холодно, вы какъ будто подозрѣваете меня въ неблагодарности, а когда я вамъ высказываю мою признательность вполнѣ такъ, какъ ее чувствуетъ мое сердце, вы оскорбляетесь!.. Я рѣшительно васъ не понимаю. Безъ сомнѣнія, синьора, міръ наполненъ неблагодарными, и невольно удивляешься когда встрѣтишь признательность въ комъ-нибудь. Если вамъ угодно, я не буду высказывать моихъ чувствъ.

Елена. Ахъ нѣтъ, нѣтъ, я не этого хочу.

Фредерикъ. Что-же вамъ угодно?

Елена. Я желаю ни неблагодарности, ни благодарности... я желаю чего-то... не умѣю выразить... Чего-то, что равно далеко отъ обѣихъ этихъ крайностей.

Фредерикъ. По истинѣ, я не понимаю васъ.

Елена. Не мудрено: я сама себя не понимаю.

(Входитъ **Генералъ.)**

Генералъ. Припадаю къ вашимъ стопамъ, принцесса.

Елена. Что вамъ угодно, генералъ?

Генералъ. Я принесъ вамъ новость, которая васъ обрадуетъ. Мы знаемъ все... мы знаемъ кто убійца синьора Педро де Сфорца.

Фредерикъ. Господи! Я погибъ.

Елена. А! Вы возобновляете мое страданіе... Говорите, говорите, кто этотъ злодѣй?

Генералъ. Фредерикъ, наслѣдный принцъ Сициліи.

Фредерикъ *(въ сторону).* О, если узпаютъ, что Фредерикъ—я! Что дѣлать?

Генералъ. Истина рано или поздно должна открыться.

Фредерикъ (*въ сторону*). Бѣжать, или защищаться?...

Генералъ. Ваше высочество, кто у васъ начальникомъ этого замка?

Фредерикъ. Жребій брошенъ (*Вслухъ.*) Я, да, я. Я никогда не откажусь отъ самого себя. Теперь вы меня знаете, чего-же вы хотите отъ меня?

Генералъ. Я хочу переговорить съ вами наединѣ.

Фредерикъ. Говорите здѣсь. Со мной мой мечъ, я готовъ вамъ отвѣчать.

Генералъ. Вашъ мечъ? Для кого? Противъ кого?

Фредерикъ. Не начальника-ли этого замка вы ищете; не сказали-ли вы, что принцъ Фредерикъ узнанъ? Такъ что-жъ,—тотъ, кого вы ищете, передъ вами.

Генералъ. Не понимаю вашего вызова, потому что не понимаю васъ. Изъ-за чего вы такъ горячитесь?

Фредерикъ. Развѣ не сказали вы, что меня ищете?

Генералъ. Да для того, чтобы посадить въ тюрьму...

Фредерикъ *(перебивая его).* Нѣтъ, нѣтъ, лучше тысячу разъ умереть!

Генералъ *(въ сторону).* Что за странный человѣкъ! (*Вслухъ.*) Дайте мнѣ сказать, и вы узнаете, чего я хочу.

Фредерикъ. Говорите.

Генералъ. Такъ слушайте-же смирно. Въ лѣсу я взялъ въ плѣнъ принца Фредерика. По повелѣнію короля вы должны его заключить въ одну изъ башень этого замка, и крѣпко стеречь его, чтобы онъ не ушелъ.

Фредерикъ. Очень радъ, прекрасно... Синьоръ, вы были такъ взволнованы, когда пришли сюда... Вы спросили обо мнѣ... Я не зналъ, на что подумать, а потому и самъ невольно взволновался.

Елена. Что слышу? Фредерикъ схваченъ!

Генералъ. Точно такъ, ваше высочество; его величество король передаетъ вамъ принца Фредерика и проситъ васъ заключить его въ одну изъ вашихъ башень, и содержать подъ крѣпкой стражей. Я привезъ его въ закрытой каретѣ, такъ чтобы никто не могъ его видѣть. Мы опасались, чтобы народъ, который всегда благоговѣетъ передъ высокой доблестью и мужествомъ, не принялъ его стороны, и не освободилъ его. Пойдемте со мной, синьоръ начальникъ замка, я вамъ сдамъ арестанта съ рукъ на руки, и вы мнѣ дадите клятву, что онъ отъ васъ не уйдетъ. Также вы поклянитесь мнѣ, что сохраните его невредимымъ. Такова воля короля.

Фредерикъ. Эту клятву я дамъ сейчасъ-же, здѣсь. Клянусь моей честью и даю вамъ мое ненарушимое слово, что буду стеречь принца Фредерика, буду беречь его такъ-же старательно, такъ-же ревностно, такъ-же неусыпно, какъ самого себя. Онъ будетъ охраненъ такъ, какъ бы жизнь принца Фредерика была моею. Клянусь, я ни на минуту не разстанусь съ принцемъ Фредерикомъ!

Генералъ. Принимаю вашу клятву. Пойдемъ-же скорѣе; я боюсь, чтобъ кто-нибудь его не увидѣлъ. Вы, принцесса, одна можете его видѣть; вашъ взглядъ—смертный приговоръ для него.

Елена. Еслибы весь ядъ моего гнѣва могъ перейти изъ сердца въ глаза и на уста мои, я бы пошла къ нему, чтобы видѣть его, говорить съ нимъ, и однимъ взглядомъ смутить злодѣя, однимъ словомъ убить его. Господинъ начальникъ замка, вамъ повѣряю я этого арестанта. Я увѣрена въ вашей честности. Въ вашихъ рукахъ теперь мое мщеніе и моя честь.

Фредерикъ. Будьте покойны, ваше высочество, принца Фредерика я не отпущу отъ себя.

Генералъ. Пойдемте.

Фредерикъ *(въ сторону).* Престранное, презатруднительное положеніе... меня любитъ та, которая ненавидитъ; сверхъ того я начальникъ собственной моей тюрьмы, самъ себя держу подъ стражей.

(**Фредеринъ и Генералъ** *уходятъ.*)

(*Входятъ* **Маргерита и Серафима**).

Маргерита. Вы не ожидали, Елена, такого посѣщенія?

Елена. Нѣтъ, прекрасная принцесса, ваше прибытіе восхищаетъ меня и доставляетъ мнѣ великую честь. Куда вы ѣдете?

Маргерита. Я желала видѣть васъ, Елена.

Елена. Не знаю, какъ благодарить васъ за такую честь.

Маргерита. Говорятъ, что мѣстоположеніе вашего замка очаровательно, что оно даже способно исцѣлить всякую грусть. Вотъ поэтому и прислали меня сюда. Я грущу! Елена, вы узнаете причину, когда я вамъ выскажу мою тоску.

Елена. Я буду гордиться вашею откровенностью. Не любовь-ли причина вашихъ страданій?

Маргерита. Да, частью и любовь была причиной!

Елена. Была? А теперь?

Маргерита. Теперь не знаю, чему приписать мою тоску... много ей причинъ!.. Вы догадаетесь, узнавъ мое горе.

Елена. Разскажите, прошу васъ. Я съ моей стороны повѣрю вамъ тайну моего сердца. Я люблю, но участь моей любви противоположна вашей. Ваша любовь вмѣстѣ съ предметомъ ея уже умерла; моя еще только началась. Однако, сядемъ на этотъ пригорокъ. Деревья защитятъ насъ отъ солнца, а трава, усѣянная цвѣтами, будетъ душистымъ ковромъ. Это мѣсто какъ нельзя болѣе удобно для разсказовъ о любви.

Маргерита. Нѣтъ, нѣтъ, не теперь, послѣ, послѣ. Я хочу попросить васъ объ одномъ дѣлѣ.

Елена. Располагайте мною.

Маргерита. Мнѣ очень хочется видѣть принца, который заключенъ въ вашемъ замкѣ.

Елена. Развѣ нужно вашему высочеству чье-нибудь позволеніе на это? Какъ наслѣдница неаполитанскаго престола, вы имѣете всюду свободный входъ.

Маргерита (*продолжая прежнюю рѣчь*). И вы послѣ узнаете, почему я желаю его видѣть.

Елена. Довольно того, что вы желаете; ваша воля для меня священна. Я сейчасъ прикажу отворить двери башни, въ которой заключенъ принцъ.

Маргерита *(въ сторону).* Послѣ свиданія съ нимъ я до ночи останусь въ этомъ лѣсу, и буду охотиться. Пусть думаютъ, что я только для охоты сюда пріѣхала. (*Вслухъ.*) О! Елена, благодарю васъ; вы видите—моя тоска уже исчезла, и слезы остановились; я просто счастлива. Благодарю васъ, вы мнѣ снова дали жизнь! Прощайте. (*Уходитъ.*)

Елена. Боже мой, чтобы это значило?... Почему она меня такъ сильно благодаритъ?... Я разгадаю эту тайну.

(*Входитъ* **Фредерикъ**).

Фредерикъ. Синьора, принцъ запертъ въ башнѣ.

Елена. Подите сюда на два слова. Послушайте, я жду отъ васъ важной услуги.

Фредерикъ. Исполню все, что вамъ угодно.

Елена. Инфанта Маргерита здѣсь подъ предлогомъ охоты въ лѣсу; на самомъ же дѣлѣ она желаетъ видѣться съ принцемъ. Подъ этимъ вѣроятно скрывается любовь, и я желаю узнать все.—Вы скажете, что такое любопытство безумно, но я женщина... И такъ, вотъ объ чемъ я васъ прошу: спрячьтесь такимъ образомъ, чтобъ вы могли все слышать... Не пророните, не забудьте ни одного изъ ихъ словъ.

Фредерикъ. Будьте покойны, я замѣчу и передамъ вамъ все въ совершенной точности.

Елена. Я хочу узнать, что за сношенія у нея съ убійцей жениха. Неужели она его любитъ?... Тутъ идетъ дѣло о моей жизни и чести (*уходитъ*).

Фредерикъ. Каково мое положеніе!... Что за странное приключеніе со мной! Иногда право мнѣ представляется, что все это сонъ... Кто могъ подумать, что такъ постоянна въ любви принцесса Маргерита! Видя это, можно-ли обвинять женщинъ въ непостоянствѣ... Вы, злые, легкомысленные клеветники женщинъ,— вашъ проклятый языкъ осмѣливается позорить ихъ, называя легкими, вѣтренными созданіями,— придите сюда, посмотрите на любовь Маргериты и сознайтесь въ вашей лжи!... Я желаю теперь испытать, до какого самоотверженія дойдетъ ея любящее сердце. Она думаетъ, что я арестантъ, такъ пусть-же и найдетъ меня въ тюрьмѣ. Посмотримъ, какіе у нея планы, на что въ состояніи она рѣшиться. Ну, Фредерикъ, пойдемъ подъ арестъ. (*Уходитъ*).

СЦЕНА 3-я.

Комната въ башнѣ.

Входитъ **Фредерикъ и Роберто.**

Роберто. Наконецъ я могу васъ видѣть одного, и говорить съ вами.

Фредерикъ. Что ты дѣлаешь тутъ?

Роберто. Да все вотъ съ этимъ дикимъ животнымъ вожусь. Я глупѣе его ничего не видалъ. Говоритъ, что все это онъ видитъ во снѣ.

Фредерикъ. Пожалуй, онъ и правъ.

Роберто. А все-таки дошелъ до того, что иногда воображаетъ себя принцемъ. Каково? Эта чушка воображаетъ себя принцемъ.

Фредерикъ. Что-жъ, Роберто! И всѣ наши титулы, все наше величіе не воображеніе-ли? Не зависитъ-ли все отъ того, какими глазами другіе на насъ смотрятъ, отъ ихъ мнѣнія о насъ? Пусть вообразятъ, что я не принцъ, и тотчасъ я сдѣлаюсь простымъ смертнымъ.

Роберто. И вѣдь онъ еще осмѣливается повелѣвать мною. Хорошо-же, при всѣхъ я буду ему повиноваться, а наединѣ я ему докажу дружбу; попляшетъ онъ по моей дудкѣ.

Фредерикъ. Оставимъ это.

Роберто. Я покажу ему, какъ командовать мной.

Фредерикъ. Что дѣлаетъ онъ теперь?

Роберто. Храпитъ за четверыхъ, хотѣлъ ложиться на приготовленную для него постель, да увидалъ, что она черезчуръ роскошна и красива, и не посмѣлъ до нея дотронуться, улегся на полу.

Фредерикъ. Зачѣмъ-же ты не заставилъ его лечь на постели?

Роберто. Я сдѣлалъ лучше.

Фредерикъ. А что?

Роберто. Самъ на нее легъ.

Фредерикъ. Очень радъ, что онъ теперь спитъ крѣпко. Послушай, Роберто, Маргерита придетъ сюда для свиданія со мной. Она воображаетъ, что арестантъ—я, и мнѣ нужно нѣсколько времени оставить ее въ этомъ убѣжденіи. Кажется, стучатъ.

Роберто. Такъ точно.

Фредерикъ. Такъ поди и стопри. (*Фредерикъ отходитъ и садится спиной къ двери*).

(*Входитъ* **Маргерита**).

Роберто. Что угодно вамъ, синьора?

Маргерита. Принцесса Елена позволила мнѣ войти сюда.

Роберто. Начальникъ тюрьмы приказалъ мнѣ впускать всякаго, кто придетъ отъ имени принцессы Елены.

Маргерита. Какъ, это ты, Роберто?

Роберто. Какъ, это вы, ваше высочество? Какъ рѣшились вы придти сюда.

Маргерита. Неодолимое чувство привлекло меня сюда. Что твой господинъ?

Роберто. Вонъ онъ тамъ, все вотъ такъ сидитъ въ углу. Такой печали я и не видывалъ. Я боюсь, чтобы онъ не умеръ отъ тоски. Вотъ развѣ ваше свѣтлое посѣщеніе пролетъ радость въ его сердце.

Маргерита. Фредерикъ!

Фредерикъ. Чей это сладостный голосъ зоветъ меня, и овладѣваетъ всѣмъ моимъ существомъ?... Что вижу? Не игра-ли воображенія? Видно насталъ конецъ моей жизни, и часъ моей смерти пробилъ, когда передъ очами возстаютъ такіе образы, воплощеніе моихъ сокровенныхъ мыслей!... Не звѣзда-ли это сорвалась съ неба и прилеслась ко мнѣ затѣмъ, чтобъ освѣтить мракъ моей темницы?... Но все равно, звѣзда-ли вы небесная, обманчивый-ли образъ, равно вы мнѣ дороги, равно вы сладостны и очамъ и сердцу. И если это видѣніе — предвѣстникъ смерти, такъ смерть желанна и любезна; ея предтеча такъ прекрасенъ.

Маргерита. Фредерикъ, не видѣніе предъ тобой—я принцесса Маргерита. Женщины, такія какъ я, полюбивъ разъ, не забываютъ никогда того, кого полюбили. Пока я не полюбила тебя, приличія были для меня святыней, и я всего боялась, вездѣ видѣла опасность; но теперь, отдавъ тебѣ мое сердце, я разрываю оковы этихъ приличій, топчу ихъ, смѣюсь надъ ними; готова на все, и съ тобой иду, хотя-бы на смерть и поруганіе. Я знаю: твоя лошадь погибла, тебя схватили въ горахъ, ты плѣнникъ; король въ гнѣвѣ на тебя, смерть виситъ надъ тобой... Но, если хочешь, ты спасенъ; пара осѣдланныхъ лошадей ждетъ насъ у воротъ замка; оружіе и деньги—все готово. Бѣги со мной отсюда!

Фредерикъ. При такихъ рѣчахъ комедія неумѣстна; я долженъ тебѣ разсказать всю правду! Я не плѣнникъ, я свободенъ. Ты услышишь сейчасъ самое необыкновенное происшествіе, такое, что, если представить на театрѣ, всѣ зрители удивятся. Правда, моя лошадь обрушилась со скалы и убилась до смерти. Желая укрыться отъ преслѣдованій, я снялъ съ себя свое золотое вооруженіе и сложилъ его подъ деревомъ. Полунагой я прибылъ къ синьорѣ Еленѣ, и она взяла меня подъ свое покровительство; кто-то нашелъ и надѣлъ мои рыцарскіе доспѣхи; солдаты, преслѣдовавшіе меня, схватили его, думая, что взяли меня; заключили его въ эту башню, полагая, что заперли принца Фредерика, и въ довершеніе всего принцесса Елена сдѣлала меня начальникомъ этой тюрьмы. Вотъ настоящее дѣло. Если мы съ тобою бѣжимъ, насъ могутъ поймать и разлучить,—здѣсь можемъ мы видѣться ежедневно—и выжидать случая.

Маргерита. Но все таки голова твоя здѣсь въ опасности.

Роберто. Есть возможность выйти изъ затрудненія.

Маргерита. Но какая?

Роберто. Поручите кому-нибудь, на кого надѣетесь, передать королю, что вы любите принца Фредерика. Если его величество согласится на вашу свадьбу, тогда можно будетъ во всемъ ему признаться, и дѣло кончено; если-же нѣтъ, если король разсердится, если захочетъ казнить принца, тогда вмѣсто его онъ казнитъ эту дикую свинью, что здѣсь заперта, и вы оба спасены и можете бѣжать. Во всякомъ случаѣ принцъ спасенъ.

Маргерита. Прекрасно придумано.

Фредерикъ. Пожалуй, пусть такъ и будетъ. Ты, Маргерита, значитъ, будешь увѣрять всѣхъ, что любишь негодяя, который носитъ мое имя.

Маргерита. И все, что я буду говорить объ немъ, ты все принимай на себя, Фредерикъ. Тяжело скрывать любовь, которая горитъ въ сердцѣ!... Я даже постараюсь удѣлить ему частицу любви; мнѣ поможетъ то, что его будутъ звать Фредерикомъ,—иначе я не была бы въ состояніи притворяться.

Фредерикъ. Такъ ты будешь и его любить?

Маргерита. Только потому, что его будутъ называть Фредерикомъ.

Фредерикъ. А все таки частичку любви твоей подаришь и ему?

Маргерита. Потому только, что безгранично люблю тебя.

Фредерикъ. А долго будешь любить меня?

Маргерита. Клянусь моей жизнью, моей душой, ея безсмертіемъ, что любви моей не будетъ конца.

Фредерикъ. Пора, намъ нужно разстаться.

Маргерита. Да сохранитъ тебя Господь!

Фредерикъ. Да сохранитъ Онъ тебя.

Конецъ 2-го дѣйствія.

Самородокъ.

ПОВѢСТЬ.

I.

Зимній вѣтеръ вылъ, подымая на перекресткахъ улицъ столбы снѣгу и кружа ихъ въ воздухѣ. Стекла въ фонаряхъ дрожали, пламя газовыхъ рожковъ отчаянно вздувало на сторону, и каждую минуту казалось, что вотъ-вотъ разомъ погаснутъ всѣ уличные фонари и большой городъ Нырскъ, съ своими красивыми, отлично вымощенными улицами, съ многоэтажными домами, съ роскошными, теперь наглухо закупоренными магазинами, вдругъ будетъ поглощенъ непроглядной тьмою.

Городскія улицы были пустынны. Шелъ по нимъ только тотъ, у кого было неотложное дѣло. Извозчики тоскливо выглядывали сѣдока, и если такой попадался, обнаруживали готовность разорвать его на части.

Никаноръ Федотычъ Ватрушкинъ шелъ по тротуару главной улицы, такъ называемой Театральной; шелъ онъ скорымъ шагомъ, высоко держа голову и глядя впередъ съ какой-то дерзкой рѣшительностью, словно вызывалъ на борьбу расходившіяся стихіи. Пальтишко на немъ было не по сезону—осеннее, жидкое, сильно потертое, но франтовскаго покроя. Онъ дрожалъ отъ холода, но держался прямо и его тонкія ноги ступали увѣренно, а снѣгъ, подымавшійся съ мостовой, засыпалъ ему лицо и застрѣвалъ въ его жиденькой бородкѣ, но онъ этому не придавалъ значенія.

Трудно было угадать, что происходило въ его маленькой головѣ, снабженной густыми, длинными волосами, поверхъ которыхъ лежала какая-то лепешка съ кожанымъ козырькомъ. Лепешка эта съѣхала почти на затылокъ, и это придавало лицу Никанора Федотыча крайне озабоченное выраженіе. Можно было-бы даже подумать, что человѣкъ этотъ—въ отчаяньи, если бы не было извѣстно, что Ватрушкинъ никогда не приходилъ въ отчаянье. И куда онъ шелъ? Въ трактирѣ „Веселый Кутъ“, гдѣ онъ сидѣлъ минутъ десять тому назадъ, было и свѣтло, и тепло. Трактиръ былъ изъ порядочныхъ, и компаніябылахорошая: Туръ-Северіновъ—сотрудникъ „Нырскаго Развѣдчика“, писавшій цѣлые фельетоны подъ звуки трактирнаго органа. Каріатидо и Тиверіадо, два грека, люди совершенно неопредѣлен-

ной профессіи, настойчиво именовавшіе себя итальянцами, и Катря—дѣвица, о которой не слѣдуетъ думать ничего дурнаго. Про Катрю можно только сказать, что она была росла и красива и соблюдала безусловную вѣрность по отношенію къ Никанору Федотычу. Если принять во вниманіе, что онъ занималъ амплуа репортера „Нырскаго Развѣдчика“ и, получая всего по двѣ копѣйки за строчку (онъ спеціально вѣдалъ область необыкновенныхъ сенсаціонныхъ приключеній и слуховъ), зарабатывалъ рублей сорокъ въ мѣсяцъ, — то безкорыстіе ея будетъ внѣ всякихъ сомнѣній.

Съ какой стати онъ ушелъ изъ трактира? Ничего такого не произошло,—ни крупнаго разговора, ни драки; напротивъ, Туръ-Севериновъ, сильно нализавшись, сказалъ ему прямо въ лицо: „знаешь, Никша, за что я тебя уважаю? Ты—прохвостъ, положимъ, но человѣкъ ты порядочный, и изъ тебя будетъ толкъ“.

Сопоставленіе, правда, загадочное, но Никша принялъ это дружеское обращеніе, какъ комплиментъ. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ неспокоенъ. По его движеніямъ, по явно меланхолическому тону, какимъ онъ произносилъ такую обыкновенную вещь, какъ слѣдующая: „Туръ, выпьемъ по пятой“, было ясно видно, что у него что-то засѣло въ головѣ и мучило его. Онъ говорилъ:

— Нѣтъ, чертъ меня возьми! Этакъ жить скучновато. Надо что-нибудь придумать! Правда, Катря?

И на этомъ обрывалъ рѣчь, но только повидимому обрывалъ, потому что рѣчь эта продолжалась въ его головѣ. Онъ именно придумывалъ, и это было видно по его блестящимъ маленькимъ глазкамъ, которые прищурились и блестѣли больше обыкновеннаго. Собственно говоря это придумыванье началось уже давно, даже трудно представить себѣ время, когда его не было, какъ и вообще трудно допустить, чтобъ человѣкъ, живущій впроголодь, не искалъ возможности плотно пообѣдать; но обыкновенно Никша придумывалъ какой-нибудь палліативъ и на этомъ временно успокоивался. Ну, зайдетъ, напримѣръ, въ магазинъ золотыхъ вещей, возьметъ „на выплатъ“ самую массивную цѣпь, какая только найдется въ магазинѣ, и сейчасъ же заложитъ ее, а денегъ платить и не думаетъ. Къ нему предъявляютъ требованіе, а онъ въ отвѣтъ: „сотрудникъ Нырскаго Развѣдчика“—и больше ни слова. Его и не трогаютъ. Недѣли двѣ проживетъ съ Катрей нескучно, а тамъ опять задумается и что-нибудь выдумаетъ. Но теперь не то. Видно было, что онъ сталъ на дорогу рѣшительную и на пустякахъ не помирится.

Безъ всякой видимой причины, онъ трахнулъ кулакомъ по столу, схватилъ фуражку и выбѣжалъ изъ трактира. Ему именно хотѣлось, чтобы холодъ хорошенько пробралъ его. Его собственная энергія, избытокъ силъ, которыхъ пока некуда было дѣвать, давили его. И онъ мчался по улицѣ, не замѣчая холода, и все думалъ, думалъ.

Но вдругъ онъ остановился передъ объемистой, но невысокой колонной, облѣпленной афишами. Неровный свѣтъ фонаря отчаянно мигалъ, лучи красноватаго свѣта бѣшенно прыгали по разноцвѣтнымъ афишамъ. Никша стоялъ передъ колонной, какъ вкопанный. Онъ еще не сознавалъ ясно, въ чемъ дѣло, но внутри у него все какъ-то радостно затрепетало, а голову точно окуталъ чадъ. Но, постоявъ съ минуту, онъ понялъ. Понялъ онъ, что голова его только что родила идею, да какую идею! Въ этой идеѣ, которую онъ еще не раскусилъ хорошенько, было что-то торжественно потрясающее. Онъ хлопнулъ себя ладонью по лбу и вдругъ совершенно непроизвольно изо всей мочи крикнулъ: „урра-а“! и это былъ до такой степени громкій и радостный крикъ, что, несмотря на визгъ и вой вѣтра, его услыхалъ стоявшій на посту городовой и тотчасъ же принялся свистать. Но Никши уже не было у колонны. Онъ рысью помчался въ „Веселый Кутъ“.

Когда онъ пришелъ, всѣ поняли, что у него родилась идея. У него былъ видъ человѣка, которому, послѣ долгихъ хлопотъ, все удалось. Счастье свѣтилось въ каждой чертѣ его худаго и выцвѣтшаго отъ долговременной полуголодной жизни лица. Какое-то вдохновеніе было напечатлѣно въ его взорѣ; въ эту минуту онъ былъ красивъ, несмотря на свой слишкомъ длинный носъ, и спещренный какими-то черными точками, несмотря на свои желтые зубы и пепельный цвѣтъ лица. Съ губъ его не сходила улыбка—улыбка торжества и въ то же время презрѣнія ко всему міру. Онъ громко хохоталъ и говорилъ всякій вздоръ, походившій на бредъ, но ни слова не сказалъ о своей идеѣ.

— Никша! А вѣдь ты, прохвостъ, что-то придумалъ!—кричалъ ему Туръ-Севериновъ.

Никша хохоталъ и отвѣчалъ: „Можетъ, и придумалъ“.

— Такъ сказывай, бездѣльникъ!

— Нѣтъ, я лучше помолчу!.. и Никша опять заливался хохотомъ.

— А, помолчишь? Такъ значитъ, измѣна?

Но на это Никша не отвѣчалъ даже. Онъ обратился къ Катрѣ и сказалъ собственно по ея адресу. — Ну, и заживемъ же мы теперь! Ухъ!...

Катря была дѣвица умная и при томъ знала ослиный нравъ Никанора Федотыча, поэтому она не разспрашивала, а повѣрила ему на слово. Но Туръ-Севериновъ волновался. Вѣдь по всему видно было, что Никша на этотъ разъ не вретъ, что онъ дѣйствительно придумалъ нѣчто важное. Такъ неужели же онъ, Туръ, останется въ сторонѣ? Что же касается Каріатидо и Тиверіадо, то они поняли дѣло съ перваго раза. Они были совершенно увѣрены, что Никша, пользуясь темнотой ночи, просто ободралъ кого-нибудь. Поэтому они какъ то глупо ухмылялись, щурили глаза, искоса поглядывали на другіе столики и молчали.

— Такъ не скажешь? — приставалъ Туръ-Севериновъ къ Никшѣ. А Никша только покатывался. Ему было очень весело. Съ каждой минутой онъ все яснѣе и яснѣе сознавалъ плодотворность своей идеи, которая какъ-то сама себя развивала и планировала во всѣхъ подробностяхъ въ его мозгу, какъ покладистый гость, который все самъ отыщетъ и за которымъ не надо ухаживать. Туръ-Северинова онъ въ эту минуту презиралъ. И что такое этотъ Туръ-Севериновъ? Всѣ кричать и давно уже кричатъ, что онъ способный человѣкъ. Пожалуй это и правда. Фельетонъ ему написать такъ-же легко, какъ выпить рюмку водки, и пишетъ онъ ловко, бойко, забористо. Но что онъ сдѣлалъ этими способностями? Вѣдь только и зарабатываетъ, что на выпивку. Нѣтъ, по его мнѣнію, способный тотъ, кто придумаетъ такую штуку, какъ придумалъ онъ. Вотъ это — способный. А изъ него, изъ Тура, можно только веревки вить, и онъ, Никша, первый воспользуется этой его способностью.

Было уже за полночь. Въ трактирѣ публики осталось немного. Половые бродили съ сонными лицами, стараясь погасить свѣчи, гдѣ только было возможно.

— Пора и намъ домой! — обратилась Катря къ Никанору Федотычу.

— Знаешь, мнѣ теперь даже противно туда заглядывать! съ презрительной миной объявилъ Никша. Катря не поняла и взглянула на него вопросительно.

Будучи безсмѣнной подругой Никанора Федотыча въ продолженіи семи лѣтъ, она тѣмъ не менѣе очень многаго еще не могла раскусить въ этомъ человѣкѣ. Она не понимала его, напр., когда онъ, въ минуты отчаянныхъ, безпардонныхъ мечтаній, заговоритъ о томъ, что онъ сдѣлалъ-бы, еслибы былъ милліонеромъ, и вдругъ лицо его оживится, весь онъ выпрямится, придетъ въ движеніе, и видъ у него такой счастливый, точно милліонъ уже у него въ рукахъ. Онъ говоритъ о лошадяхъ, съ презрѣніемъ отзывается на счетъ пѣгихъ и въ восторгѣ отъ вороныхъ, онъ охотно отказывается отъ кареты и не можетъ разстаться съ своей пролеткой — изящной, причудливой формы, которую онъ самъ изобрѣлъ, онъ не хочетъ слышать о квартирѣ въ три-четыре комнаты, ему нужно шесть-семь, и за все это онъ стоитъ горой, какъ будто это не мечта, а дѣйствительность, и когда Катря зоветъ его въ кухмистерскую обѣдать, онъ съ презрѣніемъ отталкиваетъ ее, онъ готовъ скорѣе вовсе не обѣдать, чѣмъ ѣсть эту дрянь, послѣ того, какъ онъ въ своемъ воображеніи поѣлъ устрицъ и разныхъ тонкихъ соусовъ. Вотъ чего не могла понять Катря. Она находила, что настоящій обѣдъ, хотя бы изъ кухмистерской, все-таки интереснѣй воображаемыхъ устрицъ.

Тѣмъ не менѣе надо было уйти. Сонная морда половаго уже тянулась, чтобъ потушить свѣчу на ихъ столикѣ. Трактиръ опустѣлъ, Туръ-Севериновъ уже напялилъ на себя пальто и, пошатываясь, стоялъ въ своей барашковой шапкѣ, достойно увѣнчивавшей его высокую фигуру. Каріатидо и Тиверіадо, почуявъ, что пришло время платить, незамѣтно куда-то исчезли. Такъ какъ Туръ-Севериновъ невыражалъ желанія платить, да врядъ-ли у него и было что-нибудь, то Никша вынулъ послѣдніе два рубля и отдалъ ихъ съ такимъ небрежнымъ видомъ, какъ будто у него въ карманѣ оставалось ихъ еще не мало.

Они вышли на улицу. Туръ-Севериновъ приподнялъ плечи и спряталъ нижнюю часть лица вмѣстѣ съ длинной черной бородой — подъ пальто. Мятель все еще выла. Съ мостовыхъ смело снѣгъ, и онѣ были совсѣмъ обнажены. Неподалеку стоялъ извозчикъ, который громко бранилъ самого себя за то, что выѣхалъ на саняхъ, которыя теперь по голой мостовой нельзя сдвинуть съ мѣста.

Стали прощаться.

— Такъ не скажешь? — Еще разъ попыталъ счастья Туръ-Севериновъ, котораго снѣдало любопытство.

— Тебѣ-то? Да ты за рюмку водки первому встрѣчному выдашь!

Туръ-Севериновъ еще глубже погрузилъ лицо въ пальто.

— Тьфу! плюнулъ онъ съ ожесточеніемъ и, даже не простившись съ дружеской четой, повернулъ налѣво и быстро заколесилъ по панели.

Никша предложилъ Катрѣ руку и повелъ ее направо. Она крѣпко прижималась къ нему, потому что вѣтеръ порывисто забирался подъ ея крылатую накидку и пронизывалъ насквозь ея крѣпкое здоровое тѣло. Они шли молча. Никша все ожидалъ что она, оставшись съ нимъ наединѣ, станетъ разспрашивать его, но Катря молчала, потому-что у нея отъ холода дрожали челюсти. Между тѣмъ Никша начиналъ уже страдать. Его собственная идея до такой степени расширилась, распространилась, что просто не помѣщалась въ его головѣ. Страстное желаніе подѣлиться съ кѣмъ-нибудь—мучило его. Кромѣ того, ему необходимо было взглянуть на свое дѣтище со стороны, полюбоваться имъ издали,—а для этого нужно было потрясти имъ кого-нибудь, произвести фуроръ. Онъ и боялся выпустить ее изъ своей головы: слишкомъ ужь она была драгоцѣнна, пожалуй, перехватятъ; но въ то-же время ему было уже не въ моготу. И онъ начиналъ злиться на Катрю, что она такъ нелюбопытна.

Они приближались уже къ своей квартирѣ, на одной изъ отдаленныхъ улицъ города.

— Хе! Туръ думалъ, что я передъ нимъ такъ все и выложу! Какъ-бы не такъ! —проговорилъ наконецъ Никаноръ Федотычъ, желая вызвать Катрю на вопросъ.

Катря отвѣчала явственнымъ стукомъ челюсти о челюсть. Она просто умирала отъ холода и только дивилась, какъ это Никша, въ своемъ жалкомъ пальтишкѣ, шелъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и даже разстегнулъ его. Она не понимала, что его согрѣвала идея.

— Какъ-бы не такъ! —повторилъ Никша, все еще не теряя надежды на вопросъ. Но Катря, мечтавшая только о теплой комнатѣ, молчала и только прибавила шагу. Тогда Никша, мучимый нестерпимой потребностью передъ кѣмъ-нибудь высказаться, рѣшилъ не дожидаться вопроса.

— Слушай, Катря, а знаешь, въ чемъ штука?—спросилъ онъ.

— Н-нѣтъ!.. еле выговорила Катря.

— Газету я придумалъ! Газету буду издавать! Да какую! Совсѣмъ, совсѣмъ особенную!..

И онъ даже остановился, чтобъ полюбоваться эффектомъ. Эффектъ, дѣйствительно, получился, но немножко не тотъ, какого онъ ожидалъ. Катря возвела на него изумленные взоры, которые какъ-бы спрашивали: „да ты не сошелъ ли съ ума“? И онъ тотчасъ-же увидѣлъ, что его не поняли. Обидно стало ему, но все-же какъ-будто полегчало.

Разъяснять у него не было охоты.

— Дура ты, Катря, ничего не понимаешь!—сказалъ онъ, входя въ ворота.

Катря и противъ этого не протестовала.

II.

На другой день Никаноръ Федотычъ проснулся рано и, какъ человѣкъ, у котораго на душѣ лежитъ загвоздка, тотчасъ-же схватился и одѣлся. Диванъ, на которомъ онъ спалъ, послѣ этого оказался лишеннымъ какихъ-бы то ни было постельныхъ атрибутовъ; и это понятно. Роль подушки изображалъ его сюртукъ, который у него былъ единственный, и онъ надѣлъ его. Одѣяломъ служило ему пальто, въ которое онъ тотчасъ-же облачился. Было семь часовъ утра; Катря, помѣщавшаяся на кровати за ситцевой занавѣской, въ это время видѣла самые сладкіе сны. Ей снилось, что Никша въ самомъ дѣлѣ издаетъ газету и что, вслѣдствіе этого, у нихъ завелся экипажъ и пара вороныхъ, на которыхъ она и катитъ. Никакого другаго результата отъ изданія газеты она не представляла. Парфентьевъ издаетъ „Нырскаго Развѣдчика“ и ѣздитъ на вороныхъ,—значитъ, и Никша будетъ ѣздить, а если Никша,—то и она, потому-что она есть нераздѣльная часть Никши. Никаноръ Федотычъ не хотѣлъ будить ее: пусть спитъ, все равно, она ничего не понимаетъ.

Самъ же онъ, послѣ тревожнаго сна, который былъ прямымъ продолженіемъ его вчерашнихъ думъ, чувствовалъ потребность перейти къ дѣйствію. Начать слѣдовало съ программы, которую вмѣстѣ съ прошеніемъ надо было отослать куда слѣдуетъ, по начальству. При этомъ — гербовая марка. Порядокъ онъ зналъ хорошо, потому что еще мальчишкой присутствовалъ при открытіи Парфентьевымъ его газеты. Программа была готова въ его головѣ, и онъ въ четыре часа ночи проснулся и сѣлъ за столъ, чтобы набросать ее. Но увы! онъ не пошелъ дальше заглавія. Все готово, а на бумагѣ какъ-то ничего не выходитъ. Тутъ онъ искренно пожалѣлъ о своемъ невѣжествѣ и, можетъ быть, первый разъ въ жизни сознался свое полное безграмотство. Сколько ни корпѣлъ онъ надъ листомъ бумаги, ровно ничего не вышло и онъ сказалъ себѣ: „Нѣтъ, чортъ возьми, безъ Тура не обойдешься. Туръ грамотный, этого отъ него не отни-

мешь". И рѣшилъ съ утра идти къ Туръ-Северинову.

Туръ-Северіновъ жилъ почти роскошно. Онъ занималъ цѣлую квартиру въ пять комнатъ, уставленную благообразной мебелью въ сѣрыхъ чехлахъ, подъ которыми скрывалась сильно потертая шерстяная обивка малиноваго цвѣта. Въ квартирѣ было слишкомъ много признаковъ осѣдлости. Въ каждой комнатѣ стояли ширмы, а за ширмами, такъ какъ это было въ утренній часъ, слышалось чье-то громкое дыханіе и даже храпъ. Семейство Туръ-Северинова было многочисленно, и многіе съ перваго знакомства принимали его за героя, считая его кормильцемъ этой оравы. Въ дѣйствительности это было иначе. Многочисленное семейство составляло племя его тещи, которая жила отчасти на сбереженія своего покойника, бывшаго командиромъ роты и какимъ-то чудомъ съумѣвшаго сберечь тысченокъ съ десятокъ,— отчасти тѣмъ, что держала въ томъ-же дворѣ меблированныя комнаты. Туръ-Северіновъ былъ здѣсь не причемъ. Онъ просто былъ зятемъ своей тещи; у него была красивая борода, хорошій ростъ и здоровые мускулы; кромѣ того, онъ обладалъ добрымъ сердцемъ; за всѣ эти достоинства онъ получалъ теплое жилище, сытный столъ и красивую жену и проживалъ здѣсь въ качествѣ отца семейства, такъ какъ у него народилось уже трое дѣтей, до которыхъ ему столько же было дѣла, сколько и до тещи, съ ея меблированными комнатами.

Оказалось что Туръ еще спалъ. Никша объявилъ, что дѣло не терпитъ отлагательствъ,—и отца семейства принялись будить. Тотъ долго не поддавался, потому что чувствовалъ въ головѣ тяжесть; наконецъ, Никша велѣлъ передать ему, что пришелъ по вчерашнему дѣлу. Это пробрало Туръ-Северинова, онъ тотчасъ-же поднялся и вышелъ къ пріятелю, не напяливъ даже сюртука.

— А, пришелъ таки!—сказалъ онъ, протирая заспанные глаза,—видно безъ Тура не обойтись.

— Да у тебя и поговоритъ-то негдѣ! отвѣчалъ Никша.—Всюду, куда ни повернись, храпъ и свистъ.

— Ну, такъ что жъ! эка бѣда, подумаешь! Пусть себѣ храпятъ, а ты свое дѣло дѣлай!

— Ну, нѣтъ, братъ, дѣло это такое, что только одинъ на одинъ... Иначе и слова не вымолвлю!..

— Гмъ... Вотъ оно какъ!.. Погоди-ка, мы это устроимъ!.. сказалъ Туръ-Северіновъ. Онъ отправился за ширму.—Эй, хлощы! Вамъ пора вставать!—крикнулъ онъ и тотъ-же часъ вытащилъ изъ за ширмъ и препроводилъ куда-то въ третью комнату двоихъ мальчугановъ въ ночномъ бѣльѣ. Эти какимъ-то образомъ причислялись къ фамиліи тещи, но уважали Туръ-Северинова, потому что у него была тяжелая рука. Выпроводивъ мальчугановъ, Туръ плотно притворилъ дверь и сказалъ:—ну, теперь валяй!—и по лицу его видно было, что онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ.

Никша началъ:—Придумалъ я, Туръ, издавать газету...

Туръ такъ и покатился со смѣху. — Убилъ, на мѣстѣ убилъ!—едва могъ выговорить онъ.

Но Никша не придалъ этому ни малѣйшаго значенія. На лицѣ его не дрогнулъ ни одинъ мускулъ. Онъ далъ Туру высмѣяться и прежнимъ спокойнымъ тономъ повторилъ: — Да-съ, такъ придумалъ я, Туръ, издавать газету... Газета моя, Туръ, совсѣмъ особенная...

— Еще-бы! подхватилъ Туръ-Северіновъ и опять залился смѣхомъ. Никша терпѣливо подождалъ и затѣмъ невозмутимо продолжалъ.

— Газета моя, Туръ, совсѣмъ особенная. Первое дѣло: подписчики будутъ получать ее даромъ...

— А, развѣ, что даромъ! воскликнулъ Туръ-Северіновъ и принялся хохотать съ новой силой:—даромъ, пожалуй, и моя газета разошлась-бы!..

Никша и на этотъ разъ снесъ обиду и продолжалъ: — кромѣ того, она будетъ расклеиваться на всѣхъ афишныхъ столбахъ, чтобъ всякій могъ читать ее, и разсылаться даромъ по трактирамъ, ресторанамъ, кабакамъ, конторамъ, канцеляріямъ и проч.

Казалось, Никша говорилъ исключительно для увеселенія пріятеля. По крайней мѣрѣ, съ каждымъ его словомъ веселость Туръ-Северинова росла, смѣхъ его потрясалъ своды, и была опасность, что онъ задохнется. Но Никша смотрѣлъ на него строго и серьезно, и настойчиво пользовался минутами отдыха, чтобъ договорить до конца. Онъ продолжалъ, отчеканивая каждое слово.

— Такъ какъ газета моя будетъ раздаваться даромъ, то ее весь городъ будетъ читать, слѣдовательно, она будетъ самая распространенная. Понятное дѣло, что ко мнѣ рѣкой польются объявленія, которыя дадутъ мнѣ такой доходъ, какого и не снилось Парфентьеву...

Тутъ произошло чудо. Туръ-Севериновъ какъ открылъ свою широкую пасть для хохота, такъ и застылъ, точно его громомъ поразило. Съ полъ-минуты онъ глядѣлъ на Никанора Федотыча съ невыразимымъ изумленіемъ, какими-то испуганными глазами.

— Ахъ, ты прохвостъ эдакій, Никша! Ты это самъ придумалъ? Да вѣдь это, братецъ, такая идея, такая идея!..

И онъ даже ухватился за голову, какъ-бы желая облегчить ей трудъ усвоенія грандіозной идеи. Тогда Никша, въ свою очередь, разсмѣялся, но это былъ смѣхъ презрительнаго снисхожденія къ человѣческой простотѣ, которой надо разжевать, чтобы она поняла.

— И выходитъ, что ты дуракъ, Туръ! —прибавилъ онъ въ заключеніе.

— Дуракъ, ей-Богу дуракъ! согласился Туръ-Севериновъ.—Но однако... Гдѣ-же ты деньги возьмешь. Вѣдь безъ денегъ все-таки нельзя.... Бумага, печать, разсылка...

Никша махнулъ рукой.—Ничего ты не понимаешь. Дай мнѣ въ руки только разрѣшеніе, такъ для этого вѣрнаго дѣла мнѣ что хочешь въ кредитъ дадутъ... Да я не то, что бумагу, я съ перваго-же дня свою собственную тройку заведу и буду Катрю на ней прокатывать. Эхъ, ты-и! А еще способнымъ прозываешься... дѣло ясное и вѣрное. Надо только программу составить да разрѣшеніе получить. За этимъ я и пришелъ. Садись и пиши.

— Гм... Такъ я и сѣлъ!.. А ты мнѣ мою долю обозначь, вотъ что!..

— Доля будетъ, чего тамъ! Прежде надобно дѣло сдѣлать, а потомъ о долѣ разговаривать. Садись-ка и пиши!

— Ну, ладно, напишемъ. Но ежели ты меня надуешь...

— Неси, говорятъ, чернильницу!.. властно, уже почти по хозяйски, крикнулъ Никша, и странное дѣло! почуялъ-ли Туръ въ этомъ тонѣ будущаго хозяина или просто довѣрился слову пріятеля, но о долѣ онъ больше не сказалъ ни слова, а тотчасъ же пошелъ и принесъ чернильницу, бумагу и перо. Онъ присѣлъ къ столу и обмакнулъ перо въ чернильницу.

— Я тебѣ буду говорить мои мысли, а ты ихъ обрабатывай! —сказалъ Никша. —Мыслей у меня пропасть, а выразить ихъ какъ слѣдуетъ не могу. Круглоты слога у меня нѣтъ, а у тебя есть. Ну начинай. Городъ Нырскъ кишитъ торговымъ людомъ. Всякому обывателю потребно знать, гдѣ, что и какъ.

Туръ-Севериновъ началъ было писать, но, когда дошелъ до „гдѣ, что и какъ“, запнулся. Оказалось, что такъ писать не удобно.

— Ты мнѣ лучше разскажи свои мысли, я подумаю и потомъ обработаю ихъ. Этакъ чище будетъ! предложилъ онъ.

— Гм... сказалъ Никша и задумался. Вопросъ былъ въ томъ, можно-ли довѣрить Туру свои мысли настолько, чтобы оставить его наединѣ съ ними. Вѣдь чертъ этакій, пожалуй, возьметъ, да и продастъ кому-нибудь за рюмку водки. Съ другой стороны тоже было полезно для дѣла—дать ему время обдумать. Наконецъ, онъ рѣшился. Онъ всталъ и съ глазами, сверкающими пламенемъ, сказалъ:—Ну, ладно, Туръ, я тебѣ довѣрю, но только смотри у меня, ежели продашь, убью, ей-Богу убью!

Высказавъ свои мысли, Никша ушелъ, а Туръ-Севериновъ тотъ же часъ принялся придавать имъ округлость.

Никша отправился добывать сенсаціонныя новости, но прежде завернулъ домой, выпилъ стаканъ чаю, съѣлъ цѣлую пяти-копѣечную булку, пошутилъ надъ Катрей по поводу того, что она дура и ничего не понимаетъ, далъ ей честное слово, что черезъ двѣ недѣли они будутъ разъѣзжать въ коляскѣ, но на первое время, правда, въ извозчичьей, и строго-на строго наказалъ, что бы она держала языкъ за зубами.

— А знаешь,—сказала Катря,—сегодня мнѣ снилось, будто у насъ свои лошади вороныя и экипажъ, и я себѣ разъѣзжаю, и на всѣхъ плюю...

— Вотъ помяни мое слово—этотъ сонъ не даромъ! И какъ еще наплюемъ. А главное на Парфентьева наплюемъ!..

Этотъ день для него былъ особенно удаченъ. Не успѣлъ онъ дойти до бульвара, какъ ему сообщили объ убійствѣ на Проходной улицѣ. Онъ сейчасъ же помчался туда, но на дорогѣ вдругъ остановился. Онъ почувствовалъ на сердцѣ какую-то непонятную тоску, ему даже не хотѣлось продолжать путь. Онъ вздохнулъ и подумалъ: Эхъ, еслибъ теперь разрѣшеніе было у меня въ рукахъ. Вотъ-бы набросилась публика на мою газету! А теперь Парфентьевъ все слопаетъ. Завтра „Нырскаго Развѣдчика“ на расхватъ покупать будутъ, и все ему пойдетъ, а мнѣ всего только по двѣ копѣйки за строчку!..

И онъ молилъ Бога, чтобъ черезъ двѣ недѣли на его счастье произошелъ сенсаціонный случай, вродѣ убійства, или кто нибудь бросился-бы съ моста на тротуаръ и размозжилъ себѣ голову.

Когда Никаноръ Федотычъ пришелъ въ редакцію „Нырскаго Развѣдчика“, было около одиннадцати часовъ, и Парфентьевъ находился при исполненіи своихъ редакторскихъ обязанностей. Собственно, его обязанности заключались въ томъ, чтобъ просматривать свою газету, отыскивать въ замѣткахъ репортеровъ нелѣпости, въ столбцахъ корректурныя ошибки и штрафовать сотрудниковъ, корректоровъ и наборщиковъ. Это былъ человѣкъ средняго роста, плечистый, плотный, съ лицомъ розовымъ и, пожалуй, красивымъ. Выраженіе этого лица было ясное, открытое и благодушно-внимательное, словно этотъ человѣкъ ежеминутно искалъ случая оказать ближнему услугу. Лобъ у него былъ большой, выпуклый, глаза тоже большіе, сѣрые. Говорилъ онъ очень громко, не потому, чтобъ сердился, а потому, что имѣлъ невѣроятно крѣпкія голосовыя связки и здоровыя легкія, и не могъ смирить свой звучный басистый голосъ. Лѣтъ ему было за сорокъ, но на видъ онъ казался моложе. Карьеру свою въ городѣ Нырскѣ Парфентьевъ началъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Появился онъ какъ-то внезапно. Не было Парфентьева, никто о немъ ничего не зналъ, даже не подозрѣвали, что гдѣ-то въ укромномъ уголкѣ зрѣетъ общественный дѣятель. И вдругъ онъ выплылъ. Появился онъ на заднемъ дворѣ одного общественнаго учрежденія, гдѣ по секрету отъ всего города окольными путями получилъ подрядъ на постройку городскаго моста.

Построилъ онъ его до такой степени плохо, что на другой же день по принятіи его—мостъ провалился, и обыватели до сихъ поръ безъ него обходятся. Тѣмъ не менѣе, это было началомъ его карьеры. О Парфентьевѣ стали говорить всюду. Одни утверждали, что онъ мошенникъ, другіе говорили, что плутъ,—дальше этого не шли разногласія. Но ему это было все равно. Онъ только хотѣлъ, чтобъ его имя звучало на перекресткахъ. И въ самомъ дѣлѣ, это не только не помѣшало, а даже какъ будто поспособствовало его дальнѣйшей карьерѣ. Новыя общественныя постройки валились одна за другой, изъ чего обыватели заключали, что строилъ ихъ никто иной, какъ Парфентьевъ. Его бранили и словесно, и въ мѣстной газетѣ, а онъ улыбался, никому не возражалъ, и только спѣшилъ округлить свой капиталъ, такъ какъ боялся, что скоро ему уже не дадутъ подрядовъ. Такъ и случилось: наступилъ моментъ, когда Парфентьевъ нашелъ, что уже довольно, ибо, если-бъ онъ этого не нашелъ, то было бы хуже. Тогда увидѣли, что на одной изъ красивѣйшихъ улицъ выросло прекрасное зданіе, на воротахъ котораго висѣла надпись: „домъ потомс. почет. гражд. Феофана Феофановича Парфентьева“. Изъ этой надписи впервые узнали, что Парфентьевъ также потомственный почетный гражданинъ, и удивились, потому что до сихъ поръ всѣ считали его только плутомъ. Какъ бы то ни было, а не прошло и года, какъ Парфентьевъ сталъ издавать газету „Нырскій Развѣдчикъ“ и въ концѣ концовъ укрѣпился въ городѣ основательно и съ большимъ успѣхомъ занялъ амплуа одного изъ самыхъ уважаемыхъ гражданъ города.

Никша помѣстился въ репортерской комнатѣ и принялся писать длиннѣйшую статью. Эта комната по своей обстановкѣ напоминала не то сарай, не то кабакъ. Среди грязныхъ, закоптѣлыхъ и испачканныхъ какими-то карандашными отмѣтками, четырехъ стѣнъ—торчалъ длинный, испещренный чернильными пятнами, столъ, на немъ огромная жестяная чернильница и, въ безпорядкѣ, полдюжины ручекъ. Три продранныхъ стула дополняли обстановку, и при этомъ въ комнатѣ стоялъ нестерпимый холодъ, такъ что упражнявшіеся здѣсь писатели каждыя двѣ минуты клали на столъ перо и ожесточенно дули въ кулакъ, чтобъ согрѣть окоченѣвшіе пальцы. Никша старательно наворачивалъ слово-на-слово, получалось нѣчто неграмотное, но занимательное; убійство изъ-подъ его пера выходило въ тысячу разъ болѣе звѣрскимъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Кончивъ статью, онъ отнесъ ее къ Парфентьеву.

Парфентьевъ только взглянулъ издали и замахалъ обѣими руками.

— Ни, ни, ни! на половину сократи! Тоже расписался! Писатель!

Онъ говорилъ Никшѣ „ты“, потому-что нѣкогда держалъ его на посылкахъ при типографіи.

— Убійство! сказалъ Никша такимъ тономъ, какъ будто предупреждалъ Парфентьева о грозившемъ ему убійствѣ.

— Ну? Гдѣ?—спросилъ Парфентьевъ и весь просіялъ.

— На Проходной!..

Парфентьевъ потиралъ руки отъ удовольствія.

Никша дрожащей рукой подалъ ему исписанные листы. „Цѣлый капиталъ отдаю тебѣ“! съ горечью подумалъ онъ.—„Будь это черезъ двѣ недѣли...Ахъ!..“ И онъ такъ пронзительно посмотрѣлъ на Парфентьева,

что тотъ замѣтилъ и спросилъ:—чего ты на меня такимъ чертомъ смотришь?

— Ничего!—небрежно отвѣтилъ Никша и вышелъ.

На лѣстницѣ онъ встрѣтилъ Туръ-Северинова.

— Вотъ тебѣ, написано и переписано! и Туръ-Северіновъ торжественно вручилъ Никшѣ программу. Дрогнули руки Никанора Федотыча, когда онъ почуялъ въ нихъ эту основу своего грядущаго счастья. „Вывезетъ-ли?“ на секунду усомнился онъ и затѣмъ съ непоколебимой увѣренностью отвѣтилъ: „вывезетъ!“

— Смотри же,—доля!.. крикнулъ ему Туръ-Северіновъ.

— Ладно—отвѣтилъ Никша съ какой-то загадочной улыбкой и тотчасъ же помчался осуществлять свое предпріятіе.

III.

Двѣ недѣли съ Никаномъ Федотычемъ творились небывалыя вещи. Дома онъ былъ невыносимъ. Все его раздражало, все ему мѣшало. Диванъ, на которомъ онъ мирно спалъ два года, вдругъ оказался ему коротокъ. Онъ настолько выросъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, что это ощущеніе казалось ему реальнымъ. Стѣны его комнаты, съ которыми онъ, повидимому, совершенно свыкся и жилъ въ большомъ ладу, явно наступали на него и давили его. Его тянуло на воздухъ, на улицу, на площадь, гдѣ онъ съ какимъ-то демоническимъ торжествомъ толкался среди толпы, которая большею частью знала его, какъ жалкаго репортерчика Парфентьевской газеты. Толкался онъ и думалъ: „не знаете вы, что я вамъ покажу!.. Погодите! уважать меня будете! Окручу я васъ, какъ вамъ и не снилось!“ И каждаго изъ этихъ скромныхъ обывателей онъ разсматривалъ, какъ будущаго читателя его газеты, а ежели попадался обыватель почище, то этотъ навѣрно уже былъ поставщикъ объявленій. Катря за эти дни выбилась изъ силъ. Чай, прекрасный чай въ одинъ рубль и шестьдесятъ копѣекъ за фунтъ, который они пили изъ поконъ-вѣку, оказался теперь ниже достоинства будущаго редактора. Никшѣ отъ него пахло вѣниками, и онъ отправлялся въ трактиръ и пилъ тамъ чай въ рубль двадцать и находилъ его превосходнымъ. Отъ обѣдовъ онъ совсѣмъ отказывался пѣлъ колбасу, однимъ словомъ, жизнь перевернулась вверхъ дномъ. Ни о чемъ онъ ни говорить, ни слушать не хотѣлъ, какъ только о своей газетѣ, и Катря, которая никакъ не могла раскусить сущность этого предпріятія, должна была съ глубокомысленнымъ видомъ обсуждать, сколько потребуется бумаги, сколько пойдетъ на наборъ и пр.

Однажды Никша пришелъ домой въ чрезвычайно угнетенномъ состояніи. Туръ-Северіновъ былъ у него въ гостяхъ. Онъ зашелъ поразспросить, получено-ли разрѣшеніе и мирно бесѣдовалъ съ Катрей, которая поставила ему полштофъ водки, безъ чего изъ Тура нельзя было выжать ни слова. Это ужь было извѣстно, что Туръ трезвый молчаливъ, какъ могила, и самый мрачный человѣкъ въ свѣтѣ.

Никша пришелъ и въ изнеможеніи опустился на диванъ. Онъ былъ блѣденъ, глаза его блуждали. „Отказъ“! въ одно время подумали Катря и Туръ-Северіновъ. Чѣмъ же другимъ можно было объяснить такой грустный видъ?!

— Отказали?—несмѣло спросила Катря.

Никша отрицательно мотнулъ головой. Посыпались разспросы. Что же случилось? Никша упорно молчалъ, словно лишился дара слова. Но вотъ онъ засунулъ руку въ боковой карманъ и, вынувъ оттуда бумагу, положилъ ее на столъ.

— Вотъ оно!—сказалъ онъ истомленнымъ, дрожащимъ голосомъ, и потомъ съ какой-то зловѣщей экспрессіей прибавилъ: —теперь жизнь или смерть!

Это было желанное разрѣшеніе. Несмотря на то, что Никша съ такимъ безумнымъ нетерпѣніемъ ждалъ его, оно потрясло его до глубины души. Когда онъ держалъ его въ рукахъ, то чувствовалъ, что оно жжетъ его. Онъ вдругъ понялъ, что эта бумажка обязываетъ его подъять на себя огромное дѣло. Онъ увидѣлъ, что надо порвать съ прошлымъ, которое было неказисто, но заключало въ себѣ нѣчто опредѣленное, и вступить въ безбрежное море неизвѣстности и риска. Волненіе его было такъ огромно, что онъ не выдержалъ и подкосился. Ему даже пришла мысль: „не плюнуть-ли на это дѣло?“ И онъ минутъ пять просидѣлъ въ безсиліи человѣка, потерявшаго почву. Но вдругъ онъ воспрянулъ. Кризисъ кончился. Прежняя энергія съ сугубой силой влилась въ его грудь. Онъ всталъ и сдѣлалъ такое движеніе, точно стряхнулъ съ себя что-то постороннее.

— Фу! затменіе какое-то нашло. Струсилъ таки! сказалъ онъ съ облегченіемъ.— Ну, Туръ, пиши статью, да такую, чтобъ весь городъ перевернула. Понимаешь? Первое дѣло на Парфентьева набросимъ тѣнь... Помянемъ о мостѣ, который онъ строилъ, обо всемъ помянемъ. Второе: надобно вы-

копать что-нибудь этакое... Знаешь... этакое совсѣмъ небывалое.... Ежели ничего такого подходящаго не отыщется, навремъ, чертъ съ нимъ... Достанется, и это—чертъ съ нимъ... Скажемъ — по неопытности... На первый разъ простятъ... А вѣдь намъ только бы первымъ номеромъ взорвать публику, а тамъ она сама пойдетъ...

И планы и распоряженія сыпались безъ конца. На Никшу нашло вдохновеніе. Онъ такъ много думалъ въ послѣдніе дни о своей газетѣ, что незамѣтно—предусмотрѣлъ всякую мелочь и разрѣшеніе не застигло его въ расплохъ.

Послѣ этого Никша сорокъ восемь часовъ къ ряду былъ на ногахъ. Дѣла было много; Туръ, любившій поспать, страдалъ ужасно, таскаясь по дѣламъ газеты, но Никша былъ неумолимъ. Онъ не просилъ, а прямо приказывалъ, и странное дѣло! Туръ безпрекословно повиновался, такъ неотразимо дѣйствовалъ этотъ повелительный дѣловой тонъ, эта безконечная вѣра въ свое дѣло, этотъ почти вдохновенный видъ Никши.

Прежде всего Никша отыскалъ Тиверіадо и Каріатидо. Ихъ легко было найти, потому что они вѣчно засѣдали въ одномъ извѣстномъ погребкѣ, гдѣ играли въ домино, и этимъ добывали себѣ пропитаніе. Никша явился въ погребокъ, оторвалъ ихъ отъ партіи и чуть не за шиворотъ потащилъ въ отдѣльную комнату. Тутъ было темно. Когда Каріатидо зажегъ спичку, то низкіе полукруглые своды сыраго подвала съ его таинственнымъ полумракомъ напомнили кровавые уголки подваловъ Бастиліи. Но сильный запахъ плохаго вина, свидѣтельствуя, что это простой кабакъ, дѣйствовалъ на нервы успокоительно.

— Эй, вы, итальянцы!—сказалъ Никша безъ предисловія:—деньги нужны! Слыхали?

Пріятели вытаращили на него глаза. Что Никшѣ нужны деньги, и всегда были нужны, въ этомъ они ни на минуту не сомнѣвались. Но какой же дуракъ дастъ ему? Впрочемъ, они догадывались, что это имѣетъ отношеніе къ его выдумкѣ, о которой онъ говорилъ тогда въ трактирѣ. Ихъ тонкій дѣловой нюхъ ощущалъ какое-то непонятное раздраженіе. Они смутно чуяли, что стоятъ у порога великаго гешефта. Но такъ какъ они ничего еще не понимали, то стояли молча. Тогда Никша вынулъ бумагу и показалъ имъ:—вотъ, сказалъ онъ, —разрѣшеніе на газету. Я издаю газету, понимаете? У меня все есть. Надо только сто рублей на мелкіе расходы.

Тутъ Каріатидо и Тиверіадо поняли, что дѣло дѣйствительно стоющее и въ одинъ голосъ сказали:—Будетъ, Никаноръ Федотычъ!

Они сразу почувствовали къ нему уваженіе, какъ къ человѣку, держащему въ рукахъ дѣло, и не посмѣли на этотъ разъ назвать его Никшей.

Считая это дѣло сдѣланнымъ, Никша направился въ типографію Сименса. Сименсъ былъ нѣмецъ по крови и фамиліи, но обрусѣлый до такой степени, что почти позабылъ нѣмецкій языкъ. Типографію основалъ дѣдъ его, настоящій тевтонъ, типографщикъ по ремеслу, пришедшій въ Россію искать счастья. Его преемникъ уже значительно ассимилировался съ мѣстнымъ элементомъ, женившись на русской, а сынъ его Иванъ Сименсъ, настоящій владѣлецъ —совсѣмъ обрусѣлъ, жилъ холостякомъ, о типографскомъ искусствѣ зналъ только одно,—что оно даетъ деньги. Дѣло свое онъ велъ такимъ образомъ, чтобы хватило на его вѣкъ, т.-е. спустя рукава. Наслѣдниковъ онъ имѣть не разсчитывалъ, жилъ въ свое удовольствіе и изрядно запустилъ типографію, считавшуюся нѣкогда первой въ городѣ.

Сименсъ встрѣтилъ Никшу довольно подозрительно. Репортеры въ городѣ Нырскѣ никогда не пользовались почетомъ. Ихъ боялись, потому-что имъ ничего не стоило однимъ взмахомъ пера набросить на ни въ чемъ неповиннаго человѣка самую густую тѣнь, и при случаѣ ихъ били. Никша сразу замѣтилъ, что этотъ маленькій человѣкъ съ большой рыжей бородой и съ красноватымъ носомъ, не ждетъ отъ него ничего хорошаго.

— Вамъ собственно что угодно?—прямо спросилъ Сименсъ, и при этомъ выговорилъ свое неизмѣнное „собственно“ съ особенной экспрессіей.

— Хочу у васъ газету печатать, Иванъ Карловичъ,—прямо заявилъ Никша.

— Га-зе-ту? Вы имѣете газету? удивился Иванъ Карловичъ.—И это не шутка?

— Нисколько. Вотъ разрѣшеніе—Никша вынулъ разрѣшеніе и положилъ на столъ. Сименсъ читалъ каждое слово по три раза, какъ бы желая убѣдиться въ достовѣрности и неподдѣльности документа.

— Садитесь пожалуйста! Прошу васъ! —промолвилъ онъ, наконецъ, тономъ, какимъ приглашаютъ желаннаго гостя. — Такъ въ самомъ дѣлѣ—газета? Что же это собственно будетъ за газета? Сколько я знаю, у васъ, господинъ Ватрушкинъ, денегъ нѣтъ и быть ихъ не можетъ.

— Совершенно вѣрно-съ. Денегъ у меня всего полтора рубля, а газета все-таки

Фототипія Шерер, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

будетъ!—сказалъ Никша, сѣлъ, и началъ излагать сущность своего предпріятія. По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, Иванъ Карловичъ все больше и больше развѣшивалъ уши.

— А-а! — наконецъ, многозначительно протянулъ онъ.—Это геніально! Вы создете вашу газету совершенно такъ, какъ Богъ создалъ міръ: собственно изъ ничего!—и Иванъ Карловичъ посмѣялся своей остротѣ, посмѣялся и Никша, а хозяинъ прибавилъ: — у васъ, господинъ Ватрушкинъ, есть большой умъ, съ вами я хочу имѣть дѣло. Моя типографія—къ вашимъ услугамъ. Сегодня вечеромъ мы подпишемъ условіе. Парфентьевъ тоже собственно отъ меня пошелъ! съ гордостью заключилъ Сименсъ. Они пожали другъ другу руки, какъ люди, понявшіе другъ друга. Никша ушелъ.

Каждое новое дѣло, которое ему удавалось оборудовать, все выше и выше подымало его духъ. Оставалось только заручиться бумагой, и онъ пошелъ къ бумажному торговцу. Этотъ оказался кремнемъ и на него очень мало подѣйствовало разрѣшеніе. Планъ и программу предпріятія онъ выслушалъ внимательно, но не обнаружилъ ни малѣйшихъ признаковъ убѣжденности. Это былъ вполнѣ русскій человѣкъ, прибывшій сюди изъ Твери и открывшій солидную торговлю на наличныя деньги. Здоровый, краснощекій, тяжеловѣсный, съ окладистой русой бородой,—онъ былъ чуть не единственнымъ человѣкомъ въ городѣ, носившимъ кафтанъ московскаго покроя. Здѣсь въ ходу было нѣмецкое платье, которое носили даже сторожа на пристани. Ѳедоръ Исаичъ Бочаровъ не признавалъ рискованныхъ предпріятій и допускалъ только „вѣрныя дѣла“.

— Да вы вникните, какое это дѣло!—силился убѣдить его Никша:—черезъ недѣлю у меня будутъ тысячи!..

— Черезъ недѣлю, говорите? Такъ приходите черезъ недѣлю!.. невозмутимо отвѣчалъ Бочаровъ.—Впрочемъ, ежели господинъ Парфентьевъ, вашъ хозяинъ, за васъ поручится, я могу...

— Ха, ха, ха, ха!—Никша разсмѣялся ему прямо въ лицо, и въ самомъ дѣлѣ что могло быть смѣшнѣе этого предложенія. Послѣ этого ему стало ясно, что этотъ самодовольный русскій купецъ никогда не поймѣтъ тайны его предпріятія и больше ужь ничего Никша не доказывалъ ему, а вѣжливо раскланялся и ушелъ. Онъ направился прямо къ еврею Хаиму Хесину, у котораго была незавидная торговля, а по сравненію съ Бочаровской—нищенская. Этотъ сразу постигъ суть его идеи и безъ дальнѣйшихъ разговоровъ предложилъ къ его услугамъ всю свою лавку.

Туръ-Севериновъ въ это время тянулъ свою линію. Онъ заходилъ въ первую попавшуюся лавку или контору, и только на секунду останавливался передъ вывѣской, чтобы инстинктивно не попасть въ кабакъ. Онъ входилъ съ дѣловымъ видомъ и важно поправлялъ свои очки, которыя онъ иногда надѣвалъ для внушительности. Подъ мышкой у него былъ портфель и вообще его можно было бы принять за вполнѣ приличнаго человѣка, еслибъ въ самомъ низу брюкъ не болталась бахрома.

— Могу я говорить съ хозяиномъ магазина? — чрезвычайно деликатнымъ голосомъ произносилъ онъ. Хозяинъ отыскивался, Туръ отводилъ его въ наиболѣе изолированный уголъ магазина.

— Вотъ видите-ли, открывается новая газета!—прямо начиналъ Туръ, потому-что ему некогда было размазывать.—Чрезвычайно оригинальная газета, представляющая неисчерпаемыя выгоды для торговцевъ и промышленниковъ. Не угодно-ли вамъ подписаться на мѣсяцъ!..

— Но я уже получаю „Нырскаго Развѣдчика“!

— Ха, ха, ха! Это такая мерзость, и вы еще платите за нее деньги... Нашу же газету вы будете получать даромъ!..

— Какъ даромъ?

— Совершенно даромъ! Вамъ стоитъ только подписаться и каждое утро вамъ будутъ приносить газету, въ которой будетъ все, рѣшительно все...

— Но позвольте, какъ же это... я не понимаю... Какая же выгода?..

Тура начинали принимать за сумасшедшаго и подозрительно оглядывали; но у него на этотъ разъ былъ до такой степени разумный видъ, что всякія подозрѣнія разлетались. Если хозяинъ очень ужь долго ломался, Туръ прибѣгалъ къ послѣднему средству, которое, какъ онъ зналъ по опыту, всегда приносило добрый плодъ. Прервавъ всякія объясненія, онъ прямо объявлялъ:

— Я долженъ вамъ сказать, что газету собственно издаю не я, а другой... Я же состою репортеромъ газеты „Нырскій Развѣдчикъ“.

Хозяинъ моментально отступалъ отъ него на одинъ шагъ и въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ говорилъ: —что-жь, я готовъ, я подпишусь.. Даже, если угодно, заплачу!..

— Нѣтъ-съ! Именно въ томъ-то и вся штука, что безплатно!—съ гордостью произносилъ Туръ, раскрывая новенькій порт-

фель и выдавая квитанцію.— А теперь, прибавлялъ онъ какъ бы между прочимъ,—вамъ, вѣроятно, будетъ интересно помѣстить объявленіе о вашемъ магазинѣ въ первомъ номерѣ... Первый номеръ печатается въ количествѣ семидесяти пяти тысячъ экземпляровъ, его даромъ получитъ весь городъ!.. Объявленія по самой дешевой цѣнѣ... Вдвое дешевле, чѣмъ у Парфентьева!...

Но послѣ того какъ Туръ отрекомендовался репортеромъ, было излишне сочинять семьдесятъ пять тысячъ экземпляровъ. Ему и безъ всякаго объявленія охотно подарили бы рубль. Но онъ держалъ знамя высоко и бралъ только за дѣло. Получивъ то, что слѣдуетъ, онъ забиралъ портфель подъ мышку, опять поправлялъ очки, которыя въ сущности мѣшали ему, и съ важнымъ видомъ уходилъ изъ магазина.

Онъ обошелъ такимъ образомъ добрую половину города; карманы его вздулись отъ мелочи, которую онъ получалъ, и когда вечеромъ онъ пришелъ къ Катрѣ и они принялись вдвоемъ считать серебро и мѣдь, то насчитали больше сотни рублей. Для Катри это было поразительно. Она сидѣла надъ этой очаровательной кучей съ изумленными глазами, возбужденная до послѣдней степени.

Въ это время въ компату съ шумомъ вбѣжалъ Никша. Онъ хохоталъ еще въ передней, а когда увидѣлъ кучу мелочи, пришелъ въ такой восторгъ, что началъ неистово кружить по комнатѣ и цѣловать Катрю и Тура поочередно.

— Ха, чертъ побери! оралъ онъ во всю грудь:—машина дѣйствуетъ, дѣйствуе-этъ! Все готово, даже помѣщеніе для конторы нанялъ, вывѣску заказалъ въ три аршина длины и въ аршинъ ширины, огромными золотыми буквами на черномъ фонѣ: „Редакція и контора „Нырскаго Всезная“, дюжину мальчишекъ нанялъ, чтобы разносили газету всюду и тыкали каждому въ зубы; на всѣхъ перекресткахъ Театральной улицы будутъ раздавать; трехъ наклейщиковъ нанялъ, на всѣхъ столбахъ наклеютъ... Ну, теперь будемъ статьи писать! Туръ! Голубчикъ, Туръ!— и при этихъ словахъ Никша сталъ въ патетическую позу и голосъ его дрожалъ самой непритворной мольбой:—Туръ! Ты у насъ талантъ, это всѣмъ извѣстно! Тряхни ты своими пьяными мозгами! Напиши ты передовую статью, да такую статью, чтобы всѣ ахнули, и главное, чтобы и Парфентьевъ ахнулъ... Приложи ты къ ней всю свою мудрость! Выпей предварительно два штофа водки, только не ударь лицомъ въ грязь. А я откопаю происшествіе, какихъ еще въ городѣ не случалось!.. Чертъ возьми, да и везетъ же намъ, чертовски везетъ!.. Завтра начинаемъ печатать, десять тысячъ экземпляровъ! А въ воскресенье выйдемъ! Да, чортъ возьми! Мы — выйдемъ!.. А что, Катря, не вѣрила? А? Теперь вѣришь?...

Но Катря и теперь еще не знала, вѣритъ она, или нѣтъ. Все это казалось ей сномъ и притомъ дикимъ, невѣроятнымъ. Единственное, что для нея было ясно, это то, что Никша такой жуликъ, какихъ свѣтъ не производилъ, и отъ этого, разумѣется, только увеличивалась ея нѣжность къ нему.

Никша взялъ всю кучу денегъ, сгребъ ее въ платокъ и заперъ въ чемоданъ, насыпавъ предварительно полный карманъ серебра.

— Эй, вы, сотрудники! крикнулъ онъ.— Одѣвайтесь, беремъ коляску и ѣдемъ ужинать!... Да не въ трактиръ какой-нибудь, а въ Коммерческій ресторанъ! Вотъ оно что!.. Ѣдемъ!

Сотрудники живо собрались и коляска отыскалась. Въ коммерческомъ ресторанѣ ихъ встрѣтили съ неожиданной предупредительностью. Ресторанъ былъ шикарный. Въ счастливые дни Никша съ Катрей иногда заходили сюда поужинать, но тогда они были скромны, оставляли не больше трехъ-рублевки, и ресторанная прислуга смотрѣла на нихъ презрительно. Теперь оффиціантъ съ перваго же раза огорошилъ Никшу.

— Поздравляю васъ, Никаноръ Ѳедотычъ, съ газетой! съ низкимъ поклономъ сказалъ онъ, когда компанія усѣлась за столомъ.

Никша принялъ это, какъ должное и, вынувъ изъ кармана нѣсколько мелочи, сунулъ ему.

— Ишь, уже узнали, канальи!—сказалъ онъ,— ладно, скоро весь городъ затрубитъ!... Надо наградить,—прибавилъ онъ, когда лакей побѣжалъ за картой,—пусть распространяетъ. Главное, братъ, чтобъ побольше кричали!..

Бѣдный Туръ нестерпимо страдалъ въ этотъ вечеръ. Никша позволилъ ему выпить всего три рюмки водки и сталъ душить его виномъ, между тѣмъ какъ Туръ вину не придавалъ никакого значенія.

— Невозможно! объяснялъ Никша,— статью писать надобно!.. Передъ сраженіемъ, братъ, пить много не позволяютъ и пьяныхъ разстрѣливаютъ... Ѣшь сколько хочешь, хоть лопни, и винцомъ запивай, а водки—ни-ни! Голова нужна!..

Такъ и не далъ Туру четвертой рюмки.

Въ этотъ вечеръ компанія вышла изъ ресторана совершенно трезвая.

Туръ немедленно сѣлъ за статью, которой рѣшено было убить Парфентьева.

IV.

Случались въ городѣ Нырскѣ событія чрезвычайной важности. Городъ Нырскъ вообще былъ не изъ какихъ-нибудь плохенькихъ; по нѣкоторымъ статьямъ онъ могъ-бы помѣряться съ столицей. Взять хотя бы его новую каланчу, которую строила два года цѣлая коммиссія изъ гласныхъ на городскія деньги. На видъ она ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенныхъ каланчей, но стоила тысячъ пятьсотъ и поэтому считалась достопримѣчательностью города Нырска и всякій пріѣзжій ходилъ смотрѣть ее. Ну, и мало-ли еще что замѣчательнаго было въ городѣ Нырскѣ?! Бывали и событія разныя, проѣзжали черезъ него сановитыя лица и знаменитые путешественники, бывали большіе пожары и пр.; но такого зрѣлища, какое далъ обывателямъ Никша, еще не бывало.

Сидоръ Лаврентьевичъ Куликовъ проснулся въ 8 часовъ утра. Обыкновенно онъ просыпался въ шесть, но такъ какъ сегодня по случаю воскресенья его магазинъ съ красными товарами былъ закрытъ до полудня, то онъ позволилъ себѣ понѣжиться. Онъ всталъ, умылся, одѣлся, помолился Богу, и вышелъ въ столовую съ полной увѣренностью, что проведетъ день мирно и скучно, какъ всегда. Въ столовой среди самовара, молочника съ жирными сливками, стакановъ и сдобныхъ булокъ—обыкновенно лежалъ притаившись „Нырскій Развѣдчикъ“, и Сидоръ Лаврентьевичъ спокойно протянулъ къ нему руку, чтобъ посмотрѣть, что дѣлается въ политикѣ. Но вдругъ рука его перемѣнила направленіе. Это что такое? рядомъ съ „Развѣдчикомъ“ лежитъ другая газета; какая такая? Онъ беретъ и читаетъ: „Нырскій Всезнай“. Газета общественная, литературная и коммерческая. Выходитъ безплатно!...

— Какъ безплатно? Цѣлая газета—безплатно? Жена! Марья Никодимовна? Видѣла? Безплатную газету прислали!..

Марья Никодимовна, положимъ, въ газетахъ ничего не понимала и смотрѣла на нихъ, какъ на средство заворачивать покупки. Но и этого не достанешь безплатно. Что-же это такое?

Сидоръ Лаврентьичъ началъ читать.

— Нѣтъ, слушай, слушай! Таинственное убійство—помнишь—на Проходной? А? Каково? Слѣды отыскались! Женщина, вообрази—женщина подозрѣвается... Ой-ой! Она уже совершила восемь убійствъ... Марья Никодимовна, да это не ты-ли? Ха, ха, ха, ха! Ты у меня вѣдь разбойница... Ха, ха, ха!.. А ну, заглянемъ въ Парфентьевскую... Эге!.. А у Парфентьева и нѣтъ!.. Прозѣвалъ, значитъ... гм... „Похвальное слово Парфентьеву“... Ого-го! Такъ его, такъ... Мошенникъ вѣдь онъ извѣстный... Ага, нашелся таки человѣкъ... Тутъ и про мостъ есть, помнимъ мы этотъ мостъ!..

И Сидоръ Лаврентьевичъ могъ съ увѣренностью сказать, что ни одного еще воскреснаго утра не провелъ онъ съ такимъ наслажденіемъ, какъ это. Но оставалась загадка: почему даромъ? И являлось подозрѣніе—не обманъ-ли это какой-нибудь. Сидоръ Лаврентьевичъ пошелъ справиться. Онъ встрѣтилъ своего сосѣда Кнабе, владѣвшаго мѣняльной лавкой, и только что хотѣлъ спросить его насчетъ новой газеты, какъ г. Кнабе произнесъ:—получили?

— Какъ-же! отвѣчалъ Сидоръ Лаврентьевичъ и прибавилъ:—просто чудеса!

Къ нимъ присоединился трактирщикъ Великановъ и они пошли по указанному адресу посмотрѣть, что за редакція такая. Пришли и видятъ: огромная вывѣска—на черномъ фонѣ золотыми буквами: Редакція газеты „Нырскаго Всезная“. Чертъ знаетъ, что такое!—Значитъ это фактъ!

Но что дѣлалось на улицахъ? Народъ сотнями толпился вокругъ афишныхъ колоннъ. Въ первый моментъ всѣ были поражены.

— Что тамъ такое? спрашивали прохожіе, видя, что столбы окружены толпой.

— Богъ его знаетъ! Сказываютъ, будто новая газета вышла!

— Чертъ ихъ разберетъ! Газета?! Какая-же это газета? Развѣ газету на столбахъ наклеиваютъ?

— А видишь, нашелся такой, что наклеилъ!...

Но такъ какъ толпа была густая и задніе никакъ не могли добраться до газеты, то раздавались крики:

— Эй, кто тамъ поближе—грамотный? Читай вслухъ!

Начиналось невнятное чтеніе, чуть не по складамъ. Толпа недовольна.

— Что онъ тамъ везетъ? Надо господина поставить! Господинъ всегда грамотный.

— Бываетъ, что и не всегда!—острилъ кто-то и вызывалъ смѣхъ. Отыскивался господинъ и начиналъ читать громко и внятно. Когда чтецъ доходилъ до Парфентьевскаго моста, воздухъ оглашали крики

одобренія. Толпа ужасно любитъ, когда кого-нибудь публично поносятъ, а если еще это извѣстный плутъ, котораго всѣ боятся, то поноситель дѣлается героемъ.

— А что-жь, это хорошо!—разсуждали читатели.—Для бѣднаго человѣка это очень даже полезно... Первое дѣло — занятное чтеніе, а второе и въ объявленіяхъ все показано, гдѣ что найти можно! Это именно для бѣднаго человѣка хорошо!

— Именно! Вотъ подлинно наша газета!

Такимъ образомъ Никша вдругъ былъ произведенъ въ народолюбцы, вслѣдствіе чего всюду категорически утверждали, что газета „Нырскій Всезнай“ насквозь пропитана демократическимъ направленіемъ. Видитъ Богъ, что это была напраслина, ибо главный и единственный сотрудникъ, Туръ-Севериновъ, хотя и зналъ о существованіи разныхъ направленій, но ко всѣмъ относился одинаково равнодушно и признавалъ только, какъ онъ выражался, одно направленіе — „очищенное“, что-же касается редактора-издателя, Никапора Федотыча Ватрушкина, то онъ, если и слышалъ въ газетномъ обиходѣ что-либо про демократію, то во всякомъ случаѣ не могъ сказать съ увѣренностью, что это—книжкали такая, или увеселительное заведеніе. Тѣмъ не менѣе мнѣніе это настолько установилось въ публикѣ, что мѣстная полиція, опасаясь сочувственныхъ Никшѣ демонстрацій, насторожила уши.

— Эй вы, расходись! кричали городовые.—Чего столпились? Ишь, тоже читатели отыскались! Очень вамъ это нужно!.. Пшелъ!..

Никша сидѣлъ въ своей редакціи и принималъ поздравленія. Нечего и говорить, что онъ уже успѣлъ обѣгать всѣ улицы и вдоволь насладиться своимъ торжествомъ. Онъ просто не могъ надивиться обилію отыскавшихся у него друзей. Къ нему приходили люди, которыхъ онъ и въ глаза не видалъ, и жали ему руку. Имя Ватрушкина звучало на всѣхъ перекресткахъ.

— И вѣдь этакій чертъ, этотъ Ватрушкинъ!—восхищались обыватели: — настоящій американецъ.

— Н-да! Пройдоха порядочная! подтверждали другіе. Но всѣ сходились на мнѣніи, что онъ — голова. Газету брали на расхватъ; къ двумъ часамъ дня всѣ десять тысячъ экземпляровъ разошлись, пришлось отказывать. А вечеромъ Никша потѣлъ надъ писаніемъ квитанцій. Объявленій принесли массу, деньги сыпались въ ящикъ его конторки.

Часовъ въ двѣнадцать почи, когда Никша, сидя за своей конторкой, приводилъ въ порядокъ квитанціи и считалъ свои доходы, въ контору вошелъ Туръ-Севериновъ. Онъ подошелъ прямо къ ящику и протянулъ руку, чтобы запустить ее въ кучу рублевыхъ бумажекъ.

— Долю!—сказалъ онъ голосомъ, недопускающимъ возраженій.

Но Никша деликатно отвелъ его руку и повернулъ ключъ въ замкѣ конторки. Замокъ щелкнулъ и въ тотъ-же мигъ ключъ оказался въ карманѣ у Никши.

— Какъ-же, братъ, это будетъ?—съ недоумѣніемъ спросилъ Туръ-Севериновъ.

— Ты, Туръ, настоящій младенецъ... Сообрази: вѣдь у насъ все въ кредитъ. Ежели мы сейчасъ начнемъ дѣлиться да транжирить, такъ намъ на послѣзавтра не достать ни листа бумаги, ни буквы шрифта. Прежде надобно за все заплатить, а тамъ у насъ кредитъ на цѣлый мѣсяцъ будетъ. А ты сейчасъ долю!.. Э-эхъ! Сказалъ бы: дай десять рублей на прошвку, дѣло другое!..

И Никша предложилъ ему красную бумажку. Туръ взялъ, но положилъ ее въ карманъ съ явнымъ колебаніемъ. Не то, чтобъ доводы Никши казались ему не резонными, напротивъ, онъ сейчасъ-же призналъ ихъ мудрость: но при этомъ въ глазахъ редактора-издателя игралъ и переливался такой странный, двусмысленный огонекъ, что у Тура тутъ- же мелькнула мысль: „какъ бы не надулъ“!

— А покажи-ка счетъ! сколько выработалъ нынче? спросилъ Туръ. Никша лукаво улыбнулся и показалъ свои желтые зубы.

— Это, братецъ, секретъ редакціи!..

Тура это такъ и огорошило. Ясное дѣло, хочетъ надуть. И онъ тотчасъ-же принялъ враждебный видъ.—Что-же это значитъ, Никша? Ты хочешь обойти меня?

— Да отстань ты, все будетъ, удовлетворю тебя, дай срокъ... Вѣдь ежели я покажу тебѣ счетъ, ты все разболтаешь... А вѣдь это секретъ, чертовскій секретъ.

„Надуетъ, надуетъ“! почти рѣшилъ уже Туръ-Севериновъ. И вѣроятно это скептическое убѣжденіе было написано на его лицѣ, потому что Никша счелъ своимъ долгомъ разогнать его. Онъ всталъ и дружески похлопалъ его по плечу.

— Турочка, голубушка! И чего ты волнуешься? Погоди, станемъ на ноги, все тогда будетъ!..

Но Туру до такой степени стало ясно, что Никша собирается надуть его, что онъ отвергъ эту дружескую ласку, тряхнулъ плечами и взялся за шапку.

— Мошенникъ ты былъ, мошенникомъ и останешься! Вотъ что! Только я по-

смотрю, какъ это ты статьи будешь писать безъ меня, кто это тебѣ букву *ять* проставитъ, гдѣ слѣдуетъ!

И Туръ вышелъ изъ конторы, а Никша тихонько смѣялся въ полной увѣренности, что этотъ порывъ пройдетъ и что такое благородное возмущеніе въ Турѣ объясняется его трезвымъ состояніемъ; когда-же онъ начнетъ реализовать только что полученную десятирублевку, то сдѣлается мягче и за полштофа очищенной напишетъ какую угодно статью Притомъ же Туръ теперь былъ въ его рукахъ. Парфентьеву все извѣстно. Послѣ надѣлавшей столько шума передовой статьи, которая сдѣлала Парфентьева посмѣшищемъ на весь городъ, Парфентьевъ, конечно, Тура и на глаза не пуститъ, и Туръ волей неволей будетъ къ его услугамъ. Положимъ, столъ дастъ ему теща, но надо-же что-нибудь пить. А это послѣднее обстоятельство всецѣло отдавало Тура въ его руки.

Такъ какъ въ понедѣльникъ газеты въ городѣ Нырскѣ не выходили, то Никша въ этотъ день ощущалъ какъ-бы близость грозы. Кромѣ парфентьевской газеты въ городѣ издавался еще „Нырскій Обозрѣватель“, газета старая, возникшая чуть-ли не при основаніи города; но такъ какъ и издатель ея возникъ почти одновременно съ нею, то газета находилась въ состояніи старческаго одряхлѣнія. Подписчиковъ у нея было очень мало, а задору еще меньше. Поэтому Никша ожидалъ нападенія главнымъ образомъ съ парфентьевской стороны.

Въ редакціи „Нырскаго Развѣдчика“ въ самомъ дѣлѣ произошелъ переполохъ. Парфентьевъ метался, какъ раненый левъ; сначала онъ рѣшилъ было отыскать „это проклятое гнѣздо“, т.-е. редакцію новой газеты, и разнести его начисто, избить Ватрушкина и Туръ-Северинова, и такимъ образомъ пресѣчь зло въ самомъ корнѣ. Но его отговорили. Копадокійскій, завѣдовавшій иностраннымъ отдѣломъ, находилъ, что такой способъ дѣйствій—не парламентскій, главный фельетонистъ—Огурчиковъ, писавшій подъ именемъ Графа Порнографа, и извѣстный своимъ крайне демократическимъ направленіемъ, сказалъ, что хотя это и радикальное средство, но оно не годится, потому что изъ-за него можно сидѣть въ тюрьмѣ. Рѣшено было дѣйствовать на внезапно появившагося врага посредствомъ печатнаго слова, „ибо, какъ изрекъ при этомъ случаѣ Графъ-Порнографъ,— печатное слово, это сила, при помощи которой можно забросать всякаго человѣка грязью отъ ногъ до головы“.

— Въ самомъ дѣлѣ! - сказалъ Парфентьевъ и вспомнилъ, какъ этотъ самый Графъ-Порнографъ, когда возникла его, Парфентьева, газета, а онъ, Порнографъ, былъ фельетонистомъ въ „Нырскомъ Обозрѣвателѣ“, забросалъ его, Парфентьева, вмѣстѣ съ его газетой, грязью—посредствомъ печатнаго слова.

И было принято рѣшеніе мобилизировать всѣ отдѣлы газеты и выстрѣлить разомъ изъ всѣхъ пушекъ въ новую газету. Такимъ образомъ началась полемика.

Это была полемика совершенно особеннаго рода. На первой страницѣ парфентьевской газеты красовалась статья, подъ заглавіемъ: „Жулики“; въ этой статьѣ прямо объяснялось, что въ г. Нырскѣ появилась шайка мошенниковъ, и что главные изъ нихъ—одинъ подъ видомъ фельетониста, другой подъ видомъ репортера, служили въ редакціи „Развѣдчика“, но, какъ уличенные въ похищеніи носовыхъ платковъ, были прогнаны; и вотъ теперь они придумали улавливать довѣрчивыхъ обывателей посредствомъ какой-то безграмотной галиматьи, которую—о, святотатство! назвали газетой. „Берегите карманы, любезные читатели“! Затѣмъ въ хроникѣ сообщалось, что въ редакціи полученъ листъ какой-то грязной бумаги, отъ котораго страшно несетъ сивухой; бумага, очевидно, вышла прямо изъ кабака и въ редакцію „Развѣдчика“ попала по ошибкѣ. Наконецъ Графъ-Порнографъ написалъ фельетонъ, отъ начала до конца посвященный событію. „Милостивые государи!— такъ начинался фельетонъ,—не можете-ли вы порекомендовать мнѣ порядочнаго лакея? У меня былъ прекрасный лакей, можно сказать — мастеръ своего дѣла. Какъ чистилъ онъ сапоги, Боже мой, что это былъ за гляпецъ! Звали его Никаномъ Ватрушкинымъ. Но какъ-то разъ онъ выпилъ лишнее и разбилъ мою драгоцѣнную вазу изъ севрскаго фарфора, которую мнѣ подарила одна изъ безчисленныхъ поклонницъ моего таланта, и я далъ ему за это въ морду и онъ обидѣлся. Обидѣлся онъ и покинулъ меня и сталъ издавать газету“... И такъ дальше, все въ такомъ родѣ. На другой день Никша съ Туромъ приложили съ своей стороны старанія, и въ отвѣтъ на всѣ вышеприведенные комплименты—разсказали краткую біографію Графа-Порнографа, причемъ припомнили, что онъ соблазнилъ нѣкогда жену одного почтеннаго человѣка и намекнули, что у него по субботамъ бываютъ противузаконныя сборища.

Полемика длилась безъ конца и сильно поддерживала въ публикѣ интересъ къ га-

зетѣ Ватрушкина. Дѣла Никши поднялись до такой степени, что онъ давно уже уплатилъ всѣ долги и печаталъ свою газету на наличныя деньги.

Каждый день часовъ около двѣнадцати дня можно было видѣть счастливую пару, прогуливавшуюся по Театральной улицѣ. Никша въ новомъ пальто англійскаго покроя, необычайно щеголеватомъ; яркіе клѣтчатые штаны обтягивали его тонкія ноги, какъ трико; блестящій цилиндръ увѣнчивалъ его голову; Катря объ руку съ нимъ, трогательно прижавшись къ его плечу, шла съ цвѣтущимъ лицомъ, съ сіяющей улыбкой на розовыхъ устахъ. На ней была мѣховая шубка съ бархатнымъ верхомъ; пышное боа нѣжно обвивало ея бѣлую шею, огромная шляпа съ множествомъ лентъ, перьевъ и птичьихъ носовъ колебалась на ея головѣ. Они шли молча съ важнымъ видомъ; Никшѣ ежеминутно кланялись, онъ солидно приподымалъ свой цилиндръ, онъ уже былъ популяренъ. Потомъ Никша отводилъ свою даму домой, а самъ отправлялся въ контору, гдѣ у него уже сидѣлъ благообразный господинъ, принимавшій объявленія. Квартира у нихъ, разумѣется, была новая. Три небольшихъ свѣтлыхъ комнаты съ балкономъ на улицу, очень мило обставленныя, своя прислуга, своя кухня; недоставало еще пока лошадей. Изрѣдка къ нимъ заходилъ Туръ-Северіновъ. Но у него былъ всегда такой угрюмый, иногда даже угрожающій видъ, что Катря побаивалась его и Никша спѣшилъ отдѣлаться. Повидимому, у Тура было что-то на душѣ, но онъ еще не рѣшался высказаться. Наконецъ, онъ рѣшился. Это было въ небольшомъ „кабинетѣ редактора“, гдѣ обыкновенно засѣдалъ Никша. Туръ-Северіновъ вошелъ и по лицу его уже можно было догадаться, что онъ *рѣшился*. Во-первыхъ, онъ надѣлъ очки, а это онъ дѣлалъ лишь въ экстраординарныхъ случаяхъ. Никша понялъ это и приготовился. Собственно говоря, Никша отлично зналъ, о чемъ будетъ разговоръ.

— Намъ надо объясниться! почти грозно сказалъ Туръ.

— О чемъ же-съ? — самымъ невиннымъ тономъ спросилъ Никша.

— Вотъ уже три мѣсяца, какъ выходитъ наша газета! .

— Не наша, а моя... Только моя!—поправилъ Никша.

Туръ закусилъ губу.

— Твоя?—спросилъ онъ, глядя на него изъ подлобья и сжавъ кулакъ.

— Моя, моя, моя!

— А долю—забылъ?

— Долю? какую долю? Три копѣйки за строчку плачу тебѣ, а Парфентьевъ платилъ двѣ... Чего тебѣ еще надо?

— И послѣ этого ты *порядочный* человѣкъ?

При этомъ словѣ Никша такъ и прыснулъ.

— Порядочный? ха, ха, ха! Вотъ новости! Очень мнѣ это нужно!..

— Такъ вотъ что: я больше ни строчки не пишу, слыхалъ?..

Но на это Никша только разсмѣялся и потрясъ въ воздухѣ цѣлой кипой четко исписанной бумаги.

— А вотъ!—сказалъ онъ,—мнѣ этого на цѣлый годъ хватитъ!

Это были даровыя статьи— передовыя, фельетоны, стихотворенія, анекдоты, повѣсти, цѣлые романы. Все это присылалось и приносилось въ редакцію каждый день въ огромномъ количествѣ. Скромные авторы ничего не требовали, кромѣ того, чтобъ ихъ произведенія, непремѣнно посвященныя какой-нибудь дамѣ, были преданы тисненію и красовались на афишныхъ столбахъ города Нырска. При видѣ этой угрожающей кучи, въ которой неразборчивый и невѣжественный Никша всегда могъ найти что-нибудь для себя подходящее, Туръ-Северіновъ понялъ, что онъ уже болѣе не необходимъ и, будучи отъ природы человѣкомъ слабохарактернымъ, сдался и махнулъ на все рукой, благо теща продолжала кормить его сытными обѣдами.— Прохвостомъ ты былъ, прохвостомъ и останешься!—сказалъ ему Туръ, чтобъ сколько-нибудь утѣшить себя.

— Наплевать мнѣ на это! совершенно спокойно отвѣчалъ Никша.

Болѣе двухъ лѣтъ газета „Нырскій Всезнай“ неизмѣнно украшала афишные столбы города, и каждый день (кромѣ понедѣльниковъ и послѣпраздничныхъ дней, какъ и значилось въ ея заголовкѣ) публика кучками собиралась на перекресткахъ и читала. У нея были постоянные читатели, для которыхъ она сдѣлалась необходимой, которые были-бы весь день въ дурномъ расположеніи духа, если-бы утромъ не постояли четверть часа у афишнаго столба. Благополучіе Ватрушкина замѣтно возрастало; у него уже были экипажъ и пара вороныхъ, на которыхъ Катря разъѣзжала съ невѣроятно важнымъ видомъ и съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства. Однимъ словомъ дѣла шли отлично.

Но тутъ случилось новое обстоятельство, которое, какъ два года назадъ извѣстная идея, всецѣло охватило умъ Никанора Ватрушкина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Потапенко.

Техника драмы.

Густава Фрейтага.

III.

Единство дѣйствія.

йствіе драмы есть построенное по данной идеѣ событіе, содержаніе котораго изображается характерами.

Оно слагается изъ многихъ частностей и состоитъ изъ извѣстнаго числа драматическихъ моментовъ, достигающихъ сценическаго воздѣйствія въ постепенномъ расчлененіи.

Дѣйствіе серьезной драмы должно имѣть слѣдующія свойства:

Оно должно образовать строго замкнутое единство.

Примѣненіе этого знаменитаго закона было весьма различно у грековъ и римлянъ, у испанцевъ и французовъ, у Шекспира и нѣмцевъ, что зависѣло отчасти отъ взглядовъ эстетиковъ, отчасти отъ свойства сценъ. Съуженіе требованій этого закона французскими классиками и борьба нѣмцевъ противъ трехъ единствъ мѣста, времени и дѣйствія, представляютъ для насъ въ настоящее время лишь литературно-историческій интересъ *).

Никакой сюжетъ не мыслимъ безъ предпосылокъ, въ какой бы совершенной степени ни былъ онъ освобожденъ отъ связи съ другими событіями. Эти безусловно необходимыя предпосылки должны быть настолько представлены слушателю во вступительныхъ сценахъ, насколько это нужно, чтобъ онъ могъ окинуть взоромъ основы пьесы, но не подробнѣе, дабы не съузить этимъ пространства, отводимаго самому дѣйствію. И такъ, прежде всего слѣдуетъ указать время, народъ, мѣсто, взаимоот-

*) Какъ извѣстно, Аристотель вовсе не требуетъ единства мѣста. Относительно непрерывной послѣдовательности времени, онъ ограничивается заявленіемъ, что трагедія старается, насколько это возможно, сосредоточить свое дѣйствіе въ періодѣ однихъ сутокъ. Можно заключить, что у грековъ именно кружокъ Софокла настаивалъ въ практикѣ искусства на томъ, что мы называемъ единствомъ мѣста и времени. И не безъ основанія. Сжатое дѣйствіе Софокла съ крайне правильнымъ построеніемъ требуетъ вообще весьма короткаго дѣленія сказанія, такъ что лежащее въ основѣ событіе нерѣдко могло бы пропзойти въ тотъ же короткій періодъ нѣсколькихъ часовъ, какой занимаетъ его представленіе на сценѣ. У Софокла была еще особая причина избѣгать измѣненія сцены, допущеннаго, напримѣръ, Эсхиломъ въ *Эвменидахъ*. Мы знаемъ, что онъ дорожилъ театральной живописью, онъ ввелъ болѣе художественное убранство задняго плана, и въ день представленія его драмы ему, какъ можно предположить, было необходимо имѣть для четырехъ частей ея четыре большихъ декораціи, которыя, при гигантскихъ размѣрахъ сцены въ Акрополѣ, вызывали уже сами по себѣ значительные расходы. Перемѣна всего задняго плана во время представленія была невозможна, а простая перестановка періактовъ—если только эти послѣдніе уже существовали при Софоклѣ—являлась для сердца античнаго режиссера такой же несовершенной мѣрой, какой была бы для насъ перемѣна боковыхъ кулисъ безъ измѣненія задняго плана. Менѣе общеизвѣстенъ, быть можетъ, тотъ фактъ, что какъ разъ Шекспиръ, такъ свободно распоряжающійся мѣстомъ и временемъ вслѣдствіе того, что прочная архитектура его сцены избавляла его отъ необходимости сценическаго указанія перемѣнъ, или, по крайней мѣрѣ, облегчала ему это указаніе, тѣмъ не менѣе представлялъ свои пьесы на театрѣ, бывшемъ, по отсутствію въ немъ украшеній, потомкомъ аттическаго просценіума. Благодаря небольшимъ измѣненіямъ, этотъ просценіумъ превратился мало-по-малу въ римскій театръ, въ средневѣковую постройку для мистерій и въ подмостки Ганса Сакса. Съ другой стороны, тотъ же классическій періодъ французскаго театра, который съ такой чопорностью и щепетильностью пытался воскресить греческія традиціи, завѣщалъ намъ глубокій раекъ нашей сцены, возникшій изъ потребностей балета и оперы.

ношенія выступающихъ главныхъ лицъ, при этомъ и неизбѣжныя нити, исходящія изъ всего, что осталось за предѣлами дѣйствія, и вплетающіяся въ это самое дѣйствіе. Если, напримѣръ, въ основѣ трагедіи «Коварство и Любовь» лежитъ прочная сердечная привязанность, то необходимо тотчасъ же ярко и наглядно освѣтить передъ слушателемъ эти отношенія обоихъ главныхъ лицъ и семейную жизнь, изъ которой должна развиться трагедія. Въ особенности при историческомъ сюжетѣ, извлекаемомъ изъ огромной и безконечной связи міровыхъ событій, изложеніе его предпосылокъ оказывается далеко не легкимъ дѣломъ, и поэтъ долженъ приложить всѣ старанія, чтобъ упростить ихъ, насколько это возможно.

Но отъ этого необходимаго вступленія должно рѣзко отдѣляться, какъ отдѣляется начинающаяся мелодія отъ вступительныхъ аккордовъ, начало страстнаго дѣйствія. Этотъ первый моментъ движенія, моментъ возбуждающій, имѣетъ большую важность для впечатлѣнія, производимаго драмой; объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

Точно также и конецъ дѣйствія долженъ быть общепонятнымъ результатомъ общаго хода событій, здѣсь-то и должна живо чувствоваться внутренняя необходимость; что касается развязки, то она должна представлять полное окончаніе борьбы и возбужденныхъ конфликтовъ.

Въ предѣлахъ этихъ границъ дѣйствіе должно протекать въ непрерывной связи. Эта внутренняя связь достигается въ драмѣ тѣмъ, что все послѣдующее выводится изъ предъидущаго, какъ слѣдствіе какой-либо изображенной причины — явятся ли побуждающіе элементы логической необходимостью, вытекающей изъ событій, а элементы, вновь вступающіе, вѣроятнымъ и общепонятнымъ результатомъ совершенныхъ ранѣе поступковъ, будутъ ли производящіе элементы общепонятной особенностью уже представленнаго характера. И тогда, когда къ общему ходу дѣла должны неизбѣжно присоединиться новыя событія, даже такія, которыя могутъ показаться слушателю неожиданными и поразительными, эти послѣднія требуютъ незамѣтнаго, но полнаго объясненія чрезъ предшествовавшіе факты. Это обоснованіе событій въ драмѣ называется мотивировкой. Мотивы соединяютъ частности дѣйствія въ художественно сплоченное цѣлое. Сцѣпленіе мотивовъ свободнымъ творчествомъ причинной связи составляетъ отличительную черту этого вида искусства; этимъ сцѣпленіемъ достигается *драматическая* идеализація сюжета.

Примѣромъ этого можетъ послужить преобразованіе какого-нибудь разсказа въ драматическое дѣйствіе. Разсказъ гласитъ слѣдующее. Въ Веронѣ двѣ благородныя семьи жили въ старинной враждѣ и распрѣ. По волѣ случая сынъ одного изъ этихъ знатныхъ родовъ приводитъ однажды въ исполненіе вмѣстѣ со своими товарищами задуманную имъ смѣлую шутку — проникнуть въ маскѣ на костюмированный балъ, устроенный главой другаго рода. На этомъ балу самовольный пришелецъ видитъ впервые дочь своего врага; въ нихъ обоихъ возникаетъ беззавѣтная страсть, они уговариваются тайно обвѣнчаться, и духовникъ дѣвушки совершаетъ надъ ними вѣнчальный обрядъ. Затѣмъ, опять по волѣ случая, новобрачный вступаетъ въ ссору съ двоюроднымъ братомъ своей невѣсты, и, убивъ его въ поединкѣ, изгоняется герцогомъ, правителемъ страны, подъ угрозою смертной казни. Между тѣмъ, одинъ знатный женихъ проситъ у родителей новобрачной ея руки; отецъ не обращаетъ вниманія на отчаянныя мольбы дочери и назначаетъ день бракосочетанія. Въ этомъ ужасномъ положеніи молодая женщина получаетъ отъ своего духовника снотворный напитокъ, который долженъ вызвать въ ней мнимую смерть; духовникъ беретъ на себя освободить ее изъ гроба и увѣдомить находящагося вдали отъ родины супруга ея о ходѣ дѣлъ. Но опять-таки по несчастной случайности, прежде еще чѣмъ гонецъ патера успѣлъ явиться къ супругу, послѣдній получаетъ извѣстіе о смерти своей возлюбленной. Онъ спѣшитъ тайно возвратиться въ родной городъ и проникаетъ ночью въ склепъ; по несчастью онъ встрѣчается тамъ съ избраннымъ родителями женихомъ, убиваетъ его и у гроба возлюбленной принимаетъ ядъ. Возлюбленная просыпается, видитъ умирающаго супруга и закалывается его кинжаломъ *).

Этотъ разсказъ есть простой отчетъ о поразительномъ событіи. Здѣсь говорится лишь о томъ, что все это *произошло*; *какъ* и *почему* это произошло, не имѣетъ значенія. Послѣдовательный ходъ разсказанныхъ событій соединенъ весьма слабой связью, теченіе ихъ и катастрофа обусловлены случаемъ, прихотью судьбы, непредвидѣннымъ совпаденіемъ несчастныхъ моментовъ. Больше того, поразительная игра случая и составляетъ здѣсь главный интересъ. Повидимому такой сюжетъ особенно неблагопріятенъ для драмы. И тѣмъ не менѣе великій поэтъ создалъ изъ него одну изъ своихъ прекраснѣйшихъ драмъ.

Всѣ факты остались неизмѣненными, измѣнилась только ихъ связь. Ибо задача поэта заключалась не въ томъ, чтобы представить намъ на сценѣ факты, а въ томъ, чтобы вывести ихъ изъ ощущеній, желаній, поступковъ его дѣйствующихъ лицъ, объяснить ихъ и раз-

*) Намъ нѣтъ надобности останавливаться здѣсь на подробностяхъ старинной новеллы и на измѣненіяхъ, сдѣланныхъ въ ней Шекспиромъ.

вить правдоподобнымъ и логическимъ образомъ. Вначалѣ онъ долженъ былъ изложить предпосылки дѣйствія: распри, господствовавшія въ итальянскомъ городѣ той эпохи, когда люди носили при себѣ шпаги, и страсть къ дракѣ заставляла быстро хвататься за оружіе; вождей обѣихъ партій, правительственную власть, съ трудомъ сдерживающую безпокойныхъ подданныхъ. Потомъ рѣшеніе Капулета устроить пиръ. Засимъ должно было послѣдовать изображеніе забавной продѣлки, приведшей Ромео съ его спутниками въ домъ Капулета. Но этотъ возбуждающій моментъ, съ котораго начинается дѣйствіе, не долженъ былъ явиться случайностью, его надо было объяснить характерами. Поэтому было необходимо вывести прежде товарищей Ромео, задорныхъ, смѣлыхъ, играющихъ съ жизнью въ избыткѣ необузданной юношеской силы. Этому требованію мотивировки обязанъ своимъ существованіемъ Меркуціо. Въ контрастъ сумасброднымъ товарищамъ былъ созданъ меланхолическій герой Ромео, характеръ котораго еще до вступленія его въ разгаръ дѣйствія долженъ выражать страстность, стремящуюся къ любви. Отсюда мечты о Розалиндѣ. Затѣмъ требовалось представить правдоподобной возникающую взаимную склонность влюбленной четы. Для этого создана сцена на балу и сцена на балконѣ. Все очарованіе поэзіи примѣняется здѣсь съ наивысшей цѣлесообразностью, дабы показать понятнымъ и вполнѣ естественнымъ образомъ, что отнынѣ жизнь влюбленной четы опредѣляется нѣжною страстью.

Второстепенная фигура, вступающая въ пьесу съ этого момента, должна была содѣйствовать своимъ характеромъ мотивировкѣ интриги и печальной развязки. Для разсказа достаточно было того факта, что священникъ обвѣнчалъ влюбленныхъ и руководилъ интригой—такіе пособники бывали всегда и вездѣ. Но какъ скоро онъ выступилъ самъ и вмѣшался въ дѣйствіе, онъ долженъ былъ воплотиться въ личность, которая объясняла-бы все послѣдующее; онъ долженъ былъ явиться добросердечнымъ и участливымъ, чтобы заслужить своей добротой такое глубокое довѣріе; онъ долженъ былъ оказаться непрактичнымъ и склоннымъ къ тайнымъ хитростямъ, какими нерѣдко бываютъ лучшіе священники итальянской церкви, чтобы рѣшиться впослѣдствіи пустить свою духовную дочь на смѣлую игру со смертью. Такъ возникъ Лоренцо.

Послѣ бракосочетанія въ разсказѣ происходитъ несчастный случай съ Тибальтомъ. Здѣсь драматическій поэтъ имѣлъ особый поводъ лишить внезапно наступившее событіе характера случайности. Для него не могло быть достаточнымъ представить Тибальта горячимъ забіякой; онъ долженъ былъ уже въ предшествующихъ сценахъ, не давая замѣтить своего намѣренія слушателю, обосновать особую ненависть Тибальта къ Ромео и его товарищамъ. Отсюда маленькая эпизодическая сцена на балу, гдѣ разражается гнѣвъ Тибальта на вторженіе Ромео. И въ самой сценѣ поэту пришлось пустить въ ходъ самые сильные мотивы, чтобъ принудить Ромео къ поединку. Ради этого, а также и ради того, чтобъ возвысить значеніе этой трагической сцены и объяснить гнѣвъ герцога, долженъ былъ прежде пасть Меркуціо.

Немедленно послѣ того отправить Ромео въ изгнаніе, какъ это дѣлаетъ разсказъ, было невозможно для драмы. Для нея являлось повелительной необходимостью возвысить до крайнихъ предѣловъ возбужденную страсть и доказать зрителю нераздѣльность влюбленныхъ. Въ какой степени удалось это поэту, извѣстно каждому. Сцена брачной ночи представляетъ кульминаціонный пунктъ дѣйствія, и поэтическое выполненіе, котораго мы здѣсь не касаемся, выдвигаетъ ее съ невыразимой красотою. Но эта сцена была необходима и по другимъ причинамъ. Характеръ Юліи требуетъ повышенія въ сторону благородныхъ чувствъ; для того, чтобы впослѣдствіи ея отчаянное рѣшеніе было найдено соотвѣтствующимъ ея природѣ, поэтъ долженъ показать, что нѣжно любящая дѣвушка способна и на высокія движенія, на самую сильную страсть. Удивительная борьба, происходящая въ ней по поводу смерти Тибальта и изгнанія Ромео, должна предшествовать брачной ночи, чтобы придать любовному стремленію невѣсты чудный патетическій характеръ, усиливающій сочувствіе къ этой нѣсколько щекотливой сценѣ. Но возможность этой сцены тоже требовала объясненія; ея мелкіе вспомогательные мотивы, отецъ Лоренцо и кормилица, служащіе посредниками, получаютъ опять-таки большое значеніе. Характеръ кормилицы, одно изъ безподобнѣйшихъ созданій Шекспира, точно также не случайно сложился такимъ; именно такой, какъ она есть, она является подходящей пособницей и объясняетъ внутренній разрывъ съ ней Юліи и катастрофу.

Непосредственно послѣ брачной ночи Юлія получаетъ приказаніе выйти замужъ за Париса. То обстоятельство, что прелестной дочери Капулета представляется знатный женихъ, и что отецъ ея—грубая вспыльчивость котораго уже раньше была достаточно мотивирована—дѣйствуетъ при этомъ съ жестокимъ принужденіемъ, было бы признано слушателемъ правдоподобнымъ и натуральнымъ и безъ дальнѣйшаго подготовленія. Но драматургу было очень важно обосновать уже заранѣе это знаменательное событіе. Еще *до* брачной ночи заставляетъ онъ Париса заручиться обѣщаніемъ отца; и эту темную тѣнь хотѣлъ онъ набросить на величественную любовную сцену, хотѣлъ объяснить какъ можно вразумительнѣе и общепонятнѣе внезапное вмѣшательство рока.

Теперь судьба влюбленныхъ ввѣрена слабымъ рукамъ патера Лоренцо. До сихъ поръ драма тщательно исключала всякое вторженіе случая; все, кончая самыми мелкими подробностями, объяснялось характерами и положеніями. Теперь на двухъ несчастныхъ уже тяготѣетъ ужасный жребій: пролитая кровь, смертельная фамильная вражда, тайный бракъ, изгнаніе, новое сватовство; все это съ нѣкоторой неизбѣжностью заставляетъ уклоняться въ сторону ощущенія слушателя. Введеніе мелкихъ объяснительныхъ мотивовъ уже не производитъ впечатлѣнія и оказывается теперь не нужнымъ. Такимъ образомъ, случай можетъ теперь разбить хитрость безразсуднаго и непрактичнаго патера. Ибо слушатель такъ живо чувствуетъ въ настоящую минуту, что подвергать живое существо непредвидѣннымъ случайностямъ снотворнаго напитка и погребенія было отчаяннымъ и безумнымъ шагомъ, что онъ уже теперь *считаетъ несчастный случай вѣроятнымъ исходомъ*.

Такъ подготовляется и обосновывается катастрофа. Но для того, чтобъ у слушателя совершенно исчезла надежда на счастливую развязку и чтобъ даже въ послѣднее мгновеніе внутренняя необходимость гибели перевѣшивала всю важность неизбѣжныхъ случайностей въ склепѣ, Ромео долженъ еще у входа въ склепъ убить Париса.

Смерть этого посторонняго человѣка — послѣдній мотивъ печальнаго конца влюбленныхъ. Ихъ путь такъ густо залитъ кровью, что, еслибъ даже Юлія проснулась теперь въ благопріятную минуту, весьма мало вѣроятія въ томъ, чтобъ жизнь и счастье могли стать ихъ удѣломъ.

Мы хотѣли лишь показать здѣсь на нѣсколькихъ главныхъ моментахъ противоположность между внутренней драматической связью и эпическимъ разсказомъ. Пьеса заключаетъ въ себѣ множество и другихъ мотивовъ, и вся она, до самыхъ мелочей, цѣлесообразно сплочена и соединена твердыми скрѣпами.

Но внутреннее единство драматическаго дѣйствія *не достигается* тѣмъ, что какой-нибудь рядъ событій является подвигами и страданіями все одного и того же героя. Ни одинъ изъ великихъ основныхъ законовъ драматическаго творчества не нарушался такъ часто даже и великими поэтами. И всякій разъ это пренебреженіе къ сценическимъ воздѣйствіямъ вредило и геніальнымъ дарованіямъ. Сцена аѳинянъ уже страдала этимъ; уже Аристотель старался противодѣйствовать этому злу, говоря со свойственной ему рѣшительностью: «Дѣйствіе есть самое первое и самое важное, характеры стоятъ лишь на второмъ мѣстѣ»—и «Дѣйствіе становится единымъ не оттого, что вращается вокругъ одного лица». Въ особенности мы, новѣйшіе писатели, такъ часто поддающіеся обаянію историческихъ сюжетовъ, имѣемъ настоятельный поводъ держаться того правила, что недостаточно одного единства персонала для приведенія къ единству событій.

И теперь еще случается, что поэтъ задается цѣлью представить жизнь государя-героя—какъ онъ ссорится съ своими вассалами, какъ онъ то воюетъ, то мирится съ своими сосѣдями и съ церковью и какъ, наконецъ, гибнетъ въ подобной борьбѣ; поэтъ распредѣляетъ главные моменты исторической жизни на пять актовъ и на три часа сценической драмы, излагаетъ въ рѣчахъ и репликахъ политическіе интересы и партійные взгляды, вплетаетъ, худо ли, хорошо ли, любовный эпизодъ и воображаетъ затѣмъ, что превратилъ историческую картину въ поэтическую. Можно сказать съ достовѣрностью, что онъ лишь жалкій губитель исторіи, а не жрецъ своей гордой богини. То, что онъ создалъ, и не исторія, и не драма. Ибо онъ, конечно, уступилъ нѣкоторымъ требованіямъ своего искусства, опустилъ иныя важныя событія, оказавшіяся для него непригодными, просто и художественно разнилъ характеръ героя, не поскупился на мелкія и на крупныя добавленія, наконецъ, замѣнилъ кое-гдѣ запутанную связь историческихъ событій связью, изобрѣтенной имъ самимъ. Но всѣмъ этимъ онъ достигъ общаго впечатлѣнія, являющагося въ лучшемъ случаѣ лишь слабымъ отблескомъ того возвышеннаго воздѣйствія, какое могла бы вызвать жизнь героя, хорошо изображенная историкомъ. И ошибка его была въ томъ, что на мѣсто драматической идеи онъ поставилъ историческую.

Но поэтъ, относящійся и съ большимъ уваженіемъ къ своему искусству, тоже рискуетъ, находясь лицомъ къ лицу съ историческими сюжетами, увлечься исканіемъ *ложнаго единства*. Историографъ показалъ ему, что измѣнчивыя событія исторической жизни часто объясняются особенностями характера, обезпечивающими успѣхъ или влекущими за собою вмѣшательство рока. Могучее и изумительное дѣйствіе производитъ внутренняя связь той или другой исторической жизни. Направляемый этой властной силой дѣйствительности, поэтъ старается сосредоточить внутреннюю связь событій въ характеристической основной чертѣ героической жизни. Характеръ героя становится для него конечнымъ мотивомъ для обоснованія различныхъ превратностей богатаго подвигами существованія. Германскій государь, напримѣръ, надѣленный большой энергіей и великодушными чувствами, но вовлекаемый своимъ неукротимымъ нравомъ въ борьбу, кончающуюся для него пораженіемъ, государь, вновь обрѣтающій лучшія стороны своей природы среди мучительныхъ оскорбленій и глубочайшихъ униженій, постепенно поднимающійся, обуздывающій свое высокомѣріе и гордость и т. д., такой характеръ обладаетъ

пожалуй, всѣми свойствами драматическаго героя; общепонятные, значительные элементы, быть можетъ, ярко выступаютъ изъ случайностей его земнаго существованія, его судьба тоже представляетъ поражающее человѣческую душу соотношеніе между виной и наказаніемъ, онъ на самомъ дѣлѣ является устроителемъ своего счастія и несчастія, суть и содержаніе его дѣйствительной жизни, пожалуй, весьма *сходны* съ поэтической идеей. Но предъ такимъ именно сходствомъ поэтъ и долженъ остановиться съ недовѣріемъ. Онъ прежде всего долженъ спросить себя, можетъ ли онъ создать *своимъ* искусствомъ что-нибудь болѣе сильное и болѣе потрясающее, чѣмъ даетъ сама исторія, да и въ состояніи ли онъ вообще выработать при помощи средствъ, имѣющихся въ распоряженіи у его искусства, хоть нѣкоторую долю тѣхъ художественныхъ воздѣйствій, которыя онъ предугадываетъ и которыми восхищается въ историческомъ сюжетѣ. Онъ можетъ, конечно, углубить характеръ своего героя. Что происходило въ душѣ Генриха IV, когда онъ направлялся въ Каноссу и когда стоялъ въ власяницѣ у стѣнъ замка, это тайна поэта; историкъ немногое можетъ сообщить объ этомъ. И на подобные моменты дѣйствительной жизни поэтъ имѣетъ неотъемлемое право. Но сущность характера и перевороты, происходящіе въ героѣ, не требуютъ, во что бы то ни стало, для своего процесса моментовъ личной изолированности, и поэта манилъ какъ разъ героическій характеръ, самобытный складъ котораго обнаруживался въ различныхъ событіяхъ. Такихъ событій, разсказываемыхъ историкомъ, великое множество. Поэтъ долженъ будетъ ограничиться немногими изъ важнѣйшихъ. Эти немногія событія онъ долженъ будетъ преобразовать, чтобы вложить въ нихъ то значеніе, которое присуще въ дѣйствительности теченію всей жизни. Съ удивленіемъ увидитъ онъ тогда, насколько это трудно, насколько самъ герой его становится мельче и слабѣе вслѣдствіе того, что историческая идея его осуществляется на столь немногихъ фактахъ. Но и въ изображеніи этихъ избранныхъ событій поэтъ опять-таки несравненно бѣднѣе историка. Для каждаго изъ его моментовъ ему необходимо объяснительное вступленіе, онъ долженъ познакомить слушателя со всѣми этими Ганонами и Оттонами, Рудольфами и Генрихами, онъ долженъ сдѣлать до нѣкоторой степени привлекательными обстоятельства ихъ жизни; въ теченіе пьесы ему придется два-три раза намотать и распустить нить событій; дѣйствующія лица тѣснятъ и заслоняютъ собою другъ друга на отведенномъ имъ узкомъ пространствѣ, сочувствіе слушателей, только что успѣвъ вспыхнуть, снова погасаетъ. Поэтъ съ изумленіемъ убѣдится въ томъ, что *напряженное вниманіе слушателя вызывается вообще не характерами, какъ бы ни были они интересны, а исключительно построеніемъ дѣйствія.* И въ лучшемъ случаѣ онъ добьется лишь одной или двухъ крупно выполненныхъ сценъ съ истинно-драматической жизнью, одиноко стоящихъ посреди безцвѣтной массы эскизныхъ, короткихъ намековъ, изувѣченной исторіи, вымысла, лишеннаго всякаго полета. Таковъ обычный видъ современныхъ историческихъ драмъ.

И весьма вѣроятно, что, работая такимъ образомъ, поэтъ прошелъ мимо многихъ прекрасныхъ сюжетовъ, лежавшихъ въ историческомъ матеріалѣ, совсѣмъ не замѣтивъ ихъ. Идеализировать цѣлую политическую жизнь человѣка, это исполинскій трудъ. И циклическія драмы, трилогія и тетралогія въ большинствѣ случаевъ оказываются для этого далеко не достаточными. Какой-нибудь одинъ историческій моментъ можетъ дать поэту богатѣйшій матеріалъ. Ибо подобно тому, какъ вѣра начинается тамъ, гдѣ кончается знаніе, такъ и поэзія начинается тамъ, гдѣ прекращается исторія. То, что докладываетъ исторія, должно быть для поэта лишь рамкой, которую онъ наполняетъ своими блестящими красками, завѣтнѣйшими откровеніями человѣческой природы; какъ же хватитъ у него на это и мѣста, и внутренней свободы, если онъ вздумаетъ еще тратить свой трудъ на изложеніе цѣлаго ряда историческихъ событій? Шиллеръ воспользовался въ своихъ двухъ крупнѣйшихъ историческихъ пьесахъ только исторической катастрофой, послѣдними сценами дѣйствительной человѣческой жизни, и для такой небольшой исторической вырѣзки ему понадобилось въ «Валленштейнѣ» три драмы. Этотъ примѣръ слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію. Правда, что «Гёцъ фонъ-Берлихингенъ» всегда будетъ считаться прелестнымъ поэтическимъ произведеніемъ, такъ какъ читателя плѣняютъ въ немъ анекдоты изъ временъ рыцарства, превосходно изображенные сжатыми, короткими штрихами, но эта пьеса не можетъ быть названа сильной сценической драмой, равно какъ и «Эгмонтъ», хотя плохое дѣйствіе послѣдняго и недостаточная характеристика его героя до нѣкоторой степени возмѣщаются болѣе крупнымъ выполненіемъ страстнаго женскаго характера.

На путь безыскусственной обработки историческихъ сюжетовъ натолкнули нѣмцевъ эпическія преданія старинной нѣмецкой сцены, но главнымъ образомъ Шекспиръ. Однако-жь, его историческія драмы изъ англійской исторіи, построенію которыхъ мы не должны подражать, за исключеніемъ «Ричарда III», имѣли гораздо болѣе правъ на возникновеніе. Въ то время исторіографіи, какъ мы ее понимаемъ, еще не было, и поэтъ, пользуясь несложными отчетами своихъ историческихъ источниковъ для художественнаго творчества, работалъ надъ непочатымъ матеріаломъ, и въ цѣломъ рядѣ мастер-

скихъ характеристикъ открывалъ своему народу его недавнее прошлое. Но самъ онъ совершилъ для своей сцены крупный шагъ къ замкнутому дѣйствію, и именно ему, съ той минуты, какъ онъ принялся за сюжеты, заимствованные изъ итальянскихъ новеллъ, обязаны мы уразумѣніемъ того, до какой степени незамѣнимы благородныя сценическія воздѣйствія, вызываемыя стройно расположеннымъ дѣйствіемъ. Его римскія драмы, за вычетомъ нѣкоторыхъ привычекъ его сцены и, пожалуй, третьяго акта «Антонія и Клеопатры», являются образцами прочной постройки. Намъ не слѣдуетъ подражать тому, что онъ съумѣлъ побѣдить.

Несомнѣнно, что въ современной драмѣ вліяніе характера на построеніе дѣйствія сильнѣе, чѣмъ на сценѣ древности. Подобно тому, какъ первымъ побужденіемъ для германца къ творчеству нерѣдко служатъ характеристическія черты какого-нибудь историческаго героя, подобно тому, какъ рисовка характеровъ и ихъ изображеніе нашими актерами получили большее количество частныхъ добавленій и болѣе тонкое исполненіе, чѣмъ это было возможно въ греческой трагедіи масокъ, такъ и характеръ героевъ долженъ оказывать болѣе сильное вліяніе на построеніе дѣйствія. Но это выражается лишь въ томъ, что мы пользуемся большей свободой для *объясненія соединеннаго внутренней связью единаго дѣйствія характеристическими свойствами героевъ*. Подобная мотивировка не была чужда и эллинамъ. Уже въ одной изъ раннихъ пьесъ Эсхила, въ «Гикетидахъ», нерѣшительный характеръ царя Аргосскаго выдвинутъ такъ рельефно, что мы ясно видимъ, какъ построилъ на немъ поэтъ въ затерявшейся слѣдующей пьесѣ выдачу молящихъ о защитѣ Данаидъ. Софоклъ какъ разъ неподражаемъ тамъ, гдѣ онъ изображаетъ побудительнымъ мотивомъ какую-либо основную черту своихъ характеровъ, какъ напримѣръ у Антигоны, Аякса, Одиссея. Эврипидъ же своею любовью выдвигать даже особенности характеровъ, подходитъ въ этомъ отношеніи еще ближе къ германцамъ, чѣмъ Софоклъ. Но въ общемъ эпическій гнетъ фабулы былъ у древнихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ у насъ; лица создавались обыкновенно согласно требованіямъ общеизвѣстной, уже готовой ткани событій, какъ напримѣръ Агамемнонъ, Клитемнестра, Орестъ. Для грековъ это представлялось преимуществомъ, намъ-бы это показалось стѣсненіемъ. У насъ поэтъ нерѣдко попадаетъ въ такое положеніе, что герой его ищетъ себѣ дѣйствія, какъ лучезарнаго центра, дающаго освѣщеніе всему, что соприкасается съ нимъ. Мы получаемъ возможность объяснять на основаніи его природы болѣе глубокія и сокровенныя явленія. Но какъ ни будемъ мы согласовать дѣйствіе съ потребностями героя, все же въ составъ этого дѣйствія должны будутъ войти лишь частности, относящіяся все къ одному и тому же событію, которое простирается отъ начала до конца пьесы.

Среди грековъ Софоклъ служитъ для насъ образцомъ умѣнья управлять этимъ драматическимъ единствомъ, Эврипидъ же, наоборотъ, въ этомъ отношеніи совсѣмъ беззастѣнчивъ. Какимъ образомъ Шекспиръ въ своихъ серьезныхъ пьесахъ постигъ этотъ законъ и мало-по-малу открылъ его намъ въ контрастъ сценѣ шестнадцатаго столѣтія, объ этомъ мы уже говорили. Изъ нѣмцевъ весьма твердо держится единства Лессингъ, а также и Гёте въ короткомъ дѣйствіи «Клавиго» и въ позднѣйшихъ драмахъ, предназначавшихся имъ для сцены, въ «Тассо» и «Ифигеніи». Шиллеръ строго соблюдалъ этотъ законъ, начиная съ трагедіи «Коварство и Любовь»; слѣдуетъ-ли приписать случайности, что онъ пренебрегъ имъ въ своихъ послѣднихъ драмахъ, въ «Теллѣ» и «Дмитріи», насколько можно судить о послѣднемъ по сохранившимся замѣткамъ? Если онъ касался когда-либо предѣловъ дозволеннаго, то лишь вслѣдствіе своей любви къ эпизодамъ и къ двойнымъ героямъ, какъ напримѣръ, въ «Карлосѣ», «Маріи Стюартъ», «Валленштейнѣ».

Обращаясь къ сюжетамъ, мы видимъ, что при сюжетахъ, заимствованныхъ изъ эпическихъ сказаній, нетрудно соблюсти единство дѣйствія, но ихъ дѣйствіе плохо мирится съ драматической разработкой характеровъ. Сюжеты, почерпнутые изъ новеллъ, хорошо сохраняютъ единство дѣйствія, но свобода распредѣленія характеровъ слишкомъ стѣснена при этомъ переплетающимся дѣйствіемъ, а движеніе характеровъ легко можетъ встрѣтить преграду въ изображеніи ситуацій. Историческіе сюжеты представляютъ прекраснѣйшія и благороднѣйшія задачи для рисовки характеровъ, но весьма трудно образовать изъ нихъ стройное дѣйствіе.

Интересъ поэта къ характерамъ героевъ параллельнаго дѣйствія въ драмѣ легко можетъ усилиться до такой степени, что онъ и ихъ не лишитъ богатой характеристики, участливаго изображенія ихъ стремленій и воинственнаго настроенія, а также и выдающагося жребія. Это служитъ первымъ поводомъ къ возникновенію въ драмѣ двойнаго дѣйствія. Или же дѣйствіе пьесы само по себѣ можетъ потребовать для своего освѣщенія и дополненія побочнаго эпизодическаго дѣйствія, которое, изображая идущія въ одномъ направленіи или взаимно противоположныя обстоятельства, рѣзче выдвигало-бы главныя лица, ихъ поступки и страданія. Различныя односторонности сюжета могутъ сдѣлать желательнымъ подобное дополненіе. Драма не должна пробѣгать весь великій кругъ трогательныхъ и потрясающихъ настроеній и не должна переходить изъ своего серьезнаго основного колорита во всевозможные переливы цвѣтовъ:

но нѣкоторое разнообразіе въ настроеніяхъ и умѣренные цвѣтовые контрасты столь же необходимы для драмы, какъ необходимъ для богатой фигурами картины, рядомъ съ главными линіями и группами, рѣзкій взмахъ кисти въ боковыхъ линіяхъ, какъ необходимо для нея въ контрастъ основной краскѣ употребленіе второстепенныхъ дополнительныхъ красокъ. Сюжетъ, по-преимуществу мрачный, дѣлаетъ необходимой вставку болѣе свѣтлыхъ второстепенныхъ фигуръ. Въ контрастъ суровымъ характерамъ Ифигеніи и Креопа созданы болѣе кроткіе образы Исмены и Гемона; благодаря появленію Текмессы, отчаяніе Аякса принимаетъ трогательный оттѣнокъ, волшебное очарованіе котораго чувствуется нами и понынѣ. Мрачный, патетическій Отелло требуетъ героя параллельнаго дѣйствія, въ которомъ проглядывала бы безграничная свобода юмора. Угрюмые образы Валленштейна и его интригановъ дѣлаютъ обязательной вставку блестящаго Макса.

Если ужь греки дѣлили по этой причинѣ свои драмы на простыя и на драмы съ двойнымъ дѣйствіемъ, то современныя пьесы еще менѣе избѣгали расширенія побочнаго или эпизодическаго дѣйствія до размѣровъ параллельно движущагося дѣйствія. Правда, что вплетеніе его въ главное дѣйствіе происходило подчасъ въ ущербъ общему впечатлѣнію. Въ особенности германцы, которые всегда будутъ склонны относиться во время своей работы съ сердечной симпатіей къ значенію и второстепенныхъ лицъ, должны остерегаться слишкомъ широкаго распространенія параллельнаго дѣйствія. Уже Шекспиру случалось иногда ослаблять этимъ сценическое воздѣйствіе драмы; всего замѣтнѣе это въ «Лирѣ», гдѣ все параллельное дѣйствіе семьи Глостера, слабо связанное съ главнымъ дѣйствіемъ и изложенное безъ особой горячности, задерживаетъ движеніе и безъ нужды дѣластъ всю пьесу болѣе жесткой. Правда, благодаря тому, что въ обѣихъ драмахъ «Генриха IV» поэтъ расширилъ до степени параллельнаго дѣйствія эпизоды, безсмертный юморъ которыхъ затмѣваетъ серьезныя сценическія воздѣйствія пьесы, эти драмы сдѣлались любимыми пьесами читателя. Но всякій поклонникъ Фольстафа согласится съ тѣмъ, что, вопреки этому очарованію, общее впечатлѣніе ихъ на сценѣ не имѣетъ соотвѣтствующей силы. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ комедіяхъ Шекспира двойное дѣйствіе принадлежитъ къ самой сути пьесъ; онъ старался лишить своихъ клуновъ эпизодичности, сплетая ихъ съ болѣе серьезнымъ дѣйствіемъ. Веселость, бьющая ключомъ изъ ихъ сценъ, должна подчасъ прикрывать шероховатости сюжета; такъ напримѣръ, гражданская стража должна сгладить впечатлѣніе, производимое тяжкой судьбой Геро. Изъ нѣмецкихъ поэтовъ Шиллеръ чаще всѣхъ рисковалъ повредить себѣ двойными дѣйствіями; чрезмѣрное возрастаніе параллельнаго дѣйствія въ «Карлосѣ» и въ «Маріи Стюартъ» объясняется чрезмѣрнымъ возрастаніемъ его симпатіи къ героямъ этого дѣйствія; въ «Валленштейнѣ» по той же причинѣ пьеса расширяется до размѣровъ трилогіи. Въ «Теллѣ» идутъ параллельно уже цѣлыхъ три дѣйствія *).

Дѣйствіе имѣетъ задачей представить намъ внутреннюю связь событія такъ, какъ она отвѣчаетъ потребностямъ ума и сердца; тѣ части сыраго матеріала, которыя не служатъ этой цѣли, поэтъ обязанъ отбрасывать. Желательно, чтобъ онъ строго держался этого правила давать лишь то, что безусловно необходимо для единства. Но все-же ему нельзя будетъ избѣжать нѣкотораго отступленія отъ этого правила. Ибо ему нерѣдко будутъ являться желательными уклоненія, цѣлесообразно усиливающія колоритъ пьесы, придающія болѣе глубокое содержаніе характерамъ и возвышающія общее впечатлѣніе какимъ-либо новымъ колоритомъ или контрастомъ, который они вносятъ съ собою. Эти украшающія добавленія поэта называются эпизодами. Они весьма разнообразны. Какой-нибудь характеризующій моментъ можетъ быть расширенъ тамъ, гдѣ дѣйствіе допускаетъ паузу, до степени небольшой ситуаціи; какому-нибудь герою можетъ представиться случай проявить въ привлекательномъ видѣ на какомъ-нибудь второстепенномъ лицѣ знаменательную основную черту своей природы, та или другая изъ второстепенныхъ ролей въ пьесѣ можетъ быть расширена посредствомъ болѣе богатаго выполненія до размѣровъ привлекательной фигуры. При умѣренномъ употребленіи, не отнимающемъ времени у болѣе важныхъ моментовъ, эпизоды могутъ сдѣлаться украшеніемъ драмы. Поэтъ и долженъ относиться къ нимъ, какъ къ украшеніямъ, и тонкимъ исполненіемъ, чистотою отдѣлки искупать замедленіе, которое они могутъ вызывать въ ходѣ пьесы. Смотря по тому, въ какихъ частяхъ драмы они появляются, эпизоды имѣютъ и различныя задачи. Въ началѣ пьесы они вступаютъ въ роли глав-

*) Наши режиссеры, руководимые желаніемъ сгладить недостатки самой слабой изъ этихъ группъ, членовъ семьи Аттингаузенъ, прибѣгаютъ къ плохому средству, какъ можно болѣе вычеркивая въ ихъ роляхъ и еще сильнѣе обезцвѣчивая эти послѣднія плохими актерами. Это только еще больше вредитъ пьесѣ. Или слѣдуетъ ставить пьесу Шиллера такъ, чтобы имѣвшіяся имъ въ виду сценическія воздѣйствія достигались насколько возможно полнѣе—въ такомъ случаѣ именно эти три блѣдныя роли: Барона, Руденца и Берты надо поручать хорошимъ исполнителямъ. (Нашимъ актерамъ не мѣшало-бы выказать чѣмъ-нибудь свою благодарность такъ много сдѣлавшему для нихъ поэту). Или-же слѣдуетъ ставить „Телля“ въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ всего скорѣе способенъ произвести впечатлѣніе на сценѣ; тогда надо будетъ совершенно вычеркнуть эти три роли, что возможно съ весьма незначительными измѣненіями.

ныхъ лицъ для обрисовки ихъ особенностей, въ послѣдней-же части они допускаются, какъ распространеніе тѣхъ новыхъ ролей, которыя оказываютъ небольшую помощь продолженію дѣйствія; но, какое-бы мѣсто ни занимали они, всюду они должны производить впечатлѣніе полезнаго добавленія.

Греки понимали это слово въ нѣсколько болѣе широкомъ смыслѣ *). То, что въ драмахъ Софокла было для современниковъ его эпизодомъ, у насъ не будетъ уже называться этимъ именемъ. Ибо геніальное искусство этого великаго художника заключается между прочимъ въ томъ, что онъ очень тѣсно сплетаетъ съ дѣйствіемъ украшающія добавленія, преимущественно для того, чтобы рѣзче освѣтить контрастами характеры главныхъ героевъ. Такъ, кромѣ упоминаемой въ примѣчаніи сцены Исмены, и Хризотемида въ «Электрѣ» кажется на нашъ взглядъ точно также необходимой для главной героини и является уже не эпизодомъ, а частью дѣйствія. И тамъ, гдѣ онъ шире рисуетъ какую-либо ситуацію, какъ напримѣръ въ началѣ «Эдипа въ Колонѣ», такое изображеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ привычкамъ нашихъ театровъ. Почти таково-же отношеніе Шекспира къ его эпизодамъ. И въ тѣхъ серьезныхъ драмахъ Шекспира, которыя отличаются болѣе искуснымъ построеніемъ, почти во всякомъ актѣ встрѣчаются то распространенныя сцены, то цѣлыя роли, выполненныя эпизодически, но въ нихъ вложено такъ много прекраснаго и при этомъ полезнаго для общаго впечатлѣнія, что самый строгій режиссеръ нашей сцены, поставленный въ необходимость урѣзывать драмы, никогда почти не рѣшится вычеркнуть именно эти мѣста. Меркуціо съ своей феей Мабъ и шутки кормилицы, разговоръ Гамлета съ актерами и придворными, равно какъ и сцена съ могильщиками—все это примѣры, повторяющіеся во всѣхъ почти пьесахъ. Съ избыткомъ, почти чрезмѣрнымъ, и съ кажущейся безпечностью прикрѣпляетъ великій художникъ свои золотыя украшенія ко всѣмъ частямъ пьесы, но, если кто задумаетъ снять ихъ съ нея, тотъ убѣдится, что они несокрушимо срослись съ тканью цѣлаго. Изъ нѣмцевъ Лессингъ вставлялъ свои эпизоды въ тщательную постройку пьесъ съ чинной правильностью, по собственному методу, перешедшему къ его преемникамъ. Его эпизоды—небольшія характерныя роли. Живописецъ и графиня Орсина въ «Эмиліи Галотти» (послѣдняя—болѣе совершенный прообразъ лэди Мильфордъ), Рикко въ «Миннѣ фонъ Барнгельмъ» и даже дервишъ въ «Натанѣ» сдѣлались образцами для нѣмецкихъ эпизодовъ восемнадцатаго вѣка. Гёте не пользовался ими въ своихъ правильныхъ драмахъ—«Клавиго», «Тассо», «Ифигеніи». У Шиллера, наоборотъ, они во всѣхъ видахъ переполняютъ собою ходъ дѣйствія—въ формѣ картинъ, законченныхъ ситуацій, второстепенныхъ характеровъ. Часто оправданіемъ ихъ служитъ особая красота ихъ и то обстоятельство, что они являются вѣрно разсчитанными вспомогательными средствами для высокаго, скучнаго движенія. Но не всегда это такъ. Мы легко могли-бы отказаться отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ эпизодовъ, напримѣръ отъ Іоанна Отцеубійцы (Parricida) въ «Теллѣ», потому именно, что въ его личности такъ ярко обнаруживается разсчетъ автора, отъ Чернаго рыцаря въ «Орлеанской Дѣвѣ», отъ многихъ хитросплетенныхъ размышленій и изображеній въ діалогахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

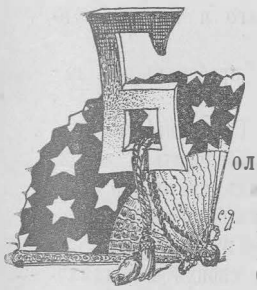
*) Слово *Epeisodion* имѣетъ уже у грековъ небольшую исторію. Въ самыя первыя времена драмы оно обозначало переходъ изъ одного хора въ слѣдующій; такимъ образомъ, со времени введенія актеровъ, такъ стали называть короткія рѣчи, явленія вѣстниковъ, діалоги и тому подобныя сцены, заключавшія въ себѣ переходы и мотивы новыхъ настроеній хора. И по расширеніи этихъ речитативныхъ частей, это слово осталось въ развившейся драмѣ стариннымъ режиссерскимъ терминомъ для каждой части драмы, находившейся между двумя хорами; въ этомъ своемъ значеніи оно соотвѣтствуетъ, пожалуй, нашему акту, точнѣе-же нашему законченному явлевію.— Но въ мастерской греческихъ поэтовъ оно сдѣлалось обозначеніемъ тѣхъ частей дѣйствія, которыя свободный вымыселъ поэта вставлялъ въ дѣляхъ болѣе богатаго расчлененія и оживленія стараго миѳологическаго сюжета, напримѣръ въ „Антигонѣ“ та сцена между Антигоной, Исменой и Креономъ, гдѣ невинная Исмена объявляетъ себя сообщницей сестры. И въ этомъ значеніи *Epeisodion* могъ, пожалуй, наполнять весь промежутокъ между двумя хорами, обыкновенно-же онъ бывалъ короче. Его мѣсто приходилось по бо́льшей части въ повышевіи, иногда только въ поворотѣ дѣйствія, нашемъ второмъ и четвертомъ актахъ.—Такъ какъ въ этомъ значеніи слово *Epeisodion* прилагалось къ небольшимъ частямъ дѣйствія, которыя, хотя и вытекали, можетъ быть, изъ высшихъ жизненныхъ потребностей драмы, но не были безусловно необходимы для связи событій и, такъ какъ со временъ Эврипида поэты стали все чаще и чаще стремиться къ эффектнымъ сценамъ, лишь слабо соединеннымъ съ идеей и дѣйствіемъ, то мало-по малу это слово приняло косвенное значеніе въ смыслѣ немотивированной и произвольной вставки. Въ „Поэтикѣ“ это слово употребляется въ каждомъ изъ трехъ значеній, напримѣръ въ гл. XII, 5 это терминъ режиссера, въ гл. XVII, 8—10—техническое выраженіе поэта, въ гл. X, 3 оно примѣняется въ косвенномъ смыслѣ.

Не то...

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе.)

IV.



ольшой, двухъэтажный каменный домъ присяжнаго повѣреннаго Бизяева стоялъ на углу Соборной площади. Онъ былъ купленъ еще въ золотое время введенія въ Смольскѣ новыхъ судебныхъ учрежденій, когда пріѣхавшій сюда новый адвокатъ Бизяевъ наживалъ десятки тысячъ. Однихъ векселей сколько протестовалось, и боявшіеся незнакомыхъ порядковъ купцы платили налетѣвшимъ адвокатамъ дикую пошлину. Но, увы! золотое время прокатилось, а купцы научились сами протестовать векселя, и адвокатскіе гонорары понизились. Явилась конкуренція въ молодыхъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ ихъ помощникахъ и просто въ ходатаяхъ по дѣламъ. Адвокатъ Бизяевъ, плотный, высокій и вообще массивный мужчина, съ красивымъ лицомъ и замѣчательно сохранившимся цвѣтомъ кожи, считался лучшимъ адвокатомъ въ Смольскѣ. Этотъ солидный человѣкъ рѣдко гдѣ показывался, потому что находился подъ домашнимъ игомъ у своей тщедушной и некрасивой жены, Анны Ѳедоровны, бывшей вдобавокъ старше его лѣтъ на пять. У себя дома адвокатъ Бизяевъ рѣшительно не имѣлъ никакого значенія, а когда выходилъ изъ дому, то Анна Ѳедоровна выдавала ему на извощика и мелочи по разсчету изъ копѣйки въ копѣйку. Въ адвокатскомъ домѣ все держалось и жило именно этими копѣечными разсчетами, и Анна Ѳедоровна дребезжала съ утра до ночи, разсчитывая, высчитывая и пересчитывая всѣ расходы и приходы. Когда приходилъ кліентъ и когда нужно было назначить размѣръ гонорара, Бизяевъ извинялся и выходилъ въ сосѣднюю комнату, чтобы посовѣтоваться съ женой. Когда пріѣзжалъ на каникулы сынъ, Анна Ѳедоровна, кое-какъ поздоровавшись, производила сейчасъ-же самую строгую ревизію его имущества и путевыхъ расходовъ. Такъ же точно было и въ этотъ разъ, хотя Сережа пріѣхалъ домой уже вполнѣ самостоятельнымъ человѣкомъ. Производя слѣдствіе имущества сына, Анна Ѳедоровна сдѣлала открытіе, которое заставило ее онѣмѣть. Это, впрочемъ, общая странность всѣхъ матерей, которыя никакъ не хотятъ видѣть въ своихъ дѣтяхъ большихъ людей, имѣющихъ право поступать, какъ поступаютъ большіе люди. Однимъ словомъ, Анна Ѳедоровна нашла въ бумагахъ сына ни больше, ни меньше, какъ любовную записку, написанную неизвѣстной женской рукой.

— Это что такое?—строго спросила она, показывая записку:—а?

— Это... это, маман, записка—пролепеталъ Сережа виноватымъ голосомъ, какъ пойманный школьникъ.—Да, записка.

— Вижу, что записка... И даже подписана: «Твоя Н—ина».

— Да, подписана...

Сережа весь покраснѣлъ, вмѣстѣ съ шеей, и не зналъ, куда дѣвать свои виноватые глаза. Мать смотрѣла на него съ такимъ изумленіемъ, точно Сережа кого-нибудь отравилъ, а потомъ рухнулась на ближайшій стулъ и залилась слезами.

— Вотъ... благодарность... вотъ результаты нашихъ заботъ, огорченій, слезъ... шептала она, заламывая руки. — Достаточно было явиться какой-то негодяйкѣ, и все пошло прахомъ... «Твоя Н—ина...» Ха-ха!... А ты ей пишешь, вѣроятно: «Твой Сергѣй...» До чего я дожила? Боже мой, Боже... Все погибло, все пропало... Для чего, наконецъ, я жила?

Послѣ слезъ, просьбъ и материнскихъ увѣщаній, Анна Ѳедоровна приступила къ главному, именно, кто была авторъ записки. Но тутъ розовый Сережа оказалъ самое непонятное упрямство и только отрицательно качалъ головой.

— Такъ ты не желаешь сказать, кто она?— наступала она на сына въ припадкѣ чисто материнской ярости.—Не желаешь?

— Я не имѣю права, maman...

— Да, вѣдь, я то мать, а не чужая. Ты это забылъ, Сережа?.... Да, мать... твоя мать. А она тебѣ чужая... да, чужая. Она хочетъ отнять тебя у семьи, такъ это ей не удастся. Такъ пусть и знаетъ... Какая-нибудь шлюха, проходимка...

— Maman...

— Молчать! Я знаю все, если хочешь... Это нигилистячье отродье, m-lle Горбылева. А ты думалъ, что мать дура и ничего не пойметъ...

Сережа уже не краснѣлъ, а только отрицательно покачалъ головой. Истощивъ всѣ способы, Анна Ѳедоровна обратилась къ послѣднему средству и принялась уговаривать Сережу, ласково и нѣжно, но и это было безуспѣшно.

— А, такъ ты вотъ какъ... проговорила она въ заключеніе и прибавила: — но я въ моемъ собственномъ домѣ разврата не потерплю. Да...

Эта сцена закончилась въ кабинетѣ мужа. Анна Ѳедоровна обрушилась на своего супруга всей тяжестью материнскаго горя.

— Вотъ достойный плодъ вашего собственнаго развратнаго поведенія!— гремѣла она, простирая худыя руки. — Да... Сынъ пошелъ по дорожкѣ своего папаши. Да и чего другаго можно было ожидать?...

— Аня, Аничка,—успокойся, бормоталъ Бизяевъ.— Не слѣдуетъ такъ волноваться изъ-за всякаго пустяка... Молодой человѣкъ... Однимъ словомъ, мало ли что бываетъ въ юности.

— Значитъ, вы открыто покровительствуете разврату роднаго сына? И это въ моемъ домѣ... А мнѣ совѣтуете успокоиться, какъ сумасшедшей?!.. О, чудовище разврата!... извергъ!...

Съ Анной Ѳедоровной сдѣлалась истерика. Бизяевъ совершенно растерялся и въ довершеніе бѣды облилъ ее какимъ-то спиртомъ. Этотъ скромный человѣкъ дома постоянно находился въ подозрѣніи относительно нравственности, и ни одного выхода въ свѣтъ супруговъ не обходилось безъ скандала. Анна Ѳедоровна ревновала мужа даже къ кухаркамъ, не говоря уже о его клієнткахъ. Несчастный человѣкъ вѣчно оправдывался въ несдѣланныхъ никогда преступленіяхъ, а это вело къ новымъ сценамъ. Даже окна въ его кабинетѣ были заставлены непроницаемыми ширмочками, чтобы онъ не могъ въ окно переглядываться съ проходившими по тротуару женщинами. Кажется, въ концѣ концовъ, Бизяевъ и самъ начиналъ подозрѣвать себя въ разныхъ дурныхъ похожденіяхъ.

Когда Анна Ѳедоровна пришла въ себя, она изрекла слѣдующій приговоръ:

— Ты сегодня же отправишься къ Горбылевой... понимаешь? И объяснишь ей прямо, что намъ все извѣстно... что Сережа еще мальчикъ, и нехорошо пользоваться его неопытностью, что, наконецъ, я не желаю имѣть своей дочерью это нигилистячье отродье. Понимаешь? Такъ и скажи... Конечно, я приму свои мѣры, но пусть эти нигилистки знаютъ, что я ихъ знать не хочу... И притомъ, эта Нина такая рожа, что на огородъ чучеломъ поставить, а Сережа красавецъ. Понимаешь? Такъ и скажи... Да самъ-то, самъ-то не дѣлай сладкихъ глазъ, когда будешь разговаривать съ нигилистками... Тебѣ, вѣдь, все равно: только была бы юбка. Да... Не кокетничай и не заигрывай.

Бывали у Бизяева щекотливыя порученія и непріятныя передѣлки, но такого случая еще не подвертывалось. Грозила двойная непріятность: съ одной стороны пренепріятное объясненіе съ дамой, а съ другой предвидѣлись еще домашнія сцены изъ-за этого объясненія. Анна Ѳедоровна будетъ точить его и ѣсть цѣлую недѣлю.

— Подождать-бы, Аня... пробовалъ онъ заявить.

— Нѣтъ, сейчасъ-же... Слышишь!..

Бизяевъ такъ привыкъ повиноваться женѣ, что и самъ наконецъ повѣрилъ, что нужно идти и объясниться. У Бизяевыхъ были свои лошади, но самъ владыка ходилъ пѣшкомъ или ѣздилъ на извощикахъ, а на своихъ лошадяхъ выѣзжала только сама Анна Ѳедоровна. Такъ же было и теперь. Бизяевъ выбралъ для перваго визита послѣобѣденное время, въ надеждѣ застать Леониду Гавриловну одну,—онъ ее видалъ раза два, но сейчасъ плохо помнилъ, какая она. Въ Смольскѣ ее всѣ называли просто нигилисткой. Когда Бизяевъ былъ уже совсѣмъ близко къ цѣли своего посѣщенія, имъ вдругъ овладѣла почти дѣтская нерѣшительность. Что онъ будетъ говорить по такому казусному дѣлу. Храбрости ему придала только мысль о женѣ: возложенное порученіе нужно исполнить свято.

Леонида Гавриловна послѣобѣденное время проводила на террасѣ, гдѣ Бизяевъ и нашелъ ее. Она встрѣтила его довольно сурово и нѣсколько разъ оглядѣла съ ногъ до головы самымъ подозрительнымъ образомъ.

— Я къ вамъ, Леонида Гавриловна, по одному дѣлу... да... тянулъ Бизяевъ, повертывая лѣтнюю соломенную шляпу въ рукахъ.

— По дѣлу?—удивилась Леонида Гавриловна.—У меня въ судѣ, насколько помню, никакихъ дѣлъ нѣтъ... Впрочемъ говорите.

— Нѣтъ, зачѣмъ судебное... Вѣрнѣе: домашнее дѣло. Во всякомъ случаѣ, этотъ разговоръ долженъ остаться между нами.

Леонида Гавриловна видѣла Бизяева-отца вблизи еще въ первый разъ и находила, что это совсѣмъ не такой человѣкъ, какого она себѣ представляла по разсказамъ. Онъ даже ей нравился своей мужской неловкостью,—такой массивный мужчина и конфузится.

— Я къ вашимъ услугамъ, — проговорила она уже смягченнымъ тономъ и даже придвинула свое кресло ближе, чтобы удобнѣе слушать.

Фототипія Шерера, Набгольца и К° въ Москвѣ.

Спокойный, увѣренный тонъ хозяйки въ свою очередь ободрилъ Бизяева, и онъ въ первый разъ прямо въ глаза посмотрѣлъ на Леониду Гавриловну. Она тоже ему понравилась, — женщина еще хоть куда, не смотря на свои роковые года.

— Ну-съ, я жду — проговорила Леонида Гавриловна, заинтригованная таинственнымъ приступомъ.

Бизяевъ выпрямился, откашлялся, посмотрѣлъ на дверь въ столовую и заговорилъ:

— Вы извините меня, Леонида Гавриловна... Можетъ быть, вамъ покажется страннымъ моя миссія...

— Послушайте, да будетъ вамъ жилы-то изъ меня тянуть? Ну, въ чемъ дѣло?..

— Видите-ли, я... т.-е. моя жена... вообще, мы... однимъ словомъ...

Дальше Бизяевъ окончательно подавился, покраснѣлъ и безъ всякихъ предисловій подалъ роковую записку. Леонида Гавриловна пробѣжала ее, вся вспыхнула и покраснѣла въ свою очередь.

— Что-же вы хотите отъ меня?—глухо прошептала она, машинально перечитывая записку.

— Я, т.-е. жена... Видите ли, дѣло въ томъ, что все это крайне неудобно, — бормоталъ Бизяевъ уже совершенно безпомощно. —Поставьте себя на наше мѣсто, т.-е. на мѣсто родителей... Конечно, съ другой стороны, молодые люди... увлеченіе... Если предупредить вовремя...

— Я знаю только то, что вы заставляете меня краснѣть, какъ мать и какъ женщину! —рѣзко оборвала его Леонида Гавриловна.— Но еще больше мнѣ стыдно за васъ, потому что вы баба .. Нѣтъ— хуже бабы! Да... Вѣдь вы сами не пошли бы съ подобнымъ нелѣпымъ объясненіемъ, я въ этомъ увѣрена. Васъ подослала ваша жена, и это самое худшее... Такъ вы и передайте ей, что подобныя записки больше всего компрометируютъ дѣвушку, а ужь никакъ не вашего Сережу. Если хотите знать, такъ я сама первая не желаю этого брака. Да, не желаю... Я не для вашего Сережи ростила дочь, да онъ и не стоитъ ея.

— Позвольте, Леонида Гавриловна...

Но Леонида Гавриловна уже разошлась и удержать ее не было никакой возможности. Сгоряча она изъ оборонительнаго положенія перешла въ наступательное, и высказала Бизяеву все, что знала про его семейную жизнь. А знала она гораздо больше, чѣмъ онъ могъ когда-нибудь предполагать. Онъ слушалъ съ опущенной головой и не возражалъ ни одного слова, потому что все было правда.

— Если я позволяю себѣ все это говорить, то потому только, что отъ души жалѣю васъ,— продолжала Леонида Гавриловна. — По натурѣ вы, вѣроятно, не злой и не дурной человѣкъ, но дѣлаетесь хуже всякаго дурнаго... У васъ полная атрофія воли, и вы играете въ жизни самую унизительную роль. Вы только подумайте о сегодняшнемъ своемъ поступкѣ: вы изъ простой вѣжливости, изъ чувства простой деликатности не должны были дѣлать того, что сдѣлали. Во мнѣ вы оскорбили мать. — Я краснѣю теперь за васъ, милостивый государь. А что касается этой несчастной записки, то...

— Могу сказать только одно, Леонида Гавриловна: вы правы... Я имѣлъ несчастіе думать до сихъ поръ, что о моихъ домашнихъ дѣлахъ зналъ только я одинъ. Да... Обвинять женщину вообще, жену въ частности, по моему, очень некрасиво для мужчины: это оскорбительнѣе даже того, что вы сейчасъ мнѣ высказали. Однимъ словомъ, въ своемъ положеніи виноватъ одинъ я... Но, съ другой стороны, и вы позволяете себѣ слишкомъ много. Да... Мало-ли что вы могли знать про то, что касается меня одного, но это еще не даетъ вамъ права вмѣшиваться въ мою семейную жизнь.

— Я и не вмѣшивалась, пока вы сами не вызвали меня на это. Да, сами... Вашъ сегодняшній поступокъ я хотѣла только объяснить въ вашу-же пользу. Ни васъ, ни вашей жены я не имѣла до сихъ поръ чести знать лично, а Сережа бывалъ у насъ еще гимназистомъ, когда учился вмѣстѣ съ моимъ сыномъ Вадимомъ. Онъ у насъ бывалъ въ домѣ запросто, какъ свой человѣкъ. Полагаю, что въ этомъ ничего дурнаго нѣтъ... Что произошло потомъ и какъ произошло—я знаю столько же, какъ и вы. Повліять на дочь въ ту или другую сторону — въ этомъ кажется сейчасъ вопросъ? Да?.. Но я скажу вамъ откровенно, что сама я столько пережила и такъ неудачно сложилась моя личная жизнь, что брать на себя отвѣтственность за будущность дочери мнѣ просто страшно. Мнѣ кажется, что стоитъ мнѣ вмѣшаться въ это дѣло, чтобы сдѣлать молодыхъ людей несчастными. У меня даже есть относительно этого что-то въ родѣ предчувствія, какъ это ни странно говорить. Я старалась воспитывать дѣтей по своимъ идеямъ и въ большинствѣ случаевъ не достигала желаемыхъ результатовъ. Видите, какъ я откровенна... Можетъ быть это происходило отъ того, что мнѣ недоставало мужскаго авторитета. Впрочемъ, къ чему я все это говорю?

— Нѣтъ, говорите...

— Дочь я, конечно, люблю и знаю ея главные недостатки, какъ невѣсты: она некрасива и бѣдна. А вѣдь это все въ глазахъ вашей жены... Но, съ другой стороны, я сама не желаю этого брака, потому что въ характерѣ Сережи много вашихъ, отцовскихъ чертъ: онъ безхарактерный человѣкъ, а для мужчины это синонимъ человѣка погибшаго. Мой жизненный опытъ привелъ меня къ заключенію, что равноправность, конечно, хороша, но твердая воля

должна преобладать въ мужчинѣ. Онъ даже можетъ заблуждаться, можетъ-быть немного деспотомъ, но на своемъ семейномъ кораблѣ онъ все-таки долженъ быть капитаномъ, и разъ жена потеряла къ нему свое женское уваженіе—потеряно все. Вѣроятно, васъ удивляетъ слышать такія мысли отъ *нигилистки*? Но я такъ много думала объ этомъ, и вотъ почему вашъ Сережа не годится въ мужья моей дочери, дѣвушки немного экспансивной, но съ характеромъ. Да, я не желаю, чтобы они повторили вашу жизнь: преобладаніе еще не дѣлаетъ женщину счастливой...

Они сидѣли и разговаривали самымъ мирнымъ образомъ, какъ хорошіе старые знакомые. Леонида Гавриловна увлеклась общими вопросами и развивала занимавшіе ее вопросы воспитанія, нравственности и счастья. Бизяевъ слушалъ ее съ сосредоточеннымъ вниманіемъ, и все, что говорила Леонида Гавриловна, служило новымъ обвиненіемъ противъ него. Онъ съ глухой болью сознавалъ, какъ по-свински прожилъ почти всю жизнь и что можно, вѣдь, было бы прожить нѣсколько иначе. Несмотря на свое покаянное настроеніе, онъ чувствовалъ себя сейчасъ точно лучше и бодрѣе, и ему хотѣлось сидѣть здѣсь, на террасѣ, хотѣлось, чтобы Леонида Гавриловна говорила. «Она хорошая»,—думалъ онъ, опуская глаза. Но по привычкѣ онъ взглянулъ на часы и ужаснулся: дѣловой визитъ продолжался уже цѣлыхъ два часа. Бизяевъ поднялся такой смущенный и неловко началъ прощаться.

— Послушайте, да вѣдь я должна была сердиться на васъ,—проговорила съ печальной улыбкой Леонида Гавриловна.

— Лежачаго не бьютъ...

— И это говоритъ мужчина?..Стыдитесь... Какъ это странно: мужчинѣ все дано и какъ рѣдко онъ можетъ воспользоваться этимъ. Природа точно мститъ ему и самыхъ хорошихъ мужчинъ отдаетъ въ руки дурнымъ женщинамъ.

— И наоборотъ...Необходимо извѣстное равновѣсіе, Леонида Гавриловна, а природа самая экономная хозяйка.

Она молча протянула ему руку и отвернулась къ окну. Почему-то ей теперь бросилось въ глаза необыкновенно бѣлая шея Бизяева и его бѣлыя руки, точно у женщины. Онъ постоялъ, еще разъ поклонился и быстро вышелъ, точно хотѣлъ убѣжать отъ чего-то. А Леонида Гавриловна стояла у окна и смотрѣла въ садъ, на деревья, на куртины съ цвѣтами и по необъяснимой ассоціаціи припоминала старинный афоризмъ, что «деревья счастливы уже тѣмъ, что не знаютъ скуки».

Какъ это ни странно, но Леонида Гавриловна какъ-то совсѣмъ не могла сейчасъ сосредоточиться на мысли о дочери...

V.

Открытіе Анны Ѳедоровны имѣло такія послѣдствія, которыхъ она не могла предугадать. Во-первыхъ, ее поразилъ слишкомъ затянувшійся визитъ мужа и вообще странное настроеніе, въ какомъ онъ вернулся домой.

— Ты, кажется, съ ума сошелъ?—встрѣтила она его по обыкновенію.

Но онъ только посмотрѣлъ на нее непонимающими глазами и даже улыбнулся. Затѣмъ, онъ довольно безсвязно передалъ свой разговоръ съ «нигилисткой» и, по малодушію, привралъ: какъ онъ наступилъ на «нигилистку», какъ «нигилистка» смутилась и т. д. Въ послѣдніе годы врать вошло уже у него въ привычку, потому что этимъ путемъ онъ избавлялся отъ разныхъ семейныхъ непріятностей, какъ было и теперь. Затѣмъ, когда Анна Ѳедоровна успокоилась, Бизяеву вдругъ сдѣлалось совѣстно за собственное вранье. Для чего онъ это сдѣлалъ, когда и безъ того онъ ни въ чемъ не былъ виноватъ. Въ концѣ концовъ, онъ почувствовалъ себя обычно-скверно и невольно вспомнилъ о томъ, какъ онъ легко себя чувствовалъ тамъ, на террасѣ. Анна Ѳедоровна не обратила особеннаго вниманія на мужа по той простой причинѣ, что была всецѣло поглощена своимъ Сережей, котораго пилила съ утра до ночи. Сережа даже поблѣднѣлъ отъ этой пытки и старался незамѣтно куда-нибудь скрыться изъ дому. Онъ поддавался матери, но не могъ рѣшиться на серьезное объясненіе съ Ниной: ему было жаль и матери, и Нины. Съ другой стороны, являлась предательская мысль о томъ, какъ-бы только дотянуть до осени, а тамъ онъ уѣдетъ, и всему конецъ. Отецъ молчалъ, какъ всегда, и только нѣсколько разъ пытливо посмотрѣлъ на сына. У Горбылевыхъ Сережа старался бывать только при чужихъ или когда дома Вадимъ, чтобы не встрѣчаться съ Ниной съ глазу на глазъ.

Благодаря этимъ обстоятельствамъ, Сережа какъ-то странно сошелся съ Егоровымъ. Этотъ купчикъ затащилъ его къ себѣ въ домъ и принялся душить виномъ.

— Живи веселѣе, скорѣе повѣсятъ,—повторялъ Егоровъ, похлопывая гостя по плечу.—Такъ-то, Сергѣй Леонидычъ...

Купеческій домъ былъ устроенъ, какъ всѣ купеческіе дома: богато и неудобно. Самъ старикъ Егоровъ жилъ въ нижнемъ этажѣ, а сынъ занималъ верхній, т.-е. у него была спальня, она же и комната жены, а остальныя комнаты оставались парадно-необитаемыми. Дорогіе обои, шелковая мебель, драпировка, ковры—все было пагромождено съ чисто купеческимъ безвкусіемъ, и добавленіемъ къ этой меблировкѣ служила жена Егорова-сына, еще молодая женщина, но какая-то совсѣмъ безцвѣтная и точно пришибленная.

— Наша супруга...—съ какимъ-то презрѣніемъ отрекомендовалъ Сережѣ жену Егоровъ.—Женщина вполнѣ допотопная.

Сережа сразу почувствовалъ себя неловко: Егоровъ издѣвался надъ женой при незнакомомъ человѣкѣ. Вообще, во всей обстановкѣ этой жизни было что-то такое тяжелое и фальшивое, какъ и самъ Егоровъ, на людяхъ бывшій совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Сережѣ казалось, что этотъ нахалъ-купчикъ и на него смотритъ съ какимъ-то презрѣніемъ, хотя прямо и не высказывается. Нѣсколько разъ, онъ точно что-то хотѣлъ спросить Сережу и удерживался.

— Пи-са-тель...—повторялъ Егоровъ съ особеннымъ удареніемъ и улыбался.—Что-же, хорошее дѣло. Просвѣщайте темную массу, вносите свѣтъ знанія, а мы будемъ учиться... Знаніе—сила. Такъ, вѣдь, Сергѣй Леонидычъ?

Странно, что Сережа чувствовалъ себя мальчикомъ именно передъ Егоровымъ, чего не испытывалъ даже въ присутствіи самого Ефима Иваныча, котораго тотъ-же Егоровъ побаивался. Дѣло въ томъ, что Сережа отлично понималъ Ефима Иваныча, а у Егорова для него много было непонятно, именно то, чего онъ не могъ высказать ему, Сережѣ, и что, видимо, его занимало больше всего. Разъ они зашли вмѣстѣ въ трактиръ съ арфистками, гдѣ Егоровъ былъ совершенно дома. Купчикъ сразу преобразился.

— Ну, Сергѣй Леонидычъ, тряхнемъ...—повторилъ онъ, потирая руки отъ удовольствія.—Фараоны пусть поютъ, а мы холоднепькаго закажемъ. Такъ, вѣдь, я говорю?..

Сережа тоже былъ въ настроеніи, а тутъ гремитъ хоръ и кружится голова, и все точно несется куда-то. Не малое удовольствіе Сережѣ доставляла мысль, что за все заплатитъ Егоровъ—въ немъ уже сказывалась материнская жадность. А Егоровъ похлопывалъ его по плечу и все пилъ съ какимъ-то ожесточеніемъ—красное вино, водку, пиво, шампанское и опять водку. Въ отдѣльномъ номерѣ, гдѣ они сидѣли, появились скоро и арфистки, приходившія просить денегъ на ноты. Егоровъ съ какимъ-то остервенѣніемъ заставлялъ ихъ пить вмѣстѣ съ собой, а потомъ выгонялъ.

— Развѣ это люди, Сережа?—говорилъ онъ, взмахивая рукой.—Это все товаръ... А вотъ дорого-то, чего ни на какія деньги не купишь. Да. А есть такіе люди и даже весьма есть.

— Конечно есть,—лѣниво соглашался Сережа.

— И люди есть, и свою душу не повернешь, Сережа. Ее-то ужь не купишь. Нѣтъ, братъ, шалишь... Тутъ скидки не будетъ, а заплати сполна, да еще и съ процентами. Ужь это, братъ, вѣрно... Вотъ отчего я, женатый человѣкъ, съ арфянками путаюсь! Изъ дому-то точно сквознымъ вѣтромъ дуетъ... Эхъ, да ничего ты, Сережа, не поймешь!.. Такъ это подкатитъ подъ душу, такъ тошно сдѣлается, точно вотъ взялъ-бы да самого себя и разорвалъ. Вотъ и сейчасъ, сижу я здѣсь, скверно мнѣ, а домой идти и того хуже...

— Зачѣмъ-же вы женились, если не любили жены?

— Ахъ, это совсѣмъ другая статья... Какая тамъ любовь! И другіе такъ-же... А скверно то, что я видѣть не могу жены: такъ у меня и закипитъ... Она молчитъ, боится меня, а мнѣ это еще тошнѣе. И вѣдь самому мнѣ страшно дѣлается, Сережа...

— Чего-же страшно, Сосипатръ Ефимычъ?

— Чего страшно?—повторилъ Егоровъ вопросъ и такъ улыбнулся, что у Сережи мурашки по спинѣ побѣжали.—Себя я боюсь... да. Въ башкѣ точно туманъ заходитъ, всего затрясетъ... Эхъ, да что тутъ говорить! Эй, эфіопское племя, нажаривай...

Эти посѣщенія трактира стали повторяться, и каждый разъ пьяный Егоровъ непремѣнно возвращался къ своей обычной темѣ о тошной жизни и даже плакалъ. Встрѣчаясь у Горбылевыхъ, Егоровъ и Сережа держали себя, какъ шапочные знакомые, не подавая никакого вида относительно своего сближенія. Сережа понималъ только одно, что у Егорова лежитъ что-то тяжелое на душѣ, чего онъ никогда не выскажетъ, а будетъ только ходить кругомъ да около. Впрочемъ, Леонида Гавриловна поглядывала на нихъ довольно испытующе, но тоже молчала. Она, вообще, въ послѣднее время сдѣлалась такой печальной и неразговорчивой.

Несмотря на свое упорное желаніе избѣжать объясненій съ Ниной или по крайней мѣрѣ отдалить по возможности моментъ такихъ объясненій, Сережа попался самымъ неожиданнымъ образомъ. Въ городскомъ театрѣ давали любительскій спектакль, и въ антрактѣ публика гуляла въ садикѣ, разбитомъ около театра. Вотъ здѣсь Сережа и Нина и встрѣтились. Оба почувствовали себя очень неловко.

— Вы можетъ быть думаете, что я васъ ловлю?—заговорила первой Нина, когда они шли въ дальній конецъ аллеи.

— Нѣтъ, я этого не думаю...—съ едва замѣтнымъ раздраженіемъ въ голосѣ отвѣчалъ Сережа.—Я лично очень радъ васъ видѣть, тѣмъ болѣе, что мы какъ-то нынче совсѣмъ не встрѣчаемся.

— Какъ не встрѣчаемся? По крайней мѣрѣ десятки разъ видѣлись...

— Да... при постороннихъ. Вы понимаете о чемъ я говорю.

— Я уже забыла...

Нина сухо засмѣялась и сдѣлала крутой поворотъ. Зонтикъ въ ея рукахъ сдѣлалъ какое-то судорожное движеніе, точно подшибленное крыло птицы. Сережа испытывалъ тяжелое состояніе накоплявшагося озлобленія,—онъ только

ждалъ предлога, чтобы поднять ссору. Раньше они часто такъ ссорились, но сейчасъ Нина сдержалась.

— Вы, вѣроятно, уже предчувствуете непріятное объясненіе...—заговорила она простымъ тономъ, какимъ говорятъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. — Да? Такъ этого объясненія не будетъ... Вы знаете, что дѣлаете, и я тоже знаю, что должна сдѣлать. Гораздо важнѣе вопросъ о томъ, когда вы уѣзжаете отсюда...

— Пока я еще не знаю самъ, но постараюсь это сдѣлать поскорѣе... чтобы доставить вамъ удовольствіе.

Колкость прошла незамѣченной, и Сережа почувствовалъ, какъ въ немъ уже начинается упадокъ озлобленія. Онъ всегда переживалъ мучительное состояніе, когда терялъ надъ собой волевой контроль.

— Мы разстанемся друзьями, Сереж... Сергѣй Леонидычъ,—веселымъ голосомъ проговорила Нина.—У васъ своя дорога, у меня своя... Помните, какъ прежде мы ссорились? Больше этого не будетъ...

— Зачѣмъ-же вы сейчасъ говорите съ такимъ раздраженіемъ?

— Я? Нѣтъ, это вы раздражаетесь... и я не понимаю...

Ссора готова была вспыхнуть, но дѣвушка опомнилась и принужденно засмѣялась.

— Не правда-ли, какіе мы оба смѣшные?— заговорила она.—Встрѣтились—и говорить не о чемъ... Что же могло быть впереди? Однимъ словомъ, копчилось-бы тѣмъ, что вы бы спились съ горя и начали-бы шататься по трактирамъ, какъ Егоровъ. Несчастные мужья всегда такъ дѣлаютъ...

Сережа чувствовалъ, какъ покраснѣлъ въ темнотѣ—это былъ ударъ прямо по лицу.

— Кстати, вы, вѣроятно. знаете какой сюрпризъ устроила ваша maman моей maman? Я это узнала только недавно и очень жалѣла...

— О чемъ?

— Да вообще... Я не желаю ставить никого въ фальшивое положеніе, тѣмъ болѣе, что... Впрочемъ, звонокъ. Идемте...

Она сама взяла его подъ руку и быстрыми шагами повела по аллеѣ къ освѣщенному входу въ театръ. Онъ только чувствовалъ ея неровное дыханіе и то, что этой сценой было кончено все. Неужелп такъ быстро и такъ просто?.. Ни слезъ, ни жалобъ, ни упрековъ, ни жалкихъ бабьихъ словъ...

У самаго подъѣзда Нина замедлила шаги, точно хотѣла что-то сказать Сережѣ, но въ дверяхъ показалась приземистая фигура Егорова, и дѣвушка быстро освободила свою руку. Егоровъ посмотрѣлъ на «счастливую парочку» прищуренными глазами и едва замѣтно улыбнулся.

— Какая превосходная погода, Нина Петровна,—заговорилъ онъ, галантно раскланиваясь.—Можно сказать, что одно великолѣпіе...

Дѣвушка посмотрѣла на него удивленными глазами: какъ онъ могъ такъ спокойно говорить въ такую минуту?.. У нея кружилась голова, а земля уходила изъ подъ ногъ. Для чего этотъ болванъ торчитъ на подъѣздѣ, для чего звонокъ, приглашающій публику въ театръ, для чего эта безтолковая суета кругомъ, когда у ней и темно, и пусто на душѣ. Она оглянулась, отыскивая глазами Сережу, но его уже не было. «Бѣжалъ»... мелькнуло въ головѣ Нины обидное слово.

— Вы въ какихъ мѣстахъ? спрашивалъ Егоровъ.—Въ ложѣ-съ?

— Нѣтъ, въ партерѣ... т. е. въ ложѣ.

— Такъ-съ...

Публика съ безтолковой торопливостью столпилась у входа, прижавъ Нину къ стѣнѣ. Она какъ-то безпомощно покорилась этой живой волнѣ и опять видѣла все то же пухлое лицо Егорова, которое сейчасъ вызывало въ ней какое-то неопредѣленное досадное чувство. Что ему нужно? Что онъ уставился на нее, точно никогда не видалъ?.. Ахъ, да, нужно идти въ театръ: дѣйствіе уже началось. Она, пошатываясь, вошла въ партеръ и едва отыскала свое кресло. Ей казалось, что всѣ смотрятъ на нее, что страшное горе выступаетъ у ней въ выраженіи лица, въ глазахъ. въ каждомъ движеніи, и она старалась принять равнодушный видъ, какъ всѣ другіе, и упорно смотрѣла на сцену ничего невидѣвшими глазами. Всего больше она боялась взглянуть на право, гдѣ въ третьей ложѣ отъ сцены сидѣлъ Сережа. Она чувствовала, какъ онъ время отъ времени смотрѣлъ на нее, прикрывъ глаза биноклемъ, и это страшно ее смущало. Просидѣть такъ цѣлое дѣйствіе, вѣдь это цѣлая пытка! Зачѣмъ она сейчасъ-же не ушла домой?.. И ушла бы, если бы не встрѣтился Егоровъ. Даже въ такую минуту человѣкъ не можетъ избавиться отъ общепринятой фальши: она не хотѣла выдать своего настроенія передъ чужимъ человѣкомъ. А въ головѣ безъ конца идетъ послѣдній разговоръ съ Сережей... Да, послѣдній. Ничего особеннаго не было высказано, но и онъ и она это чувствовали. Мысль съ болѣзненной настойчивостью возстановляла все то, что было понятно безъ словъ и что скрывалось за самыми обыкновенными фразами, въ интонаціи голоса, въ выраженіиглазъ. Наступалъ тотъ моментъ, когда человѣкъ признается самому себѣ, что все потеряно и дальше идти некуда. Съ другой стороны, въ дѣвушкѣ проснулось гордое чувство: да, она несчастна, но никто, никто не долженъ былъ этого знать. А меньше всѣхъ Сережа... Это было немного мстительное чувство, и дѣвушка все старалась взглянуть на себя со стороны, какъ посторонній человѣкъ. Что такое

Сережа?.. И хорошаго-то въ немъ ничего нѣтъ, если разобрать серьезно... Рѣшительно ничего. А Ефимъ Иванычъ относится къ нему какъ къ мальчишкѣ.

— Нина Петровна... раздался надъ ея ухомъ знакомый голосъ.

— Ай! Что?..

Дѣйствіе кончилось, и публика уже на половину вышла изъ театра, а передъ Ниной стоялъ Егоровъ и улыбался. Она прочитала въ его глазахъ, что онъ все видитъ и все понимаетъ, и ей вдругъ сдѣлалось гадко.

— Я васъ провожу, Нина Петровна,—предлагалъ Егоровъ.

— Куда?

— Домой...

— Развѣ спектакль кончился?

— Нѣтъ, но вамъ пора домой...

Въ его голосѣ послышались задушевныя ноты, и Нина повиновалась. Ей даже было пріятно, что она можетъ ни о чемъ не думать, подчиняясь чужой волѣ. А какая сильная рука, на которую она сейчасъ опиралась... Въ физической силѣ мужчины есть неотразимая прелесть.

Изъ театра они пошли пѣшкомъ. Егоровъ подавленно молчалъ. Ночь была мѣсячная. Городъ уже спалъ, и чѣмъ дальше они шли отъ центра, тѣмъ сильнѣе былъ этотъ сонъ.

— Ефимъ Иванычъ орудуетъ... замѣтилъ Егоровъ, когда они проходили мимо домика Чакушина,—въ его кабинетѣ виднѣлся свѣтъ.—Надо полагать, корреспонденціи свои пишетъ. А знаете что, Нина Петровна, этотъ самый Ефимъ Иванычъ единственный человѣкъ, которому я завидую...

— Вотъ это странно...

— Даже нисколько. Весьма онъ утвердился на своей точкѣ и больше знать ничего не хочетъ... Отлично. Увѣренность въ немъ... Сиди да разбирай, что хорошо, что не хорошо, а самъ этакъ въ сторонкѣ остается.

— Нашли чему завидовать!..

— А то какъ-же? Вотъ и вы сейчасъ, ежели раздумаетесь, то же самое скажете... Эхъ, Нина Петровна, мудрено на бѣломъ свѣтѣ жить!.. За другаго-бы человѣка душу свою отдалъ, а онъ и не замѣчаетъ... Нѣтъ, хуже: онъ, другой-то, о какомъ-нибудь нестоющемъ третьемъ человѣкѣ сокрушается. И ничего не подѣлаешь...

— Ничего не подѣлаешь...

— Отчего-же это?

— Не знаю...

Егоровъ опять замолчалъ. Они уже подходили къ калиткѣ сада. Сквозь листву деревьевъ чуть брежжилъ свѣтъ на террасѣ. Егоровъ остановился.

— Что-же вы, проводите до террасы,— замѣтила Нина равнодушно. — Тамъ чаю напьемся...

— Нѣтъ, благодарю покорно, Нина Петровна...

— Какой-то вы странный сегодня, Сосипатръ Ефимычъ: никакъ васъ не поймешь.

— А вотъ я не вѣрю, что вы меня не понимаете. Притворство одно... и даже очень понимаете, Нина Петровна!

— Вотъ какъ...

Вмѣсто отвѣта Егоровъ схватилъ дѣвушку за талію, привлекъ ее къ себѣ однимъ движеніемъ и съ какимъ-то изступленіемъ началъ цѣловать. Нина сопротивлялась, не издавая ни одного звука, но онъ былъ сильнѣе ея.

— Не любишь... не любишь... шепталъ онъ.

— Нѣтъ .. шепотомъ-же отвѣтила она.

Желѣзныя руки распались сами собой отъ этого маленькаго слова, дѣвушка отбѣжала нѣсколько шаговъ и остановилась.

— Вы... вы, кажется, приняли меня за... за арфистку,—проговорила она и засмѣялась.— Прощайте...

Егоровъ сдѣлалъ движеніе догнать ее и даже поднялъ кверху руки, точно хотѣлъ ее ударить, но опомнился и только замычалъ. Она не бѣжала отъ него, а шла своей увѣренной походкой. Онъ постоялъ, проводилъ ее глазами и погрозилъ въ слѣдъ кулакомъ.

VI.

Между матерью и дочерью установились неловкія, натянутыя отношенія. Со стороны могло показаться, что Леонида Гавриловна точно ревнуетъ Нину. Впрочемъ, онѣ между собой теперь говорили мало и больше о такихъ предметахъ, которые совсѣмъ не касались личныхъ отношеній. Нина окончательно не понимала мать и только чувствовала, что та все время въ какомъ-то враждебномъ настроеніи. Свое личное горе дѣвушка скрывала отъ всѣхъ постороннихъ и близкихъ глазъ, какъ человѣкъ бережетъ больную руку или свѣжую рану. Ее удивляло только одно, именно, что время отъ времени въ ихъ домѣ появлялся гостемъ отецъ Бизяевъ, старавшійся приходить тогда, когда Леонида Гавриловна оставалась одна. Эти визиты тщательно скрывались отъ Анны Ѳедоровны, и въ душу Нины закралось страшное подозрѣніе относительно значенія этихъ таинственныхъ визитовъ. Ефимъ Иванычъ тоже хмурился, фукалъ носомъ и не упускалъ случая сказать Леонидѣ Гавриловнѣ какую - нибудь колкость; онъ дѣлалъ исключенія только для Нины, къ которой относился съ преувеличенной внимательностью, какъ къ большому ребенку.

— Барышня Ниночка, о чемъ вы думаете?—спрашивалъ онъ ее иногда, глядя такимъ испытующимъ взглядомъ.

— О чемъ я думаю, Ефимъ Иванычъ? А вотъ о чемъ: отчего я не настоящая барышня—такая бѣленькая, такая наивная, такая безпомощная, такая кроткая. Вѣдь въ этомъ есть своя поэзія, т.-е. въ такой кисейной барыш-

нѣ, которая не знаетъ даже, какъ вода кипитъ. Еслибы я была мужчиной, я влюбилась бы именно въ такую барышню, чтобы она была моя вся, смотрѣла моими глазами, слышала моими ушами, думала моими мыслями. И она была бы счастлива своей безпомощной зависимостью, какъ комнатная собачка, и я тоже.

— Пріасходно... Кто-же вамъ мѣшаетъ превратиться именно въ такую барышню—овечку?

— Не умѣю притворяться, Ефимъ Иванычъ. А впрочемъ, я болтаю ужасныя глупости.

Близилась осень, которая должна была разрѣшить все. Вадимъ какъ-то проговорился за обѣдомъ, что оставляетъ свою академію и поступаетъ управляющимъ въ какое-то имѣніе. Сережа тоже собрался уѣзжать въ столицу, чтобы продолжать свою газетную лямку,—онъ отдохнулъ и успѣлъ соскучиться.

— Эхъ, молодость: всѣ торопятся, всѣ куда-то ѣдутъ...—говорилъ однажды Ефимъ Иванычъ, проводя рукой по своей сѣдой щетинѣ.— А вотъ нашему брату и ѣхать некуда да и ждать нечего.

— Вы—эгоистъ, Ефимъ Иванычъ,—шутила Нина,—потому что думаете только о себѣ. Вы пожили въ свою долю и завидовать другимъ нехорошо. Мама совершенно справедливо называетъ васъ эгоистомъ.

— Что-же, я согласенъ, барышня Ниночка, такъ эгоистомъ останусь до конца.

Сережа и Егоровъ бывали по-прежнему и попрежнему вмѣстѣ. Нина замѣчала одно, что Сережа находится подъ вліяніемъ этого мудренаго купчика, но никакихъ объясненій не желала имѣть съ нимъ. Дерзость Егорова однако продолжалась: ему не только не было совѣстно за сцену въ саду, но онъ еще вызывающе поглядывалъ на Нину, точно желалъ добиться отъ нея другаго отвѣта. Онъ производилъ впечатлѣніе сумасшедшаго человѣка, и дѣвушка какъ-то инстинктивно стала его бояться.

— А вы скоро убьете жену, Сосипатръ Ефимычъ? — спросила однажды Нина отчаяннаго купчика.

— Когда вы меня полюбите, тогда и убью.

— Вотъ поэтому я васъ никогда и не полюблю. Да...

Сердиться по настоящему на Егорова она не могла, потому что это былъ совершенно особенный человѣкъ, не походившій на всѣхъ остальныхъ. Въ немъ была какая-то сила и особенная энергія, которая невольно привлекала своей цѣльностью. О сценѣ въ саду Нина не разсказала никому, даже матери, которая всегда повторяла, что зависитъ отъ женщины, какъ съ ней держатъ себя мужчины. Въ данномъ случаѣ дѣвушка рѣшительно не могла обвинить самое себя въ чемъ-нибудь, а сердиться на Егорова не стоило. Но все это были пустяки, а главное оставалось. Нина старалась не думать о Сережѣ и не могла. Она знала его съ дѣтства, когда онъ еще бывалъ у нихъ гимназистомъ. Такой былъ скромный и серьезный мальчикъ, которымъ учителя не могли нахвалиться. Затѣмъ, вторично они встрѣтились въ Москвѣ, т.-е. Сережа самъ розыскалъ ихъ. Онъ былъ радъ видѣть земляковъ и сталъ ходить чуть не каждый день. Придетъ, сядетъ и слушаетъ, какъ Нина проходитъ свои консерваторскіе уроки.

— И вамъ не скучно?—удивлялась дѣвушка, наблюдая друга дѣтства.

— Нисколько...

Въ награду за такое терпѣніе Нина исполняла какую-нибудь любимую пьесу, и Сережа дѣлался окончательно счастливымъ. Они цѣлые вечера проводили въ умныхъ разговорахъ или что-нибудь читали вмѣстѣ. Сережа оставилъ университетъ со втораго курса, но продолжалъ интересоваться разными вопросами и читалъ очень много. Газетная работа оставляла ему достаточно свободнаго времени. Сколько было пережито хорошихъ минутъ, какіе даются только молодостью. А затѣмъ само собой случилось то, что дѣлаетъ изъ мужчины и женщины одно цѣлое. До этого момента Нина умѣла видѣть и понимать недостатки и достоинства Сережи, а потомъ все это исчезло, подавленное однимъ чувствомъ,—больной человѣкъ теряетъ ощущеніе всего тѣла, а чувствуетъ только одно больное мѣсто. Да, они мечтали о своей будущей жизни, простой и трудовой; причемъ не будетъ ничего похожаго на то, какъ живутъ другіе, тѣ другіе, которые отравляютъ жизнь другъ другу. Въ проектѣ предполагалось жить гдѣ-нибудь недалеко отъ Москвы, какъ живутъ англичане, чтобы совмѣстить удобства дешевой деревенской жизни съ преимуществами столицы. Сережа могъ работать и въ деревнѣ, а Нина занялась бы хозяйствомъ въ широкомъ смыслѣ. Все было обдумано, распланировано и разсчитано впередъ. Съ этими мыслями и чувствами молодые люди явились въ Смольскъ, чтобы повидаться въ послѣдній разъ передъ самостоятельной жизнью съ родными. Что сдѣлалось съ Сережей—Нина не могла никакъ понять, а чувствовала только жгучее оскорбленіе, какое испытываетъ одна женщина, утрачивающая любовь мужчины. Въ долгіе часы одинокаго раздумья она обсуждала этотъ роковой вопросъ со всѣхъ сторонъ и ничего не могла придумать. У нея даже не было соперницы, а просто Сережа разлюбилъ ее. Его увлеченіе было простой вспышкой молодаго чувства, а для нея въ этомъ заключалась все. Онъ въ ея глазахъ, какъ въ глазахъ каждой искренне любящей женщины, не былъ ни хорошъ, ни дуренъ, и не могъ быть сравниваемъ съ кѣмъ-нибудь другимъ, потому что, по простой логикѣ, вѣдь другого Сережи не могло быть. О, она умѣла

любить и отдавалась вся, и теперь отказалась отъ него тоже потому, что слишкомъ его любила и не могла помириться на какомъ-нибудь компромиссѣ. Все или ничего — выбора не существовало. И все это переживать каждый день, каждый часъ, и думать, что найдется другая женщина, которая займетъ ея мѣсто, будетъ радоваться ея радостями, а она остается одна, одна, одна. Нѣтъ, это было что-то такое ужасное, подавляющее и громадное!

Перебирая свои воспоминанія, Нина не находила ничего, въ чемъ бы могла упрекнуть самое себя, и въ ней поднималось оскорбленное чувство, мѣшавшее ей объясниться съ Сережей подробно. Пусть онъ самъ придетъ, пусть самъ первый заговоритъ. Какъ онъ не можетъ понять такой простой вещи, что она женщина и что ей неудобно напрашиваться на объясненія. Если бы онъ дѣйствительно любилъ, то все это давно сдѣлалъ бы по инстинкту, изъ чувства деликатности. Всѣ эти мысли и чувства поднимались вихремъ, какъ только дѣвушка оставалась одна.

А время летѣло. Стоялъ конецъ іюля, а въ началѣ августа Сережа уѣзжалъ въ Москву. Погода стояла холодная и дождливая. Черезъ Вадима Нина знала, что Сережа уѣзжаетъ надняхъ, и чѣмъ ближе наступалъ роковой срокъ, тѣмъ сильнѣе овладѣвало ею какое-то невыносимое безпокойство. Она запиралась по цѣлымъ днямъ въ своей комнатѣ и не показывалась когда приходили посторонніе, какъ Ефимъ Иванычъ, Егоровъ или отецъ Бизяевъ. Однажды вечеромъ ей особенно было тяжело. Назойливый дождь шелъ съ утра. Деревья въ саду уныло шумѣли. Нина лежала на кушеткѣ съ раскрытой книгой и смотрѣла въ пространство. На нее по вечерамъ находило что-то въ родѣ столбняка, какъ было и сейчасъ.

— А что, если онъ уѣдетъ завтра, и я его больше не увижу?—мелькнуло у ней въ головѣ. — Вѣдь онъ можетъ уѣхать каждую минуту...

Жгучее чувство охватило ее. Она быстро надѣла непромокаемое пальто, накинула на голову простой платокъ и пошла въ садъ. Что она сдѣлаетъ—ей было еще не ясно, но она знала только одно, что должна увидѣть Сережу сейчасъ-же и сказать ему все. Да, все... Что онъ дѣлаетъ?... Вѣдь онъ не понимаетъ, что убиваетъ въ ней душу. Конечно, не понимаетъ, а иначе никогда не сдѣлалъ бы ничего подобнаго. Она не замѣтила, какъ прошла весь садъ, какъ потомъ шла по грязной и темной улицѣ, какъ очутилась на площади противъ бизяевскаго дома. Комната Сережи была въ мезонинѣ, но сейчасъ окна оставались неосвѣщенными, значитъ, его не было дома. Дѣвушку охватило такое отчаяніе, точно этими темными окнами глядѣла на нее сама смерть.

— Куда?—шептала она.—Нѣтъ я его увижу... Сережа, милый...

Она взяла перваго попавшагося на глаза извощика и велѣла ѣхать къ дому Егорова. Дремавшій у воротъ на лавочкѣ дворникъ объяснилъ ей, что Сосипатра Ефимыча дома нѣтъ.

— А гдѣ онъ, вы не знаете?

— Не могу знать, барышня...

Слово «барышня» привело Нину немного въ себя: дворникъ, вѣроятно, принялъ ее за одну изъ тѣхъ особъ, съ которыми Егоровъ безобразничалъ по трактирамъ. Ахъ, да, они теперь въ трактирѣ, тамъ, гдѣ поютъ арфистки.

— Въ «Якорь!»—крикнула она извощику.

Трактиръ съ арфистками былъ ярко освѣщенъ, что его рѣзко выдѣляло изъ среды другихъ обывательскихъ построекъ. Нина велѣла извощику остановиться у тротуара и послала его за швейцаромъ. Она только теперь почувствовала, что ноги у нея совсѣмъ мокрыя и голова тоже. Швейцаръ подошелъ къ экипажу неохотно и подозрительно посмотрѣлъ на нее.

— Егоровъ у васъ, т.-е. въ трактирѣ?

— Какой Егоровъ?

— Ахъ, какой вы... Ну, Сосипатръ Ефимычъ...

— Какъ будто не примѣчалъ... Раньше они бывали, это точно-съ, а сейчасъ ихъ нѣтъ.

— Вы обманываете... Онъ здѣсь, я знаю. Только мнѣ нужно не его, а молодаго человѣка, который съ нимъ. Сынъ адвоката Бизяева... знаете?

Рублевая бумажка, сунутая швейцару, не потребовала дальнѣйшихъ объясненій. Пять минутъ, которыя пришлось ждать, показались Нинѣ вѣчностью. Но вотъ на подъѣздѣ показался знакомый силуэтъ, и она рванулась къ нему, какъ птица.

— Сережа... милый, родной...

Онъ въ первое мгновеніе не узналъ ее и даже попятился. Платокъ на головѣ у ней сбился и спутанные, мокрые отъ дождя волосы падали на глаза.

— Что вамъ нужно отъ меня?—сухо спросилъ онъ, дѣлая шагъ назадъ.

Она не поняла, что онъ сказалъ, но ее убилъ самый тонъ, какимъ была сказана эта мертвая фраза. На нее точно пахнуло холодомъ смерти, и она безпомощно посмотрѣла кругомъ, инстинктивно отыскивая поддержки.

— Я... я больше не могу, Сережа.... Это невозможно! Ахъ, какъ я измучилась.... Вѣдь вся жизнь, цѣлая жизнь разбита... Что я сдѣлала? Чѣмъ я заслужила такое безчеловѣчное отношеніе?... Я ждала, что ты самъ придешь и объяснишь все откровенно... Вѣдь я понимаю, что нельзя заставить себя любить... Боже мой, какъ я измучилась!...

Дѣвушка чувствовала, что говоритъ сонсѣмъ не то, что нужно сказать и о чемъ она думала послѣднія недѣли, а онъ смотрѣлъ на нее и

былъ возмущенъ обстановкой самой сцены: объясненіе на улицѣ, ночью, при извощикѣ... Она просто хотѣла сдѣлать ему скандалъ, какъ самая простая баба, которая будетъ ревѣть на цѣлую улицу. Въ послѣдній разъ въ театрѣ ему было ее жаль, а теперь онъ ненавидѣлъ ее и молчалъ.

— Что же ты ничего не отвѣчаешь?—шептала она, схватывая его руку.—Гдѣ я отыскиваю тебя?! Грязный вертепъ... пьяная компанія... Нѣтъ, не то: ты свободенъ...

— Полагаю, что я не обязанъ никому давать отчетовъ въ своемъ поведеніи,—сухо отвѣтилъ онъ, отнимая руку.

— И это все?.. это послѣднее слово?—застонала она, чувствуя, какъ земля точно уходитъ изъ-подъ ногъ, а въ груди нѣтъ воздуха.—Сережа... Сережа...

Дальше все подернулось какимъ-то туманомъ. Нина какъ во снѣ помнила, что чья-то сильная рука поднимала ее съ тротуара, та же рука поправляла ей волосы и платокъ на головѣ, а изъ отвореннаго окна трактира неслась дикая пьяная пѣсня:

Я надѣну платье бѣло,
Чтобы сердце не болѣло!..

— Нина Петровна, голубушка, опомнитесь... Богъ съ вами!—шепталъ ей незнакомый голосъ.—Я васъ довезу домой...

— Нѣтъ, я не хочу домой...

Та же сильная рука усадила ее на извощика, и дѣвушка безсильно покорялась, потому что ей было все равно. Кто-то сѣлъ съ ней рядомъ и опять незнакомый голосъ заговорилъ:

— Ахъ, барышня... Плевое это самое дѣло: не стоитъ. Да развѣ онъ можетъ что-нибудь понимать?...

Это былъ Егоровъ. Онъ сидѣлъ безъ шапки, какъ выскочилъ изъ трактира на крикъ. Нина узнала его, когда экипажъ медленно тащился мимо фонаря.

— Куда вы меня везете?...

— Не бойтесь... Пальцемъ не трону, родная. Ахъ, Боже мой... Звѣрь я, пьяный звѣрь, а только и я понимаю... Простите меня, Нина Петровна... Помните, тамъ, въ саду... Убить меня мало за мое звѣрство, а все-таки я чувствую. Голубушка, не убивайтесь...

Извощикъ остановился около дома Ефима Ивановича. Егоровъ помогъ Нинѣ выйти и такъ дернулъ звонокъ, что бѣдька выскочилъ, какъ встрепанный.

— Ефимъ Ивановичъ дома?

— Дома...

— Вотъ проводи барышню, болванъ...

Егоровъ подождалъ, пока дѣвушка дошла до подъѣзда, вскочилъ на извощика и крикнулъ:

— Валяй въ «Якорь», чортова кукла!...

Ефимъ Иванычъ встрѣтилъ гостью въ передней. Онъ растерялся, когда узналъ Нину.

— Ниночка-барышня... откуда?—бормоталъ онъ, помогая снимать мокрое пальто.

— Не знаю... ничего не знаю... шептала она, хватаясь рукой за стѣну.

Онъ провелъ ее къ себѣ въ кабинетъ, усадилъ на кушетку и остановился. Дальше онъ не зналъ, что дѣлать. Нина смотрѣла на него остановившимися непонимающими глазами и тоже молчала. Она была блѣдна, какъ полотно.

— Что съ вами, милая барышня? Нѣтъ, это глупый вопросъ: я все понимаю... Боже мой, вѣдь у васъ ноги совсѣмъ мокрыя... Вы простудитесь. Гдѣ-то у меня былъ коньякъ...

— Ничего мнѣ не нужно...

— Ну, это ужь мое дѣло!.. Погода адская... А мы сейчасъ чайку напьемся. Я тутъ сидѣлъ и строчилъ, вдругъ слышу—отчаянный звонокъ... Опять глупо... Такъ мы сейчасъ будемъ чай пить... Вы съ сухарями или съ булкой?.. Съ коньякомъ это отлично выйдетъ... Да позвольте, я ботинки сниму...

Нина сначала инстинктивно спрятала ноги, а потомъ пассивно отдалась въ эти маленькія, старческія безсильныя руки, которыя тащили съ нея мокрыя ботинки. Она смотрѣла на сѣдую голову Ефима Иваныча и въ первый разъ заплакала.

— Меня Егоровъ привезъ къ вамъ... шептала она, глотая слезы.—Онъ меня поднялъ и привезъ...

— И отлично сдѣлалъ! Онъ умная каналья... да.

Появился самоваръ и чай съ коньякомъ. Нина глотала горячую жидкость съ чувствомъ отвращенія, только потому, чтобы не огорчить вотъ этого хорошаго старика, который ухаживалъ за ней, какъ за ребенкомъ.

— А вы помните, барышня Ниночка, какъ я ухаживалъ за вами, когда вы еще были такая маленькая... Горло у васъ болѣло. Леонида Гавриловна тогда бѣгала по урокамъ, а я дежурилъ около васъ... Маленькая такая кроватка стояла, а въ кроваткѣ маленькая больная дѣвочка...

— Да, помню... Вы тогда еще мнѣ зайчика подарили.

— Вотъ, вотъ... Давайте, закроемъ ноги пледомъ или надѣньте мои туфли. Нѣтъ, лучше пледъ. Нужно согрѣться и возстановить теплоту... Знаете, организмъ требуетъ извѣстнаго равновѣсія. Я еще прибавлю коньяку... Отличное средство...

Старикъ выбивался изъ силъ, ухаживая за гостьей и все смотрѣлъ ей въ лицо, точно старался что-то узнать въ немъ, такое близкое-близкое, что его пугало и радовало. Наконецъ, онъ проговорилъ:

— Знаете, барышня Ниночка, а, вѣдь, вы ужасно походите на мать... Да. Я раньше этого не замѣчалъ...

Нина поморщилась: она знала, что Ефимъ Иванычъ былъ когда-то безнадежно влюбленъ въ мать, и ей это было непріятно сейчасъ думать. Но это продолжалось всего одну минуту, а затѣмъ она разсказала Ефиму Иванычу все, что съ ней было сегодня и что было раньше. Онъ слушалъ ее внимательно, опустивъ глаза, и только время отъ времени проводилъ рукой по волосамъ.

— Мнѣ, вѣдь, не слѣдовало этого дѣлать, Ефимъ Иванычъ,—шептала она упавшимъ голосомъ.—Я поступила безтактно, какъ послѣдняя баба... Я понимаю, что мой поступокъ вызвалъ въ немъ одно отвращеніе. Да.... Человѣкъ, который потерялъ гордость, и не заслуживаетъ ничего другаго. Ахъ, какъ я любила его...

— О такихъ людяхъ и говорить-то не стоитъ, — сурово замѣтилъ Ефимъ Иванычъ, шагая по комнатѣ. — Что такое этотъ Сережа? Дрянь во всѣхъ отношеніяхъ, и больше ничего.

— Нѣтъ, вы его не знаете, Ефимъ Иванычъ... Онъ хорошій, только безхарактерный.

— Послушайте, барышня Ниночка, я кое-что видалъ на своемъ вѣку и повѣрьте моимъ сѣдымъ волосамъ, что я въ данномъ случаѣ больше, чѣмъ правъ. Человѣкъ, который ставитъ въ такое положеніе дѣвушку, мерзавецъ— да. И я удивляюсь только одному, что женщины любятъ именно такихъ мерзавцевъ. Отчего вы не полюбили настоящаго, хорошаго человѣка, а вотъ такого выродка?... Какая-то продажная тварь... газетная тля.... Ну, объ этомъ мы еще поговоримъ. Да, поговоримъ... А теперь наплевать... Слава Богу, свѣтъ не клиномъ сошелся, и не такое горе изнашивается.

— Какой вы добрый, Ефимъ Иванычъ...

Эти слова заставили старика покраснѣть.

— Я-то добрый? зашипѣлъ онъ.—Ха-ха... Вы думаете, мнѣ жаль васъ вотъ сейчасъ? Да нисколько... Развѣ есть хоть одна женщина, которая не находилась хоть разъ въ вашемъ положеніи, —это неизлѣчимо-больныя существа, которыя гоняются за призраками собственной фантазіи. И такъ всегда будетъ и всегда!... Это смертный приговоръ вашей женской природѣ... А потомъ вы же утѣшитесь какими-нибудь жалкими стишонками. Для этого существуютъ спеціальные поэты. Вы понимаете, что мнѣ просто обидно за человѣческую природу, обидно за разумное созданіе.

— А вы все-таки добрый...

Черезъ часъ Ефимъ Иванычъ отвезъ успокоенную дѣвушку домой. Онъ проводилъ ее черезъ садъ до ея комнаты, а самъ пошелъ на террасу, гдѣ виднѣлся огонекъ. Старикъ принялъ довольно равподушный видъ, поднимаясь по лѣсенкѣ; а когда поднялъ глаза, то увидѣлъ прежде всего адвоката Бизяева, который смущенно поднялся съ мѣста. Леонида Гавриловна сидѣла на своемъ мѣстѣ съ книгой въ рукахъ.

— Ахъ, вы здѣсь... протянулъ Ефимъ Иванычъ, улыбнулся, махнулъ рукой и повернулъ назадъ.

Леонида Гавриловна не издала ни одного звука, а только закрыла глаза.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Французская живопись.

(По поводу французской выставки 1891 г. въ Москвѣ).

I.

Среди безконечно-разнообразныхъ сужденій и толковъ о художественномъ отдѣлѣ французской выставки, начиная отъ беззавѣтнаго поклоненія, въ силу моды, всему, что есть на выставкѣ, потому только, что это французское, и кончая педантическими придирками къ мелочамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ художественной стороной дѣла, чаще и громче другихъ слышатся среди публики два мнѣнія, на которыхъ я считаю долгомъ остановиться прежде, чѣмъ приступить къ разбору и оцѣнкѣ самой выставки. Оба эти мнѣнія мнѣ кажутся преобладающими въ средѣ людей дѣйствительно любящихъ и интересующихся искусствомъ и слѣдящихъ за его движеніемъ по художественнымъ выставкамъ и по отзывамъ печати, не безъ провѣрки этихъ отзывовъ собственными личными впечатлѣніями. Оба эти мнѣнія относятся къ выставкѣ отрицательно. Въ первомъ слышится почти полное разочарованіе. Говорятъ: «неужели здѣсь собрано лучшее, что могли сдѣлать французы за послѣднія 10, 15 лѣтъ? Неужели эти тусклые холсты, полные апатіи и скуки, могутъ быть названы образцами первенствующей въ мірѣ школы, привлекающей къ себѣ со всѣхъ концовъ свѣта молодыя художественныя силы? Гдѣ-же эта бьющая ключемъ жизнь, солнечный свѣтъ и пресловутый plein air, гдѣ импрессіонисты, освободившіе живопись отъ тѣсныхъ путъ условнаго освѣщенія и устарѣлыхъ пріемовъ композиціи и перспективы? За очень небольшимъ исключеніемъ ничего этого нѣтъ на выставкѣ. Кромѣ мертвой натуры, иногда очень удачно переданной, тамъ все почти блѣдно, безжизненно, или красочно-цвѣтисто, какъ румяна на отжившемъ лицѣ, или-же черно и грязно, какъ будто писано сажей. И что за сюжеты! Непонятная аллегорія, безсильная фантазія, бьющаяся, какъ подстрѣленная птица, на почвѣ грубаго реализма. («Звуки набата» Меньяна или «Тщеславіе» Агаша), историческіе моменты безъ движенія и экспрессіи, трактованные съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ событію («Смерть Пишегрю» Моро де Тура и «Отреченіе Наполеона» Берпъ-Белькура), ординарные портреты, сонныя фигуры бытоваго жанра, неподвижно бѣгущія на пожаръ, или на кораблѣ вокругъ шпиля, скучающія въ вестибюлѣ дворца юстиціи, въ жюри салона; плоскіе пейзажи съ топорными облаками и деревянныя морскія волны. Наконецъ трехсаженные холсты, переполненные спящими курами въ натуральную величину или прогуливающимися индѣйками и затѣмъ безконечные цвѣты, плоды, битая дичь и всякаго рода мертвая натура, часто превосходно написанная, но ничего не дающая ни мысли, ни душѣ. Но апоѳеозомъ французской школы на выставкѣ является голая женщина, какъ сама по себѣ безъ всякаго иного содержанія кромѣ наготы, такъ и переплетеная со всѣми другими родами живописи и выглядывающая всюду: и на небѣ, и на землѣ, и въ водахъ, подъ землею и даже напичкапная цѣлыми охапками въ нѣдрахъ ада! И въ этихъ женщинахъ по большей части нѣтъ ни цѣломудренной красоты формъ, ни огня страсти, ничего, чтобы оправдывало ихъ наготу; сплошь и рядомъ вы видите апатію заурядной поденщицы, скучающей въ своемъ профессіональномъ déshabiller. Кому все это нужно? Неужели это не паденіе искусства, а расцвѣтъ его, послѣднее слово, высшая ступень, на которую надо стать всѣмъ школамъ, слѣдуя по пути художественнаго прогресса?»

Другое мнѣніе не такъ враждебно относится къ выставкѣ, но, исходя изъ среды людей близко принимающихъ къ сердцу судьбы русскаго искусства, оно отличается патріотической окраской. Люди этого мнѣнія не находятъ, чему-

бы у французовъ могли научиться русскіе художники. «Правда, говорятъ они, у французовъ, почти вездѣ очень строгій рисунокъ, часто прекрасная лѣпка, очень много вкуса въ тонахъ, въ сочетаніи красокъ, попадаются прелестныя головки, интересные типы и портреты, меланхолическіе пейзажи съ несомнѣннымъ настроеніемъ. Однако-жь все это ужь не до такой степени образцево, чтобъ мы не могли найти въ нашей школѣ произведевій не только равносильныхъ, но и превосходящихъ во многихъ отношеніяхъ всѣ эти диковинки. Поставьте на эту выставку рядомъ съ портретами Бова, Лефевра, Роля и друг. любой портретъ кисти И. Е. Рѣпина, или портретъ Сорокина, писанный Вл. Е. Маковскимъ,—и они оба блистательно выдержатъ конкурренцію съ этими европейскими знаменитостями. Ни одно драматическое положеніе, взятое изъ исторіи или современной жизни, которыхъ не мало на выставкѣ, не трогаетъ насъ, не передано такъ жизненно, такъ экспрессивно, какъ картина г. Ге «Петръ и Алексѣй», какъ Иванъ Грозный съ убитымъ сыномъ въ рукахъ, работы г. Рѣпина, или его-же «Не ждали». На французской исторической или бытовой картинѣ все передано строго, точно и добросовѣстно, но вы остаетесь холодны къ разсказу художника, какъ къ записи протоколиста, можетъ быть вѣрно передающаго внѣшніе факты, но безъ всякаго отношенія къ ихъ внутренней оцѣнкѣ. А изъ французскихъ пейзажистовъ здѣсь на выставкѣ укажите хоть одного, кто-бы умѣлъ рисовать деревья такъ, какъ рисуетъ ихъ И. И. Шишкинъ! Еще труднѣе будетъ между ними найти мариниста, хотя отдаленно напоминающаго по силѣ таланта нашу всесвѣтную знаменитость г. Айвазовскаго! Въ мертвой натурѣ, въ аллегоріи и миѳологіи, а также и въ голомъ женскомъ тѣлѣ французы дѣйствительно не имѣютъ соперниковъ въ русской школѣ. Но это потому, что у насъ и вовсе нѣтъ этого рода живописи. Да и слава Богу! Nature morte, какъ самостоятельный жанръ, можетъ быть задачей только живописца, а не художника. При ничтожной въ количественномъ отношеніи продуктивности нашихъ художественныхъ силъ было-бы жаль, еслибъ художники тратили свой талантъ на живопись только, на потѣху глазъ, не затрогивая въ картинахъ идейныхъ сторонъ жизни. Миѳологическіе сюжеты пріѣлись нашимъ художникамъ до отвращенія еще со школьной скамьи въ традиціонныхъ академическихъ программахъ и въ образцахъ нашей старой псевдо-классической живописи; а голое женское тѣло развѣ не сумѣли-бы писать наши художники не хуже французовъ (сошлемся наг. Сухоровскаго и т. п.), если-бы этого рода искусство нашло себѣ поддержку во вкусахъ нашей интелигентной публики, а не казалось-бы (справедливо или нѣтъ) чѣмъ-то зазорнымъ, какъ экспонаты секретныхъ кабинетовъ при музеяхъ восковыхъ фигуръ. Что-же затѣмъ остается, чему слѣдовало-бы поучиться у французовъ русскому художнику?..»

Вотъ эти два мнѣнія выражаютъ взглядъ большинства нашей публики и съ каждымъ новымъ наплывомъ посѣтителей выставки пріобрѣтаютъ себѣ повыхъ сторонниковъ, несмотря на почти безусловно-хвалебные отзывы о выставкѣ нашей художественной критики. Въ нихъ рядомъ съ заблужденіемъ есть значительная доля правды, хотя выводы, дѣлаемые изъ нихъ, не вѣрны, потому что построены на односторонности взгляда, на излишнемъ довѣріи къ первому впечатлѣнію, на пристрастіи, подъ давленіемъ чувства разочарованія и т. д. Всѣ ожидали отъ выставки чего-то необыкновеннаго, чрезвычайнаго. Слухи о блестящемъ успѣхѣ французскаго искусства на послѣдней всемірной выставкѣ въ Парижѣ подготовили въ нашей публикѣ эти ожиданія. И вотъ, когда выставка открылась, она не оправдала и половины возложенныхъ на нее надеждъ. Не найдя на выставкѣ ничего чрезвычайнаго, ошеломляющаго, мы уже не видимъ и того немногаго, что она намъ дѣйствительно даетъ. Постараемся всмотрѣться въ это немногое и мы скоро увидимъ, что это совсѣмъ не такъ мало, какъ кажется съ перваго взгляда.

На первый разъ выставка въ самомъ дѣлѣ производитъ очень неблагопріятное впечатлѣніе. Но въ этомъ не виноваты французскіе художники. Большинство картинъ или вовсе не видно, или видно только частями, благодаря отражеппому отъ холстовъ свѣту, падающему прямо въ глаза зрителю. Со стороны устроителей выставки это непростительная небрежность. Говорятъ, что администрація выставки здѣсь не при чемъ, такъ какъ продольныя стѣны смежныхъ галерей такъ тонки, что большимъ картивамъ въ тяжелыхъ рамахъ нельзя дать надлежащаго наклона, не рискуя обрушить стѣны. Но развѣ нельзя было укрѣпить картины системой брусьевъ, ставя ихъ подъ извѣстнымъ угломъ къ окнамъ, такъ, чтобы свѣтъ падалъ на нихъ справа, или слѣва, а не ударялъ имъ прямо въ лобъ? При той значительной затратѣ капитала на декоративную часть выставки, передъ которой не задумались французы, это составило бы ничтожный расходъ, а картины выиграли бы на сто процентовъ. Теперь же большая часть картинъ и преимущественно крупныхъ, монументальныхъ, совершенно пропадаетъ для зрителя, какъ игра виртуоза на глухой клавіатурѣ безъ струнъ. Послѣ долгихъ и напрасныхъ попытокъ найти точку зрѣпія, откуда была бы видна вся картина, публика съ унылымъ, скучающимъ видомъ переходитъ отъ нея къ другой, потомъ къ слѣдующей, изъ одной залы въ другую и оживаетъ

только въ павильонахъ передъ витринами бронзы, хрусталя и другихъ произведеній мануфактурной промышленности, гораздо удачнѣе освѣщенной. И это не потому, что публика не понимаетъ, не интересуется чистымъ искусствомъ. На Всероссійской выставкѣ 1882 года мы видѣли совершенно обратное явленіе: та же самая публика переполняла художественный отдѣлъ преимущественно передъ всѣми другими. Въ залахъ было освѣщеніе сверху и всѣ картины и скульптура были прекрасно видны.

Я съ намѣреніемъ останавливаюсь такъ долго на этомъ существенномъ недостаткѣ выставки. Многіе находятъ, что это не такъ важно. Кто умѣетъ смотрѣть картины, говорятъ они, тотъ и здѣсь увидитъ все, что ему нужно; при такомъ освѣщеніи часто хорошо видна, такъ сказать, самая кухня художественнаго мастерства, направленіе и ширина мазка и проч., а это не безполезно для нашихъ художниковъ. Страдаетъ только колоритъ (*только!*) и впечатлѣніе общаго тона. Но не посвященная въ эти тайны публика не нуждается въ общемъ тонѣ и не замѣчаетъ его. Ей нужна въ картинѣ прежде всего фабула, а затѣмъ выраженіе лицъ и отдѣлка подробностей. Въ мертвой натурѣ ее восхищаетъ иллюзія рельефа и передача матеріала изображенныхъ предметовъ, а въ пейзажѣ она интересуется только топографіей мѣстности и опять-таки отдѣлкой подробностей. Если художникъ пожертвуетъ деталями въ пользу общаго тона, хотя бы онъ достигъ въ этомъ полнаго совершенства, публика назоветъ его пейзажъ мазней и равнодушно отвернется отъ него.

Это мнѣніе крайне ошибочно. Въ публикѣ, посѣщающей выставки, театры и концерты, равно какъ и читающей произведенія изящной литературы, кромѣ самихъ художниковъ и завзятыхъ знатоковъ всѣхъ тонкостей художественнаго производства съ одной стороны и невѣжественной толпы — съ другой, есть еще отдѣльная среда, составляющая, такъ сказать, центральное зерно публики и главную ея силу. Съ нею объ руку идутъ художники по указанному ею пути, или увлекая ее за собою, смотря по силѣ ихъ таланта. Это люди непричастные творчеству, но духовно просвѣщенные въ лучшемъ смыслѣ этого слова и потому чуткіе къ воспринятію и оцѣнкѣ художественныхъ впечатлѣній. Изъ нихъ выходятъ Бѣлинскіе и Добролюбовы; они воспитываютъ въ насъ вкусъ и сознательное отношеніе къ искусству; безъ нихъ теряется связь между художникомъ и обществомъ: оно бродитъ въ потьмахъ, подчиняется первой случайной модѣ, а талантъ, не находя поддержки, сиротѣетъ и мельчаетъ. Вотъ этихъ-то людей, ищущихъ въ картинѣ общаго впечатлѣнія жизненной правды, а не кулинарной стороны творчества, и надо имѣть въ виду при устройствѣ выставокъ.

Но волей-неволей приходится мириться съ этимъ невозможнымъ освѣщеніемъ, какъ мы давно уже миримся съ другими неудобствами, неизбѣжными на всѣхъ выставкахъ, напримѣръ: съ слишкомъ отдаленнымъ помѣщеніемъ высоко-повѣшенныхъ картинъ отъ глазъ зрителя, съ нелѣпой сортировкой ихъ безъ всякой внутренней связи, производящей впечатлѣніе какого-то попури, въ особенности въ первый день посѣщенія выставки. Послѣ долгихъ усилій разобраться въ этомъ хаосѣ, начинаешь догадываться, что и какъ изображено на этомъ холстѣ, гдѣ надо стать, чтобы видѣть вонъ ту фигуру, составляющую главной интересъ картины... Тамъ выглядываетъ чудесная головка, привлекающая вниманіе удивительной симпатичностію и благородствомъ выраженія, которую прежде не замѣчалъ, потому что глаза невольно останавливались на широкой голой спинѣ какой-то дамы среди зелени. Эта спина долго мѣшала видѣть сосѣднія картины: она какъ бы висѣла на ресницѣ и загораживала собою все остальное. Но мало-по-малу отдѣлываешься отъ нея и вотъ видишь окорокъ ветчины, написанный натурально до смѣшного, до того, что чувствуешъ зудъ въ челюстяхъ и апетитъ, если еще не завтракалъ... Какая сила! думаешь себѣ по поводу этой ветчины. Положимъ, это nature morte, штука не мудрая, но сколько надо было положить любви, энергіи и труда въ это дѣло, чтобы довести его до такой степени совершенства! Эта мертвая натура живѣе живой и передъ ней блѣднѣютъ и погибаютъ всѣ другія картины: и эта голая спина, и этотъ сѣренькій пейзажъ... Зачѣмъ онъ здѣсь? Его никто не замѣчаетъ; онъ играетъ лишь страдательную роль, оттѣняя собой блестящія стороны сосѣдняго nature mort'a... А вѣдь и въ немъ есть кое-что не дурное... Я всматриваюсь въ него все болѣе и удивляюсь, какъ я раньше не замѣчалъ его. Онъ поразительно хорошъ! Какъ глубокъ этотъ воздухъ, какъ вѣрно отношеніе дали къ первому плану! И нѣтъ ни одной краски: все сѣро и тонно, какъ въ самой натурѣ! И обаяніе жизненной правды охватываетъ меня всецѣло; я упиваюсь иллюзіей жизни въ этомъ пейзажѣ и чувствую въ груди тотъ трепетъ удовлетворенной жажды прекраснаго, который можетъ вызвать только любовь и творческая сила художника.

Если будемъ подробно и внимательно разсматривать выставку, то не разъ еще попадемъ на такіе сюрпризы. Дѣйствительно прекрасное по большей части не бросается въ глаза сразу, часто остается совершенно незамѣченнымъ; но, разъ остановивъ на себѣ взглядъ наблюдателя, оно постепенно, но неотразимо захватываетъ все его вниманіе и завладѣваетъ всей его душой.

Однако прежде, чѣмъ обойти выставку съ цѣлью отыскать въ ней все цѣнное въ этомъ

родѣ,—все, вызывающее въ насъ высокое чувство наслажденія прекраснымъ, постараемся договориться, что мы вообще должны разумѣть подъ словомъ „*прекрасное*“ въ живописи, безъ опасенія впасть въ еретическое заблужденіе противъ господствующихъ эстетическихъ теорій. Собственно говоря въ кругу человѣческихъ воззрѣній нѣтъ вопроса, который въ одно и то же время, при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, вызывалъ бы болѣе противорѣчивыя рѣшенія, какъ вопросъ о задачахъ искусства вообще и живописи въ частности. Нѣтъ той эстетической теоріи, построенной-ли на основаніяхъ отвлеченной философіи, или на естественно-историческомъ методѣ, или же наконецъ отвѣчающей требованіямъ соціальнаго утилитаризма, которая могла бы считаться въ настоящее время господствующей, исповѣдывалась бы большинствомъ просвѣщенныхъ людей и не опровергалась бы съ одинаковымъ успѣхомъ любой теоріей другого пошиба, построенной на діаметрально противуположномъ ученіи. Въ послѣднее время особенно чувствуется отсутствіе общей руководящей идеи въ задачахъ искусства Французская выставка представляетъ разительный примѣръ самаго разношерстнаго направленія въ живописи. Однако, не взирая на эту сумятицу противуположныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ художниками одной эпохи и одной націи, идущихъ кто въ лѣсъ, кто по дрова и въ то же время мирно появляющихся рука объ руку на одной и той же выставкѣ, при болѣе внимательномъ всматриваніи въ ихъ произведенія можно найти общее всѣмъ имъ свойство, объединяющее и связывающее ихъ какъ бы одной нитью не только другъ съ другомъ, но и съ произведеніями другихъ временъ и народовъ. Это общее свойство, которое и должно быть положено въ основаніе художественнаго творчества, на которомъ зиждется вѣчный принципъ искусства, есть *любовь къ жизни* и стремленіе возсоздать *ея иллюзію*.

Въ самомъ дѣлѣ для человѣка нѣтъ ничего дороже и прекраснѣе жизни. Какъ бы она ни была пуста, скучна, или переполнена горемъ и страданьями,—она все-таки неизмѣримо лучше смерти.

„Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать“...

говоритъ Пушкинъ, относя самое страданіе въ область желательныхъ ощущеній потому только, что имъ, страданіемъ, обусловливается жизнь. Замѣна смертной казни вѣчной каторгой радуетъ приговореннаго, какъ юношу первая любовь. Самоубійцы и жаждущіе смерти пессимисты—это уродливыя и болѣзненныя исключенія изъ общаго правила, и они составляютъ ничтожное меньшинство среди живущихъ. Но еще менѣе людей пользующихся въ достаточной степени благами жизни. А всѣ стремятся къ этимъ благамъ, путемъ борьбы и страданій добиваются ихъ осуществленія, а въ минуты досуга и отдыха мечтаютъ объ нихъ. И какъ жизнь ни привлекательна, она никого почти не удовлетворяетъ вполнѣ: она слишкомъ коротка, впечатлѣнія ея мимолеты, и тѣ высшія блага, которыя въ воображеніи человѣка сводятся къ идеаламъ истины, добра и красоты, слишкомъ рѣдко озаряютъ жизнь человѣка яркимъ блескомъ и ужь на очень короткое время даютъ ему полное удовлетвореніе. И вотъ рядомъ съ дѣйствительной жизнью человѣкъ создаетъ ея иллюзію, фиксируетъ ее въ воображеніи и осуществляетъ въ искусствѣ. Такимъ образомъ искусство дополняетъ и украшаетъ жизнь, осложняетъ ее новыми впечатлѣніями и дѣлаетъ эти впечатлѣнія болѣе продолжительными. Чѣмъ ближе подойдетъ иллюзія къ тому, что береть она изъ дѣйствительности, и чѣмъ ярче выразится въ ней положительнымъ или отрицательнымъ путемъ стремленіе къ высшимъ идеаламъ жизни, тѣмъ совершеннѣе будетъ произведеніе художника.

Этимъ условіямъ подчиняются всѣ виды художественнаго творчества отъ народной пѣсни и реальной картины обыденной жизни до самой необузданной фантазіи поэта, какъ «Потерянный рай» Мильтона, «Сонъ въ лѣтнюю ночь» Шекспира, или симфоніи Бетховена. Все это – иллюзія жизни, движущійся міръ образовъ и ощущеній, аналогичныхъ съ видѣнными и пережитыми уже нами, или еще не знакомыхъ, но усвоиваемыхъ нашимъ воображеніемъ, какъ нѣчто возможное, согласное съ логикой жизни, такъ какъ и воображеніе наше построено на той-же логикѣ, на той-же жизненной правдѣ. Возьмемъ, напримѣръ, превращеніе головы ткача Основы («Сонъ въ лѣтнюю ночь» Шекспира) въ ослиную. Фактически не возможно такое превращеніе, но если, по аналогіи постоянно мѣняющихся на нашихъ глазахъ формъ жизни, допустить возможность такой метаморфозы, то логика требуетъ, чтобъ она случилась именно съ Основой, а не съ Титаніей или Обероном, хотя эти послѣдніе суть продукты чистой фантазіи, а Основа взятъ почти цѣликомъ изъ дѣйствительной жизни. Воображеніе и фантазія постоянно переплетаются въ умѣ человѣка съ дѣйствительностію и переполняютъ ее. Все наше нравственное міровоззрѣніе воспитано на образахъ и типахъ, созданныхъ воображеніемъ художника, начиная отъ басни и дѣтской сказки и кончая психическимъ анализомъ великихъ художественныхъ произведеній послѣдняго періода человѣческой зрѣлости.

И такъ тайна обаятельной силы художественнаго творчества заключается въ иллюзіи жизни, такъ или иначе приближающей насъ къ идеаламъ истины, добра и красоты. Идеалы эти относительно вѣчны, неизмѣнны, но формы жиз-

ни, складъ воззрѣній на эти идеалы и характеръ вѣры въ нихъ постоянно мѣняются, а съ ними вмѣстѣ мѣняются и формы художественнаго творчества. Каждая эпоха и каждый народъ создаетъ свою форму, или, заимствуя ее у другихъ, передѣлываетъ ее на свой ладъ, согласно времени и національному характеру, наиболѣе выразительному въ періоды процвѣтанія интеллектуальныхъ силъ народа, или тѣхъ слоевъ общества, въ которыхъ создается и поддерживается искусство. Въ эпоху-же нравственныхъ кризисовъ, когда ясное представленіе идеаловъ утрачивается, когда люди, какъ говорится, извѣрились въ свои идеалы, теряется и способность создавать новыя формы творчества. Является рабское подражаніе прежнимъ или чужимъ образцамъ, повтореніе задовъ, искусство лишается оригинальности и вырождается.

Наша оригинальная изящная литература, не насчитывающая еще и ста лѣтъ своего существованія, пережила уже нѣсколько стадій въ формахъ творчества. Басня, лирическая поэзія, сословная комедія и обличительная проповѣдь гражданской скорби,—всѣ эти формы уже отжили свое время и сданы въ архивъ; даже общественная сатира и романъ, построенные на психическомъ анализѣ, еще такъ недавно царившіе въ нашей литературѣ, выходя изъ подъ пера такихъ крупныхъ художниковъ, какъ Щедринъ, Достоевскій и Левъ Толстой, теперь уже уступаютъ мѣсто новымъ формамъ выраженія творческой мысли. Наша живопись, которая еще вдвое моложе нашей литературы, выразившаяся впервые въ формѣ тенденціознаго реализма, теперь уже устарѣла и картины родоначальниковъ этой формы, Федотова и Перова, показались-бы анахронизмомъ на нашихъ современныхъ выставкахъ. Вслѣдъ за обращеніемъ литературы къ психологическимъ вопросамъ и живопись наша пошла по тому-же пути. Картины и портреты Крамскаго и его сподвижниковъ стремятся передать преимущественно внутреннюю физіономію человѣка, его душевное настроеніе. Обличительная тенденція уступаетъ мѣсто объективной реальной правдѣ (въ картинахъ И. Е. Рѣпина) и добродушному юмору (у В. Е. Маковскаго и И. М. Прянишникова). Даже пейзажъ за это время претерпѣваетъ значительное измѣненіе: изученіе, такъ сказать, пластической анатоміи пейзажа, законовъ красиваго сочетанія его внѣшнихъ формъ и линій съ передачей въ строгомъ рисункѣ всѣхъ мельчайшихъ его подробностей, что составляло главную задачу первыхъ представителей русскаго пейзажа, во главѣ которыхъ мы смѣло можемъ поставить И. И. Шишкина, мало-по-малу отходитъ на второй планъ, уступая мѣсто изученію физіологической жизни природы,—той живой ея подвижности, которая подъ вліяніемъ постоянно мѣняющихся свѣта, тепла и влаги, такъ сказать, одухотворяетъ пейзажъ, придавая ему то или другое настроеніе, аналогичное съ душевнымъ настроеніемъ человѣка. Въ этомъ направленіи сдѣлали блестящія попытки сначала Васильевъ, потомъ г. Куинджи и отчасти г. Дубовской. Надъ этой-же задачей работаетъ теперь и вся молодая школа русскихъ пейзажистовъ.

Для болѣе полнаго опредѣленія характера отношеній художественной дѣятельности къ основной задачѣ искусства здѣсь не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о субъективности и объективности художественнаго творчества. Въ каждой національности каждое поколѣніе смотритъ на художественную сторону жизни съ своей болѣе или менѣе узкой, субъективной точки зрѣнія, какъ-бы сквозь очки своего я, какъ продукта извѣстной среды, воспитанія, темперамента и проч., чѣмъ объясняется необходимость постоянныхъ измѣненій въ формахъ творчества. Уголъ зрѣнія, пригодный для пониманія жизни въ данное время и въ данной средѣ, можетъ оказаться совершенно непригоднымъ для другого времени и другой среды. Но такъ какъ жизнь сама по себѣ объективна, то само-собою разумѣется, что чѣмъ объективнѣе будетъ талантъ художника, т.-е, другими словами, чѣмъ шире и глубже будетъ его уголъ зрѣнія на окружающую его жизнь, чѣмъ свободнѣе онъ будетъ отъ внушеній личнаго темперамента и давленія среды, въ которой онъ живетъ,—тѣмъ продолжительнѣе и повсемѣстнѣе будетъ дѣйствіе иллюзіи его творчества. Но художники съ наиболѣе объективнымъ талантомъ встрѣчаются очень рѣдко. Такія имена, какъ Фидій, Шекспиръ, Сервантесъ, Гете, Веласкецъ, Бетховенъ и друг. относятся къ общей массѣ всѣхъ художниковъ, какъ звѣзды первой величины къ общему количеству звѣздъ всѣхъ другихъ величинъ. И такъ, громадное большинство художественныхъ произведеній носитъ на себѣ узкій, субъективный характеръ. Это особенно замѣтно для людей разносторонне-развитыхъ и въ то же время глубоко любящихъ искусство. Не оставляя ни одного произведенія безъ строгаго и внимательнаго изученія, они скоро начинаютъ присматриваться къ субъективнымъ свойствамъ художника, замѣчаютъ его излюбленные сюжеты, его манеру трактовать ихъ въ извѣстномъ направленіи, угадываютъ его заранѣе по манерѣ письма, по оборотамъ его рѣчи и всѣ эти характерные его свойства, можетъ-быть очень симпатичныя и составившія его извѣстность, мѣшаютъ однако любителю получить непосредственное впечатлѣніе жизни отъ его произведенія. Въ особенности для русскаго любителя, не избалованнаго большимъ количествомъ и разнообразіемъ картинъ на нашихъ выставкахъ, субъективныя свойства большинства художниковъ, всѣ индивидуальные оттѣнки каждаго

члена этой немногочисленной семьи очень скоро становятся близко знакомыми любителю и бросаются въ глаза при первомъ взглядѣ на ихъ произведенія. Такимъ образомъ личность художника заслоняетъ собою иллюзію жизни и картина его не достигаетъ своей цѣли. Такъ игра хорошо знакомаго намъ актера съ рѣзкими особенностями его голоса, его манеры говорить и двигаться по сценѣ заслоняютъ собою изображаемый имъ типъ и мы не въ состояніи отдѣлаться отъ сознанія, что передъ нами актеръ такой-то, а не живой представитель лица, созданнаго авторомъ драмы. Не таково дѣйствіе таланта объективнаго. Какъ-бы мы ни вчитывались въ произведенія Льва Толстого (не нравственно-философскія, а художественныя), какъ-бы мы ни всматривались въ картины И. Е. Рѣпина, но сцена свиданія Анны Карениной съ ея сыномъ послѣ долгой разлуки, но сынъ Грознаго, судорожно пытающійся освободиться изъ объятій отца и убійцы—навсегда останутся для насъ живой дѣйствительностью, переданною съ животрепещущей правдой, заставляющей въ минуты ихъ созерцанія безусловно забывать не только *того*, *кѣмъ* они созданы, но даже и *то*, *что* они созданы воображеніемъ художника! Такія произведенія оправдываютъ цѣль существованія искусства и всеобщее ему поклоненіе. Передъ такими картинами невольно вспоминаются стихи Пушкина:

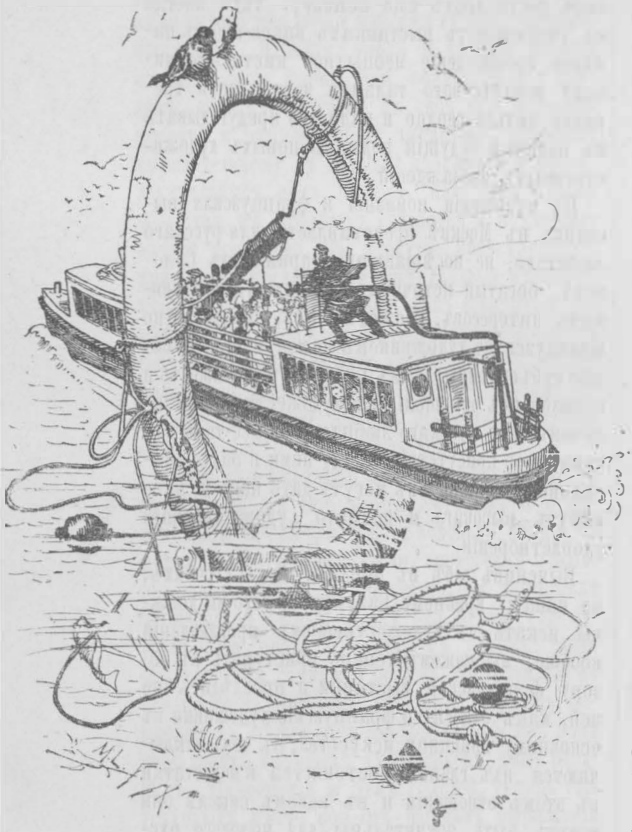
„И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
Вотъ счастье! вотъ права“!..

Однакожъ произведенія и не столь объективныя могутъ дать впечатлѣніе почти полной иллюзіи въ томъ случаѣ, когда мы не успѣли еще присмотрѣться къ нимъ, когда они для насъ составляютъ еще новинку. Такъ иногда на ученическихъ выставкахъ какое-нибудь наивное произведеніе неопытной кисти еще никому неизвѣстнаго таланта заставляетъ трепетно биться сердце и радостно предугадывать въ новичкѣ будущій родникъ новыхъ художественныхъ наслажденій.

Въ отношеніи новизны и французская выставка въ Москвѣ представляетъ для русскаго любителя, не посѣщавшаго парижскихъ Салоновъ, богатый источникъ новыхъ художественныхъ интересовъ. Можетъ быть, большинство французскихъ художниковъ не менѣе, если не болѣе субъективны, чѣмъ русскіе; но свѣжесть и новизна ихъ отношенія къ художественнымъ задачамъ для русскаго любителя и все-таки несомнѣнное присутствіе между ними и болѣе объективныхъ талантовъ могутъ дать намъ не мало минутъ высокаго и полнаго художественнаго удовлетворенія.

Выяснивъ себѣ въ предъидущихъ строкахъ, по нашему крайнему разумѣнію, чего мы должны искать въ художественномъ произведеніи вообще, мы можемъ теперь приступить къ обзору французской выставки и прослѣдить по ней, какъ относятся французскіе художники къ основному принципу искусства, въ чемъ заключаются ихъ главные достоинства и недостатки въ этомъ отношеніи и въ какомъ смыслѣ они могутъ быть поучительны для молодого русскаго искусства.

А. Ки—левъ.



Бракъ по любви.

Разсказъ **Галеви.**

——

нъ записывалъ каждое утро и каждый вечеръ, безъ всякихъ фразъ, телеграфнымъ стилемъ въ свою памятную книжку маленькую программу и маленькій перечень своего дня. Онъ началъ на двадцатомъ году, 3-го октября 1869 г., и вотъ какая отмѣтка была сдѣлана въ это число:

Я произеденъ въ подпоручики 21 стрѣлковаго полка.

При наступленіи 31 декабря онъ клалъ въ столъ памятную книжку прошлаго года и переходилъ къ памятной книжкѣ слѣдующаго года.

Она съ большой тщательностью и большой подробностью вела въ хорошенькихъ книжечкахъ, переплетенныхъ въ синій сафьянъ и крѣпко запертыхъ подъ замокъ, журналъ своей жизни, въ дни молодости. Она начала въ 16 лѣтъ и ея первая фраза, помѣченная 17 мая 1876 г., была слѣдующая:

Сегодня я надѣла первое длинное платье.

Она вышла замужъ 17 августа 1879 г. и затѣмъ остановилась; она не писала ничего больше въ маленькихъ книжечкахъ синяго сафьяна; но сохраняла и таинственно скрывала въ глубинѣ потаеннаго ящика тетрадки, повѣствующія жизнь ея отъ мая 1876 г. до августа 1879 г., съ перваго длиннаго платья до свадьбы.

Онъ также женился 17 августа 1879 г., но не прервалъ своихъ ежедневныхъ записокъ, такъ что въ одномъ изъ ящиковъ его бюро находились тринадцать памятныхъ книжекъ, гдѣ была вписана день въ день и очень вѣрно, не смотря на сухость изложенія, вся его жизнь. Отъ времени до времени онъ забавлялся, беря наудачу одну изъ этихъ памятныхъ книжекъ. Открывалъ ее, прочитывалъ пятнадцать или двадцать страницъ, переживая такъ сказать прошлое, перемѣщая это *прошлое* въ *настоящее*.

И такъ 19 іюня 1881 г. юный подпоручикъ 1869 г., *произведенный* въ капитаны и сдѣлавшійся *эскадроннымъ командиромъ*, былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ часу въ десятомъ вечера, передъ своимъ бюро, и, облокотившись головой на руки, спрашивалъ себя было ли то весной 1878 г. или весной 1879 г., что онъ помѣстилъ въ *Бюллетень собранія офицеровъ* статью о новой организаціи военнаго обоза въ Австро-Венгріи. Это размышленіе привело его на мысль, что вѣроятно онъ найдетъ въ своихъ памятныхъ книжкахъ число изданія статьи.

Онъ открылъ ящикъ съ памятными книжками, и съ перваго раза случайно попалъ на 1879 годъ. Онъ началъ перелистывать маленькую книжечку... Онъ перевертывалъ страницу за страницей какъ вдругъ внезапно остановился и прочелъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ одно мѣсто, которое заставило его улыбнуться. Онъ всталъ, отошелъ отъ бюро, сѣлъ въ большое кресло и тамъ продолжалъ читать. Онъ вовсе не думалъ болѣе объ организаціи обоза въ Австро-Венгріи. Старыя воспоминанія, повидимому, встали въ душѣ его и вызывали на устахъ легкія улыбки и нѣкоторое умиленіе въ глазахъ; раза три или четыре этотъ кавалерійскій капитанъ долженъ былъ пріостановить пальцемъ навертывавшуюся слезу.

Онъ совсѣмъ углубился въ свое чтеніе, когда вдругъ одна изъ портьеръ его кабинета слегка, очень слегка приподнялась и бѣлокурая головка появилась въ рамѣ старинныхъ обоевъ...

Что дѣлалъ онъ тамъ, въ этихъ большихъ креслахъ? Спалъ онъ что ли? Полчаса тому назадъ, онъ безпощадно прогналъ ее, потому что хотѣлъ работать, а когда она была тутъ, то мѣшала ему, смущала его, вызывала въ немъ вовсе не трудовыя мысли.

Тогда съ величайшими предосторожностями худенькая и гибкая блондиночка, въ бѣломъ кисейномъ пеньюарѣ, скользнула въ комнату, сдѣлала три, четыре шага на цыпочкахъ, нагнулась слегка на бокъ... Онъ не спалъ... Онъ читалъ и очень внимательно, потому что ничего не слыхалъ и не шевелился. Онъ былъ въ своемъ правѣ: читать—значитъ работать.

Сдерживая дыханіе, она продолжала свой путь къ кресламъ тихонько, тихонько... и пробираясь такимъ образомъ, задавала себѣ вопросъ. Она была еще немножко ребячлива... двадцать одинъ годъ... и очень влюбленная... Говоримъ это въ ея извиненіе. Вотъ вопросъ, который она задавала себѣ:

— Куда мнѣ его поцѣловать? въ лобъ, въ щеку... или немножко повсюду, безъ разбора?

Она приближалась... Концемъ пальцевъ она уже почти задѣвала волосы капитана и готова уже была рѣшиться на поцѣлуй *повсюду, безъ разбора*, какъ вдругъ страшно поблѣдиѣла... На двухъ раскрытыхъ страницахъ маленькой памятной книжки, она прочла:

16 іюня
Я люблю ее!
17 іюня
Я люблю ее!!

Одинъ восклицательный знакъ послѣ перваго: *Я люблю ее!* два послѣ втораго... Это усилилось между 16 и 17!

Она слегка вскрикнула и вся задрожала.

— Что это такое?—сказала она,—что это такое?

Она изнемогала... Онъ вскочилъ, поддержалъ ее въ своихъ рукахъ, но она, заливаясь слезами и въ потокѣ прерывающихся словъ, перемѣшанныхъ рыданіями, повторяла:

— 16 іюня: Я люблю ее! 17 іюня: Я люблю ее!! А сегодня 19 іюня! Ты любишь другую женщину! О! это ужасно! это ужасно!

— Посмотри-ка, глупышка; посмотри-ка.

Онъ открылъ памятную книжку на первой страницѣ, гдѣ было написано крупными буквами: 1879 г.

— А!—вскричала она радостно посреди не совсѣмъ еще затихшихъ рыданій... Это меня! это меня!

Затѣмъ она прибавила наивно, неосторожно:

— Такъ ты тоже велъ дневникъ?

— Какъ! я тоже?.. Такъ, значитъ и ты вела?

Она должна была признаться, что если онъ писалъ: *Я люблю ее!* въ малепькихъ памятныхъ книжкахъ чернаго сафьяна, она тоже, съ своей стороны, писала въ маленькихъ книжкахъ синяго сафьяна...

И такъ какъ она говорила своему мужу:

— Покажи твою памятную книжку, покажи, чтобы я видѣла три восклицательныхъ знака 18 и четыре — 19 числа, то и онъ сказалъ ей: Хорошо!—Поди-же принеси твои малепькія тетрадки и мы сличимъ, у кого изъ насъ больше восклицательныхъ знаковъ.

Соблазнъ былъ слишкомъ силенъ. Она пошла за своимъ 1879 годомъ и возвратилась съ тремя тетрадками довольно почтенныхъ размѣровъ.

— Цѣлыхъ три книги! —воскликнулъ онъ.

— Да, въ первые три мѣсяца, а у тебя за цѣлый годъ всего одна маленькая, ничтожная книженка.

— Можно сказать много въ короткихъ словахъ... Ты увидишь.... Ступай, садись сюда, подлѣ меня... Тутъ будетъ довольно мѣста вдвоемъ, на этомъ креслѣ.

— Да, сѣвши къ тебѣ на колѣни... Но это невозможно.

— Почему?

— Потому, что въ моихъ тетрадкахъ можетъ быть встрѣтятся такія вещи, которыя ты не долженъ видѣть.

Она показывала свои синенькія книжки, а онъ, показывая свои, сказалъ:

— Тутъ тоже, можетъ быть.... Ты права. Сядемъ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Мы будемъ читать только то, что захотимъ.

— И можно будетъ дѣлать сокращенія....

— Хорошо,—сказалъ онъ,—начинай.

— Нѣтъ, начинай ты, чтобы придать мнѣ бодрости.

— Хорошо, но откуда начинать?

— Ну, такъ вотъ откуда я начинаю.

— Нѣтъ, мнѣ надо начать немножко раньше тебя, надо начать съ того, когда появляется Юпитеръ.

— Это совершенно справедливо.... Найди же, когда появляется Юпитеръ....

— Постой.... Это должно быть въ первой половинѣ мая.... Да, вотъ я и нашелъ.... «*Четвергъ 15 мая*». Я пошелъ къ Шери посмотрѣть Юпитера, лошадь темно-гнѣдой масти, семи лѣтъ. Указанія въ каталогѣ: Отличная верховая лошадь, статная, хорошо ходитъ въ галопъ, ходила и подъ дамскимъ сѣдломъ. Назпачена въ продажу 21 мая. Очень хорошо рекомендована д'Эстильи. И двѣ страницы дальше: «*Суббота 17 мая.* Я видѣлъ Юпитера. Лошадь, кажется, очень хороша. Пойдетъ до 2500 фр.». Затѣмъ дальше. *Середа 21 мая....*

— День нашей встрѣчи на желѣзной дорогѣ. Я помню это число.

— Да, вѣрно.... «*Середа 21 мая.* Въ военномъ министерствѣ.— У сестры.—Я купилъ Юпитера за 1900 фр... На возвратномъ пути, я встрѣтилъ въ вагонѣ очаровательную молодую дѣвушку, сидѣвшую противъ меня».

— Это такъ сказано?... Не прикрашиваешь ли ты немножко изъ вѣжливости. Покажи.

— На, смотри....

— Да.... вижу.... *очаровательная*....

— Теперь читай ты.... У тебя навѣрное написано что-нибудь 21 мая....

— Надѣюсь, что нѣтъ! Неужели ты думаешь, что я написала: *На возвратномъ пути, въ вагонѣ, противъ меня сидѣлъ очаровательный молодой человѣкъ?*

— Нѣтъ.... не очаровательный молодой человѣкъ.... но всетаки посмотри.

— Пожалуй, для успокоенія совѣсти.... Посмотримъ. «*Середа 21 мая*... Въ Луврѣ... у тетушки....» Ничего нѣтъ, увѣряю тебя... Нѣтъ, кое-что есть.

— Я былъ вполнѣ увѣренъ... Ты обратила на меня вниманіе...

— Вотъ что тутъ есть... «На возвратномъ пути по желѣзной дорогѣ, передо мной сидѣлъ молодой человѣкъ. Онъ смотрѣлъ на меня всю дорогу.... Какъ только я поднимала глаза, онъ опускалъ свои; но какъ только я опускала свои, онъ поднималъ; а начиная съ Шату, я совсѣмъ не осмѣливалась болѣе поднимать глазъ, такъ какъ я чувствовала на себѣ его взоръ.... У меня въ сакѣ былъ англійскій романъ; я взяла его и принялась читать, но вечеромъ принуждена была перечитать все, что я думала прочесть во время ѣзды».

— Это не все.... Я думаю, что есть еще, кое-что....

— Да.... но это совсѣмъ не интересно.

— Все таки читай; вѣдь я все читалъ.

— О! ты... ты.... Я очень хорошо вижу, что изъ этого произойдетъ. У тебя, все время будутъ маленькія сухія и безсвязныя замѣтки, между тѣмъ, какъ у меня разнаго рода подробности. Я сейчасъ объясню тебѣ почему.... Когда воспитательница моя, мадемуазель Гизаръ, оставила насъ, то сказала мнѣ: «Милое дитя мое, ты совсѣмъ недурно пишешь, но надо продолжать работать; надо заучить гаммы въ стилѣ, какъ и въ музыкѣ. Сдѣлай привычку писать каждый вечеръ три, четыре страницы объ чемъ угодно, все равно.... о проведенномъ днѣ, о визитахъ, которые тебѣ сдѣлали, или которые ты отдала, и пр.». И такъ я дѣлала то, что мнѣ посовѣтовала мадемуазель Гизаръ.

— Хорошо, хорошо.

— Нѣтъ, я хочу толкомъ объясниться на этотъ счетъ, потому что, повторяю, я знаю, что изъ этого выйдетъ... Сейчасъ ты вообразишь себѣ восторженность чувствъ и страстное увлеченіе тамъ, гдѣ будетъ только упражненіе въ стилѣ и въ французскомъ повѣствованіи. Я не хочу, чтобы ты могъ въ этомъ ошибаться

— Я не ошибусь въ этомъ.... но что тамъ послѣ: *Онъ все время смотрѣлъ на меня?*

— Ничего о тебѣ.... Ну, слушай: «Развѣ это правда, что бабушка говорила третьяго дня:—Это удивительно... наша маленькая Жанна вдругъ сдѣлалась очень хорошенькой». И затѣмъ цѣлый разговоръ между бабушкой и мамой; мама упрекала бабушку въ томъ, что она говоритъ мнѣ подобныя вещи, развиваетъ мое самолюбіе, и пр., и пр. Ничего интереснаго, говорю тебѣ.... Продолжай.

— 22 числа у меня нѣтъ ничего.

— У меня тоже.

— «*23 мая*». «Юпитеръ прибылъ. Я пробовалъ лошадь на террасѣ и въ лѣсу. По моему, она очень хороша».

— А обо мнѣ?

— Ничего.

— О, это нѣсколько обидно, потому что у меня есть кое-что о тебѣ 23. «Молодой человѣкъ, который смотрѣлъ на меня третьяго дня въ поѣздѣ,—военный. Онъ проѣхалъ сейчасъ верхомъ, въ мундирѣ. У него были три серебряные галуна на рукавахъ. Я говорю, что онъ проѣхалъ; онъ болѣе, чѣмъ проѣхалъ.... Это глупо, что я хочу писать, но разъ, что я пишу для одной себя... Въ самомъ ли дѣлѣ онъ замѣтилъ меня на желѣзной дорогѣ? Что онъ разузнавалъ обо мнѣ? Знаетъ ли онъ, что я живу здѣсь? Что онъ хотѣлъ блеснуть что ли передо мной? Онъ оставался, по крайней мѣрѣ, съ четверть часа на террасѣ, между павильономъ Генриха IV и рѣшеткой, заставляя лошадь идти бокомъ, дѣлать пируэты, перемѣнять ноги, дѣлать вольты на одномъ мѣстѣ, и пр., и пр. Чтобы надѣяться прельстить меня подобными пустяками надо быть человѣкомъ очень пошлымъ».

— Какая несправедливость! Ты видишь здѣсь въ моей памятной книжкѣ: «Я пробовалъ Юпитера. Я пробовалъ Юпитера и нашелъ что онъ получилъ блестящее воспитаніе....» Но продолжай.

— Продолжаю. «Вечеромъ послѣ обѣда, я сказала Жоржу, который, несмотря на свои двѣнадцать лѣтъ, проводитъ еще время въ играхъ въ оловянные солдатики и большой знатокъ въ военныхъ вещахъ:—Жоржъ, что обозначаетъ, когда у офицера три серебряные галуна на рукавахъ?—Это капитанъ.—А хорошо быть капитаномъ?—Смотря когда. Хорошо въ двадцать пять лѣтъ и дурно—въ пятьдесятъ.....

«Двадцать пять, ему, можетъ быть, немножко больше, но не очень. Бабушка, у которой слухъ очень тонкій, услышала нашъ разговоръ съ Жоржемъ и сказала:— Вы не знаете, что

тутъ дѣлается? Жанна собираетъ у Жоржа свѣденія о военныхъ....

«Я покраснѣла, какъ піонъ. Отсюда начались длинныя пренія. Бабушка объявляетъ, что она имѣетъ слабость къ военнымъ, а мама увѣряетъ, что она никогда не рѣшилась бы отдать *меня за человѣка, который таскалъ бы свою жену изъ гарнизона въ гарнизонъ*. Я спрашиваю себя, зачѣмъ я пишу всѣ эти глупости въ этой тетрадкѣ. Конечно, только изъ послушанія мадемуазель Гизаръ». Ты видишь, это тамъ написано. Теперь твой чередъ; я кончила.

— 24, всего двѣ строчки.... «Я встрѣтилъ верхомъ въ лѣсу молодую дѣвушку, видѣнную мною въ прошлую среду. Она дѣйствительно очень хорошенькая и недурно сидитъ на лошади».

— Только.... Ужъ черезчуръ сжато! Тутъ нужно бы какое-нибудь поясненіе.

— Вотъ, мой ангелъ, вотъ тебѣ поясненіе. Ты права.... Мои замѣтки ужъ черезчуръ сухи... но еслибъ я не боялся сдѣлать что нибудь въ родѣ мадригала.. .

— Такъ не бойся.... здѣсь нѣтъ никого....

— Я сказалъ бы тебѣ, что все, что не написано въ этой маленькой тетрадкѣ... написано въ моемъ сердцѣ. Это майское утро, эту встрѣчу въ лѣсу... сегодня, послѣ протекшихъ двухъ лѣтъ, я помню въ мельчайшихъ подробностяхъ. Мы маневрировали отъ пяти до семи часовъ на участкѣ земли des Loges, въ ужасной пыли. Я отвожу мой эскадронъ на квартиры.... перемѣняю лошадь и снова сажусь на Юпитера.

— Милый Юпитеръ!

— Четверть часа спустя, я ѣхалъ галопомъ по длинной, поднимающейся вверхъ аллеѣ, близь Валя. Вдругъ вижу небольшую кавалькаду: ты на Нелли, твоей вороной, Жоржъ на своемъ саврасомъ пони, а сзади Луи на своемъ большомъ Сѣрко.... Ты видишь, я помню даже масть лошадей. Тутъ, въ пятидесяти метрахъ разстоянія, у меня закружилась голова.... Я узналъ тебя.... Внезапно я пускаю Юпитера шагомъ. Маленькая кавалькада проѣзжаетъ мимо меня... Я какъ сейчасъ вижу тебя въ твоей сѣренькой амазонкѣ, черной шляпкѣ, съ бѣлокурыми локонами, которые падали кудрями изъ-подъ вуаля.... И въ то время, какъ ты проѣзжала, я говорилъ себѣ: «Нѣтъ, право, ничего нѣтъ на свѣтѣ милѣе этой молодой дѣвушки!».... А ты что говорила?

— Что я говорила себѣ.... не помню.... но вотъ что я писала.

И слегка дрожащимъ голосомъ, потому что была разстрогана его *маленькимъ поясненіемъ*, Жанна прочла слѣдующее:

— «Я встрѣтила его близь Валя. Онъ ѣхалъ галопомъ, и вдругъ, узнавъ меня, остановилъ свою лошадь.... Да, узнавъ меня.... Я очень хорошо видѣла его движеніе. Я знаю, что значитъ остановить лошадь на всемъ скаку. И такъ онъ съ одного маха остановилъ свою лошадь и проѣхалъ совсѣмъ близко около насъ. Я не смѣла взглянуть на него, но чувствовала, что онъ на меня смотритъ. Онъ стоялъ не болѣе, какъ шагахъ въ десяти отъ насъ, когда этотъ повѣса Жоржъ сказалъ: — Жанна, ты видѣла? Какъ онъ былъ смѣшонъ, весь покрытый пылью! Онъ былъ похожъ на Піерро! Это капитанъ 21-го полка. У него былъ номеръ 21 на воротникѣ мундира.»

«Я была ужасно зла на Жоржа... Только бы онъ не слыхалъ?»

— А я слышалъ... Я помню теперь.

— Теперь читай ты; твоя очередь.

«*Среда 25 мая.* Я снова увидѣлъ мою незнакомку; она живетъ въ одномъ изъ домовъ на терассѣ. Я ѣхалъ въ экипажѣ; она была у окна; увидѣвъ меня, мнѣ показалось, что она внезапно отошла отъ окна именно потому, что увидѣла меня.... Боже мой! Какая она миленькая!»

— Вотъ какъ! Это немножко не такъ сухо, какъ прежде. Есть прогресъ. Ты употребляешь глаголы... Начинаешь писать...

— Это, можетъ быть оттого, что я начинаю влюбляться... Теперь тебѣ.

— «*25 мая.* Я была у окна и вдругъ вижу, что приближается премиленькая англійская, блестящая на солнцѣ, телѣжка, въ которую былъ впряженъ очаровательный вороной пони; на козлахъ сидѣлъ маленькій грумъ, безукоризненнаго вида, а рядомъ съ нимъ онъ, капитанъ. Мнѣ слѣдовало бы преспокойно оставаться у окна. Но я была не въ силахъ. Я сказала себѣ: если я посмотрю на него, то онъ несомнѣнно это замѣтитъ... Страхъ охватилъ меня и я спряталась въ глубинѣ гостиной. Тогда бабушка сказала мнѣ: «Что съ тобой, Жанеточка?—Ничего, бабушка, отвѣтила я.

«Жоржъ, который стоялъ со мной у окна, вдругъ крикнулъ:—Жанна, ты не видишь, что этотъ капитанъ, который сейчасъ проѣхалъ въ хорошенькой телѣжкѣ, тотъ самый вчерашній Піерро?»

— Піерро, это былъ я?

— Именно ты.... 26 мая, у меня рѣшительно ничего нѣтъ. О! ты можешь прочесть. Тутъ нѣтъ объ тебѣ ни слова. «Я примѣряла мое розовое платье. Оно хорошо сидѣло, но недостаточно было маленькихъ плисе. Я велѣла ихъ прибавить» и проч. и проч. Я думала только о моемъ розовомъ платьѣ.... Ты видишь, что я не очень была озабочена.

— 26 мая, наоборотъ, для меня былъ великій день; это было дежурство Пико. У меня тутъ всего двѣ строчки, но онѣ краснорѣчивы: «Я далъ Пико двадцать франковъ. Это очень ловкій дипломатъ».

— Вотъ тутъ тоже необходимо поясненіе.

— Очень охотно... Утромъ, завтракая въ гостинницѣ, я сказалъ Дюбризе, который все рыскаетъ верхомъ по лѣсу: «Не знаешь ли ты молодой дѣвушки, которая постоянно ѣздитъ съ мальчуганомъ лѣтъ двѣнадцати и старымъ слугой? — Погоди-ка... эта молодая дѣвушка ѣздитъ на вороной лошади? — А старый слуга на сѣрой, подсказалъ другой изъ собесѣдниковъ.— А мальчикъ на саврасомъ пони, прибавилъ третій.» Затѣмъ поднялись длинныя пренія о достоинствѣ лошадей. Саврасый пони оказался превосходнымъ, а вороная лошадь немножко утомленной.

— Это была правда... по счастью!

— О! да, по счастью!.. Тутъ я началъ возражать: «Я говорю вамъ ни о сѣрой, ни о вороной лошади, я говорю о молодой дѣвушкѣ.» И всѣ трое отвѣтили мнѣ, что они всегда смотрятъ только на лошадей. Не много я изъ этого узналъ! Возвращаюсь домой. Около трехъ часовъ вижу Пико, своего вѣстоваго, который бродитъ по двору. Зову его въ окно. Это парижанинъ, Пико, и очень ловкій... Я сказалъ ему: «Пико, постарался бы ты половчѣе разузнать кто особы, живущія въ такомъ-то домѣ на террасѣ... Входъ съ улицы des Arcades...— Слушаю, капитанъ.—Но ты понимаешь, половчѣе.— Слушаю, капитанъ.—Если ты узнаешь что-нибудь, то разскажешь мнѣ завтра утромъ на квартирѣ.»

— Ты не очень нетерпѣливъ однако; ты могъ бы велѣть ему придти тотчасъ же.

— Онъ именно, это и сдѣлалъ. Часъ спустя, онъ возвратился съ торжествующимъ видомъ и произнесъ такую необычайную рѣчь, что я отъ души забавлялся, записывая ее возможно точно въ мою записную книжку.

— Я забавлялся!.. Это безчестная увертка! Скажи же правду... Признайся, что тебѣ не было непріятно писать разныя вещи, гдѣ говорилось обо мнѣ, и тогда я, можетъ быть, призналась бы, что мнѣ не было непріятно писать кое что, гдѣ говорилось объ...

— Ну такъ я признаюсь.

— И я также. Читай теперь.

— Читаю. «Пико приходитъ и говоритъ мнѣ: капитанъ, я знаю все. Но только объ одномъ прошу: какъ только я начну, не прерывайте меня разспросами. Я твердилъ всю дорогу мое донесеніе, чтобъ не спутаться. Домъ былъ нанятъ, три недѣли тому назадъ, парижанами. Хозяинъ — мосье Лабливьеръ, инженеръ, промышленникъ... онъ фабрикуетъ паровыя машины, телеграфы и пр. Онъ живетъ тамъ съ своей тещей, женой и двумя дѣтьми: молодой дѣвушкой (девятнадцати лѣтъ) и мальчикомъ (двѣнадцати лѣтъ)... Постойте я знаю имена дѣтей... Жанна и Жоржъ... Они богаты, очень богаты... Пять лошадей на конюшнѣ, три экипажа въ сараѣ, четверо мужской прислуги, кухарка, три горничныя: Жюли, Адель... Но я думаю, что для васъ неинтересны имена горничныхъ, капитанъ. Парижскій адресъ ихъ: бульваръ Гауссманъ, 28. Какъ я узналъ все это? Въ разговорѣ съ консьержомъ... Нѣтъ, нѣтъ, не прерывайте меня .. Это меня спутаетъ... Я знаю, что васъ тревожитъ, капитанъ. Вы полагаете, что я сдѣлалъ глупость, что сказалъ, что пришелъ отъ вашего имени? Совсѣмъ нѣтъ. Вы думаете, себѣ: какъ этотъ полоумный Пико сдѣлалъ, чтобы вступить въ разговоръ?.. О! это дѣло не особенно трудно, капитанъ. Это не большая заслуга съ моей стороны!.. Консьержъ былъ у своей двери. Я тихонько подошелъ къ нему съ видомъ военнаго, болтающагося безъ всякой цѣли, а когда очутился какъ разъ у его носа, то началъ такъ:—Уфъ, какая жара!.. Онъ отвѣтилъ: Да, жарко!.. Я продолжалъ:—но все-таки не такъ жарко, какъ вчера... Онъ отвѣтилъ:—Да, потому что есть вѣтерокъ...

«И такъ первый шагъ былъ сдѣланъ; мы принялись разговаривать: въ ту минуту, какъ я началъ подбираться къ главному предмету разговора, вдругъ я увидѣлъ въ глубинѣ двора сходящую съ крыльца молодую дѣвушку, чертовски хорошенькую, съ вашего позволенія, капитанъ, съ толстымъ кускомъ хлѣба въ рукахъ. Я сказалъ консьержу: Это ваша жилица?.. Онъ отвѣтилъ мнѣ: Нѣтъ, это дочь жильца, парижанина.

«Тогда онъ принялся разсказывать, все, что я только что передалъ вамъ. Я говорю вамъ, что съ моей стороны никакой заслуги не было, капитанъ. Онъ все продолжалъ говорить, когда я увидѣлъ молодую дѣвушку переходящею черезъ дворъ уже безъ куска хлѣба. Консьержъ сказалъ мнѣ:—Вотъ и опять она, дочка парижанина; всякій день она ходитъ на конюшню кормить хлѣбомъ свою лошадь...

«Между тѣмъ молодая дѣвушка возвращалась на крыльцо, но очень медленно, оглядывая меня. Она казалась удивленной и какъ будто говорила себѣ:—Что нужно здѣсь этому стрѣлку?..

«Она возвратилась въ домъ... Въ это время консьержъ ужасно расхваливалъ мнѣ эту дѣвушку... да и расхваливалъ же! Какая она кроткая, да добрая, не только къ лошадямъ, но и къ людямъ. Такъ напримѣръ, когда они пріѣхали, недѣли три тому назадъ, маленькая дочка консьержа была больна... Такъ повѣрите ли, что эта дѣвушка... Но извините, капитанъ... можетъ быть васъ не интересуютъ всѣ эти подробности... Если же интересуютъ?.. Въ такомъ случаѣ, я продолжаю.., Такъ я говорилъ вамъ, что она приходила навѣщать дочку консьержа каждый день, присылала ей супу и разныхъ вкусныхъ вещей; са-

П. А. СТРЕПЕТОВА ВЪ РОЛИ ЛИЗАВЕТЫ («Горькая Судьбина»)

съ портрета **И. Е. РѢПИНА**, гравюра **В. Матэ**.

Типо-лит. Высоч. утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

ма приносила игрушекъ, конфектъ; сидѣла по получасу въ ихъ помѣщеніи и разсказывала ей сказки.

«Консьержъ только что собрался было разсказывать мнѣ все это, какъ вдругъ приходитъ къ намъ горничная... довольно красивая особа, капитанъ. Она пришла и говоритъ консьержу:—Нѣтъ ли письма къ барышнѣ?—Нѣтъ, всѣ письма къ барышнѣ я приношу тотчасъ же, вы знаете...

Я-же сказалъ себѣ:—Быть можетъ, можно было бы разузнать что-нибудь отъ горничной... Тогда я снова начинаю:—Какъ жарко сегодня, сударыня —О! да... Я продолжаю:—Немножко посвѣжѣе вчерашняго...

Это удалось также, какъ съ консьержомъ, и вотъ разговоръ возобновляется. Горничная спрашиваетъ меня, не знаю ли я нѣкоего Камюса, бригадира номера 10 гусарскаго полка... Мы еще болтали, какъ вдругъ она воскликнула:—О! я убѣгаю... Барышня ждетъ меня!—А она разсердится, ваша барышня... забранитъ васъ?.. Моя барышня разсердится, будетъ бранить меня, ни за что! Ничего нѣтъ лучше на свѣтѣ моей барышни...»

— Это все?

— Да, все.

— Такъ ты приказывалъ шпіонить за мной...

— Положительно; но твой разсказъ отъ 26 мая?

— Вотъ онъ. «*Вторникъ, 27 мая.* Вчера, послѣ полудня, я понесла хлѣба Нелли; спускаясь съ лѣстницы, вижу военнаго, разговаривающаго съ нашимъ консьержемъ. Я пробыла минутъ пять въ конюшнѣ; выйдя оттуда, вижу, что солдатъ еще тамъ... Я возвращаюсь въ свою комнату и нахожу тамъ Жюли. О! когда любопытство овладѣваетъ вами, то это ужасно! Я сказала Жюли:—Я жду письма изъ Парижа; пойди посмотри, нѣтъ ли его у консьержа...»

«Она уходитъ... а я жду... Жюли не возвращается. Я иду въ свою уборную, которая выходитъ во дворъ и вижу Жюли, разговаривающею съ солдатомъ! Наконецъ, она возвращается.—Письма вамъ нѣтъ, сударыня.—Вы однако довольно долго оставались внизу.—Нѣтъ, сударыня.—Да, я видѣла васъ; вы разговаривали съ гусаромъ.—Съ гусаромъ! О! нѣтъ, сударыня.—Да если я васъ видѣла...—Я говорила не съ гусаромъ, сударыня; это стрѣлокъ; есть разница въ мундирѣ. У гусаръ тесьмы бѣлыя, а у стрѣлковъ черныя; у гусаръ воротникъ такой же какъ долманъ, а у стрѣлковъ воротникъ красный.—Какъ вы все это знаете, Жюли?—У меня двоюродный братъ въ гусарахъ, сударыня; здѣсь, въ Сенъ-Жерменѣ нѣтъ гусаръ, здѣсь только стрѣлки: два полка, 21 и 22, которые вмѣстѣ составляютъ бригаду... Солдатъ, который тутъ былъ, это былъ стрѣлокъ 21 полка.»

«21 полка! Это его полкъ! Мой разговоръ съ Жюли о военныхъ долженъ былъ имѣть самыя плачевныя послѣдствія... Около шести часовъ мы вышли съ мамой прогуляться на террасу. Встрѣчаемъ двухъ стрѣлковыхъ офицеровъ. Мама говоритъ: «У нихъ славныя лошади, у этихъ гусаръ.»

«Я опрометчиво отвѣчаю ей:—Это не гусары, мама, это стрѣлки; у гусаръ бѣлая тесьма, а у стрѣлковъ черная; у гусаръ воротникъ... Я пріостановилась и взглянула на маму. Она была поражена:—Откуда ты все это знаешь?—Боже мой! мама, отъ Жюли... у нея двоюродный братъ въ гусарахъ... Однажды, въ то время, какъ она причесывала мнѣ голову...—Странный предметъ разговора! сказала мама...»

«Мы на этомъ остановились... Но не все еще кончено. Папа возвращается изъ Парижа, мы садимся за столъ, и папа разсказываетъ мамѣ, что онъ встрѣтилъ на желѣзной дорогѣ одного офицера... Ахъ, еслибъ это былъ онъ!.. Полковникъ... это не онъ!.. Папа, въ прошломъ году провелъ съ этимъ полковникомъ мѣсяцъ въ Котере. Они вмѣстѣ играли въ вистъ. Теперь же возобновили знакомство. Папа пригласилъ его къ намъ обѣдать на будущей недѣлѣ, въ среду, 4 іюня.»

«Я сказала папа:—Развѣ полкъ этого господина стоитъ въ Сенъ-Жерменѣ?—Да, его полкъ здѣсь.—Это 21 или 22?—Такъ здѣсь два полка?—Да, папа, 21 и 22; они составляютъ бригаду...»

«Тутъ папа былъ пораженъ еще больше, чѣмъ мама.—Но кто тебѣ разсказалъ все это?—Ахъ, Боже мой! это Жюли, у которой двоюродный братъ въ гусарахъ...—Я ничего не понимаю, сказала мама; Жанна, съ нѣкоторыхъ поръ, только и говоритъ, что о стрѣлкахъ, да о гусарахъ. Ха, ха! сказала бабушка, она, можетъ-быть, заинтересовалась какимъ-нибудь красивымъ офицеромъ...»

«Я покраснѣла до ушей; и отвѣчала съ нетерпѣніемъ, почти съ гнѣвомъ. Я начала серіезно сердиться на этого господина, котораго я не знала и никогда не буду знать. Да, я сердилась на него за то, что онъ какъ бы вторгнулся въ мою жизнь. Зачѣмъ онъ смотрѣлъ на меня на желѣзной дорогѣ? Для чего онъ гарцовалъ на лошади подъ моими окнами? Для чего поѣхалъ шагомъ въ тотъ разъ, какъ увидѣлъ меня? Если я когда-нибудь встрѣчу его и узнаю, то поскачу галопомъ, полнымъ галопомъ... Но увы! галопъ вовсе не алюръ моей Нелли; она старѣется. Потому-то папа и хочетъ подарить мнѣ ко дню моего рожденія другую лошадь...»

«Мнѣ очень бы хотѣлось знать, *его* ли это полковникъ будетъ у насъ обѣдать въ среду, 4 іюня?»

Это была послѣдняя фраза бюллетеня 27 мая.

Затѣмъ она перевернула съ десятокъ страницъ въ своей тетрадкѣ.

— Съ 28 мая по 3 іюня ничего о тебѣ, рѣшительно ничего...

— У меня тоже ничего о тебѣ. Это потому, что мы имѣли несчастье не видаться въ эту недѣлю. Я не былъ въ Сенъ-Жерменѣ... Мы уѣзжали, человѣкъ двадцать офицеровъ изъ двухъ полковъ, съ генераломъ и полковниками, для маневровъ кадрами между Верноном и Руаномъ. Я увелъ съ собой Юпитера, и мои замѣчанія въ эту недѣлю путешествія были переполнены очень любезными вещами относительно моей новой лошади: *Юпитеръ безукоризненъ... горячъ, силенъ и уменъ... Вчера полковникъ ѣздилъ на немъ, и нашелъ его превосходнымъ* и пр., и проч. 3 іюня, въ восемь часовъ вечера, мы возвратились въ Сенъ-Жерменъ, и 4 іюня... я не забылъ тебя... на, смотри. Вотъ... *Увижу ли я ее, молоденькую блондиночку, съ террасы?*

— А вотъ мое 4 іюня: «Я знаю его имя. Сегодня вечеромъ у насъ обѣдалъ полковникъ. Онъ пріѣхалъ въ семь часовъ. Взглядъ мой прямо устремился на воротникъ его мундира... Я вижу номеръ 21. Это былъ именно его полковникъ. Во время обѣда разговоръ шелъ совсѣмъ пустой... но послѣ обѣда, когда я наливала кофе...—Полковникъ, сказалъ папа, не могли ли бы вы оказать мнѣ услугу: мнѣ хотѣлось бы подарить вотъ этой молоденькой особѣ лошадь; не знаете ли вы такой лошадки, которая была бы очень добронравна...»

«Я было начала возражать:—Не очень добронравна, полковникъ? Я ѣзжу верхомъ очень хорошо... (И это правда, я ѣзжу очень хорошо...)—Я поищу, отвѣчалъ полковникъ, поразвѣдаю... Ахъ, да, у одного изъ офицеровъ моего полка есть лошадь, которая вамъ вполнѣ годится, сударыня... я ѣздилъ на ней эти дни... Она превосходна. Если бы онъ захотѣлъ уступить мнѣ ее, сказалъ папа, съ хорошимъ барышемъ?..—О, этотъ офицеръ будетъ совершенно равнодушенъ къ барышу; онъ богатъ, даже очень богатъ... Это капитанъ де Леонель. — Капитанъ и богатый? воскликнулъ Жоржъ; это можетъ быть тотъ офицеръ, котораго мы тогда видѣли въ англійской телѣжкѣ на вороном пони.—Это тотъ самый.—О! мы хорошо знаемъ его, я и сестра; мы нѣсколько разъ встрѣчали его...»

«Тутъ я почувствовала, что щеки у меня запылали, буквально запылали... Полковникъ посмотрѣлъ на меня... Должно быть я была багроваго цвѣта... Онъ, пожалуй, замѣтилъ... Онъ ушелъ отъ насъ въ десять часовъ и, уходя, сказалъ мнѣ: Я завтра же утромъ поговорю мосье Леонелю, но боюсь, что мнѣ не удастся мое ходатайство... Онъ обожаетъ свою лошадь...

«На этомъ дѣло и остановилось. Развѣ я куплю у него *его* лошадь? Папа открылъ мнѣ кредитъ въ три тысячи франковъ».

— Мы подходимъ къ 5 іюня. День рѣшительный... Сеансъ у фотографа.

— И твой первый визитъ. Начинай.

Разстояніе между ними убавилось. Она усѣлась къ нему, хотя и не на колѣни, но на маленькую табуретку у его ногъ, и въ то время, какъ онъ читалъ, она ласково склоняла свою головку на его колѣни... такъ, что, пользуясь выгодами своего положенія, капитанъ принялся цѣловать Жанну съ нѣкоторой горячностью. Она отклонилась... но не тотчасъ...

— Ну, перестань, сказала она ему; кончи и начинай.

Онъ началъ:

«*Четвергъ 5 іюня.* Сегодня утромъ, послѣ маневровъ, мы возвращались шагомъ вдоль аллеи des Loges. Подходитъ адъютантъ звать меня къ полковнику... Я нагоняю его въ головѣ колонны.—Капитанъ, сказалъ онъ мнѣ, не желаете ли вы продать вашу новую лошадь?—Конечно нѣтъ, полковникъ...—Даже съ хорошимъ барышемъ?—Даже съ хорошимъ барышемъ.—Это для одной очень хорошенькой дѣвушки, которая васъ знаетъ.—Которая меня знаетъ, полковникъ?—Да она встрѣчала васъ нѣсколько разъ, видала васъ на террасѣ... наконецъ, она повидимому васъ знаетъ... и я даже замѣтилъ, что, когда я произнесъ вчера ваше имя, она покраснѣла, и даже очень замѣтно покраснѣла.—Но кто же она такая, полковникъ?—Это дочь одного инженера, г. Лаблиньера.—Блондинка, полковникъ?—Да, блондинка.—Которая живетъ въ домѣ, что на террасѣ?—Именно та; вы видите, что знаете ее.—По виду только, полковникъ.—И такъ, подумайте, не захотите ли вы уступить вашу лошадь этой хорошенькой блондинкѣ... До свиданья, капитанъ...

«Продать Юпитера? Кому нибудь другому—никогда!.. Ей!.. Я колеблюсь... Она такая хорошенькая!.. Услышавъ мое имя, она покраснѣла... Полковникъ это видѣлъ вѣроятно во снѣ... Почему бы она покраснѣла? Почему?

«Сестра моя, Луиза пріѣзжаетъ въ одиннадцать часовъ... Она зоветъ меня завтракать съ ея дѣтьми. Это праздникъ въ Сенъ-Жерменѣ, и дѣти просятъ пойти послѣ завтрака въ магазины.—Дядя, если здѣсь есть фотографъ, то ты велишь снять съ насъ портреты.—Согласенъ...

«Какъ разъ, мы находимъ фотографа; и входимъ къ нему въ мастерскую... Она была тамъ!.. съ своимъ маленькимъ братомъ, своей матерью и огромнымъ чернымъ пуделемъ. Маленькій братъ сидѣлъ на полу около пуделя, и уговаривалъ его быть смирнымъ:—Смотри, Бобъ... не шевелись... для того, чтобы сдѣлать твой портретъ...

«Но Бобъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на просьбы мальчика, который, потерявъ всякое терпѣніе, обратился къ сестрѣ:—Поговори ему, Жанна, поговори ему... ты одна имѣешь на него вліяніе... и поговори ему по англійски; онъ понимаетъ по англійски гораздо лучше, чѣмъ по французски.—Да нѣтъ, Жоржъ, вѣдь это смѣшно.—Жанна, миленькая Жанна...

«Она наконецъ рѣшается и, глядя очень строго на Боба, говоритъ ему по англійски: *Ну, Бобъ, будь же послушенъ! посмотри на меня! такъ... Сиди смирно! Ну, Тише!..*

«Она положительно имѣетъ вліяніе на чернаго пуделя. Онъ становится недвижимъ... У нея очаровательный голосъ. А личико!.. Я разсматривалъ его какъ мнѣ хотѣлось... при полномъ свѣтѣ... это чудо граціи и молодости!

— Подожди немножко. Покажи.

— Зачѣмъ?

— Я все думаю, что тутъ ты прибавляешь...

— Напрасно... На смотри.

— Да, я вижу... *Чудо граціи и молодости*... Это хорошо... Продолжай...

— Продолжаю!

«Мой Юпитеръ будетъ у нея! Уходя, она сказала моей сестрѣ (мнѣ показалось, что голосъ у нея дрожалъ):—Извините меня, сударыня, что я заставила васъ ждать... Мнѣ бы слѣдовало сказать что-нибудь .. Но я не нашелъ ничего, я былъ глупъ... Я поклонился... Она слегка кивнула мнѣ головой... Затѣмъ, вышла изъ фотографіи.—Какая восхитительная дѣвушка! сказала мнѣ сестра.—Да, я надѣюсь!

«И такъ я ушелъ!.. Я разсказалъ сестрѣ, какъ ее зовутъ, гдѣ она живетъ... что отецъ ея очень извѣстный инженеръ, и пр. Мнѣ очень хотѣлось говорить объ ней... Изумленіе моей сестры.—Да ты влюбленъ!—Влюбленъ! нѣтъ.—Да, да, ты влюбленъ... Такъ, надо навести справки... Тогда у меня будетъ очень хорошенькая невѣстка...

«Я проводилъ Луизу на желѣзную дорогу... Нѣтъ, я не влюбленъ... Но Юпитеръ будетъ у нея! Но одно, что меня безпокоитъ... Да, въ каталогѣ Шери сказано *онъ ходилъ подъ дамскимъ сѣдломъ*... Но нельзя очень довѣрять каталогу... Бѣдненькая дѣвочка! Еслибъ съ ней что-нибудь приключилось! У меня было дамское сѣдло. Сестра пріѣзжала иногда ко мнѣ, чтобы поѣздить со мной верхомъ... Я сказалъ Пико:—Надѣнь на Юпитера дамское сѣдло и отведи его въ манежъ... Да захвати съ собой одѣяло...

«Спустя четверть часа, я заставилъ Пико ѣздить по дамски на Юпитерѣ; я обвернулъ ему ноги одѣяломъ, въ видѣ амазонки. Юпитеръ поскакалъ въ галопъ. — А! капитанъ, онъ знаетъ свое дѣло, закричалъ мнѣ Пико, онъ ходилъ подъ дамскимъ сѣдломъ...

«Я хочу самъ попробовать. И, въ свою очередь, усаживаюсь на Юпитера по дамски, съ завернутыми въ одѣяло колѣнями. Ѣду и рысью, и галопомъ, и въ то время, какъ я ѣхалъ, я говорилъ себѣ:—Какъ подумаю, что я теперь здѣсь въ такомъ положеніи и въ такомъ смѣшномъ нарядѣ потому, что недѣли двѣ назадъ встрѣтилъ на желѣзной дорогѣ блондинку, которая читала англійскій романъ!..

«Юпитеръ рѣшительно ходитъ подъ дамскимъ сѣдломъ... У ней будетъ Юпитеръ!.. Да, но какъ ей доставить его? Мнѣ кажется лучше было бы передать его въ распоряженіе полковника. Нѣтъ, я поѣду самъ къ ней сейчасъ... Отправляюсь... Пико слѣдовалъ за мной, ведя лошадь въ поводу... Мы пришли во дворъ. Я посмотрѣлъ на Пико; у него былъ лукавый видъ; онъ повидимому говорилъ себѣ:—Ге, ге, вотъ для чего капитанъ посылалъ меня на развѣдки.

«Звоню.—Г. Лаблиньеръ?—Баринъ въ Парижѣ.—Госпожа Лаблиньеръ? Барыня дома.—Передайте мою карточку. Скажите, что я пришелъ на счетъ лошади...

«Слуга пошелъ доложить обо мнѣ. Но если ея нѣтъ! Вхожу... Она была тутъ!... съ матерью, бабушкой, маленькимъ братомъ и чернымъ пуделемъ... Тогда я не знаю, что со мной было. Я долженъ былъ показаться очень глупымъ. Смутно помню, что рѣчь шла о мундштукѣ, о мартингалѣ на кольцахъ... Мнѣ кажется, что я сказалъ ей, что лошадь зовутъ Юпитеромъ... и ушелъ, прося ее оставить у себя Юпитера, попробовать его въ теченіе недѣли, или двухъ... Надо было также заговорить о цѣнѣ. Но слова, въ эту минуту, застряли у меня въ горлѣ... Не могъ же я однако подарить ей Юпитера. Надо будетъ взять *ея* деньги. Мы спустились во дворъ и подлѣ Юпитера начали разговоръ, такой же странный, такой же безумный, какъ тотъ, который мы вели въ гостинной. Мнѣ до смерти хотѣлось сказать этой прелестной дѣвушкѣ: вы ангелъ, и я обожаю васъ! А я говорилъ ей: надо будетъ давать лошади четверикъ овса, и пр., и пр. Наговорилъ ей массу нелѣпостей. Сказалъ ей,—я это очень хорошо помню теперь, — что для лошади нуженъ гораздо болѣе легкій всадникъ и что лошадь будетъ гораздо счастливѣе съ ней, чѣмъ со мной... Я долженъ былъ произвести на нее самое отчаянное впечатлѣніе подобными фразами. Наконецъ я ушелъ вмѣстѣ съ Пико; я до такой степени потерялъ голову, что, возвращаясь домой, всю дорогу говорилъ съ Пико... чтобы говорить о ней... И меня слегка хватило за сердце, когда Пико сказалъ мнѣ:—О! маленькая блондинка... она какъ-то особенно смотрѣла на меня... Я думаю, что она узнала меня. Она видимо хорошо разсмотрѣла меня, когда я приходилъ бесѣдовать съ консьержемъ. Это именно она, эта хорошенькая блондинка,

капитанъ, которая была такъ добра къ бѣдной больной дѣвочкѣ».

— Добрый Пико, это онъ отчасти посодѣйствовалъ нашей свадьбѣ...

— Это правда, онъ первый далъ мнѣ очень хорошія свѣдѣнія о тебѣ.

— А у меня не было никакихъ свѣдѣній о тебѣ, и я все-таки полюбила тебя... безъ всякихъ свѣдѣній! Вотъ посмотри... ты можешь судить.

«*Четвергъ 5 іюня.* Событія идутъ быстро; Боже мой! какъ все это кончится? У меня *его* лошадь. Ее зовутъ Юпитеръ. Она тамъ, въ нашей конюшнѣ, между Нелли и пони Жоржа. Постараюсь привести немножко въ порядокъ мою бѣдную голову. Сколько происшествій сегодняшній день! Жоржъ сказалъ мнѣ послѣ завтрака: — Сестричка, ты знаешь, что намъ нужно пойти сегодня къ фотографу, чтобы сдѣлать портретъ Боба.—Ты можешь просто пойти съ мамой и безъ меня.—Нѣтъ, если тебя не будетъ, то Бобъ ни за что не будетъ сидѣть спокойно»...

«Я покорилась, и мы отправились къ фотографу. Въ ту минуту, какъ Боба устанавливали, я вижу, что въ мастерскую входитъ... Кто такое?... Онъ!... и не одинъ... съ дамой, очень молодой и красивой. Что же это за дама? Но вотъ двое дѣтей. Они называютъ его *дядей*... Это его *сестра*!... Жоржъ никакъ не могъ угомонить Боба; тогда я принуждена была разыграть передъ нимъ смѣшную сцену. Я должна была показаться ему идіоткой. Я держала рѣчь къ Бобу по-англійски, какъ будто бы показывала ученую собаку. Я вышла вонъ вся раскраснѣвшаяся отъ стыда и смущенія. Возвращаюсь домой въ злобѣ и отчаяніи. Запираюсь въ своей комнатѣ. Но однако въ пять часовъ, все-таки приходится сойти къ чаю.

«Спускаюсь. Едва я вошла, какъ Пьеръ подаетъ карточку.—Что это такое? спрашиваетъ мама.—Это офицеръ, сударыня, капитанъ стрѣлковаго полка.—Капитанъ стрѣлковаго полка!?.. Я не знаю никакого капитана стрѣлковаго полка. Я уѣхала въ деревню, чтобы быть спокойной, а домъ мой вдругъ наводняется солдатами! Вчера полковникъ!... сегодня капитанъ!... Завтра у насъ будетъ цѣлый полкъ! Что ему надо, этому капитану?—Онъ сказалъ, что пришелъ по поводу лошади.—Посмотри-ка эту карточку, Жанна... но что съ тобой? Какая ты красная!... Тебѣ кровь бросилась въ голову.—Нѣтъ, мама, ничего.—Ну такъ посмотри и прочти... Я взяла карточку и прочла: *Графъ Рожеръ де Леонель, капитанъ 21-го стрѣлковаго полка.* Графъ! Онъ графъ! Этого не доставало!—Леонель! воскликнулъ Жоржъ, да это тотъ офицеръ, у котораго есть лошадь для Жанны. — Это правда, сказала мама, полковникъ произнесъ вчера это имя... А папа нѣтъ дома... Но все-таки его надо принять, этого господина... Прими, Пьеръ... Только ты, Жанна, должна вести съ нимъ разговоръ, потому что ты знаешь, что я ровно ничего не понимаю въ лошадяхъ...

«Дверь отворяется... Это былъ онъ!... Онъ входитъ, кланяется... и мама, встрѣчая его довольно любезной фразой, которая могла бы быть и любезнѣе, обращается ко мнѣ:—Жанна, это по поводу твоей лошади, поговори же съ мосье Леонелемъ.

«И вотъ мы оба другъ противъ друга. Вся трудность разговора падаетъ на меня. Онъ былъ чрезвычайно милъ, преисполненъ граціи, такта и простоты. А я была глупа, положительно глупа. Я чувствовала себя неподвижной, придавленной, уничтоженной. Я постараюсь припомнить выраженія этого разговора, который долженъ былъ дать ему такое плачевное обо мнѣ понятіе. Мы были тутъ, сидя въ двухъ шагахъ другъ отъ друга. По счастію, я сидѣла къ свѣту спиной.—Полковникъ сказалъ мнѣ сегодня утромъ, сударыня, что вы желаете имѣть верховую лошадь.—Дѣйствительно, это папа хочетъ подарить мнѣ ее въ день моего рожденья...

«Какъ это было глупо! Къ чему мнѣ это было говорить ему?... Потому что слова не приходили мнѣ на языкъ, и тогда я, въ смущеніи, говорила что попало. Онъ продолжалъ.—Я могу предложить вамъ лошадь, которая, мнѣ кажется, будетъ для васъ очень подходяща —Благодарю, васъ, сударь, но вашъ полковникъ сказалъ намъ вчера, что вы очень любите эту лошадь, и мнѣ бы не хотѣлось...—Да, это прекрасная лошадь, иначе я не позволилъ бы себѣ предложить вамъ ее, но она немножко миньатюрна для меня; сѣдокъ полегче лучше бы годился ей».

«Онъ лгалъ, потому что полковникъ ѣздилъ на этой лошади... и нашелъ ее великолѣпной... но чтобы возить полковника, который далеко не легокъ! Онъ огромный!!!

«*Сѣдокъ полегче лучше годился бы ей.* Развѣ это не было выражено крайне любезно и въ очень скромной и изящной формѣ! Надо хорошенько проникнуть въ тайный смыслъ этой фразы. Это значило: вы тонки и легки, вы перышко, вы птичка!...»

«Къ этому онъ прибавилъ: — Наша служба по временамъ бываетъ очень тяжела... Лошадь будетъ гораздо счастливѣе съ вами...

«*Счастливѣе съ вами*!!! Онъ произнесъ эту фразу съ нѣкоторой мягкостью, почти съ нѣжностью. Это былъ ловкій способъ сказать мнѣ: Нельзя не быть счастливымъ съ вами! Всѣ должны быть счастливы съ вами, даже лошади!...

«Можно ли придумать что-нибудь остроумнѣе и деликатнѣе?»

И Жанна, внезапно остановившись, сказала:

— Тогда ты не отдавалъ себѣ отчета во

всѣхъ этихъ милыхъ вещахъ, которыя ты мнѣ говорилъ?

— Нѣтъ.

— Обдумывалъ ты ихъ, по крайней мѣрѣ?

— Да, конечно.

— Это самое важное... Я продолжаю.

«А я, чтобы отблагодарить его, сухо отвѣчаю:—И такъ, я согласна, сударь; когда же я могу попробовать лошадь? — Да я привелъ ее, она тамъ внизу. Я оставлю вамъ ее на пробу на недѣлю, на двѣ, на сколько вамъ угодно; срокъ никогда не будетъ слишкомъ дологъ для пробы лошади.—О! вы слишкомъ снисходительны, сударь. Я испробую лошадь завтра же... и папа тотчасъ же сообщитъ вамъ отвѣтъ.— Нѣтъ, я прошу васъ, сударыня, продержите лошадь, по крайней мѣрѣ, дня два, три, прежде чѣмъ рѣшиться. Я нисколько не буду ощущать въ ней недостатка.—Ну такъ хорошо, сударь, и я вамъ буду крайне благодарна»...

«Онъ встаетъ, раскланивается, и хочетъ выйти... какъ вдругъ мама обращается ко мнѣ:— Но, Жанна, ты забыла о самой важной вещи... о цѣнѣ лошади»...

«О! я очень люблю маму, да, отъ всего сердца люблю ее; но, по правдѣ сказать, тутъ съ полсекунды, не больше... я ненавидѣла ее! Сверхъ того, она была права, мама. Лошадь стоила, по крайней мѣрѣ, четыре или пять тысячъ франковъ... и тогда бюджетъ мой не позволилъ бы мнѣ... Но поднимать съ нимъ прямо этотъ противный вопросъ о деньгахъ! Это приводило меня въ ужасъ»!

«Тогда я начинаю говорить: «Это правда, это правда, сударь. Вопросъ о цѣнѣ...

«Онъ, по счастью, приходитъ мнѣ на помощь»:

— О, лошадь не такой высокой цѣны, сударыня.—Но дѣло въ томъ, что папа не дастъ мнѣ болѣе трехъ тысячъ франковъ.—Три тыс. фр.!? Но лошадь не стоитъ трехъ тыс. фр. Я заплатилъ за нее всего 1900 фр., а когда лошадь продаютъ, то никогда не выручаютъ полной цѣны»!..

«О! вотъ тогда-то я сказала себѣ: Такъ онъ положительно любитъ меня! Онъ любитъ меня!! Лошадь, которую онъ обожалъ, онъ хочетъ продать мнѣ съ убыткомъ, изъ одного удовольствія продать мнѣ»...

«И я въ смущеніи отвѣчаю:—О! нѣтъ, ни за что! надо, что бы вы имѣли хоть небольшой барышъ.—Я буду въ очень большомъ барышѣ, сударыня, если мнѣ удастся угодить вамъ. Лишь бы только лошадь вамъ понравилась, а то мы съ вашимъ папа легко сговоримся относительно цѣны»...

«Затѣмъ общій поклонъ бабушкѣ, мамѣ, мнѣ, Жоржу, Бобу, словомъ, всѣмъ. Онъ намѣревался выйти, но на порогѣ вдругъ останавливается; положительно ему трудно было уйти».

— Да, это правда.

— «Онъ сказалъ мнѣ, что желаетъ сдѣлать нѣкоторыя указанія нашему кучеру, какъ надо взнуздывать лошадь, какія лучше пригодны удила... Тогда бабушка... она была необыкновенно мила, бабушка!.. Она, не такъ, какъ мама, она не ненавидитъ военныхъ... А потому она тотчасъ же сказала:—Сойдемъ внизъ съ мосье Леонелемъ, Жанна; мы увидимъ лошадь... Луи долженъ быть на дворѣ».

«Мы спустились внизъ, бабушка, Жоржъ, Бобъ, онъ и я... Лошадь была тамъ; ее держалъ подъ уздцы стрѣлковый солдатъ; и на спинѣ лошади я вдругъ увидѣла дамское сѣдло. Капитанъ, пораженный моимъ удивленіемъ, сказалъ:

— «У меня есть дамское сѣдло для сестры, которая иногда пріѣзжаетъ сюда въ Сенъ-Жерменъ, чтобы поѣздить верхомъ... а такъ какъ я ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ бы подвергнуть васъ какой-нибудь случайности, я свелъ лошадь въ нашъ манежъ и велѣлъ моему вѣстовому объѣздить ее подъ дамскимъ сѣдломъ.

«Я взглянула на вѣстоваго: это былъ тотъ самый стрѣлокъ, который бесѣдовалъ съ консьержемъ. Онъ узналъ меня и я его также. Я вспыхнула какъ огонь. Капитанъ тоже слегка покраснѣлъ. Онъ конечно понялъ, что мы узнали другъ-друга, солдатъ и я...

«Но это еще ничего. Вѣстовой вдругъ заговорилъ: капитанъ тоже ѣздилъ по-дамски, съ одѣяломъ, обвернутымъ въ видѣ амазонки. Онъ хотѣлъ удостовѣриться самъ»...

«Тогда капитанъ такъ покраснѣлъ, а я такъ поблѣднѣла, что вѣстовой замолчалъ, вѣроятно испугавшись, не сказалъ ли онъ какой нибудь глупости».

«Тронутая до слезъ, я прошептала:—О! какъ вы добры, сударь, какъ вы добры»!..

«Онъ же, съ своей стороны, повторялъ:

— «Это очень естественно, сударыня, это очень естественно»!..

«А хитрая бабушка глядѣла на насъ своими маленькими глазками, которые такъ кротки и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ проницательны».

«По счастью пришелъ Луи, котораго не было во дворѣ. Жоржъ сходилъ за нимъ. Тогда, при Луи, мы еще поговорили немножко... Тутъ я не помню хорошенько объ чемъ была рѣчь. Онъ объяснилъ намъ, что надо было надѣть лошади очень покойный мундштукъ. Я прервала его, сказавъ: — Пельгамъ?... Онъ отвѣтилъ: Нѣтъ, не пельгамъ... но очень покойный мундштукъ... Онъ посовѣтывалъ мартингалъ, простой или на кольцахъ, не помню... Наконецъ онъ простеръ свою доброту до указанія пищи лошади; столько-то овса, столько-то соломы, столько-то сѣна. Послѣ чего поклонился намъ и хотѣлъ было уйти. Я сдѣ-

лала шагъ къ нему. Онъ остановился. Мнѣ непремѣнно хотѣлось сказать ему что-нибудь любезное, ласковое... но смущеніе душило меня, и слова не сходили съ языка. Онъ ждалъ и не находилъ что сказать. Это было невыносимое положеніе. Надо было говорить во что бы то ни стало. Я не нашла ничего болѣе, кромѣ:—извините, пожалуйста, какъ зовутъ вашу лошадь? — Юпитеръ, сударыня.—Мерси, мосье.—Мадемуазель»...

«И онъ ушелъ со стрѣлкомъ, который унесъ на своихъ плечахъ дамское сѣдло. Этого солдата зовутъ Пико. Жоржъ вошелъ въ конюшню съ Луи. Я осталась одна съ бабушкой, которая сказала мнѣ:—Жаннета, не хочешь ли прогуляться со мной по саду?»...

«Тамъ, на скамейкѣ, она исповѣдывала меня, и я все разсказала ей... *все*, т.-е. *ничего*, потому что и нѣтъ *ничего*, а между тѣмъ это *ничего* есть *ничто*. Бабушка сказала мнѣ:—Глупышка! глупышка! не забирай себѣ въ голову...—Я ничего не забираю себѣ въ голову, бабушка; я очень хорошо знаю, что все это не болѣе какъ случай, да, случай... Но, пожалуйста, ни слова мамѣ; она будетъ смѣяться надо мной, да и кромѣ того, мама не такъ, какъ ты... она не любитъ военныхъ. —Какъ, какъ я?—Да, бабушка, ты любишь ихъ, и мнѣ приходилось нѣсколько разъ говорить себѣ:—Не знаю, по мнѣ кажется, что бабушкѣ не было бы непріятно, если бы я вышла замужъ за военнаго».

«Мы возвращаемся домой.—Наконецъ, вотъ и вы, сказала мама, но объясните мнѣ, что у насъ дѣлается. Мнѣ кажется, что весь дворъ былъ наполненъ солдатами.—Совсѣмъ нѣтъ, мама, былъ только... этотъ господинъ и его вѣстовой.—Его вѣстовой!? Ты говоришь теперь совсѣмъ казарменнымъ языкомъ. —Мама, это слово, которое я только что слышала сейчасъ.—Впрочемъ, господинъ этотъ очень приличный, сказала мама, и потомъ ты, кажется, не обратила вниманія, глядя на его карточку, что онъ графъ.—Графъ? —Да, посмотри.—Нѣтъ, я не замѣтила»...

«Можно ли лгать такъ безсовѣстно! Мамаочень смягчилась... Она предобрая, моя дорогая мама; но у нея есть маленькая слабость. Она была бы въ восторгѣ, если бы я сдѣлалась маркизой или графиней. Я же не придаю этимъ вещамъ никакого значенія. Навѣрное, это не заставило бы меня полюбить кого-нибудь.... Но это конечно не помѣшало бы мнѣ полюбить того, кого я люблю».

— Ты кончила?

— Да... и я думаю, что этого достаточно для одного дня.... Твоя очередь теперь.

— «*Пятница 6 іюня.* Мнѣ надо быть сдержаннымъ. Я не пойду въ лѣсъ, не пойду на террасу. Я жду».

— «*Пятница 6 іюня.* Сегодня утромъ я ѣздила на Юпитерѣ и даже думаю, что ѣздила совсѣмъ не дурно... Это чудо изъ чудесъ! Бабушка спала еще, когда я уѣхала; возвратясь, я вошла въ ея комнату, чтобы поздороваться. Она писала. Она не слыхала, какъ я отворила дверь. Тогда я хотѣла застать ее врасплохъ и подошла къ ней украдкой»...

— Это, кажется, твоя привычка...

«Бабушка писала письмо, начинавшееся такими словами: *Добрѣйшій генералъ*.... Я видѣла только это. Бабушка тотчасъ же спрятала письмо. Я вспомнила, что бабушка знаетъ одного генерала, который занимаетъ видный постъ въ военномъ министерствѣ. Почему же она пишетъ ему сегодня? И почему она спрятала свое письмо? Послѣ обѣда опять поднялся разговоръ объ лошади; папа завтра уѣдетъ только съ двѣнадцати часовымъ поѣздомъ; онъ пойдетъ утромъ къ мосье де Леонелю...

«Вдругъ дверь отворяется. Это былъ полковникъ... И разговоръ натурально снова возобновляется о лошади, о предполагаемомъ на завтра визитѣ; папа говоритъ, что его стѣсняетъ немножко ѣхать въ двѣнадцать часовъ, по причинѣ разныхъ дѣлъ. Такъ не безпокойтесь же, сказалъ полковникъ; я уряжусь съ мосье де Леонелемъ, и все улажу. Что касается цѣны, это будетъ 1900 фр. Вы понимаете, что мосье де Леонель вовсе не думалъ сдѣлать аферу. Онъ видѣлъ, что я знакомъ съ вами, и выказалъ любезность; онъ съ большой готовностью воспользовался случаемъ угодить своему полковнику... Теперь вы смѣло можете, недѣли черезъ двѣ, оказать и ему любезность, пригласить его къ себѣ обѣдать. Весьма вѣроятно, что онъ откажется; это страшный дикарь. Онъ никуда не ходитъ; запирается по вечерамъ, чтобы работать.... не по службѣ, а для своего собственнаго удовольствія...

«На этомъ разговоръ кончился... Откажется ли онъ? Не думаю. Хотя бы ради того, чтобы быть пріятнымъ своему полковнику?...

«*Суббота 7 іюня.* Мы сошли съ лошадей въ восемь часовъ утра во дворѣ. Полковникъ подходитъ ко мнѣ, благодаритъ меня за мою обязательность; онъ полагаетъ, что я согласился ради его.... Вопросъ относительно цѣны былъ покончень въ двухъ словахъ, и полковникъ прибавилъ:—Я думаю, что недѣли черезъ двѣ васъ пригласятъ, но не бойтесь, вы можете отказаться. Я сказалъ, что вы большой дикарь.—Но, полковникъ!...—Развѣ же это не такъ? Вы отказываетесь отъ всякихъ приглашеній. — Я можетъ быть не откажусь отъ этого, полковникъ.—Вотъ какъ, уже не угадалъ ли я? Вы уступаете за свою цѣну лошадь, которая на худой конецъ стоитъ тысячу экю и которую вы сначала ни за что не хотѣли уступить. О! о! у нея хорошенькіе глазки, у этой блонди-

ночки.— Да, полковникъ, я признаюсь вамъ, что нахожу ее восхитительной!

«Эти слова сорвались у меня съ языка.... Удовольствіе говорить о ней.... И имѣть Пико единственнымъ повѣреннымъ, это немножко досадно!

«Тутъ пришли за полковникомъ на счетъ субботняго рапорта. Въ то время, какъ эскадронный командиръ докладывалъ объ недѣльныхъ происшествіяхъ: *Такая-то лошадь получила ударъ ногой, такой-то солдатъ не явился на вечернюю перекличку, такая-то лошадь была укушена,* и пр., и пр., полковникъ насмѣшливо поглядывалъ на меня, теребя свой сѣдой усъ. По выслушаніи доклада, онъ ушелъ и, проходя мимо меня, сказалъ мнѣ: — Какъ вамъ покажется, этотъ дикарь намѣревается сдѣлаться ручнымъ, и продаетъ своихъ лошадей... по любви.

«Нашъ полковникъ прекрасный человѣкъ, но ужасный болтунъ. Моя тайна сдѣлается скоро тайной всего полка».

— «*Суббота 7 іюня.* Это ужасно! Сегодня ночью я видѣла его во снѣ! Да, вотъ до чего я дошла! Если Гамбетта примѣшался къ моему сну, то это потому, что вчера все время обѣда такъ много говорили о немъ.

«Такъ, я видѣла, что онъ былъ главнокомандующимъ.... не Гамбетта, нѣтъ, а мосье де Леонель... Онъ командовалъ всей французской арміей; онъ одержалъ великую побѣду. Гамбетта пришелъ къ нему и сказалъ ему:—Вы были Бонапартомъ; такъ будьте Наполеономъ!

«Гамбетта хотѣлъ ему надѣть на голову корону; но онъ отвѣчалъ ему съ необыкновенной скромностью:—Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ достаточно Бонапарта; не надо мнѣ Наполеона...

«На что Гамбетта возразилъ ему: —Тѣмъ лучше для меня, я удержу власть за собою...

«Какъ глупы сны, и какъ глупо писать подобныя вещи!...

«Въ теченіе дня я ѣздила верхомъ на Юпитерѣ. Какая же онъ прелесть. Онъ не показывается, изъ скромности, я въ этомъ увѣрена. Вечеромъ, послѣ обѣда, опять появленіе полковника. Мама, услышавъ, что о немъ доложили, сдѣлала небольшую гримасу, которая какъ бы обозначала:—Что это? Опять военный!

«Полковникъ сказалъ намъ, что дѣло съ Юпитеромъ улажено, за 1900 фр.... И затѣмъ я вижу, что онъ вертится около папа и употребляетъ различныя уловки, чтобы увести его въ садъ выкурить сигару. Проходитъ четверть часа. Мама выходитъ изъ себя:—Что можетъ дѣлать твой отецъ съ этимъ полковникомъ? Онъ пожалуй простудится, онъ ушелъ съ открытой головой. Поди, снеси ему шляпу и постарайся уговорить его войти.—Хорошо, мама....

«Прихожу въ садъ.... и слышу слѣдующую фразу, произнесенную полковникомъ: «*Это перлъ, увѣряю васъ, что перлъ....* и затѣмъ:—*Тс.! будьте осторожны!* Перемѣняютъ разговоръ. А! это уже слишкомъ. Неужели же онъ уже поручилъ своему полковнику по іерархіи просить моей руки: Развѣ это такъ всегда дѣлается въ кавалеріи! Это уже слишкомъ скоро! Послѣ одного свиданія, въ которомъ только и было рѣчи, что о сѣнѣ, соломѣ и овсѣ!

«Полковникъ и папа вернулись въ гостинную. Полковникъ уѣхалъ. Папа имѣлъ озабоченный видъ. Въ одиннадцать часовъ, когда я обняла его передъ тѣмъ, какъ идти въ свою комнату, онъ взялъ меня за обѣ руки и сказалъ:—Ты довольна лошадьюэтого господина?... Я отвѣтила:—О, да, папа... Еслибъ ты зналъ, какъ я обожаю моего милаго Юпитера! Просто обожаю его!...

«Кажется, я сказала это слишкомъ горячо, слишкомъ страстно. Я безпрестанно боюсь выдать себя. Когда я говорю о его лошади, мнѣ кажется, какъ будто я говорю о немъ! А *перлъ*, кто это перлъ? Онъ или я?

— *Воскресенье, 8 іюня.* Сегодня утромъ я получаю слѣдующее письмо отъ сестры: «*Я не въ силахъ болѣе. Я сдѣлала въ эти два дня сорокъ визитовъ. И въ всякій разговоръ старалась вставить слѣдующую небольшую фразу: Не знаете ли вы семейство Ла Блиньеръ? И получала все одинъ отвѣтъ: Отличные люди, довольно богатые, что никогда не мѣшаетъ; но состояніе вполнѣ честно пріобрѣтенное. О молодой же дѣвушкѣ всѣ говорятъ въ одинъ голосъ: Это ангелъ! Такъ съ Богомъ, капитанъ, въ добрый путь!*»

Я« былъ пораженъ! Стало быть это замѣтно, что я влюбленъ? Если сестра это замѣтила? Въ шесть часовъ я получаю маленькую записочку отъ ея отца. Меня приглашаютъ обѣдать въ будущую среду, 11 числа. Полковникъ сказалъ мнѣ: *недѣли черезъ двѣ?* Тотчасъ ли слѣдуетъ отвѣчать? Нѣтъ, ужь лучше завтра.»

«— *Воскресенье, 8 іюня.* Сегодня утромъ рано я спускаюсь внизъ. Почтальонъ только что ушелъ. Цѣлая куча писемъ лежала на подносѣ въ прихожей. Нѣтъ ли письма ко мнѣ? Нѣтъ, но вотъ одно къ бабушкѣ. Казенный пакетъ съ большой красной печатью, на которой я прочла: *Французская Республика. Военное Министерство. Управленіе личнаго состава.* Подумать только, что судьба моя тутъ, въ этомъ письмѣ! потому что я увѣрена, что бабушка собирала свѣдѣнія. Проходитъ слуга. Я спасаюсь бѣгствомъ, будто воровка. Десять часовъ. Бабушка вѣроятно проснулась. Она конечно прочла свое письмо. Поднимаюсь къ ней:— А вотъ и ты, моя крошка!.. встрѣчаетъ она меня.»

«Бабушка, кажется, очень весела; она нѣжно обняла меня, гораздо нѣжнѣе, чѣмъ обыкновенно. Она видимо очень довольна, милая ба-

бушка! Это видно уже по одному тому, какъ она поцѣловала меня сегодня утромъ. Вѣроятно, письмо этого генерала доставило ей удовольствіе...»

«Сегодня воскресенье; и папа не поѣхалъ въ Парижъ. Послѣ завтрака бабушка сказала ему:—Мнѣ надо поговорить съ тобой.—И мнѣ тоже...»

«Они оба вышли въ курительную комнату. Зачѣмъ бабушка пошла въ курительную? Я пари держу, что она прочла папа письмо отъ генерала...»

«Она патріотка, моя бабушка. Я часто слыхала, что она говорила, что нѣтъ карьеры болѣе благородной, чѣмъ военная... и что матери виноваты въ томъ, что изъ эгоизма мѣшаютъ своимъ дочерямъ выходить замужъ за военныхъ. Бабушка терпѣть не можетъ такихъ мужчинъ, вся заслуга которыхъ въ томъ, что они во множествѣ стрѣляютъ весной голубей, а осенью фазановъ; между тѣмъ, какъ мама именно любитъ такихъ, которые ничѣмъ другимъ не занимаются, какъ охотой. И бабушка съ мамой постоянно ссорятся изъ-за этого.»

«Наконецъ день проходитъ. Во время обѣда, папа сказалъ какъ бы мимоходомъ:—Въ самомъ дѣлѣ, этотъ молодой офицеръ былъ очень любезенъ, и я пригласилъ его обѣдать въ будущую среду.—Въ среду! воскликнула мама... Къ чему такой спѣхъ?.. Если ты будешь скликать къ себѣ всѣхъ офицеровъ!.. Этотъ, правда, милъ, я согласна, но вѣдь онъ приведетъ и другихъ... И домъ нашъ скоро обратится въ казармы или лагерь!..»

— *Понедѣльникъ, 9 іюня.* »Я становлюсь совсѣмъ дуракомъ. Сегодня я употребилъ цѣлый часъ, чтобы написать нѣсколько строкъ, въ благодарность за приглашеніе. Я разъ десять переписывалъ письмо, и едва отправилъ его, какъ вспомнилъ, что два раза повторилъ въ этихъ несчастныхъ восьми строкахъ слово *удовольствіе.*»

— *Понедѣльникъ, 9 іюня.* «Онъ принялъ приглашеніе!.. Окна нашей столовой выходятъ на дворъ, и во время завтрака мама вдругъ воскликнула:—Опять какой-то солдатъ бродитъ по двору!..»

«Я гляжу, и у меня срывается съ языка:—А! это Пико!

«При этомъ надо было видѣть маму и слышать ее!—Это лучше всего! Жанна нынче знаетъ имена всѣхъ солдатъ!—Одного только, мама, одного... Это тотъ, который приводилъ тогда Юпитера...»

«Бабушка покатилась со смѣху... Какъ она весела, милая бабушка!.. Давеча утромъ она даже распѣвала на лѣстницѣ! Вѣрно, свѣдѣнія, полученныя ею отъ генерала, были хороши!...»

«Послѣ завтрака я схватила его письмо... Какъ оно элегантно въ своей простотѣ! Вотъ оно слово въ слово: М. Г.! *Я имѣлъ честь получить Ваше любезное приглашеніе на среду, 11 числа. Я принимаю его съ величайшимъ удовольствіемъ и величайшею благодарностью. Я узналъ съ большимъ удовольствіемъ, что дочь ваша довольна лошадью... Примите, М. Г., увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ почтеніи...*»

«Я вполнѣ увѣрена, что онъ умышленно повторилъ два раза слово удовольствіе... Онъ зналъ, что я увижу его письмо. Онъ хотѣлъ особенно подкрѣпить эту мысль...»

— *Вторникъ 10 іюня.* «Я обѣдаю завтра у нея.»

— *Вторникъ 10 іюня.* «Онъ обѣдаетъ завтра у насъ».—Вотъ мы подходимъ къ великому дню обѣда. Твоя очередь разсказывать объ обѣдѣ.

— Послушай, моя Жанеточка... Кончимъ на этомъ сегодня... Во-первыхъ, посмотри-ка который часъ.

— Два часа утра!

— Да, два часа! Ужь это одно достаточная причина, чтобы кончить... Да и не одна эта... Я думаю, что съ этого момента наши записки будутъ крайне монотонны. Это будетъ любовь, и еще любовь, и все одна любовь! И ничего больше въ нашихъ запискахъ... по крайней мѣрѣ, въ моихъ.

— И въ моихъ тоже.

— Любовь, какъ у всѣхъ, любовь съ свободой видѣться, съ свободой говорить другъ съ другомъ... Разъ я могъ видѣть тебя вблизи, велика заслуга видѣть тебя такой, какой ты была и есть, т.-е. самой хорошенькой и самой лучшей женщиной въ свѣтѣ! Велика заслуга полюбить тебя! Нѣтъ, вотъ что было рѣдко и прелестно въ нашемъ романѣ—это его начало. Мы полюбили другъ друга, такъ сказать, инстинктивно, издалека, съ перваго взгляда, безъ всякой надобности говорить другъ съ другомъ и узнать другъ друга. Что касается до меня, я тотчасъ же въ твоихъ глазахъ прочелъ и твою душу. Съ 11 іюня, дня обѣда, до 17 августа, дня нашей свадьбы, мы обмѣнялись многими и многими словами; мы наговорили другъ другу множество нѣжныхъ и милыхъ вещей; но никогда, моя Жанета, никогда между нами не было болѣе нѣжныхъ и страстныхъ разговоровъ, какъ тотъ глупѣйшій разговоръ во дворѣ, подлѣ конюшни, передъ Юпитеромъ и Пико. Въ этотъ день я былъ въ такомъ волненіи, что почувствовалъ, что судьба моя рѣшена на вѣки. Я вышелъ съ этого маленькаго двора улицы des Arcades съ увѣренностью, что ты будешь моею, и вся жизнь моя пройдетъ въ стараніи сдѣлать тебя счастливой... Вотъ уже скоро два года... Что, радость моя, успѣлъ ли я въ этомъ?

— О! да, мой дорогой. О! да, конечно!...

Она не была уже на маленькомъ табуретѣ. Она была у него на колѣняхъ... И, отложивъ въ сторону тетрадки, они не читали уже болѣе въ этотъ вечеръ.

В. Суриковъ

Типо-лит. Высоч. утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и №.

Галлерея русскихъ художниковъ *).

В. И. СУРИКОВЪ.

I.

Если бы Ипполитъ Тэнъ посѣтилъ картинную галлерею П. М. Третьякова, онъ остановился бы съ особеннымъ интересомъ передъ одной группой картинъ. Другія произведенія кисти, собранныя въ этой галлереѣ съ такой любовью къ русской живописи, съ такимъ пониманіемъ ея, могли бы болѣе поразить или плѣнить, но только *эта* группа картинъ заинтересовала бы Тэна съ той точки зрѣнія, какую онъ установилъ въ своихъ работахъ на произведенія искусства. «Условія жизни и творчества этого художника, навѣрное, особенно оригинальны»,—подумалъ-бы французскій критикъ-историкъ, смотря на полотна Василія Ивановича Сурикова. И, дѣйствительно, едва-ли можно найти другаго русскаго художника, родина котораго, среда его и его предковъ наложили бы такой яркій отпечатокъ на его произведенія. Можетъ быть, этотъ отпечатокъ не такъ ясенъ не земляку художника, но особенность, оригинальность картинъ Сурикова едва-ли ускользнетъ отъ всякаго внимательнаго взгляда. Я помню тѣ передвижныя выставки, на которыхъ появлялись произведенія Сурикова. Публики передъ его картинами собиралось всегда много, говоръ о нихъ былъ самый разнообразный. Чувствовалось: что-то влечетъ толпу къ образамъ, созданнымъ молодымъ художникомъ, что-то отчасти приводитъ въ недоумѣніе, что-то заставляетъ глубоко задуматься.... Знатоки и охотники показать себя знатоками, не безъ радости, набрасывались на невѣрность перспективы, грубость письма, туманность колорита. И незнатоки, слушая такія рѣчи, порой соглашались. Но этимъ вопросъ не разрѣшался: что-то по прежнему продолжало держать и знатоковъ, и незнатоковъ передъ картинами сибиряка-художника... Не казалось ли тогда посѣтителямъ помянутыхъ выставокъ и теперь—галлереи Третьякова, что эти стрѣльцы, ведомые на казнь, эта боярыня-раскольница, эта окружающая ее старо-московская толпа, этотъ вельможа съ семьей, тоскующій въ ссылкѣ,—всѣ эти образы Сурикова какъ будто говорятъ: худо ли, хорошо ли мы написаны, но это мы, мы—подлинные, настоящіе, не поддѣлка, не измышленіе, *а то самое, чего ты ждешь*, когда хочешь увидѣть казнь стрѣльцовъ, Меншикова въ ссылкѣ и боярыню Морозову?...

II.

В. И. Суриковъ какъ-то выразился въ частной бесѣдѣ по поводу одной картины «она написана хорошо, но художникъ не вѣрилъ въ то, что писалъ». *Вѣрить въ то, что пишешь!* Вотъ ключъ, который поможетъ намъ разгадать тайну, заключенную въ этихъ технически, можетъ быть, не вполнѣ совершенныхъ произведеніяхъ... Да, мало умѣть написать то, что задумалъ, надо увѣровать въ реальность задуманныхъ образовъ, надо почувствовать все, что чувствовали изображаемыя тобою лица въ томъ положеніи, въ тотъ моментъ, какіе ты нанесъ на свое полотно... Надо пожить жизнью этихъ фантомовъ воображенія, которые въ краскахъ возникнутъ передъ зрителемъ. Изученіемъ и размышленіемъ можно узнать обстановку, мотивы тѣхъ или иныхъ событій, настроеній. Если дѣло идетъ объ *историческихъ* фактахъ и настроеніяхъ,—на основаніи изученія можно написать прекрасное изслѣдованіе. Изслѣдователь отправляется отъ понятій и ощущеній иныхъ, чѣмъ тѣ, которыя онъ изучаетъ: онъ *свои* понятія противополагаетъ понятіямъ, *которыя хочетъ узнать*.... Но художникъ.... Всякій ли художникъ можетъ забыть себя—и въ противоположность изслѣдователю—переродиться на время въ *то самое*, что онъ творитъ? А не это ли значитъ «увѣровать» въ то, что создаешь? Конечно, помянутая вѣра въ образы своего творчества, при наличности таланта, свойственна болѣе или менѣе всякому художнику.

Болѣе или менѣе... Въ этомъ все дѣло. У многихъ ли является при работѣ полнота этой вѣры, ея неприкосновенность—одно, что даетъ такую убѣдительность не только слову про-

*) Предполагая дать на страницахъ нашего журнала рядъ характеристикъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, мы поставлены въ необходимость отказаться отъ всякой системы и будемъ давать наши очерки въ той послѣдовательности, которая будетъ обусловлена накопленіемъ необходимаго матеріала, снимковъ съ картинъ и т. п.

рока, но и созданію артиста? Почему, уходя съ выставки картинъ, изъ театра, закрывая книгу—мы часто выносимъ только одно блѣдное удовольствіе, сродное удовольствію отъ хорошаго обѣда, красивой обстановки и т. п.? Почему искусство нерѣдко только украшаетъ

Рис. № 1.

нашу обыденную мелкую жизнь, а не захватываетъ насъ и не уноситъ въ иную, болѣе высокую, болѣе мощную? Почему, когда Л. Н. Толстой и его сторонники обвиняютъ искусство въ томъ, что оно только роскошь—порой кажется:—не правы ли они? И мы, видя искусство на скамьѣ подсудимыхъ передъ судомъ нравственности, являемся слишкомъ слабыми его защитниками... Не потому ли, что художники слишкомъ мало вѣрятъ въ то, что пишутъ и слишкомъ мало убѣждаютъ насъ въ чемъ-либо?

III.

Къ пейзажисту и къ изобразителю мелкаго обыденнаго жанра все вышесказанное мало относится. Въ прелесть природы рѣдкій, даже не художникъ, не уйдетъ душой всецѣло. Кто изъ насъ не способенъ вполнѣ отдаться очарованію лѣтняго вечера, красотѣ моря, лѣса, горъ?—Природа легко затрогиваетъ сердце человѣка—и задача пейзажиста, разъ талантъ на лицо, дѣло простое, ясное... Также, обладая воспріимчивостью таланта, нѣкоторымъ житейскимъ юморомъ и наблюдательностью, не трудно создавать жанры обыденной жизни, рисовать то, что встрѣчаетъ насъ на каждомъ шагу... Но есть иные роды живописи. Есть жанры, гдѣ глубокая коллизія житейской драмы закрываетъ мелкую бытовую типичность—жанры въ родѣ «Не ждали» Рѣпина.... Есть историческая живопись, есть наконецъ религіозная... Для послѣдней—въ наше время критики и скептицизма — почти вѣтъ настоящихъ художниковъ—художниковъ, знакомыхъ съ мистическимъ экстазомъ старыхъ мастеровъ. Наша религіозная живопись стоитъ на рубежѣ исторической, и эта послѣднян для художника-мыслителя—открываетъ обширное поле.... Ибо величіе человѣческихъ проявленій, та высшая жизнь, рисуя которую, искусство можетъ нѣсколько поднять насъ изъ нашей мелкой и пошлой жизни, имѣетъ чудные образцы въ исторіи любаго народа. Переходъ отъ частнаго къ общему—отъ индивидуальнаго къ соціальному—нигдѣ не найдетъ столь яркаго воплощенія, столь яркой иллюстраціи, какъ въ нѣкоторыхъ эпохахъ исторіи. Но тутъ-то и необходима для художника вѣра и въ то, что онъ хочетъ сказать, и, быть-можетъ, еще болѣе — въ образы, въ какихъ онъ хочетъ воплотить свою мысль... Вѣра въ извѣстную, ясно сознанную идею въ наше время всеобщей смуты умовъ — вещь очень рѣдкая... Способность художника *увѣровать* въ извѣстный историческій типъ умственно-нравственнаго, или общественнаго настроенія—едва-ли встрѣчается чаще. Вѣра въ идею — результатъ раз-

Рис. № 2.

мышленій — результатъ яснаго сознательнаго убѣжденія... Вѣра въ историческій образъ, историческій типъ общественнаго настроенія—

есть часто результатъ накопившихся впечатлѣній, результатъ атавизма, наслѣдственности. Поколѣнія живутъ извѣстными влеченіями, ощущеніями, извѣстными массовыми идеалами — и вотъ въ чуткаго, талантливаго потомка поселяется что-то полусознательное, смутное, но сильное, дорогое ему... Высокое значеніе имѣетъ для искусства художникъ, проникнутый вѣрою въ идею, убѣжденный въ чемъ-либо, но дорогъ и тотъ, чье сердце, хотя бы и полусознательно, но плотно сжилось съ извѣстными образами и типами жизни — конечно, надо брать въ разсчетъ и цѣнность этихъ образовъ, этихъ типовъ. Художнику, проникнутому идеей, еще надо искать образовъ для нее, вдумываться въ нихъ. — Художникъ, носящій въ себѣ самомъ извѣстные образы, инстинктивно понимаетъ ихъ, можетъ быть, прежде, чѣмъ сознаетъ выраженную ими идею. — Но плоть и кровь идеи — *образы* уже живутъ въ его душѣ, уже готовы, они уже просятся на полотно...

IV.

Русская живопись довольно богата картинами на историческіе сюжеты. Мы имѣемъ художниковъ, почти съ геніальной силой, бравшихъ историческіе образы для разработки глубокихъ психологическихъ, даже психіатрическихъ моментовъ индивидуальной жизни. Мы имѣемъ живописцевъ, съ удивительной техникой воспроизводившихъ внѣшнюю, такъ сказать, костюмно-археологическую сторону жизни нашихъ предковъ. Есть у насъ артисты, пользовавшіеся семейной и обрядовой жизнью старой Руси, для созданія колоритно красивыхъ эффектныхъ полотенъ. Есть, наконецъ, такіе, которые культивировали на полотнѣ просто сценически об-

Рис. № 3.

Рис. № 4.

ставленный историческій анекдотъ... Но до Сурикова можно указать развѣ на одного Перова, тоже сибиряка, какъ на человѣка дѣлавшаго попытки создавать картины *исторіи народа*, исторіи массъ... Перовъ (въ слабой степени) и Суриковъ — только двое изображали массовое народное настроеніе въ тѣ эпохи, когда оно ярче проявлялось, обширнѣе и глубже охватывало толпу... Изъ трехъ крупныхъ картинъ Сурикова — только одна: «Меншиковъ въ Березовѣ» даетъ частную домашнюю жизнь въ ссылкѣ знаменитаго любимца Петра. Но и въ этой картинѣ моментъ, положеніе, въ которомъ взятъ бывшій временщикъ, какъ будто дышутъ глубиной исторической перспективы. Изъ-за согнутой мрачной фигуры угрюмаго ссыльнаго на зрителя вѣетъ цѣлой полосой петербургскаго періода русской исторіи — періода временщиковъ, дворцовой интриги, страшныхъ переломовъ въ судьбѣ выдвинутыхъ исторіею лицъ... Двѣ другія картины Сурикова: «Казнь стрѣльцовъ» и «Боярыня Морозова», представляютъ лучшій и самый широкій типъ исторической живописи Не историческій случай, не индивидуальное психологическое положеніе историческаго лица рисуютъ онѣ. Двѣ эпохи, и двѣ эпохи первой важности для исторіи русскаго народа, вдохновили художника. «Казнь стрѣльцовъ» была его дебютомъ. Въ ней были замѣчены критикой и публикой крупные техниче-

скіе недостатки. Но всегда-ли недостатки подобныхъ картинъ на отвѣтственности ихъ автора, когда онъ—начинающій художникъ—не обладаетъ ни положеніемъ, ни именемъ,—а потому и не всегда имѣетъ необходимыя средства и условія для работы? Есть сюжеты, которые, безусловно, требуютъ большаго полотна, свѣта и простора въ мастерской. Послѣднее не всегда въ распоряженіи молодыхъ живописцевъ. Конечно, благо тѣмъ, кто, при ограниченныхъ средствахъ, беретъ болѣе ограниченные, простые сюжеты, и технически лучше справляется съ ними. Но честь и слава тому дебютанту, который забываетъ невыгодныя условія своей работы, забываетъ, что даетъ пищу критикѣ, всегда нѣсколько злорадной по отношенію къ неизвѣстному имени—и весь отдается охватившему душу сюжету... Уже дебютируя В. И. Суриковъ показалъ, что онъ *вѣритъ* въ то, что онъ пишетъ. И эта вѣра спасла его... Каковы бы ни были техническіе недостатки его картины — посмотрите на этихъ стрѣльцовъ, на ихъ лица, на то, какъ они ждутъ смерти и идутъ на нее—и вы невольно почувствуете, что это не просто «страшный и эффектный сюжетъ», а изображеніе гибели исторической силы, цѣлаго историческаго уклада. На лицахъ стрѣльцовъ не одна боязнь смерти—на нихъ вся ихъ вѣра въ отживающій складъ жизни, вся подавленная ихъ мощь...

Рис. № 5.

Въ распоряженіи автора этихъ строкъ было нѣсколько этюдовъ В. И. Сурикова, въ томъ числѣ два (№№ 1 и 8), принадлежащіе В. Е. Шмаровину и любезно предоставленные имъ для нашей статьи. Воспроизведеніемъ ихъ мы съ глубокимъ удовольствіемъ можемъ иллюстрировать нашу характеристику. Этюдъ дорогъ именно тѣмъ, что наглядно показываетъ путь, которымъ шелъ художникъ къ окончательному воплощенію своего образа. Возьмемъ, напримѣръ, фигуру стрѣльца со свѣчей, постепенно возникающую изъ двухъ этюдовъ... Первый—набросокъ его въ колодкѣ (рисунокъ № 1). Второй—почти уже совершенно выраженная голова его (рисунокъ № 2). Въ этой головѣ уже вполнѣ чувствуется и страхъ смерти, и ненависть къ тому, что губитъ ее, и грозное упорство силы, идущей на свое уничтоженіе.... Но у этихъ буйныхъ, властныхъ «добрыхъ молодцевъ» были жены и матери.... И вотъ передъ нами, въ зародышѣ, тѣ фигуры женщинъ, которыя въ своей тихой «теремной» душѣ хоронили всю боль непрестанной боязни за судьбу, за самую жизнь своихъ мужей и сыновей, которыя, наконецъ, сопровождали ихъ на страшномъ пути къ царскимъ висѣлицамъ. Не вѣетъ-ли Русью того времени отъ этихъ изнемогшихъ скорбныхъ типовъ? Въ этюдахъ скорбь фигуръ картины еще не выразилась. Но не полны-ли трагической безропотности, покорности эта опустившаяся изнемогшая фигура (рисунокъ № 3) и это кроткое, мягкое, чисто русское лицо старушки матери (рисун. № 4)... Достаточно взглянуть на эти этюды, чтобы понять, что далеко не совершенная технически картина—уже настоящая—несомнѣнно историческая... И когда художникъ окрѣпнетъ, когда условія его работы улучшатся—онъ дастъ истинный типъ исторической картины, стоящей на уровнѣ съ новѣйшимъ пониманіемъ задачъ исторіи... Кто внимательно читалъ Карлейля, Мишле, или нашихъ Карѣева, Михайловскаго — тотъ едва-ли найдетъ лучшую иллюстрацію на тему: «Герои и толпа», чѣмъ «Боярыня Морозова» Сурикова. Тутъ взяты оба теченія: и то, представительницей котораго является героиня—и то, жертвой котораго она падаетъ. Такого разнообразнаго—и въ то же время полнаго единства—аккорда выраженій лицъ толпы—мнѣ не приходилось встрѣчать въ произведеніяхъ кисти. Передъ нами въ этюдахъ четыре типа этой толпы. Два: старый священникъ и бродяга-юродивый—полюсы, конечные пункты двухъ крайнихъ настроеній. Двѣ монахини—представительницы средней толпы, еще недоумѣвая, еще робко, но уже сочувствующей героинѣ. Старый батюшка радуется, что упорная еретичка, не смотря на санъ боярыни, на ея гордую силу духа, побѣждена (рис. № 5).

Онъ представитель торжествующей истинной церкви—онъ ликуетъ и смѣется,—если хотите, довольно добродушно... Но вотъ съ другой стороны жалкій пророкъ древней Руси—юродивый (рисунокъ № 6). Полуприкрытый рубищемъ цѣлую зиму, весь озябленный, онъ кротко и спокойно благословляетъ боярыню. Ему—представителю исключительно терпѣнія и подвига—такъ понятна, такъ близка эта сановитая женщина, низвергнутая въ униженія и испытанія и помнящая только одно: свой подвигъ, свою «вѣру». Кстати—по поводу цвѣта тѣла этого юродиваго на картинѣ. Мнѣ не разъ приходилось слышать упреки неестественности этого цвѣта. Но всякій, кто, какъ я, видалъ въ Сибири, во время пути, озябленныхъ обозныхъ ямщиковъ, отвергнетъ этотъ упрекъ. А не въ одинаковыхъ ли условіяхъ съ этими ямщиками этотъ юродивый, бродящій въ дырявомъ рубищѣ всю зиму, находящій только случайный, временный кровъ? Но старикъ священникъ и юродивый сознаютъ и ощущаютъ нѣчто ясное, ихъ симпатіи обоснованы, тверды... Не то испытываютъ эти монахини (рисунокъ № 7). Одна—молодая глядитъ, уже сочувствуя боярынѣ — но недоумѣвая, не вполнѣ понимая, что происходитъ передъ ней и въ ней самой. Другая, болѣе пожилая, смотритъ не столько съ недоумѣніемъ, сколько съ любопытствомъ; и въ ея, очевидно болѣе жесткой, душѣ зарождается не сочувствіе, а нѣчто злое, враждебное... По отношенію къ чему?... Быть можетъ, она сама еще не вполнѣ сознала—къ чему... (рисунокъ № 8).

Рис. № 6.

Трудно что-либо достаточно яркое сказать о головѣ самой боярыни. Надо самому, воочію видѣть ее на картинѣ и на этюдахъ, чтобы, молча, сознать всю ея страстную силу героической мученицы за вѣру, какова бы эта вѣра ни была, всю мощь подвижницы-проповѣдницы... Прилагаемый снимокъ съ этюда поможетъ читателю вспомнить эту удивительную голову картины (рис. № 9). Но какъ ни выразительна, какъ ни сильна фигура боярыни-раскольницы,—она только центръ, фокусъ картины—не исключительное ея содержаніе. Если бы картина была названа «Расколъ на Руси»—это названіе подходило бы къ ней не менѣе того, которое дано. Личная психологія раскольницы протестующей передъ лицомъ толпы возрастаетъ до могучаго общественнаго фактора—и историческій эпизодъ получаетъ всю глубину народной эпопеи...

V.

Но все вышесказанное только одна сторона исторической живописи—главная, но одна. Фономъ, канвой, на которой исторія набрасываетъ теченія народной мысли, народной психологіи,—является бытъ народа, типическій въ каждую эпоху и кладущій извѣстный отпечатокъ на всю историческую жизнь націи. Это неисключительно внѣшній характеръ жизни, не исключительно археологія... Суриковъ въ своихъ картинахъ весьма мало напиралъ на эту внѣшнюю сторону быта взятыхъ имъ эпохъ. Но то, почти неуловимое, вѣяніе бытовой жизни, которое дѣлаетъ изъ исторической фигуры не манекена, одѣтаго, можетъ быть, въ совершенно точный костюмъ данной эпохи, а истиннаго сына этой эпохи, — это вѣяніе чувствуется въ каждомъ произведеніи Сурикова. Откуда же художникъ получилъ эту драгоцѣнную способность такъ чувствовать, такъ воспроизводить всю глубину историческихъ народныхъ настроеній, всю реальность исторической бытовой атмосферы? Онъ, конечно, изучалъ эпохи, нравы, костюмы... Онъ, конечно, талантливъ... Но все-ли это? Онъ, конечно, вспомнимъ его собственное выраженіе: *вприлъ* въ то, что писалъ... Но отчего ему такъ легко удалось увѣровать въ эти образы, такъ цѣльно, всей душой уйти въ нихъ? Не сказался-ли въ немъ уроженецъ Сибири, сынъ страны, принимавшей на свою почву и ссыльныхъ вельможъ, и ссыльныхъ казаковъ, раскольниковъ,—страны, которую завоевали, колонизировали—да и теперь еще колонизируютъ—бродячіе народные массы, тѣ массы, что составляли всегда истинное ядро до-петровской Руси?.. Не носитъ

ли нашъ художникъ въ своей натурѣ всѣ элементы, изъ которыхъ складывалась жизнь изображенныхъ имъ эпохъ?.. Не на родинѣ-ли,

Рис. № 7.

еще въ дѣтствѣ, онъ чутко улавливалъ слѣды старо московской исторической жизни, слѣды, сбереженные даже сибирскимъ нарѣчіемъ, удержавшимъ слова, какія найдешь въ нашихъ лѣтописяхъ и не услышишь въ Европейской Россіи? Не въ далекомъ-ли Красноярскѣ, его родномъ городѣ, подъ высокою крышею стараго казачьяго дома, еще въ душу чуткаго мальчика запало то, что потомъ выросло въ сильные правдивые историческіе образы?

VI.

Отвѣтомъ на эти вопросы является послѣдняя картина Сурикова. «Взятіе снѣжнаго городка, старинная казачья игра въ Сибири» — таково ея содержаніе, возбуждающее съ перваго взгляда какъ бы недоумѣніе и непониманіе того, что она изображаетъ. Дѣйствительно, не туземецъ и незнакомый съ древне-русскими «свычаями и обычаями», сохраненными и понынѣ русскими окраинами, не сразу поймет картину и, не сразу заинтересованный, может быть, встрѣтитъ ее равнодушно, холодно.. Но того, кому эта старая казачья игра знакома, непремѣнно затронетъ почти новый типъ живописи, какимъ является новое полотно сибиряка-художника. Какой это родъ живописи? Очевидно, жанръ? Но почему отъ этого жанра на чуткаго зрителя вѣетъ особой непривычной струей ощущеній? Почему въ этой струѣ чувствуется что-то несомнѣнно родственное съ историческими картинами Сурикова? Почему не приходитъ въ голову, что это жанръ этнографическій? Да и дѣйствительно: если это не обыденный жанръ, то этнографическій-ли? Художникъ любитъ Сибирь, навѣрное знаетъ въ ней многое чисто-мѣстное, мѣстно-характерное и даже, можетъ быть, гораздо болѣе типическое для всей Сибири, шире распространенное въ ней... И между тѣмъ, дѣлая набѣгъ изъ завоеванной имъ области — исторической живописи — въ область жанра, онъ далъ именно *это.... Старинная* казачья игра — вотъ въ чемъ причина его выбора. Онъ это видѣлъ теперь, въ настоящее время, наблюдалъ лично, писалъ, вѣроятно, съ натуры. Но что остановило его взглядъ именно на этомъ? Что вложило въ его руку кисть? То, что въ настоящемъ — принадлежитъ прошлому, что, какъ слабый бытовой лучъ, осталось отъ этого далекаго прошлаго и упало сквозь его тьму на жизнь сибирскаго отдаленнаго поселенія. Да, эта игра, это взятіе снѣжнаго городка принадлежитъ той исторически-бытовой сторонѣ жизни русскихъ народныхъ массъ, которая теперь уже почти стерлась, изсякла вездѣ, кромѣ далекихъ угловъ нашей родины. Но эта сторона жизни цвѣла ярко и пышно въ ту пору, когда совершались событія, нашедшія свое воплощеніе на другихъ полотнахъ Сурикова. Русскія народныя массы, и въ цѣломъ, и отдѣльные слои ихъ, какъ, напримѣръ, ка-

Рис. № 8.

зачество, создавали не только широкія историческія движенія, вродѣ протеста противъ новшествъ Петра, или Никона, но и подобныя ха-

рактерныя ристалища и игры. Народъ не только собирался смотрѣть на расправу государственнаго порядка съ политическими и религіозными протестантами; онъ не только во время такихъ зрѣлищъ переживалъ смутно-трагическія ощущенія... Онъ жилъ своей обыденной жизнью, онъ сходился на забавы, игры и игрища. И здѣсь въ этихъ игрищахъ—и въ томъ, какъ народныя массы любовались ими—отражалась та же бодрая, бьющая ключемъ мощь, какая выдвигалась и въ суровыхъ мрачныхъ явленіяхъ его исторической жизни. Старо-русская толпа любила жить ощущеніями борьбы, удали, молодечества, созерцая все это хотя бы въ штурмованіи конемъ снѣжной глыбы.... Сибирь доселѣ сберегла этотъ осколокъ историческаго быта. Конечно и въ пріемахъ, и въ одеждахъ кое-что переродилось, измѣнилось, но не столь рѣзко,—не до фрака и цилиндра... И немного нужно воображенія, чтобы, глядя на списанный съ натуры жанръ Сурикова—увидѣть въ немъ почти историческую картину. И въ чемъ-же все-таки центръ тяжести этой картины? Въ этой шеренгѣ, мѣшающей пробиться до городка, въ этой толпѣ, весело любующейся игрой, толпѣ, въ которой что ни типъ, то—народъ... Я, разумѣется, говорю не о художественномъ центрѣ тяжести, не о фокусѣ картины, а о центрѣ тяжести ея смысла. Да, этой картиной Суриковъ дѣйствительно отвѣтилъ на вопросъ: не далекая-ли Сибирь создала въ немъ истиннаго историческаго живописца, истиннаго изобразителя русской массовой исторіи?.. Художникъ, очевидно, снова посѣтилъ родную землю, снова припалъ къ ней и, какъ Антей древняго миѳа, почерпнулъ тѣмъ новыя силы. И мы увѣрены, что этотъ набѣгъ въ область жанра, въ область быта, это новое созданіе Сурикова — только показываетъ, что онъ никогда не собьется съ своего пути—что истинная исторія, исторія народная, исторія массъ всегда найдетъ на палитрѣ Сурикова свои краски, на его полотнахъ свое воплощеніе. Ни сила изображенія, ни мѣткость характеристики народныхъ типовъ его не покинули и въ жанрѣ. Изъ этого жанра на зоркаго и чуткаго зрителя глядитъ все та же массовая, народная, характерная, демократическая Русь... Будемъ же ждать, что она снова смѣло и могуче взглянетъ на насъ—въ новомъ, можетъ быть, уже зрѣющемъ въ его душѣ, широкомъ, вполнѣ историческомъ замыслѣ сибиряка-художника...

В. Михеевъ.

Рис. № 9.

Очеркъ развитія русскаго сценическаго искусства.

ктеровъ иногда называютъ отверженными художниками, припоминая нескончаемый рядъ мытарствъ, которыя пришлось имъ вытерпѣть, прежде чѣмъ изъ презрѣнныхъ скомороховъ превратиться въ глазахъ общества въ такихъ-же полноправныхъ гражданъ, какими были поэты, живописцы и другіе ихъ собратья по служенію музамъ. Но еще болѣе подходитъ къ нимъ это названіе въ виду непрочности актерской славы. Актеру стоитъ только умереть, чтобы о немъ забыли. Много великихъ геніальныхъ художниковъ сцены произвела Россія, но много ли мы сохранили о нихъ свѣдѣній. Померанцевъ, Мочаловъ прошлаго вѣка, нашъ Эгкофъ, нашъ Моле, какъ называлъ его Карамзинъ, — который однимъ движеніемъ своего указательнаго пальца приводилъ въ содроганіе партеръ — что, кромѣ бездарныхъ стиховъ, напечатанныхъ въ журналѣ графа Д. И. Хвостова, «Другъ просвѣщенія», мы о немъ имѣемъ? Такъ было въ старину, но не лучше и теперь. Умираетъ писатель, хотя бы изъ третьестепенныхъ, вы найдете въ газетахъ и воспоминанія, и біографическіе очерки, и матеріалы для жизнеописанія. Умираетъ актеръ, хотя-бы такой замѣчательный, какъ напр. Шумскій или Екатерина Васильева, — и кромѣ шаблонныхъ, газетныхъ некрологовъ ничего! Точно художникъ жилъ и творилъ свои созданія не передъ полною залой театра, что ни день, то измѣняющейся въ своемъ составѣ, а въ какомъ-то безвоздушномъ пространствѣ. Очевидно, мы не хотимъ себѣ дать труда ловить дымъ, который зовется актерской славой и успокоиваемся на мысли, нѣкогда высказанной княземъ А. А. Шаховскимъ: «актеръ, что умеръ, то исчезъ».

Но точно-ли такъ безусловно вѣрна эта мысль? За мимолетностью актерскаго искусства не забываемъ-ли мы о томъ, что составляетъ его вѣчное содержаніе? Какъ и всякое искусство, искусство сценическое имѣетъ двѣ стороны — формальную и духовную. Форма исчезаетъ со смертью актера (хотя и не безслѣдно: вспомнимъ новѣйшіе успѣхи фотографіи, а кто знаетъ, съ усовершенствованіемъ фонографа, быть-можетъ, явится возможность записать и мельчайшія интонаціи актера), но духъ, которымъ животворится игра художника, никогда не умираетъ, обаяніе великаго имени сохраняется и, если мы не стараемся уяснить себѣ, въ чемъ оно заключается, и уразумѣть принципы творческой дѣятельности актера, виновата въ этомъ не мимолетность сценическаго искусства, а мы сами. Виноваты наше нерадѣніе и неблагодарность.

Нельзя сказать, чтобъ эта неблагодарность оставалась безнаказанной. Искусство двигается впередъ совокупными усиліями всѣхъ наличныхъ художественныхъ силъ. Поэзія, живопись, скульптура, театральное искусство — всѣ они находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи. У насъ всѣ отрасли искусства соединились въ одномъ общемъ стремленіи — выбиться изъ подъ принятыхъ извнѣ ложныхъ формъ на путь естественности. Опредѣлить заслугу каждаго художника въ этомъ общемъ прогрессивномъ теченіи искусства — вотъ задача исторіи искусства. Но, обходя дѣятельность цѣлаго разряда художниковъ и часто первостепенныхъ, мы тѣмъ самымъ лишаемъ себя возможности ясно понимать многія и очень важныя явленія міра художественваго. Въ самомъ дѣлѣ, была-ли бы полна исторія культуры прошлаго вѣка безъ имени Дмитревскаго? Или еще лучше: могли-ли бы мы вѣрно обрисовать пути, по которому шло наше искусство, если-бы обошли Щепкина, который ранѣе Гоголя явилъ образцы русскаго реализма? Вырвите эти звенья, и цѣпь распадется. Вмѣсто живаго и цѣльнаго организма получится уродливое искалѣченное тѣло. Пред-

ставленія станутъ неполны и спутанны. Такимъ образомъ, исторія сценическаго искусства, исторія направленій его не только возможна и желательна: она необходима.

Многое изъ нашего театральнаго прошлаго утрачено и, вѣроятно, навсегда. Но съ благодарностью помянетъ историкъ имена Жихарева, Сергѣя Аксакова, Аранова, Кони и Р. Зотова. Благодаря оставленнымъ ими матеріаламъ даже исторія перваго періода русскаго театра, исторія сценическаго ложноклассицизма можетъ быть возстановлена. Мы хотѣли-бы реставрировать здѣсь хотя главныя линіи этого періода. Оправдательные документы къ нашему изложенію—въ отдѣльныхъ біографическихъ очеркахъ главнѣйшихъ артистовъ, напечатанныхъ нами частью въ «Историческомъ Вѣстникѣ», частью въ «Артистѣ» и въ «Русскомъ Архивѣ». Они указаны ниже при изложеніи выводовъ изъ нихъ и дополнены цѣлымъ рядомъ новыхъ біографій. Такимъ образомъ передъ читателемъ сразу и поминальный синодикъ и очеркъ постепеннаго хода и совершенствованія русскаго сценическаго искусства за періодъ отъ 1750 до 1825 года. Въ концѣ прибавленъ краткій обзоръ двухъ послѣдующихъ періодовъ—сценическаго романтизма и реализма. Несоразмѣрность частей читатель извинитъ желаніемъ дать до конца доведенное схематическое изображеніе путей, по которымъ двигалось русское сценическое искусство.

I.

Зачатки театральнаго искусства въ древней Руси.—Первыя попытки завести театръ.—Господство нѣмецкаго вліянія и смѣна его въ половинѣ XVIII вѣка французскимъ.—Общій очеркъ сценическаго ложноклассицизма.—Сумароковъ и его трагедіи.—Ложноклассическая комедія и ея значеніе.—Дѣятели ложноклассической школы: Ѳ. Волковъ, Дмитревскій, Троепольская.—Московскіе трагическіе актеры: Синявская, Калиграфовы, Лапинъ.—Первые наши комики: Шумскій, Базилевичъ, Ожогинъ, Михайлова.—Значеніе ихъ дѣятельности.—Ложноклассики меньшихъ дарованій.

Хотя еще въ 1282 году славянская кормчая книга вслѣдъ за греческой строго воспрещала у насъ «въ козлогласованіи (буквальный переводъ греческаго τραγωδία, трагедія) не ходити, ни лицъ косматыхъ возлагати на ся, ни козлихъ, ни сатоурскихъ» (προσωπεῖα τραγικὰ, κωμικὰ καὶ σατορικὰ);—это запрещеніе было однако совершенно излишнимъ. Никакихъ трагедій, никакого даже подобія театра въ то время, да и много позднѣе не существовало. Слабые зачатки драматическаго элемента можно было найти развѣ только въ народныхъ играхъ, да потѣшники-балагуры—скоморохи сперва въ одиночку, а потомъ цѣлыми ватагами въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, забавляли русскій людъ своими ухватками, веселыми прибаутками, пѣсенками и побасенками. Но этимъ все и ограничивалось.

Съ XVI и XVII вѣковъ зачатки драматическаго искусства пробиваются сильнѣе. Возникаютъ на подобіе западно-европейскихъ мистерій такъ называемыя «церковныя дѣйства», появляется школьная драма. Но тамъ, гдѣ роль актеровъ исполняли патріархъ или священники, какъ напр. въ дѣйствѣ умовенія ногъ, конечно, не могло быть и рѣчи объ актерскомъ искусствѣ. Цѣли постороннія искусству преслѣдовала и школьная драма, которая къ тому-же сводилась почти всецѣло къ аллегоріи. Дѣйствующими лицами были здѣсь олицетворенія: сластолюбіе, злоба, зависть, чистота или еще болѣе общія, какъ милость Божья, человѣческая природа, душа и даже буквы латинской азбуки, когда требовалось пьесой доказать пользу изученія грамматики. Точность воспроизведенія ихъ достигалась однимъ только средствомъ—символизмомъ и единственно, гдѣ представлялось дѣло актерскому искусству, т.-е. искусству изображенія характеровъ—такъ это въ комическихъ интермедіяхъ, «междувброшенныхъ дѣйствіяхъ», безъ которыхъ рѣдко обходилась школьная драма. Здѣсь русскій народный юморъ гулялъ на просторѣ, и обычные типы интермедій—цыганъ, жидъ, обманщикъ, всевозможные простофили, хотя и грубо намалеванные, были живьемъ выхвачены изъ дѣйствительности. Ихъ исполняли, конечно, безъ дальней мудрости, копируя живую дѣйствительность. Историки театра думаютъ, что интермедіи могли-бы при благопріятныхъ условіяхъ легко стать ячейками, изъ которыхъ развился бы русскій народный театръ, что тогда театральное искусство сразу ступило-бы на самобытный путь. Но, что бы ни было, этого не случилось. Первый нашъ театръ былъ созданъ, исключительно благодаря личному желанію царя Алексѣя Михайловича позабавиться заморской забавой. Школьная драма прошла для нашего театра совершенно безслѣдно.

Царь однако хотѣлъ, повидимому, положить прочное основаніе русскому театру и съ самаго начала учредилъ нѣчто въ родѣ театральной школы, велѣвъ выбрать 26 мальчиковъ изъ подъяческихъ и мѣщанскихъ дѣтей для обученія сценическому искусству. До насъ дошли имена этихъ первыхъ актеровъ, ихъ челобитье государю о жалованьѣ, но объ искусствѣ ихъ можно заключать только по искусству ихъ учителей. Грегори, директоръ перваго нашего театра и пасторъ нѣмецкой церкви въ Москвѣ, могъ знать только одинъ нѣмецкій театръ. Позднѣйшія придворныя труппы Кунста и Фарста были прямо выписаны изъ Германіи и принадлежали къ числу тамошнихъ странствующихъ труппъ. Такимъ образомъ русскій театръ въ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія былъ ни что

иное, какъ отрасль нѣмецкаго искусства. Это искусство не отличалось высокой пробой. Бродячія труппы всегда находятся въ тѣсной зависимости отъ вкусовъ своей публики, а эти вкусы въ Германіи не могли похвастаться изяществомъ. Отъ трагедіи требовалось какъ можно больше рѣзни и раздирающихъ душу ужасовъ; отъ комедіи самаго вульгарнаго комизма и циническихъ выходокъ. Заиканье, гнусливость были обычными пріемами для возбужденія смѣха, комики клоунствовали на пропалую, и можно отнести къ счастью русскаго искусства, что театръ Кунста и Фирста просуществовалъ недолго и погибъ естественной смертью, не оставивъ прямаго слѣда на дальнѣйшемъ развитіи русскаго сценическаго искусства.

Но на общество первыя попытки завести театръ подѣйствовали благотворно. Поощряемый примѣрами своихъ государей русскій людъ понемногу привыкалъ къ «богомерзкой потѣхѣ». Комедійная храмина на Красной площади закрылась, но искусство стало быстро пробивать себѣ дорогу любительскими усиліями, и между тѣмъ какъ позднѣйшіе государи, императрица Анна и Елисавета, услаждались итальянскимъ пѣніемъ и музыкой, нѣмецкими комедіями, а позднѣе французской труппой, частная предпріимчивость и любовь къ искусству создали русскій театръ. Въ 1747 г. появилась первая русская трагедія, которой дѣйствительно приличествовало это названіе, «Хоревъ» Сумарокова, въ 1749 г. ее ужь играли на кадетскомъ театрѣ, а черезъ годъ - бывшій воспитанникъ Заиконоспасской академіи, молодой купеческій сынъ, Ѳ. Г. Волковъ уже устраивалъ театръ на берегу Волги. Съ тѣхъ поръ какъ раскрылись передъ зрителями гостепріимныя двери кожевеннаго амбара купца Полушкина, русское искусство стало развиваться безъ перерыва и благодаря покровительству императрицы Елисаветы прочно стало на ноги. Сумароковымъ открывается исторія новой русской драмы, которой исполнителями явились Волковъ и собранная имъ труппа. Съ нихъ, собственно говоря, и начинается настоящая исторія актерскаго искусства, къ которой факты предъидущаго времени могутъ служить только введеніемъ.

Характерная черта новаго сумароковскаго періода русскаго театра—смѣна нѣмецкаго вліянія французскимъ. Выписка нѣмецкихъ комедіантовъ была, конечно, дѣломъ простаго удобства. Зачѣмъ было ѣхать за актерами въ далекую Францію, когда ихъ такъ много слонялось подъ рукою въ сосѣдней Германіи. Но съ воцареніемъ императрицы Елисаветы началась реакція нѣмецкому владычеству, коснувшаяся и искусства. Императрица, нѣкогда невѣста Людовика XV, любила Францію, и дворъ Версальскій, бывшій недосягаемымъ образцомъ для всѣхъ европейскихъ дворовъ, не остался безъ вліянія на обыкновенія двора русской государыни. Вкусы императрицы въ данномъ случаѣ были вполнѣ согласны и со вкусами всего русскаго образованнаго общества. Французская драма съ ея утонченно-изящной отдѣлкой, искусно-сплетеннымъ дѣйствіемъ, съ ея обиліемъ мыслей, легко запоминающихся и замкнутыхъ въ драгоцѣнную оправу стиха, необыкновенно благозвучнаго и чарующаго слухъ—преимущественно передъ всякой другой, могла очаровать неопытный русскій умъ, для котораго искусство еще было terra incognita. Къ тому-же она имѣла за собой еще то качество, что легко поддавалась подражанію. У ней была строго опредѣленная и весьма нетрудная грамматика, гдѣ все было размѣрено на аршины до того обстоятельно, что даже заранѣе предписывалось автору, какою дозою злобы, зависти или злодѣйства можетъ онъ надѣлить своихъ героевъ. Стоило только прочесть повнимательнѣе кодексъ Батте и приниматься за перо. Сумароковъ, наивно хвалившійся, что онъ «явилъ Расиновъ театръ Россамъ», не подозрѣвалъ, конечно, какъ это въ сущности легко, но, какъ-бы то ни было, и первыя русскія трагедіи, составившія первый репертуаръ нашего театра были испечевы по французскому рецепту, и первая школа сценическаго искусства была только подражательная. Русскую сцену заполонилъ французскій ложноклассицизмъ, и вся исторія русскаго искусства есть исторія освобожденія нашего изъ-подъ этихъ веригъ, нѣкогда добровольно на себя наложенныхъ.

Ложноклассицизмъ (какъ въ драматургіи, такъ и сценическій) во всѣхъ отношеніяхъ оправдываетъ свое названіе ложнаго. Поклёпъ на классицизмъ, онъ грѣшилъ и противъ исторіи и лгалъ на психологію. Думая возродить классическую драму, новые классики нисколько не поняли ея духа и мелочныя случайныя свойства ея, какъ единства мѣста и времени, возвели на степень догмата. Получилось нѣчто смѣшанное. Но простота драмы греческой не могла слиться съ изысканностью двора Людовика XIV, и помѣсь вышла противуестественной. На сценѣ дѣйствовали люди съ историческими именами Ахилла, Агамемнона, Клитемнестры, но это были не греки, а скорѣе французскіе маркизы, и зрители, не исключая и самого автора, только принимали ихъ за грековъ. На русской сценѣ Сумароковымъ рѣдко выводились древніе, но отъ этого было ничуть не легче. Русскіе Сумароковскихъ трагедій, какъ греки Расина и Корнеля, были русскими только по именамъ. Въ Димитріи Самозванцѣ бояре XVII вѣка являлись въ пудрѣ и бритыми. Борода считалась неприличной на сценѣ. Вотъ точное описаніе внѣшности «перваго Россійскаго актера» Дмитревскаго въ главной роли Димитрія. Дмитревскій

являлся «съ маленькими усиками, написанными тушью, въ пудрѣ, незавитыхъ волосахъ, перевязанныхъ на затылкѣ черною лентой съ бантомъ, что называлось тогда queue de renard. На немъ была шапка съ горностаевымъ околышемъ, съ висящею бархатной алою тульею и съ большою бусовой кистью, и золотое глазетовое полукафтанье съ загнутыми полами на маленькихъ бочкахъ или фижмахъ»! И никто не находилъ это неестественнымъ, хотя среди зрителей, безъ сомнѣнія, находились многіе, хорошо помнившіе величавыхъ и сановитыхъ бояръ до-петровскаго времени съ окладистой бородой и въ красивомъ охабнѣ. Такъ мало еще требовали отъ театра правды, такъ сильно въѣлась въ умы условность! Работа автора упрощалась до послѣдней степени, а вмѣстѣ съ тѣмъ упрощалась и работа актера. Имъ не надо было вникать въ бытъ, нравы изображаемыхъ эпохъ. Все, что касалось историческихъ временныхъ и мѣстныхъ особенностей, черты національнаго характера, бытовой обстановки, своеобразіе костюмовъ и внѣшности — словомъ, все то, что придаетъ жизнь отвлеченному типу человѣка и что теперь составляетъ предметъ неустанныхъ трудовъ и прилежнаго изученія для автора и актера—все это начисто изгонялось изъ области искусства ложноклассической школой. Передъ актеромъ лежали готовыя маски, ему оставалось только выбрать подходящую, надѣть и выходить на сцену.

Но мы могли бы еще помириться съ этимъ маскарадомъ, какъ миримся со многими историческими несообразностями у Шекспира. Пусть только развернется передъ нами сама жизнь, пусть подъ неудачными костюмами двигаются и живутъ всею полнотою жизни люди. Кому придетъ въ голову мелочно придираться ко внѣшности, когда раскрывается передъ очами зрителей душа человѣка, когда проносится по ней вихрь живой, человѣческой страсти и борются люди не на животъ, а на смерть съ роковымъ сплетеніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ или съ силою собственныхъ неудержимыхъ стремленій. Но разъ допущенная во имя приличій ложь во внѣшности была только слабымъ отраженіемъ глубокой внутренней лжи, разъѣдавшей ложноклассическую школу. Правда сдвинулась съ своего верховнаго мѣста и въ ея права вступили требованія придворнаго этикета. На сценѣ, гдѣ ради этого этикета изгонялась со сцены борода и дикіе германцы являлись въ воротникахъ съ брыжжами à la Medicis, гдѣ безъ ужаса нельзя было помыслить о томъ, чтобы «лицо въ порфирѣ снизошло до такой низкой повседневности, какъ обѣдъ»—на такой сценѣ было немыслимо свободное проявленіе чувства. Всякое исходящее прямо отъ сердца рыданіе звучало здѣсь грубымъ диссонансомъ, нарушая гладкое и ровное теченіе придворной жизни. Было сказано, что расиновскіе Ахиллы и Агамемноны по костюму скорѣе французскіе маркизы, но на самомъ дѣлѣ они не были и замаскированными маркизами, потому что эти маркизы могли служить богатой поживой развѣ для сатирической кисти комика. Но трагическому котурну и кинжалу Мельпомены не было простора тамъ, гдѣ все было такъ пусто, мелочно и натянуто. Художникъ, въ которомъ жило еще чувство правды, не могъ ихъ взять себѣ въ герои, но ихъ понятія, ихъ нравы, привычки и взгляды не могли не отразиться на произведеніяхъ, которыя писались для нихъ же и растлили созданія ложноклассическихъ поэтовъ. У поэтовъ—мы говоримъ здѣсь, конечно, не объ отдѣльныхъ талантахъ, а объ общей совокупности ложноклассическихъ произведеній—вмѣсто сильныхъ и сжатыхъ выраженій, въ которыхъ прорывается искреннее чувство, вмѣсто истинно-патетическихъ монологовъ явился подогрѣтый жаръ, подъ которымъ скрывалось одно холодное резонерство. Мать въ минуту, когда у ней отнимали дочь, разсыпалась въ длинныхъ монологахъ о высокомъ назначеніи матери вообще, любовникъ имѣлъ настолько духу или вѣрнѣе бездушія, чтобы читать надъ трупомъ своей возлюбленной нравоучительныя сентенціи и жаловаться на тщету міра. Дѣйствующія лица, поставленныя въ то или другое драматическое положеніе, не дѣйствовали, а только разсуждали о своемъ положеніи, точно посторонніе люди. Вмѣсто живыхъ людей на сценѣ являлись олицетворенія страстей. Герои были такъ же натянуты, такъ же одноличны и одноцвѣтны, какъ подстриженныя по одному образцу деревья версальскаго парка. Не жизнь съ ея страстями изображалась на сценѣ, а только представлялись безжизненныя сухія схемы человѣческихъ отношеній. Разсудочность, этотъ непримиримый врагъ непосредственнаго чувства, мертвящимъ вихремъ пронеслась по трагической сценѣ. Но такъ чарующе дѣйствовало чудное благозвучіе удивительныхъ стиховъ, замыкающихся звонкой риѳмой, что, даже много лѣтъ спустя, люди, которымъ не было дѣла до требованій придворнаго этикета, за этой обворожающей слухъ музыкой не замѣчали прикрытаго ею холоднаго резонерства; а для любопытства и занимательности ложноклассицизмомъ были пущены въ ходъ всѣ средства, обыкновенно употребляемыя для выраженія страсти, когда въ ней чувствуется недостатокъ: — внѣшніе эффекты, напряженная приподнятость рѣчи и положеній, запутанность искусственно построеннаго дѣйствія. Ложноклассическая школа была лживой въ своемъ основаніи, но ея ложь прикрывалась всѣми приманками внѣшняго блеска. Оттого-то такъ скоро и такъ не въ мѣру мы ею увлеклись, а теперь, когда разглядѣли ея

внутреннюю сущность, также скоро и также не въ мѣру ее развѣнчали и забросили.

Что касается до русской вѣтви ложноклассической школы, то надо сознаться, что она была худшею изъ всѣхъ другихъ. Собственно русскаго въ ней не было ничего, кромѣ русскихъ историческихъ именъ, да двухъ-трехъ патріотическихъ стиховъ. Сумароковъ, кажется, самъ, несмотря на свое самомнѣніе, косвенно сознавался, что онъ не болѣе, какъ подражатель, хвастаясь тѣмъ, что «явилъ Расиновъ театръ Россамъ». Но личныя свойства дарованія отца нашего ложноклассицизма не могли не отозваться на его трагедіяхъ извѣстной своеобразностью. Но какою своеобразностью! Сумароковъ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и талантливѣйшихъ русскихъ писателей, котораго мы, къ нашему позору, совершенно забыли и даже причислили къ бездарностямъ; но онъ не родился трагикомъ. Живой, раздражительный, желчный, отзывчивый на все, съ сатирическимъ складомъ ума, онъ былъ единственнымъ въ свое время публицистомъ, смѣлымъ сатирикомъ, который не даромъ заслужилъ имя «бича пороковъ». Но чуткій ко всякимъ диссонансамъ, онъ не имѣлъ никакого чутья положительныхъ сторонъ жизни и не былъ психологомъ. Отъ этого уродливыя отклоненія ложноклассицизма отъ жизненной правды на русской сценѣ стали еще уродливѣе. Намъ нельзя останавливаться подробно на трагедіяхъ Сумарокова, но кто хочетъ узнать, какъ криво отражало зеркало нашей ложноклассической школы дѣйствительность, пусть прочтетъ сумароковскаго Гамлета и сравнитъ его съ Гамлетомъ Шекспира. Вотъ монологъ Гамлета, которымъ открывается трагедія:

Смутился духъ во мнѣ. О нощь! о страшный сонъ!
Ступайте изъ ума любезны взоры вонъ!
Наполни яростью, о сердце! нѣжны мысли
И днесь между враговъ Офелію мнѣ числи!
Офелію... увы! едино имя то
Преобращаетъ все намѣренье въ ничто
И нудитъ во умѣ загладить ужасъ ночи.
Что-жь сдѣлаютъ потомъ ея драгія очи!
О долгъ, преодолѣй любовь и красоту!
Остави счастливымъ пріятну суету!
Отрыгни мнѣ теперь тирановъ гнусныхъ злоба,
Свирѣпство къ должности, на жертву къ мѣсту гроба,
Гдѣ царь мой и отецъ себѣ отмщенья ждетъ!

Куда дѣвался глубокій жизненный смыслъ шекспировской драмы, заключенный въ лицѣ Гамлета? Это обычный ходульный любовникъ ложноклассическихъ трагедій, всѣ монологи котораго не болѣе, какъ разбавленныя водой варіаціи на одну и ту-же тему борьбы между долгомъ и страстью «о должность, о любовь!». Въ такихъ-же ходульныхъ героевъ преобразились и всѣ другія лица драмы. Клавдій—это ложноклассическій злодѣй. У Сумарокова ему мало, что онъ убилъ короля и женился на Гертрудѣ; теперь по уговорамъ Полонія онъ помышляетъ уже объ убійствѣ Гертруды и женитьбѣ на Офеліи, являясь такимъ образомъ соперникомъ Гамлета. Въ лицѣ Полонія вмѣсто типа увертливаго и пустаго царедворца передъ нами какое-то исчадіе ада: онъ участвовалъ въ убійствѣ короля, онъ подговариваетъ Клавдія убить Гертруду и наконецъ онъ же замышляетъ низвергнуть короля и самому возсѣсть на его престолъ. Офелія вмѣсто поэтической и граціозной дѣвушки—какая-то деревянная и добродѣтельная кукла, которая даже въ минуту, когда узнаетъ о смерти отца, не находитъ иныхъ словъ, какъ нижеслѣдующія:

Я все исполнила, что дщери надлежало:
Ты само небо днесь Полонья покарало!
Ты, Боже мой, ему былъ долготерпѣливъ!
Я чту судьбы твои! твой гнѣвъ есть справедливъ.
Ступай мой князь во храмъ, яви себя въ народѣ,
А я пойду отдать послѣдній долгъ природѣ.

Пройдемъ мелькомъ неудачные и смѣшные стихи: въ свое время они были и звучны и хороши. Но какимъ бездушнымъ холодомъ вѣетъ отъ Сумароковской героини! Въ этомъ полное осужденіе русской ложноклассической школы, да и вообще ложноклассицизма. Схематичность и холодное резонерство вмѣстѣ съ искуственной напряженностью и дѣланными эффектами—вотъ его главныя черты. Не даромъ французскіе актеры и доселѣ славятся по преимуществу особенно выработанной декламаціей и эффектностью игры: это ихъ историческое наслѣдіе. Таковы же были свойства и русскаго сценическаго ложноклассицизма. Это подтверждаетъ ближайшее разсмотрѣніе дѣятельности нашихъ артистовъ-ложноклассиковъ. Но прежде мы должны еще поговорить о ложноклассической комедіи.

Комедія, имѣя дѣло съ обыденной дѣйствительностью, уже по одному этому должна была подвергнуться меньшему искаженію, чѣмъ трагедія. Но мертвящія рамки ложноклассической теоріи сказались и на ней. Вмѣсто художественнаго воспроизведенія дѣйствительности, она свелась къ иллюстрированію примѣрами разныхъ истинъ прописной морали.

Свойство комедіи надѣвкой править нравъ,
Смѣшить и пользовать прямой ея уставъ.—

сказано въ русскомъ эстетическомъ кодексѣ ложноклассицизма, сумароковской эпистолѣ о стихотворствѣ. Нравоучительныя тенденціи такъ-же расхолодили комедію, какъ многорѣчивыя разсужденія—трагедію. И тамъ и здѣсь было царство общихъ мѣстъ. Только тамъ олицетворялись страсти, здѣсь пороки. Лучшіе комики создали разъ условныя комическія маски, разныхъ Арлекиновъ, Пасквиновъ, Маскарильей, Жоделетовъ и т. п., а затѣмъ другіе кроили по этому

шаблону уже всѣ на одинъ ладъ, и безъ измѣненій своихъ героевъ. Комедія оцѣпенѣла въ однихъ формахъ и теорія уже прямо предписывала поэту изображать извѣстные типы, предоставляя ему только выборъ:

Представь бездушнаго подъячаго въ приказѣ,
Судью что не пойметъ, что писано въ указѣ.
Представь мнѣ щеголя, кто, чѣмъ вздымаетъ носъ,
Что цѣлый мыслитъ вѣкъ о красотѣ волосъ:
Который родился, какъ мнитъ онъ, для амуру;
Чтобъ гдѣ-нибудь къ себѣ склонить такую-жъ дуру.
Представь латинщика на диспутѣ его,
Который не совретъ безъ *ерго* ничего.
Представь мнѣ гордаго, раздута, какъ лягушку,
Скупаго, что готовъ въ удавку за полушку,
Представь картежника и т. д.

Геніальные художники, какъ Мольеръ, успѣвали и въ этихъ стѣснительныхъ рамкахъ создавать художественныя произведенія, хотя и на Мольерѣ отпечатлѣлось пагубное вліяніе теоріи. Въ произведеніяхъ-же талантовъ среднихъ оно вызвало самыя уродливыя искаженія. Изъ Сумарокова, который далъ намъ первые образцы и въ комедіи, какъ въ трагедіи, въ силу вышеуказанныхъ свойствъ его дарованія, могъ-бы выработаться замѣчательный комикъ. Но, къ сожалѣнію, онъ къ своимъ комедіямъ относился небрежно, писалъ ихъ чуть не въ одинъ присѣстъ и больше заботился объ ихъ поучительности, чѣмъ правдивости. Его художественные пріемы до того примитивны, что мошенникъ, выходя на сцену, самъ-же себя коритъ и поноситъ, какъ мошенника. Его лица—ходячія куклы съ нацѣпленными на нихъ, для большей ясности, ярлыками: лихоимецъ, модница, петиметръ, подъячій, рогоносецъ, педантъ. Дѣйствіе происходитъ внѣ времени и мѣста, и хотя въ текстѣ говорится про Россію и русскихъ, но эти русскіе зовутся: Клитандрами, Дорантами, Размаринами, Финеттами и т. п., и ихъ свадьбы, хотя и въ Россіи, но совершаются при помощи нотаріусовъ. Можно себѣ представить положеніе актеровъ призванныхъ изображать такихъ Финнетъ и Пасквиновъ! Можно-ли говорить здѣсь о жизненности, о вѣрности изображенія, о какомъ-бы то ни было сходствѣ съ дѣйствительностью. Слово „естественность“ оставалось безъ примѣненія. Актеры, какъ и авторъ, коснѣли въ условныхъ формахъ; въ костюмѣ, гримѣ и игрѣ руководствовались однимъ, разъ выработаннымъ, шаблономъ, и, припоминая, что дѣлалось въ трагедіи, легко было-бы счесть положеніе русской сцены безотраднымъ, если-бъ не одна особенность сумароковской комедіи, заключавшая въ себѣ плодотворный зародышъ лучшаго будущаго. По выраженію князя Вяземскаго, представляя собой не дѣйствіе въ разговорѣ, а разговоръ въ дѣйствіи, эта комедія, не создавъ живыхъ лицъ и характеровъ, дала уже образцы живаго комическаго діалога. Въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ, иногда имъ вовсе не приставшихъ и очень неумѣстныхъ съ точки зрѣнія интриги комедіи, но всегда исполненныхъ своеобразнаго остроумія, Сумароковъ задѣвалъ самыя разнообразныя язвы русской жизни—лихоимство, крючкотворство подъячихъ, злоупотребленіе помѣщичьей властью, и тутъ уже ясно и значительно пробивалась сквозь рамки теоріи дѣйствительная русская жизнь, тутъ отпечатлѣлся весь неголующій пылъ писателя и сатирическій складъ его ума. Но пусть читатель самъ убѣдится въ этомъ, прочтя слѣдующій разговоръ взбалмошной помѣщицы Бурды со слугою Розмаринымъ, въ ком. «Вздорщица».

Розмаринъ. У васъ, сударыня, умъ съ покрышкою; однако, конечно, господа всякіе есть, вѣдь и лошади не одинаковы. Иную въ карету впрягаютъ, а иную въ телѣгу... А вы слишкомъ ретивы, такъ васъ бы не только впряги куда, да и обуздать-бы было трудно, и ради того-то вы родилися человѣкомъ, а не лошадью. Когда-бы вы изуродовали возницу, будучи лошадью, такъ-бы это и пропало, потому что лошади законамъ не подчинены; хотя и люди-то не всѣ законамъ повинуются.

Бурда. Да лошадей-то и безъ вины стегаютъ.

Розмаринъ. Стегаютъ и людей безъ вины иные господа: да и продаютъ ихъ такъ-же, какъ и лошадей.

Бурда. Да вѣдь между неблагороднаго-то человѣка и лошади и разности-то не много.

Розмаринъ. Мы, сударыня, ни воронопѣгими, ни гнѣдопѣгими никогда не рождаемся, да всѣ такими-же шерстми, какими и вы, и сѣна не ѣдимъ.

Бурда. Какъ-то ни есть, да вы не дворяне.

Розмаринъ. Не дворяне, не дворяне! Будто дворянское-то имя и первое на свѣтѣ достоинство! Будто это великое тогда титло, когда я лицомъ ко ставцу сѣсть не умѣю.

Бурда. Да ты посмотри и различіе осанки нашей.

Розмаринъ. Индѣйскій-атъ пѣтухъ и васъ осанистѣе, да вѣдь не говорить-же о немъ: его высокопревосходительство.

Бурда. Индѣйскій-атъ пѣтухъ почтеннѣе холопа; они у насъ и на столахъ бываютъ, а вы стоите за нашими стульями.

Бурда и Розмаринъ не только не русскіе, это даже не люди, даже не тѣни, это только ярлыки, но діалогъ ихъ замѣчателенъ самъ по себѣ. Исполненный колкаго, хотя и немного грубоватаго, даже мѣстами плоскаго остроумія, онъ живъ, боекъ, отмѣченъ несомнѣннымъ и своеобразнымъ комизмомъ и представляетъ превосходный образчикъ матеріала, изъ котораго могла и должна была-бы создаться современная комедія и впо-

слѣдствіи и создалась. Лицъ и характеровъ исполнителямъ сумароковскихъ комедій, нашимъ первымъ комикамъ, не было возможности воспроизводить, но въ разговорахъ, подобныхъ вышецитированному, былъ широкій просторъ ихъ сатирическому комизму. Здѣсь на волѣ, не стѣсняемая никакими мертвящими правилами могла гулять русская веселость и русская пересмѣшливость, это и былъ тотъ животворный ростокъ, которому суждено было, постепенно освобождаясь и наконецъ совершенно освободившись отъ шелухи ложноклассицизма, выбиться на просторъ и дать яркіе образцы «русскаго вкуса», какъ выражались въ старину, и въ драматургіи и на сценѣ.

Сдѣлавъ это необходимое указаніе, мы можемъ теперь отъ общей характеристики сценическаго ложноклассицизма, перейти къ отдѣльнымъ его представителямъ на русской сценѣ.

Здѣсь прежде всего напрашивается имя *Федора Григорьевича Волкова* (1728—1763). Но объ игрѣ основателя русскаго театра мы знаемъ только, что ее называли геніальной и «бѣшеной». Не вдаваясь въ предположительныя объясненія этого послѣдняго эпитета, скажемъ только, что, если Волковъ и руководился въ своемъ творчествѣ какими-нибудь принципами, такъ это были принципы ложноклассицизма. Ничему другому не могъ онъ научиться, ни отъ бывшихъ кадетъ, обучавшихъ его въ корпусѣ, ни отъ общаго учителя всѣхъ нашихъ первыхъ актеровъ, Сумарокова. Но Волковъ во всякомъ случаѣ не могъ оказать большого вліянія на русское сценическое искусство своимъ личнымъ творчествомъ уже потому, что постоянно былъ отвлекаемъ разными административными дѣлами (напр. устройство театра въ Москвѣ) и дѣйствовалъ на сценѣ недолго. Устраивая въ 1763 г. коронаціонный маскарадъ въ Москвѣ, онъ схватилъ горячку и умеръ всего только 40 лѣтъ. Послѣ его смерти званіе «перваго россійскаго актера» перешло къ его ближайшему товарищу *Ивану Афонасьевичу Дмитревскому* (онъ же Дьяконовъ и Нарыковъ) (1733—1821) и пристало къ нему еще болѣе чѣмъ къ Волкову. Дмитревскій это установитель и глава нашего ложноклассицизма. Въ №№ 9 и 11 «Артиста» напечатана подробная біографія Дмитревскаго. Но даже самая общая характеристика рисуетъ Дмитревскаго въ достаточно ясномъ свѣтѣ, какъ воплощенный типъ ложноклассика.

Уже обучаясь въ корпусѣ, Дмитревскій, какъ и Волковъ, усвоилъ себѣ пріемы и правила ложноклассицизма и съ первыхъ же шаговъ былъ отмѣченъ императрицей. Когда, радѣя о нуждахъ русскаго сценическаго искусства, императрица рѣшила послать кого-нибудь за границу для ближайшаго ознакомленія съ состояніемъ тамошнихъ театровъ, выборъ палъ на него. Онъ уже до того тогда владѣлъ своимъ искусствомъ, что Лекенъ и Гаррикъ, съ которыми познакомился и подружился нашъ артистъ, были изумлены познаніями «сѣвернаго варвара». Извѣстенъ анекдотъ, какъ Дмитревскій, встрѣтившись съ Гаррикомъ, въ мигъ измѣнилъ до неузнаваемости свое лицо и походку и затѣмъ во время обѣда перепугалъ всѣхъ своимъ притворнымъ обморокомъ. Можно было бы ожидать, что, воспользовавшись сравненіемъ двухъ столь противоположныхъ сценическихъ школъ, какъ англійская и французская, онъ

Гаррика въ себѣ съ Лекеномъ съединитъ.

и приблизитъ къ правдѣ французскую манеру игры, но Гаррикъ повліялъ на него сравнительно мало. Противуполагая его Лекену, онъ высока отзывался о немъ, какъ о «комедіантѣ больше, чѣмъ какъ объ актерѣ», какъ о «подражателѣ низкой, обыкновенной природѣ». Замѣчаніе характеристичное для оцѣнки результатовъ заграничной поѣздки Дмитревскаго. Онъ воротился уже вполнѣ образовавшимся актеромъ, во всеоружіи современныхъ пріемовъ искусства, но искусства французскаго и актеромъ ложноклассическимъ. День 16 ноября 1766 года, когда, надо думать, Дмитревскій впервые по возвращеніи выступилъ передъ русской публикой и до того, можно сказать, ошеломилъ зрителей эффектной и искусной своей игрой, что всѣ остались, по выраженію Сумарокова, «имъ плѣнны»,—знаменателенъ въ лѣтописяхъ русской сцены. Въ этотъ вечеръ была рѣшена ея судьба, и отнынѣ ложноклассицизмъ воцарился здѣсь невозбранно и надолго. Дмитревскій, съ этихъ поръ ставшій непререкаемымъ авторитетомъ для всѣхъ, уже не измѣнялъ себѣ. Онъ какъ вышелъ на сцену, такъ и сошелъ съ нея (а игралъ онъ почти до самаго конца столѣтія) ложноклассикомъ. Даже въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда псевдоклассицизмъ и на сценѣ и въ литературѣ былъ значительно поколебленъ, а первый его насадитель у насъ, Сумароковъ, болѣе или менѣе развѣнчанъ, Дмитревскій остался вѣренъ художественнымъ преданіямъ своей юности, на которыхъ зиждилась вся его дѣятельность. Въ 1807 году происходило торжественное засѣданіе Императорской Россійской Академіи, и онъ читалъ свое похвальное слово Сумарокову. Въ коричневомъ кафтанѣ французскаго покроя, въ брыжжахъ и манжетахъ, сѣдой, какъ лунь, старикъ, онъ глядѣлъ выходцемъ изъ другаго, уже минувшаговѣка, и также стародавни, ветхи были понятія и взгляды, имъ развиваемые: «Какое пространное поле красотъ стихотворческихъ открывается намъ въ сихъ трагедіяхъ! (т.-е. трагедіяхъ Сумарокова). Какое богатство высокихъ и великихъ мыслей! Какое обиліе различныхъ свойствъ (характеровъ) въ дѣйствующихъ лицахъ! Какое множество поразительныхъ картинъ, изображающихъ дѣянія и страсти! Повсюду видны рѣзкія черты смѣлой кисти списателя природы;

повсюду блещетъ вкусъ и остроуміе сочинителя, вездѣ поучаетъ и возбуждаетъ къ добродѣтели, вездѣ намѣреніе, размѣры и порядокъ, вездѣ красота и удивленіе; вездѣ польза и истина; вездѣ преславный стихотворецъ, вездѣ видѣнъ Сумароковъ!»[1]) Въ этой хвалѣ слышится не одна дань личной признательности памяти покойнаго друга, но и сочувствіе единомышленника. Ни время, ни новыя вѣянія въ литературѣ, ни громадный успѣхъ и даже побѣда новаго теченія на сценѣ, ничто не поколебало артиста въ его воззрѣніяхъ на искусство. Эта стойкость свидѣтельствуетъ, что убѣжденія были нахватаны имъ не на-лету, услышаны и восприняты не мимоходомъ, но явились плодомъ долгаго воспитанія; а съ другой стороны она объясняется и особенностью творческихъ данныхъ Дмитревскаго. Актеръ холодный, разсудочный, не знавшій, что такое всемогущій охватъ непосредственнаго вдохновенія, онъ, если можно такъ сказать, родился ложноклассикомъ. Въ Сумароковѣ ему особенно нравились «внезапности» его трагедій, напр. колокольный звонъ въ V дѣйствіи «Дмитрія Самозванца». Недаромъ онъ былъ обязанъ такимъ «внезапностямъ» своей славой; въ трагедіи его лучшими ролями были тѣ, гдѣ давался просторъ для эффектовъ внѣшнихъ, которыми можно ошеломить зрителя, замаскировать недостатокъ внутренняго жара; въ комедіи ему особенно удавались роли резонеровъ (Стародумъ) или опять такія, гдѣ онъ могъ удивить технической ловкостью, напримѣръ, роль Амфитріона, гдѣ, перемѣнивъ красный платокъ на бѣлый, онъ становился уже не узнаваемымъ. Такимъ образомъ сильное развитіе декламаціи, искусство чтенія, внѣшніе эффекты и совершенство техники — вотъ главныя свойства его, какъ актера, и въ то-же время хорошо намъ извѣстныя свойства вообще сценическаго ложноклассицизма.

Но какъ-бы не судить Дмитревскаго, какъ актера, нельзя быть ему довольно благодарнымъ за его услуги по истинѣ великія русскому сценическому искусству. По возвращеніи изъ-за границы онъ устроилъ порядокъ на русской сценѣ цѣлымъ рядомъ мѣропріятій, изъ которыхъ, можетъ быть, самымъ незначительнымъ было введенное имъ раздѣленіе на амплуа (тоже одно изъ наслѣдій ложноклассицизма), а самымъ большимъ и плодотворнѣйшимъ созданіе театральной школы и въ прямомъ и въ переносномъ значеніи этого слова. До Дмитревскаго, т. е. до того времени, пока онъ сталъ во главѣ театральнаго дѣла, у насъ играли, какъ Богъ на душу положитъ, выходили на сцену едва выучась самымъ элементарнымъ сценическимъ пріемамъ. Дмитревскій первый уяснилъ высоту задачъ художника, первый показалъ, что искусство — не ремесло и что истинное творчество немыслимо безъ опредѣленныхъ, строго выработанныхъ художественныхъ воззрѣній, онъ первый далъ и образецъ исполненія, основаннаго на извѣстныхъ художественныхъ принципахъ. Эти принципы, положенные имъ въ основу первой русской сценической школы, были его постоянной заботой. Ихъ онъ проповѣдывалъ съ учительской каѳедры, ихъ онъ вкоренялъ въ другихъ и косвенно — авторитетомъ личнаго сценическаго творчества, которое длилось ровно полвѣка и даже болѣе, если считать за его крайній, предѣльный пунктъ появленіе Дмитревскаго на сценѣ въ 1812 году. И пусть эти принципы мы теперь осуждаемъ, но важно уже было провозглашеніе необходимости какихъ-бы то ни было принциповъ. Образованіе давало опорную точку, отправляясь отъ которой артисты могли сами совершенствовать свои пріемы и идти далѣе. Многіе изъ учениковъ Дмитревскаго и пошли, какъ увидимъ, далѣе. За это — великой благодарностью обязаны мы артисту. Онъ по праву пользуется именемъ патріарха русской актерской семьи.

Среди старѣйшихъ членовъ этой семьи, составляющихъ группу чистыхъ ложноклассиковъ, ближе всѣхъ къ Дмитревскому имя *Татьяны Михайловны Троепольской*, его постоянной партнерши въ трагедіи. Біографія Троепольской очень запутанна, но вотъ что несомненно. Одна изъ первыхъ русскихъ женщинъ, рѣшившихся вступить на сцену (какъ извѣстно, въ началѣ женскія роли исполнялись мужчинами и, между прочимъ, самъ Дмитревскій игралъ Оснельду), ровесница русскаго театра. Троепольская столько-же принадлежала Петербургу, сколько и Москвѣ и тамъ и здѣсь первенствовала среди женскаго персонала, играя въ комедіи молодыхъ любовницъ, а въ трагедіи принцессъ. Звучный ея голосъ и величественная красота обаятельно дѣйствовали, и за ней осталось прозваніе русской Госсенъ. Даже личныя особенности ея дарованія — излишняя горячность и аффектація, какъ ея необходимое слѣдствіе, считались въ свое время достоинствами и были совершенно въ духѣ ложноклассицизма. Оттого Сумароковъ, въ трагедіяхъ котораго она создала всѣхъ героинь, начиная съ Оснельды и кончая Ольгой, глубоко уважалъ ея талантъ и послѣ Дмитревскаго только она одна изъ современныхъ художниковъ удостоилась отъ строгаго цѣнителя искусства похвалы въ особомъ стихотвореніи на представленіи 16 ноября 1766 года Синава, гдѣ она исполняла Ильмену:

Достойно Росскую Ильмену ты сыграла.
Россія на нее, слезъ токъ лія, взирала
И зрѣла, какъ она, страдая, умирала.
Пуская Дмитревскій вздыханіе и стонъ,
Явилъ Петрополю красы котурна онъ.
Проснулся и пришелъ на Невскій брегъ
Баронъ.

[1]) Слово похвальное А. П. Сумарокову. СПБ. 1807 г., стр. 16.

А ты съ пріятностью прелестныя Венеры,
Старалась превзойти похвалъ народныхъ мѣры,
Достигни имени преславной Лекувреры.

Очевидно, Троепольская вполнѣ удовлетворяла насквозь пропитанному ложноклассицизмомъ эстетическому вкусу русскаго Расина. Ея дѣятельность и прекратилась почти одновременно съ дѣятельностью Сумарокова. Послѣднимъ созданіемъ артистки была роль Ольги въ послѣдней-же трагедіи Сумарокова «Мстиславъ». 16 мая 1774 г. она съиграла ее, а 23 ужь ея не стало. Она скончалась отъ чахотки [1]). Сумароковъ оплакалъ смерть своей любимицы въ посланіи къ Дмитревскому, гдѣ есть, кажется, указанія и на ту, которая стала преемницей Троепольской на сценѣ петербургскаго театра. на *Елисавету Ѳедоровну Иванову*:

Ужь Троепольской нѣтъ, сей новыя Ильмены.
Елиза да живетъ на свѣтѣ больше лѣтъ;
Она осталася, но Троепольской нѣтъ.
Живущія игрой къ увеселенью свѣта:
Ей память вѣчная, Елизѣ многи лѣта!
Да веселитъ она игрою нашъ народъ,
И чтобы міръ изрекъ: Елизѣ сотый годъ.

Иванова, которую Араповъ называетъ московской актрисой, вѣроятно, потому-что она начала свое поприще въ Москвѣ, обратила на себя вниманіе ролью Евгеніи 18 мая 1770 г. [2]), но, несмотря на лестный отзывъ Сумарокова, она не замѣнила покойницы, хотя почти до самаго конца столѣтія числилась во главѣ труппы (въ сент. 1797 г. она еще играла графиню въ др. «Ненависть къ людямъ и раскаяніе»). Когда она сошла со сцены неизвѣстно.

Какъ Троепольская и Иванова въ Петербургѣ, въ Москвѣ, гдѣ, несмотря на частыя смѣны антрепренеровъ, всегда существовала болѣе или менѣе постоянная труппа, первенствовали Синявская и Калиграфова. *Марья Степановна Синявская* была среднею изъ трехъ сестеръ Синявскихъ, украшавшихъ московскую сцену. (Старшая, Александра, играла старыхъ барынь, младшая, Ульяна, о которой въ лестныхъ выраженіяхъ въ своемъ Московскомъ Журналѣ отзывался Карамзинъ,— любовницъ въ трагедіи и комедіи, между прочимъ Эмилію Галлоти). Начало ея дѣятельности въ точности неизвѣстно, но въ хроникѣ Носова Синявская появляется уже съ 1767 года въ числѣ актрисъ труппы Титова, будто-бы приготовленныхъ къ сценѣ Дмитревскимъ и Троепольской. Это извѣстіе нуждается однако въ подтвержденіи. Во всякомъ случаѣ въ 70-хъ годахъ Синявская блистала на московскомъ театрѣ уже звѣздою первой величины. Очень красивая, съ голосомъ выразительнымъ и вмѣстѣ пріятнымъ она особенно прославилась ролью Дидоны, гдѣ и лицо ея и голосъ, и жесты все дышало, по словамъ современниковъ, чисто южною страстью. Впослѣдствіи Синявская вышла замужъ за полезнаго актера на роли злодѣевъ и резонеровъ, Николая Даниловича Сахарова и перешла съ нимъ въ Петербургъ, гдѣ играла до десятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, подъ конецъ исполняя уже наперсницъ. Театралы новаго вѣка не особенно были довольны знаменитостью временъ Очаковскихъ. и злостный Вигель говорилъ, что въ Дидонѣ она выглядѣла настоящей дородной симбирской помѣщицей, помѣшавшейся на декламаціи. Но ручательство большаго дарованія Синявской—компетентные отзывы Карамзина, который хвалилъ ея великое «искусство» въ роляхъ графини Орсино и Химены.—Подруга Синявской по сценѣ, *Надежда Ѳедоровна Калиграфова* славилась особенно въ роляхъ женщинъ злобныхъ и коварныхъ. На сценѣ она являлась настоящимъ исчадіемъ ада, олицетворенной фуріей. Мистрисъ Марвудъ и Медея—ея созданія. Одностороннее. хотя и большое, дарованіе Калиграфовой не могло развиться по недостатку въ современномъ репертуарѣ соотвѣтственныхъ ролей. Она кончила свою карьеру въ Петербургѣ въ первыхъ годахъ новаго вѣка и умерла въ Москвѣ въ 1813 г. [1]).

Мужъ Калиграфовой *Иванъ Ивановичъ Калиграфъ* (настоящая фамилія Ивановъ) былъ первымъ трагическимъ актеромъ на московской сценѣ. Воспитанникъ Московскаго Университета, богато одаренный талантомъ, онъ въ роли Дмитрія Самозванца, по отзывамъ старыхъ актеровъ, превосходилъ самого Дмитревскаго. Краткость его поприща, безвременно прерваннаго въ 1780 г. кончиной его вскорѣ послѣ пожара театра на Знаменкѣ, случившагося въ самый день представленія «Дмитрія Самозванца», не помѣшала ему занести свое имя въ исторію русской сцены и своимъ личнымъ творчествомъ и образованіемъ замѣчательнаго таланта Крутицкаго. По смерти Калиграфа его роли занялъ Плавильщиковъ, о которомъ будетъ рѣчь впереди, и перешедшій въ началѣ 80-хъ годовъ (1783) изъ Петербурга *Иванъ Ѳедоровичъ Лапинъ*, актеръ умный, образованный (въ штатѣ 1767 г. онъ значится воспитанникомъ Академіи Художествъ) и съ дарованіемъ, но не самостоятельнымъ. Ученикъ Дмитревскаго, онъ на сценѣ былъ точ-

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой артисткѣ желающіе могутъ найти въ Русск. Арх. 1887 г. кн. 11, въ составленномъ мною біографическомъ очеркѣ Троепольской.

[2]) Хроника Носова, не упоминая о днѣ дебюта Ивановой, числитъ ее среди петербургскихъ актрисъ съ сентября 1769 г., а м. б. и ранѣе съ 1767 (стр. 285) и постоянно обозначаетъ иниціалами Алек. Ф., что во всякомъ случаѣ невѣрно. Имя Ивановой засвидѣтельствовано современнымъ источникомъ-журналомъ Russische Theatralien. См. „Артистъ“, № 7. 1890 г.

[1]) О Калиграфовой и Синявской см. въ статьѣ моей: „Я. Е. Шушеринъ“ въ Рус. Архивѣ 1890 г. № 5.

ной копіей своего учителя и въ игрѣ его, даже въ девяностыхъ годахъ, когда уже на сценѣ царили новыя теченія, сохранились въ чистомъ видѣ строгія традиціи стариннаго ложноклассицизма.

Лапинымъ такимъ образомъ совершенно естественно замыкается рядъ ложноклассическихъ трагиковъ сумароковскаго періода. Отъ нихъ совершенно особую по художественному значенію группу составляютъ артисты съ дарованіемъ исключительно комическимъ, во главѣ которыхъ по старшинству и таланту стоитъ малороссъ по происхожденію и цирюльникъ по ремеслу, *Яковъ Шумскій*.

Шумскаго обыкновенно считаютъ товарищемъ Волкова и говорятъ, что онъ былъ въ числѣ ярославскихъ комедіантовъ, помѣщенныхъ на обученіе въ кадетскій корпусъ, но, если первое подвержено сомнѣнію, то второе, безъ сомнѣнія, невѣрно. Въ спискѣ комедіантовъ, принятыхъ въ корпусъ въ теченіе 1752—1754 гг., напечатанномъ въ книгѣ Карабанова, его нѣтъ. Лопгиновъ[1]) полагаетъ, что онъ былъ опредѣленъ въ труппу со стороны, въ 1756 г., а ранѣе только практиковался въ Головкинскомъ домѣ вмѣстѣ съ Дмитревскимъ и др. Носовъ называетъ его ученикомъ Мелиссино. Какъ-бы то ни было онъ игралъ на петербургской сценѣ съ самаго ея открытія и въ 1759 году былъ назначенъ помощникомъ къ Волкову для устройства театра въ Москвѣ, откуда вернулся въ началѣ 60-хъ годовъ снова въ Петербургъ, гдѣ уже неизмѣнно игралъ почти до конца столѣтія и создалъ всѣ лучшія свои роли, между которыми блистаютъ Созія въ «Игрокѣ» [2]) и мама Еремѣевна въ «Недорослѣ». Послѣднее упоминаніе о Шумскомъ относится къ 1811 году, когда его видѣлъ у своего пріятеля, знаменитаго Шушерина, Аксаковъ [1]). Несмотря на свои болѣе чѣмъ сто лѣтъ, Шумскій выглядывалъ, хотя и маленькимъ, худенькимъ и сѣденькимъ, но все-же крѣпкимъ старичкомъ. Рѣчь его была жива, отрывиста, онъ самъ веселъ и словоохотливъ. Въ это время онъ уже давно не служилъ, жилъ по петергофской дорогѣ невдалекѣ отъ Петербурга и являлся въ городъ только за пенсіей. Въ 1820 году громкая нѣкогда слава Шумскаго оживилась на сценѣ водевилемъ князя Шаховскаго «Актеръ на родинѣ», гдѣ выводится знаменитый актеръ, пріѣхавшимъ на родину въ Украйну и прекращающимъ тамъ семейные раздоры. Онъ поетъ здѣсь:

Актеръ не пропадетъ нигдѣ.
И кто же Шумскаго не знаетъ;
Веселый мой талантъ вездѣ
Мнѣ двери настежъ растворяетъ.
Гдѣ появлюсь, всѣ шепчутъ въ мигъ:
Вотъ Шумскій! какъ онъ милъ, забавенъ!
Смѣялся и смѣшилъ другихъ,
Онъ сдѣлался не въ шутку славенъ [2]).

Яковъ Шумскій.

Немного позднѣе Шумскаго въ сообществѣ съ Троспольской и Поповымъ (актеръ на роляхъ франтовъ) вывелъ и Хмѣльницкій въ своей ком. «Актеры между собой», и затѣмъ уже въ наши дни подъ его фамиліей завоевалъ себѣ славу еще недавно украшавшій московскую Малую сцену Сергѣй Васильевичъ Чесноковъ.—Я. Шумскій, по словамъ Шушерина, былъ талантъ необыкновенный и, прибавимъ, совершенно самородный. Дмитревскій, который, какъ извѣстно, былъ и трагикъ и комикъ, въ комическія роли вносилъ такъ-же, какъ и въ трагическія, холодъ своей разсудочности. Комизмъ Шумскаго былъ исключительнѣе, непосредственнѣе, ярче, смѣлѣе, онъ ключемъ пробивался сквозь всѣ условныя рамки, и оттого въ игрѣ Шумскаго было, можетъ-быть, столько жизненности и живучести, какъ ни у кого.

[1]) „Русскій театръ“, стр. 9.

[2]) При отдѣльномъ изданіи этой пьесы приложенъ портретъ Шумскаго въ роли Созіи, съ котораго снимокъ мы здѣсь помѣщаемъ.

[1]) Сем. Хр. 464—466.

[2]) „Актеръ на родинѣ“, изд. 1822, стр. 22.

Въ этомъ—значеніе его дѣятельности, бывшей среди рутины ложноклассицизма тѣмъ-же живымъ, плодотворнымъ росткомъ, какимъ въ литературѣ вышеуказанныя особенности Сумароковской комедіи. Онъ пошелъ даже далѣе Сумарокова и достигъ нѣкотораго творчества характеровъ или по крайней мѣрѣ типовъ. Занимая важное въ старину амплуа слугъ, гдѣ было раздолье его веселости, онъ изъ обмолвокъ и намековъ съумѣлъ воспроизвести на сценѣ лицо подъячаго и, говорятъ, неподражаемо игралъ евреевъ. Такимъ образомъ въ дѣятельности Шумскаго мы впервые въ исторіи сценическаго искусства встрѣчаемся съ наглядным фактомъ воздѣйствія актера на драматургію. Вспомнимъ знаменательныя слова біографа Фонъ-Визина, кн. Вяземскаго: «Можетъ-быть встрѣчѣ съ Ломоносовымъ и смѣху, порожденному игрою Шумскаго, мы обязаны, что имѣемъ въ Фонъ-Визинѣ писателя и отъ него хорошія комедіи? Во всякомъ случаѣ путь, по которому пошло дальнѣйшее развитіе русской комедіи,—созданіе изъ необработаннаго матеріала, указаннаго Сумароковымъ, типовъ—этотъ путь былъ указанъ Шумскимъ.

Роль и значеніе Шумскаго въ большей или меньшей степени раздѣляютъ и другіе замѣчательные комики прошлаго вѣка—его современники московскіе актеры Базилевичъ и Ожогинъ, а изъ женщинъ Михайлова и, пожалуй, Дмитревская. Соберемъ о нихъ оставшіяся свѣдѣнія. *Базилевичъ* игралъ на московскомъ театрѣ съ самого его основанія, когда онъ былъ еще тѣсно связанъ съ университетомъ, и знаменитъ ролью Созія въ «Игрокѣ»; онъ наѣзжалъ на гастроли и въ Петербургъ въ царствованіе Екатерины и, надо думать, окончилъ свою карьеру еще въ 70-хъ или 80-хъ годахъ прошлаго вѣка. Что касается до *Андрея Гавриловича Ожогина*, онъ принадлежалъ къ числу первыхъ актеровъ труппы Титова, слѣдовательно началъ играть съ половины 60-хъ годовъ прошлаго вѣка (1766), а извѣстность пріобрѣлъ ролью лѣсника Семена въ пьесѣ Николева «Розана и Любимъ». Это былъ неподражаемый комикъ-буффъ, смѣшившій до упаду, какъ впослѣдствіи Живокини. Помѣщики, говоритъ преданіе, изъ дальнихъ губерній пріѣзжали посмотрѣть на игру Ожогина. Его лицевые мускулы были до того развиты, что онъ умѣлъ одновременно одной половиной лица плакать, другой хохотать. Но, моря со смѣху, Ожогинъ создавалъ, насколько это было въ то время возможно, и комическіе характеры, напримѣръ сваху въ «Лебедянской ярмаркѣ» и особенно Мельника, а въ «Недорослѣ» игралъ до того правдиво Еремѣевну, что многіе бились объ закладъ, что передъ ними старуха и—проигрывали. Еще въ 1803 году Ожогинъ игралъ въ «Русалкѣ» Тарабара. Годъ его смерти – намъ неизвѣстенъ, какъ и время кончины Шумскаго и Базилевича. — *Агриппина Михайловна Мусина-Пушкина*, впослѣдствіи, *Дмитревская*, вмѣстѣ съ *Авдотьей Михайловной Михайловой*, какъ и Троепольская были обѣ изъ числа первыхъ русскихъ актрисъ. Дмитревская 14—16 лѣтней дѣвушкой вступила на сцену (она родилась 6 іюня 1760 г.). Любимая актриса императрицы Елисаветы, она соединяла съ ролями первыхъ служанокъ въ комедіи роли королевъ въ трагедіи и прослужила на сценѣ около 30 лѣтъ, скончавшись 20 іюля 1782 года. Болѣе продолжительна и, кажется, болѣе значительна была служба Михайловой, которая, какъ говорятъ, начала свою дѣятельность въ Москвѣ и только въ началѣ 60-хъ годовъ перешла въ Петербургъ. Въ молодости Михайлова играла служанокъ и молодыхъ любовницъ въ комедіи или трагедіи, но затѣмъ постепенно перешла на характерныя комическія роли, создала типъ модницы и была первой исполнительницей Простаковой. Всѣ главныя роли въ произведеніяхъ комиковъ прошлаго вѣка, начиная съ Сумарокова и кончая Княжнинымъ и Фонъ-Визиномъ, были ея созданіями; въ послѣдней-же разъ ея имя встрѣчается въ 1798 году подъ ролью Ѳекла въ «Ябедѣ» Капниста. Такимъ образомъ почти полвѣка продолжалось ея служеніе искусству и до появленія Христины Рахмановой ни одна комическая актриса не могла и думать равняться съ ней по таланту и значенію.

Мы намѣренно обозрѣли дѣятельность всѣхъ этихъ нашихъ комическихъ артистовъ вмѣстѣ. Несмотря на различія въ свойствахъ и степени дарованія, ихъ значеніе, повторяемъ, вполнѣ однородно. Они первые сѣяли на нашей сценѣ плодотворныя сѣмена естественности, они первые проторяли дорогу «русскому вкусу», и только въ ихъ игрѣ въ то исключительно подражательное время, онъ проблескивалъ искрами сквозь мертвящія условныя формы. Заслуга безспорная и важная, но которую нечего ставить въ укоръ ложноклассическимъ трагикамъ. Тѣ по рукамъ и ногамъ были связаны своимъ матеріаломъ. Комедія-же, какъ болѣе близкая къ обыденной жизни, давала и больше простора своимъ исполнителямъ.

Въ заключеніе нашего обзора дѣятелей русской ложно-классической школы намъ слѣдовало бы теперь сказать о меньшихъ дарованіяхъ, товарищахъ или ученикахъ Дмитревскаго, группировавшихся около вышеназванныхъ талантовъ и отъ нихъ болѣе или менѣе заимствовавшихъ, свой блескъ:—о первыхъ русскихъ актрисахъ, *Елисаветѣ Зориной* и сестрахъ *Ананьиныхъ*, Марьѣ (жена Гр. Волкова) и Ольгѣ (жена Я. Шумскаго); о *Волковыхъ* Григоріи и Гавріилѣ, игравшихъ степенныхъ стариковъ, о *По-*

новыхъ Михаилѣ (первый любовникъ въ комедіи) и Василіѣ (повѣсы), о *Троепольскомъ*, *Чулковѣ*, Евстафіи *Сычкаревѣ* (резонеръ), Иванѣ *Соколовѣ* (старики, грубіяны-офицеры, купцы), Николаѣ *Бахтуринѣ* (любовникъ въ трагедіи и комедіи) и др.; объ актрисахъ: *Екатеринѣ Ѳедоровнѣ Барановой*, замѣчательной въ роляхъ молодыхъ любовницъ, которыя наслѣдовала она вмѣстѣ съ Ивановой отъ Троепольской, и о *Маріѣ Даниловнѣ Соколовой* (вторыя любовницы и невинности); объ актерахъ московскихъ: *Н. Д. Сахаровѣ*, *Алексѣѣ Евстратовичѣ Волковѣ*, игравшемъ слугъ, объ *Андреѣ Артамоновичѣ Украсовѣ*, прекрасномъ актерѣ на роли слугъ и вертопраховъ, о *Золотухинѣ*, уморительно игравшемъ въ «Гостинномъ дворѣ» жениха, и наконецъ о многихъ и многихъ другихъ, составлявшихъ фонъ картины. Но собирать о нихъ мелкія и обрывочныя біографическія подробности было-бы слишкомъ долго и тѣмъ болѣе неумѣстно, что эти подробности не даютъ никакихъ новыхъ чертъ для характеристики ложно-классической школы. И такъ, помянувъ здѣсь добрымъ словомъ память всѣхъ этихъ полезныхъ труженниковъ сценическаго искусства, мы можемъ теперь прямо перейти къ разсмотрѣнію новыхъ явленій, возникшихъ въ установленной Дмитревскимъ сценической школѣ какъ подъ вліяніемъ новыхъ литературныхъ образцовъ, такъ и благодаря игрѣ нѣкоторыхъ сценическихъ художниковъ, особенно нашихъ первыхъ комиковъ съ Шумскимъ во главѣ.

II.

Грани Сумароковскаго періода.—Раздѣльность развитія трагедіи отъ комедіи.—Княжнинъ и Плавильщиковъ.—Улучшенія въ комедіи.—Критика Лукина.—Фонъ-Визинъ и его „Бригадиръ“.—„Мельникъ“ Аблесимова и внесенная имъ новая художественная струя.—Комики новой формаціи: Крутицкій и его товарищи. — Московскіе комики — Сандуновъ.—Итоги разсмотрѣнной эпохи.

Если-бы потребовалось обозначить точно грани Сумароковскаго періода, т. е. времени безусловнаго, нераздѣльнаго господства у насъ чистаго, безпримѣснаго ложноклассицизма, то какъ на конечный предѣлъ слѣдовало-бы указать на послѣдніе годы седьмаго десятилѣтія. Въ это время, по замѣчательному совпаденію, сходятъ съ жизненной и съ театральной сцены почти всѣ главнѣйшіе представители господствовавшей школы. Прежде всего умираетъ Троепольская, вслѣдъ за нею сходитъ въ могилу самъ Сумароковъ, потомъ Калиграфъ и наконецъ съ этого-же времени идетъ на ущербъ, если не качественно, то количественно, дѣятельность столпа сценическаго ложно-классицизма, Дмитревскаго. Уже при жизни своей Сумароковъ былъ вынужденъ бороться съ новыми вѣяніями и взывать за помощью къ Вольтеру. Въ постановкѣ «Евгеніи» Бомарше, въ одинокихъ вылазкахъ противъ русскаго Расина Лукина уже видны были явные подкопы подъ непогрѣшимость Сумароковскаго авторитета. Со смертью-же Сумарокова новыя идеи стали внѣдряться съ еще большей быстротой. Но не скоро поддалась имъ ложноклассическая школа, выказавъ живучесть, удивительную для такого мертваго и искусственно созданнаго организма, какимъ было на русской почвѣ это фальшивое исчадіе французскаго искусства. Робко и боязливо сказывался молодой русскій умъ и русское художественное чутье, подавленное вѣскостью на вѣру принятыхъ авторитетовъ, и неувѣренно распутывались накинутыя тенета.

Какъ раздѣльно представлялись ложноклассическому сознанію трагедія и комедія, такъ-же раздѣльно, на первыхъ, по крайней мѣрѣ, порахъ подвигалось впередъ совершенствованіе и развитіе у насъ того и другаго вида драматическаго искусства.

Что касается до трагедіи, мы видѣли, что она не заключала въ себѣ никакого плодотворнаго зерна, никакого ростка, отъ котораго могли-бы пробиться свѣжіе побѣги, потому что нельзя же считать за нѣчто живоносное двѣ-три патріотическія фразы въ Сумароковскомъ «Димитріи Самозванцѣ». Созданіе мертворожденное, закованное въ условностяхъ и не имѣвшее ни одной черты общей съ русской жизнью, ложноклассическая трагедія не могла имѣть будущности. Ей доступно было только одно совершенствованіе—внѣшнее, и такимъ оно и было въ произведеніяхъ преемника Сумарокова и его зятя, Княжнина. Камень остался тотъ-же, что и прежде, по составу, такого-же цвѣта и воды, но отшлифованный, ограненный онъ загорѣлся болѣе яркимъ блескомъ. Новый шагъ, сдѣланный Княжнинымъ заключался во 1) въ большей отдѣлкѣ языка; 2) въ болѣе плавномъ и сильномъ стихѣ; 3) въ нѣкоторой новости сюжетовъ, какъ напр. въ «Росславѣ», гдѣ мѣсто обычной любовной страсти заняло изображеніе высшей страсти благородныхъ сердецъ, любви къ отечеству и, наконецъ, въ 4) въ болѣе выработанномъ краснорѣчіи. Ложноклассицизмъ всегда былъ зараженъ ораторскимъ витійствомъ и служилъ публичной каѳедрой, съ которой ораторы — актеры во всеуслышаніе проповѣдовали великія идеи гуманности, правосудія и справедливости. Одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ своего времени, Княжнинъ, значительно обогатилъ наше актерское краснорѣчіе. Но «переимчивый» онъ не съумѣлъ и не могъ перенять у своихъ французскихъ образцевъ творческую искру, ту живую душу, которая согрѣвала иногда даже холодныя созданія лжеклассицизма,—не могъ,

потому что, какъ и Сумароковъ, былъ болѣе комикомъ, чѣмъ трагикомъ, потому что отъ природы своей холодный не имѣлъ онъ даже того жара озлобленія, того пыла негодованія, которые сдѣлали его тестя знаменитымъ публицистомъ и сатирикомъ. Краснорѣчивы, исполненны благородства мыслей и чувствъ были его трагедіи, но все попрежнему давили они своими мертвыми рамками живые порывы свободнаго творческаго вдохновенія, и актерамъ по прежнему оставалось совершенствоваться только въ пріемахъ ораторской декламаціи, да тонкостяхъ техники. Безъ сомнѣнія, такимъ внѣшнимъ успѣхомъ были причастны всѣ перечисленные въ предшествовавшей главѣ артисты и прежде другихъ Дмитревскій. Но былъ актеръ, который спеціально воспитался на трагедіяхъ Княжнина и, оставаясь ложноклассикомъ, въ своемъ личномъ творчествѣ сдѣлалъ сравнительно съ Княжнинымъ даже новый, правда едва замѣтный, шагъ впередъ навстрѣчу вѣяніямъ, выразившимся въ появленіи новой формы искусства, — драмы. Это — Плавильщиковъ.

Петръ Алексѣевичъ Плавильщиковъ (1760—1812), сынъ московскаго купца, воспитывался въ московской университетской гимназіи и затѣмъ въ 1779 г. кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ. Онъ готовился въ педагоги, но врожденная страсть къ театру и блестящіе сценическіе успѣхи на университетскомъ любительскомъ театрѣ вызвали его на подмостки и въ 1779 г. онъ уже дебютировалъ у Медокса и такъ удачно, что по смерти Калиграфа занялъ его роли, а въ 1782 г., по приглашенію Дмитревскаго, поступилъ на петербургскую придворную сцену. Съ этого времени начались его артистическія скитальчества изъ Москвы въ Петербургъ и обратно. Но обѣ столицы равно цѣнили его высокія дарованія, несмотря на присутствіе рядомъ такихъ артистовъ, какъ Дмитревскій и Шушеринъ. Талантливый публицистъ и сатирикъ, замѣчательный критикъ и драматическій писатель, Плавильщиковъ былъ членомъ Общества Любителей Россійской Словесности. Ревностный патріотъ, онъ не перенесъ пожара Москвы и, спасаясь отъ Наполеоновыхъ полчищъ, скончался 18 октября 1812 года. Къ счастію, мы не только имѣемъ, благодаря его собственнымъ критико-философскимъ статьямъ о театрѣ, непреложныя свидѣтельства объ его эстетическихъ и художественныхъ воззрѣніяхъ, но и можемъ повѣрить, насколько онъ слѣдовалъ этимъ взглядамъ на практикѣ, благодаря сдѣланному Жихаревымъ документально точному описанію трехъ сценъ изъ роли Эдипа, лучшаго перла въ сценической дѣятельности Плавильщикова. Не можемъ не воспроизвести здѣсь этого документа. Лицо и ситуаціи Эдипа знакомы каждому если не по произведенію Озерова, то по трагедіи Софокла «Эдипъ въ Колонахъ», русскимъ отголоскомъ которой оно было. Такимъ образомъ читателю стоитъ только вникнуть въ описаніе Жихарева, и онъ наглядно познакомится съ артистической физіономіей Плавильщикова и — что еще важнѣе передъ нимъ лицомъ къ лицу предстанетъ самъ русскій ложноклассицизмъ въ его наиболѣе отдѣланномъ, наиболѣе блестящемъ и совершеннѣйшемъ видѣ.

Первая изъ дошедшихъ до насъ сценъ — начальное явленіе втораго дѣйствія, когда слѣпой Эдипъ, ведомый Антигоной, появляется на сцену и, сѣвъ отдохнуть на близь лежащій камень, съ ужасомъ узнаетъ, что онъ близъ храма Эвменидъ:

Храмъ Эвменидъ! Увы! я вижу ихъ: онѣ
Стремятся въ ярости съ отмщеніемъ ко мнѣ;
Въ рукахъ змѣи шипятъ, ихъ очи раскалены
И за собой влекутъ всѣ ужаса геенны!

Съ страшнымъ, говоритъ Жихаревъ, восклицаніемъ: «Храмъ Эвменидъ!» вскакивалъ Плавильщиковъ съ своего мѣста и нѣсколько секундъ стоялъ, какъ ошеломленный, содрогаясь всѣмъ тѣломъ. Затѣмъ мало-по-малу приходилъ онъ въ себя, устремлялъ глаза на одинъ пунктъ и, дѣйствуя руками, какъ-бы отталкивая отъ себя фурій, продолжалъ дрожащимъ голосомъ и съ разстановками:

Увы!..... я вижу ихъ..... онѣ
Стремятся въ ярости..... съ отмщеніемъ
ко мнѣ;

глухо и прерывисто:

Въ рукахъ змѣи шипятъ.... ихъ очи —
раскалены

усиленно:

И за собой влекутъ.....

въ крайнемъ изнеможеніи:

всѣ ужасы геенны!

Съ окончаніемъ стиха онъ стремительно падалъ на камень.

Двѣ другія сцены — центральныя сцены 3-го и 4-го дѣйствія, съ Креономъ и Полиникомъ. Креонъ, нѣкогда виновникъ изгнанія Эдипа изъ Оивъ, теперь является за нимъ, узнавъ, что боги обѣщали счастье и побѣду той странѣ, которая приметъ прахъ несчастнаго страдальца. Въ отвѣтъ на хитрую рѣчь врага, Плавильщиковъ — Эдипъ старался приблизиться, насколько позволяла ему слѣпота, къ Креону и съ видомъ глубокаго презрѣнія и увѣренности, что Креонъ способенъ на всякое постыдное дѣло, сначала глухимъ прерывающимся голосомъ, а послѣ постепенно возвышая его, произносилъ:

Иль по слѣдамъ моимъ — *твой* царь тебя
прислалъ
Чтобъ на челѣ моемъ *ты* грусть мою
читалъ?
Чтобъ видѣлъ *нищету*, въ которой я скитаюсь
И *какъ народами* я всѣми *отвергаюсь*...

съ горькой ироніей:

Иль лучше ты скажи, что *волею своей*
Пришелъ увѣриться о горести моей.

съ гордой рѣшимостью:

Но не увидишь ты ни *слезъ* моихъ, ни *стона*,

рѣзко:

Нѣтъ — ими веселить не буду я —

съ глубочайшимъ презрѣніемъ:

Креона!

съ печальнымъ убѣжденіемъ:

Давно уже, *давно* Эдипъ тебя *проникъ!*

Наконецъ, слѣдующіе стихи были торжествомъ декламаціи Плавильщикова:

Хоть я и въ нищетѣ, но не сравнюсь съ Креономъ!

съ величайшимъ достоинствомъ:

Я былъ царемъ,—а ты..

съ негодованіемъ и отвращеніемъ:

...лишь ползаешь предъ тропомъ.

Сцену съ Полиникомъ, пришедшимъ просить прощенія у отца, котораго, по наущенію Креона, онъ нѣкогда изгналъ изъ отеческой страны, велъ Плавильщиковъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, силою и достоинствомъ, являясь вмѣстѣ и истиннымъ царемъ и жестоко оскорбленнымъ отцомъ:

Меня склонить къ себѣ ты тщетно уповаешь.
Сей скиптръ, который мнѣ столь щедро предлагаешь,

съ горькимъ упрекомъ:

Не я-ль оставилъ вамъ, *не я-ли* вамъ вручилъ?
Не я-ли дней моихъ покой вамъ поручилъ?

грозно:

Коль смѣешь ты — на мнѣ остановя свой взоръ

былко и съ большимъ чувствомъ:

Зри ноги ты мои, скитаясь, изъязвленны,

постепенно возвышая голосъ:

Зри руки, милостынь прошеньемъ утомленны,
Ты зри главу мою, лишенную волосъ....

съ выраженіемъ скорби и жестокаго страданія:

Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ развѣсъ.

Пауза — и далѣе съ ироническимъ упрекомъ:

Тѣмъ временемъ *тебя* какъ услаждала нѣга,
Твой изгнанный отецъ безъ пищи, безъ ночлега,
Не зналъ, куда главу несчастну преклонить....

грозно и съ напряженіемъ голоса:

Какъ безъ пристанища скитался въ жизни я:
По смерти будетъ такъ скитаться тѣнь твоя,
Безъ гроба будешь ты...

съ выраженіемъ величайшаго гнѣва и какъ-бы внѣ себя:

Тебя земля не приметъ,
Отъ нѣдръ отвергнетъ трупъ, и смрадъ его обыметъ!

При послѣднемъ полустишіи Плавильщиковъ превосходилъ себя. Нельзя себѣ представить выраженія лица его. Чувство ужаса, отвращенія, омерзѣнія выражались на немъ, какъ въ зеркалѣ. А пантомима? Онъ отворачивалъ голову и жестикулировалъ руками такъ, какъ-бы желая оттолкнуть отъ себя трупъ, зараженный смрадомъ[1]).

Какъ хорошо, какъ до очевидности ясно и въ этомъ напряженно-эффектномъ окончаніи сцены и во всей предъидущей декламаціи, подготовлявшей этотъ сценическій эффектъ, вылились характеристическія черты ложноклассицизма! Личной особенностью Плавильщикова была горячность исполненія, не та «искра Божія», которая раздувается въ пламень творческаго вдохновенія, нѣтъ — Плавильщиковъ, какъ и учитель его, Дмитревскій, былъ въ сущности очень холоднаго темперамента, — но именно горячность или восторженность, которой корни больше въ умѣ, чѣмъ въ сердцѣ. Какъ таковая, и она была совершенно въ духѣ ложноклассицизма, насквозь пропитавшаго исполненіе нашего трагика. Всюду, и въ отвѣтѣ Креона и въ проклятіяхъ Полиника, вы слышите не простую исходящую прямо отъ сердца рѣчь, но искусную декламацію актера, гдѣ все приноровлено, чтобы произвести какъ можно большій эффектъ. Въ чемъ секретъ этой декламаціи? — Въ модуляціяхъ голоса, въ чередующемся повышеніи и пониженіи тона, въ подчеркиваніи отдѣльныхъ словъ. Нѣтъ спора, все это разсчитано умно, обдумано до мелочей, и наши старинные актеры, вѣроятно, были гораздо большими виртуозами, чѣмъ теперешніе. Но мы не пожалѣемъ о томъ, что стремленіе къ естественности, вооружившись противъ ложноклассицизма, вытравило безъ слѣда и это виртуозничество декламаціи. Слишкомъ дорогою цѣною оно оплачивалось — цѣною правды. Даже современники находили, что Плавильщиковъ, пуская въ ходъ всѣ громадныя средства своего звучнаго голоса, не походилъ въ Эдипѣ на старика. Намъ напряженность его игры показалась-бы смѣшною. Въ актерахъ меньшихъ и посредственныхъ дарованій слабыя стороны ложноклассицизма выдвигались, конечно, еще выпуклѣе, а достоинства сглаживались или вовсе исчезали. Что-же собственно до Плавильщикова, надо помнить, что его коснулись и новыя вѣянія — сентиментализма, возникновеніе и расцвѣтъ котораго прошли на его глазахъ. Рядомъ съ ложно-классическими трагедіями, онъ передѣлываетъ уже съ нѣмецкаго слезную драму «Графъ Вальтронъ» и,

[1]) „Восп. стараго театрала". От. Зап. 1854 г. №10, стр. 117—124.

высказываясь въ своей статьѣ «О театрѣ» ложно-классикомъ до того, что не можетъ себѣ представить, какъ цари и герои могутъ на сценѣ заниматься такимъ низкимъ дѣломъ, какъ обѣдъ, уже признаетъ за новой формой искусства, драмой, законное мѣсто подлѣ трагедіи и комедіи, хотя и не даетъ ея теоріи. Очевидно, воспитанный на Княжнинѣ, онъ шагнулъ уже далѣе впередъ, хотя этотъ шагъ въ сценическомъ искусствѣ можно увидѣть только съ помощью увеличительнаго стекла. Гораздо болѣе значительно его дѣло, какъ критика и комическаго писателя, но говорить объ этомъ выходитъ уже за рамки настоящаго этюда[1]), да и между первымъ нашимъ комикомъ Сумароковымъ и Плавильщиковымъ было еще много другихъ посредствующихъ звеньевъ.

Плодоносное зерно, заключавшееся въ комедіяхъ Сумарокова, эти бѣглые сатирическіе огни, затрогивавшіе за живое тѣло русской дѣйствительности и указывавшіе, какой богатый матеріалъ для комедіи въ ней заключается, не замедлили пустить свои ростки, и скоро новые молодые побѣги разрослись даже пышнѣе и лучше, чѣмъ позднѣйшія изысканія самого Сумарокова. Ростъ нашей комедіи однако совершался еще въ предѣлахъ, означенныхъ ложно-классической теоріей. Комедіи Сумарокова были такъ небрежно набросаны, полны такихъ несообразностей, даже на испорченный взглядъ ложно-классиковъ, что на нихъ можно было возстать во имя самого ложно-классицизма. Такъ и сдѣлалъ извѣстный сослуживецъ Фонъ-Визина, Владиміръ Лукинъ, впервые публично высказавшій въ предисловіяхъ къ своимъ комедіямъ, что всѣ эти Клитандры, Доранты и Арлекины, которыхъ приглашали принимать за русскихъ—явная нелѣпость, и провозгласившій, что, если ужь заимствовать у французской комедіи, то необходимо по крайней мѣрѣ «склонять ее на русскіе нравы». «Мнѣ всегда несвойственно казалось—читаемъ у него—слышать чужестранныя реченія въ такихъ сочиненіяхъ, которыя долженствуютъ изображеніемъ нашихъ нравовъ не только общіе всего свѣта, но болѣе участные нашего народа пороки исправлять.... Многіе зрители отъ комедіи въ чужихъ нравахъ не получаютъ никакого исправленія: они мыслятъ, что не ихъ, а чужестранцевъ осмѣиваютъ; да и то имъ примѣтно, что осмѣиваемые образцы не только несвойственно нашимъ нравамъ изъясняются, но и одѣты въ незнакомыя имъ одежды»[2]). Такимъ образомъ «рѣчи не наше поведеніе знаменующія» и даже введенныя Сумароковской комедіей нелѣпыя обыкновенія заключать браки русскихъ и православныхъ людей не въ церкви, а при помощи контракта, писаннаго подъячимъ, вызвали противъ себя отпоръ критики не во имя правды, а ради большаго нравственнаго дѣйствія комедіи: до того умы были еще опутаны ложью кодекса Баттё. Но еще любопытнѣе, что и справедливые протесты Лукина не могли еще долго выжить этихъ явныхъ нелѣпостей съ русской сцены, и даже въ «Недорослѣ» являются, если не Клитандры и Арлекины, то какія-то тоже вывѣсочныя имена Милоновъ и Честановъ.

Собственныя произведенія Лукина, которыми хотѣлъ онъ оправдать свою теорію передѣлокъ, не имѣли никакого значенія. Ихъ автора природа совершенно обдѣлила творческимъ даромъ, и, несмотря на всю добросовѣстность его въ склоненіи иноземныхъ образцовъ къ русской жизни, они еще гораздо далѣе отъ нея, чѣмъ порицавшіяся критикомъ комедіи Сумарокова. Шагъ впередъ, сдѣланный уже не въ критическомъ сознаніи, а въ самомъ творчествѣ выражается въ комедіи «Бригадиръ» (1766 г.). «Бригадиръ» ведетъ свой родъ по прямой линіи отъ комедій Сумарокова. Въ своей комедіи Фонъ-Визинъ, какъ и Сумароковъ, вовсе не имѣлъ въ виду возсоздать особый законченный драматическій міръ; онъ только хотѣлъ воспользоваться сценической каѳедрой для проведенія частныхъ наблюденій надъ жизнью, отдѣльныхъ чертъ. Но какая разница между твореніемъ Фонъ-Визина и Сумарокова! Отбросьте у Сумарокова вложенныя имъ въ уста дѣйствующихъ лицъ, хотя и совершенно посторонія дѣйствію, сатирическіе діалоги—останется бездарная риторика и нелѣпая, невозможная, скучнѣйшая фабула. У Фонъ-Визина собственныя сатирическія мысли автора, выражаемыя его героями, отскакиваютъ сами отъ комедіи и обнаруживаютъ живо и жизненно очерченные характеры. Если Иванушка и Совѣтница такіе-же, только поискуснѣе обтесанные манекены, какъ сумароковскіе петиметры и модницы, то совѣтникъ, ханжа и церковникъ, подавшій въ отставку, когда вышелъ указъ противъ лихоимства, Бригадиръ, старый и грубый вояка и особенно Бригадирша—несомнѣнно лица, цѣликомъ взятыя изъ русской дѣйствительности. «Вы очень хорошо нравы наши знаете, Бригадирша ваша всѣмъ родня»—сказалъ автору послѣ чтенія комедіи Н. И. Панинъ. Не пропали, значитъ, даромъ труды Якова Шумскаго и его сценическихъ товарищей-комиковъ, по блѣднымъ и неяснымъ намекамъ силою личнаго дара возсоздавшихъ впервые на нашей сценѣ очерки типовъ. Развитіе русской комедіи пошло по ими указанной дорогѣ. Неискусно затронутый Сумароковымъ матеріалъ сталъ разрабатываться болѣе художественно, вмѣсто голыхъ наблюденій стали понемногу выходить на свѣтъ Божій болѣе или менѣе закончен-

[1]) Объ этомъ подробно говорится въ составленной мною біографіи Плавильщикова, которая передана мною въ распоряженіе редакціи „Истор. Вѣстника“ и вскорѣ появится въ свѣтъ.

[2]) Соч. Лукина, изд. 1868 г.

ные, болѣе или менѣе жизненные типы и характеры. Но надъ комедіей по прежнему еще тяготѣла суровая опека ложноклассицизма. Фонъ-Визинъ такъ-же, какъ и прежніе писатели, все еще видитъ въ комикѣ учителя нравственности, аккуратно ставитъ своимъ дѣйствующимъ лицамъ баллы по поведенію и въ концѣ подводитъ нравственный итогъ. Въ этомъ коренятся всѣ слабыя стороны «Бригадира». Потребовалось еще болѣе десяти лѣтъ, чтобы не заподозрить ложноклассическую теорію комедіи—куда ужь!—а только проявить безсознательно образецъ иныхъ пріемовъ, инаго отношенія къ дѣйствительности. Только въ 1779 г. явился Аблесимовскій «Мельникъ».

«Мельникъ»—загадка въ нашей литературѣ. Не отмѣченный печатью особенно яркаго дарованія водевиль,—онъ имѣлъ однако успѣхъ небывалый, какого не достигли ни «Бригадиръ», ни даже впослѣдствіи «Недоросль». И въ Москвѣ и въ Петербургѣ его повторили до 25 разъ сряду. Признакъ успѣха—явились тотчасъ ему соперники, изъ которыхъ главнымъ былъ княжнинскій «Сбитеньщикъ»; между тѣмъ и другимъ возникла любопытная тяжба, родившая на свѣтъ комедію Плавильщикова «Мельникъ и сбитеньщикъ соперники», въ свою очередь очень занимавшую зрителей. Но «Мельникъ» вышелъ побѣдителемъ и надолго еще сохранилъ въ себѣ притягательную силу. Еще въ 1817 году Мерзляковъ разъяснялъ въ особой публичной лекціи его достоинства, и избранная московская публика со вниманіемъ вслушивалась въ его анализъ. Много лѣтъ спустя отголоски необыкновенной славы «Мельника» раздались въ комедіи Полеваго «Первое представленіе Мельника», да и теперь еще «Мельникъ» стоитъ во главѣ репертуара народнаго театра. Но въ чемъ-же разгадка этого обаянія, которое производитъ ничтожный, повидимому, водевильчикъ? Загляните въ исторію словесности г. Галахова, этотъ сборникъ ходячихъ опредѣленій, и тамъ въ 6 строчкахъ, посвященныхъ всего-на всего «Мельнику», вы прочтете, что вся тайна успѣха оперы объясняется тѣмъ, что въ ней сказался «дѣйствительно національный элементъ». Но мало-ли гдѣ еще сказался національный элементъ? Онъ сказался—и въ неменьшей степени—и въ «Бригадирѣ», онъ сказался и во многихъ другихъ операхъ и комедіяхъ прошлаго вѣка. Отчегоже только «Мельникъ» имѣлъ такой «чрезвычайный» успѣхъ, отчего только онъ одинъ изъ всѣхъ оперъ, сочиненныхъ «въ русскихъ нравахъ», дошелъ до отдаленнаго потомства?

Оттого, что въ лицѣ Аблесимова русскій комикъ впервые предсталъ вооруженный не бичемъ для кары пороковъ, а только кистью живописца, оттого что въ «Мельникѣ» русская комедія впервые вырвалась на просторъ изъ подъ опеки докучныхъ проповѣдниковъ, прописной морали и явилось новое, болѣе близкое отношеніе къ жизни, сказались новые пріемы творчества. Какъ только взвился занавѣсъ, какъ только заговорилъ мельникъ—на зрителей уже пахнуло свѣжей и необычной струей. Не было здѣсь ни скучныхъ проповѣдей надѣленныхъ всевозможными добродѣтелями куколъ, не было ни густо раскрашенныхъ пороковъ, ни обычныхъ вывѣсокъ съ ярлыками, разныхъ петиметровъ и т. п., ни злостныхъ сатирическихъ выходокъ, а лилась обыкновенная будничная рѣчь, жили и двигались простые обыкновенные люди—ни прямо дурные, ни идеально-добродѣтельные, а люди какъ люди, и явились они не въ какой-нибудь необычной обстановкѣ, а въ своемъ ежедневномъ обиходѣ, со всѣми мелочными своими занятіями и интересами, преспокойно разговаривая о погодѣ, о томъ, что поломали мельницу, объ украденныхъ сивкѣ и гнѣдкѣ, о посидѣлкахъ и т. п. Прежній сатирическій элементъ только легкой струйкой вкрался въ комедію въ лицѣ Фетиньи, но эта струйка не замутила общаго тона «Мельника», а его слабыхъ сторонъ, отсутствіе яркости изображенія, зрители и не замѣтили: они были рады, что ихъ перестали на разные лады учить какъ гнусенъ порокъ и сколь возвышенна добродѣтель, что съ ними въ первый разъ обошлись безъ указки, какъ съ взрослыми. Аблесимовъ, хотя и безсознательно, но поколебалъ прежній девизъ нашей комедіи—«сатира и мораль», и комедія впервые предстала не какъ нравоучительная школа, но какъ художественное воспроизведеніе дѣйствительности. Въ этомъ, по нашему разумѣнію, дѣйствительная тайна успѣха Аблесимова, въ этомъ заслуга его, нами вовсе доселѣ неоцѣненная.

Дѣло Аблесимова было въ высшей степени плодотворно. Если взглянуть на нашу комедію съ точки зрѣнія художественныхъ пріемовъ, нельзя не видѣть, что Аблесимовъ проторилъ ей вѣрную тропинку для дальнѣйшихъ успѣховъ. Чистая комедія-сатира съ этого времени сдѣлала только одинъ самостоятельный шагъ впередъ въ комедіяхъ Княжнина (Хвастунъ и Чудаки), усовершенствовавшаго дѣйствіе, интригу комедіи; все остальное сводится къ большему и большему проникновенію ея началами, проявившимися въ «Мельникѣ» и разработывавшимися далѣе преемниками Аблесимова, изъ которыхъ наиболѣе даровитый—Плавильщиковъ съ его сословными комедіями «Бобылемъ» и «Сидѣльцемъ». Самый «Недоросль», эта мастерская картина русской помѣщичьей жизни XVIII вѣка, написанная въ духѣ ложноклассической теоріи и ею испорченная, носитъ въ себѣ явные слѣды новыхъ вѣяній. Любопытно прослѣдить, какъ, начавшись въ комедіи Аблесимова не-

большимъ ручейкомъ, художественное направленіе постепенно смягчаетъ грубыя краски и пріемы сатирической комедіи, какъ мало-помалу сливается оно съ нею, приводитъ къ Грибоѣдову, потомъ Гоголю и наконецъ разливается въ полное торжество русскаго національнаго вкуса въ театрѣ Островскаго! Но это—задача будущаго историка нашей комедіи.

Намъ нужно было остановиться на «Мельникѣ», чтобы указать на параллель между имъ и новыми явленіями въ сценическомъ искусствѣ. Въ исторіи часто встрѣчаемъ примѣры знаменательныхъ совпаденій. Такъ, и новый шагъ, сдѣланный русской комедіей, сопровождался появленіемъ на русской сценѣ молодыхъ дарованій, комиковъ новой формаціи. Замѣчательно, что преданія о сценическомъ успѣхѣ «Мельника» связываются не съ исполненіемъ его старыми придворными актерами,—хотя, если вѣрить хроникѣ Носова, онъ впервые былъ представленъ именно ими,—а съ игрою актеровъ вольнаго Книперова театра. Это не случайность. Только свѣжія и не заѣденныя рутиной дарованія могли воспринять живое дуновеніе жизни и, если не понять, то учуять и отразить въ своемъ творчествѣ новое слово искусства. Актеры труппы Книпера, выбранные изъ питомцевъ московскаго Воспитательнаго дома, И. И. Калиграфомъ, который и преподалъ имъ первыя правила искусства, были именно такими дарованіями. Всѣ до одного начинающіе дебютанты, не успѣли они заржавѣть въ предразсудкахъ присяжнаго актерства, обрости корою предубѣжденій, ихъ чутье было еще свѣже, и новые пріемы «Мельника» сказались въ ихъ игрѣ новостью интонацій, жестовъ, позъ, словомъ,—новостью пріемовъ, бывшихъ прямымъ слѣдствіемъ новаго, болѣе прямаго и близкаго отношенія къ дѣйствительности. Спустя четыре года, въ 1783 г., труппа Книпера въ полномъ составѣ поступила въ вѣдѣніе петербургскаго придворнаго театра, внеся съ собой и сюда свѣжій оживляющій элементъ, наиболѣе цѣльно выразившійся въ игрѣ Аблесимова русской сцены, съ самаго перваго своего выхода въ «Мельникѣ» ставшаго во главѣ современныхъ комиковъ—Крутицкаго.

Антонъ Михайловичъ Крутицкій, сынъ отставнаго гарнизоннаго сержанта, родился въ Москвѣ въ 1754 году. Пятаго августа 1765 г., т.-е. 11 лѣтъ *) его сдали въ московскій Воспитательный домъ, гдѣ, по словамъ его некролога, «обучавшись съ успѣхомъ разнымъ наукамъ, оказалъ онъ великія способности къ театру, открытыя въ немъ Калиграфомъ, который взялъ его на свои руки и имѣлъ о немъ отеческое попеченіе» *). Крутицкій не могъ похвастаться представительною наружностью. Онъ былъ недуренъ собой, но нѣсколько рябое лицо его, сжатое съ обѣихъ сторонъ, выглядывало миніатюрнымъ. Да и все было у него небольшихъ размѣровъ, низенькій ростъ, тонкія губы, остренькій носъ, маленькіе глаза. Но за то какая живучесть блистала въ этихъ глазахъ, какъ быстро смѣнялись въ нихъ отраженія разнообразныхъ ощущеній! То загорались они огнемъ скупости и жадности къ деньгамъ въ Гарпагонѣ, то свѣтились милымъ добродушнымъ лукавствомъ, то плутовато искрились и озарялись хитростью. Органъ Крутицкаго былъ превосходный и—актеръ все-же ложноклассическій—онъ управлялъ имъ въ совершенствѣ, владѣя необыкновеннымъ мастерствомъ разсказа **). Но нигдѣ, можетъ быть, не былъ онъ такъ хорошъ, какъ въ своей дебютной роли—Мельника!

Двадцатипятилѣтнимъ юношей выйдя въ ней на сцену, онъ съ чисто юношеской воспріимчивостью невольно поддался вліянію аблесимовскаго творчества и, забывъ о бичеваніи пороковъ, такъ-же, какъ и Аблесимовъ, думалъ только о жизненности обрисованнаго типа,—и какъ-же натурально, какъ живо, какъ до малѣйшаго мелькомъ брошеннаго взгляда, до ничтожнѣйшей интонаціи вѣрно представалъ передъ восхищенными зрителями самъ колдунъ-Мельникъ во всей полнотѣ своего характера, со всѣми типическими особенностями костюма, говора, привычекъ! «Выговоръ, ухватки, шутки, пляска съ припѣвомъ простонародной пѣсни, словомъ, все, даже и мельчайшіе оттѣнки, свойственные нашимъ русскимъ мельникамъ, въ немъ видны были»—пишутъ очевидцы. Восхищенный игрою Крутицкаго, главноуправляющій Воспитательнымъ домомъ Бецкій, по преданію, уговорилъ Крутицкаго посвятить себя театру, и Крутицкій сталъ приманкою Книперова театра. Многіе вельможи нарочно ѣздили въ театръ на Царицыномъ лугу поглядѣть на «Мельника», Крутицкій получилъ доступъ въ дома петербургской знати и, такъ какъ наши старинные бояре привыкли подкрѣплять рукоплесканія вещественными доказательствами восторга, то въ одно изъ представленій изъ ложи Л. А. Нарышкина къ ногамъ актера упалъ наполненный золотомъ и серебромъ кошелекъ съ надписью „*Мельнику*“. Позднѣе игрою Крутицкаго восхищалась императрица Екатерина и, приказавъ актеру явиться къ ней по окончаніи оперы въ одеждѣ Мельника, допустила его къ рукѣ и подарила дорогіе часы. Словомъ, тріумфъ Крутицкаго былъ полнымъ и, можно сказать, та-

*) А не 5 лѣтъ, какъ говоритъ біографъ („Сѣв. Вѣстн. 1804 г. ч. I, № 2). См. Рус. Ст. 1875 г., XIV, 630.

*) „Сѣв. Вѣстн“ 1804 г. ч. I, № 2, стр. 217.

**) Особенно знаменитъ его разсказъ о бурѣ въ др. „Лиза“, гдѣ Крутицкій игралъ старосту Ѳедота („Сѣв. Вѣстн.“ 1804 г. ч I, № 3, 390).

кимъ-же небывалымъ, какъ и успѣхъ Аблесимова. И по заслугамъ. Въ сценическомъ созданіи Мельника Крутицкимъ впервые въ сценическомъ искусствѣ нашли себѣ проявленіе тѣ художественные принципы, которые составляютъ заслугу Аблесимова въ искусствѣ драматическомъ.

Амплуа Крутицкаго опредѣлилось сразу. Его достояніемъ стали роли комическихъ стариковъ. Но въ операхъ игралъ онъ кромѣ того и петиметровъ. Его поприще—рядъ непрерывно возрастающихъ успѣховъ. Его созданія—всѣ главныя комическія роли въ современныхъ ему пьесахъ. Авторы знали, что его участіе въ спектаклѣ—вѣрный признакъ удачи. «Чудаки», пишутъ современники, совершенно потеряли бы свое названіе, если бы первая роль не была играна такимъ искуснымъ актеромъ. Немногіе захотѣли бы видѣть «Хвастуна», если бы роль Простодума не была исполняема Крутицкимъ. Не онъ ли же былъ главной причиной энтузіазма зрителей при первомъ представленіи *Лизы* соч. Ильина!... Цыфиркинъ въ «Недорослѣ», Кривосудовъ въ знаменитой «Ябедѣ», первое изданіе которой благодарный авторъ подарилъ Крутицкому,—онъ былъ образцовый. Но русская комедія, все еще путавшаяся въ условностяхъ ложноклассицизма, давала мало матеріала для художественной игры, и вотъ отчего послѣ Мельника лучшими ролями Крутицкаго были лица Мольеровыхъ комедій, особенно же Гарпагонъ и Журденъ въ «Мѣщанинѣ во дворянствѣ». «Здѣсь-то,—обращаемся опять къ подлиннымъ словамъ очевидцевъ,—нашъ герой показалъ въ полной славѣ свой талантъ; онъ-то былъ причиной, что сія славная пьеса не потеряла своей цѣны и явилась во всемъ своемъ великолѣпіи. Какъ смѣшонъ былъ Крутицкій на авансценѣ своимъ чванствомъ, мнимой ученостью и знатностью! Но Мольерова Скупаго онъ представлялъ съ бо́льшимъ совершенствомъ. Алчность къ злату, сія гнусная страсть къ собиранію имѣнія со всѣми ея оттѣнками,была столь живо имъ изображаема, такъ разительно представлена глазамъ зрителей, что самыя корыстолюбивыя сердца, сомнительно, чтобы не почувствовали омерзѣнія къ своему пороку. Я твердо увѣренъ, что Крутицкій единственно своею искусною игрою въ сихъ двухъ комедіяхъ въ сердцахъ многихъ, зараженныхъ сими постыдными страстями, поселилъ чувства благороднѣйшія. Сказываютъ, что императоръ Павелъ, бывъ еще великимъ княземъ, никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы Крутицкій не былъ самъ обладаемъ сей страстью и неоднократно его о томъ спрашивалъ. Въ 1797 г. по окончаніи комедіи «Скупой» сей же императоръ призвалъ Крутицкаго въ свой кабинетъ, разговаривалъ съ нимъ около получаса и при отходѣ его пожаловалъ ему собственные свои часы. Рѣшительно могу сказать, и не ошибусь, что каковъ былъ Крутицкій въ своемъ родѣ, такого отъ начала театра въ Россіи еще не было».

И о такомъ-то актерѣ, о первомъ комикѣ прошлаго столѣтія мы къ стыду нашему не сохранили ничего, кромѣ обрывочныхъ свѣдѣній, да одной краткой некрологической статьи въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1804 года! Но вызовемъ на свѣтъ Божій хоть эти зарытыя и похороненныя въ забытомъ журналѣ отмѣтки и прибавимъ къ почерпнутымъ уже оттуда выше свѣдѣніямъ о сценическомъ поприщѣ Крутицкаго нѣсколько біографическихъ фактовъ и подробностей, характеризующихъ личность знаменитаго актера.

«Говоря о плѣнительномъ достоинствѣ Крутицкаго на театрѣ,—пишетъ біографъ нѣкто г. С. З—нъ изъ Пензы,—нужно ли что-нибудь сказать, каковъ онъ былъ въ обращеніи? Онъ былъ душою общества: великія его свѣдѣнія, патетическія выраженія, трогательный и выразительный голосъ, веселый нравъ дѣлали интереснымъ то собраніе, въ которомъ онъ находился. Одинъ страстный любитель театра, г. С., бывъ въ одномъ домѣ съ Крутицкимъ, плѣненный пріятностью его разговора, растроганный краснорѣчіемъ сего любимца Таліи, въ такой вошелъ энтузіазмъ, что въ жару увлеченія кинулся передъ нимъ на колѣна и ловилъ его руку, чтобы поцѣловать. Я самъ былъ тому свидѣтелемъ».

«Кромѣ дара въ изображеніи различныхъ характеровъ Крутицкій былъ искусенъ и во многихъ наукахъ. Нѣмецкій и фравцузскій языкъ зналъ не хуже своего природнаго и могъ бы даже быть превосходнымъ музыкантомъ, если бы правая рука его съ самаго младенчества не была одержана золотухой. Онъ былъ переводчикъ или лучше сказать, подражатель нѣкоторыхъ театральныхъ пьесъ, изъ которыхъ я помню только названія двухъ комедій: «Медимнъ и Лука» и «Обмѣнъ шляпъ», которыя всегда съ похвалой были играны».

«Лютая смерть исхитила изъ среды живыхъ сего великаго въ лѣтописяхъ русскаго театра актера на 49 году его жизни въ Ревелѣ, куда онъ поѣхалъ лѣчиться. Ни слезы 4 дѣтей, ни соболѣзнованія любителей театра, его друзей,—ничто не удержало руки Парки, и солнце, озарившее 21 день іюля 1803 г., освѣтило уже одни только бренные остатки сего наперсника Музъ. Горестная потеря!»

«Государь Императоръ, узнавъ о кончинѣ Крутицкаго въ уваженіе его отличныхъ талантовъ (какъ сказано въ указѣ, данномъ кабинету) изволилъ приказать выдавать малолѣтнимъ дѣтямъ его пенсію по 1000 р. на годъ впредь до ихъ совершеннаго возраста».

Къ этимъ свѣдѣніямъ, которыя мы сохранили неприкосновенными во всей ихъ наивности,

можно прибавить, что 16 сентября 1803 года и дирекція съ своей стороны дала по обыкновенію спектакль въ пользу семьи покойнаго. Шли «Лиза» и затѣмъ балетъ. Яковлевъ говорилъ благодарственную рѣчь публикѣ. На комъ былъ женатъ Крутицкій—точно неизвѣстно, но въ набранной изъ питомцевъ Воспитательнаго дома труппѣ Книперова театра встрѣчаемъ между прочими имя Анны Крутицкой, талантливой актрисы на роли служанокъ. Можетъ-быть, это жена актера? Съ сыномъ Крутицкаго воспитывался вмѣстѣ въ кадетскомъ корпусѣ Ѳ. В. Булгаринъ, съ восторгомъ вспоминающій въ своихъ запискахъ и объ отцѣ Крутицкомъ. Въ 1809 г. на сцену поступилъ какой-то Осипъ Крутицкій. Живы ли теперь потомки Крутицкаго и неужели ни у кого изъ нихъ не сохранилось преданій, писемъ, разсказовъ объ ихъ замѣчательномъ предкѣ? Мы увѣрены, что любой историческій или театральный журналъ съ признательностью принялъ бы малѣйшее сообщеніе, способное пополнить скудные обрывки біографіи знаменитаго комика *).

Какъ первоклассный художникъ, повѣдавшій новое слово художества, явившій новое отношеніе къ дѣйствительности, а слѣдовательно и новые пріемы творчества, Крутицкій неминуемо долженъ былъ сдѣлаться властителемъ своего поколѣнія. Кому случалось играть съ большими актерами, тому знакомо магнетическое, подбадривающее ихъ дѣйствіе на играющихъ. Даже посредственныхъ актеровъ умѣютъ приближать они къ своему уровню. Таково же дѣйствіе геніевъ на современныя имъ эпохи. Незамѣтно подчиняются имъ художники меньшихъ дарованій и только далѣе разрабатываютъ открытую ими руду.

Вліяніе Крутицкаго, конечно, прежде всего сказалось на товарищахъ его по театру Книпера. Тутъ было цѣлое собраніе комическихъ дарованій. *Кузьма Ивановичъ Гамбуровъ*, бывшій въ 1794 году вмѣстѣ съ Крутицкимъ инспекторомъ русской драматической труппы, прекрасно игралъ роли строгихъ отцевъ и резонеровъ, какъ Правдинъ въ «Недорослѣ» (былъ принесенъ въ Воспитательный домъ въ августѣ 1765 г.). *Максимъ Волковъ* исполнялъ слугъ, крестьянъ и дурковатыхъ стариковъ. *Сергѣй Рахмановъ* (принесенъ 31 марта, 1771 г.), впослѣдствіи бывшій инспекторъ театральной школы, прославился ролями Скотинина и Бригадира *). Изъ актрисъ обращали на себя вниманіе *Анна Крутицкая* въ роляхъ субретокъ и *Анна Милевская* въ роляхъ любовницъ. Кромѣ того по афишамъ хроники Носова къ числу Книперовыхъ же питомцевъ принадлежали и супруги *Черниковы*, Василій Михайловичъ, отецъ С. В. Самойловой, талантливый пѣвецъ на роли слугъ и петиметровъ и Прасковья Петровна, игравшая въ трагедіи наперсницъ, а въ комедіи старухъ. Затѣмъ едва ли не здѣсь же начала свое поприще *Христина Ѳедоровна Рахманова*. По крайней мѣрѣ начало ея службы при дирекціи—1 сентября 1783 г. совпадаетъ съ переходомъ въ вѣдѣніе придворнаго театра всей Книперовой труппы **). Это была превосходная актриса на роли комическихъ старухъ. Она наслѣдовала Авдотьѣ Михайловой и превзошла ее. Ворчливыя старухи и деревенскія барыни, какъ Сумбурова въ «Модной лавкѣ» Крылова, выходили у ней неподражаемо и даже Вигель, пренебрежительно относившійся ко всѣмъ русскимъ актерамъ, признавался, что, изображая сердитыхъ и сварливыхъ помѣщицъ, какими были тогда въ провинціи всѣ старухи, отъ бездѣйствія и скуки терзавшія все имъ подвластное, Рахманова была и оригинальна и забавна. Болѣе 40 лѣтъ Рахманова играла на сценѣ, не имѣя соперницъ. Она скончалась 9 марта 1827 года. Читатель не удивится, что и эту замѣчательную артистку постигъ удѣлъ большинства русскихъ сценическихъ талантовъ: мы знаемъ о ней не болѣе того, что сообщено въ этихъ немногихъ строкахъ.

Собственно придворная труппа временъ Крутицкаго (исключая изъ нея актеровъ Книперова театра) не могла похвастать новыми комическими дарованіями, но были и въ ней полезные актеры и изъ нихъ нѣкоторые даже создали нѣсколько классическихъ лицъ русской комедіи. Назовемъ *Николая Суслова* (простакъ), *Ѳедора Григорьева* (судей и стариковъ.

---

*) О Крутицкомъ кромѣ уже знакомаго читателямъ некролога въ „Сѣв. Вѣст.“ 1804 г. ч. I, № 2, стр. 217—223 см. дневникъ А В Каратыгина въ „Рус. Старинѣ“ 1880 г. 10; Араповъ, стр. 86, 104, 105, 111, 112, 115, 127, 132, 135, 137, 140, 141, 158, 162; хронику Носова и воспоминанія Ѳ. В. Булгарина. Пантеонъ 1840 г. ч. I, стр. 81. Здѣсь говорится объ отставкѣ Крутицкаго. Это требуетъ разъясненія.

*) Закулисныя преданія сохранили любопытный анекдотъ о „Бригадирѣ“ Рахмановѣ. Однажды на утро послѣ представленія „Бригадира“ Рахманову пришлось быть въ присутственномъ мѣстѣ, но сторожъ ни за что не хотѣлъ впустить его и требовалъ, чтобы онъ объявилъ свой чинъ. „Вчера былъ бригадиромъ, а завтра не знаю чѣмъ пожалуютъ“,—отвѣчалъ находчивый актеръ. „Извините, ваше высокородіе“,—вскричалъ сторожъ, и съ низкимъ поклономъ раскрылъ двери. (Рус. Талія 1825 г., 425).

**) Авт. рус. театра, стр. 201. Замѣчательно однако, что въ труппѣ 1784 г. имя Рахмановой не упоминается. См. „Артистъ“ 1890 г. кн. 3., стр. 45—46. Въ афишахъ Книперова театра у Носова, Рахманова встрѣчается только въ послѣдней афишѣ, 26 дек. 1779 г. (опера „Гостинный дворъ“, роль свахи). О Рахмановой см. Л. Р. Т. 140, 163, 175, 201, 205 и др.; Восп. Булгарина, 86; Сѣв. Вѣстн. 1805 г. ч. VIII, 261; Дневн. чиновника, О. З. 1855 г., № 10 и др.; Восп. Вигеля, ч. 2., стр. 56.

Исполнялъ въ первый разъ Мельника), *Ивана Петровича Петрова*, игравшаго любовниковъ и петиметровъ, но памятнаго по созданію Кутейкина, *Сторожева*, даровитаго подражателя Сандунова въ роляхъ первыхъ слугъ, женатаго на внукѣ Дмитревскаго, который вмѣсто приданаго съигралъ въ его бенефисъ роль Зопира въ «Магометѣ» *), *Петра Вагнера* (комическій старикъ, вышелъ изъ школы въ 1794 г.), *Прокофьева* (небольшія роли слугъ, выпуска 1787 г.) и *Никиту Маркова* (главный наперсникъ). Изъ актрисъ: *Наталью Дранициыну* (королевы, благородныя матери, кокетки, а потомъ старыя дуры), *Прасковью Софронову* (наивности), сестеръ *Марью и Ольгу Айвазовыхъ* (выпуска 1791 г.; молодыя любовницы), *Кротову* (служанка) и *Вагнерову*.

На московскихъ комиковъ творчество Крутицкаго не могло вліять такъ непосредственно, какъ на петербургскихъ, но между Москвой и Петербургомъ все-же былъ непрестанный обмѣнъ артистическихъ силъ. Актеры Медоксова театра часто переходили на придворный и наоборотъ. Нерѣдко устраивались гастроли. Наконецъ, довольно было уже вліянія «Мельника», который и въ Москвѣ (здѣсь его игралъ Ожогинъ) имѣлъ громкій успѣхъ, чтобы направить сценическое творчество въ сторону тѣхъ же художественныхъ идеаловъ, которые сказались въ игрѣ Крутицкаго. Жизненнымъ идеямъ стоитъ только выглянуть на свѣтъ Божій, а тамъ уже онѣ сами пробьютъ себѣ дорогу.

Къ упомянутымъ въ предыдущей главѣ московскимъ комикамъ, изъ которыхъ многіе, какъ напр. Ожогинъ, Украсовъ, Золышкинъ, дѣйствовали и въ разсматриваемую нами эпоху, можно прибавить здѣсь *Іова Прокофьевича Кураева*, слывшаго первымъ послѣ Ожогина комикомъ-буффомъ и его совмѣстника, *Алексѣя Ивановича Касаткина*. Въ женскомъ комическомъ персоналѣ блистали молоденькая, живая и лукавая *Марѳа Полянская*, для которой А. Ѳ. Малиновскій перевелъ комедію «Хитрость противъ хитрости» и *Анна Афанасьевна Померанцева*, начавшая свое поприще еще въ половинѣ 80-хъ годовъ въ труппѣ полковника Н. С. Титова и окончившая его на амплуа комическихъ старухъ въ 1803 г., когда внезапно на сценѣ, при исполненіи роли Ратимы въ «Русалкѣ», поразилъ ее ударъ. Она оправилась, но театръ ее уже не видалъ. «На сценѣ, говоритъ С. Н. Глинка, Померанцева была совершенный оборотень, изъ слезливой драмы переходила въ живую и веселую комедію, являлась то сентиментальной дѣвушкой, то наивной крестьяночкой, то хитрой, оборотливой служанкой. Умъ, ловкость, живость и необыкновенная веселость были особенными ея дарованіями. Она одѣвалась со вкусомъ, а глазки ея горѣли и сверкали, какъ два раскаленные угля. Публика любила ее до обожанія, а особенно хороша она была въ «Мельникѣ» *).

Но кромѣ этихъ дарованій Москва конца XVIII столѣтія могла выставить въ противовѣсъ петербуржцу Крутицкому и свой первоклассный талантъ—*Силу Николаевича Сандунова*. Оригинальность его дарованія равнялась развѣ своеобразію его характера, который доставилъ нашему актеру названіе русскаго Бомарше. Отсылая желающихъ къ написанному мною отдѣльному біографическому очерку Сандунова **), мы здѣсь возьмемъ оттуда только характеристику его, какъ актера.

Сандуновъ вышелъ на сцену почти одновременно съ Крутицкимъ (въ 1776 г.). Но ему не дано было стать во главѣ новаго движенія. За то въ своемъ вѣкѣ онъ явился лучшимъ его выразителемъ. Княжнинъ усовершенствовалъ русскую ложноклассическую комедію, насколько это было возможно, не выходя изъ ея рамокъ. Сандунова, занимавшаго самое условное изъ ложноклассическихъ амплуа—плутовъ-слугъ, можно назвать Княжнинымъ сценическаго искусства. Но куда какъ далеко холодному и на-половину перенятому отъ другихъ остроумію автора «Чудаковъ» до его сценическаго собрата! Въ Сандуновѣ все было свое, прирожденное, а его игра—сама живость, само остроуміе. Тяжелыя и неповоротливыя остроты старинныхъ нашихъ комиковъ въ его устахъ точно преображались. Казалось, онѣ сейчасъ только родились у него. Да оно нерѣдко такъ и бывало. Однажды вздумалось Сандунову взять въ свой бенефисъ роль съ пѣніемъ. Слуха онъ не имѣлъ ни малѣйшаго и, когда вышелъ на сцену и затянулъ:

Лишь взойдетъ заря багряная,
Въ гости къ бочкамъ я хожу и т. д.—

весь театръ залился хохотомъ: Сандуновъ запѣлъ такъ въ разладъ съ музыкой, что оркестръ остановился. Но пѣвецъ, ни мало не смутясь, допѣлъ арію безъ музыки и потомъ, приблизившись къ рампѣ, сказалъ публикѣ какъ будто на ушко:

Пусть себѣ театръ смѣется
Что успѣлъ пѣвца поддѣть;
Сандуновъ самъ признается,
Что плохой онъ мастеръ пѣть,—

и громкія, восторженныя рукоплесканія были наградой его находчивости. Все, чего ни касался этотъ талантъ, уже искрилось блескомъ

*) Кн. Шаховской въ своихъ воспоминаніяхъ сохранилъ о дурной замашкѣ Сторожева: онъ любилъ поскабрезничать на сценѣ.

*) Пантеонъ, 1840 г., ч. I. Театръ при Медоксѣ.

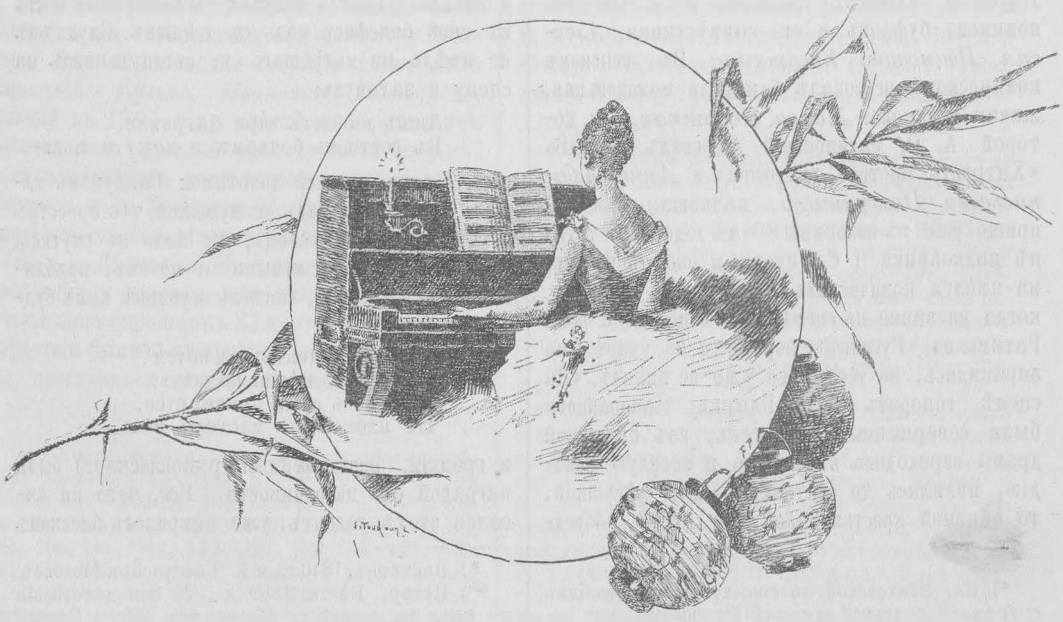
**) Истор. Вѣстн. 1889 г., № 9 и дополненія къ нему въ статьѣ г. Опочинина (Ист. Вѣстн. 1889 г., № 11) и моей (Ист. Вѣстн. 1890 г., № 3).

его собственнаго сатирическаго огня. Превосходный гримъ, неподражаемый мимъ, онъ, бывало, только вышелъ на сцену, оглянулся, потеръ руки и пожалъ плечами,—и всѣ уже узнавали, что передъ ними—плутъ. Юркій, живой и «подвижный какъ ртуть», небольшаго роста, но прекрасно сложенный, съ своими маленькими прищуренными глазами, изъ которыхъ такъ и сверкали «язвительныя молніи», онъ былъ живымъ воплощеніемъ всѣхъ Mascarilles и Пасквиновъ французской комедіи и Мольеръ, говоритъ Булгаринъ, расцѣловалъ бы нашего Скапена, если-бъ даже и не понималъ по русски. Но, представляя собой послѣднее слово ложноклассицизма, Сандуновъ не остался чуждъ и новымъ вѣяніямъ. Недаромъ около десяти лѣтъ изъ своей 35-лѣтней службы провелъ онъ на петербургской сценѣ въ сообществѣ съ Крутицкимъ, и недаромъ былъ истиннымъ художникомъ. Онъ мастерски создалъ условный типъ плута-слуги, но хорошо зналъ, что въ жизни, вѣчно разнообразной, все отмѣчено особой печатью индивидуальности, и умѣлъ каждому изъ созданныхъ имъ лицъ придать своеобразіе и выдѣлить его изъ ряда другихъ—черта, обличающая большое художественное чутье, а также отражающая и общія въ воздухѣ носившіяся вѣянія. Такимъ образомъ имя Сандунова вмѣстѣ съ именемъ Крутицкаго вполнѣ исчерпываютъ содержаніе той эпохи исторіи нашего комическаго искусства, съ отдѣльными представителями которой мы только что ознакомились.

Главная жизненная сила этой эпохи, представляющей дальнѣйшую исторію принятаго нами при Сумароковѣ и Дмитревскомъ ложноклассицизма, сосредоточилась, какъ мы показали, въ комедіи и въ игрѣ нашихъ комическихъ актеровъ. Ложно-классическое трагическое искусство, какъ организмъ, созданный совершенно искусственно, оставаясь самимъ собой, должно было ограничиться только внѣшними успѣхами въ лицѣ Княжнина съ одной стороны и Плавильщикова съ другой. Формальнымъ же образомъ начала развиваться и комедія, отъ неуклюжихъ и безалаберныхъ формъ Сумарокова дойдя, благодаря Шумскому и его товарищамъ, до созданія опредѣленныхъ, хотя бы и условныхъ типовъ. Въ стремленіи къ самобытности сказался новый протестъ жизни противъ злоупотребленій теоріи. И наконецъ въ «Мельникѣ» Аблесимова и въ художественномъ творчествѣ Крутицкаго рамки теоріи раздвинулись и пробились новые, свѣжіе побѣги, пока еще слабо, но отнынѣ уже зданіе ложноклассицизма было подкопано, знамя художественности, хотя и не сознательно, но водружено, и освобожденіе отъ ложно-классическихъ путъ пошло быстрѣе. Въ то-же время стали и въ трагедіи обнаруживаться признаки новаго теченія, которое должно было окончательно расшатать ложноклассицизмъ. Когда въ Петербургѣ Крутицкій создавалъ Мельника, въ Москвѣ уже выбивался изъ рядовъ посредственности актеръ, которому суждено было стать выразителемъ новаго теченія въ трагедіи—Шушеринъ. О немъ теперь и будетъ наша рѣчь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Сиротининъ.



К. Ю. Давыдовъ, какъ основатель школы.

(Посвящается ученикамъ Карла Юльевича).

Покойный К. Ю. Давыдовъ—одна изъ крупнѣйшихъ артистическихъ величинъ не только одного нашего столѣтія. Отличный музыкантъ, композиторъ даровитый и изящный, Давыдовъ былъ виртуозъ внѣ сравненій, педагогъ незамѣнимый. Кто хотя бы разъ слышалъ его игру, пѣніе его віолончели, тотъ помнилъ это дивное исполненіе навсегда. Кто хотя бы недолго имѣлъ счастіе учиться въ его классѣ, тотъ выносилъ впечатлѣнія, которыя не забываются.

К. Ю. является представителемъ *особаго направленія*, даннаго имъ виртуозной віолончельной игрѣ, основателемъ *школы віолончелистовъ*. Ее можно назвать *Давыдовскою* или *русскою* школой, какъ нѣкогда основанную Ромбергомъ—*нѣмецкою*, а школу Серве—*бельгійскою*. Дѣло впрочемъ, не въ названіи. Важно то, что К. Ю. въ своей игрѣ не былъ ученикомъ ни одного изъ тѣхъ віолончелистовъ (Шмидтъ, К. Шубертъ), у которыхъ онъ учился въ буквальномъ смыслѣ слова; его ближайшими учителями были—Ромбергъ и Серве, на которыхъ онъ воспитался съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи избрать иной путь, исторически опирающійся на труды Ромберга и Серве, но являющійся въ то же время новымъ фазисомъ въ развитіи віолончельной виртуозности,—не похожимъ на предъидущіе, послужившіе для него исходной точкой.

Задача предлагаемаго очерка—выяснить принципы Давыдовской школы, —задача трудная, но въ данномъ случаѣ она упрощается благодаря тому, что К. Ю., какъ немногіе даже изъ исключительныхъ артистовъ, ясно сознавалъ и логически обосновывалъ, объясняя ученикамъ, пріемы своей игры.

Не касаясь біографической стороны жизни К. Ю., какъ не относящейся непосредственно къ предмету статьи, я не могу не отмѣтить слѣдующей характерной особенности въ его музыкальномъ развитіи: занимаясь игрой на віолончели съ ранняго возраста, онъ очень долго не придавалъ особеннаго значенія этимъ своимъ занятіямъ, удѣляя имъ лишь досуги отъ гимназическихъ и университетскихъ работъ, а впослѣдствіи отъ изученія теоріи композиціи подъ руководствомъ Гауптманна въ Лейпцигѣ, изученія, которому онъ предался съ большимъ рвеніемъ, видя въ композиторствѣ свое призваніе. И только тогда, когда имъ былъ написанъ первый концертъ для віолончели, съ которымъ онъ рѣшилъ выступить въ Gewandhaus'ѣ, К. Ю. засѣлъ за изученіе упомянутаго концерта и вмѣстѣ съ тѣмъ за пересмотръ и окончательную обработку своей колоссальной техники, которая пришла къ нему какъ то сама собою. Эти нѣсколько мѣсяцевъ работы по нѣскольку часовъ въ день были единственнымъ временемъ усиленныхъ занятій віолончелью въ жизни К. Ю., когда онъ обдумалъ всесторонне вопросъ о томъ, какъ нужно играть и почему именно такъ, а не иначе, и когда онъ изъ композитора и теоретика (и віоловчелиста между прочимъ, по крайней мѣрѣ К. Ю. самъ такъ думалъ раньше) сталъ віолончелистомъ, занявшимъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди современныхъ ему представителей этого инструмента. Послѣ этого выступа въ Gewandhaus'ѣ, составившаго эпоху въ жизни К. Ю., онъ опять изумительно мало времени удѣлялъ віолончели, сравнительно съ другими артистами, очень рѣдко выступая въ концертахъ, и посвящая большую часть своего времени композиторству, преподаванію, въ послѣдствіи директорскимъ запятіямъ въ Петербургской консерваторіи.

Между тѣмъ віолончель дала ему славу гораздо бо́льшую, нежели композиторство; въ віолончельной игрѣ онъ былъ творцомъ, тогда какъ сочиненія его (камерныя и оркестровыя), при всѣхъ своихъ крупныхъ достоинствахъ, при всей ихъ прочувствованности и тонкой отдѣлкѣ, являются несамостоятельными, навѣянными чужою болѣе крупной музыкой (Мендельсонъ, Шуманъ).

Такой ходъ развитія былъ вполнѣ естественнымъ для К. Ю., даже больше: только при такомъ ходѣ развитія онъ могъ стать тѣмъ, чѣмъ онъ былъ,—віолончелистомъ, дѣлающимъ эпоху.

Виртуозность бываетъ разная; по ходячимъ представленіямъ о виртуозности, главный элементъ въ ней — пальцеломныя трудности, неожиданные для даннаго инструмента эффекты. Въ этомъ смыслѣ виртуозность отжила

свой вѣкъ, и мнѣ нѣтъ надобности повторять тѣхъ вѣскихъ осужденій, которымъ она подверглась въ свое время. Но виртуозность можно понимать иначе, и въ этомъ смыслѣ ея значеніе вѣчно, по крайней мѣрѣ, пока будетъ существовать вообще музыка виртуозъ не тотъ, для кого возможно невозможное, а тотъ, у кого есть, что сказать людямъ, и онъ говоритъ это на языкѣ своего инструмента. Вырабатывая языкъ своего инструмента, онъ создаетъ школу игры на этомъ инструментѣ. У К. Ю. было широкое общее образованіе (университетское), основательное знаніе музыки (занятія теоріей композиціи). Благодаря этому, онъ избѣгъ увлеченія пальцеломной виртуозностью въ самомъ началѣ, благодаря этому, онъ съумѣлъ сказать людямъ то, что онъ сказалъ своей игрой, благодаря этому наконецъ, онъ осмыслилъ для себя и привелъ въ систему пріемы своей игры, благодаря этому, онъ написалъ свои концерты и другія піесы для віолончели, въ которыхъ нѣтъ ни одной (развѣ въ двухъ, трехъ раннихъ его работахъ) трудности, неестественной для инструмента и не оправданной музыкально.

Конечно однихъ данныхъ общаго интеллектуальнаго и музыкальнаго развитія мало, чтобы сдѣлаться виртуозомъ какого бы то ни было инструмента; для этого нужна особая организація руки, и нужна значительная тонкость мускульнаго чувства и память мускульныхъ представленій, нужна цѣлая совокупность анатомическихъ и психо-физіологическихъ особенностей, которыхъ нельзя назвать опредѣленными именами при современномъ состояніи науки и которыми К. Ю. обладалъ несомнѣнно. Это доказываетъ фактъ совершенства его техники при изумительно маломъколичествѣ времени, потраченнаго на развитіе и поддержку этой техники. Но именно указанныя выше особенности развитія сдѣлали К. Ю. тѣмъ, чѣмъ онъ былъ и въ чемъ онъ занимаетъ исключительное мѣсто среди всѣхъ виртуозовъ, какъ віолончелистовъ, такъ и скрипачей прошлаго и настоящаго *), именно — *глубокимъ мыслителемъ въ области віолончельной техники.*

Первоначальное назначеніе віолончели было — служить представителемъ басоваго голоса въ хорѣ смычковыхъ инструментовъ, изъ которыхъ одна только скрипка съ поразительною быстротой переросла остальныхъ членовъ смычковой семьи, пріобрѣла доминирующее значеніе, какъ въ области выразительнаго пѣнія, такъ и въ области бравурнаго пассажа. Виртуозность віолончельная явилась, какъ подражаніе уже существующей и достигшей высокаго уровня скрипичной виртуозности; поэтому можно сказать, что въ рукахъ виртуоза віолончель хочетъ стать скрипкой, громоздкій, неуклюжій смычковый басъ стремится достигнуть микроскопической членораздѣльности мелодической фразы, выразить безконечную градацію настроеній. Такова задача віолончелиста-солиста, виртуоза, которую послѣдній часто старается осуществить во что бы то ни стало, насилуя до невозможности природу своего инструмента и вызывая этимъ справедливое осужденіе эстетиковъ *).

К. Ю. Давыдовъ былъ, можно сказать, *первымъ віолончелистомъ, опредѣлившимъ сознательно, что можетъ віолончель и чего она не можетъ.* Стремясь прежде всего къ красотѣ и естественности тона инструмента, К. Ю. находилъ, что двѣ нижнія струны віолончели, *соль* и *до*, даютъ красивый тонъ только въ предѣлахъ первой октавы (для каждой струны), если не считать флажолетовъ, употребленіе которыхъ очень ограничено. Изъ остальныхъ двухъ струнъ употребленіе струны *ре* въ свою очередь подчинено многимъ ограниченіямъ, такъ что віолончелисту остается только одна струна *ля*, на которой онъ можетъ двигаться, какъ ему угодно. К. Ю. говорилъ между прочимъ о своихъ концертахъ для віолончели: «стремясь развить виртуозность, я чувствовалъ себя вынужденнымъ оставаться на двухъ струнахъ, чаще всего на одной струнѣ *ля*».

Это же убѣжденіе К. Ю. выражалъ въ той аппликатурѣ, какую онъ примѣнялъ, играя концерты Ромберга, увлекавшагося подражаніемъ скрипкѣ и писавшаго пассажи въ высокихъ позиціяхъ на всѣхъ четырехъ струнахъ, которые, если ихъ играть въ этихъ позиціяхъ, звучатъ очень дурно. Въ этихъ случаяхъ К. Ю. измѣнялъ аппликатуру Ромберга: вмѣсто того, чтобы оставаться въ предписанной Ромбергомъ позиціи, онъ мѣнялъ эту позицію на-другія, оставаясь такимъ образомъ постоянно на двухъ или на одной струнѣ. Эти измѣненія, конечно, памятны всѣмъ ученикамъ К. Ю. по ихъ поразительному результату: исполняемый по указанію К. Ю. пассажъ звучалъ гораздо красивѣе и полнѣе, пріобрѣталъ совсѣмъ иную физіономію.

Поставивъ смѣну позицій, возможно-болѣе частую, въ основу віолончельной техники, К.

*) Отчасти подобное исключительное положеніе въ семьѣ виртуозовъ смычковыхъ инструментовъ занимаетъ итальянскій скрипачъ начала прошлаго столѣтія *Джузеппе Тартини*. См. его письмо къ одной изъ ученицъ о нѣкоторыхъ вопросахъ скрипичной техники, приведенное въ соч. *Wasielewsky*, Violine und ihre Meister, 2-te Aufl. 1883.

*) Напр. *Eugene Veron* говоритъ въ своей эстетикѣ по этому поводу: „Un instrumentiste, qui à force de travailler et de tourmenter un excellent violoncelle, est parvenu à en jouer de telle sorte qu'un auditeur aveugle pourrait croire qu'il entend un mediocre violon, pour compter sur un succès de tous les amateurs, qui savent par experience combien il est difficile d'apprendre à un ours à danser légèrement et de faire rendre à une grosse caisse des effets de petite flûte (Eug. Veron. L'esthétique, Paris, 1878, p. 370).

Ю. былъ неизбѣжно приведенъ къ выясненію основного принципа этой смѣны, который можно выразить слѣдующимъ образомъ: палецъ, имѣющій взять ноту въ новой позиціи, долженъ *сразу упасть* на струну въ требуемомъ мѣстѣ; а для этого необходимо перемѣстить всю руку въ новую позицію, *скользя по грифу тѣмъ пальцемъ, который уже находился на струнѣ* (въ старой позиціи). Строго говоря, понятіе о позиціи скрипичной неприложимо къ віолончели. На скрипкѣ возможно исполнить въ одной позиціи любую гамму, любой пассажъ, не выходящій изъ предѣловъ объема каждой позиціи. На віолончели это возможно только въ первой позиціи, при употребленіи пустыхъ струнъ (т.-е. только въ тѣхъ тональностяхъ, въ которыхъ нѣтъ діэза или бемоля на нотахъ: *до, соль, ре, ля*)—или же въ позиціяхъ большаго пальца, гдѣ играемый въ одной позиціи пассажъ звучитъ часто невозможно.

Такимъ образомъ частая смѣна позицій представляетъ трудность для віолончелиста неизбѣжную, относительно которой скрипачъ стоитъ въ болѣе выгодномъ положеніи. Но, даже и помимо ея неизбѣжности, частая смѣна позицій необходима и желательна сама по себѣ, какъ средство для болѣе выразительной и совершенной въ техническомъ отношеніи игры: въ одной данной позиціи ударъ дѣлаетъ только палецъ, при неподвижномъ положеніи кисти, тогда какъ при перемѣнѣ позицій бросаніе пальца на струну усиливается одновременнымъ бросаніемъ цѣлой руки. Въ этомъ смыслѣ *возможно частое перемѣщеніе руки* является основнымъ принципомъ новѣйшей инструментальной виртуозности, и направленіе, данное К. Ю. развитію віолончельной игры, совпадаетъ съ подобнымъ же движеніемъ въ области виртуозности фортепіанной *) и скрипичной.

Другую трудность для віолончелиста представляетъ веденіе смычка. Приводя въ колебаніе посредствомъ смычка толстыя и длинныя струны своего инструмента, віолончелистъ долженъ дѣлать большее усиліе, чѣмъ скрипачъ, имѣющій дѣло съ гораздо болѣе тонкими и короткими струнами скрипки. Отсюда вытекаетъ для віолончелиста невозможность играть одною кистью нѣкоторые пассажи, необходимость пустить иногда въ ходъ всю руку,—словомъ, меньшая подвижность смычка, чѣмъ у скрипача. Далѣе, посторонніе шумы при треніи смычка о струну значительнѣе и замѣтнѣе на віолончели, нежели на скрипкѣ.

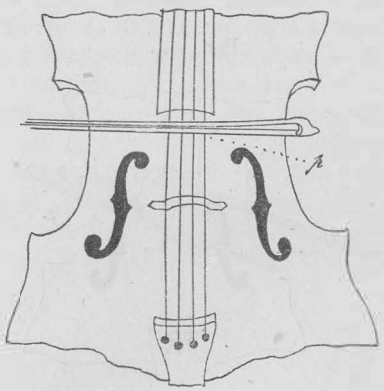
Уже Дюпоръ (1749—1819) поставилъ для віолончелиста требованіе—вести смычокъ параллельно подставкѣ, оговоривши при этомъ необходимость приближать иногда смычокъ то къ грифу, то къ подставкѣ, въ интересахъ выразительной игры, т.-е. допустивъ перемѣщеніе смычка по длинѣ струны *).

Но какъ это дѣлать, Дюпоръ не говоритъ, а между тѣмъ въ этомъ весь вопросъ: перемѣщеніе смычка вдоль струны есть главный источникъ скрипа и свиста, которые производятъ такое непріятное впечатлѣніе въ игрѣ неумѣлаго віолончелиста; какъ же дѣлать это перемѣщеніе, чтобы устранить упомянутый скрипъ и свистъ?

Вопросъ этотъ поставленъ К. Ю. и разрѣшенъ имъ въ такой формѣ: чтобы приблизить смычокъ къ грифу (diminuendo) или къ подставкѣ (crescendo), нужно привести его въ *наклонное* относительно подставки положеніе, повернувъ его въ требуемую сторону (т.-е. къ грифу или подставкѣ) *тою его частью, которая еще не была на струнѣ*. Но К. Ю. замѣтилъ еще одинъ источникъ посторонихъ шумовъ, а именно *переходъ* смычка съ одной струны на другую; для избѣжанія этихъ шумовъ онъ установилъ слѣдующее правило: дѣлать упомянутые переходы, повернувъ смычокъ къ грифу тою его частью, которая обращена къ болѣе тонкой струнѣ, и къ подставкѣ—частью обращенною къ болѣе толстой струнѣ, т.-е. концомъ (Spitze, point) къ грифу, а колодкой (Frosch, talon) къ подставкѣ.

Прилагаемые рисунки пояснятъ читателю правила, установленныя К. Ю. для веденія смычка въ различныхъ случаяхъ.

Рис. 1.

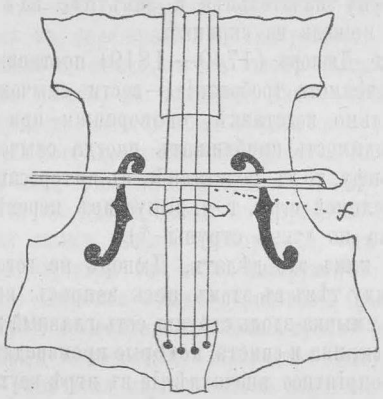


При исполненіи *piano*, смычекъ ведется параллельно подставкѣ, пересѣкая струну въ точкѣ *p*, у грифа.

*) Первымъ проявленіемъ упомянутаго принципа въ фортепіанной игрѣ было употребленіе 3-хъ или 4-хъ пальцевъ въ трели, при быстромъ повтореніи одной и той же ноты и проч. Въ настоящее время этотъ принципъ можетъ быть выраженъ такъ: одинаковыя по мотиву мелод. фигуры и пассажи исполнять одною и тою же аппликатурой, игнорируя неровности клавіатуры. Ср. *Hugo Riemann*: „Vergleichende Klavierschule, Hamburg, 1883. I Theil, System, стр. 27., также Katechismus des Klavierspiels". Leipzig, 1888.

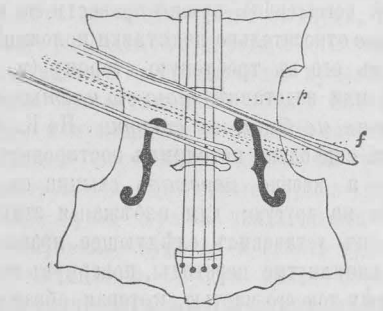
*) Essai sur le doigter du violoncelle et la conduite de l'archet.

Рис. 2.



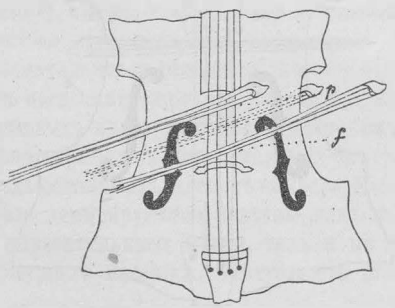
При исполненіи *forte*, смычекъ ведется параллельно подставкѣ, пересѣкая струну въ точкѣ *f*, у подставки.

Рис. 3.



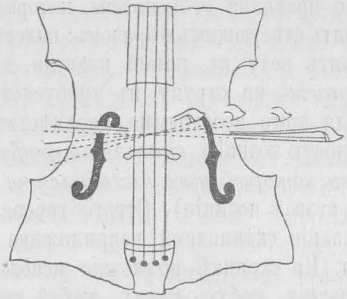
Смычекъ повернутъ концомъ своимъ (Spitze, Point) къ подставкѣ. Ведя его внизъ (Herunterstrich, Tirez), мы перемѣстимъ его въ тоже время вдоль струны изъ точки *p* въ точку *f*, въ результатѣ чего получится постепенное *возрастаніе* силы звука, *crescendo*. Ведя смычекъ вверхъ (Hinaufstrich, Poussez), перемѣщаемъ его вдоль струны изъ точки *f* въ точку *p*, въ результатѣ чего получится *убываніе* силы звука, *diminuendo*.

Рис. 4.



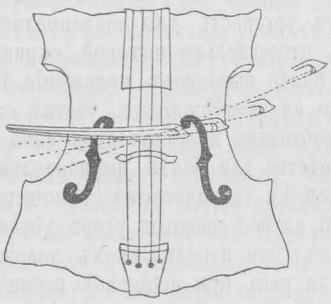
Смычекъ повернутъ концомъ къ грифу. Ведя его внизъ, мы перемѣщаемъ его въ то же время вдоль струны изъ точки *f* въ точку *p*, результатъ—*diminuendo*. Ведя смычекъ вверхъ, перемѣщаемъ его вдоль струны изъ точки *p* въ точку *f*, результатъ—*crescendo*.

Рис. 5.



Ведя смычекъ внизъ, поворачиваемъ его концомъ къ грифу при переходахъ: со струны *До* на струну *Соль*, съ *Соль*—на *Ре*, съ *Ре* на *Ля*. Примѣръ — восходящая гамма *legato*. Ведя смычекъ вверхъ, поворачиваемъ его въ обратную сторону, при переходахъ: съ *Ля* на *Ре*, съ *Ре* на *Соль*, съ *Соль* на *До*. Примѣры — нисходящая гамма *legato*.

Рис. 6.



Ведя смычекъ вверхъ, поворачиваемъ его концомъ къ грифу, при переходахъ: съ *До* на *Соль*, съ *Соль* на *Ре*, съ *Ре* на *Ля*. Ведя смычекъ внизъ, поворачиваемъ его въ обратную сторону при переходахъ: съ *Ля* на *Ре*, съ *Ре* на *Соль*, съ *Соль* на *До*.

Соблюденіе этихъ правилъ дѣлаетъ возможною *постепенность въ возрастаніи и убываніи давленія смычка на струну* и устраняетъ появленіе скрипа и свиста, имѣющихъ мѣсто при *внезапномъ* усиленіи или ослабленіи упомянутаго давленія. Отсюда та удивительная, ласкающая ухо слушателя мягкость тона, какою отличалась игра К. Ю. Но съ другой стороны, устраняя внезапныя измѣненія въ давленіи смычка на струну, К. Ю. отказался отъ нѣкоторыхъ, придающихъ подчасъ такую энергію игрѣ скрипача, рѣзкихъ оттѣнковъ, считая ихъ невозможными для віолончелиста.

Припоминается отвѣтъ К. Ю. на заданный ему однажды въ классѣ вопросъ: какъ съиграть пассажъ повышающійся, съ переходомъ черезъ всѣ струны, если требуется въ этомъ пассажѣ сдѣлать crescendo, ведя смычекъ внизъ, *) К. Ю.

*) Всмотрѣвшись внимательно въ рис. 5 и 6, приведенные выше, и сравнивъ ихъ съ рис. 3 и 4, читатель увидитъ безъ сомнѣнія, что переходъ со струны на струну возможенъ только съ такими оттѣнками: съ болѣе толстой на болѣе тонкую

отвѣтилъ, что по его убѣжденію, этого невозможно сдѣлать безъ ущерба красотѣ тона, прибавивъ при этомъ: «если выбирать между музыкальной выразительностью и мягкостью тона, то я склоняюсь на сторону послѣдней. Впрочемъ я никому не навязываю своихъ правилъ, не считаю этихъ правилъ чѣмъ-либо непогрѣшимымъ, непреложнымъ. Они у меня выработались изъ наблюденій надъ игрою хорошихъ скрипачей и надъ свойствами моего инструмента. Наблюдайте, ищите, можетъ быть придумаете что-нибудь лучшее».

Впрочемъ, затрудненіе въ этомъ случаѣ не такъ велико, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Если оно неустранимо въ принципѣ, то его можно ослабить въ каждомъ частномъ случаѣ, примѣняя особые пріемы и ухищренія. Возьмемъ, напримѣръ, пассажъ изъ 3-го концерта К. Ю.

Здѣсь diminuendo въ первыхъ двухъ четвертяхъ такта, обусловленное переходами смычка со струны IV на III, II, I вознаграждается послѣдующимъ crescendo; при искусномъ исполненіи упомянутое diminuendo можетъ быть сдѣлано почти незамѣтнымъ, такъ что въ общемъ получится впечатлѣніе почти непрерывнаго crescendo.

Мы остановились нѣсколько дольше на этомъ вопросѣ, такъ какъ вопросъ этотъ—открытый, въ которомъ многое остается сдѣлать, какъ это думалъ и самъ К. Ю. Да обратятъ вниманіе віолончелисты его школы на этотъ вопросъ, какъ на ближайшую задачу, завѣщанную покойнымъ К. Ю. своимъ ученикамъ.

Но и при указанныхъ ограниченіяхъ, задача віолончелиста-виртуоза представляетъ громадныя затрудненія, перечисленіе которыхъ завело бы насъ слишкомъ далеко; преодолѣть эти затрудненія возможно лишь при постоянномъ, самомъ внимательномъ, детальномъ примѣненіи вышеизложенныхъ двухъ основныхъ принциповъ, изъ которыхъ первый обусловливаетъ технику лѣвой руки, второй — веденія смычка. То что дано скрипачу малыми размѣрами его инструмента: подвижность, гибкость тона, крайняя незначительность шумовъ и свита при веденіи смычка, возможность сыграть большой по объему пассажъ, не мѣняя положенія руки и не скользя ею по грифу; — все это віолончелистъ долженъ завоевать знаніемъ и трудомъ. Тонкая, отчетливая игра, чистота интонаціи, чистота звука (въ смыслѣ отсутствія постороннихъ шумовъ), — все это для скрипача дѣло инстинкта, азбука, которою онъ легко овладѣваетъ. Для віолончелиста это — цѣль, достижимая лишь послѣ упорнаго, сознательнаго труда. Большинство віолончелистовъ-солистовъ не подозрѣваютъ даже этихъ трудностей, не говоря объ устраненіи ихъ. Будучи людьми, не лишенными музыкальнаго чувства, они, не въ обиду будь имъ сказано, играютъ невозможно. Единственное, что ихъ спасаетъ — это красота самого тона віолончели, полнота и густота этого тона, близость его по объему и тембру къ человѣческому голосу, прелесть, сообщаемая тону віолончели такимъ дешевымъ и гораздо болѣе легкимъ для віолончелиста, нежели для скрипача, средствомъ, какъ вибрированіе пальца на струнѣ.

Покойный К. Ю., со свойственнымъ ему юморомъ, говаривалъ о техникѣ віолончельной игры, въ классѣ и у себя дома, когда заходила рѣчь объ этомъ предметѣ: «въ музыкѣ, какъ и вообще въ искусствѣ, должна быть правда; а правдой я назову такую игру, когда играется та нота, которая написана; играть нужно каждую ноту такъ, чтобы она звучала, а звучать нота будетъ тогда, когда струна приходитъ въ колебаніе отъ треніе смычка». По-видимому въ этихъ словахъ—пошлость, матеріализмъ въ искусствѣ самаго низшаго сорта, особенно если припомнить разныя возвышенныя теоріи искусства, въ которыхъ такъ много жара и громкихъ фразъ. Но надо быть віолончелистомъ, надо пройти школу К. Ю, надо послушать віолончелистовъ, играющихъ нечисто, не тѣ ноты, которыя написаны и дѣлающихъ это не по недостатку слуха и музыкальности, а просто потому, что никто не обратилъ ихъ вниманія на особыя для каждаго случая приспособленія руки; надо послушать ихъ, когда они водятъ смычкомъ по струнѣ, а струна не дрожитъ, т. е. не колеблется цѣликомъ, всею длиной, и не звучитъ далѣе двухъ-трехъ шаговъ отъ инструмента; надо знать все это (а кто же изъ віолончелистовъ, такъ или иначе соприкасавшихся къ К. Ю., этого не знаетъ?), чтобы понять, какой глубокій смыслъ заключенъ въ только что приведенныхъ афоризмахъ покойнаго К. Ю., кажущихся на первый взглядъ только шутливыми.

Задача віолончелиста, какъ ее понималъ К. Ю., заключается въ томъ, чтобы слушать скрипача, подмѣчать его пріемы, осмысливать ихъ и осмотрительно примѣнять къ своему ин-

---

crescendo — ведя смычекъ вверхъ, diminuendo — ведя смычекъ внизъ; съ болѣе тонкой на болѣе толстую—diminuendo, ведя смычекъ вверхъ, crescendo, ведя смычекъ внизъ.

струменту. Осмысливая и обосновывая логически пріемы смычковаго пѣнія, віолончелистъ можетъ подчасъ сослужить службу и скрипачу, научить кой чему того, кто былъ для него образцомъ и учителемъ. Примѣръ этого — написанная К. Ю. школа для віолончели (къ сожалѣнію только 1-я часть), *) въ которой, можно сказать, въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ педагогическая литература смычковыхъ инструментовъ, выяснены *въ общей, раціональной формѣ* пріемы лѣвой руки и веденія смычка, приложимые одинаково и къ скрипкѣ, и къ віолончели, и къ контрабасу, конечно съ особыми для каждаго случая видоизмѣненіями и ограниченіями. До него не существовало раціональной теоріи смычковой техники, и однако скрипачи могли довольствоваться неполными эмпирическими обобщеніями и достигать большого совершенства техники. Для віолончелиста это невозможно, за очень рѣдкими исключеніями, какими были, напримѣръ, *Ромбергъ*, *Серве*, *Давыдовъ*; но Ромбергъ и Серве, достигнувъ совершенства и красоты въ игрѣ, унесли свои пріемы въ могилу, не осмысливши ихъ и не выразивши въ той формѣ общихъ принциповъ, въ какой ихъ возможно передать другимъ,—тогда какъ К. Ю. Давыдовъ, совершенство игры котораго было тоже дѣломъ инстинкта, облекъ пріемы своей игры въ связный логическій рядъ посылокъ и заключеній и поставилъ этимъ дѣло віолончельной виртуозности на твердую почву, облегчивъ до послѣдней возможности работу будущихъ виртуозовъ своего инструмента.

Вотъ въ общихъ чертахъ задача віолончелиста, какъ ее понималъ и осуществлялъ Карлъ Юльевичъ, вотъ его завѣтъ ученикамъ, его собственныя слова, которыя онъ не разъ повторялъ въ классѣ: «слушайте скрипачей, наблюдайте ихъ пріемы; всѣмъ, что я знаю, я обязанъ хорошимъ скрипачамъ, всему я научился, слушая ихъ». Къ этому К. Ю. прибавляетъ, что віолончелистовъ хорошихъ онъ радъ бы послушать, да не могъ, по той простой причинѣ, что «ихъ нѣтъ». Говоря это, онъ далекъ былъ отъ самовозвеличенія и самовосхваленія; онъ выражалъ этими словами простую и очевидную истину, которую онъ первый формулировалъ сознательно: что віолончелистъ-солистъ возможенъ послѣ того, какъ явился солистъ скрипачъ, что *віолончелистъ возникаетъ, слушая скрипача.*

Въ преподаваніи К. Ю. отмѣчу прежде всего слѣдующую черту: избѣгая этюдовъ и пьесъ, написанныхъ для віолончели съ инструктивными цѣлями, часто крайне плохихъ въ музыкальномъ отношеніи, онъ ставилъ ученика лицомъ къ лицу съ тѣмъ лучшимъ, что есть въ віолончельной литературѣ. Въ изученіи этого лучшаго онъ видѣлъ цѣль занятій віолончелиста и въ то же время средство выработать технику и вкусъ въ исполненіи. Отъ ученика К. Ю. требовалъ всегда сознательнаго отношенія къ изучаемой пьесѣ, постоянной самокритики. Что именно трудно въ данной пьесѣ и почему? Изъ какихъ отдѣльныхъ трудностей слагается данный трудный пассажъ? Что можетъ показать віолончелистъ въ исполненіи данной пьесы? Задавая подобные вопросы, К. Ю. пріучалъ ученика анализировать пьесу въ техническомъ отношеніи и въ то же время слѣдить за каждымъ шагомъ въ своей работѣ, примѣнять настойчиво къ каждому отдѣльному случаю тѣ общіе пріемы віолончельной техники, которые изложены мною выше, концентрировать свой трудъ на отдѣльныхъ, строго индивидуализированныхъ задачахъ, вырабатывать исполненіе труднаго пассажа путемъ упорной работы по недѣлямъ надъ двумя-тремя строптивыми тактами.

К. Ю. внимательно слѣдилъ за развитіемъ каждаго изъ своихъ учениковъ; разнообразя постоянно изучаемый репертуаръ, онъ охранялъ ученика отъ всякой односторонности, мѣшалъ удобному для ученика, но вредному для его развитія сидѣнію на излюбленныхъ пьесахъ излюбленнаго автора. Классическій, тяжеловѣсный Ромбергъ и изящный, кокетливо порхающій Серве проходили красною нитью въ занятіяхъ каждаго ученика К. Ю., чередуясь съ пьесами новѣйшихъ композиторовъ. Выбирая ученику пьесу для изученія, К. Ю. проявлялъ изумительный педагогическій тактъ, всегда вѣрно угадывая, что нужно каждому въ данный моментъ.

Въ своихъ замѣчаніяхъ по поводу выученной пьесы К. Ю. обращалъ вниманіе исключительно на тѣ недостатки исполненія, устраненіе которыхъ своевременно для ученика, при данномъ уровнѣ его техники, и оставлялъ безъ вниманія другіе недостатки, откладывая заботу о нихъ на будущее время. Въ этомъ—тайна быстрыхъ успѣховъ, которые дѣлалъ у него въ классѣ каждый, въ этомъ—тайна того обаянія и авторитетности, которыми пользовалось ученіе К. Ю. среди его учениковъ.

Свои замѣчанія К. Ю. дѣлалъ спокойно, подчасъ съ юморомъ, подзадоривающе-язвительнымъ, но лишеннымъ обезкураживающей рѣзкости; при этомъ онъ никогда почти не сердился на ученика, не выходилъ изъ себя. Да онъ и не могъ сердиться, потому что онъ зналъ, что можно требовать отъ ученика при данномъ размѣрѣ таланта и уровнѣ развитія и чего нельзя; съ другой же стороны и ученики знали,

*) C. Davidoff. Violoncell Schule, Edition Peters, изданная въ ноябрѣ 1888 г.

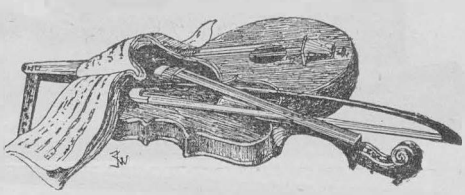
съ чѣмъ можно и съ чѣмъ нельзя явиться въ классъ къ К. Ю.

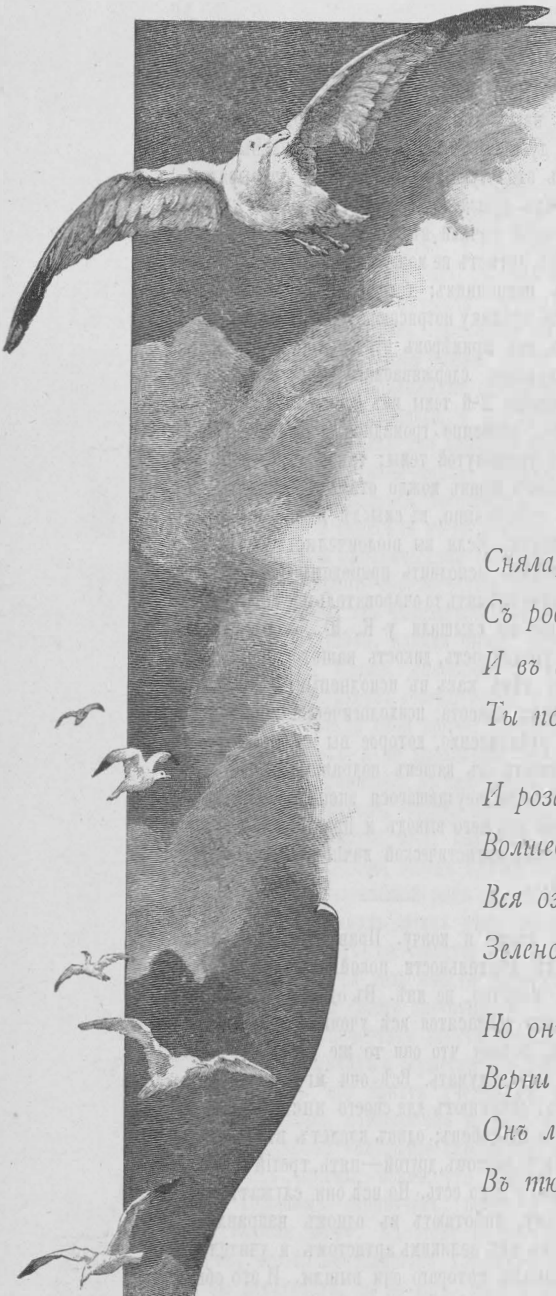
Что касается вкуса, экспрессіи въ исполненіи, К. Ю. никогда не навязывалъ ученику своего пониманія пьесы, ограничиваясь лишь общими намеками и указаніями. Онъ заботливо охранялъ индивидуальность ученика, давалъ этой индивидуальности свободно проявляться, осмѣивая иногда лишь то, что проскальзывало въ исполненіи ученика уродливаго, утрированнаго. Одну черту онъ развивалъ въ ученикѣ настойчиво, это—чувство мѣры. Указавъ ученику на какой-нибудь пріемъ въ передачѣ фразы, К. Ю. дожидался, пока этотъ пріемъ будетъ понятъ и усвоенъ. Затѣмъ слѣдовало такое замѣчаніе: «прекрасно, теперь это усвоено. Но вы пересаливаете, какъ будто хотите мнѣ показать, что вотъ-молъ, теперь я знаю, какъ поступать въ этомъ случаѣ». Послѣ такого замѣчанія, во время сдѣланнаго, пересолъ исчезалъ и усвоенный ученикомъ пріемъ входилъ у него въ плоть и кровь, проявляясь въ игрѣ его непринужденно и естественно.

Остается сказать нѣсколько словъ объ игрѣ К. Ю., хотя это и очень трудно. Для того, кто не слыхалъ его, слова мои будутъ пустымъ звукомъ; а кто слыхалъ, тотъ конечно и самъ помнитъ его незабвенную игру. Особенность игры К. Ю.—необыкновенно тонкая поэтизація каждой фразы исполняемой піесы, глубокая и искренняя задушевность; каждая фраза изъ самой незначительной піески, исполненная имъ, запечатлѣвалась въ воображеніи слушателя въ томъ именно видѣ, какъ онъ ее исполнялъ, вмѣстѣ съ очевидностью, что именно такое исполненіе для этой фразы нужно, что въ иномъ исполненіи эта фраза потеряетъ что-то существенное, главное, безъ чего въ ней не можетъ быть жизни и красоты. Припомните, читатель, въ его исполненіи, напримѣръ, Berceuse г. Кузнецова и Cantabile г. Кюи и вы согласитесь со мною, что своимъ исполненіемъ онъ *создалъ* эти піесы, вложилъ въ нихъ жизнь и душу, что никто, можетъ быть даже сами авторы этихъ піесъ не представляли себѣ раньше въ нихъ такой красоты и жизни, какую показалъ въ нихъ К. Ю. своимъ исполненіемъ. Другая особенность игры К. Ю., — сдержанность чувства, какъ бы стыдливость, нежеланіе расчувствоваться передъ публикой, показать посторонникъ взглядамъ то, что происходитъ въ глубинѣ души; и только въ исключительныхъ случаяхъ это чувство неудержимо прорывалось, въ тѣхъ фразахъ, которыя являются кульминаціонной точкой въ каждой піесѣ, и въ которыхъ артистъ не можетъ сдержать себя, оставаясь искреннимъ; тогда К. Ю. производилъ на всю публику потрясающее впечатлѣніе. Какъ одинъ изъ примѣровъ этого могучаго порыва обыкновенно сдерживаемаго чувства, приведу исполненіе 2-й темы изъ *amoll*'наго концерта К. Ю., особенно громадное растяженіе 3-го такта упомянутой темы; такое исполненіе отдѣльныхъ фразъ можно охарактеризовать словомъ rubatissimo, въ смыслѣ рѣзкаго нарушенія такта. Если вы віолончелистъ, читатель, попробуйте исполнить приведенное мѣсто, попробуйте сдѣлать то очаровательное rubatissimo, которое вы слышали у К. Ю., и васъ поразитъ уродливость, дикость вашего подражанія, между тѣмъ какъ въ исполненіи К. Ю., васъ поразила красота, психологическая правда такого рубатиссимо, которое вы стараетесь воспроизвести въ вашемъ подражаніи. Сдѣлайте изъ своего неудавшагося эксперимента вытекающій изъ него выводъ и преклонитесь предъ величіемъ артистической личности Карла Юльевича...

На этомъ я кончу. Правъ ли я въ своей оцѣнкѣ дѣятельности покойнаго артиста, судить, конечно, не мнѣ. Въ одномъ я увѣренъ: со мною согласятся всѣ ученики Карла Юльевича, потому что они то же думаютъ, не могутъ иначе думать. Всѣ они играютъ, преподаютъ, сочиняютъ для своего инструмента, кто на что способенъ; одинъ кладетъ въ свое дѣло десять талантовъ, другой—пять, третій—одинъ, сколько у кого есть. Но всѣ они служатъ одному дѣлу, работаютъ въ одномъ направленіи, данномъ имъ великимъ артистомъ и учителемъ, изъ школы котораго они вышли. И это общее дѣло, которому всѣ они служатъ, не умретъ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать віолончель, можетъ быть до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать музыка.

Василій Гуторъ.





Свѣтлякъ.

Сняла, шутя, съ былинки нѣжной
Съ роднаго, бѣднаго цвѣтка
И въ сердце розы бѣлоснѣжной
Ты положила свѣтляка.

И роза кажется дворцомъ
Волшебнымъ, бѣлымъ, и прохладнымъ,
Вся озаренная лампаднымъ,
Зеленоватымъ огонькомъ.

Но онъ потухъ... Мой другъ, опять
Верни его родному полю:
Онъ любитъ ночь, онъ любитъ волю,—
Въ тюрьмѣ не хочетъ онъ сіять!

Д. Мережковскій.

„ГРЕЗЫ“

(„LE RÊVE“)

ЛИРИЧЕСКАЯ ДРАМА ПО РОМАНУ ЭМИЛЯ ЗОЛЯ.*)

Французскій текстъ ЛУИ ГАЛЛЭ.
Русскій переводъ Н. Н. ВИЛЬДЕ.

Монологъ Жана.

Музыка А. БРЮНО.

Moderato quasi andante.

Piano.

f

Тво_рецъ! я клятву
*Sei_gneur, j'ai dit: ja_*

dim. *mf espress.* *pp*

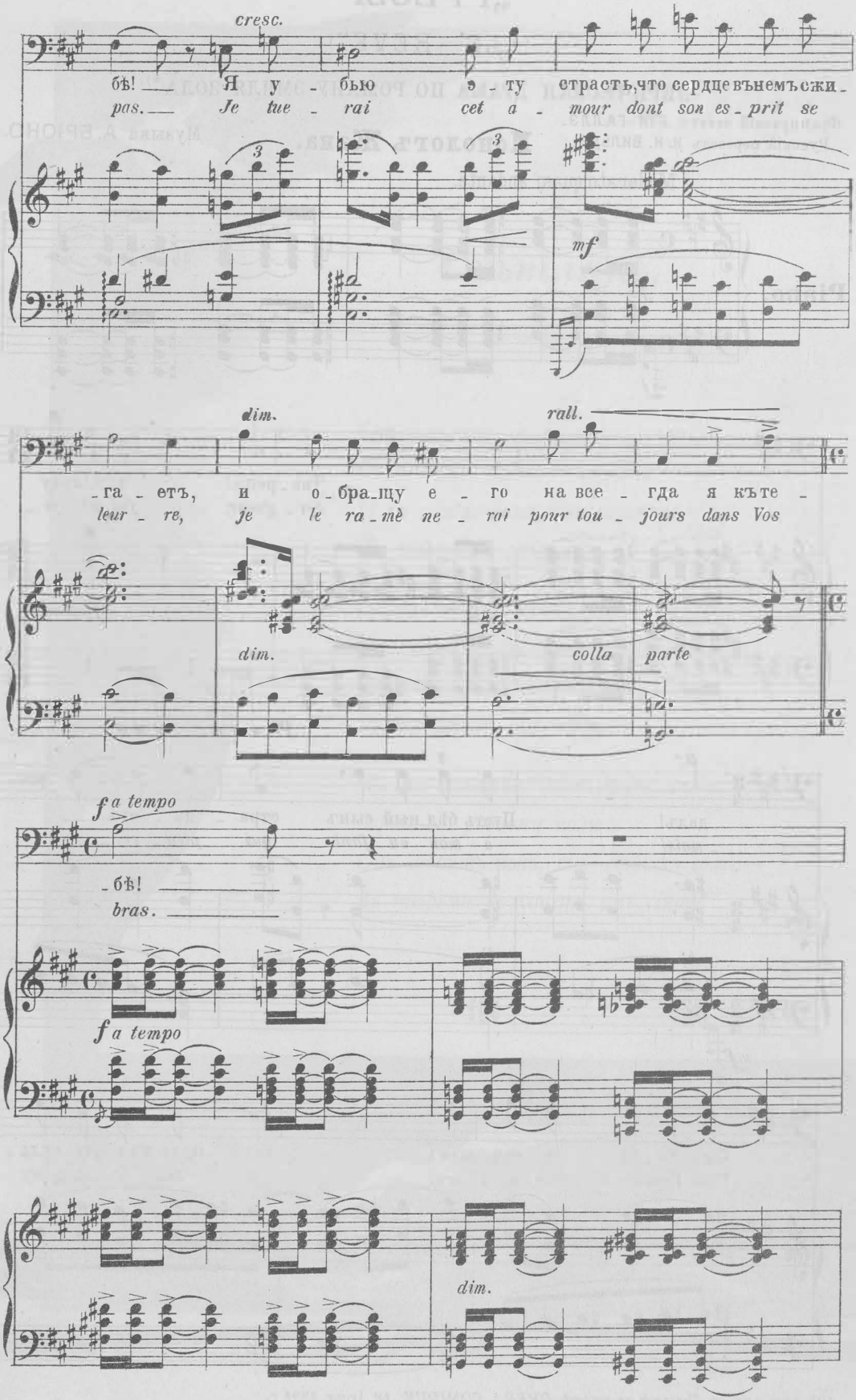
далъ!
_mais!

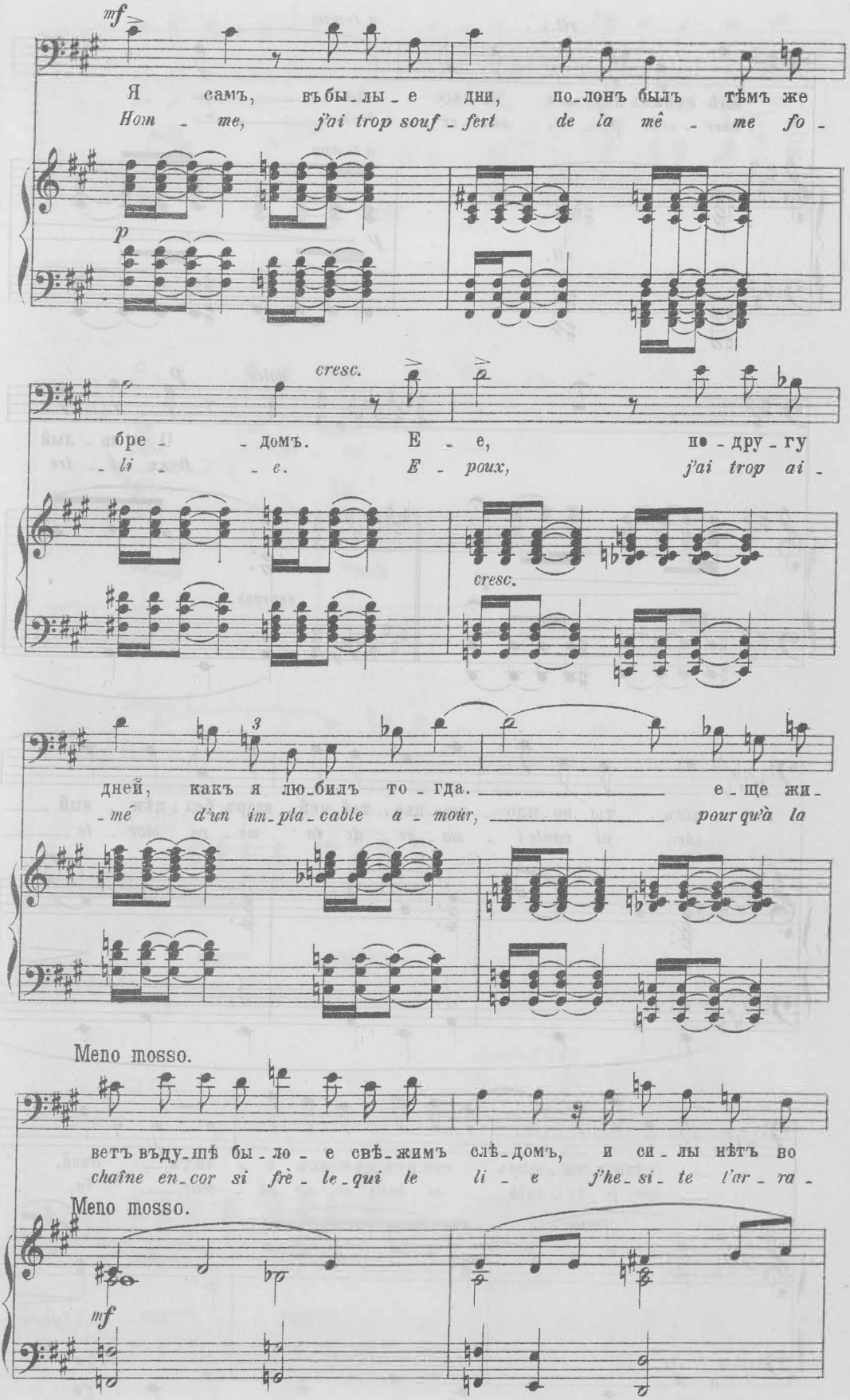
Пусть бѣд_ный сынъ стра_да_етъ.
à mon en_fant qui pleu_re.

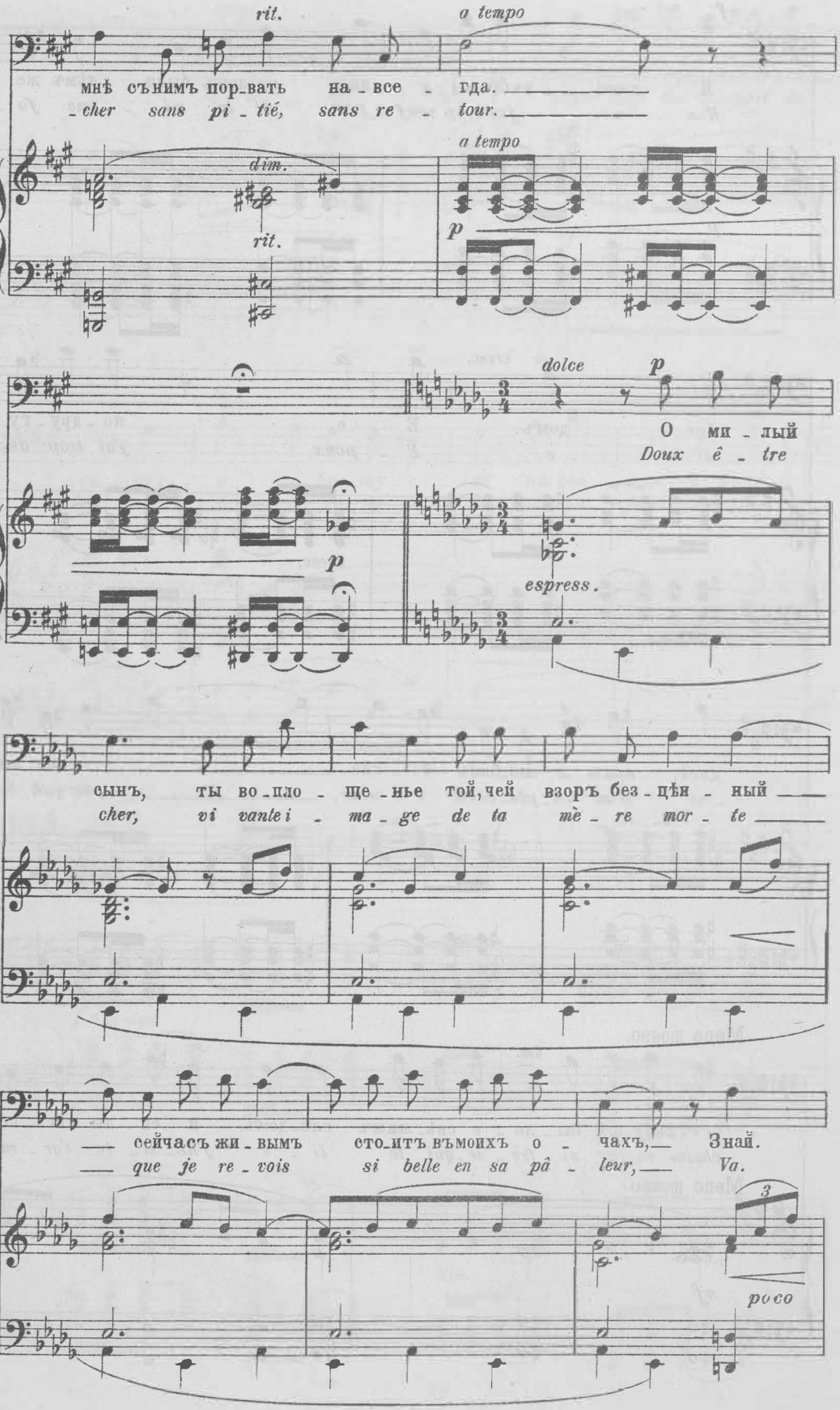
p *mf*

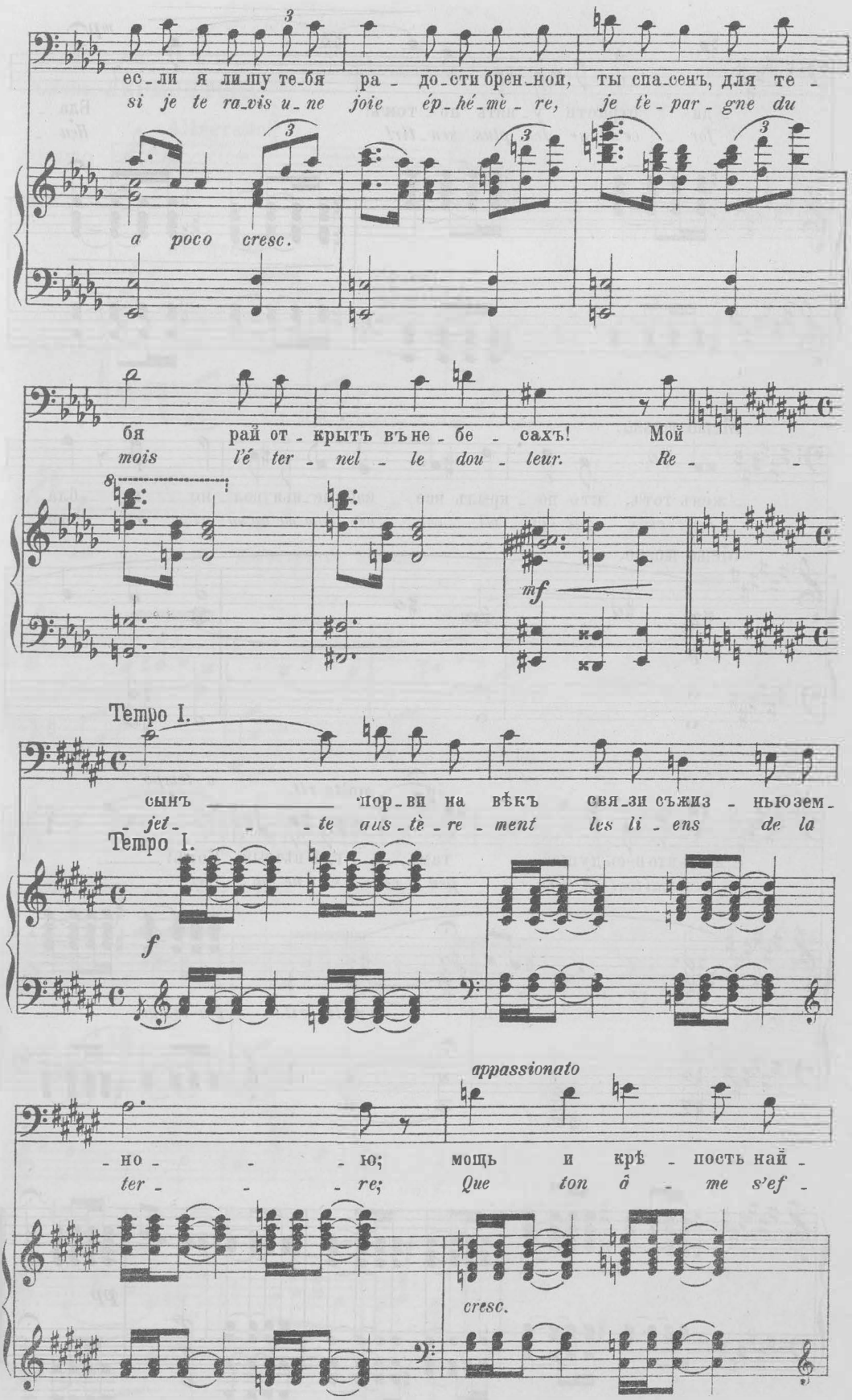
Онъ Те_бѣ по_свя_щенъ, вотъ путь въ е_го судь_
Vous l'ayant con_sa_cré, je ne le reprends

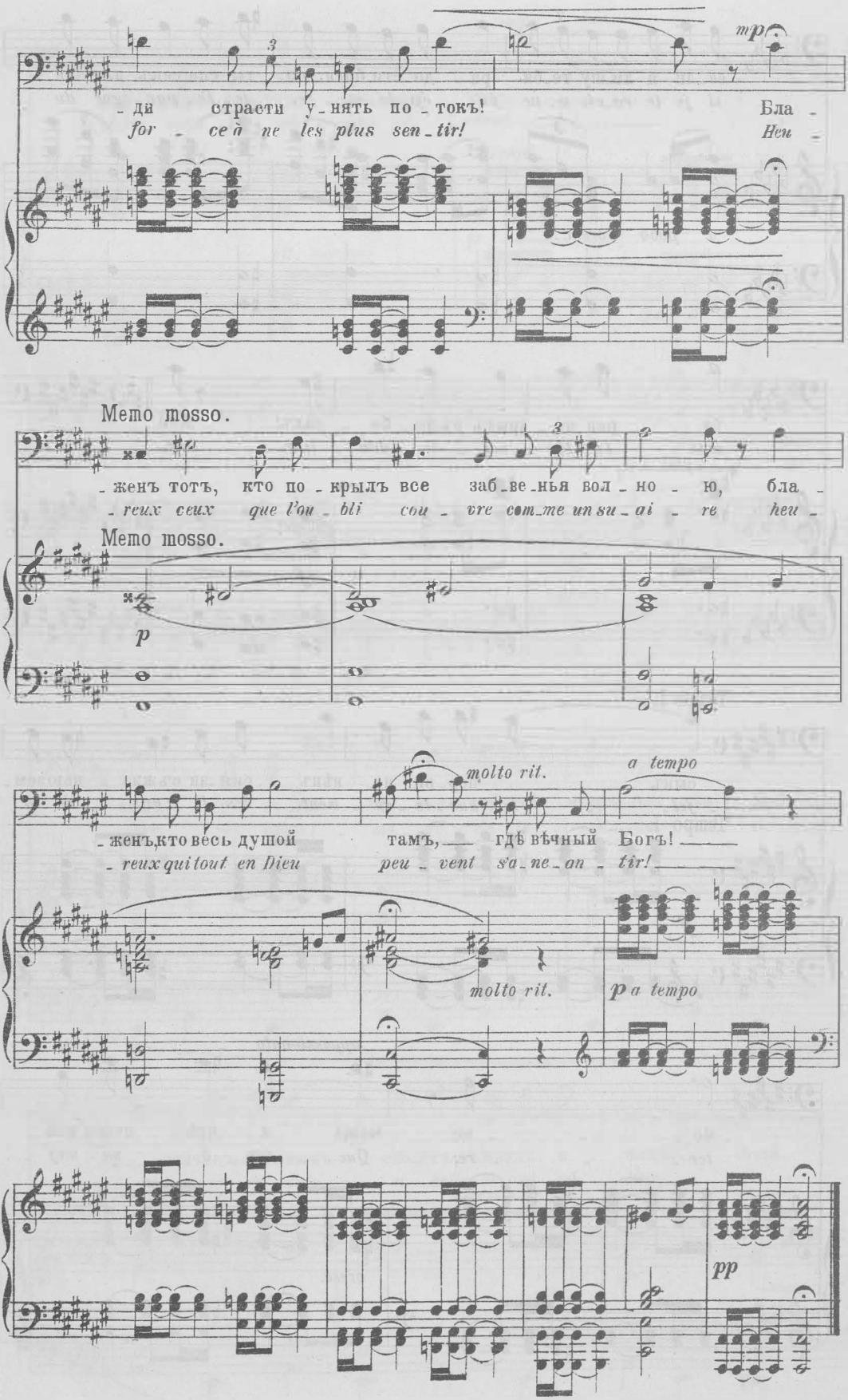
*) Поставлена въ Парижѣ на сценѣ OPÉRA COMIQUE 18 Іюня 1891 г.


cresc.
бѣ! — Я у - бью э - ту страсть, что сердце въ немъ сжи -
pas. — Je tue - rai cet a - mour dont son es - prit se
mf
dim.
rall.
- га - етъ, и о - бра - щу е - го на все - гда я къ те -
leur - re, je le ra - mè ne - rai pour tou - jours dans Vos
dim.
colla parte
f a tempo
- бѣ!
bras.
f a tempo
dim.


mf
Я самъ, въ бы-лы-е дни, по-лонъ былъ тѣмъ же
Hom-me, j'ai trop souf-fert de la mê-me fo-
p
cresc.
бре- -домъ. Е- е, не-дру-гу
-li- -e. E-poux, j'ai trop ai-
cresc.
3
дней, какъ я лю-билъ то-гда. е-ще жи-
-mé d'un im-pla-cable a-mour, pour qu'à la
Meno mosso.
ветъ въ ду-шѣ бы-ло-е свѣ-жимъ слѣ-домъ, и си-лы нѣтъ во
chaîne en-cor si frè-le-qui le li-e j'he-si-te l'ar-ra-
Meno mosso.
mf


rit.
a tempo
мнѣ сънимъ пор_вать на_все_гда.
_cher sans pi_tié, sans re_tour.
a tempo
dim.
rit.
p
dolce
p
О ми_лый
Doux ê_tre
p
espress.
сынъ, ты во_пло_ще_нье той, чей взоръ без_цѣн_ный
cher, vi vante i_ma_ge de ta mè_re mor_te
сейчасъ жи_вымъ сто_итъ въмоихъ о_чахъ, Знай.
que je re_vois si belle en sa pâ_leur, Va.
3
poco


ес_ли я лишу те_бя ра_до_сти брен_ной, ты спа_сенъ, для те_
si je te ra_vis u_ne joie ép_hé_mè_re, je t'é_par_gne du
a poco cresc.
бя рай от_крытъ въ не_бе_сахъ! Мой
mois l'é ter_nel_le dou_leur. Re_
mf
Tempo I.
сынъ ___ порви на вѣкъ свя_зи съ жиз_нью зем_
jet_ _ te aus_tè_re_ment les li_ens de la
Tempo I.
f
appassionato
_но_ _ _ ю; мощь и крѣ_пость най_
ter_ _ _ re; Que ton â_me s'ef_
cresc.


mp
- ди страсти у - нять по - токъ! Бла -
for - ce à ne les plus sen - tir! Heu -
Memo mosso.
- женъ тотъ, кто по - крылъ все заб - ве - нья вол - но - ю, бла -
- reux ceux que l'ou - bli cou - vre com - me un su - ai - re heu -
Memo mosso.
p
molto rit.
a tempo
- женъ, кто весь душой тамъ, — гдѣ вѣчный Богъ! —
- reux qui tout en Dieu peu - vent s'a - ne - an - tir! —
molto rit.
p a tempo
pp

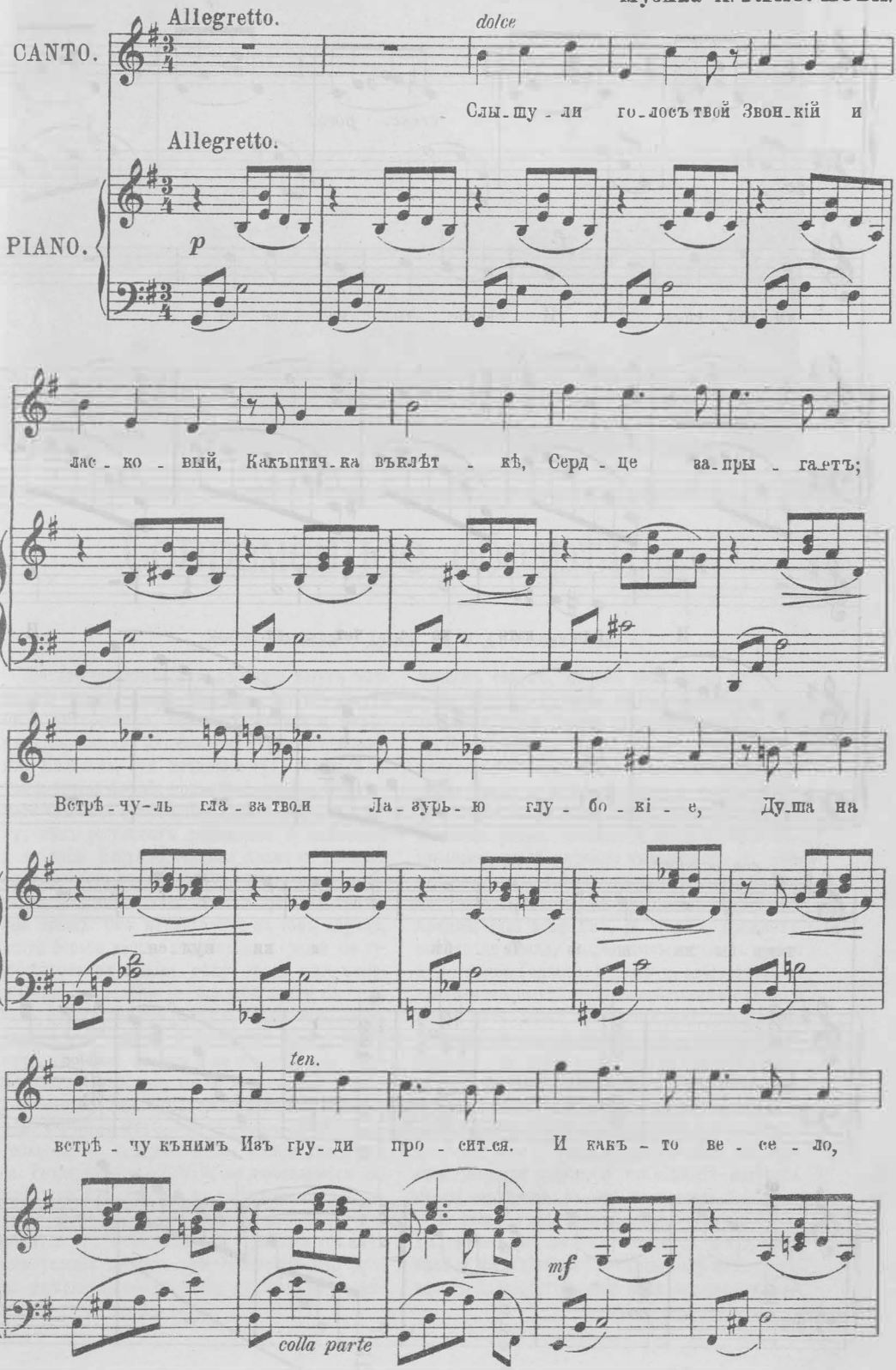
МАРІИ НИКОЛАЕВНѢ МИКЛАШЕВСКОЙ.

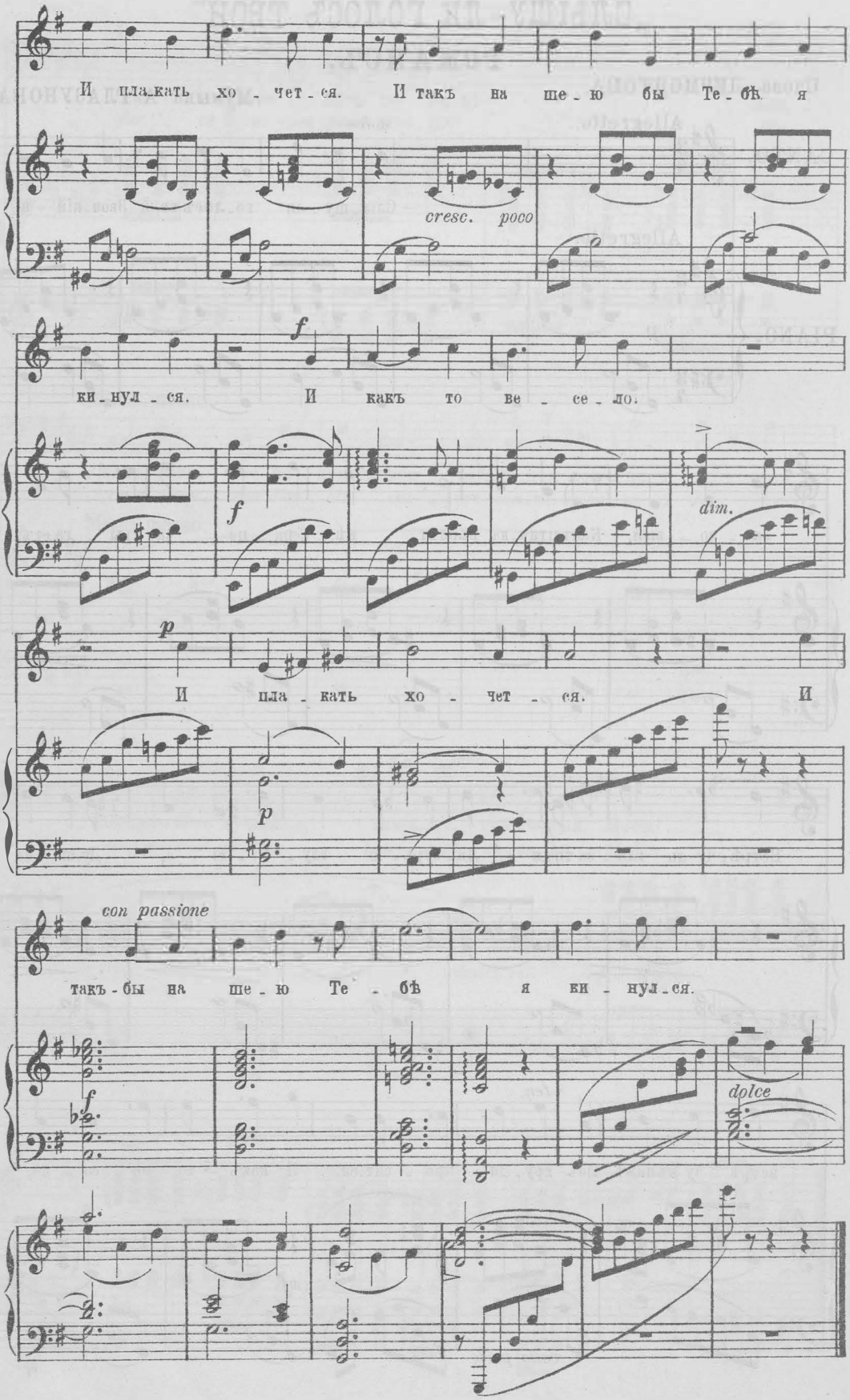
„СЛЫШУ-ЛИ ГОЛОСЪ ТВОЙ“

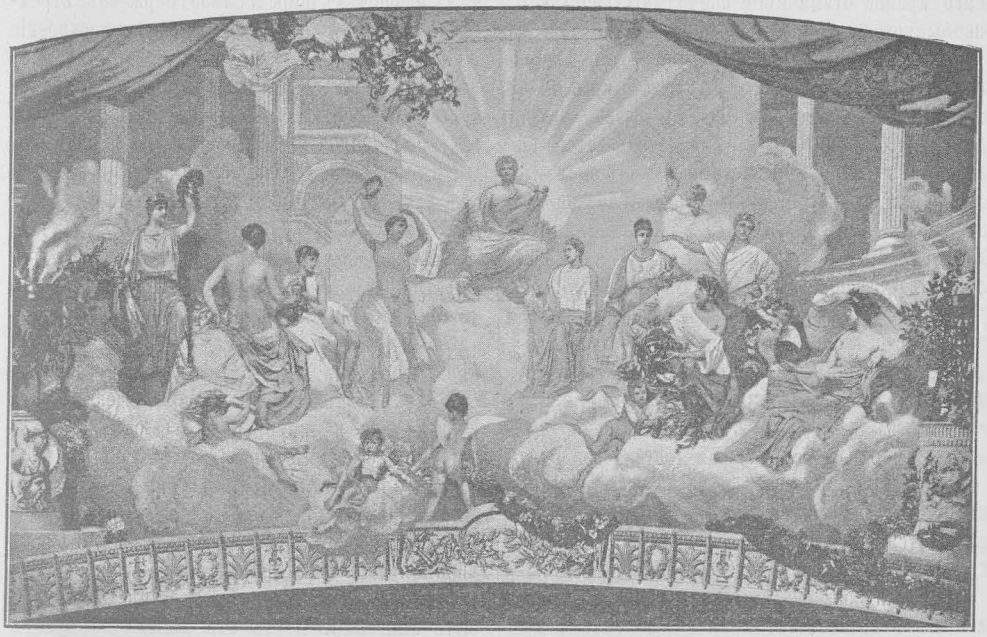
РОМАНСЪ.

Слова ЛЕРМОНТОВА.

Музыка А. ГЛАЗУНОВА.




И пла_кать хо_чет_ся. И такъ на ше_ю бы Те_бѣ я
cresc. poco
ки_нул_ся. И какъ то ве_се_ло.
f
dim.
И пла_кать хо_чет_ся. И
p
con passione
такъ_бы на ше_ю Те_бѣ я ки_нул_ся.
f
dolce



Плафонъ Э. Шарлемонъ въ фойе вѣнскаго Бургтеатра.

Современное обозрѣніе.

„Жизнь Илимова“, драма въ 5 д., г. Лихачова.

Мотивы драматическаго дѣйствія могутъ быть крайне разнообразны. Прежде всего они могутъ быть внутренними, психологическими и внѣшними, состоящими изъ фактовъ окружающей жизни. Наконецъ, эти мотивы могутъ являться въ той и другой формѣ: нравственный міръ отдѣльнаго человѣка и внѣшнія условія создаютъ драму, какъ результатъ взаимныхъ столкновеній и вліяній. Психологическая драма въ тѣсномъ смыслѣ слова въ литературѣ встрѣчается рѣже всего, для сцены она лишена чисто-театральной жизни. Она происходитъ въ томъ случаѣ, когда борьбы между личностью и средой не существуетъ на самомъ дѣлѣ, герой и его окружающіе не только не борятся другъ съ другомъ, а даже живутъ раздѣльной жизнью, идутъ различными путями и до извѣстнаго момента пути эти даже могутъ и не встрѣтиться. Драматическое дѣйствіе тогда ограничивается исключительно внутреннимъ міромъ главнаго героя. Сцены и акты—рядъ отражевій дѣйствительности въ зеркалѣ духа, воспринимающаго ее. Результаты воспріятія не проявляются извнѣ, герой не только не вмѣшивается въ теченіе окружающей жизни,—а, напротивъ, сторонится его, всѣми силами стремится убѣжать отъ условій даннаго существованія. Эта драма лишена драматическаго дѣйствія въ сценическомъ смыслѣ, но она безконечно интересна и поучительна въ психологическомъ отношеніи. Примѣръ такой драмы представляетъ Гамлетъ. До представленія *Мышеловки* драма остается чисто-психической, предъ нами исключительно сцена *духа*, а внѣшнія явленія только фонъ, на которомъ вырисовывается нравственный міръ датскаго принца. Начиная съ представленія *Мышеловки*, герой активно вмѣшивается въ дѣйствительность, стремится воздѣйствовать на нее, но это воздѣйствіе, по духовнымъ свойствамъ принца, едва возможно, и драма по прежнему, вплоть до конца, сосредоточивается въ *крови* и *разсудкѣ* Гамлета. Борьбы и, слѣдовательно, драматическаго дѣйствія въ собственномъ смыслѣ здѣсь нѣтъ. Герой въ теченіе всей драмы только одинъ разъ выказываетъ сопротивленіе враждебнымъ ему силамъ, это когда Гамлетъ устроиваетъ смерть Розенкранца и Гильденштерна, Кромѣ этого единственнаго случая активнаго столкновенія съ дѣйствительностью во всей драмѣ,—мы только узнаемъ впечатлѣнія, настроенія, взгляды героя, и главнѣйшій интересъ пьесы заключенъ въ его монологахъ.

И между тѣмъ, драма полна жизни и правды, потому что великій поэтъ съ неподражаемой силой и глубиной раскрылъ все многосложное бытіе нравственнаго міра принца, одарен-

наго крайне отзывчивой впечатлительностью и необыкновеннымъ даромъ критики.

Другой родъ драмы, противоположный первому, можетъ быть названъ *драмой интриги* въ наиболѣе широкомъ смыслѣ слова. Здѣсь драматическій интересъ сосредоточивается на внѣшнихъ условіяхъ дѣйствительности, на *дѣйствіи* въ его настоящемъ значеніи. Здѣсь на первомъ планѣ *обстоятельства*, а не *духъ* личности. Интересъ пьесы складывается изъ цѣлаго ряда разнообразныхъ, неожиданныхъ фактовъ и случайностей. За этой сѣтью внѣшней игры часто тускнѣютъ и исчезаютъ драматическіе характеры или теряютъ оригинальность, полноту, становятся шаблонными фигурами. Такія *драмы интриги* въ высшей степени сценичны, но ихъ литературныя достоинства тѣмъ ниже, чѣмъ больше простора дается *внѣшней* сторонѣ дѣйствія, чѣмъ сильнѣе человѣкъ поглощается обстоятельствами. Для зрителей представленія такого рода пьесъ—менѣе всего поучительныя зрѣлища. Мысли и чувству зрителей нѣтъ времени остановиться на оцѣнкѣ душевныхъ явленій, быстрая смѣна положеній мѣшаетъ наиболѣе проницательному и серьезному зрителю вдумываться въ настроенія и характеры дѣйствующихъ лицъ.

Этотъ родъ драмы, доведенный до крайности, перестаетъ быть совершенно литературнымъ, получаетъ особое, далеко не почтенное значеніе чисто-сценическаго жанра. Онъ весьма нравится большинству публики, крайне благодаренъ для актеровъ, такъ какъ въ такой пьесѣ всегда найдется множество отдѣльныхъ эффектныхъ моментовъ. Но въ современной литературѣ эти драмы еще быстрѣе забываются, чѣмъ возникаютъ и ихъ появленіе на сценѣ болѣе всего способствуетъ принижению литературнаго вкуса у зрителей и развитію у нихъ наклонности къ поверхностнымъ, болѣзненно-раздражающимъ и въ то же время совершенно безъидейнымъ зрѣлищамъ.

Наконецъ, третій родъ драмы совмѣщаетъ въ себѣ психическую жизнь личности и борьбу, взаимныя вліянія этой личности и окружающихъ ее людей. Герой не остается только зрителемъ дѣйствительности, не только воспринимаетъ её, а дѣйствуетъ въ ней, вноситъ въ нее свое *я* съ цѣлью провести внѣшнюю чужую жизнь въ гармонію съ собственной. Это въ полномъ смыслѣ реальная драма, въ одно и то же время исполненная жизни и духовной глубины. Герои такихъ драмъ—*личности* по преимуществу, *дѣятели* и *мыслители*. Къ какому бы результату ни приходила эта дѣятельность—она захватываетъ весь нашъ интересъ, такъ какъ въ ней раскрывается важнѣйшій вопросъ человѣческой жизни—о борьбѣ личности съ средой, о преобразованіи житейскаго строя усиліями одного изъ членовъ общества. И интересъ нашъ тѣмъ выше, чѣмъ шире и самоотверженнѣе стремленія личности, чѣмъ идеальнѣе ея построеніе въ началѣ драмы. Трудно найти какого-либо, болѣе или менѣе одареннаго мыслью зрителя, который бы не слѣдилъ за развитіемъ драмы, какъ за событіями, себѣ близкими, дорогими. И это, можетъ-быть, единственное настроеніе, когда общій и частный интересъ сливаются до полнаго тождества.

Въ наше время особенно цѣнны такія драмы. Современный обыкновенный человѣкъ до такой степени мало вѣритъ въ какія-либо идеи, такъ мало понимаетъ и цѣнитъ ихъ, что всякій голосъ изъ ихъ области должно привѣтствовать какъ голосъ жизни и возрожденія. Пусть идеи будутъ не крупны, пусть онѣ не выходятъ изъ обычнаго уровня современныхъ будней, но пусть это будутъ *идеи*, пусть лишній разъ промелькнутъ въ умѣ зрителей убѣжденія, что помимо *фактовъ* есть что-то высшее, управляющее ими, помимо *жертвъ среды* есть ея творцы или, по крайней мѣрѣ, жаждущіе быть таковыми. Пусть эта жажда не будетъ удовлетворена и носитель идеи, даже самой будничной, несмѣлой, падетъ безъ удовлетворенія,—но пусть это паденіе отучитъ современнаго человѣка отъ пошлой иронии и животнаго самодовольства, и заронитъ въ его сознаніе искру угрызенія...

Именно здѣсь сцена должна придти на помощь жизни. Писатель долженъ изъ самыхъ сокровенныхъ угловъ современнаго болота извлекать «на всенародныя очи» все чистое и идейное, погибающее въ духотѣ и тинѣ. Но только пусть писатель покажетъ намъ *процессъ* этой гибели, пусть явитъ предъ нами дѣйствительную драму, борьбу, постепенную утрату силъ, можетъ быть, вѣры. Только это зрѣлище въ состояніи возвысить мысли современнаго зрителя и остаться въ его памяти укоромъ и стыдомъ. Только картины благородныхъ усилій, все равно съ какимъ исходомъ, защита своего *я* предъ напоромъ инертной дѣйствительности поучительны и драматичны.

Великъ грѣхъ писателя, когда онъ, вмѣсто этой драмы, покажетъ намъ лишній разъ только ея плачевные результаты, изобразитъ въ новыхъ краскахъ «гибель свѣта»... Какъ будто мы и безъ того не видимъ этого ежедневно, какъ будто не кишатъ вокругъ насъ животныя, готовыя съѣсть самое солнце... Нѣтъ, намъ не надо такой правды. Это все равно, какъ если бы врачъ непрестанно расписывалъ больному настоящіе и будущіе ужасы его болѣзни, и упорно отказывалъ ему въ словѣ ободренія. Больной можетъ дойти до состоянія полнаго отчаянія. Тяжелый, безпросвѣтный кошмаръ будетъ давить его сознаніе,—и окончательно исчезнетъ всякая надежда на выздоровленіе. А между тѣмъ, можетъ быть, одинъ

лучъ свѣта, брошенный во время въ угнетенную мысль, воскресилъ бы силы и заронилъ бы сѣмена новой жизни.

Въ наше время слышатся вѣчныя жалобы на бѣдность литературы, крайне безцвѣтный характеръ новыхъ талантовъ. Эти жалобы, можетъ быть, и не всегда справедливы... Но, конечно, нашимъ современникамъ незнакомо страстное, лихорадочное волненіе, когда-то охватывавшее нашихъ отцовъ, переживавшихъ изъ году въ годъ цѣлыя событія въ родной литературѣ. Недостатокъ оживленія и блеска можетъ быть вознагражденъ лишь однимъ путемъ: вдумчивостью авторовъ въ изображаемую жизнь,—въ результатѣ необходимо явятся и идеи и интересъ. Сильный художникъ можетъ иногда изображать дѣйствительность и не вдумываясь въ нее: геній невольно, безсознательно сообщитъ своимъ образамъ необыкновенно яркія краски и полноту жизненной правды и невольно очаруетъ взоры. Менѣе сильному таланту никогда не достигнуть красоты и силы, безсознательно возникающихъ подъ перомъ геніальнаго писателя. Ему остается единственный путь — завоевать мѣсто въ литературѣ: строго осмысливать свои созданья, углублять ихъ внутреннюю жизнь, одушевлять одной опредѣленной идеей свои художественные образы. Тогда и небольшой очеркъ и драматическая сцена, даже монологъ, получаютъ свое значеніе. Безъ вдумчивости, безъ идеи эти очерки и сцены останутся праздными вымысломъ, пустымъ и недолговѣчнымъ. Это будетъ литература мыльныхъ пузырей, красивыхъ, даже блестящихъ на нѣсколько мгновеній, но въ сущности никому ненужныхъ и даже вредныхъ: всякіе пустяки, особенно въ литературѣ, немедленно развращаютъ и принижаютъ умственный уровень читателей. И въ нашей современной литературѣ существуетъ цѣлый рядъ такихъ виртуозовъ, безсильныхъ и даже не желающихъ идти дальше пустяковинныхъ разсказовъ, самоуслади тельной игры микроскопическаго воображенія. Эти авторы и ихъ читатели производятъ удручающее впечатлѣніе нравственно недоразвившихся юношей, протягивающихъ свои мужественныя мускулистыя руки къ хрупкимъ бездѣлушкамъ и пестро-наряженнымъ куколкамъ...

А между тѣмъ такъ легко дается *идейность*, которой бѣжитъ современное пестрое сочинительство! Въ этомъ убѣждаетъ насъ всякая болѣе или менѣе серьезная попытка писателя, уважающаго свое дѣло. Къ числу такихъ попытокъ принадлежитъ и драма, вызвавшая насъ на разсужденія. Если она не оказалась въ полномъ смыслѣ идейной, безусловно цѣнной для литературы и даже для общественнаго сознанія,— въ этомъ вина авторскаго недоразумѣнія.

Авторъ взялъ самый обыкновенный кругъ жизни и главнымъ героемъ сдѣлалъ человѣка, вовсе не блистающаго какими-либо особенными талантами. Задача выходила также простая, будничная, и между тѣмъ въ высшей степени важная, можетъ быть, въ наше время гораздо болѣе важная, чѣмъ изображеніе сильныхъ страстей и высоко-идеальныхъ стремленій. Современному человѣку не понять ни этихъ страстей, ни этихъ стремленій, но Семена Петровича Илимова, «помощника бухгалтера въ управленіи», многіе, вѣроятно, знали и знаютъ лично.

Какъ бы ни была скромна профессія и общественное положеніе человѣка, ничто не мѣшаетъ ни благородству ни направленію его идей. Если на всякомъ общественномъ мѣстѣ можно быть прекраснымъ человѣкомъ, нисколько не меньше можно быть идейнымъ и даже идеальнымъ. Гамлетъ, въ положеніи принца и наслѣдника престола, могъ стремиться къ преобразованію всей общественной жизни, даже къ усовершенствованію всего человѣчества. Тотъ же Гамлетъ въ наше время питалъ бы желанія, болѣе сообразныя съ своимъ положеніемъ среди окружающихъ, но отъ этого они не стали бы менѣе благородны и идеальны. Даже великимъ драматическимъ героямъ гораздо легче питать всевозможные идеалы: у нихъ слишкомъ много силы, необыкновенно обширная сцена и часто полное отсутствіе опасности поплатиться за свой идеализмъ. Не то съ идеалистами будничной жизни. Здѣсь борьба незамѣтна, часто совершенно лишена эффекта и шума, но отъ этого ея внутреннее значеніе нисколько не слабѣетъ и для большинства даже поучительнѣе, чѣмъ зрѣлище грандіозной борьбы на исключительной сценѣ. И мы съ первыхъ же минутъ почувствовали живѣйшій интересъ и къ герою драмы и къ самой драмѣ.

Первый актъ у автора построенъ весьма искусно и цѣлесообразно. Въ этомъ актѣ происходитъ, такъ сказать, *экспозиція* дѣйствующихъ лицъ и намѣчается дальнѣйшій ходъ дѣйствія. Мы знакомимся совершенно точно и съ характеромъ главнаго героя и съ тѣмъ обществомъ, которое его окружаетъ. Но,—что главнѣе всего,—намъ дается съ первыхъ же сценъ и завязка будущей драмы, именно той драмы, которую мы выше признали наиболѣе совершенной, *реальной* въ полномъ смыслѣ слова. Предъ нами герой, идеально построенный,—мало этого, энергичный и даже начавшій дѣйствовать, бороться до начала перваго акта пьесы. Болѣе выгодно нельзя было привлечь зрителей на сторону главнаго дѣйствующаго лица и его послѣдующей жизни.

Сослуживцы Илимова характеризуютъ его какъ неугомоннаго автора проектовъ, реформъ, какъ «революціонера» и фантазера. Фантазіи Илимова состоятъ въ томъ, что онъ «все по-

своему хочетъ, не такъ, какъ изстари заведено, а какъ ему лучше кажется». Это желаніе новизны проявляется часто въ крайне наивныхъ, въ сущности безцѣльныхъ формахъ. Илимовъ стремится «реформировать» даже писаніе канцелярскихъ бумагъ—въ интересахъ краткости и ясности. Эти мелочи, конечно, только раздражаютъ сослуживцевъ Илимова и ни на одну минуту не помогаютъ ему въ другихъ болѣе серьезныхъ стремленіяхъ. Но Илимову еще не болѣе 28 лѣтъ, онъ крайне впечатлителенъ, нетерпѣливъ и, можетъ быть, отчасти деспотиченъ, какъ всякій идеалистъ, твердо увѣренный въ своихъ идеяхъ и практически ихъ примѣняющій.

Въ первомъ же актѣ мы узнаемъ и направленіе практической дѣятельности Илимова. Это защитникъ мелкоты, бѣдняковъ. На первый разъ онъ проводитъ въ своемъ правленіи проектъ, уменьшающій проценты по ссудамъ, съ цѣлью облегчить займы бѣднѣйшимъ участникамъ кассы, Въ результатѣ, богатые вкладчики думаютъ уходить изъ кассы, а мелкота «вся на его сторонѣ—обожаютъ». Это настоящая общественная борьба, заслуживающая полнаго уваженія, какъ бы ни была ограничена ея сцена.

Самъ Илимовъ относится къ этой борьбѣ совершенно сознательно и, повидимому, твердо намѣренъ продолжать ее. Онъ открыто заявляетъ капиталистамъ, что намѣренъ до конца ополчиться на ихъ капиталы и не отступитъ даже тогда, если богатые вкладчики покинутъ кассу:—по его мнѣнію, это въ сущности будетъ въ интересахъ его дѣла. Слѣдовательно, у человѣка все есть—убѣжденія, энергія, опредѣленная цѣль. Онъ молодъ, образованъ, даже враги не могутъ отрицать у него способностей, не могутъ отказать ему въ уваженіи. Что же стоитъ на пути къ полному успѣху? Только—*внѣшняя жизнь*, она—враждебна «реформамъ» Илимова, съ ней ему предстоитъ вести споръ. Но и эта внѣшняя жизнь, повидимому, готова рано или поздно уступитъ энергическому убѣжденному идеалисту. По крайней мѣрѣ, мы не видимъ на сценѣ людей одинаковыхъ способностей и силы воли съ Илимовымъ. Все предъ нами обыкновенные канцелярскіе труженики, лѣнивые, апатичные, инертные во всѣхъ своихъ желаніяхъ и взглядахъ.—«Потянемъ, служнуть надо»—говоритъ одинъ изъ нихъ начальнику Илимова, а тотъ отвѣчаетъ ему вздохомъ. Бороться съ такими людьми не составляетъ трудной задачи и не требуетъ особенныхъ практическихъ талантовъ.

Правда, среди товарищей Илимова есть одинъ, возбуждающій нѣкоторую, довольно, впрочемъ, равнодушную, зависть у сослуживцевъ—Шленкъ. Это—аферистъ, еще молодой, но съ надеждой пойти далеко. Въ этомъ и вся его сила. Сопротивляться Илимову его же оружіемъ, убѣжденіями, вліяніемъ, честностью стремленій—онъ не въ силахъ. Кромѣ того, въ моментъ перваго акта онъ «изъ начинающихъ» и, слѣдовательно, Илимову мало опасенъ и въ его глазахъ ничтоженъ до такой степени, что въ томъ же первомъ актѣ Илимовъ жестоко оскорбляетъ его словами и дѣйствіемъ. Слѣдовательно, путь Илимова обѣщаетъ ему съ первыхъ шаговъ если не полное удовлетвореніе,—по крайней мѣрѣ радостную надежду и непрерывное сознаніе своей силы и правоты.

Но здѣсь же въ первомъ актѣ появляется на сцену и будущая казнь героя, его Ева, которой суждено омрачить его юный, не омраченный еще тѣнями идеализмъ и внести въ его жизнь драму. Общественной драмы, мы видѣли, по окружающимъ условіямъ, могло и не быть у Илимова. Развѣ только онъ слишкомъ рѣзко и нетерпимо сталъ бы проводить свои идеи. Но и въ этомъ случаѣ онъ «не пропалъ бы», оставаясь одинокимъ, и семейное горе и нужда не создали бы трагической дилеммы—или отступиться отъ дорогихъ стремленій, или въ жертву имъ принести личное счастье и счастье другихъ. Одиночество всегда было и останется спутникомъ идеализма въ нашемъ мірѣ и чаще всего только при этомъ условіи возможны жертвы и достойная борьба. Благородство стремленій должно быть искуплено самоотверженіемъ, жертвою личнаго матерьяльнаго счастья,—и вѣчно останется неопровержимой истиной удивленіе, высказанное поэтомъ предъ лицомъ одного изъ такихъ героевъ:

Онъ одину, какъ женщину, любилъ...

Бываютъ счастливцы, встрѣчающіе на своемъ пути женщинъ, не только не разсѣивающихъ «любви къ родинѣ», но вносящихъ въ эту любовь новую энергію, новый смыслъ. Это истинныя подруги идей,—ихъ слишкомъ мало помнитъ человѣческая память,—и недаромъ множество философовъ и поэтовъ повторяли безнадежный совѣтъ, на который ссылался знаменитый Корнель, когда его упрекали въ одинокой жизни: «не знай жены, если не хочешь прервать развитіе своей мысли и полетъ прекрасныхъ стремленій». Поэтъ серьезно вѣрилъ въ эту истину—и во всемъ блескѣ славы—остался одинокимъ.

На героѣ разбираемой драмы эта истина должна была оправдаться съ наибольшей силой. Идеалисты, подобные Илимову, энергичны и тверды волей въ положеніяхъ, требующихъ серьезныхъ усилій и затрогивающихъ идеальное направленіе ихъ мысли. Илимовъ отважно идетъ противъ «людей солидныхъ», готовъ во что бы то ни стало защищать свое дѣло: у него большая *идейная* энергія и смѣлость. Она, мы видѣли, направлена на благополучіе мелкоты, это энергія—гуманная, безкорыстная отъ начала до конца. Идеализмъ и сердечность—основныя чер-

ты въ характерѣ Илимова, и вторая оказывается смертельнымъ врагомъ идеализма, разъ начинаетъ осуществляться на предметѣ недостойномъ, эгоистическомъ и жестокомъ. Кромѣ того—самый обычный фактъ—безсиліе идеалиста предъ лицомъ наиболѣе мелкихъ, пошлыхъ явленій дѣйствительности. Чуждый мелочей и эгоистическихъ инстинктовъ, человѣкъ чувствуетъ себя безоружнымъ при встрѣчѣ съ этими мелочами и инстинктами. Надо, чтобы эти инстинкты затронули полетъ его идеальныхъ стремленій, т.-е. перешли бы на *общую* почву. Илимовъ пойметъ и отразитъ эгоизмъ, когда этотъ эгоизмъ окажется врагомъ «мелкоты», т.-е. общественнымъ зломъ, но онъ можетъ не разглядѣть его, когда тотъ же эгоизмъ изберетъ жертвой его самого. Ослѣпленіе будетъ еще полнѣе, если идеалистъ на минуту почувствуетъ себя неправымъ. Тогда угрызенія совѣсти, можетъ быть, мнимыя, ошибочныя, могутъ парализовать волю и превратить на самомъ дѣлѣ энергическаго и мыслящаго человѣка въ случайную жертву перваго проходимца.

Илимовъ находится именно въ такомъ положеніи. Онъ увлекся дѣвушкой, не имѣющей никакихъ нравственныхъ основъ жизни, простой самкой, исключительно поглощенной желаніемъ поймать жениха, а то и просто выгоднаго любовника. Ей не трудно было довести Илимова до такого предѣла, когда отказаться отъ ея любви, при его общемъ настроеніи и характерѣ, было бы нечестно. У нея нѣтъ ни капли нѣжности къ человѣку, служившему ей предметомъ выгодной сдѣлки. Напротивъ, Людмила должна питать къ нему даже презрѣніе, именно за ту легкость, покладливость и несомнѣнную слѣпоту, съ какими онъ отдался ея уловкамъ. У такихъ женщинъ уваженіемъ пользуются такіе же пошлые эгоисты и ловкіе дѣльцы, какъ онѣ сами. А Илимовы имъ кажутся глупцами совершенно неинтересными внѣ ихъ роли—оффиціальныхъ мужей. Людмила немедленно это и доказываетъ...

Мы ни на одну минуту не сомнѣваемся въ смыслѣ происходящей предъ нами интриги, даже если бы авторъ не устроилъ сцены Людмилы съ Шленкомъ и не заставилъ ея, помимо всего этого, увлечься товарищемъ Илимова и спросить у себя съ недоумѣніемъ, за что она любитъ своего будущаго мужа?

Здѣсь, слѣдовательно, въ семьѣ Илимову предстоитъ несомнѣнная расплата за свое увлеченіе, слѣпоту и—въ данномъ случаѣ—слабость воли. Но эту слабость мы не должны понимать какъ отсутствіе нравственной энергіи, напротивъ рѣшеніе Илимова жениться на Людмилѣ, безъ чувства уваженія къ ней, говоритъ въ сущности объ этой энергіи. Онъ женится на Людмилѣ, не потому что онъ не можетъ жить безъ нея, а потому что не можетъ измѣнить *себѣ*, не можетъ оставить на своей совѣсти безчестнаго, по его мнѣнію, поступка. Женитьба на Людмилѣ, поэтому, настолько же доказательство принципіальности Илимова, насколько говоритъ и объ его гуманности, добросердечіи, близкомъ, можетъ быть, въ иныхъ случаяхъ къ слабоволію.

Слѣдовательно, всякая черта въ первомъ актѣ убѣждаетъ насъ, что предъ нами энергичный, убѣжденный дѣятель и идеалистъ, не установившійся окончательно, благодаря молодости и нервной организаціи, но за то обладающій яснымъ взглядомъ и просвѣщеннымъ умомъ. Онъ жалуется товарищу на безучастіе окружающихъ его—къ дѣлу, на равнодушіе ихъ вообще къ какой-либо дѣятельности, говоритъ, какъ это на него самого производитъ впечатлѣніе холодной воды,—и все-таки онъ сочиняетъ проектъ за проектомъ и ведетъ упорную войну съ капиталами. Ясно, что этого человѣка на многое и надолго хватитъ, что даже Людмила и «управленіе» не такъ скоро задушатъ его нравственную силу.

Мы съ такой подробностью разбираемъ одинъ актъ пьесы, потому что въ этомъ актѣ, въ малыхъ размѣрахъ, заключается одно изъ самыхъ типическихъ и захватывающихъ явленій нашей дѣйствительности, ставятся вопросы, ежедневно на нашихъ глазахъ требующіе разрѣшенія. Въ этихъ сценахъ заключены важнѣйшіе мотивы самыхъ разнообразныхъ драмъ, происходящихъ въ жизни. Драмы въ семьѣ и обществѣ коренятся въ личной судьбѣ Илимова. Всѣ эти драмы можно свести къ нитямъ, опутавшимъ нравственное существованіе и внѣшнюю жизнь нашего героя, и еслибы этихъ нитей не прервалъ самъ авторъ, предъ нами было бы одно изъ интереснѣйшихъ драматическихъ произведеній. Оно не охватило бы насъ сильными чувствами, не раскрыло бы героизмъ необыкновенныхъ людей, но повѣяло-бы на насъ свѣжимъ дыханіемъ идейной атмосферы, показалась бы лучшая сторона человѣка «будничнаго», но въ своемъ нравственномъ мірѣ носящаго «соль земли».

Къ сожалѣнію, авторъ или не понялъ этого или отступилъ предъ болѣе трудной задачей и принялся за работу мало плодотворную и не требующую серьезнаго психологическаго анализа. Въ первомъ актѣ авторъ попеременно изображалъ характеръ среды и главнаго героя—центра этой среды. Со втораго акта авторъ оставилъ этотъ путь, отбросилъ наиболѣе важную часть своего труда—характеръ героя—и ограничился характеристикой внѣшнихъ условій. А между тѣмъ, въ этой характеристикѣ мы нуждаемся менѣе всего: послѣ перваго акта внѣшнія условія Илимова для насъ ясны, и они притомъ такого свойства, что ни развиваться въ иномъ направленіи, ни измѣняться не могутъ. Въ слѣдующихъ актахъ намъ бы-

ло бы достаточно отрывочныхъ картинъ, намековъ, небольшихъ сценъ и то лишь въ интересахъ главнаго характера. Именно на этомъ характерѣ и должно было сосредоточиться все вниманіе автора. Характеръ Илимова только что началъ выясняться въ первомъ актѣ, онъ еще вполнѣ не сложился, и теперь вступилъ на новый путь. Онъ пережилъ утро, для него насталъ жаркій день, исполненный испытаній и непогодъ, съ самаго начала угнетающій его сердце тяжелыми предчувствіями... Вся активная жизнь, какая только возможна въ драмѣ, на сторонѣ Илимова; кругомъ его стоячее болото. Авторъ тщательно роется въ этомъ болотѣ и, какъ бы съ цѣлью успокоиться на этомъ занятіи, пресѣкаетъ самый источникъ жизни.

Со второй картины Илимовъ является лишеннымъ всѣхъ признаковъ, какіе заставляли насъ видѣть въ немъ драматическое лицо. Онъ успѣлъ до такой степени отдаться разрушительному вліянію внѣшнихъ условій, что они торжествуютъ надъ нимъ безусловно во всѣхъ положеніяхъ. Онъ заранѣе ихъ жертва, это нравственный мертвецъ, способный только на физическую смерть. А между тѣмъ — всѣ остальные торжествуютъ. Жена поетъ «Конфетку» и предается наслажденіямъ жизнью, родственники жены безнаказанно оскорбляютъ мать и сестру Илимова, сослуживцы теперь въ лучшемъ случаѣ выражаютъ къ нему чувство жалости, его врагъ — Шленкъ при первомъ же случаѣ мститъ ему за давнишнее оскорбленіе и мститъ такъ, что Илимовъ, когда-то одинъ чувствовавшій себя въ полѣ воиномъ, теперь разражается только истеричнымъ негодованіемъ и уступаетъ дорогу ничтожному противнику.

Авторъ эту утомительную исторію, въ сущности предсмертную агонію своего героя, растягиваетъ на четыре акта. Здѣсь встрѣчаются типичныя, часто яркія бытовыя картинки, мелькаютъ удачныя сценки, — но все это вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе совершенно ненужнаго балласта, сочинительства ради самого процесса безъ опредѣленной цѣли.

У автора не оказалось, слѣдовательно, руководящаго драматическаго интереса и онъ долженъ былъ вознаградить его всякими шаблонными пріемами — въ комическомъ направленіи, — въ комическомъ потому, что иное немыслимо на пути автора въ послѣднихъ четырехъ актахъ. Пошлая, шутовская среда Илимова могла дать сколько угодно смѣхотворнаго матеріала, — и авторъ широко воспользовался имъ. Предъ нами — безтолковая, глупая вдовушка, одаренная чувствительнымъ сердцемъ и безъ капли здраваго смысла. Она, конечно, снабжена неизбѣжными ужимками и присказками, потѣшающими наиболѣе наивный и добродушный элементъ публики. Рядомъ съ ней въ роли ея «злодѣя» — братъ Людмилы, что-то среднее между уличнымъ нахаломъ и аффѐристомъ на всѣ руки. Имѣется и старая дѣвица, fine fleur провинціальной пустоты и мечтательности. Вопросъ о драмѣ совершенно исчезаетъ. На мѣсто ея авторъ съ величайшимъ усердіемъ пишетъ рядъ водевильныхъ отрывковъ, т.-е. казнитъ и унижаетъ собственныя намѣренія, такъ глубоко заинтересовавшія насъ съ самаго начала.

Въ такой атмосферѣ, конечно, героизмъ даже «будничный» неумѣстенъ: иначе придется совершенно отказаться отъ увеселительныхъ намѣреній. И Илимовъ остается все время въ тѣни, онъ не только не дѣйствуетъ, но и вообще дѣйствіе чаще всего происходитъ не по поводу его. Онъ выброшенъ изъ пьесы и сама пьеса вмѣстѣ съ нимъ утратила характеръ серьезнаго, идейнаго произведенія.

Такой результатъ вполнѣ достойнаго замысла заставляетъ насъ повторить замѣчаніе, высказанное раньше по поводу современной драматической литературы. Мы указывали, до какой степени неумѣло справляются нынѣшніе авторы съ *идеями*, даже при томъ условіи, когда эти идеи находятся у нихъ подъ руками, попадаютъ на ихъ сцену. Авторъ или извратитъ свою же собственную мысль, или броситъ ее въ теченіи пьесы, какъ излишній балластъ, или дастъ ей такое толкованіе, что, кажется, лучше бы онъ и не трогалъ никакихъ идей. Получается часто такое впечатлѣніе, что авторы гоняются за двумя зайцами, хотятъ угодить совершенно различнымъ, противоположнымъ требованіямъ — удержать за своей пьесой видимое право считаться серьезнымъ произведеніемъ и въ то же время позабавить, какъ бы мимоходомъ, легкомысленную театральную толпу. Авторамъ какъ будто страшно стать на ту или другую сторону: они боятся, что пьеса, идейная отъ начала до конца, покажется скучной, и въ то же время не хотятъ откровенно остаться при своихъ водевильныхъ наклонностяхъ. Впрочемъ врядъ ли у авторовъ, измѣняющихъ самимъ себѣ на пространствѣ одной и той же пьесы, есть какія-либо опредѣленныя литературныя наклонности. Весь вопросъ, во внѣшнемъ успѣхѣ. Не нашему времени, очевидно, видѣть, какъ смѣло и неуклонно идутъ люди мысли и слова впереди вѣтренной толпы, вѣнчающей и развѣнчивающей своихъ любимцевъ и жертвъ и чаще всего не вѣдающей, что творитъ...

Для исполнителей драмы г. Лихачова предстояло мало истинно-драматическаго интереса. Со второго же акта на сцену выступилъ специфическій комизмъ, уснащенный подчасъ совсѣмъ некомическими словечками и прочими рессурсами легкой потѣхи. Главную роль исполнялъ г. Горевъ. Артистъ слишкомъ тщательно и заботливо показывалъ зрителямъ, что ему извѣстны послѣдніе четыре акта драмы. Илимовъ въ лицѣ артиста съ самаго начала являлся раз-

битой, безсильной, страшно подавленной жертвой окружающей жизни. А между тѣмъ онъ только что наканунѣ провелъ весьма смѣлый проектъ, и теперь жалуется другу не въ какихъ либо слезливыхъ изліяніяхъ, а энергическихъ желчныхъ нападкахъ на инертность и равнодушіе сослуживцевъ къ своему дѣлу. Артиста, можетъ быть, смутила легкость и мнимая готовность, съ какими Илимовъ поддается убѣжденіямъ Людмилы. Мы выше объяснили, что уступчивость Илимова не результатъ только безхарактерности, но также голосъ дорогихъ ему принциповъ, его идеальнаго настроенія. Артисту, правильно понявшему характеръ своего героя, ничто не мѣшало весь первый актъ вести энергично, живо, во всемъ обладаніи мыслью и кровью. Слѣдовало также показать больше сомнѣній и колебаній въ сценѣ съ Людмилой: эта сцена падаетъ на голову Илимова, неожиданно рѣзко пресѣкаетъ обычное теченіе его мыслей, у него начинаетъ ныть сердце, онъ чувствуетъ, будто потерялъ навсегда что-то любимое, дорогое. Это—въ высшей степени интересный драматическій моментъ, напоминающій соотвѣтствующія переживанія Гамлета. Имя датскаго принца не должно смущать насъ въ данномъ случаѣ: идеалисты вездѣ одинаковы и ихъ настроеніе относительно дѣйствительности выражается всегда въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ. Первый актъ кончается словами Илимова, отъ которыхъ не отказался бы ни одинъ юноша, испытавшій на себѣ, какъ рѣшимость блѣднѣетъ иногда отъ мысли, отъ сознанія...

Въ послѣднихъ четырехъ актахъ у г-на Горева нѣтъ драматической роли въ собственномъ смыслѣ слова. Его герой стонетъ, раздражается, приходитъ въ отчаяніе, но въ немъ не замѣтно не только воли привести окружающую жизнь въ соотвѣтствіе съ своими стремленіями, но даже не видно самихъ этихъ стремленій, не видно способности питать ихъ и здраво оцѣнивать сцену своей жизни. Г. Горевъ тратилъ много искусства на нервныя волненія, многія сцены: напр. когда Илимовъ открываетъ измѣну своей жены, ссорится съ Шленкомъ, слушаетъ разсказъ Людмилы объ ея поѣздкѣ къ подлому врагу ея мужа—всѣ эти сцены требуютъ отъ артиста большой сценической опытности создавать неожиданные эффекты Г. Горевъ за все это встрѣчалъ сильное одобреніе публики. Если это одобреніе слишкомъ дешеваго качества, вина не артиста, а самого автора, не давшаго исполнителю лучшаго матерьяла.

Роль Людмилы исполняла г-жа Уманецъ-Райская. Роли «вѣтренныхъ особъ и вульгарныхъ кокетокъ»—самыя неблагодарныя. Большинство зрителей ждетъ отъ нихъ возможно большей потѣхи, а между тѣмъ вульгарная развязность на сценѣ, доведенная до уровня дѣйствительности, производитъ отталкивающее, совершенно не эстетическое впечатлѣніе. Людмила, напѣвающая «конфетку» въ то время, когда надъ семьей виситъ удручающая атмосфера всеобщаго раздора и несчастья,—явленіе совершенно естественное, но на сценѣ оно тѣсно граничитъ съ шаржемъ и каррикатурой. Артистка довольно искусно обходила подводные камни своей роли и имѣла отвагу пожертвовать дешевыми аплодисментами возможно сдержанной характеристикѣ своей героини.

Естественными вышли роли матери и брата Людмилы въ исполненіи г-жи Садовской и г-на Садовскаго. Г-жа Садовская, впрочемъ, обратила мало вниманія на ремарку автора относительно Платониды Марковны—*закоснѣлая мѣщанка благороднаго происхожденія*. Послѣдній признакъ совсѣмъ не замѣчался въ исполненіи артистки, она и папироской пользовалась безъ всякаго отношенія къ мѣщанскому благородству своей героини, и съ чиновниками бесѣдовала, нисколько не оттѣняя своего права на эти бесѣды и гордаго сознанія близости съ «тѣми, кто посолиднѣе». Все это, врядъ ли, упускала изъ виду настоящая «мѣщанка благороднаго происхожденія».

Неудачна вышла роль весьма оригинальной личности, Багрецова, товарища и друга Илимова. Ее исполнялъ г. Ленскій и, очевидно, не нашелъ для нея ни подходящей внѣшности, ни естественнаго тона. Чѣмъ-то искусственнымъ, притворнымъ вѣяло отъ рѣчей и движеній артиста. Характерныя «переговариванья» Багрецова собственныхъ словъ выходили у г. Ленскаго какимъ-то безнадежно тоскливымъ нытьемъ. Самъ Багрецовъ являлся чѣмъ-то въ родѣ разбитаго, лишняго человѣка, вовсе не способнаго почувствовать бурный приливъ крови, какъ это происходитъ съ нимъ въ сценѣ съ Людмилой. Надо, впрочемъ, замѣтить, что у самого автора эта личность вышла гораздо болѣе странной, чѣмъ оригинальной. Наше печальное время, въ числѣ многихъ другихъ повѣтрій, заражено также наклонностью къ прорицаніямъ, пророческимъ сентенціямъ и всякаго рода юродствамъ. Всѣхъ этихъ болѣзней, по волѣ автора, не чуждъ и Багрецовъ, въ то же время превращенный въ недоучившагося медика.

Всѣхъ этихъ пріемовъ à propos авторъ могъ бы избѣжать и притомъ сохранить своей пьесѣ несравненно большій интересъ и смыслъ, если бы остался вѣренъ направленію, сказавшемуся въ первомъ актѣ.

Ив. Ивановъ.

„Осколки минувшаго“, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ г-на Ге.

Тридцать лѣтъ назадъ вышелъ романъ Вс. Крестовскаго (псевдонимъ) «Въ ожиданіи лучшаго». Въ романѣ описывалось почти исключительно одно *худшее*, широко распространившее свое царство въ дореформенную эпоху. На сценѣ дѣйствуетъ высшее аристократическое общество и люди ему подневольные, деспотизмъ сильныхъ и рабскія униженія слабыхъ. Во главѣ угнетающихъ и деспотовъ стоитъ княгиня Столбинъ-Десятова, вдова, старуха, окаменѣвшая въ чисто животномъ неподвижномъ себялюбіи. Ея семья—тоже до глубины души заражена всѣмъ развратомъ, присущимъ тунеядному времени и совершенно безпринципной средѣ. У Столбинъ-Десятовой два внука: одинъ отставной гвардеецъ, Жанъ, блестящее произведеніе барскаго бездѣлья и пошлости, развратный, расточительный, безсердечный; другой—шестнадцатилѣтній Вася, еще учится, но уже испорченъ не менѣе взрослыхъ; онъ день и ночь грезитъ знатностью своего рода, богатымъ наслѣдствомъ послѣ бабушки. Эту аристократическую семью окружаютъ интеллигентные и неинтеллигентные рабы. Въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ являются рабы перваго разряда. Это приживалки и компаніонки. Всѣ онѣ совершенно опошленныя, забитыя созданія, утратившія человѣческій образъ. Ради праздности и барскаго общества онѣ жертвуютъ своей личностью, свободой, своимъ достоинствомъ. Мать пресмыкается у ногъ аристократическаго истукана, тому же учитъ и дочь, во что-бы то ни стало стремится пристроить ее замужъ за перваго встрѣчнаго, продать ее на законномъ основаніи за блага тунеяднаго существованія. Дочь страшно озлоблена на всѣхъ окружающихъ, на мать, на ея покровителей, на свою жизнь. Это въ полномъ смыслѣ инстинктивная, затаенная злоба вѣчныхъ униженій и обидъ.

Рядомъ съ этой семьей является другая представительница того же гнилого порядка, Алексинская, на этотъ разъ молодая барыня, измѣнившая своему мужу ради блестящаго гвардейца—Жана. Она тоже до мозга костей пропитана барской спѣсью и безсердечіемъ, живетъ исключительно разнузданнымъ инстинктомъ полнокровной самки, готова этому инстинкту принести въ жертву всѣ связи и обязанности.

Дѣйствіе въ этой омерзительной берлогѣ заключается въ томъ, что Жанъ, помимо Алексинской, дѣлаетъ своею любовницей Полину, дочь приживалки. Авторъ и долженъ разрѣшить вопросъ, чѣмъ должно окончиться это новое преступленіе въ темномъ царствѣ развратниковъ и эгоистовъ. Драма и вопросъ, въ сущности, совсѣмъ не интересные отъ начала до конца.

Полина съ полной готовностью пошла навстрѣчу желаніямъ Жана—рабское положеніе, съ первой минуты сознанія, совершенно вытравливаетъ представленіе о нравственномъ и безнравственномъ. У Полины могъ быть вопросъ только о матерьяльной сторонѣ жизни, о наиболѣе удобномъ физіологическомъ процессѣ жизни. Поэтому, она также просто и непосредственно готовитъ себѣ въ женихи выстарѣвшагося донъжуана, Пехлецова, образчика похотливыхъ паразитовъ и праздныхъ идіотовъ. Судьба Полины при такихъ условіяхъ даже не возбуждаетъ чувства состраданія. Въ самомъ началѣ своей новой карьеры она начинаетъ страшно третировать мать: рабы никогда не чувствуютъ уваженія другъ къ другу. Это просто озвѣрѣлая стая голодныхъ волковъ, расхватывающихъ куски мяса, каждый для себя, и готовыхъ рвать другъ друга за эти куски.

Въ романѣ дѣйствіе приходитъ къ совершенно логическому концу: Жанъ выдаетъ замужъ Полину за канцелярскаго писца, снабжаетъ ее приданымъ и переводитъ вмѣстѣ съ мужемъ въ Петербургъ—съ надеждой продолжать прежнія отношенія съ ней. Бабушка Столбинъ-Десятова находитъ все это вполнѣ естественнымъ, но до своей смерти не рѣшается снабдить легкомысленнаго внучка наслѣдствомъ. Въ результатѣ—Полина «перестаетъ узнавать Жана», что не мѣшаетъ ей знать другихъ болѣе счастливыхъ Жановъ.

Г. Ге вполнѣ воспользовался романомъ, но въ интересахъ эффекта измѣнилъ конецъ, заставилъ свою генеральшу настоять на бракѣ Жана съ Полиной—изъ уваженія къ честному слову Столбинъ-Десятовыхъ. Это совершенно фантастическій, неестественный конецъ: онъ

идетъ въ разрѣзъ со всѣми животными, эгоистическими основами существованія Столбинъ-Десятовыхъ, не умѣющихъ различать внѣ своего круга людей и нравственныхъ понятій.

Въ романѣ среди этой гнили этого затхлаго мертваго царства есть единственный свѣжій и честный человѣкъ, напоминающій лучшихъ людей, современныхъ роману—Неряцкій. Онъ занимаетъ должность управляющаго въ имѣніи Алексинской. Онъ носитъ въ себѣ живыя идеи людей шестидесятыхъ годовъ Образованный принципіальный труженикъ, съ открытой, искренней любовью къ народу и мужественной ненавистью къ барскому тунеядству. Въ романѣ это—наиболѣе жизненное лицо. Неряцкій, товарищъ Алексинскаго и влюбленъ въ его жену, хотя отлично видитъ всѣ ея недостатки, сознаетъ, какое это пустое, безсердечное созданіе—истинное дѣтище опошливающей среды. Въ сердцѣ Неряцкаго происходитъ двоякая борьба—между чувствомъ дружбы къ товарищу и любовью къ его женѣ, между этой любовью и непреодолимымъ презрѣніемъ къ нравственной низости любимой женщины.

Авторъ комедіи не воспользовался этими мотивами драмы и удовольствовался пересказомъ въ драматической формѣ его адюльтерной части. Пересказъ вышелъ — тягучій, необыкновенно длинный, занялъ шесть картинъ и разбился на множество эпизодическихъ сценъ. Авторъ, кромѣ того, некстати и неумѣло распространяетъ сцены, не имѣющія большого значенія для пьесы и даже противорѣчащія основнымъ чертамъ дѣйствующихъ лицъ. Напр., крайне тяжелое и непріятное впечатлѣніе производитъ проповѣдь приживалки Анны Ѳедоровны предъ Алексинской на тему о порокахъ высшаго общества. Алексинская — жестокая, эгоистичная барыня, будущая Столбинъ-Десятова—падаетъ въ истерику отъ этой проповѣди, а генеральша принимаетъ этотъ припадокъ за инфлюенцу. Ни тотъ, ни другой эффектъ не идетъ къ характерамъ изображаемыхъ лицъ и оба неумѣстны по ходу дѣйствія.

Въ результатѣ передѣлка романа, предпринятая г-номъ Ге, вышла одна изъ самыхъ неудачныхъ, со всѣми недостатками передѣлокъ—необыкновенно длинная, утомительная на сценѣ, разукрашенная въ цѣляхъ драматизма и оживленія фальшивыми эффектами.

На сколько неудовлетворительно произведеніе, на столько же оказалась сильна и художественна игра артистовъ. За исключеніемъ ролей Алексинской и Пехлецова, исполнявшихся г-жей Нечаевой и г-номъ Музилемъ, всѣ роли вышли образцовыми.

Можно думать, что г-жа Нечаева близка къ опасности вступить на въ высшей степени опасный, нехудожественный путь — уловленія симпатій публики посредствомъ симпатичнаго исполненія даже совершенно несимпатичныхъ ролей. Этотъ пріемъ captatio benevolentiae театральной публики весьма простъ и популяренъ среди артистовъ, но онъ совершенно не въ цѣляхъ истиннаго искусства, по самой сущности своей, имѣющаго въ виду прежде всего правду. Г-жѣ Нечаевой для полноты представленія о своей героинѣ слѣдовало бы познакомиться съ романомъ; она убѣдилась бы, что меланхолическое страданіе и слезливая чувствительность совершенно не въ характерѣ «пустаго созданія», выводящаго изъ терпѣнія Неряцкаго своей пошлостью и ничтожествомъ.

Г. Музиль совершенно не въ силахъ сообщить своей игрѣ и фигурѣ что-нибудь напоминающее свѣтское общество и ему не слѣдовало браться за роль Пехлецова. Характеръ этого устарѣвшаго джентельмена весьма типиченъ для барской эпохи, г. Музиль извратилъ его до неузнаваемости, сдѣлалъ вторымъ Гусевымъ, ничтожнымъ канцеляристомъ, занимающимъ въ пьесѣ самое незавидное положеніе.

Съ замѣчательнымъ искусствомъ исполнены были роли Жана и Полины г-номъ Южинымъ и г-жей Лешковской. Рѣдко случается видѣть столько истинно художественныхъ оттѣнковъ, такую въ полномъ смыслѣ реальную правду общей характеристики, какъ это было въ игрѣ г-на Южина. Сцены его съ г-жей Лешковской выходили рядомъ изящныхъ, въ одно и то же время эстетически тонкихъ и поразительно-правдивыхъ картинъ. Г-жа Лешковская сумѣла придать своей героинѣ обаятельную грацію женственности и заинтересовать зрителей ея настроеніями въ теченіе всего спектакля.

Драматической и неожиданно интересной оказалась роль Анны Ѳедоровны въ исполненіи г-жи Никулиной. Артистка сумѣла отыскать поты глубокаго чувства, захватывающихъ страданій въ униженной рабской груди приживалки. Даже внѣшность артистки какъ нельзя болѣе отвѣчала ея желанію—очеловѣчить, облагородить жалкую фигуру бѣдной чиновницы.

Роль Васи, втораго внука Столбинъ-Десятовой, исполнила г-жа Щепкина съ успѣхомъ. Немного казался мелковатымъ шестнадцатилѣтній аристократъ, но это только внѣшняя сторона,—независимо отъ этого роль характеризовалась типично и правдиво до мельчайшихъ оттѣнковъ.

И. И.

Большой театръ.

По поводу возобновленія „Марты“ Флотова.

Композиторъ, если онъ талантливъ, хотя бы и не настолько, чтобы прокладывать новые пути въ искусствѣ, несомнѣнно въ той или другой степени двигаетъ его впередъ, развивая въ немъ какую-нибудь изъ его сторонъ, такъ или иначе спеціализируя ее, выводя на болѣе замѣтный планъ. Зданіе искусства воздвигается рядомъ послѣдовательныхъ трудовъ художниковъ: въ этомъ обширномъ, историческомъ дѣлѣ построенія каждый смѣняющій другого непремѣнно знаетъ, что совершилъ этотъ другой, и, такимъ образомъ, трудъ новаго творца, хотя бы исключительно даровитаго, даже геніальнаго, зиждется на совершенномъ его предшественниками.

Припоминаемъ нѣкоторые года: «Фрейшютцъ» данъ въ 1817 году, «Робертъ» — въ 1831, «Гугеноты» и «Жизнь за Царя“ появились въ 1836, «Русланъ» исполненъ въ 1842. Довольно и этого. Можно даже вычеркнуть обѣ оперы Глинки, чтобы не обидѣть нѣмецкаго композитора указаніемъ на образцы русскаго творчества. Но и тогда выйдетъ такъ, что «Марта» Фридриха Флотова исполнялась въ Вѣнѣ въ 1847 году, какъ разъ 30 годами позже «Фрейшютца», 16-ю позже «Роберта» и 11-ю позже «Гугенотовъ». Веберъ и Мейерберъ приняли уже, слѣдовательно, участіе въ постройкѣ и принесли для нея такіе камни, какъ сильныя музыкальныя характеристики Каспара и другихъ фрейшютцовскихъ героевъ, безподобная «Волчья долина», мейерберовскій оркестръ, его яркія краски, выразительная музыкальная декорація «возстанія изъ гробовъ», мрачная иллюстрація къ Варѳоломеевской ночи. А тамъ подъ ними, подъ этими драгоцѣнными вкладами таланта и позднѣйшаго мастерства, давно и глубоко легло, какъ изъ стали, выкованное мастерство геніальныхъ классиковъ, имѣя надъ собою слой игривыхъ звуковъ остроумно-холоднаго Россини и хоръ задушевныхъ мелодій пѣвучаго Беллини. Все это существовало уже до Флотова, и отъ его сочиненій можно было бы ожидать на самый худой конецъ хотя бы слѣпого подражанія Веберу и Мейерберу, что нисколько и не нарушило бы неумолимой логики событій.

Но Флотовъ во всѣхъ своихъ операхъ, изъ которыхъ «Марта» самая замѣтная, явно не захотѣлъ никому подражать. Онъ не примкнулъ ни къ какому музыкальному движенію, не выразилъ опредѣленныхъ симпатій къ кому-либо изъ писавшихъ до него. Онъ сталъ въ сторонѣ, особнякомъ и заговорилъ... общія мѣста. Не лишенный мелодическаго дара, хотя въ сущности мелодистъ плоскій и грубый, онъ сразу весь цѣликомъ попалъ въ шарманки, но и тамъ не ужился: его жалостныя мелодіи, вродѣ «Марта, Марта, гдѣ ты скрылась?» и якобы кокетливыя—«У дѣвицъ есть для птицъ стрѣлы каленыя» скоро истерли шарманочные валы, и тѣ устали воспѣвать Флотова, предоставивъ эту роль *знаменитымъ* пѣвицамъ, которыя всегда, какъ извѣстно, любятъ составлять свой репертуаръ изъ наиболѣе отжившихъ оперъ наиболѣе отжившихъ композиторовъ.

Подробно разбирать «Марту» не стоитъ; серьезно говорить о музыкѣ Флотова—невозможно. Это значило бы путешествовать среди разныхъ музыкальныхъ первобытностей комической нѣмецкой оперы, ея наивностей, рутины, прислушиваться къ унисоннымъ хорикамъ, разсматривать модуляціи между нумерами, сдѣланныя не аккордами, а хроматической гаммой наголо. «Марта»—непритязательнѣйшій, кисло-сладкій и скучный анекдотъ, разсказанный знакомѣйшими, элементарнѣйшими, всюду имѣющимися звуками. «Марта»—анахронизмъ: если бы «Марта» написана была въ наши дни и такъ, какъ она написана, ее бы поставили на сценѣ «Эрмитажа» или у г. Парадиза. Дѣйствительно, теперешнія оперетты, въ стилѣ «Бокаччіо» и «Корневильскихъ колоколовъ» — то же, что «Марта», только все-таки интереснѣе ея по музыкѣ, оживленнѣе, оригинальнѣе.

А между тѣмъ не въ опереточномъ театрѣ даютъ «Марту»; она съ нынѣшней осени — въ репертуарѣ нашего Большого театра (ея возобновленіе состоялось тамъ 24 сентября). Гдѣ причины такого поистинѣ грустнаго событія? Кто виновникъ такого печальнаго музыкальнаго недоразумѣнія? Затрудняемся отвѣтить на такіе вопросы. Не справиться съ ними и тѣмъ, въ вѣдѣніи кого находится нашъ оперный репертуаръ. Мы бы еще отчасти поняли,

пожалуй, постановку «Марты», если бы передъ нами могли щегольнуть безукоризненнымъ ея исполненіемъ и наши оперные артисты считали бы своими лучшими партіями всѣхъ этихъ «лэди» и «богатыхъ фермеровъ». Но вѣдь этого нѣтъ: лучшій исполнитель вечера, г. Донской, которому такъ по голосу партія Ліонеля, несравненно лучше, чѣмъ здѣсь, въ Сабининѣ, Мазаніело, Лоэнгринѣ; г-жа Фострэмъ—чисто конечно поющая, но недостаточно яркая леди Генріэтта (Марта), г-жа Александрова—совсѣмъ слабая Нанси, а г. Власовъ (Плумкетъ) и г. Тютюнникъ (Тристанъ)—только добросовѣстны. Къ тому же ансамбль оставлялъ очень многаго желать, а оркестръ г. Альтани слишкомъ серьезно гремѣлъ, точно желая доказать, что за лѣто представители мѣдныхъ духовыхъ и ударныхъ поправились въ своемъ здоровьѣ.

Кромѣ того, г-жа Фострэмъ все еще продолжаетъ пѣть *по итальянски*: ея *итальянскій* языкъ (кстати сказать, далеко не идеально выговариваемый) звучитъ все тѣмъ же *гастролерскимъ* диссонансомъ среди остальныхъ, поющихъ конечно по русски. Это насъ наводитъ на мысль, что положеніе артистки въ нашей труппѣ не очень прочно. Не можетъ же русскій театръ въ русской столицѣ постоянно допускать такое нелѣпое и безвкусное смѣшеніе языковъ. На помощь той же мысли приходитъ и такое соображеніе: ради г-жи Фострэмъ ставятъ «Лючію», ради нея же, можетъ быть, поставили и «Марту»; вообще, словомъ, засаривается репертуаръ, тормазится поступательный ходъ русскаго искусства, загораживается путь его образцамъ и образцамъ западнаго творчества, не видавшимъ еще московской сцены. Не можетъ же русскій театръ въ русской столицѣ такъ долго и спокойно терпѣть всѣ эти ненормальности.

Успѣхъ «Марта» имѣла средній: театръ не былъ полонъ; къ апплодисментамъ примѣшивалось и шиканье. Впрочемъ бисировали увертюру, г-жу Фострэмъ заставили повторить пѣсенку «о розѣ», а г. Власова—его куплеты, попросили и г. Донскаго повторить его стенанія 3-го дѣйствія. Но, увѣряемъ васъ, что, если бы скорѣе спрятали «Марту» въ архивъ, мы бы обрадовались за нашъ театръ и не пѣли бы вмѣстѣ съ Ліонелемъ:

„Марта, Марта, гдѣ ты скрылась?“

Сем. Кругликовъ.

Театръ г. Корша.

«Ученыя барыни» («Les femmes savantes»)—комедія Мольера, переводъ Д. Минаева.

Во всякомъ классическомъ литературномъ произведеніи съ одной стороны—есть типы жизненные и интересные только для извѣстнаго времени и опредѣленнаго общества, съ другой—герои болѣе широкаго психологическаго и общественнаго содержанія, типы безсмертные, исполненные силы и дѣйствительной, современной правды во всякое время. Чѣмъ талантливѣе и глубже писатель, тѣмъ больше въ его произведеніяхъ такихъ типовъ, тѣмъ, слѣдовательно, устойчивѣе его слава. Каждое новое поколѣніе несетъ ему новую дань восторга и почета, и чѣмъ больше проходитъ этихъ поколѣній, тѣмъ выше, удивительнѣе кажется значеніе писателя.

Мольеръ—блестящій образецъ поэта, сумѣвшаго на одной и той же сценѣ показать добро и зло своей эпохи, своихъ современниковъ заключить въ необыкновенно яркіе, живые образы—и среди этихъ современниковъ открыть никогда неумирающіе типы человѣческихъ пороковъ и заблужденій. Общество, окружавшее поэта, народилось въ періодъ полнаго разложенія. Здѣсь едва ли можно было найти какое-либо нравственное понятіе, здоровую идею, не зараженную ложью, лицемѣріемъ, раболѣпствомъ. Комическій талантъ писателя попадалъ въ обществѣ этихъ людей въ самую благодарную среду—и Мольеръ былъ увѣренъ, что онъ до конца своей жизни не успѣетъ вывести на сцену всѣхъ смѣхотворныхъ и порочныхъ героевъ своего времени.

Дѣйствительно, смѣхъ поэта могъ быть неистощимымъ. Въ какую бы сторону Мольеръ ни направлялъ свои взоры, какое бы сословіе и общественное положеніе ни привлекало его вниманія,—отовсюду сами напрашивались въ комедію изумительные экземпляры нравственной пошлости и умственнаго ничтожества. Этихъ экземпляровъ болѣе всего встрѣчалось наверху общественной жизни, и многіе недуги, заражавшіе простыхъ смертныхъ, были только отраженіемъ нравственной порчи высшихъ слоевъ. Пороки, практикуемые «свѣтомъ», людьми привиллегированнаго происхожденія, всегда получаютъ особенную привлекательность и яркую, завидную окраску въ глазахъ людей, стоящихъ ниже высокородныхъ глупцовъ и развратниковъ. Добродѣтелью и естественнымъ порядкомъ здѣсь считается—походить возможно ближе на свѣтское

общество, уподобиться благороднымъ во что бы то ни стало, даже если дѣло идетъ о потерѣ совѣсти и здраваго смысла.

Въ эпоху Мольера человѣческими существами въ полномъ смыслѣ считались только люди, облеченные титулами съ колыбели. Этимъ могли и ограничиваться ихъ права на всеобщее уваженіе и руководящую роль въ обществѣ. Никакого умственнаго развитія, ни единаго признака сознательной нравственной жизни не требовалось; напротивъ, все это считалось за ущербъ природному благородству, отступленіемъ отъ принципа обязательнаго тунеядства и невѣжества.

Изъ этихъ чертъ въ комедіяхъ Мольера сложился типъ *маркиза*, смѣшного маркиза, marquis ridicule. Несомнѣнно, въ XVII вѣкѣ существовали и серьезные маркизы, но они далеко не были солью общества, не могли быть признаны настоящими членами салона, поглощеннаго пустяками, разнузданной игрой въ жизнь и ея наслажденія. *Смѣшной маркизъ*, — одна изъ самыхъ характерныхъ фигуръ на мольеровской сценѣ, она принадлежитъ исключительно своему времени, для насъ это едва слышный голосъ дальной, чуждой старины.

Нѣтъ сомнѣнія, что и теперь могутъ встрѣчаться отпрыски старинныхъ маркизовъ. Пошлость и тупоуміе—безсмертны. Но отъ нихъ уже не вѣетъ специфической атмосферой классическаго вѣка, они доросли до сознанія, насколько мелка и презрѣнна шутовская роль попугая мысли и чувства, чисто идолопоклонническая, примитивная вѣра въ свое благородство и право на эксплуатацію всего человѣчества, не имѣющаго такихъ же радовитыхъ предковъ. Маркизы не носятъ болѣе яркихъ лентъ, пышныхъ бантовъ—всего маскараднаго костюма, ихъ узнаютъ по инымъ признакамъ, чѣмъ цвѣтъ кафтана и панталонъ: вообще съ ними произошли преобразованія сообразно съ вѣкомъ.

Шутовской блескъ маркизовъ соблазнялъ въ свое время многихъ «Малыхъ сихъ» Безтолковая суета и игрушечное времяпрепровожденіе пробуждали сладостное умиленіе у людей другаго общества, не имѣвшихъ возможности вести праздную, тунеядную жизнь. Буржуа и мелкіе дворянчики XVII вѣка изнывали отъ жажды—походить на маркизовъ и ихъ дамъ. Среди мѣщанства процвѣтало ядовитое, опошливающее стремленіе—перенести салонную культуру въ свою среду. Люди дѣльные, совершенно серьезные въ своихъ обычныхъ занятіяхъ, теряли голову и зрѣніе при видѣ манекенныхъ кавалеровъ и тонныхъ дамъ. Жоржъ Дандэнъ не спалъ ночей, суетился по цѣлымъ днямъ—лишь бы залучить себѣ высокородную жену, дочь промотавшейся и нравственно выдохшейся семьи. Журданъ приноситъ всевозможныя жертвы, съ наслажденіемъ играетъ роль шута и терпитъ обиды, лишь бы имѣть возможность вести знакомство съ аристократическимъ шарлатаномъ и его сообщницей. Такіе «мѣщане въ дворянствѣ» во всемъ пышномъ разцвѣтѣ могли произрастать только на общественной нивѣ, прогнившей до послѣдняго предѣла, давно лишенной здоровыхъ соковъ. Это общество и должно было исчезнуть въ волнахъ очистительнаго потока, поглотившаго и настоящихъ и поддѣльныхъ аристократовъ, Дандэны и Журданы должны были явиться въ исправленномъ, смягченномъ видѣ и, если продолжали играть роль шутовъ у высокородныхъ друзей,—въ глубинѣ ихъ души не было уже прежней младенческой вѣры въ законность и обязательность этого шутовства. Типъ XVII вѣка поблѣднѣлъ, поблекъ, утратилъ свою натуральную откровенность и широту.

Эти двѣ фигуры—маркизъ и благородный мѣщанинъ—доставили Мольеру много минутъ вдохновенія. Историкъ не имѣлъ бы истиннаго представленія о блестящей эпохѣ, если бы знакомился съ ней только по напыщеннымъ воплямъ раболѣпной драмы, классической по обилію лжи и отсутствію благородства и здраваго смысла. Маркизы, возведенные въ античныхъ героевъ—безпримѣрно злая и въ то же время умилительно наивная каррикатура, образцовое безсознательное издѣвательство людей надъ самими собой. Степень этой каррикатурности мы можемъ оцѣнить только послѣ мольеровскихъ комедій, послѣ этого безпристрастнаго, мужественнаго зеркала своего времени. Мольеръ оказалъ неоцѣненную услугу исторіи, именно онъ—единственный изъ поэтовъ XVII вѣка—раскрылъ давно зараженныя основы современнаго общества и этимъ объяснилъ мотивы будущаго переворота. Геніальная проницательность, можетъ быть, инстинктивное чутье поэта достигало такой степени, что въ его творчествѣ, задолго до эпохи просвѣщенія, начинали звучать предвѣстія ея идей: его любимаго героя—Альцеста—начинала томить та самая тоска и тотъ самый гнѣвъ, которые должны были создать новый строй жизни...

Здѣсь значеніе Мольера для исторіи: онъ наиболѣе правдивый выразитель своего времени, исполненнаго сословныхъ предразсудковъ и всякаго рода привиллегій и насилій.

Но, кромѣ смѣшныхъ маркизовъ и мѣщанъ, жаждущихъ уподобиться имъ, на мольеровской сценѣ проходятъ образы, до сихъ поръ сохраняющіе свою первоначальную свѣжесть, до сихъ поръ мелькающіе предъ нашими глазами съ первобытной откровенностью. Пороки, воплощенные въ нихъ, нисколько не утратили своей силы; они даже стали какъ будто свѣжѣе, упорнѣе, они попрежнему продолжаютъ возбуждать смѣхъ и негодованіе наблюдателей. Эти пороки—поддѣлка чувства и извращеніе ума и знанія, кокетство женщинъ и шарлатанство ученаго. Они оба въ сущности—двѣ стороны одного и того

же великаго грѣха—лжи и лицемѣрія. Одни, не имѣя сердца, не зная отъ природы сильнаго, искренняго чувства, маскируютъ свое нравственное ничтожество подъ личиной лицемѣрныхъ формъ; другіе, не тая въ своей душѣ ни искры генія и не способные возвыситься до истиннаго, плодотворнаго знанія, ослѣпляютъ простодушные взоры хламомъ ученыхъ пустяковъ, призрачнымъ умомъ и напускной серьзностью мысли.

Семнадцатый вѣкъ—настоящее царство лжи во всѣхъ направленіяхъ. Онъ видѣлъ разцвѣтъ всевозможнаго шарлатанства. Женщины изобрѣтали искусственныя правила любви, вмѣсто естественныхъ влеченій—тѣшились салонной игрой въ страсть, въ дружбу, въ супружескія отношенія. Рядомъ съ ними шли шарлатаны мысли. Вмѣсто свободной науки, проникнутой реальными интересами, вмѣсто неутомимаго стремленія познать основы дѣйствительной жизни, люди сосредоточивали свой трудъ на книжныхъ мелочахъ, пугаясь оригинальной, личной мысли—жили *словами*, всякими отбросами тупоумнаго трудолюбія. Салонъ гримасничающей кокетки, всю жизнь не знавшей глубокихъ искреннихъ влеченій, пропитанный душной атмосферой изысканнаго туалета, всевозможныхъ рессурсовъ фальшивой красоты—процвѣталъ рядомъ съ темнымъ, пыльнымъ кабинетомъ ученаго, изнывавшаго надъ кропотливой погоней за чужимъ авторитетомъ, традиціонной схоластической модой.

Мода всегда и всюду вознаграждала недостатокъ самостоятельной жизни, замѣняла людямъ необходимость лично вдумываться въ жизнь и относиться къ окружающей дѣйствительности критически, независимо, вносить въ нее личную волю и мысль. Мода всегда была прибѣжищемъ людей безличныхъ, умственно ничтожныхъ. За принципомъ «такъ принято» искони пряталась человѣческая пошлость и глупость. Господство моды среди женщинъ—фактъ, повидимому, узаконенный неизбѣжнымъ порядкомъ жизни. Авторитетъ какой-то темной, внѣшней силы, носящей названіе «свѣта», толпы, улицы, невозбранно регулировалъ жизнь дѣвушекъ и женъ, подчинялъ ихъ личныя влеченія шаблоннымъ формамъ, на мѣсто сердца и души—создавалъ манекены для костюмовъ и условной красоты.

Въ эпохи рабства мысли господствуетъ такая же мода во всѣхъ направленіяхъ общественной жизни, въ наукѣ, въ литературѣ. Здѣсь также всюду появляются свои авторитеты, «великіе учителя», и ихъ именами освящается всякая научная безсмыслица, профессіональное шутовство—все равно какъ авторитетъ «свѣта» покрываетъ въ глазахъ женщины самыя вопіющія нарушенія здраваго смысла и естественной правды.

Вся дѣятельность Мольера сводится къ осмѣянію всякаго рода шарлатанства, основаннаго на томъ или другомъ авторитетѣ. Двѣ наиболѣе типичныя жертвы мольеровскаго смѣха—маркизъ и мѣщанинъ въ дворянствѣ—въ сущности такіе же жалкіе рабы преданій, общественныхъ предразсудковъ, т.-е. современнаго авторитета, какъ ученый педантъ—рабъ своего «учителя», свѣтская кокетка—продуктъ «хорошаго тона». Всѣ эти люди смѣшны и жалки по одной и той же причинѣ: они лишены личной, свободной жизни, они свой нравственный міръ заранѣе опустошили отъ всего естественнаго, самостоятельнаго, чтобы наполнить его чужимъ хламомъ и навсегда отдаться стадному вліянію «свѣта» или какого либо спеціальнаго цеха. Смѣхъ Мольера направленъ именно въ ту сторону, которая впослѣдствіи должна была подвергнуться жесточайшимъ ударамъ философовъ. «Вѣкъ просвѣщенія» прежде всего былъ вѣкомъ индивидуальности, освобожденія личности. Онъ, слѣдовательно, продолжалъ дѣло поэта и въ самомъ дорогомъ созданіи Мольера—въ Альцестѣ—призналъ даже своего сына, своего предшественника. Разница между героемъ Мольера и философомъ слѣдующей эпохи состояла только въ томъ, что Альцестъ призналъ себя пока не въ силахъ бороться съ окружающимъ обществомъ, самъ разбилъ свою страсть между негодованіемъ на современное зло и личнымъ увлеченіемъ женщиной, всецѣло пропитанной этимъ зломъ. И онъ долженъ былъ бѣжать въ «уединеніе», предоставить гнилой средѣ разложиться до такого предѣла, чтобы первый же ударъ новыхъ людей могъ поколебать все зданіе.

Популярнѣйшей фигурой ученаго обмана на мольеровской сценѣ—является докторъ. Въ характеристикѣ этого лица сказалось не менѣе личной горечи поэта, чѣмъ его общественнаго гнѣва. Мольеръ долго страдалъ мучительной упорной болѣзнью и тщетно искалъ облегченія въ современной медицинѣ. Современные медики менѣе всего заботились о совершенствованіи своей науки. Парижскій университетъ тщательно закрывалъ свои двери предъ новыми открытіями въ анатоміи и другихъ медицинскихъ знаніяхъ. Профессора упорно держались древнихъ и средневѣковыхъ авторитетовъ, заучивая ихъ изреченія, ограничиваясь однимъ схоластическимъ пустословіемъ.

Мольеръ съ неподражаемымъ искусствомъ воспользовался невѣжествомъ и шарлатанствомъ современныхъ врачей и незадолго до кончины нашелъ въ себѣ поразительный запасъ комизма, чтобы еще разъ заклеймить своихъ мучителей. Послѣднія его артистическія силы были отданы воплощенію этого комизма на сценѣ.

Шарлатаны-врачи, конечно, приносили громадный вредъ обществу, но отъ нихъ терпѣли все-таки отдѣльныя личности, больные, имѣвшіе несчастіе попасть въ ихъ паціенты. Не-

сравненно страшнѣе и губительнѣе было другое шарлатанство, — въ наукѣ и литературѣ. Оно охватывало всю общественную жизнь, отравляло умственную дѣятельность большинства современниковъ и особенныя опустошенія производило среди женской половины высшаго и средняго сословія.

Фигуры шарлатановъ-врачей поэтъ списывалъ почти буквально съ современниковъ, въ докторахъ его комедій всѣ узнавали весьма популярныхъ придворныхъ врачей. Ученое шарлатанство въ наиболѣе широкомъ смыслѣ съ своей стороны также давало Мольеру цѣлый рядъ типовъ. Автору не предстояло необходимости присочинять новыя черты къ дѣйствительнымъ, измышлять ученый жаргонъ: стоило раскрыть любое схоластическое произведеніе современныхъ педантовъ, стихотворное дѣтище какого-либо риѳмоплета—и сцены выходили готовыми—яркими, жизненными до мельчайшихъ чертъ. Даже такія, повидимому, каррикатурныя сцены, какъ знаменитое объясненіе происхожденія алфавита—въ комедіи «Мѣщанинъ въ дворянствѣ» буквально взято изъ ученаго сочиненія одного современнаго поэту академика. Безсмысленный, шутовской сонетъ Триссотэна въ комедіи—«Les femmes savantes» выписанъ изъ сочиненій также одного изъ современныхъ поэтовъ. Это самыя смѣлыя выходки въ комическомъ направленіи, и все-таки онѣ вполнѣ достовѣрные факты дѣйствительности. Можно судить, сколько матерьяла могла дать Мольеру эта дѣйствительность и сколько требовалось поэту смѣлости, поистинѣ гражданскаго мужества, чтобы съ такой откровенностью и жестокостью третировать современныхъ шутовъ.

Это шутовство было основано на рабствѣ предъ извѣстнымъ авторитетомъ, модой. Эпоха Мольера до послѣдняго движенія мысли и чувства была проникнута обоготвореніемъ какой-бы то ни было руководящей силы, будь это — академикъ, педантъ или модистка какой-либо герцогини. Въ письмѣ одного современнаго довольно извѣстнаго писателя читаются слѣдующія строки: «слово *felicité* еще не французское, но оно будетъ таковымъ въ слѣдующемъ году; г. Вожеласъ обѣщалъ мнѣ не противиться моему ходатайству на этотъ счетъ». Г. Вожеласъ это тотъ самый академикъ, на котораго ссылается мольеровская ученая барыня и прогоняетъ даже свою прислугу за употребленіе выраженій, осуждаемыхъ ученымъ филологомъ.— «Киръ и Мандана совсѣмъ не такъ любили другъ друга и иначе устраивали свою свадьбу, чѣмъ вы требуете отъ насъ. Сватовство нашихъ женіховъ должно происходить по извѣстной программѣ, съ соблюденіемъ belles manières, иначе придется «начинать романъ съ хвоста» — «prendre le roman par la queue». Съ такими словами обращаются буржуазныя красавицы, начитавшіяся салонныхъ романовъ,—къ своему отцу и рѣшительно отказываются полюбить молодыхъ людей и выйти за нихъ замужъ — инымъ способомъ, чѣмъ описывается въ романахъ.

Вы видите, что настроеніе у этихъ людей одинаково, источникъ ихъ подневольнаго, комическаго положенія одинъ и тотъ же. Всѣ они—jurant in verba magistri, одни—клянутся авторитетомъ ученаго педанта, другіе—свѣтской барыни. Между этими людьми—полнѣйшая солидарность, они члены одного и того же общества и быстро усвоиваютъ качества другъ друга. Педантизмъ выражается въ разнообразныхъ формахъ,—въ видѣ учености, салоннаго схоластическаго пустословія, въ формѣ свѣтскаго кокетства: это или пестрая праздная игра мелочной, каррикатурной мысли, или маскарадъ изящной галантности, пустаго сердца. Всѣ эти формы съ замѣчательной легкостью переходятъ одна въ другую. Педантъ—становится кокеткой, кокетка превращается въ педанта. Это—два разныхъ костюма на одномъ и томъ же манекенѣ.

Схоластическая ученость, мертвыя формы безцѣльной, мелочной мысли вполнѣ родственны салонной наукѣ о галантности: это тоже схоластика, только въ другой области. Развѣ программа великосвѣтскаго романа не то же самое, что софистическія тонкости ученаго шарлатанства? Развѣ всѣ эти billets-doux, petits-soins, billets-galants, jolis-vers не напоминаютъ всевозможныя опредѣленія, классификаціи, сравненія, весь этотъ «великолѣпнѣйшій наборъ громкихъ словъ», по выраженію Мефистофеля. Развѣ варварскій языкъ врачей въ комедіи «Мнимый больной» не то же самое, что «Карта царства Нѣжнаго», измышленная салонными кокетками, словарь жеманнаго разговора, гдѣ всѣ предметы носятъ особыя названія: зеркало—«совѣтникъ граціи», щеки—«престолы стыдливости», носъ—«шлюзы мозга» и т. д.? Схоластика одинаково была драгоцѣннымъ спасеніемъ для умственнаго ничтожества и сердечной пустоты. Не стоило никакого труда усвоить рядъ условныхъ терминовъ,—и общество признавало умъ и чувство въ формѣ наиболѣе жалкихъ суррогатовъ этихъ благородныхъ способностей.

Мольеръ яснѣе чѣмъ кто-либо видѣлъ тѣснѣйшую связь между салоннымъ комедіантствомъ и ученымъ шарлатанствомъ, видѣлъ какъ въ салонахъ одинаково чествовались галантность и схоластика, какъ свѣтскія дамы избирали тотъ или другой путь — удовлетворять хорошему тону, оставались *жеманницами* — précieuses—или превращались въ *ученыхъ*.

Héroines du temps—mesdames les savantes,
Pousseuses de tendresse et de beaux sentiment

говоритъ Мольеръ въ комедіи, гдѣ защищаетъ здоровое развитіе женскаго ума и независимую искренность чувства. Дамамъ, извращаю-

щимъ то и другое, поэтъ посвятилъ отдѣльныя пьесы,—и въ одной изъ нихъ—именно въ комедіи «Les femmes savantes» поставилъ оба типа рядомъ и показалъ ихъ общаго виновника—ученый и литературный педантизмъ.

Характеры пьесы, по обыкновенію, исполнены жгучихъ современныхъ интересовъ. Мольеръ прекрасно сознавалъ, что многіе зрители узнаютъ себя на сценѣ,—и вновь не будетъ конца нападкамъ и клеветамъ. Поэту уже неразъ приходилось защищать свои созданія отъ придирчиваго самолюбія обиженныхъ жертвъ. Послѣ каждой выдающейся пьесы для поэта начиналась своего рода общественная тяжба, иногда грозившая перейти въ настоящій судебный процессъ. Насмѣшка надъ модницами какого бы то ни было направленія представляла особенныя опасности. Она падала на самыя вершины современнаго общества, оскорбляла самыя чуткія самолюбія. По поводу комедіи «Les précieuses ridicules» Мольеру пришлось представить великосвѣтской публикѣ цѣлое разсужденіе о томъ, какихъ précieuses онъ разумѣлъ въ своей пьесѣ и какія салонныя дамы казались ему смѣшными. Послѣ перваго же представленія пьеса, по ходатайству великосвѣтскаго общества, была запрещена. Запрещеніе скоро было отмѣнено, но враги поэта не стали отъ этого благосклоннѣе.

Съ цѣлью избѣгнуть подобныхъ затрудненій по поводу новой комедіи, бичующей тѣхъ же салонныхъ комедіантокъ, Мольеръ за два дня до спектакля увѣрялъ публику, что онъ въ своей пьесѣ не намѣренъ затрогивать ничьей личности...

Увѣренія поэта, конечно, не имѣли успѣха. Оскорбленными оказались не только современныя педантки и кокетки, но даже въ отдаленномъ будущемъ суждено было возникнуть нападкамъ на писателя за его вражду къ наукѣ, къ женскому просвѣщенію...

Эти нападки касаются самаго смысла пьесы, затрогиваютъ наиболѣе дорогія стремленія поэта. Было интересно, конечно, отыскать въ пьесѣ личный взглядъ автора на положеніе женщины въ семьѣ, на женское образованіе. Въ чьи уста вложилъ Мольеръ свои убѣжденія? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ оцѣнка всей комедіи и характеристика автора, какъ представителя извѣстныхъ общественныхъ идеаловъ.

Противники Мольера и главный изъ нихъ—извѣстный нѣмецкій критикъ Шлегель—выразителемъ мольеровскихъ принциповъ сочли Кризаля мужа и отца «ученыхъ барынь» и въ его грубыхъ, чисто-мѣщанскихъ выходкахъ увидѣли сужденія самого Мольера.

Кризаль страшно возмущенъ своей женой даже независимо отъ ея учености: эта энергическая супруга держитъ своего мужа въ крайне жалкомъ подчиненномъ положеніи. Онъ совершенно не пользуется правами хозяина, даже прислуга лишена возможности исполнять его волю. Очевидно, негодованіе Кризаля, простаго буржуа-эгоиста должно достигнуть крайняго предѣла и при первой возможности вылиться рѣзкимъ неудержимымъ потокомъ. И неужели въ этомъ возмущеніи человѣка, ни въ какомъ отношеніи не имѣющаго ничего общаго съ поэтомъ, можно открывать идеалы Мольера? У автора въ личной жизни существовалъ сильнѣйшій мотивъ негодованія противъ женщины, но этотъ мотивъ совершенно чуждъ Кризалю, совсѣмъ отсутствуетъ въ условіяхъ, вызывающихъ его раздраженіе. И между тѣмъ даже тамъ, гдѣ Мольеру приходилось касаться въ своихъ пьесахъ самаго жгучаго вопроса своей семейной жизни, его не покидало чувство терпимости, сдержанное, въ высшей степени гуманное настроеніе.

Мольеръ лично страдалъ не отъ женской учености, а отъ женскаго кокетства. Его жена—молодая, легкомысленная героиня закулисныхъ интригъ отравила послѣдніе годы поэта, когда ему дороже всего были семейное счастье и любовь близкаго человѣка. И все-таки онъ никогда не позволялъ своему горю перейти въ гнѣвъ, въ ожесточенныя нападки на женщину. Гуманность, самоотреченіе поэта—поразительны. Въ то время, когда дома его окружала измѣна, его давнишнія иллюзіи разбивались жестокой легкомысленной рукой, онъ до конца жизни оставался защитникомъ женскаго ума и сердца.

Комедіи Мольера одинаково интересны для характеристики этихъ иллюзій и этой защиты. Великій поэтъ, прославленный артистъ, окруженный матеріальнымъ благополучіемъ, съ замираніемъ юношескаго сердца мечтаетъ о дружбѣ и симпатіи дорогой ему женщины. До брака и нѣсколько времени спустя послѣ брака, Мольеръ съ полной откровенностью высказываетъ всѣмъ и въ томъ числѣ своей невѣстѣ, впослѣдствіи женѣ,—свои взгляды на семейное положеніе женщины. Въ комедіяхъ «Школа мужей» и «Школа женъ» жестокой насмѣшкѣ подвергаются противники женщинъ—въ какомъ-бы то ни было направленіи.

Эти типы—Сганарель и Арнольфъ—особенно интересны потому, что они совершенно тождественны съ Кризалемъ, по мнѣнію критиковъ, будто-бы выражающимъ міросозерцаніе самого автора. Арнольфъ почти буквально повторяетъ взгляды Кризаля на идеалы жены: «Настоящая жена,—говоритъ онъ,—должна любить супруга своего, да рукодѣлья знать—и больше ничего». Кризаль ссылается на старину, требовавшую отъ женщины единственной философіи—отличать женскій костюмъ отъ мужскаго и вмѣстоастрономическихъсвѣдѣній твердо знать, что дѣлается въ хозяйствѣ и на кухнѣ,—вообще жена «тѣмъ лучше, чѣмъ глупѣе».

Этотъ принципъ женской глупости, необхо-

димый, по мнѣнію Арнольфа, для семейнаго счастья, весьма тщательно опровергается Мольеромъ и защитникъ этого принципа попадаетъ въ самое жалкое положеніе.

Характернѣе всего то обстоятельство, что отношенія Арнольфа къ Агнесѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ отношеніямъ Мольера къ своей невѣстѣ, Армандѣ. Поэтъ могъ о себѣ самомъ повторить слова Арнольфа относительно заботъ о воспитаніи Агнесы: «я ее взростилъ и воспиталъ, заботами и лаской окружалъ, слѣдилъ ревниво за разцвѣтомъ ея невинной красоты». Мольеръ также хотѣлъ спасти Армanду отъ растлѣвающаго вліянія театральной жизни, какъ Арнольфъ стремился Агнесу «разлучить со свѣтомъ». Въ желаніи поэта не было только старческой жестокости и жаднаго эгоизма его героя.

До какой степени боязливо, покорно смотрѣлъ поэтъ на отношенія къ женѣ, видно изъ другой комедіи, напримѣръ Ариста. Аристъ—старикъ сравнительно съ своей невѣстой—глубоко любитъ ее, но совершенно далекъ отъ мысли силой добиться ея сочувствія. Онъ «не смѣетъ требовать этого сочувствія», онъ предлагаетъ ей дружбу, обезпеченную жизнь и предоставляетъ выборъ ея волѣ... Несмотря на неравенство лѣтъ, онъ вполнѣ и во всемъ будетъ довѣрять своей молодой супругѣ.

Въ этой же комедіи на сценѣ защитникъ противоположныхъ взглядовъ, аналогичныхъ съ убѣжденіями Арнольфа, Сганарель хочетъ насильственно устроить свою семью, окружить невѣсту и будущую жену гаремной жизнью, подчинить ея чувство своему произволу, пресѣчь всѣ ея сношенія съ людьми и внѣшней жизнью.

Сганарель и Арнольфъ—оба защитники одного и того же семейнаго и общественнаго строя, защитники рабства женщинъ въ отношеніи чувства и мысли. Арнольфъ хочетъ себѣ въ жены—«дуры», Сганарель—простой самки. Оба въ результатѣ оказываются одураченными, осмѣянными. Любовь—«дуру» Арнольфа превращаетъ въ настоящаго дипломата любви и «строгій мужъ, умудренный знаніемъ и опытомъ» становится игрушкой «дѣвчонки». Поэтъ устами другаго героя читаетъ ему жестокое нравоученіе на тему—о вліяніи любви, объ ея непреодолимомъ значеніи въ истинно-человѣческой жизни. Мало этого, Арнольфъ безумно начинаетъ любить обманувшую его дѣвушку, согласенъ рѣшительно на всѣ уступки, лишь бы она не покидала его. «Ни въ чемъ тебѣ не стану я мѣшать,—говоритъ онъ Агнесѣ,—веди себя какъ знаешь, безъ стѣсненій».

Ничто, ничто съ моей любовью не сравнится!
Ну, что мнѣ сдѣлать—говори!
Заплакать ли навзрыдъ? иль кулакомъ до крови
Разбить себѣ лицо? рѣсницы ль вырвать, брови?
Иль черепъ раскроить? Все это я стерплю—
Чтобъ только доказать, какъ я тебя люблю!

Сганарель оказывается въ такомъ же отчаянномъ, еще болѣе комическомъ положеніи. Онъ возмущенъ неудачей своихъ замысловъ и шлетъ проклятія всѣмъ женщинамъ.

Оба эти лица—Арнольфъ и Сганарель—то же самое, что Кризаль въ комедіи «Ученыя барыни». У всѣхъ троихъ тождественные принципы и, если Мольеръ обрушился всей силой своего смѣха на первыхъ двухъ, онъ не могъ, конечно, третьяго, совершенно похожаго на нихъ, сдѣлать выразителемъ своихъ идей.

«Школа мужей» написана до брака, во время сватовства Мольера, и мы видѣли, съ какимъ покорнымъ сознаніемъ своихъ лѣтъ смотрѣлъ поэтъ на будущія отношенія къ молодой женѣ. «Школа женъ» возникла въ первый же годъ семейной жизни Мольера,—и нигдѣ, ни въ одномъ словѣ комедіи, нѣтъ ни гнѣва, ни озлобленія на женщину,—скорѣе слышится жалоба, горькія слезы. Арманда, несмотря на непродолжительный срокъ замужества, успѣла создать своему мужу много мотивовъ для слезъ и жалобъ, и свѣтскіе франты уже отравляли его семейное счастіе не меньше, чѣмъ тѣ же франты разрушали брачныя мечты его героя.

И все-таки поэтъ сохранилъ прежнее чувство терпимости и гуманности, не побоялся, что въ отчаянныхъ вопляхъ Арнольфа легкомысленная жена откроетъ настроеніе своего стараго, страстно въ нее влюбленнаго мужа. Мало этого, Мольеръ не побоялся со всей откровенностью сказать слово защиты даже за тѣхъ женъ, которыя завѣдомо не питаютъ любви къ своимъ мужьямъ, не цѣнятъ супружеской вѣрности. Это легкомысліе, по мнѣнію поэта, предпочтительнѣе суровой нетерпимой чистоты нравовъ—женъ—«драконовъ добродѣтели». Онѣ гораздо сильнѣе всякой невѣрности отравляютъ существованіе мужей сварливостью, чванствомъ, пренебреженіемъ къ личности своихъ мужей на основаніи собственной непогрѣшимости.

Это послѣднее слово либеральныхъ воззрѣній на супружескія отношенія, и было бы совершенно нелогично ждать отъ Мольера, подъ конецъ жизни, идеаловъ мѣщанской морали, восточнаго деспотизма въ семьѣ и обществѣ.

Кризаль въ комедіи «Ученыя барыни»—комическая личность отъ начала до конца, комичны его отношенія къ женѣ, комична его мораль, вызванная негодованіемъ на свое подневольное положеніе въ семьѣ. Въ его состояніи психологически невозможно высказать какой-либо здравой мысли, и если все, что накипаетъ на его наболѣвшемъ сердцѣ, принять за серьезные взгляды, тогда всякая умственная дѣятельность и въ томъ числѣ творчество Мольера утратили бы всякій смыслъ.

Идеи автора высказаны Клитандромъ. Это одинъ изъ рѣдкихъ персонажей на мольеровской сценѣ, можетъ быть, вообще въ жизни классической эпохи. Его грудь переполнена настоящей

юношески-свѣжей и сильной страстью. Онъ не зараженъ модной галантностью, любитъ внѣ всякихъ формъ, руководясь исключительно молодымъ увлеченіемъ. Онъ сознается, что страсть покорила его всецѣло и онъ жаждетъ счастья, какъ неизбѣжнаго условія своей молодости, своихъ силъ.

Но это небезсознательная, инстиктивная жертва «волненья крови молодой». Его умственная жизнь свѣжа и здорова. Ее то и слѣдуетъ счесть источникомъ воззрѣній самого автора. Клитандръ въ слѣдующихъ словахъ объясняетъ свое отношеніе къ женской учености:

Хорошо, чтобъ женщина все знала,
Но возмутительно, когда онѣ спѣшатъ
Поверхностными знаньями кичиться.
По моему милѣй та женщина въ сто кратъ,
Которая по скромности боится
Ученость выставлять предъ всѣми на показъ.
Я уважаю въ женщинахъ познанья
Безъ хвастовства, безъ заученныхъ фразъ.
И безъ цитатъ изъ моднаго изданья.

Слѣдовательно, Клитандръ возмущенъ не наукой, не стремленіемъ женщинъ къ знанію, а научнымъ шарлатанствомъ, кокетствомъ ложнаго знанія, все равно какъ раньше поэтъ возмущался шарлатанствомъ чувства, кокетствомъ поддѣльнаго чувства.

Рядомъ съ Клитандромъ стоитъ его невѣста—Генріэтта, едва ли не самая симпатичная, юная героиня на мольеровской сценѣ. Ей одинаково ненавистно салонное кокетство и ученые пустякп. Она въ теченіе всей пьесы замѣчательно умѣло и остроумно отражаетъ нападки своей ученой сестры, избравшей предметомъ любви философію, и зло смѣется надъ педантизмомъ. Она исполнена жизни, правды и вполнѣ раздѣляетъ стремленія своего жениха къ реальному молодому счастью.

Въ лицѣ этихъ двухъ героевъ и выраженъ взглядъ Мольера на жизнь молодости, на семейныя отношенія, на истинное знаніе и истинное чувство. Этотъ взглядъ совершенно идетъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью эпохи, современной Мольеру. Въ комедіи защищается естественное органическое развитіе человѣческихъ силъ, защищаются искреннія, могучія увлеченія сердца, свойственныя молодости, клеймятся презрѣніемъ всякаго рода извращенія ума и чувства.

Въ этомъ отношеніи типы Мольера выходятъ изъ рамокъ опредѣленнаго общества и опредѣленной эпохи. Они остаются одинаково жизненными и современными для всякаго времени. Главныя лица пьесы—Филаминта, Арманда и оба педанта почти въ тождественныхъ чертахъ, за исключеніемъ частностей дѣйствія, встрѣчаются во всякую эпоху. До сихъ поръ во Франціи имена этихъ героевъ и героинь остаются нарицательными. До сихъ поръ салонные восторги, капризы свѣтскихъ дамъ создаютъ знаменитостей въ паукѣ, въ литературѣ и въ искусствѣ. До сихъ поръ притворная, кокетливая ученость заражаетъ молодой умъ и уродуетъ молодыя стремленія къ любви и счастію. Лицемѣріе ученыхъ Армандъ, маскирующихъ инстинкты женщины и молодости подъ плащемъ педантизма и мнимыхъ идеальныхъ стремленій—является величайшимъ зломъ въ семейной жизни, источникомъ непоправимыхъ ошибокъ. Арманда въ комедіи совершаетъ одну изъ этихъ ошибокъ—отталкиваетъ отъ себя влюбленнаго въ нее Клитандра, въ порывѣ увлеченій философіей осыпаетъ его оскорбленіями. Ей недолго приходится ждать расплаты за эту ошибку: она готова сама умолять Клитандра вернуть ей любовь и дать счастье. Всегда такою безпощадной насмѣшкой, ядовитымъ разочарованіемъ сопровождается стремленіе подавить исконныя свойства природы, на мѣсто ея законовъ установить свой личный произволъ.

Филаминта—одна изъ жертвъ растлѣвающаго повѣтрія, господствующаго среди средняго сословія—непреодолимой жажды мѣщанъ возможно болѣе уподобиться аристократіи, пожертвовать всѣмъ—личностью, семьей, здравымъ смысломъ—ради «топа» и «общества». Съ этой цѣлью Филаминта обращаетъ свою гостиную въ салонъ педантичной учености и бонтонной литературы. Такъ же поступаютъ и буржуазныя Précieuses ridicules, мечтающія о царствѣ bel esprit въ ихъ домѣ. Онѣ, ослѣпленныя этимъ bel esprit, отвѣчаютъ презрѣніемъ на вниманіе достойныхъ молодыхъ людей и становятся жертвами лакейской мистификаціи. Филаминта, ради все того же психопатическаго увлеченія модой, хочетъ принести въ жертву свою дочь алчному, тупому педанту. Всѣ эти модницы жестоко платятся за свои безумства: Précieuses убѣждаются, какъ дешевъ такъ называемый «хорошій тонъ» и какъ легко онъ усвоивается даже лакеями; Филаминта должна сознаться, что пигдѣ не скрыто столько жестокости и эгоизма, какъ въ сердцѣ педанта.

Въ результатѣ здоровыя понятія о чувствѣ и знаніи торжествуютъ. Въ то время, когда классическая трагедія возводила въ перлъ созданія современное бонтонное комедіантство, на ношлыхъ героевъ модной галантности наклеивала этикетки античной доблести, Мольеръ—и только Мольеръ—расчищалъ путь грядущимъ поколѣніямъ съ ихъ стремленіемъ къ природѣ и правдѣ. И будущій «вѣкъ просвѣщенія» изъ всей блестящей на видъ классической литературы признаетъ только произведенія Мольера: въ нихъ онъ увидитъ вѣчно живую, прогрессивную борьбу противъ стадныхъ влеченій, господства моды надъ умомъ и сердцемъ, противъ всякаго рода нравственныхъ уродствъ. Стадо никогда не исчезаетъ изъ человѣческаго

общества. Глупость и невѣжество наравнѣ съ пустотой и безсердечіемъ постоянно маскируютъ себя подъ блестящимъ костюмомъ знанія и изящнаго чувства.

До какой степени живучи типы, нарисованные Мольеромъ, показываетъ появленіе въ наши дни произведенія одного изъ талантливѣйшихъ дѣятелей современной французской литературы. На сценѣ романа Додэ — «Безсмертный» дѣйствуютъ тѣ же фигуры, какія проходятъ и въ мольеровской комедіи. Триссотэны представлены все такими же мертвенными, эгоистическими образами ученыхъ педантовъ, академиковъ, «безсмертныхъ». Среди нихъ все также умерщвляется живая мысль, отзывчивость на нужды и вопросы дѣйствительности, все также кропотливая, тупоумная работа надъ мелочами и схоластическими пустяками замѣняетъ смѣлый полетъ мысли и реальнаго знанія. Этихъ гробокопателей попрежнему окружаетъ стая Филамантъ, попрежнему салонныя актрисы создаютъ популярность умственному ничтожеству. Можно подумать, что между Триссотэномъ и Астье Регю не пронесся бурный потокъ необычайно жизненныхъ, безсмертныхъ идей, что этотъ потокъ ни на минуту не смылъ паразитныхъ наростовъ на человѣческомъ обществѣ.

Поэтому, столько правды слышится въ декламаціяхъ мольеровскихъ героевъ, столько смѣха возбуждаютъ фигуры ученой барыни и ея домашней знаменитости. Отъ частныхъ вопросовъ времени и общества комедія восходитъ къ рѣшенію вѣчныхъ вопросовъ — о силѣ и значеніи человѣческой личности, о связи знанія съ жизнью, о правахъ чувства.

Геніальная комедія, къ сожалѣнію, появилась не на той изъ московскихъ сценъ, гдѣ бы ей могло быть обезпечено вполнѣ достойное, вдумчивое воплощеніе. Малому театру съ особеннымъ усердіемъ слѣдовало бы черпать освѣжающія струи изъ старинныхъ источниковъ. Мольеръ неисчерпаемъ въ этомъ отношеніи, и блескомъ своего генія и вѣчной правды, несомнѣнно, скрасилъ бы фальшь и безсиліе современнаго, новѣйшаго репертуара. Тѣмъ болѣе, что и жажда новостей нисколько не потерпѣла бы ущерба: комедіи Мольера часто гораздо новѣе, современнѣе, чѣмъ многія пьесы, возникшія вчера. Это могли видѣть на примѣрѣ только что появившейся пьесы; въ теченіе всего спектакля она не переставала возбуждать у зрителей самый естественный отзывчивый интересъ. Но, снова повторяемъ, спектакль оставлялъ въ насъ глубокое чувство сожалѣнія, часто досады — за имя великаго автора.

Труппа театра г. Корша выработала себѣ спеціальныя качества, разсчитанныя на наибольшую популярность у самаго обширнаго и пестраго по составу круга зрителей. Это не искусство, а его суррогатъ, шаблонныя формы. Типовъ здѣсь никогда не видно, двигаются и говорятъ фигуры съ различными на нихъ этикетками: фигура меланхолическая, ужасная, забавная, смѣшная. Въ современномъ репертуарѣ съ такими фигурами можетъ еще выйти сносный спектакль: и въ нашей современной дѣйствительности цѣльныхъ личностей врядъ ли особенно много, на сценѣ ихъ можетъ быть еще меньше. Но въ классическихъ пьесахъ это фигурантское изображеніе сейчасъ выдаетъ отсутствіе у артистовъ истинно-художественныхъ силъ, или нежеланіе, неумѣніе ихъ выказывать.

Въ мольеровской комедіи нѣтъ ни одного блѣднаго, немощнаго лица, нѣтъ также и карикатуры. Труппа театра г-на Корша, за незначительными исключеніями, сумѣласерьезную пьесу разбить на рядъ водевильныхъ сценъ, и тамъ, гдѣ даже и была попытка создать лицо, — созданіе вышло карикатурнымъ, неестественнымъ, — *неестественнымъ у Мольера!*

На первомъ планѣ по части водевильныхъ наклонностей слѣдуетъ поставить исполнителей ролей педантовъ — Вадіуса и Триссотэна. Первую роль игралъ г. Шмидтгофъ, вторую г. Боуеръ. Оба артиста не поняли комической силы своихъ ролей. Поэтъ и ученый вовсе не шуты и забавные гримасники: они смѣшны своей серьезностью, чувствомъ священнаго благоговѣнія предъ научными и литературными пустяками, поглощающими все ихъ существованіе. Они оба священнодѣйствуютъ, обнаруживая безтолковые результаты своей мнимой учености, декламируя невозможныя литературныя произведенія. Артистамъ прежде всего слѣдовало имѣть въ виду что почти всѣ черты педантизма и бездарности списаны Мольеромъ съ дѣйствительности, что сонетъ Триссотэна буквально заимствованъ изъ сочиненій нѣкоего аббата Котэна. А этотъ аббатъ, конечно, и въ мысляхъ не держалъ — потѣшать публику своими поэтическими упражненіями. Г. Боуеръ, напротивъ, всѣми силами подчеркивалъ смѣхотворность этихъ упражненій. Артисту нельзя отказать въ нѣсколькихъ характерныхъ жестахъ, въ часто толковомъ веденіи сцены, но разсчетъ на смѣхъ публики слишкомъ бросался въ глаза и изъ-за стремленья быть во что бы ни стало комичнымъ не было видно самого комизма.

Г. Шмидтгофъ употребилъ всѣ усилія сдѣлать свою роль карикатурно-забавной. Ни одинъ ученый какого угодно времени не позволилъ бы себѣ такъ нестерпимо ломаться и гримасничать, какъ это было въ игрѣ артиста. Кромѣ того, нетвердое знаніе роли сильно вредило едва ли не самой оживленной сценѣ во всей комедіи — сценѣ между Триссотэномъ и Вадіусомъ.

Роль Триссотэна лежала особенно близко къ сердцу Мольера. Она воплощала ненавистную ему личность современнаго педанта-рифмоплета,

аббата Котэна, весьма популярнаго въ свое время придворнаго проповѣдника. Воспоминанія современниковъ единогласно говорятъ объ его поразительныхъ успѣхахъ въ дамскомъ обществѣ и при дворѣ, откуда онъ успѣлъ получить пенсію раньше многихъ несравненно болѣе его талантливыхъ писателей. Это былъ изящный кавалеръ съ дамами и страшно задорный и сварливый съ людьми одного съ нимъ ремесла. Опъ, до появленія мольеровской комедіи, успѣлъ отличиться нападками на знаменитаго поэта и его друзей. Мольеръ съ своей стороны вывелъ его въ комедіи, позаботился съ особенной тщательностью обрисовать его роль—салоннаго поэта. Говорятъ даже, что Мольеръ приказалъ купить старое платье аббата и надѣть его на актера, исполнявшаго роль Триссотэна. Были даны будто бы инструкціи и относительно внѣшнихъ маперъ. Вольтеръ сообщаетъ даже, что аббатъ Котэнъ умеръ отъ злобы и огорченія, увидѣвъ себя на мольеровской сценѣ. Всѣ эти свѣдѣнія или крайне сомнительны или совершенно невѣрны: таково, напр., извѣстіе Вольтера. Котэнъ умеръ десять лѣтъ спустя послѣ появленія комедіи «Ученыя барыни». Но піеса все-таки не осталась безъ вліянія на жизнь аббата: опъ постепенно долженъ былъ удалиться съ общественной сцены, затушевать свою жестоко осмѣянную фигуру. Подъ конецъ жизни онъ впалъ въ дѣтство, надъ нимъ была назначена опека. Его смерть встрѣтили, между прочимъ, такой эпиграммой, показывающей какъ метокъ и долговѣченъ былъ смѣхъ Мольера:

Savez vous en quoi Cotin
Différe de Trissotin?
Cotin a fini ses jours,
Trissotin vivra toujours.

Многіе порицали Мольера за личныя нападки на Котэна. Намъ нѣтъ необходимости оправдывать поэта: онъ бралъ мотивы смѣха, гдѣ могъ, и гдѣ они ему представлялись. Личныя черты аббата послужили ему матеріаломъ для созданія безсмертнаго типа: это всегда было и будетъ обычнымъ фактомъ въ творчествѣ всѣхъ писателей.

Вадіусъ также, хотя и въ меньшей мѣрѣ, списанъ съ дѣйствительности. Оригиналомъ послужилъ знаменитый въ свое время филологъ Жиль Менажъ, авторъ многочисленныхъ сочиненій о французскомъ и итальянскомъ языкахъ, писавшій также стихи и мемуары. Онъ былъ главою литературно-артистическаго кружка, произносившаго безапелляціонные приговоры надъ современными произведеніями и авторами. Менажъ не находился съ Мольеромъ въ отношеніяхъ личной вражды подобно Котэну. Говорятъ даже, онъ привѣтствовалъ съ восторгомъ появленіе первой серьезной комедіи знаменитаго автора—«Les précieuses redicules» словами: «Намъ слѣдуетъ сжечь все, чему мы до сихъ поръ поклонялись, поклоняться тому, что сжигали». Менажъ былъ совершенно на сторонѣ поэта въ его гоненіи противъ жеманнаго жаргона современныхъ дамъ, хвалилъ и комедію «Ученыя женщины». Этимъ ловкимъ отношеніемъ къ поэту Менажъ обязанъ тѣмъ, что насмѣшка надъ нимъ не получила такой популярности, какъ надъ Триссотэномъ.

Ясно, что если предъ глазами Мольера были готовые оригиналы для его педантовъ,—Филаминты въ такомъ же изобиліи кишѣли въ салонахъ. Одна изъ нихъ узнала себя и своихъ подругъ въ героинѣ Мольера. Это была герцогиня Монтозье, пресловутая Julie вызвавшая болѣе чѣмъ кто-либо жеманныхъ, утомительныхъ произведеній салонной поэзіи. Говорятъ, она даже обратилась къ Менажу съ жалобой на Мольера: «Какъ, вы допускаете, чтобы этотъ несносный Мольеръ третировалъ насъ такимъ образомъ?» И не одна герцогиня могла увидѣть себя въ лицѣ Филаминты—до мельчайшей черты, начиная съ супружескаго деспотизма и кончая ученостью.

Изъ этихъ замѣчаній ясно, какова должна быть Филаминта на сценѣ. Она—буржуазнаго происхожденія, но исполнена непреодолимаго желанія—во всемъ походить на представительницу высшаго общества. Съ этими желаньями нисколько не идетъ въ разрѣзъ ея третированье всѣхъ окружающихъ, и особенно мужа. Та же Julie, мучившая своего поклонника около двадцати лѣтъ маскарадомъ всякихъ салонныхъ пустяковъ, впослѣдствіи, конечно, могла вести себя съ нимъ на манеръ Филаминты.

Г-жа Романовская лишила свою роль всякихъ «тонныхъ» призпаковъ, придала ей мѣщански-грубую, примитивную окраску самодурки. Тонъ голоса, общая манера держаться и говорить—производила отталкивающее впечатлѣніе и ужь, конечно, герцогини при видѣ этой моветонной мѣщанки не нашли бы возможнымъ обидѣться на Мольера. Тщательно оттѣняя деспотизмъ и самодурство Филаминты, артистка обратила слишкомъ мало вниманія на ея другую черту—безсмысленный, психопатическій восторгъ предъ «ученостью»: сцена съ сонетомъ Триссотэна вышла мертвенной, насильственной, нехарактерной,—и это прежде всего, потому что артистка заранѣе вытравила у своей героини всякія черты даже внѣшней культуры.

Роль ученой дочери Филаминты—Арманды—совершенно не удалась г-жѣ Гламъ-Мещерской. Это была не игра, а исполненіе своихъ обязанностей—все равно въ какомъ бы то ни было направленіи.

Роль Кризаля утратила свой безсмертный эффектъ и типичность въ исполненіи г-на Свѣтлова. Трудно назвать болѣе распространенный типъ, чѣмъ—мужъ, человѣкъ разсудительный и даже энергичный, но все-таки страдающій

подъ башмакомъ своей супруги. Мольеръ много разъ касался этого типа и самъ исполнялъ роль Кризаля, по свидѣтельству современниковъ, съ захватывающимъ интересомъ. Г. Свѣтловъ старался придать своему говору естественность тона, но отъ этой декламаціи не вѣяло сильной, своеобразной натурой, за хорошими рѣчами не было видно яркой, характерной личности. А между тѣмъ роль даетъ артисту множество тончайшихъ оттѣнковъ и крайне благодарныхъ положеній, комическихъ и драматическихъ въ одно и то же время.

Остальнымъ ролямъ комедіи посчастливилось больше, чѣмъ только что названнымъ. Особенно удачно исполнена была роль другой ученой барыни въ пьесѣ—Белизы—г-жей Кудриной. Белиза, старая дѣва, помѣшавшаяся на томъ, что всѣ въ нее влюблены, и что эта любовь непремѣнно выражается и должна выражаться по правиламъ преціознаго законодательства. Мольеръ эту фигуру пашелъ готовою въ современномъ репертуарѣ, придалъ ей только больше жизни и типичности. Артисткѣ удалось сохранить въ своемъ исполненіи эту жизнь и типичность. Съ искусствомъ и самообладаніемъ г-жа Кудрина охарактеризовала наивную самоувѣренность своей героини, доходящую до безразсудства и жеманства отцвѣтшей дѣвы, впадающей въ каррикатуру. Артистка оставалась въ границахъ настоящаго комизма.

Роли молодыхъ людей—весьма симпатичны, но даютъ мало матерьяла для яркой игры. Г-жа Потоцкая—граціозпая, но слишкомъ холодная, безцвѣтная Генріэтта. Больше жизни проявилъ г. Ильинскій въ роли Клитандра.

Внѣшняя обстановка, по обычаю сцены г-па Корша, отличалась крайней пестротой, безъ всякихъ слѣдовъ художественности и заботъ объ исторической вѣрности. Это былъ только рядъ аляповатыхъ, созданныхъ на-скоро намековъ па жизнь и исторію.

Ив. Ивановъ.

„Силуэты"—„Бойкая барыня"—„Клубъ холостяковъ"—„Меблированныя комнаты Королева"—„Король и поэтъ".

Появившіяся на сценѣ театра г. Корша *новинки* современнаго репертуара какъ нельзя лучше доказали ошибочность взгляда дирекціи этого театра на свою публику и па своихъ артистовъ. Въ то время, какъ возобновленныя пьесы Островскаго «Доходное мѣсто», «Гроза», «Тяжелые дни», «Безъ вины виноватые» находятъ въ артистахъ этого театра хорошихъ исполнителей и собираютъ полную залу, новинки не вызываютъ ни того, ни другаго. Уже на второмъ представленіи (напримѣръ «Меблированныхъ комнатъ Королева») публики бываетъ немного.

Первая *новинка* оказалась особенно неудачной. Положительно приходится недоумѣвать какой злой духъ заправляетъ репертуаромъ этого театра. Только злѣйшій врагъ могъ одобрить для постановки такія «драматическія картины (?)», какъ «*Силуэты*» неизвѣстнаго автора.—Ни одного живаго лица, ни одного осмысленнаго положенія. Сюжетъ, если только это награжденіе авторской фантазіи можно назвать сюжетомъ, заключается въ томъ, что пѣкій Щербатовъ (г. Людвиговъ) скучаетъ съ своей женой (г-жа Журавлева), которая его любитъ. Къ нему *въ домъ* является его бывшая любовница Кранцева (г-жа Глама-Мещерская) и подъ акомпанименпъ *грома* сообщаетъ ему, что она его ненавидитъ и любитъ. Жена подслушиваетъ и ссорится съ мужемъ. Щербатовъ вновь сходится съ Кранцевой, говоритъ ей массу пелѣпостей, она грозитъ выгнать его. Онъ уходитъ и къ Кранцевой является (!) жена Щербатова съ требованіемъ, (?) чтобы Кранцева возвратила ей мужа—и съ предложеніемъ *выкупить* мужа за деньги. Кранцева объясняетъ ей, что она дѣйствительно любитъ ея мужа, что такъ же, какъ и она, пожертвовала ему всѣмъ своимъ состояніемъ и.... *отдаетъ* ей ея мужа. Щербатова *благодаритъ*, *цѣлуется* и уходитъ. Кранцева застрѣливается (!). Въ заключеніи Щербатовъ объявляетъ женѣ, съ которой онъ живетъ на разныхъ половинахъ, что онъ проигралъ крупную сумму денегъ и проситъ ея помощи. Она заявляетъ, что у пея уже больше денегъ нѣтъ. Щербатовъ идетъ стрѣляться. Щербатова останавливаетъ его, становится на колѣни и заявляетъ что она по прежнему любитъ его и.... занавѣсъ падаетъ.

Кромѣ этой главной фабулы въ піесѣ есть еще параллельная. Нѣкто Гаданова, (г-жа Кудрина) встрѣтившись въ I актѣ съ хлыщемъ Шерстиковымъ (г. Свѣтловъ) и при первомъ съ нимъ знакомствѣ въ чужомъ домѣ назвавшая его дуракомъ, а потомъ наградившая его пощечиной—въ 3 актѣ является—его женой.—Говорить объ исполненіи такого литературнаго перла нѣтъ, конечно, никакой возможности. Становилось крайне жаль артистовъ, на долю которыхъ выпало разучиваніе этого перла, особенно же нестерпимо было жаль г-жъ Гламу-Мещерскую и Журавлеву въ нелѣпой сценѣ 2 акта, когда была ощутительна своего рода связь сцены съ зрительной залой, связь въ общемъ и у артистокъ и у публики непреодолимомъ желапіи скорѣйшаго конца этой сцены, скорѣйшаго закрытія занавѣса.

Въ заключеніе этого спектакля 30 августа шли прелестныя сценки покойнаго Турбина «*Бойкая барыня*». Возобновленіе этой пьесы вновь доказало, что театръ г. Корша, и не

выходя изъ рамокъ веселой комедіи, можетъ найтиматеріалъ для своей сцены. Дѣло *только* за желаніемъ и за небольшимъ пониманіемъ и вкусомъ.—Исполнены были эти сценки превосходно и безъ всякаго шаржа, что на сценѣ этого театра такая рѣдкость. Г. Киселевскій одинъ изъ лучшихъ «маіоровъ», какихъ намъ пришлось когда-либо видѣть. Даже г-жа Мартынова, хотя и не давшая ничего характернаго, настолько подходила сама по себѣ къ роли бойкой полковой дамы, что была вполнѣ на мѣстѣ. Остальные исполнители живо, весело провели свои роли. Лишь одинъ г. Шмидтгофъ былъ нѣсколько тяжеловатъ для роли Синицына.

Вторая новинка театра г. Корша «*Клубъ холостяковъ*» — комедія въ 3 д. Балуцкаго, автора комедіи «Денежные тузы»—довольно забавный фарсъ. Жаль только, что г. Крюковской не просто перевелъ эту пьесу, а *передѣлалъ* ее на русскіе нравы. Отъ такой передѣлки пьеса безспорно потеряла, такъ какъ русскаго въ этой пьескѣ почти ничего нѣтъ.—Нѣкто Посыпкинъ (г. Костюковъ) разошелся съ своей женой (г-жа Глама-Мещерская) и вступилъ въ число членовъ клуба холостяковъ. Этотъ клубъ составляютъ люди, поклявшіеся никогда не связывать себя узами супружества, но допускающіе простое волокитство и легкія интрижки. Посыпкина, разъѣхавшись съ мужемъ, выдаетъ себя за вдову, подъ своей дѣвичьей фамиліей. Въ нее влюбляются всѣ члены клуба холостяковъ: писатель, авторъ брошюры противъ брака, Артемовичъ (г. Киселевскій), Прасовъ (г. Свѣтловъ) и Полушкинъ (г. Людвиговъ). Всѣ они ѣдутъ за ней на воды и преслѣдуютъ ее своими ухаживаньями. За нею же ѣдетъ и ея мужъ, ревнующій ее къ ея поклонникамъ. Одинъ изъ членовъ того же клуба холостяковъ—Наумовъ (г. Вязовскій), влюбленный въ молоденькую дочь Чубиновой Ольгу (г-жа Кошева), пріѣзжаетъ туда же. Ольга ласкаетъ его и ухаживаетъ за нимъ, сильно хлопоча устроить его свадьбу съ ея матерью-вдовой (г-жа Кудрина). Наумовъ же предполагаетъ, что сама Ольга влюблена въ него. Въ ту же Ольгу влюбленъ и молодой человѣкъ Курскій (г. Ильинскій), но Ольга, сама не сознавая своей любви къ Курскому, крайне рѣзко обращается съ нимъ. Чтобы вызвать въ Ольгѣ это скрытое чувство къ Курскому и заставить ее его обнаружить, Посыпкина увѣряетъ Ольгу, что Курскій влюбленъ въ нее и что она съ нимъ собралась бѣжать. Ольга не выдерживаетъ и плачетъ. Посыпкина помогаетъ влюбленнымъ объясниться. Въ то же время всѣ поклонники ея самой одновременно дѣлаютъ ей предложеніе и она объявляетъ имъ, что она замужемъ и вновь сходится съ мужемъ, который раскаивается и проситъ ее простить его. Наумовъ принужденъ жениться на матери Ольги.

Піеса исполняется живо, но мѣстами крайне тривіально. Г. Людвиговъ хохочетъ такимъ рѣзкимъ, грубымъ смѣхомъ, что производитъ крайне и крайне непріятное впечатлѣніе. Что же касается до г. Свѣтлова, то шаржированіе имъ своей роли переходитъ всякія границы возможнаго на какой-либо сценѣ. Грубое подчеркиваніе приглашенія горничной «въ кустики» для урока танцевъ, ползаніе по сценѣ на четверенькахъ принадлежатъ къ совершенно шутовскимъ пріемамъ, допустимымъ развѣ въ балаганахъ. Совершенно непонятно, какъ люди, избравшіе *художественную артистическую* дѣятельность, *могутъ* спускаться до такихъ фарсовъ. Какъ, наконецъ, можетъ дирекція театра допускать превращать безобидный фарсъ въ *представленіе*, на которое не всякій рѣшится повести свою семью. Роль дѣвушки-ребенка Ольги Чубиновой превосходно исполняется г-жей Кошевой. Она очень мило провела сцену съ Наумовымъ. Особенно же ей удался монологъ въ 3 актѣ, когда Ольга, послѣ объясненія съ Посыпкиной, оставшись одна, хочетъ сама себя убѣдить, что она можетъ легко перенести разлуку съ любимымъ человѣкомъ, и въ концѣ концовъ не выдерживаетъ и заливается слезами.

«*Меблированныя комнаты Королева*», комедія-шутка въ 3 д. передѣланная гг. Крюковскимъ и Урайскимъ—представляетъ собою не болѣе какъ водевиль, который бы безспорно выигралъ, если бы не былъ растянутъ на 3 акта. Анекдотъ, послужившій сюжетомъ, пожалуй, довольно забавенъ, но исполненъ слишкомъ шаржированно. Дроздовъ (г. Вязовскій), провинціалъ, пріѣхавшій въ Петербургъ, требуетъ отъ своего племянника, чтобы тотъ показалъ ему сумасшедшій домъ, тотъ везетъ его на вечеринку къ Королеву, содержателю меблированныхъ комнатъ, увѣряя, что везетъ его въ домъ сумасшедшихъ. Обитатели этихъ меблированныхъ комнатъ оказываются какъ на подборъ людьми съ большими странностями: тутъ и неутомимый путешественникъ Полетовъ (г. Костюковъ) съ живымъ (!) маленькимъ тигренкомъ (!), и писательница Рѣпкина (г-жа Кудрина), готовая ловить сюжеты въ каждомъ разсказанномъ ей вздорѣ, и косноязычный Зеленцовъ (г. Шмидтгофъ), мнящій себя великимъ драматическимъ актеромъ, и маіоръ Барабановъ (г. Свѣтловъ), готовый придраться ко всякой мелочи, чтобы вызвать на дуэль. Недалекій Дроздовъ принимаетъ ихъ всѣхъ за сумасшедшихъ и соглашается на всѣ ихъ предложенія, зная, что сумасшедшимъ опасно противорѣчить. Въ 3 актѣ всѣ обитатели ѣдутъ за Дроздовымъ въ Москву, одинъ, чтобы ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ далекое путешествіе, другая за сюжетомъ для своихъ повѣстей, третій чтобы продекламировать нѣсколько монологовъ, четвертый чтобы потребовать удовлетворенія за папесен-

ную обиду. Озадаченный Дроздовъ всѣхъ ихъ запираетъ по отдѣльнымъ комнатамъ и телеграфируетъ Королеву, чтобы онъ пріѣзжалъ немедленно и водворилъ вновь у себя своихъ больныхъ. Піеса кончается почему то бракомъ Полетова съ одной изъ дочерей Дроздова. Исполняется пьеса крайне шаржированно, артисты съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, *стараются* во всю. Сцена г. Шмидтгофа съ г. Вязовскимъ, когда Зеленцовъ декламируетъ сцену убійства Отелло Дездемоны, особенно шаржированна. Г. Шмидтгофъ накидываетъ на себя столовую скатерть въ видѣ плаща, г. Вязовскій валится на диванъ. Все это крайне противно и очень близко къ цирковымъ упражненіямъ.—Въ тотъ же спектакль 20 сентября поставлена была картина въ 1 д. Банвиля «*Король и поэтъ*». Въ декоративномъ отношеніи пьеса, по обычаю этого театра, поставлена небрежно. Между прочимъ бросались въ глаза канделябры стиля Empire. Это напомнило намъ сцену изъ оперетки «Chilpéric», шедшей недавно въ Парижѣ. Передъ этимъ королемъ проходитъ рядъ знаменитостей всѣхъ временъ. Когда докладываютъ: «Мольеръ», изумленный король вскрикиваетъ: déjà! Съ такимъ же восклицаніемъ могъ каждый зритель обратиться къ дирекціи театра г. Корша, съ чисто опереточнымъ легкомысліемъ не различающей ни странъ, ни временъ, ни народовъ. Г. Ильинскій въ роли Гренгуара выказалъ много весьма симпатичныхъ сторонъ своего дарованія. Обдуманная читка роли, простота, искренность, задушевность тона отличали его исполненіе. Нельзя не признать въ г. Ильинскомъ прекрасное пріобрѣтеніе для театра г. Корша. Въ труппу принятъ и г. Мерянскій, удачно дебютировавшій въ роли городничаго. Приходится только задать вопросъ: что будутъ дѣлать эти артисты въ излюбленномъ репертуарѣ г-на Корша? Быть можетъ приглашеніе ихъ будетъ имѣть послѣдствіемъ замѣну анекдотичныхъ фарсовъ пьесами съ живыми людьми, съ настоящими характерными ролями? Поживемъ—увидимъ.

Р. С. Т.

Театръ „Скоморохъ“.

Народный театръ Москвы «Скоморохъ» открылся 19 сентября. Въ креслахъ, въ ложахъ было немного пустыхъ мѣстъ, дешевыя мѣста были переполнены. Очевидно интересъ къ этому театру не охладѣваетъ. Народная публика охотно идетъ на каждый новый зовъ «своего» театра. На этотъ разъ помянутый интересъ имѣлъ еще особую подкладку. На афишѣ мы прочли имена прежней дирекціи и прежняго «главнаго администратора»; но имя режиссера и всѣ имена артистовъ были новы. Очевидно, провинція, послѣ неудачныхъ попытокъ г-жъ Горевой и Абрамовой, снова выслала своихъ сценическихъ представителей въ Москву—на этотъ разъ съ совершенно неизвѣстными намъ именами, представителей скромныхъ, вѣроятно непритязательныхъ... И намъ, въ прошломъ году столь жалѣвшимъ провинціальныхъ артистовъ, выступавшихъ въ неблагопріятныхъ условіяхъ Горевской антрепризы, — захотѣлось тепло привѣтствовать ихъ на симпатичной народной сценѣ. Къ нашему удовольствію ничто не мѣшаетъ намъ исполнить это. Товариществомъ этихъ артистовъ, подъ режиссерствомъ одного изъ нихъ, г. Черепанова, была поставлена для открытія спектаклей въ народномъ театрѣ «Каширская Старина»,—пьеса во всякомъ случаѣ умѣстная на этой сценѣ. Прежде всего режиссеръ, очевидно, приложилъ много старанія къ постановкѣ пьесы. Срепетовка, знаніе ролей были вполнѣ удовлетворительны, даже въ болѣе сложныхъ сценахъ пьесы. Исполнители дѣлали свое дѣло горячо и добросовѣстно Г. Львовъ (Бородавка) и г. Черепановъ (Живуля) были вполнѣ на своихъ мѣстахъ. Первый сдержанно и тепло, второй типично и безъ всякаго шаржа исполнили свои роли. Василій и Марьица—г. Сафоновъ—Скавронскій и г-жа Бронская—были не столь удовлетворительны. Оба симпатичные и очевидно старательные артисты, очень удачные въ нѣжно лирическихъ сценахъ, въ сценахъ сильныхъ они были слабы, обнаруживая при этомъ неполное обладаніе стихомъ. Госпожа Бронская, обладаетъ хорошимъ мягкимъ голосомъ. У г-на Сафонова, къ сожалѣнію, мы замѣтили нѣкоторую манерность и позировку, правда, не грубую, но во всякомъ случаѣ излишнюю. Совсѣмъ не удались роли Коркина и Перепелихи — г-ну Черногорскому и г-жѣ Орловой. Первому не хватало ни голоса, ни сановитости изображаемаго имъ лица. Въ тихихъ моментахъ онъ еще былъ сносенъ, но въ сильныхъ выходили однѣ тщетныя попытки страдать и волноваться. А между тѣмъ внѣшнія данныя у исполнителя для роли прекрасныя, если бы онъ не мѣшалъ впечатлѣнію какой-то судорожной подвижностью и бѣготней по сценѣ... Исполненіе же Перепелихи было однообразно и рѣзко. Остальные артисты болѣе или менѣе удовлетворительно дѣлали свое дѣло... Будемъ ждать слѣдующихъ спектаклей...

І. В.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Театрально-литературный комитетъ.—Открытіе сезона.—Г-жа Томсонъ въ «Цѣпяхъ».—Возобновленіе «Василисы Мелентьевой».—Возобновленіе комедій: «Правда—хорошо, а счастье—лучше» и «Бѣшеныя деньги».—«Плоды просвѣщенія» гр. Л. Толстого.—Возобновленіе «Паутины».—Возобновленіе «Гамлета».

аконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, открытъ театрально-литературный комитетъ съ отдѣленіями въ Петербургѣ и Москвѣ, съ четырьмя членами въ каждомъ отдѣленіи. При помощи комитета, очевидно, дирекція хочетъ насколько возможно строго отнестись къ репертуару, очищая его отъ того балласта, который иногда проскальзывалъ за послѣднее время на сцену въ формѣ мелодрамъ, quasi-историческихъ комедій, недописанныхъ, а только намѣченныхъ пьесъ и т. д. Pia desideria относительно новаго комитета — полнѣйшее отсутствіе лицепріятія, въ которомъ иногда упрекали прежній комитетъ,— и серьезное критическое отношеніе ко всѣмъ пьесамъ, какими бы именами онѣ ни были подписаны—стяжавшими ли извѣстность на драматическомъ поприщѣ, или именами новичковъ. Но одного театрально-литературнаго комитета мало для созданія солиднаго репертуара,—необходимъ контроль надъ составленіемъ репертуара возобновленныхъ пьесъ. По слухамъ, дирекція озабочена и этимъ вопросомъ, и образовываетъ спеціальный репертуарный комитетъ.

Въ театральный комитетъ избраны:

Въ Петербургѣ: Д. В. Григоровичъ, А. А. Потѣхинъ, Петръ И. Вейнбергъ и П. П. Гнѣдичъ.

Въ Москвѣ: А. Н. Веселовскій, Н. И. Стороженко, Н. С. Тихонравовъ и Влад. И. Немировичъ-Данченко.

—

Сезонъ въ нынѣшнемъ году открылся въ Михайловскомъ театрѣ, такъ какъ Александринскій потребовалъ спеціальнаго ремонта. По искони заведенному обычаю, данъ былъ «Ревизоръ». Г. Давыдовъ игралъ городничаго, г. Далматовъ—Хлестакова, г. Варламовъ—Осипа, г-жа Жулева—городничиху, г-жа Читау—Марью Антоновну. Театръ не былъ полонъ: публика все еще не можетъ привыкнуть къ новому мѣсту, да и высокія цѣны не позволяютъ многимъ театраламъ бывать здѣсь.

Во второй спектакль шли «Цѣпи» кн. Сумбатова. Спектакль представлялъ двойной интересъ: первый выходъ въ сезонѣ г-жи Савиной и дебютъ молодой провинціальной артистки г-жи Томсонъ. Нашу заслуженную примадонну встрѣтили вѣнками и аплодисментами, хотя и очень сдержанными, но значительными для холодной публики Михайловскаго театра.

Что касается молодой дебютантки, уже снискавшей себѣ имя въ провинціи, то пока слѣдуетъ воздержаться отъ окончательнаго сужденія о ея игрѣ и талантѣ. Не говоря уже о неизбѣжномъ волненіи при первомъ выходѣ на сцену передъ незнакомой публикой, трудно играть въ пьесѣ, уже твердо налаженной исполнителями и двѣнадцать разъ шедшей,—играть съ одной или двухъ репетицій. «Мертвыя мѣста» Михайловской сцены, въ свою очередь, парализуютъ впечатлѣніе. Въ первомъ явленіи «Цѣпей» ни дебютантку, ни г-жу Аннепкову-Бернаръ совершенно не было слышно. Удивительное дѣло, какъ это французы, играя на той же сценѣ, всегда избѣгаютъ этихъ мертвыхъ точекъ, а наши русскіе артисты будто и не подозрѣваютъ о ихъ существованіи.

Во всякомъ случаѣ, о г-жѣ Томсонъ можно сказать, что она никоимъ образомъ не ingénue. Институтская наивность, ребячливость хотя и передается ею довольно образно, но не выходитъ за черту общепринятаго шаблона. Совсѣмъ не то впечатлѣніе производятъ мѣста драматическія. Голосъ, переходя на низкія ноты, звучитъ полно и законченно; мимика нѣсколько рѣзковата, но своеобразна; внутреннее чувство прорывается искренне и задушевно. Несомнѣнно, передъ нами чисто драматическая артистка—въ будущемъ,—но въ будущемъ, а не въ настоящемъ, такъ какъ г-жа Томсонъ еще слишкомъ молода, чтобы быть законченной актрисой; дебютъ ея даетъ право думать, что при серьезной работѣ ожидать отъ нея можно многаго. Во всякомъ случаѣ, на частныхъ сценахъ Россіи едва-ли это не лучшее молодое дарованіе. Будущее покажетъ—ошиблась или нѣтъ дирекція, пригласивши эту артистку на Императорскую сцену.

—

Первой новинкой-возобновленіемъ была драма Островскаго и Гедеонова «Василиса Мелентьева»,—единственная изъ историческихъ драмъ почти не сходящая въ Петербургѣ съ репертуара. За послѣднее время Василису играла г-жа Стрепетова, и со времени оставленія этой артисткой сцены, драму на нѣсколько мѣсяцевъ сняли съ репертуара. Теперь рѣшили ее возобновить на Михайловской сценѣ, съ новымъ рас-

предѣленіемъ ролей. Василиса была поручена г-жѣ Савиной, Грозный—г-ну Свободину, царица Анна—г-жѣ Апненковой-Бернаръ, Колычевъ—г-ну Аполлонскому. Такое распредѣленіе мало обѣщало успѣха пьесѣ,—такъ оно и вышло. Въ общемъ прошла драма весьма вяло, ни одна роль не выдвинулась,—исполненіе было слабѣе, чѣмъ прежде.

Демоническій типъ Василисы рѣшительно не подходитъ къ общему строю игры г-жи Савиной. Блестящій талантъ нашей примадонны держится въ строго опредѣленныхъ рамкахъ, и все выходящее за ихъ предѣлы всегда влечетъ за собою неуспѣхъ. Актриса на нервныя роли и на роли съ комическимъ оттѣнкомъ, г-жа Савина въ высокой драмѣ и трагедіи чувствуетъ себя не на мѣстѣ. Гибкая, граціозная ея фигура является яркимъ прототипомъ современной женщины, и ни съ какой стороны не подходитъ подъ рослую, полнотѣлую теремную москвичку, павою плавающую изъ покоя въ покой, съ соболиной бровью и поволокой въ очахъ. — Ни первности, ни комизма нельзя проявить въ исполненіи Мелентьевой,—отсюда блѣдность и неопредѣленность впечатлѣнія. Были, конечно, фразы, сказанныя превосходно, — но въ общемъ тонѣ чувствовались отзвуки то «Сидоркина дѣла», то «Переполоха».

Не подходила и къ г-жѣ Анненковой ея роль — Анны Васильчиковой. — Лицо совершенно не русскаго типа, говоръ, въ которомъ нѣтъ и слѣда костромского произношенія, отсутствіе сознанія своего царскаго достоинства—дѣлали изъ роли царицы Анны какую-то общую абстрактную фигуру, внѣ времени и пространства. Но при этомъ нельзя не сказать, что читаетъ стихи г-жа Анненкова правильнѣе другихъ исполнителей.— Сравнивать же ее съ прежней исполнительницей этой роли—г-жей Васильевой — невозможно: у г-жи Васильевой являлся полный, законченный образъ, а у г-жи Анненковой — робкое псканіе тона.

Сказанное о г-жѣ Савиной касается отчасти и г. Свободина. Г. Свободинъ—превосходный чтецъ и прекрасный актеръ на жанровыя роли,—но Іоаннъ Грозный носитъ нѣкоторый титаническій отпечатокъ на своей загадочной личности, и хотя въ драмѣ Островскаго оттѣнена по преимуществу только одна сторона его натуры—сластолюбіе, тѣмъ не менѣе въ тираническихъ порывахъ, проскальзывающихъ то тамъ, то сямъ въ роли, артистъ можетъ проявить совершенно самостоятельно могучіе взрывы необузданной воли. Повторяемъ,— это не въ характерѣ таланта г. Свободина, и потому образъ восточнаго тирана хотя и проступилъ передъ зрителемъ вѣрными чертами — но недостаточно выпукло и ярко.

Не посчастливилось и второстепеннымъ исполнителямъ. Г. Аполлонскій въ своемъ кафтанѣ скорѣе походилъ на закостюмированнаго гостя аристократическаго бала, чѣмъ на дворянина Колычева при дворѣ Іоанна. Остальныя роли были распредѣлены такъ: Воротынскій—г. Ленскій, Сицкій—г. Черновъ, Шуйскій—г. Лирскій, Рязоловскій—г. Головинскій, Рѣпнинъ—г. Новинскій, Годуновъ—г. Корвинъ, Малюта—г. Никольскій, Морозовъ—г. Осокинъ, Шутъ—г. Шаповаленко.

Неудача первыхъ представленій заставила администрацію передать ролп. Въ Грозномъ, по прежнему, появился г. Писаревъ, роль царицы перешла къ г-жѣ Мичуриной, Василисы — къ г-жѣ Васильевой, а Колычева—къ г. Дальскому. Перемѣна много способствовала успѣху пьесы.

Съ декараціонной стороны, «Василиса» была обставлена прекрасно. Особенно хороши двѣ первыя картины, написанныя художникомъ Ивановымъ. Этотъ достойный ученикъ профессора Шишкова за послѣднее время смѣло выбрался на самостоятельную дорогу, и съ каждымъ годомъ работаетъ все лучше и сильнѣе. Кремлевское крыльцо, написанное для первой картины, прекрасно скомпановано и, не смотря на простоту техническаго пріема — декорація вся писана на одномъ первомъ планѣ — представляетъ прекрасный рельефъ. Въ строгомъ стилѣ написана и грановитая палата. Костюмы ярки, свѣжи и богаты.

—

10-го сентября возобновили комедію Островскаго «Правда—хорошо, а счастье—лучше». Къ сожалѣнію и это возобновленіе нельзя причислить къ удачнымъ. Когда комедія эта была поставлена у насъ впервые, въ 1876 году, она прошла несравненно удачнѣе. Теперь только Барабышевъ былъ лучше прежняго: г. Давыдовъ, конечно, былъ типичнѣе покойнаго Бурдина. Г-жи Жулева и Ильинская появились едва-ли не впервые въ роляхъ купчихъ, и мало на нихъ походили. Г-жа Жулева по существу своего таланта—grande dame, а г-жа Ильинская—ingénue чисто французскаго пошиба. Поэтому странно и требовать отъ нихъ невозможнаго. Г. Шкоринъ въ роли плутоватаго садовника Глѣба не могъ заставить забыть Випоградова, а г. Панчинъ 1-й—г. Сазонова. Изъ старыхъ исполнителей остался г. Варламовъ, играющій всегда съ успѣхомъ роль унтера Грознова. Г. Варламовъ одинъ поддержалъ комедію, играя, какъ всегда, съ большимъ одушевленіемъ.

—

Открытіе Александринскаго театра должно было состояться 12-го сентября, и на первое представленіе рѣшили возобновить «Бѣшеныя деньги». Такимъ образомъ это была третья пьеса Островскаго, возобновляемая въ теченіе одного мѣсяца.—Но открытіе пришлось отложить по случаю кончины великой княгини Алек-

сандры Георгіевны. Открытіе состоялось недѣлей позднѣе — 19-го числа. Театръ былъ не совсѣмъ полонъ, что слѣдуетъ приписать скорѣе всего тому, что въ этотъ день утромъ происходило погребеніе И. А. Гончарова, которое затянулось до трехъ часовъ и чрезвычайно утомило участвовавшихъ.—На этотъ разъ, возобновленіе оказалось гораздо болѣе удачнымъ, чѣмъ предыдущія. Въ 1870 году, не смотря на участіе Ланской и Васильева 2-го, пьеса прошла настолько неудачно, что болѣе двухъ разъ ее дать не рѣшились. Потомъ ее возобновлялп для г-жи Савиной и г. Сазонова, потомъ въ ней гастролировала г-жа Федотова. Теперь «Бѣшеныя деньги» обставлены хорошо, и производятъ благопріятное впечатлѣніе. Чебоксарову играетъ г-жа Жулева, Лидію—г-жа Савина, Василькова—г. Сазоновъ, Глумова—г. Аполлонскій, Телятева—г. Далматовъ, Кучумова—г. Свободинъ.

Совершеппо неожидапно въ афишахъ 20-го сентября появился анонсъ о томъ, что па четвергъ 26-го сентября назначается въ бепефисъ г-жи Васильевой представленіе четырехъ-актной комедіи гр. Л. Н. Толстого «Плоды просвѣщенія». Пьеса эта давно уже была срепетована, по цензурныя затрудненія все мѣшали ея постановкѣ. Это афишное оповѣщеніе произвело сенсацію среди петербургской публики столь значительную, что песомнѣппо па представленія «Плодовъ» билеты будутъ доставаться съ бою. Слѣдующей-же новинкой на Александринской сценѣ будетъ постановка «Гамлета», который то-же срепетованъ, и задержка въ представленіи, назпаченномъ па 24 сентября, произошла изъ-за неготовыхъ декорацій.

На Михайловской сценѣ абонемептъ открывается 27-го сентября возобновленіемъ старой комедіи г. Манна «Паутина», нѣкогда имѣвшей значительный успѣхъ. **Г.**

Г. О. Дютшъ.—Нѣчто о неустойчивости репертуара русской оперы.—Предстоящій концертный сезонъ.

16 сентября угасъ одинъ изъ нашихъ хорошихъ молодыхъ музыкантовъ, Георгій Оттоповичъ Дютшъ, сынъ извѣстнаго композитора 50-хъ годовъ, автора «Кроатки». Злой недугъ свелъ покойнаго въ могилу въ самые лучшіе годы жизни: опъ скончался тридцати трехъ лѣтъ. 19-го сентября состоялось его погребеніе па Волковомъ кладбищѣ въ присутствіи многихъ музыкантовъ, друзей и товарищей покойпаго. На могилу возложено было нѣсколько вѣнковъ.

Г. О. ученикъ петербургской консерваторіи. Выйдя оттуда, опъ сильно увлекся направленіемъ молодой русской школы и оказалъ ей много услугъ. Не чувствуя въ себѣ призванія къ композиторской дѣятельности, Дютшъ скоро проявплъ отличныя дирижерскія способности. Онъ организовалъ оркестръ изъ студентовъ с.-петербургскаго университета и довелъ его до такой степени возможнаго для любителей совершенства, что обратплъ на себя всеобщее вниманіе. Директоръ консерваторіи А. Г. Рубинштейнъ предложилъ ему запятія съ консерваторскимъ оркестромъ, по въ консерваторіи онъ, уже ослабленный болѣзнью, пробылъ пе болѣе двухъ лѣтъ. Онъ неодпократно дирижировалъ Русскими симфоническими концертами и собраніями Русскаго Музыкальпаго Общества въ циркѣ Чинизелли. Кромѣ того, опъ принималъ живое участіе въ Безплатной музыкальной школѣ. По порученію географическаго общества, опъ совершилъ, вмѣстѣ съ г. Истоминымъ, путешествіе на сѣверъ Россіи для записыванія старинныхъ народныхъ пѣсенъ. Въ послѣдній разъ Дютшъ явился предъ публикой на прошлогоднемъ юбилейпомъ концертѣ Н. А. Римскаго-Корсакова. Покойный Дютшъ былъ замѣчательно искренній художникъ п прекрасный человѣкъ. Онъ всюду оставилъ по себѣ отличную память. Въ дополненіе къ этимъ краткимъ біографическимъ свѣдѣніямъ о безвременно погибшемъ Г. О. у меня невольпо всплываетъ въ памяти одно событіе, въ которомъ покойный принималъ самое дѣятельное участіе и на которое я не нашелъ даже памека въ тѣхъ ежедневныхъ изданіяхъ, которыя мнѣ удалось видѣть. Я говорю о постановкѣ «Кроатки». Музыкальпо-драматическимъ кружкомъ любителей. Это было лѣтъ десять тому назадъ, во время полнаго развитія дѣятельности означеннаго Кружка, который ставилъ себѣ цѣлью, по мѣрѣ силъ и возможности, знакомить нашу публику съ произведеніями преимущественно русскихъ художниковъ, которыя либо были давно заброшены театральною дирекціею, какъ, напримѣръ, «Кроатка», либо забракованы въ то время къ постановкѣ на нашей казенной оперной сценѣ; къ послѣднимъ припадлежалп: «Хованщина» Мусоргскаго, «Кузнецъ Вакула» г. Соловьева (автора «Корделіи»), «Евгепій Онѣгинъ» г. Чайковскаго. Всѣ эти оперы были поставлены Кружкомъ, что даетъ ему право па почетную память въ исторіи русской оперы. Само собою разумѣется, что къ исполнепію пельзя было бы прпложить той мѣрки, которая умѣстпа по отношепію къ правильпо устроеппому оперному предпріятію; но общее впечатлѣпіе получалось всегда такое, что давало полную возможность составить себѣ вѣрное попятіе о достоинствахъ и недостаткахъ даннаго произведенія. Этотъ результатъ достигался исключи-

тельно усиліями участвующихъ сдѣлать все отъ нихъ зависящее, чтобы показать въ возможно лучшемъ свѣтѣ ту оперу, которую, съ общаго согласія, было рѣшено представить на судъ петербуржцевъ. Съ этою цѣлью приступали къ дѣлу рано; чуть не съ начала сезона тянулись безконечныя репетиціи, причемъ, несмотря на всѣ усилія, рѣдко удавалось поставить оперу ранѣе Святой. Надо было удивляться терпѣнію и аккуратности, съ которыми участвующіе являлись на безпрерывныя спѣвки, режиссерскія и другія репетиціи. Самое большое затрудненіе представлялъ, конечно, оркестръ, почему имъ всегда и руководилъ музыкантъ по профессіи. Разучиваніемъ «Кроатки» завѣдывалъ покойный Г. О. Дютшъ. Задача эта, далеко не легкая съ оркестромъ, состоящимъ изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, не подготовленныхъ въ большинствѣ случаевъ къ совмѣстной игрѣ, была еще труднѣе для Г. О., едва вышедшаго въ то время изъ юношескаго возраста. Повторять тысячу разъ какой-нибудь скрипкѣ, что она опять играетъ *до*, когда написано *до діэзъ*, это, воля ваша, можетъ вывести изъ терпѣнія и немолодаго человѣка; а Г. О., хотя иногда и горячился, но тѣмъ не менѣе съ замѣчательною настойчивостью продолжалъ взятое имъ на себя и столь близкое ему дѣло постановки или, лучше сказать, возобновленія творенія своего отца и добился почти стройнаго исполненія, увѣнчавшагося полнымъ успѣхомъ, возраставшимъ съ каждымъ представленіемъ.

Такъ какъ общественная дѣятельность покойнаговыражалась главнымъ образомъ въ управленіи оркестромъ, то мнѣ и хотѣлось напомнить о постановкѣ «Кроатки», которая требовала, конечно, несравненно большаго умѣнія и старанія, чѣмъ разучиваніе даже самыхъ трудныхъ вещей съ такимъ оркестромъ, какъ оркестръ русской оперы или Музыкальнаго Общества, которыми Г. О. иногда дирижировалъ.

Послѣ постановки «Кроатки» Музыкально-драматическимъ Кружкомъ любителей, ходили слухи, что опера эта будетъ возобновлена на Императорской сценѣ; черезъ годъ или черезъ два съ большимъ успѣхомъ былъ исполненъ охотничій хоръ изъ «Кроатки» въ одномъ изъ концертовъ русской оперы, дававшихся въ преданномъ теперь разрушенію Большомъ театрѣ; но этимъ дѣло и ограничилось. А жаль! Опера имѣетъ свои неотъемлемыя достоинства, которыя даютъ ей право на возобновленіе, не говоря уже о томъ, что при постановкѣ ея на казенной сценѣ, быть можетъ, оказалась бы возможность предоставить часть сбора семьѣ автора, у которой скончался главный ея кормилецъ... Къ сожалѣнію, мало вѣроятія, чтобы высказанное желаніе снова увидать «Кроатку» въ русской оперѣ могло осуществиться въ ближайшемъ будущемъ. Пока же нашу оперу преслѣдуетъ какой-то злой рокъ, разыгрывающій самыя злыя шутки какъ съ привилегированными ея посѣтителями, такъ и съ тѣми счастливцами, которымъ удалось получить билетъ на какое-нибудь представленіе черезъ центральную кассу или послѣ долговременнаго стоянія передъ ведущими въ кассу дверьми Маріинскаго театра. Мѣняютъ оперы и въ абонементъ и внѣ его, иногда мѣняютъ два раза въ теченіе одного дня; назначаютъ, напримѣръ, «Манонъ» Масснэ первому и второму абонементу, потомъ одумываются и назначаютъ ту же оперу два раза, но внѣ абонемента. Не менѣе странны бываютъ отмѣны и замѣны: такъ «Князь Игорь» былъ отмѣненъ по болѣзни г. Яковлева, который долженъ былъ, кажется, выступить въ роли Игоря. Неужели же нельзя было замѣнить г. Яковлева другимъ исполнителемъ? Но въ данномъ случаѣ поступили все-таки деликатно съ абонентами и дали «Юдифь»; а то было и такъ, что вмѣсто назначенной оперы давали «Жизнь за Царя»! Если я употребилъ слово «деликатно», то отнюдь не потому, чтобы сказать что-нибудь непочтительное относительно творенія нашего національнаго генія—Глинки; напротивъ, именно слишкомъ цѣня это произведеніе, я нахожу, что съ нимъ слѣдовало бы обращаться съ нѣсколько большимъ уваженіемъ, а не употреблять его «на замѣну», да еще и съ не особенно блестящимъ составомъ. Для этого у дирекціи имѣются другія оперы; а то, вѣдь, дѣло дошло до того, что «Жизнь за Царя» шла два дня подъ рядъ!

Концертный сезонъ еще не начался, и я пока могу лишь сообщить, что, по слухамъ, «Русскихъ симфоническихъ» концертовъ будетъ, къ сожалѣнію, только два и что Русское Музыкальное Общество сулитъ намъ цѣлый рядъ новинокъ и солистовъ. Называютъ «Воеводу» П. И. Чайковскаго, подъ личнымъ управленіемъ уважаемаго автора, финалъ перваго дѣйствія «Парсифаля» Вагнера, сюиту Ц. А. Кюи изъ «Flibustier» и два симфоническихъ произведенія двухъ молодыхъ композиторовъ, гг. Шоссонъ и Конюсъ. Изъ солистовъ обѣщаютъ пѣвицу г-жу Моранъ-Ольденъ, шепчутъ о возможности приглашенія Марчеллы Зембрихъ, а затѣмъ говорятъ о скрипачѣ Иванѣ Вольфъ изъ Парижа, о віолончелистѣ Гуго Беккеръ, сынѣ знаменитаго скрипача, и о цѣломъ рядѣ піанистовъ: Евгеніѣ д'Альберъ, Сгамбати, Вейсъ, Познанской, Якимовской, Нарбутъ, Бенуа. Кромѣ того гг. Ауеръ и Вержбиловичъ также предполагаютъ играть въ симфоническихъ собраніяхъ.

Квартетныя собранія будутъ исполняться въ прежнемъ составѣ. Піанистами будутъ г-жи Бенуа, Нарбутъ и Якимовская и гг. Блуменфельдъ, Вейсъ, Галлидей, Лавровъ и Шоръ. Первое собраніе назначено на 12 октября.

Лель.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ.

Пятнадцатаго сентября скончался одинъ изъ популярнѣйшихъ представителей современной русской литературы. Мы говоримъ «современной», хотя знаменитый писатель, казалось, задолго до смерти успѣлъ пережить разцвѣтъ своей славы, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ не принималъ дѣятельнаго участія въ современной литературной жизни и даже не проявлялъ видимаго участія къ окружавшей его общественной дѣятельности. Но литературныя заслуги покойнаго въ прошломъ до такой степени важны для русскаго общественнаго сознанія, его произведенія исполнены такихъ жизненныхъ интересовъ, что молчаніе автора «Обломова» могло только вызывать сѣтованіе на бездѣятельность крупнаго таланта, а не забвеніе того, что имъ совершено. И смерть Гончарова кажется такой-же прискорбной утратой для нашего времени, какъ будто только вчера написаны послѣднія строки «Обрыва». Эта смерть лишній разъ напоминаетъ намъ запустѣніе, заброшенность нашей общественной и литературной нивы, исчезаетъ еще одна свѣтлая точка на нашемъ и безъ того крайне сѣромъ горизонтѣ.

Иванъ Александровичъ родился въ Симбирскѣ 6-го іюня 1812 года. Онъ принадлежалъ къ зажиточной купеческой семьѣ. Его дѣтство и первая юность были въ полномъ смыслѣ предисловіемъ его будущей литературной дѣятельности. Въ своей семьѣ, въ родномъ городѣ Гончаровъ наблюдалъ во всей полнотѣ «всероссійскій застой», впослѣдствіи олицетворенный имъ въ лицѣ Обломова. Инертное, чисто физіологическое прозябаніе провинціи, безъ единаго луча просвѣта, безъ единаго порыва дѣятельной, сознательной жизни — запечатлѣлись въ юномъ воображеніи будущаго писателя и эта «тишь да гладь» отразились даже на характерѣ его таланта, выработали въ Гончаровѣ спокойный, созерцательный геній. Авторъ ни на одну минуту не чувствовалъ симпатіи къ окружавшей его обломовщинѣ, но отсутствіе страсти и гнѣва во всей его послѣдующей литературной дѣятельности невольно говоритъ о невозмутимомъ покоѣ патріархальной жизни, о мирныхъ думахъ мирнаго сына волжскаго простора.

Вліянія дѣтства на Ивана Александровича не ограничились только обломовщиной. На четвертомъ году умеръ отецъ Гончарова, въ семью переселился его крестный отецъ, крестившій также его брата и двухъ сестеръ. Въ воспоминаніяхъ Гончарова онъ носитъ имя Якубова. Ему авторъ приписываетъ большое значеніе въ своей жизни, въ своемъ умственномъ развитіи; по его словамъ, Якубовъ стоялъ во главѣ интеллигентной жизни всей семьи, представляя ея идеальныя потребности: мать ограничивалась хозяйствомъ.

Якубовъ былъ отставной морякъ, страстно любилъ математическія науки и зажегъ въ сердцѣ юноши непреодолимое влеченіе къ морю, мечты о будущихъ путешествіяхъ. Впослѣдствіи эти мечты должны были осуществиться на самомъ дѣлѣ, а пока будущій авторъ «Фрегата-Паллады» цѣлыми часами любовался родною Волгой.

Десяти лѣтъ Гончарова привезли въ Москву для подготовленія къ университету. Спустя девять лѣтъ, онъ поступилъ въ университетъ. Иванъ Александровичъ подробно разсказываетъ о своей университетской жизни, о благотворномъ вліяніи нѣкоторыхъ профессоровъ па его литературное развитіе. Среди этихъ разсказовъ бросается въ глаза одна характерная черта. Гончаровъ попалъ въ университетъ во время пребыванія въ немъ почти всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ руководителей общественнаго сознанія сороковыхъ годовъ — Станкевича, Герцена, Аксакова. Внѣ университета существовали кружки, жившіе крайне напряженными литературными и общественными интересами. Гончаровъ не принималъ никакого

участія въ этихъ кружкахъ и не былъ даже знакомъ съ ихъ руководителями. Кипучая, живая дѣйствительность даже въ годы молодости не находила отголосковъ въ созерцательной натурѣ будущаго изобразителя «установившихся формъ жизни».

По выходѣ изъ университета Иванъ Александровичъ поступилъ сначала на службу въ симбирскую губернскую канцелярію, а потомъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, перешелъ на службу въ Петербургъ въ министерство финансовъ. Это было въ 1835 году. Вскорѣ началась и литературная дѣятельность Гончарова, сначала переводная, потомъ оригинальная. Первое произведеніе прославившее Гончарова, былъ романъ «Обыкновенная исторія». Онъ появился въ «Современникѣ» въ 1847 году.

Гончаровъ, по его словамъ, въ теченіе всей своей литературной дѣятельности писалъ только себя и свою жизнь, и герой «Обыкновенной исторіи» — это самъ авторъ и его знакомые, это — идеалистъ сороковыхъ годовъ. Отвлеченный, мечтательный идеализмъ переполнялъ душу самого писателя и постепенно разсѣевался при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣйствительностью. Это преобразованіе мечтателя и составляетъ обыкновенную исторію. Типъ, противоположный Адуеву, также насчитывалъ десятки представителей въ чиновнической средѣ, окружавшей Гончарова, успѣвшей уже народить чиновниковъ-дѣльцовъ, промышленниковъ.

Скоро послѣ напечатанія перваго романа Гончаровъ отправился въ кругосвѣтное путешествіе въ качествѣ секретаря адмирала Путятина, и въ 1857 году вышло описаніе этого путешествія — «Фрегатъ Паллада».

Въ слѣдующемъ году въ «Отечественныхъ Запискахъ» появился второй романъ, «Обломовъ» — въ то время, когда въ умѣ автора складывалось уже третье и послѣднее его произведеніе. Оба романа были задуманы одновременно, но появились въ печати на пространствѣ десятилѣтняго промежутка. «Обрывъ» напечатанъ въ 1868 году въ журналѣ «Вѣстникъ Европы».

Съ этого времени литературная дѣятельность Гончарова прекратилась. Только изрѣдка появлялись небольшіе намеки, что талантъ знаменитаго автора еще не угасъ, но это были только намеки, ни одно изъ послѣдующихъ произведеній не производило и тѣни впечатлѣнія, охватывавшаго русское общество при появленіи каждаго изъ трехъ большихъ романовъ.

Въ 1873 году Иванъ Александровичъ покинулъ службу. Послѣднее время онъ служилъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія по цензурному вѣдомству.

Общество и литература не могли, конечно, съ легкимъ сердцемъ помириться на молчаніи Гончарова. Онъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, какъ его со всѣхъ сторонъ преслѣдовали просьбами — дать критическую статью, бѣллетристическій очеркъ. Гончаровъ иногда и удовлетворялъ этимъ просьбамъ. Наиболѣе цѣннымъ результатомъ уступчивости были очерки изъ личныхъ воспоминаній автора, напечатанные подъ заглавіемъ «Типы стараго времени». Но эта уступчивость, очевидно, дорого стоила автору. Онъ самъ сознается, до какой степени трудно давалось ему творчество и критическая мысль въ послѣдніе годы.

Для автора и для насъ это — фактъ совершенно понятный, естественный. Гончаровъ называетъ свой талантъ «эпическимъ», признаетъ творчество возможнымъ только въ изображеніи «установившихся формъ жизни». Новая, кипучая, ежедневно мѣняющаяся жизнь, по мнѣнію автора Обломова, не можетъ стать предметомъ «спокойнаго наблюденія». И Гончаровъ это доказалъ своими произведеніями. Установившіяся формы, герои застоя выходили у него въ замѣчательно полныхъ, пластически-художественныхъ образахъ. Выразители живой дѣйствительности возбуждали у читателей недоумѣнія и всякаго рода кривотолки. Обломовъ — классически-ясный типъ, Волоховъ — отзывается преувеличеніемъ, изображеніе его лишено обычной художественной пластичности и безпристрастія. Волоховъ — новый человѣкъ, взятый изъ той самой ежедневно мѣняющейся жизни, которую Гончаровъ признавалъ удѣломъ сатиры и летучихъ очерковъ, и этотъ характеръ ничего не прибавилъ къ славѣ автора. И поэтому, вѣроятно, писатель сторонился отъ жизни и ея художественнаго изображенія въ послѣдніе годы, и, если принимался за перо, его симпатіи невольно уносили его къ прошлому, къ «старому времени», къ «установившимся формамъ».

Здѣсь, на лонѣ спокойной, родной, патріархально-широкой старины авторъ у себя дома. И ни чей еще геній не рисовалъ этого родимаго далека въ такихъ поразительно-грандіозныхъ, чисто-эпическихъ образахъ. Гончаровъ — по силѣ и картинности образовъ единственный бытописатель «всероссійскаго застоя» и въ самомъ отдаленномъ будущемъ историкъ русскаго общества будетъ находить въ его романахъ неистощимый источникъ правды и жизни.

Библіографія.

М. Ю. Лермонтовъ. *Сочиненія. (Художественное изданіе Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° и книжнаго магазина И. К. Прянишникова, съ рисунками русскихъ художниковъ).* — Литература наша очень бѣдна иллюстрированными изданіями. У насъ нѣтъ иллюстрацій ни къ Льву Толстому, ни къ Тургеневу и такъ сравнительно мало къ Пушкину и Гоголю. По временамъ появлялись изданія рисунковъ, но они также скоро забывались, какъ появлялись, и никого не удовлетворялп. Наиболѣе распространенныя иллюстраціи къ нашимъ поэтамъ это рисунки г. Зичи къ „Демону“ и „Тарасу Бульбѣ“, но и они не дали типа Демона, и являются лишь каплей въ морѣ того богатаго художественнаго матеріала, который представляютъ наши поэты. Въ этомъ отношеніи мы гораздо богаче музыкой. У насъ есть чудныя музыкальныя иллюстраціи къ „Руслану“, „Евгенію Онѣгину“, „Демону“ и т. п., а полнаго законченнаго образа Демона, Руслана, Татьяны, Евгенія Онѣгина, Чацкаго и т. п. нѣтъ не только въ карандашѣ иллюстратора, но даже и въ картинахъ большихъ мастеровъ. Въ виду этого появленіе новаго иллюстрированнаго изданія сочиненій М. Ю. Лермонтова возбудило во многихъ самыя радужныя надежды. Времени у издателей было довольно и слухи объ изданіи появились въ публикѣ еще года два тому назадъ. Средствами они, повидимому, тоже не стѣснялись, а приглашенныя къ сотрудничеству такія крупныя силы, какъ гг. Айвазовскій, Рѣпинъ, Маковскій, Шишкинъ и т. п., казалось бы, гарантировали полную художественность изданія. Наконецъ-то, думалось намъ, увидимъ мы настоящаго Демона во всей его мрачной красотѣ, увидимъ угрюмаго боярина Оршу, легкую какъ тѣнь княжну Мэри и т. д. Наконецъ изданіе вышло.

Наружность красивая, четкій шрифтъ, недурно исполненныя фототипіи и автотипіи. Съ внѣшней стороны хорошему впечатлѣнію вредитъ распредѣленіе отдѣльныхъ стихотвореній. Даже такая капитальная вещь, какъ „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“ начата не съ новой страницы, а въ концѣ страницы непосредственно за стихотвореніемъ „Бородино“. Заглавія отдѣльныхъ стихотвореній набраны зачѣмъ-то мелкимъ шрифтомъ. Судя по затратамъ издателей, трудно отнести эти недостатки къ желанію уэкономить въ бумагѣ и другихъ расходахъ, а слѣдуетъ отнести скорѣе къ недостатку вкуса. Той же причинѣ слѣдуетъ приписать и излишнее количество мелкихъ заставокъ, узорныхъ заглавныхъ буквъ и пр. Все хорошо въ мѣру. Излишнее обиліе мелкихъ рисунковъ, мало или совсѣмъ не относящихся къ тексту, только мѣшаетъ читателю сосредоточить вниманіе на рисункахъ иллюстрирующихъ текстъ и безъ нужды только рябитъ въ глазахъ.

Фототипіи исполнены недурно, особенно если принять во вниманіе тѣ оригиналы, съ которыхъ пришлось ихъ дѣлать. Судя только по фототипіямъ, можно легко впасть въ ошибку и приписать неумѣлой репродукціи тѣ недостатки, которые должны быть всецѣло отнесены къ самимъ оригиналамъ. Что касается автотипій, то обращаютъ на себя вниманіе работы фирмъ Мейзенбаха въ Вѣнѣ и г. Яблонскаго въ Петербургѣ. Въ Россіи эта отрасль фототипографіи еще вновѣ и фирма г. Яблонскаго является пока чуть ли не единственной въ Россіи, доведшей свои работы до извѣстнаго совершенства, чего далеко нельзя сказать о клише другой, московской фирмы:—они ниже всякой критики и издатели принесли бы неоспоримую пользу своему изданію, если бы совсѣмъ ихъ не помѣщали.

Что касается до самыхъ рисунковъ, то кромѣ „Сосны“ И. П. Шишкина, безусловно очень хорошихъ иллюстрацій г. Пастернака, рисунковъ И. Е. Рѣпина, двухъ-трехъ рисунковъ гг. Иванова и Васнецова, полныхъ особой стильной красоты, нельзя остановиться почти ни на одномъ. Многіе изъ нихъ, пожалуй хороши, еще сами по себѣ, безъ отношенія къ тексту, напримѣръ рисунокъ Вл. Ег. Маковскаго или „Пальмы“ В. Д. Полѣнова, но не какъ иллюстраціи: въ нихъ не чувствуется ни типа стараго инвалида александровскихъ временъ, ни той надорванной струны, которая звучитъ въ стихотвореніи поэта „Три пальмы“. Это очень хорошенькіе рисунки и только, но не иллюстраціи къ поэту. То же самое и по многихъ другихъ. Но совершенно невозможны иллюстраціи г. Врубеля, excusez du peu, къ „Демону“. Вообще непонятно, откуда взялся этотъ невѣдомый г. Врубель среди гг. Рѣпина, Шишкина и пр., но это еще куда ни шло, можетъ быть онъ нарождающійся и еще неизвѣстный крупный талантъ, но того, что далъ г. Врубель, вы не встрѣтите даже въ лубочныхъ картинахъ. Г. Врубель повидимому даже не чувствуетъ, что его фигуры похожи не на людей, а на тряпичныя куклы. Не лучше и Демонъ, съ оскаленными зубами и тряпичными крыльями (стр. 3). Во многихъ рисункахъ даже разобрать нельзя, гдѣ у кого руки, гдѣ ноги, гдѣ голова и приходится любоваться только на игру однихъ „художественныхъ“(?) мазковъ, которые замѣняютъ у г. Врубеля и рисунокъ, и пластичность, и красоту. Г. Врубель, видимо, имѣетъ претензію на „настроеніе“, но онъ забываетъ, что тамъ, гдѣ шея длиннѣе головы или рука похожа скорѣе на ногу, искать настроенія только смѣшно, и что безъ *рисунка* нѣтъ иллюстраціи.

Всего поразительнѣе является та смѣлость, съ которой г. Врубель отнесся къ поэту въ иллюстраціи къ стихотворенію „Журналистъ, чита-

тель и писатель". Поэтъ передъ стихотвореніемъ помѣстилъ такую ремарку: *„Комната писателя; опущенныя шторы. Онъ сидитъ въ большихъ креслахъ передъ каминомъ. Читатель съ сигарою стоитъ спиной къ камину. Журналистъ входитъ."* Ничего не можетъ быть яснѣе, что такая ремарка, которую авторъ нашелъ нужнымъ предпослать своему произведенію, является *обязательною* для иллюстратора. Если бы поэтъ не считалъ нужнымъ предварительно обрисовать передъ читателемъ мѣсто дѣйствія, а предоставилъ бы полную свободу воображенію самого читателя, то онъ бы не помѣстилъ этой ремарки. Но г. Врубель счелъ себя вправѣ совершенно игнорировать требованіе поэта и мало того, что далъ на рисункѣ совершенно другую обстановку, онъ даже счелъ возможнымъ придать изображеннымъ имъ лицамъ портретное сходство, а въ лицѣ „журналиста" онъ позволилъ себѣ изобразить Бѣлинскаго. Въ лучшемъ случаѣ приходится предположить, что художникъ вовсе не читалъ самого стихотворенія, потому что иначе является совершенно необъяснимой та смѣлость, съ которой художникъ позволилъ себѣ отождествить, дорогую каждому образованному русскому, личность Бѣлинскаго съ тѣмъ журналистомъ, который такъ ѣдко обрисованъ поэтомъ въ этомъ стихотвореніи. Значительная доля вины лежитъ, конечно, на издателяхъ, допустившихъ такую „смѣлость". Ихъ, вѣроятно, смутила дата подъ стихотвореніемъ: *„21 марта 1840 г. Подъ арестомъ на арсенальной гауптвахтѣ"* и они сочли возможнымъ рисункомъ той обстановки, при которой находился самъ поэтъ, когда писалъ это стихотвореніе, замѣнить ту, которую онъ самъ обрисовалъ для читателя. Усердіе крайне странное, не оправдываемое никакой погоней, за „исторической правдою".

Въ общемъ, за небольшими исключеніями, рисунки въ этомъ изданіи доказываютъ еще разъ какъ мало среди русскихъ, даже наиболѣе талантливыхъ художниковъ, хорошихъ иллюстраторовъ, какъ вообще наши художники мало знакомы съ техникой рисунка для иллюстраціи, той техникой, которой требуютъ репродуктивные способы.

Грустно видѣть, что въ результатѣ всѣхъ стараній и большихъ затратъ получилось такъ мало. Виною этого, конечно, ошибка самихъ издателей. Они очень мало знакомы съ дѣломъ иллюстрированныхъ литературныхъ произведеній. Они, повидимому, полагали, что громкое имя художника гарантируетъ затѣмъ и способность хорошаго иллюстратора. Но въ этомъ-то и заблужденіе.

Какъ примѣръ, укажемъ на рисунки г. Айвазовскаго къ „Парусу" и „Воздушному кораблю". Развѣ это онъ, нашъ маститый маринистъ?! Развѣ это его прозрачныя водянистыя волны?! Сравните эти рисунки съ любой изъ его картинъ и разница будетъ очень ясна. Иллюстраторъ долженъ обладать совершенно особымъ талантомъ, точно также, какъ и ученый, желающій сдѣлаться популяризаторомъ науки, и заграницей мы имѣемъ художниковъ, сдѣлавшихъ иллюстрацію своей спеціальностью.

Со стороны текста, провѣреннаго и исправленнаго по рукописямъ, по указаніямъ П. А. Ефремова П. И. Буковскимъ, это изданіе сочиненій Лермонтова является однимъ изъ лучшихъ, изъ всѣхъ изданныхъ въ послѣднее время. Въ началѣ I тома помѣщена прекрасно написанная И. И. Ивановымъ подробная біографія поэта и критическая статья объ его произведеніяхъ.

Несмотря на указанные недостатки иллюстраціи, въ изданіи много такого, ради чего оно представляетъ большой интересъ и, за неимѣніемъ лучшаго, все-таки послужитъ хорошей настольной книгой каждаго образованнаго русскаго человѣка.

Louis Romain. Essais de critique musicale. *Paris 1890.* Въ 1877 году во Франціи возникло первое провинціальное Общество популярныхъ симфоническихъ концертовъ („Société artistique d'Angers"), по иниціативѣ нѣкоего Альфреда *Мишеля* („un dilettante aussi délicat que convaincu" какъ его называетъ авторъ). Мысль Мишеля нашла дѣятельное сочувствіе небольшой группы убѣжденныхъ людей, была поддержана молодымъ композиторомъ *Бордье*, взявшимъ на себя управленіе этими концертами, главнымъ инспекторомъ музыки во Франціи Арманомъ *Гузьенъ*, „видѣвшимъ, какимъ сильнымъ толчкомъ для артистической децентрализаціи можетъ послужить успѣхъ этой попытки", и нѣкоторыми другими вліятельными лицами. *Сенъ-Сансъ, Масснэ, Жонсьеръ, Гиро, Делибъ* и другіе композиторы, дирижировавшіе въ концертахъ Общества исполненіемъ своихъ произведеній, придали этимъ во мнѣніи публики извѣстный авторитетъ возникавшему обществу. Издатели *Гартманъ* и *Дюранъ* „облегчили обществу въ первые трудные годы его существованія исполненіе многихъ важныхъ произведеній". Наконецъ *Луи-Роменъ*, изъ книги котораго мы заимствуемъ эти факты, въ цѣломъ рядѣ критическихъ и публицистическихъ статей, по поводу концертовъ Анжерскаго общества, не мало содѣйствовалъ распространенію и уясненію идеи *децентрализаціи искусства*, лежащей въ основѣ дѣятельности упомянутаго Общества; въ итогѣ—Société d'Angers за 12 лѣтъ своего существованія стало на прочную дорогу и вызвало возникновеніе подобныхъ же Обществъ въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Франціи. Статьи *Ромена* собраны теперь и изданы отдѣльной книгой, подъ общимъ заглавіемъ, которое мы выписали. Первая часть книги состоитъ изъ небольшихъ замѣтокъ о произведеніяхъ Гайдна, Моцарта, Бетховена, Мендельсона, Шумана; далѣе слѣдуютъ статьи о произведеніяхъ французскихъ композиторовъ, начиная съ Берліоза и кончая молодыми композиторами, сочиненія которыхъ исполняли предъ публикой впервые въ упомянутыхъ популярныхъ концертахъ. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ сгруппированы отзывы о произведеніяхъ современныхъ иностранныхъ композиторовъ; какъ курьезъ, отмѣтимъ замѣтку о *Рубинштейнѣ*, гдѣ онъ названъ „le chef de l'école russe", очевидно, по недоразумѣнію. Послѣдній отдѣлъ книги, на которомъ мы остановимся подробнѣе, посвященъ нѣкоторымъ *общественно-музыкальнымъ* вопросамъ. По своимъ убѣжденіямъ Роменъ—прогрессистъ, одушевленный вѣрой въ то, что музыка вообще еще далеко не сказала своего послѣдняго слова, что французская школа съ успѣхомъ продолжаетъ дѣло, начатое нѣмцами. Но „масса парода",—прибавляетъ онъ,—„у насъ стоитъ неизмѣримо низко въ отношеніи музыкальнаго воспитанія, сравнительно съ населеніемъ родины Баха, Бетховена и Вагнера". Для поднятія музыкальнаго уровня этой массы недостаточно популярныхъ концертовъ; для этого нужно *призвать массы парода къ непосредственному активному участію въ дѣлѣ музыки*, организовать хоровыя общества и проч.,—и во главѣ этого дѣла авторъ желалъ бы видѣть людей въ родѣ Сенъ-Санса; на это дѣло онъ указываетъ передовымъ музыкантамъ Франціи, какъ на ихъ ближайшую обязанность. Мы отъ души желаемъ, чтобы убѣжденная и талантливо написанная проповѣдь автора не осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Дѣло, за которое онъ ратуетъ, серьезное и святое дѣло. Оно нужно не одной Франціи. У насъ въ Россіи можетъ быть большая, чѣмъ гдѣ бы то ни было, пропасть отдѣляетъ горсть образованныхъ музы-

кантовъ, скученныхъ въ столицахъ, отъ остальной Россіи, стремящейся на свой страхъ и рискъ къ музыкальному просвѣщенію (всевозможныя проявленія „любительства“, подчасъ уродливыя, потому что лишены разумнаго руководства), но не находящей достаточной поддержки у передовыхъ представителей искусства. Наша музыкальная „соль земли Русской“ занята больше личными и партійными распрями, чѣмъ заботами о просвѣщеніи того народа, изъ среды котораго она вышла. Но... объ этомъ нужны „пространныя рѣчи“, которымъ здѣсь не мѣсто.

—

„Музыкальный мотивъ, его развитіе и проведеніе“, Леонарда Вольфа. (Das musicalische Motiv, seine Entwicklung und Durchführung. v. dr. Leonhard Wolff. Bonn 1891).—Подъ такимъ заглавіемъ появился на дняхъ довольно солидный трудъ профессора музыки при Боннскомъ университетѣ, Вольфа. Это рядъ историческихъ этюдовъ о развитіи мотива, какъ основного элемента полифонической музыки старой и новой. Свою задачу авторъ понимаетъ очень широко и всесторонне и разбираетъ „произведеніе“ мотива въ строгой имитаціи (т. е. канонѣ), въ т. н. cantus firmus, въ фугѣ и въ свободной музыкальной мысли,—начиная съ 13 вѣка, съ первой и второй нидерландской школы (Дюфэ, Окегемъ и др.).

Съ каждымъ этюдомъ книга пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе живой интересъ. За нидерландской школой, породившей англійскую (Морлей), слѣдуетъ венеціанская. Адріенъ Виллертъ (р. 1450 г.) является отцомъ итальянскаго мадригала и многохорныхъ антифоновъ,—контрапунктъ уже становится не цѣлью болѣе или менѣе остроумныхъ комбинацій, но средствомъ къ художественному дѣйствію. Далѣе слѣдуетъ римская школа, съ Орландо Лассо (р. 1520 г.), какъ непосредственнымъ предшественникомъ Палестрины (р. 1514 г.), создавшаго свой особый знаменитый стиль, поднявшаго вокальную полифонію до недосягаемой высоты и повліявшаго такимъ образомъ на появленіе инструментальной музыки, какъ самостоятельнаго рода искусства.

Но только съ Корелли (р. 1653 г.) инструментальная музыка вполнѣ обособляется и создаетъ свои новыя формы (соната). Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ появленіемъ около этого же времени зачатковъ оперы, начинается борьба съ контрапунктомъ, оказавшимся непригоднымъ для сцены: полифонія начинаетъ тяготѣть къ комофоніи, вмѣсто *мотива*, нуждающагося въ развитіи, появляется сама по себѣ развитая и округленная *мелодія*. Но судьбы послѣдней не занимаютъ автора. Мотивъ остается необходимымъ элементомъ духовной музыки и инструментальной. Великій Бахъ (р. 1685 г.) придаетъ созданіемъ новой фуги новую жизнеспособность и творческую силу мотиву: во всѣхъ родахъ его музыки мотивъ, какъ единственная тема, дѣлаетъ *все*; всю красоту Баховской инструментальной фуги Генделъ (р. 1685 г.) заимствуетъ для созданія фуги вокальной.—Затѣмъ настаетъ эпоха сонаты: особенно подробному анализу автора подвергаются квартеты Гайдна и симфоніи Бетховена (Моцартъ и Глюкъ, какъ преимущественно оперные композиторы, остаются въ сторонѣ).—Затѣмъ больше всего мѣста отведено Вольфомъ Брамсу, какъ непосредственному продолжателю Бетховена въ отношеніи тематической разработки инструментальной музыки, и Вагнеру, какъ композитору, впервые въ исторіи оперы, черезъ 250 лѣтъ промежутка, введшаго въ оперу музыкальный мотивъ; однако авторъ доказываетъ, что въ проведеніи этого мотива композиторъ придерживается не музыкальныхъ, но поэтическихъ и сценическихъ принциповъ.

Книга написана основательно, яснымъ языкомъ, со множествомъ нотныхъ примѣровъ и популярно: примѣры изложены въ фортепіанныхъ ключахъ, старый счетъ $^6/_2$, $^4/_2$, $^3/_1$ модернизированъ и т. п. Жаль только, что Вольфъ ни слова не говоритъ о мотивѣ во французской музыкѣ и въ русской; pia desideria,—это, чтобы какой-либо изъ нашихъ музыкальныхъ критиковъ пополнилъ этотъ пробѣлъ.

—

„Торжественныя представленія въ Байрейтѣ“, Якова Новера. (Die Bühnenfestspiele in Baireuth v. Iacob Nover. Leipzig. 1891).

„Байрейтскія фанфары“, Фердинанда Пфоля (Bayreutherfanfaren v. Ferdinand Pfolle. Leipzig 1891).

Обѣ брошюры написаны по случаю лѣтнихъ представленій настоящаго года въ Байрейтѣ и свидѣтельствуютъ о глубокомъ интересѣ нѣмцевъ къ этимъ „германскимъ олимпіадамъ“.

Авторъ первой брошюры касается главнымъ образомъ постепенной исторической выработки сюжетовъ въ операхъ Вагнера, — очень недуренъ въ особенности этюдъ о „Тангейзерѣ“, какъ объ операѣ, вошедшей нынѣ въ байрейтскій репертуаръ. Любопытна историческая справка о личности знаменитаго пѣвца.—Въ XIII вѣкѣ при Фридрихѣ Австрійскомъ жилъ странствующій пѣвецъ Тангейзеръ, извѣстный своей крайне разсѣянной жизнью. По смерти своего покровителя онъ окончательно разорился. Впослѣдствіе онъ перешелъ на сторону Гогенштауфеновъ и заявилъ себя ярымъ противникомъ папы. Сказаніе о немъ появилось въ 15 вѣкѣ. Оно отличается антипапскимъ духомъ; авторъ этой первоначальной пѣсни о Тангейзерѣ принадлежалъ очевидно къ партіи гибеллиновъ. Извѣстна ненависть папы Урбана IV (1261—64), современника Тангейзера, къ Гогенштауфенамъ, Манфреду и Конрадину. По первоначальной легендѣ, Тангейзеръ возвращается, послѣ папскаго проклятія, въ гору Венеры, а папа несетъ за свое жестокосердіе возмездіе. — Весь драматическій и мистическій элементъ либретто, сгруппированный вокругъ личности Елизаветы, принадлежитъ, такимъ образомъ, всецѣло одному Вагнеру.

Вторая брошюра, написанная легкимъ и безпритязательнымъ языкомъ, касается главнымъ образомъ, подробностей исполненія въ Байрейтѣ отдѣльныхъ оперъ Вагнера. Нѣсколько фотографическихъ снимковъ актеровъ въ различныхъ роляхъ „Парсифаля“ и „Тристана“ оживляютъ еще болѣе изложеніе. Намъ показались занимательными между прочимъ слѣдующія строки: „Въ Байрейтъ стекаются два типа людей. Одни—люди увлеченія и преувеличенія. Они не говорятъ иначе, какъ въ превосходныхъ степеняхъ прилагательныхъ, съ судорогой и натугой; они играютъ отвлеченными понятіями, какъ дѣти—мячиками; непроницаемый туманъ четвертаго измѣренія—вотъ ихъ жизненная атмосфера. Байрейтъ для нихъ—сердце міра, сочиненія Вагнера и Шопенгауэра — ихъ евангеліе. Другой типъ противуположный: люди трехъ измѣреній, нагой, ощущаемой, положительной дѣйствительности, которые разлагаютъ всѣ байрейтскія впечатлѣнія столь ѣдкой кислотой ироніи, что вчужѣ морозъ по кожѣ деретъ“. О существованіи извѣстнаго средняго типа авторъ не говоритъ ни слова.

—

Album de l'Exposition rétrospective de Tours, publié sous les auspices de la Société archéologique de Touraine, par **M. Léon Palustre**. Tours, Péricat, 1891, 1 vol in 4°, illustré de 60 gravures hors texte.

Леонъ Палюстръ издалъ недавно роскошный аль-

бомъ въ воспоминаніе прекрасной выставки, бывшей въ Турѣ въ 1890 г., въ устройствѣ которой онъ самъ принималъ большое участіе и былъ даже однимъ изъ главныхъ ея учредителей. Въ окрестностяхъ этого города, въ старинныхъ замкахъ, живутъ множество коллекціонеровъ, пріобрѣтшихъ себѣ громкую извѣстность, поэтому выставка была полна такими вещами, которыя съ честью могли бы не только занять мѣсто, но даже служить украшеніемъ любаго изъ европейскихъ музеевъ. Эти-то лучшія вещи и воспроизведены въ разсматриваемомъ нами альбомѣ, въ прекрасныхъ снимкахъ, среди которыхъ обращаютъ особенное вниманіе всякаго любителя многіе превосходные портреты, какъ наприм.: M-me Mercier, работы Грёза, Дофина-Карла-Орлеанскаго, сына Карла VIII, приписываемый не безъ основанія Жану Перреаль, Генриха II на конѣ и пр.

—

Gaetane Milanesi. (Trad A Le Pileur). **Les correspendants de Michel Ange.** I. Sebastiano del Piombo. Un vol. grand in 4°. Paris 1890. Prix: 20 fr.

Это первый выпускъ изданія, обѣщающаго быть очень интереснымъ. Онъ заключаетъ въ себѣ тридцать шесть писемъ Себастьяно дель-Піомбо, за промежутокъ времени съ 1520 по 1533 г.г. и содержитъ массу цѣннаго матеріала, касающагося художественной жизни этой эпохи. Переводъ съ итальянскаго языка на французскій, болѣе распространенный, даетъ возможность ознакомиться съ этимъ изданіемъ бо́льшему числу лицъ. Переводъ сдѣланъ очень хорошимъ слогомъ и кромѣ того снабженъ прекраснымъ предисловіемъ Евгенія Мюнтцъ, который мастерски опредѣлилъ всю важность и все значеніе этихъ писемъ для исторіи искусства и даже охарактеризовалъ всѣ тѣ личности, которыхъ касается переписка.

—

Allerlei aus Hendschel's Shizzenmappen. 1 vol. in 4°.

Это новая серія юмористическихъ набросковъ извѣстнаго франкфуртскаго художника A. Hendschel'я. Она заключаетъ въ себѣ сорокъ рисунковъ, воспроизведенныхъ fac-similé и не уступаетъ по законченности и тонкости въ исполненіи предшествующимъ выпускамъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ набросковъ мы познакомимъ нашихъ читателей. Къ книгѣ приложенъ портретъ художника.

—

Альфонсъ Додэ. Портъ Тарасконъ. Переводъ съ французскаго. Москва 1891 г.

Многіе современные писатели Франціи могутъ поспорить съ А. Додэ въ популярности, но врядъ ли кто можетъ сравниться съ нимъ по симпатіямъ, господствующимъ среди читателей. Додэ—писатель преимущественно любимый—даже тѣми, кого не щадитъ его юморъ, всегда, впрочемъ, добродушный, снисходительный, юморъ южанина, счастливаго всю жизнь своимъ солнцемъ и темнымъ небомъ. Произведенія Додэ имѣютъ особенную способность сосредоточивать на себѣ общественныя симпатіи, именно **симпатіи**, а не только литературный интересъ. Читатели невольно начинаютъ жить судьбой героевъ автора, слѣдятъ за ней съ чисто-личнымъ интересомъ. Въ этомъ отношеніи особенно посчастливилось типичнѣйшему созданію Додэ—Тартарэну.

Существуютъ два основанія, создавшія необыкновенную популярность тарасконскаго гражданина. Его личность прежде всего—единственная въ современной французской литературѣ—проникнута вѣчно жизнерадостнымъ, свѣтлымъ **esprit gaulois**, неизмѣннымъ вдохновителемъ старыхъ авторовъ, начиная съ Рабле, и кончая Лафонтэномъ по крайне рѣдкимъ — у современниковъ. Это чудная, почти дѣтская наивность, ничѣмъ не омрачаемая вѣра въ образы своей фантазіи наравнѣ съ фактами дѣйствительности. „Южное солнце, говоритъ Додэ, вѣчный виновникъ нескончаемыхъ миражей, почти сказочныхъ, но неотразимо-увлекательныхъ для воображенія провансальца“. Жертвами этого солнца, этихъ миражей и являются прославленные отнынѣ обитатели города Тараскона. Додэ съ безсмертнымъ смѣхомъ „галльскаго духа“ разсказываетъ о своихъ землякахъ въ цѣломъ рядѣ романовъ. Первый изъ этихъ романовъ назывался **Тартарэнъ изъ Тараскона**, сталъ появляться въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ фельетонахъ незначительной парижской газетки—**Petit Moniteur Universel**. Второй романъ носилъ названіе—**Tartarin sur les Alpes** и появился отдѣльнымъ изданіемъ въ 1885 году. Въ прошломъ году, наконецъ, вышла послѣдняя часть этой дивной трилогіи—**Port Tarascon**. Популярность Тартарэна съ выходомъ каждой книжки все больше возростала. **Тартарэнъ на Альпахъ** разошелся въ четыре года въ цѣлыхъ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Когда появился **Портъ Тарасконъ** и авторъ этимъ романомъ оканчивалъ свою „тартарэніаду“, въ публикѣ и печати послышались жалобы, что „великій человѣкъ“ Тараскона, по волѣ автора, сходитъ со сцены, въ газетахъ появились соболѣзнующіе некрологи славнаго героя, къ Додэ со всѣхъ сторонъ посыпались упреки. Читателямъ жаль было разставаться съ такимъ веселымъ, исполненнымъ жизни южаниномъ, изливавшимъ, казалось, подъ волшебнымъ перомъ Додэ на всѣхъ лучи провансальскаго солнца.

Романъ былъ напечатанъ сначала въ одномъ американскомъ журналѣ, переводъ его непосредственно за оригиналомъ появлялся въ газетѣ *Русскія Вѣдомости*. Потомъ переводъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ. Къ переводу приложено предисловіе, излагающее краткую исторію созданія Тартарэна и передающее фактическія данныя, на которыхъ основанъ конецъ тарасконскаго героя. Объ интересѣ романа распространяться безцѣльно: *Послѣднія приключенія Тартарэна* были встрѣчены во Франціи съ такимъ же жаднымъ любопытствомъ, какъ и предыдущія исторіи изъ его жизни. Книга, по содержанію, по характеру изложенія, по отношенію автора къ дѣйствующимъ лицамъ, является наиболѣе рѣдкимъ источникомъ литературнаго наслажденія. Трудно найти что-либо, равное ей по теплотѣ, обаянію, по силѣ глубоко симпатичнаго, трепещущаго жизнью и юморомъ творчества. Переводъ исполненъ безукоризненно, со всею добросовѣстностью истинно-литературной работы, проникнутой прежде всего эстетическимъ интересомъ къ труду. Книга соединяетъ въ себѣ исключительныя преимущества одинаково цѣннаго чтенія для юныхъ и зрѣлыхъ читателей, и до такой степени классически чисто и прозрачно и въ то же время жизненно, правдиво и серьезно ея содержаніе.

Хроника.

МОСКВА.

Въ **Большомъ театрѣ** для открытія сезона дана была 30 августа опера „Жизнь за Царя". Роль Антониды въ первый разъ исполняла г-жа Милютина

Для открытія балетныхъ спектаклей въ Большомъ театрѣ (2 сентября) данъ былъ балетъ „Кипрская статуя". Въ роли Галатеи выступила г-жа Гейтенъ.

Балетмейстеръ петербургскаго балета Л. И. Ивановъ командированъ дирекціей Императорскихъ театровъ въ Москву для постановки танцевъ въ оперѣ „Пиковая дама" — Чайковскаго. Дирекція ставитъ танцы въ этой оперѣ на сценѣ московскаго театра совершенно въ такомъ же видѣ, какъ они были поставлены въ Маріинскомъ театрѣ. Хореографическая часть тамъ поставлена балетмейстеромъ М. И. Петипа. Въ главной теноровой роли (Германа) на московской сценѣ будутъ чередоваться гг. Донской и Медвѣдевъ.

Въ предстоящемъ сезонѣ на балетной сценѣ вновь выступитъ, по возвращеніи своемъ изъ-за границы, молодая балерина г-жа Исидова, въ балетѣ „Тщетная предосторожность", который ставится спеціально для нея. Балетъ этотъ пойдетъ въ первыхъ числахъ октября.

„Пророкъ" — Мейербера, шедшій въ первый разъ въ нынѣшнемъ сезонѣ 6 сентября, привлекъ массу публики и театръ былъ совершенно полонъ. Наша оперная сцена, повидимому, не находитъ нужнымъ вспоминать о столѣтней годовщинѣ рожденія Мейербера. По крайней мѣрѣ, въ спектаклѣ 6-го сентября на это не было никакихъ намековъ.

Говорятъ, что г-жа Сіоницкая, переведенная изъ Петербурга, остается въ составѣ труппы **Большого театра** и набудущій сезонъ. Кромѣ того, въ Москву будетъ переведенъ теноръ петербургской оперы г. Васильевъ 3-й. Репертуаръ послѣдняго на Маріинской сценѣ переходитъ къ г. Медвѣдеву, который, какъ извѣстно, весь будущій сезонъ будетъ пѣть въ Петербургѣ.

—

Въ бенефисъ режиссера **Малаго театра** г. Черневскаго (27-го ноября) предполагается постановка Шекспировской трагедіи „Цимбелинъ" въ переводѣ покойнаго С. А. Юрьева, съ г-жей Ермоловой въ роли Имогены.

Въ драмѣ Вл. А. Александрова „Въ неравной борьбѣ", роль Лизаветы Григорьевны играетъ г-жа Ермолова, Фонъ-Штенгъ — г-жа Никулина, Марьи Степановны — г-жа Садовская, Зины — г-жа Лешковская, Штепенко — г. Ленскій, Тобольцева-Турскаго — г. Рыбаковъ, Старковскаго — г. Южинъ, Подгуляева — г. Правдинъ.

Въ комедіи-шуткѣ въ 2 д. Чека „Жоржинька", напечатанной въ № 14 нашего журнала и поставленной на сценѣ Малаго театра 30 сентября — роль Челищевой играетъ кончившая курсъ Театральнаго училища (по классу г. Ленскаго) г-жа Турчанинова, Челищева — г. Макшеевъ, Жоржиньки — г. Грессеръ, Стогова — г. Охотинъ, Араратова — г. Славинъ и Пустопорожневой — г-жа Владимірова.

—

Въ **театрѣ г. Корша**, 4 октября въ бенефисъ г. Киселевскаго идетъ, напечатанный въ этой книжкѣ нашего журнала, переводъ комедіи Зудермана „Честь". Бенефиціантъ играетъ роль графа Траста, которую весною этого года игралъ въ Москвѣ г. Поссартъ. Роль Роберта играетъ г. Ильинскій, стариковъ Хейнеке — гг. Красовская и Свѣтловъ, Мюлинга — г. Мерянскій, Амаліи — г-жа Романовская, Леоноры — г-жа Журавлева, Курта — г. Самойловъ, Альмы — г-жа Кошева, Августы — г-жа Кудрина, Михальскаго — г. Вязовскій.

—

Въ двѣнадцати симфоническихъ собраніяхъ русскаго **Музыкальнаго Общества** въ Москвѣ предположены къ исполненію въ этомъ сезонѣ слѣдующія произведенія: Симфоніи Бетховена (2, 4 и девятая), Моцарта (es-дуръ), Гайдна (g-дуръ), Шуберта (h-моль), Шумана (n. 4), Сгамбати (d-дуръ) и Брамса (f-дуръ, n. 3), увертюры: „Леонора" (n. 3) и „Прометей" — Бетховена, „Эвріанта" — Вебера, „Фаустъ" и „Тангейзеръ" — Вагнера, „Робеспьеръ" — Литольфа, и „La Princesse jaune" — Годара; музыкальные нумера къ шекспировской комедіи „Сонъ въ лѣтнюю ночь" — Мендельсона, сцена „Waldweben" (изъ муз. драмы „Зигфридъ") — Вагнера, поэма „Орфей" — Листа, ораторія „Дѣтство Христа" (2 ч.) — Берліоза, сюита (ор. 46) — Грига, поэма „Юность Геркулеса" — Сенъ-Санса; „Scènes poétiques" — Годара, и еще нѣсколько нумеровъ съ солистами. Широкое мѣсто въ программѣ отведено русскимъ композиторамъ. Между прочими пьесами исполняться будутъ: танцы изъ оп. „Жизнь за Царя" — Глинки, увертюра „Гамлетъ", симфонія (n. 5) и „Славянскій маршъ" — Чайковскаго, музыкальная картина „Донъ-Кихотъ" — Антона Рубинштейна, „Воскресная увертюра" и „Шехеразада" (по желанію публики) — Римскаго-Корсакова, отрывки изъ оперы „Паль и Дамаянти" — Аренскаго, кантата „Іоаннъ Дамаскинъ" — Танѣева, фантазія „Море" — Глазунова, отрывки изъ оперы „Азра" — Ипполитова-

Иванова, „Легенда“—Арендса, поэма „Грѣшница“ (на слова гр. А. Толстого)—Симона и „Прологъ“—Корещенко, сочиненный къ двадцатипятилѣтію московской консерваторіи. Симфоническими собраніями, по примѣру прошлаго сезона, дирижировать будетъ В. И. Сафоновъ.

Симфоническія собранія московскаго отдѣленія русскаго музыкальнаго Общества начнутся 19-го октября. Въ качествѣ солистовъ, между прочими знаменитостями, приглашены піанисты д'Альберъ и Сгамбати, скрипачъ Іоганъ Смитъ, віолончелистъ Гуго Беккеръ и оперная артистка Моранъ-Ольденъ.

Въ составъ преподавателей московской консерваторіи вновь приглашены слѣдующія лица: П. Ю. Шлёцеръ, Н. Е. Шишкинъ (для фортепіанной игры) и І. Фридрихъ (для игры на кларнетѣ).

—

Учебный персоналъ музыкально-драматическаго училища при московскомъ **Филармоническомъ Обществѣ** пополнился слѣдующими преподавателями. Приглашены: для преподаванія пѣнія—А. М. Додоновъ, для фортепіанной игры—А. Ю. Симонъ и г-жа М. І. Палькъ и для класса декламаціи—Вл. И. Немировичъ-Данченко. Инспекторомъ музыки при означенномъ училищѣ избранъ Н. Н. Лакьеръ.

Для перваго концерта московскаго филармоническаго Общества изъ Петербурга приглашена капелла пѣвчихъ г. Архангельскаго. Ею исполненъ будетъ цѣлый рядъ церковныхъ и свѣтскихъ хоровыхъ пьесъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ разныхъ эпохъ.

—

Какъ мы слышали, въ эту зиму будутъ происходить, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, упражненія дѣтскаго **оркестра А. А. Эрарскаго.** Дѣти принимаются въ оркестръ безплатно. Отъ нихъ требуется лишь знаніе нотъ въ двухъ употребительнѣйшихъ ключахъ и умѣнье считать въ простѣйшихъ ритмахъ. Кромѣ устроенныхъ г. Эрарскимъ инструментовъ игрушечнаго характера, въ оркестрѣ участвуютъ играющіе на смычковыхъ инструментахъ и на фортепіано. О мѣстѣ репетицій можно справляться въ квартирѣ г. Эрарскаго: Воздвиженка, домъ Армандъ, меблированныя комнаты Осиповой, № 6.

Спектакли **въ театрѣ Парадизъ** начались 22 сентября опереткой *Бѣдный Іонафанъ*. Труппа пополнена г-жами Немировичъ и Ивановой и г. Долинымъ. Дебютанты имѣли очень большой и заслуженный успѣхъ.

—

Празднованіе **юбилея К. А. Тарновскаго** въ Москвѣ имѣло очень теплый, задушевный характеръ.—Юбиляръ родился въ 1826 году въ Кіевской губ. и, по окончаніи курса въ московскомъ университетѣ въ 1846 году, поступилъ на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ перешелъ въ министерство народнаго просвѣщенія и, наконецъ, въ министерство Двора. Назначенный сначала секретаремъ московской дирекціи Императорскихъ театровъ, онъ запялъ затѣмъ въ 1856 году должность инспектора репертуара. Еще 15-тилѣтнимъ юношей К. А. перевелъ одноактную комедію: „Le muet de Sent-Malo“, которая 12-го сентября 1841 года была поставлена на сценѣ Большого театра подъ названіемъ: „Нѣмой по неволѣ“. Затѣмъ юбиляръ перевелъ комедію „Испытаніе“, которая шла въ 1842 г. на Маломъ театрѣ. Онъ написалъ, перевелъ и передѣлалъ свыше 60 драмъ и комедій и около 40 водевилей. Изъ нихъ многія, какъ: „Испанскій дворянинъ“, „Кутюрьма“, „Воробушки“, „На законномъ основаніи“, „Дитя“, водевиль „Мотя“, „Тучки“ и до сихъ поръ не сходятъ со сцены. Какъ сообщаютъ „Моск. Вѣд.“, К. А. Тарновскій, по случаю своего пятидесятилѣтняго литературно-театральнаго юбилея, получилъ отъ французскаго правительства офицерскіе знаки Академіи, въ виду его переводовъ для русской сцены лучшихъ произведеній современной французской драматургіи.

Обществомъ любителей художествъ, съ 1-го ноября по 1-е декабря, будетъ открыта выставка этюдовъ съ натуры, исполненныхъ масляными красками, акварелью, карандашемъ, перомъ и другими способами, и съ 25-го декабря по 1-е февраля 1892 г.—періодическая выставка, на которую будутъ приниматься картины, какъ новыя, такъ и не бывшія на выставкахъ въ Москвѣ. Срокъ представленія картинъ на первую выставку—20-е октября, а на вторую—15-е декабря.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Маріинскій театръ. Открытіе балетнаго сезона оказалось довольно удачнымъ. Публики собралось довольно много. Всѣ танцовщицы, начиная съ г-жи Никитиной, танцовали съ большимъ одушевленіемъ. Въ „Приказѣ короля“ г-жѣ Никитиной удались па „звѣздъ“ во 2-мъ дѣйствіи и танецъ „рыбака и жемчужины“. Кромѣ балерины обратили на себя вниманіе въ „Приказѣ короля“: г-жи Іогансонъ, Андерсонъ, Кшесинская 2-я, Тистрова, Жукова и Преображенская. Въ скоромъ времени начинаются въ балетѣ репетиціи „Царя Кандавла“, М. Петипа. Танцовать этотъ балетъ будетъ г-жа Карлотта Бріанца.

Воскресные балетные спектакли въ этомъ сезонѣ, повидимому, нравятся публикѣ. При возобновленіи „Весталки“, Маріинскій театръ былъ совершенно полонъ.

„Коппелія“, которую дали въ Маріинскомъ театрѣ 11 сентября, вмѣстѣ съ „Очарованнымъ лѣсомъ“, точно также какъ и другіе балеты, дававшіеся въ этомъ сезонѣ, привлекла въ Маріинскій театръ, несмотря на будничный день, многочисленную публику. Послѣ г-жи Никитиной, болѣе всего выдающійся успѣхъ имѣла г-жа Кшесинская 2-я, танцовавшая мазурку.

Для перваго спектакля перваго абонемента русской оперы дали „Фауста“. Въ роли Марты выступила г-жа Каменская, снова принятая на маріинскую сцену, а Валентина исполнялъ г. Климовъ 2-й.

Въ русской оперѣ начались полныя репетиціи оперы „Іоаннъ Лейденскій“—Мейербера, разученной хорами еще прошлой весной. Новыя декораціи закончены на-дняхъ художниками гг. Бочаровымъ и Шишковымъ. Особенно красива декорація 2-го дѣйствія. Вообще mise en scène обѣщаетъ быть роскошной. Фидесъ поетъ г-жа Славина, Іоанна—г. Васильевъ 3-й. Въ другихъ роляхъ выступаютъ г-жа Мравина (Берта); гг. Яковлевъ (Оберталь); Карелинъ, Стравинскій и Климовъ 1-й (анабаптисты). Эта опера не давалась уже лѣтъ семь.

Возобновленіе „Риголетто“—Верди въ Маріинскомъ театрѣ отложено на неопредѣленное время; вмѣсто этой оперы въ репертуаръ опять включе-

па „Травіата“, которая пойдетъ въ октябрѣ съ г-жей Мравиной въ роли Віолетты и г. Фигнеромъ—въ роли Альфреда.

Г-жа Медея-Фигнеръ и г. Фигнеръ выступаютъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ — Чайковскаго. „Пиковая дама“ пойдетъ въ сентябрѣ. По слухамъ, въ этомъ сезонѣ будутъ поставлены только эти двѣ оперы нашего талантливаго композитора.

Г-жа Н. Фриде, артистка русской оперы, оставила маріинскую сцену и вообще театральную карьеру.

—

П. И. Чайковскій окончилъ новую симфоническую поэму „Воевода“ на текстъ Мицкевича.

—

Ариго Бойто окончилъ новую оперу „Неронъ“, которая въ будущемъ сезонѣ будетъ поставлена на петербургской Маріинской сценѣ.

—

Михайловскій театръ. Въ афишахъ объявленъ слѣдующій составъ французской труппы на сезонъ 1891—92 гг.: г-жи Лего. Лина-Мэтъ, Дарвиль, Томасэнъ, Гертэ, Рено, Баллета, Бодъ, Дуо, Дюбуа, Серни, Стюаръ, Сикаръ, Дево, Ленэ, Лоазель, Мельсонъ-Дево, гг. Андріе, Бруетъ, Делормъ, Деманнь, Дюмени, Иттмансъ, Лагранжъ, Ланжалэ, Лортэръ, Люге, Мишель, Рено, Стринцъ, Вольни, Сикаръ и Роберъ.

—

П. П. Гнѣдичъ написалъ новую одноактную комедію „Встрѣча“. Пьеса идетъ въ первый разъ въ бенефисъ г-жи П. Васильевой и будетъ напечатана въ „Артистѣ“.

Въ среду, 4-го сентября, въ **Императорскомъ театральномъ училищѣ** состоялся новый пріемъ учащихся на первый курсъ драматическихъ классовъ. Испытаніе 40 человѣкъ, заявившихъ желаніе поступить на курсы, произведено было въ присутствіи конференціи училища и преподавателей драматическаго искусства. Испытывавшіеся читали и декламировали по собственному выбору. Весь нынѣшній контингентъ учащихся поступитъ въ классы только двухъ преподавателей драматическаго искусства: Н. С. Васильевой и Н. О. Сазонова.

Въ Театральномъ училищѣ состоялся экзаменъ перваго курса драматическихъ классовъ преподавателей В. Н. Давыдова и М. И. Писарева. Кромѣ перевода на второй курсъ, произведено и увольненіе нѣкоторыхъ изъ учившихся и уже выказавшихъ на первомъ курсѣ неспособность къ сценической дѣятельности.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ сообщается, что министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отклонены заявленныя изъ провинцій предположенія о сборѣ пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая посредствомъ спектаклей и увеселеній.

Главное управленіе по дѣламъ печати, по словамъ „О. Н.“, циркулярно увѣдомило гг. губернаторовъ о недозволеніи исполнять на сценахъ частныхъ театровъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ, драму г. Кропивницкаго „Доки сонце зійде, роса очи выість“.

Петербургская публика въ нынѣшнемъ сезонѣ опять увидитъ артистку малороссійской труппы **М. А. Заньковецкую**, пріѣзжающую въ Петербургъ съ труппою г. Садовскаго. Г-жа Заньковецкая будетъ гастролировать въ Панаевскомъ театрѣ.

Въ ноябрѣ текущаго года выйдетъ въ свѣтъ первый выпускъ, три года тому назадъ предпринятаго, изданія матеріаловъ по исторіи Императорскихъ театровъ подъ заглавіемъ: „**Архивъ дирекціи Императорскихъ театровъ**“. Первый выпускъ въ 4-хъ книгахъ (3 части и приложеніе), займетъ около 200 печатныхъ листовъ in 4‘, съ документами архива дирекціи за періодъ времени съ 1746 г. по 1801 г. (до вступленія на престолъ Императора Александра I). 1-ю часть составляетъ подробная опись всѣмъ безъ исключенія документамъ архива за упомянутый періодъ. Во 2-й части помѣщены всѣ документы того-же періода, имѣющіе значеніе для исторіи театра (начиная отъ Высочайшихъ повелѣній до мелкихъ оффиціозныхъ замѣчаній должностныхъ лицъ дирекціи), которые расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Въ 3-й части заключается сводъ всѣхъ извлеченныхъ изъ архивныхъ документовъ, за время до 1801 г., свѣдѣній: а) о персоналѣ артистовъ и разныхъ категорій должностныхъ лицъ дирекціи, въ алфавитномъ порядкѣ, по группамъ, соотвѣтствующимъ родамъ театральной службы; б) о репертуарѣ (по труппамъ) съ обозначеніемъ времени и цѣнности монтировки пьесъ, дней представленій ихъ и состава исполнителей; в) о театрахъ и о зданіяхъ дирекціи (собственныхъ и наемныхъ помѣщеніяхъ). Въ той-же третьей части приведенъ послѣдовательный репертуаръ Императорскихъ театровъ съ 1789 по 1801 годъ, въ хронологическомъ порядкѣ по днямъ, и отчеты (принаровленные къ нынѣ существующимъ въ дирекціи формамъ), о приходѣ и расходѣ суммъ по Императорскимъ театрамъ за время съ 1796 г. по 1801 годъ. Къ первымъ двумъ частямъ труда приложены систематическіе указатели, а въ приложеніи (къ четвертой книгѣ, послѣдніе листы которой находятся въ настоящее время въ печати) помѣщенъ общій для всѣхъ трехъ частей азбучный указатель.

Въ послѣднемъ засѣданіи **Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ** состоялось постановленіе выдавать ссуды и вспомоществованія только тѣмъ изъ нуждающихся актеровъ и сценическихъ дѣятелей, которые состоятъ членами этого Общества. Въ силу этого новаго постановленія послѣдовало уже нѣсколько отказовъ въ выдачѣ ссудъ.

С.-Петербургская музыкальная школа закончила въ іюнѣ 4-й годъ своего существованія и 2-й годъ подъ управленіемъ нынѣшней дирекціи гг. Лютиха, Боровки и Виссендорфа. Въ теченіи учебнаго 1890—91 года посѣщали школу: 23 ученика и 212 ученицъ. Изъ нихъ игрѣ на фортепіано обучались 178, пѣнію—51, и игрѣ на струнныхъ инструментахъ 6 учащихся. По отдѣлу пѣнія окончила полный спеціальный курсъ ученица Кирштейнъ. Безплатно обучались въ школѣ 18 лицъ. Три бывшія воспитанницы институтовъ вѣдомства Императрицы Маріи пользовались стипендіей имени Ея Величества. Вновь приглашены преподавателями: игры на фортепіано—г-жи Петровская и Валле-де-Баръ, пѣнія—г-жа фонъ-Гаке и г. Лодій. Состязательныхъ вечеровъ учащихся въ теченіе года состоялось 9, изъ которыхъ 4 публичныхъ. Кромѣ того, учащимися былъ данъ концертъ въ пользу нхъ недостаточныхъ товарищей, при участіи г-жъ Валле-де-Баръ и Шлезингеръ (бывшихъ ученицъ школы) и г. Боровка. Концертъ этотъ далъ чистаго сбора 300 руб. Часть этой суммы была отдѣлена на покупку нотъ и на пособія учащимся.

—

Вспомогательная касса музыкальныхъ художниковъ и лицъ, состоящихъ на службѣ по вѣдомству **Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества**, вступила въ настоящемъ году въ пятнадцатый годъ своего существованія, насчитывая къ 1-му января 1891 года 139 членовъ, изъ которыхъ совѣтомъ избраны: предсѣдателемъ В. В. Вурмъ, казначеемъ В. А. Туръ, дѣлопроизводителемъ В. М. Самусь и бухгалтеромъ Н. П. Петропавловскій. Въ отчетномъ году дѣятельность кас-

сы выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ: на приходъ поступило членскихъ взносовъ—2.950 руб., въ уплату ссудъ—10.954 р. 72 к., прочихъ доходовъ на сумму 20.131 р. 08 коп. и остатокъ отъ прошлыхъ лѣтъ—87.851 р. 42 коп., израсходовано же—31.691 р. 25 к., такъ что на 1891 отчетный годъ записано 90.195 р. 97 к.

—

Дирекція Императорскихъ театровъ объявляетъ, что во время великаго поста, отъ 23-го февраля по 27-е марта 1892 г., въ Александринскомъ театрѣ имѣетъ быть рядъ **нѣмецкихъ драматическихъ представленій**, подъ управленіемъ Филиппа Бокъ, на которыя откроется подписка съ 1-го ноября сего года на пять абонементовъ, въ фойе Александринскаго театра. Драма и комедія: 1-й абонементъ—по понедѣльникамъ: 24-го февраля, 2, 9, 16 и 23-го марта; 2-ой абонементъ—по средамъ: 26-го февраля, 4, 11, 18 и 25-го марта; 3-й абонементъ—по четвергамъ: 27-го февраля, 5, 12, 19 и 26 марта; 4-й абонементъ—по пятницамъ: 28-го февраля, 6, 13, 20 и 27 го марта; 5-й абонементъ—по субботамъ: 29 февраля, 7, 14 и 21-го марта. Цѣны на абонементъ тѣ же, что и въ истекшемъ сезонѣ. Абонентамъ истекшаго сезона представляется право возобновить свои абонементы, причемъ желающіе воспользоваться этимъ правомъ должны присылать свои заявленія письменно, отъ 1 октября до 30-го включительно, въ контору записи Императорскихъ театровъ, Троицкая ул., д. № 1.

—

Въ **Первомъ Обществен омъ Собраніи** начались драматическіе спектакли подъ новою антрепризою Спб. драматическаго Общества. Для открытія была поставлена драма П. В. Шпажинскаго—„Въ старые годы“. Въ составѣ исполнителей особенно выдѣлялись г-жа Шмитова-Козловская изображавшая Машу, и г-жа Дарьялъ—экономку Клавдію.

—

Василеостровскій театръ. Осенній сезонъ Василеостровскаго театра открылся драмою Л. Антропова „Ванька Ключникъ“. Народное гулянье, предшествовавшее спектаклю и устроенное въ небольшомъ саду при театрѣ, привлекло массу народа, особенно семейныхъ рабочихъ съ ближайшихъ фабрикъ и заводовъ. На спектакль въ театръ собралось также много народу. Труппа Василеостровскаго театра исполнила драму съ рѣдкимъ для небольшихъ сценъ ансамблемъ. Г. Макаровъ-Юневъ явился въ роли Щегла, одной изъ лучшихъ ролей своего репертуара, и имѣлъ, какъ во второмъ, такъ и въ третьемъ дѣйствіи большой успѣхъ. Остальныя роли были распредѣлены между г-жами Макаровой-Юневой (Дашутка), Казанцевой (княгиня), Яблочкиной (Настя), гг. Васильевымъ (князь), Муравьевымъ-Свирскимъ (Ванька Ключникъ) и др.

Представленіе мелодрамы „Двѣ сиротки“ привлекло въ Василеостровскій театръ массу разнообразной публики. „Двѣ сиротки“ идутъ въ Василеостровскомъ театрѣ съ ансаблемъ, а отдѣльные исполнители въ лицѣ г. Василева (Пьеръ) и г-жи Макаровой-Юневой (Луиза) положительно хороши.

Малый театръ. Сезонъ открылся 15-го сентября опереткою „Продавецъ птицъ“. Театръ былъ совершенно полонъ. Исполнителями фигурировали г-жи Троцкая и Радина, гг. Лодій, Пальмъ, Богдановъ и Фатѣевъ. Ко дню открытія вышелъ № 1 журнала, подъ названіемъ: „Малый театръ“. Этотъ журналъ былъ безплатно розданъ всей публикѣ перваго представленія и въ немъ помѣщено нѣсколько статей, три портрета балеринъ, ноты вальса „Продавецъ птицъ“ и куплеты изъ новыхъ опереттъ, исполняемые г. Пальмомъ.—Дирекція театра подписала контрактъ съ извѣстной балериной г-жею Дель-Эра... Она будетъ по счету пятою балериною...

—

„Нов. Вр.“ напоминаетъ о юбилеѣ покойнаго **Николая Алексѣевича Некрасова.** Въ нынѣшнемъ году исполнится ровно полъ-вѣка съ появленія перваго водевиля покойнаго писателя. Онъ поставилъ въ сезонъ 1841—42 г. первый свой водевиль: „Шила въ мѣшкѣ не утаишь“, подписавшись Перепельскимъ. Н. А. Некрасовъ написалъ для театра очень немного: оригинальныхъ комедій—1 („Похожденія Столбикова“), оригинальныхъ водевилей—4 („Шила въ мѣшкѣ не утаишь“, „Ѳ. А. Бобъ“, „Актеръ“ и „С.-Петербургскій ростовщикъ“), переводную драму—1 („Материнское благословеніе“) и переводныхъ водевилей—3 („Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису“, „Дѣдушкины попугаи“ и „Кольцо маркизы“). Все, что русская сцена сохранила до сихъ поръ отъ Некрасова, это—драму „Материнское благословеніе“.

—

Въ **Общество взаимнаго вспомоществован'я русскимъ художникамъ** вносится проектъ учрежденія кассы для выдачи ссудъ подъ залогъ художественныхъ произведеній.

—

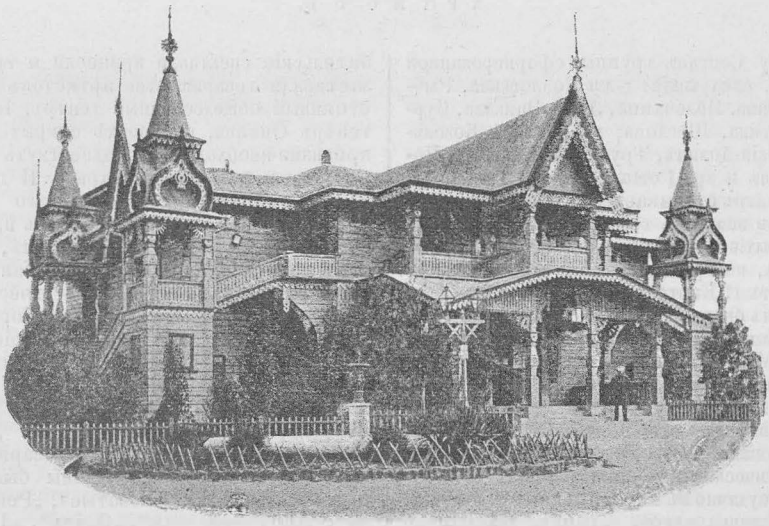
Въ **Академіи Художествъ** выставлены картины и архитектурные проекты, представленные на конкурсъ по сонсканію класныхъ художественныхъ степеней и золотыхъ медалей. Программа архитектурнаго конкурса—„Проектъ главной станціи желѣзной дороги въ столицѣ“. По исторической живописи на большую золотую медаль задана программа—„Принятіе христіанства царицей Александрой“. По пейзажу представлена только одна картина на программу—„Видъ на деревню Тентетникова“ (изъ „Мертвыхъ душъ“ Гоголя).

—

Зимою текущаго года въ Петербургѣ предположена къ устройству **выставка портретовъ** извѣстныхъ русскихъ и заграничныхъ **артистовъ и артистокъ** въ различныхъ роляхъ ихъ репертуара, а также наиболѣе выдающихся подарковъ, полученныхъ ими отъ публики. Выставку эту предполагается устроить въ пользу Общества для пособія сценическимъ дѣятелямъ.

—

Въ октябрѣ откроется третья выставка картинъ **Общества вспоможенія русскимъ художникамъ.**



Севастопольскій театръ.

Хроника провинціальныхъ театровъ.

Города: *Баку, Вильно, Витебскъ, Воронежъ, Вятка, Динабургъ, Екатеринбургъ, Екатеринославль, Елецъ, Житоміръ, Казань, Каменецъ-Подольскъ, Керчь, Кіевъ, Кострома, Кременчугъ, Курскъ, Минскъ, Новороссійскъ, Новочеркасскъ, Одесса, Орелъ, Оренбургъ, Рига, Ростовъ-на-Дону, Самара, Саратовъ, Симферополь, Ставрополь, Старая Русса, Тверь, Тифлисъ, Томскъ, Харьковъ, Черниговъ и Шадринскъ.*

Товарищества и труппы: *гг. Баскакова, Богуславскаго, Борисова, Васильева-Вятскаго, Волховского, Воронина, Грекова, Житомірскаго Драматическаго Общества, Казанцева, Картавова, Крамского, Кропивницкаго, Крылова, Ладыженскаго, Лавровской, Медвѣдева, Мирова-Бедюхъ, Никулина, Новикова, Перовскаго, Саксаганскаго, Садовскаго, Саратовское, Синельникова, Старицкаго, Тифлисскаго Артистическаго Общества, Фаднева, Филипповскаго, Харьковское, Черкасова и Шумана.*

Театральная реклама.— Театральное дѣло въ Сибири.— Товарищества и антреприза.

Всѣ слѣдящіе за театральной жизнью провинціи давно уже отвыкли, при наступленіи зимняго сезона, питать благія надежды на успѣшное его окончаніе въ матеріальномъ отношеніи. Про художественную сторону дѣла и говорить нечего: жалобы на упадокъ репертуара русской сцены,— да и не одной русской, — сдѣлались уже общимъ мѣстомъ и нѣтъ даже отрадныхъ признаковъ, что ближайшее будущее ознаменуется измѣненіемъ репертуара къ лучшему. Наступившій сезонъ открылся при обстоятельствахъ, которыя могутъ оказать еще худшее вліяніе на сборы и, слѣдовательно, на матеріальное положеніе провинціальныхъ театральныхъ дѣятелей. Мы говоримъ о неурожаѣ. Театральное дѣло, а особенно въ провинціи, зависитъ отъ суммы самыхъ разнообразныхъ условій, между которыми экономическое состояніе даннаго района относится къ числу самыхъ важныхъ. Поэтому, опытные въ театральныхъ предпріятіяхъ люди пророчатъ въ наступившемъ сезонѣ гораздо болѣе театральныхъ краховъ, чѣмъ въ прошедшіе годы, именно благодаря неурожаю, занявшему такую огромную площадь. Съ этимъ нельзя не согласиться и, какъ средства для сопротивленія надвигающейся бѣдѣ, нельзя не порекомендовать ведущимъ театральныя дѣла въ провинціи, во-первыхъ, „подтянуться", и въ репертуарѣ, и въ исполненіи, а во-вторыхъ, уменьшить до послѣдней возможности цѣны на мѣста въ театрахъ. Мы уже говорили о второмъ средствѣ и раньше, какъ о вѣрномъ и сильномъ косвенномъ толчкѣ для возбужденія потребности въ театрѣ у провинціальной публики. Тѣмъ больше это примѣнимо теперь, когда вліяніе неурожая отражается на всѣхъ классахъ общества.

Если бы не эти мрачныя размышленія, которыя, будемъ надѣяться, можетъ быть, и не осуществятся на дѣлѣ, то сезонъ начинался бы весело. Нѣкоторыя крупныя перемѣны и много мелкихъ измѣненій въ общемъ ходѣ театральной жизни въ провинціи разнообразятъ монотонную обыкновенно картину этой жизни и даютъ намъ возможность подѣлиться съ читателями провинціальнаго обозрѣнія интересными новостями.

На первомъ планѣ мы поставимъ важное театральное событіе, которымъ ознаменовала начало сезона **Одесса**. Какъ уже знаютъ наши читатели, въ Одессѣ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ сезоновъ итальянской оперы, возникаетъ, подъ антрепризою г. Грекова, драма. Намъ приходилось говорить по поводу того ненормальнаго явленія, что Одесса, самый многолюдный и живой городъ юга, не имѣетъ драматическаго театра. Это было тѣмъ болѣе странно, что у города имѣется роскошный театръ, цѣль постройки котораго заключалась, конечно, въ широкомъ удовлетвореніи эстетическихъ потребностей, чему не могла служить итальянская опера, разсчитанная на ограниченный кругъ публики. Теперь одесситы увидятъ, наконецъ, и правильно организованную драмати-

ческую труппу. Составъ труппы, сформированной г. Грековымъ, слѣдующій: г-жи Козловская, Рыбчинская, Волгина, Яблочкина, Лола, Замкова, Бурдина, Каратыгина, Щеглова; гг. Ивановъ-Козельскій, Варшавскій-Долинъ, Трубецкой, Чарскій, Новиковъ-Ивановъ и др. Режиссеры гг. Грековъ и Яблочкинъ. Театръ открываетсявъконцѣ сентября.

Слѣдующимъ важнымъ театральнымъ событіемъ является открытіе театра русской оперы въ **Харьковѣ**. Театръ, построенный при коммерческомъ собраніи, снятъ г. Картавовымъ. О составѣ сформированной имъ оперной труппы сообщено въ № 15 „Артиста“. Самый театръ чрезвычайно понравился публикѣ. Мѣстная печать находитъ его лучшимъ въ провинціи послѣ одесскаго. Мѣста въ зрительномъ залѣ устроены въ немъ очень удобно, а сцена имѣетъ всѣ новѣйшія техническія усовершенствованія. Сезонъ, открытый харьковскимъ драматическимъ товариществомъ 15 августа, начался неудачно въ матеріальномъ отношеніи. Затѣмъ дѣла поправились. Труппа, значительно измѣненная въ своемъ составѣ противъ прошлаго года, стала сыгрываться и возбуждать интересъ публики.

Г. Картавовъ, антрепренеръ харьковской оперы, держалъ въ прошломъ году оперу въ **Вильнѣ**, гдѣ теперь ее смѣнила снова драма. Составъ виленской труппы подъ антрепризой г. Шумана слѣдующій: г-жи Саблина-Дольская, Инсарова-Агарева, Аграмова, Уварова, Звѣрева, Карпенко и др.; гг. Агаревъ, Неждановъ, Рюминъ, Смирновъ, Рутковскій, Дубровскій и др. Сезонъ открылся 30 августа комедіей „Общество поощренія скуки“. Затѣмъ въ репертуаръ вошли: „Листья шелестятъ“, „Вторая молодость“, „Цѣпи“, „Оболтусы-вѣтрогоны“, „На зыбкой почвѣ“, „Горе отъ ума“, „Ревизоръ“, „За монастырской стѣной“, „Чародѣйка“ и др. Равнодушіе публики къ театру было очень замѣтное, особенно въ началѣ, и тщетно мѣстный „Вѣстникъ“ взывалъ къ сочувствію мѣстныхъ жителей.

Прекратилась опера и въ другомъ большомъ городѣ, въ **Казани**. Послѣ прошлогодняго краха нашли, повидимому, невозможнымъ снова возобновлять оперу. Въ наступившемъ сезонѣ антрепренеромъ драматической труппы въ Казани является г. Перовскій. Въ казанской труппѣ будутъ: г-жи Кривская, Днѣпрова-Мерцъ, Тарасова, Мухарипская и др., гг. Аяровъ, Галицкій, Гусевъ, Добровольскій, Багряновъ, Пузинскій и др. На 10 гастрольныхъ спектаклей предполагается пригласить г-жу Стрепетову. Еженедѣльно будетъ даваться одинъ общедоступный спектакль.

Есть еще одинъ городъ, гдѣ оперная сцена уступила мѣсто драматической. Это—**Тифлисъ**. Казенный театръ, арендуемый Артистическимъ Обществомъ, будетъ имѣть въ текущемъ сезонѣ одну драму подъ управленіемъ того же г. Форкатти, о которомъ мы не разъ бесѣдовали съ читателями. Въ составъ тифлисской труппы вошли г-жи Токарева, Любичъ, Казина, Звѣздичъ и др.; гг. Волховской, Горинъ, Любовъ, Крамской-Сельскій и др.

Саратовъ, напротивъ, обогатился новымъ постояннымъ театромъ. Товарищество артистовъ, дававшее въ прошломъ сезонѣ въ городскомъ театрѣ драму и оперу, снято теперь театръ г. Очкина, въ которомъ давало свои общедоступные спектакли „Саратовское Общество любителей изящныхъ искусствъ“. Товарищество оставляетъ этотъ театръ подъ драматическіе спектакли, а въ городскомъ будетъ давать преимущественно оперу. Этимъ способомъ оно избѣгаетъ конкурренціи, которую начали представлять собою для него общедоступные спектакли любителей. Такимъ образомъ любительскіе спектакли принесли и ту пользу, что заставили товарищество артистовъ устроить постоянный общедоступный театръ. Къ сожалѣнію, театръ Очкина, уже послѣ открытія спектаклей, признано необходимымъ подвергнуть капитальному ремонту и совершенно закрыть. И драматическій, и оперный составъ саратовскаго товарищества остался почти тотъ-же, что и въ прошломъ году, не въ примѣръ другимъ городамъ, въ большинствѣ которыхъ произошла коренная перетасовка состава труппъ. На роли классическаго репертуара, какъ-то: Гамлетъ, Отелло, Король Лиръ, Ромео, Макбетъ, Донъ-Карлосъ, Уріель Акоста и др. приглашенъ на гастроли г. Россовъ. Въ оперную труппу вошли новые артисты: г-жи Джюбелини-Ряднова (драм. сопрано) и Дигби (меццо-сопрано) и г. Рядновъ (теноръ). До сихъ поръ драматическимъ отдѣленіемъ товарищества съ открытія сезона 5 сентября даны были слѣдующія пьесы: „Безъ вины виноватые“, „Ревизоръ“, „Гроза“, „Въ старые годы“, „Озимь“, „Лѣсъ“, „Въ селѣ Знаменскомъ“, „Оболтусы-вѣтрогоны“, „Маіорша“, „Правда хорошо, а счастье лучше“. Репертуаръ, котораго держится товарищество, вполнѣ, какъ видятъ читатели, серьезный; исполненіе пьесъ вызываетъ постоянно одобреніе мѣстной печати. Оперная труппа обѣщаетъ нѣсколько новыхъ для саратовской публики оперъ, каковы, напримѣръ: „Робертъ“, „Фрадьяволо“, „Мазепа“, Отелло“, „Пиковая дама“, „Джіокопда“, „Тангейзеръ“ и даже „Пророкъ“. Это указываетъ на то, что опера пользуется въ Саратовѣ большимъ успѣхомъ. Такъ оно есть и на самомъ дѣлѣ.

Не въ примѣръ Вильнѣ, Казани и Тифлису, въ которыхъ прекратилась опера, **Ростовъ-на-Дону** будетъ имѣть въ настоящемъ сезонѣ оперную труппу, сформированную антрепренеромъ мѣстной драматической труппы г. Черкасовымъ. Онъ снялъ театръ г. Любова, своего конкуррента по антрепризѣ, ангажированнаго въ тифлисскую драматическую труппу, и будетъ давать въ его театрѣ драматическіе спектакли, а въ театрѣ Асмолова—оперные. Ростовъ слыветъ,—и не даромъ,—очень театральнымъ городомъ и потому можетъ выдержать двѣ труппы, если оперная окажется сносной. Драматическая труппа составлена г. Черкасовымъ изъ слѣдующихъ главныхъ силъ: г-жи Строева-Сокольская (сильно драм. роли), Зайцева (ing. dram. et com.), Муравская (ing. dram.), Антили (gr. coquet.), Мезенцева (драм. старуха), Панаева и Горская (компч. стар.) и др., гг. Сарматовъ (любовн.), Кольцовъ (любовн.-герой), Иконниковъ (фатъ), Бураковскій (простакъ), Полтавцевъ и Черкасовъ (комики-резонеры) и др. Въ оперную труппу вошли: г-жи Яновская (сопрано), Свѣтлапова (меццо-сопрано), гг. Секаръ (теноръ). Максаковъ (баритонъ), Мельниковъ (басъ) и др. Оперная труппа не обильна по количеству и, повидимому, по прежнему, главнымъ образомъ, будетъ въ ходу драма. Зимній сезонъ въ Ростовѣ открылся 15 сентября драмой „Татьяна Рѣпина“, поставленной на асмоловскомъ театрѣ. Оперные спектакли предполагается ставить два раза въ недѣлю.

Крупной новостью надо признать и открытіе драматическаго театра въ **Кіевѣ**. Товарищество драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Соловцова будетъ давать спектакли въ театрѣ Сѣтова. Кіевъ давно уже не имѣлъ постояннаго драматическаго театра.

Театръ въ **Воронежѣ** снятъ на зимній сезонъ г. Казанцевымъ, сформировавшимъ драматическую труппу. Мѣстная газета отмѣчаетъ выпущенныя антрепренеромъ объявленія, въ которыхъ онъ называетъ себя „извѣстнымъ и заслуженнымъ арти-

стомъ". Вообще театральная реклама, иногда беззастѣнчивая, иногда наивная, далеко не рѣдкость въ провинціи. Но иногда такая реклама становится особенно возмутительной. Напримѣръ, „Петерб. Листку" доставлена одна изъ афишъ лѣтняго театра въ саду „Аркадія", въ Астрахани, въ которомъ подвизалась прошедшимъ лѣтомъ труппа подъ антрепризою г. Перовскаго. Афиша гласитъ слѣдующее: „Съ участіемъ артиста Императорскихъ московскихъ театровъ О. А. Правдина представлено будетъ въ 1-й разъ репертуарная пьеса Императорскихъ театровъ „Левъ Гурычъ Синичкинъ". Во второмъ дѣйствіи соло на литаврахъ въ оркестрѣ исполнитъ О. А. Правдинъ. Роль Синичкина исполнитъ О. А. Правдинъ. Роль Синичкина принадлежитъ къ числу лучшихъ ролей знаменитаго артиста и, благодаря геніальному исполненію г. Правдина, пьеса все время держится въ репертуарѣ Императорскаго московскаго театра. „Записки сумасшедшаго" прочтетъ О. А. Правдинъ. Исполненіемъ „Записокъ сумасшедшаго" г. Правдинъ не имѣетъ соперниковъ!"

Таковъ одинъ изъ образчиковъ провинціальной рекламы. Мы никакъ не можемъ признать какое-либо участіе въ составленіи этой афиши со стороны самого г. Правдина, артиста слишкомъ извѣстнаго, чтобы ему была нужда прибѣгать къ такого рода зазываніямъ публики, но въ такомъ случаѣ до чего же доходитъ дерзость и неуваженіе къ сценѣ антрепренеровъ. Воронежскій же антрепренеръ, по выраженію „Дона", вѣнчаетъ лаврами не только себя, но и другихъ членовъ труппы, фамиліи которыхъ, исключая одной, публикѣ совершенно неизвѣстны, такъ что предварительное театральное объявленіе по стилю напоминаетъ извѣстныя цирковыя объявленія, гдѣ всѣ „артисты" именуются европейскими знаменитостями.

Пока не открылись спектакли труппы г. Казанцева, въ Воронежѣ съ большимъ матеріальнымъ успѣхомъ играетъ малорусская труппа г. Старицкаго, переѣхавшая изъ Москвы въ Орелъ и Елецъ, гдѣ ея гастроли были крайне неудачны. Изъ Воронежа труппа г. Старицкаго отправляется въ Тамбовъ.

Заговоривъ о малороссахъ, приведемъ свѣдѣнія и о другихъ **малорусскихъ** труппахъ. Г. Кропивницкій съ своею труппою въ теченіе лѣтняго сезона былъ въ Новочеркасскѣ, Таганрогѣ, Ейскѣ, Ѳеодосіи, Симферополѣ, а съ 6 сентября въ Ялтѣ. Отсюда труппа переѣдетъ въ Одессу. Предполагавшаяся поѣздка г. Кропивницкаго съ труппой въ Петербургъ состоится. Онъ выступитъ въ первыхъ числахъ ноября въ кононовскомъ театрѣ. Туда же ѣдетъ труппа г. Садовскаго, въ которой снова состоитъ г-жа Заньковецкая. Труппа г. Садовскаго начала зимній сезонъ въ Курскѣ, 19 сентября, а съ 26-го октября предполагаются спектакли въ Петербургѣ, въ театрѣ Панаева. Труппа г. Саксаганскаго играла въ сентябрѣ въ Севастополѣ, откуда переѣхала въ Николаевъ. Труппа г. Мирова-Бедюхъ, игравшая въ сентябрѣ въ Баку, направляется въ Закаспійскій край, куда она приглашена мѣстнымъ антрепренеромъ г. Васильевымъ-Вятскимъ. Этимъ антрепренеромъ составлена также русская драматическо-опереточная труппа, которая будетъ играть въ **Баку, Асхабадѣ, Самаркандѣ, Ташкентѣ** и **Кокандѣ**. Въ Баку спектакли труппы должны были начаться около 20 сентября. Составъ труппы: г-жи Вольская, Кутузова-Ланская, Линовская, Варламова и др.; гг. Козельскій (гастроли), Большаковъ, Ге, Вятскій и др.

Крупной новостью сезона является открытіе постояннаго русскаго театра въ **Ригѣ**. Комитетъ русскаго театра объявилъ, что для постановки русскихъ спектаклей въ Ригѣ комитетъ вошелъ въ соглашеніе съ антрепренеромъ, артистомъ Императорскихъ театровъ г. Фадѣевымъ, который обязался поставить въ теченіе сезона, съ 1 октября, отъ 50 до 55 русскихъ драматическихъ спектаклей, по три спектакля въ недѣлю. Антрепренеръ получаетъ изъ городскихъ средствъ субсидію въ 6.700 руб. Спектакли будутъ даваться въ залѣ дома, принадлежащаго Обществу „Улей". Въ репертуаръ войдутъ пьесы: Гоголя, Грибоѣдова, Фонъ-Визина, Островскаго, Писемскаго, Потѣхина, Аверкіева, Боборыкина, Сухово-Кобылина, Пальма, Гнѣдича и другія лучшія пьесы современныхъ авторовъ. Въ труппу приглашены: г-жи Кони-Стрѣльская, Равичъ, Александрова, Фадѣева, Онѣгина, Славичъ и др.; гг. Анчаровъ-Эльстонъ, Лепковскій, Зиминъ, Стрекаловъ, Муратовъ, Фадѣевъ и др. Обстановка, декораціи, мебель, аксессуары, костюмы и проч. выписаны изъ Петербурга. Цѣны мѣстамъ назначены отъ 2 руб. до 20 коп. Для открытія сезона, 1 октября, будетъ поставленъ „Ревизоръ". Антреприза, по словамъ „Риж. Вѣстн.", серьезно принялась за дѣло и энергично хлопочетъ о лучшей его постановкѣ.

Переходимъ теперь къ перечню остальныхъ имѣющихся у насъ свѣдѣній о театральныхъ дѣлахъ. Театръ въ **Ставрополѣ** снятъ г-жею Лавровскою, которою сформирована русско-малорусская труппа изъ слѣдующихъ артистовъ: г-жи Башинская (сильно-драмат.), Свѣтлова (ing. dram.), Никитина-Лельская (ing. com.), Лепетичъ (ing.), Бѣльская (малор. роли), Росицкая-Славянская (драм. стар.), Лавровская (комич. стар.), Сокольская (быт. и малор. роли) и др.; гг. Вишневскій (драм. герой и любовн.), Бутовтъ (любовн. и фатъ), Ратмировъ и Рудиковъ (малор. любовн.), Овчинниковъ (малор. и комич.), Благинъ (комикъ-буффъ), Лепетичъ (простакъ), Кузнецовъ-Ершовъ (характер.), Калинниковъ (резонеръ) и др. Открытіе сезона назначено на 22 сентября.

Въ Динабургѣ составилось драматическо-опереточное товарищество: г-жи Ахматова, Чельская, Киселева, Свѣшникова и др.; гг. Розенъ, Лядовъ, Вѣльскій, Стрѣльскій, Борисовъ, Ларинъ и др.

Для **Симферополя** г. Новиковымъ организовано также драматическо-опереточное товарищество, для котораго приглашены: г-жи: Марченко-Шильганъ, Пронская, гг. Эспе, Лукинъ, Мейерзонъ, Новиковъ и др. Преимущество будетъ отдано опереткѣ, а два раза въ недѣлю предполагается давать комедіи репертуара театра Корша.

Театръ въ **Вяткѣ** на зимній сезонъ былъ сданъ въ аренду товариществу артистовъ съ г. Брагинымъ во главѣ, но г. начальникъ губерніи не утвердилъ этой сдачи и вятскій театръ остается пока свободенъ.

Новочеркасскъ будетъ имѣть драматическо-опереточную труппу товарищества подъ управленіемъ г. Синельникова. Составъ труппы: г-жи Синельникова, Медвѣдева, Муратова, Сѣрова, Никитина, Кириллова,; гг. Синельниковъ, Рощинъ-Инсаровъ, Бастуновъ, Степановъ, Ашкинази, Ростовцевъ и др.

Въ **Каменцѣ-Подольскѣ** антрепренеромъ г. Богуславскимъ сформирована драматическая труппа.

Въ **Екатеринбургѣ** театръ попрежнему остался подъ антрепризой г. Медвѣдева.

Въ **Кременчугѣ** попрежнему антрепренерствуетъ г. Филипповскій.

Театръ въ **Черниговѣ** снятъ г. Баскаковымъ, которымъ составлена труппа для оперетокъ, комедій и обстановочныхъ феерій. Въ составъ труппы вошли: г-жи Метельская, Лаврова, Баскакова, Владимірова-Осбергъ, и др.; гг. Линскій-Неметти, Панинъ, Богдановъ, Охотинъ и др. Предполагаются гастроли г-жи Глѣбовой и г. Иванова-

Козельскаго. Сезонъ открывается въ послѣднихъ числахъ сентября.

Для **Керчи** сформировано г. Никулинымъ товарищество, состоящее изъ гг. Яблочкиной, Пушкиной-Вучетичъ, Журина, Тамары, Соколова, Благина и др.

Объ антрепризѣ И. Н. Ладыженскаго въ **Твери** читатели найдутъ свѣдѣнія въ письмѣ нашего корреспондента.

Театръ въ **Минскѣ** сданъ г. Картавовымъ г. Воронину, который предполагаетъ составить драматическо-опереточную труппу.

Въ **Витебскѣ** организаторомъ театральнаго дѣла является г. Волховской. Въ прошломъ году театръ пустовалъ, сборы бывали весьма незначительные. Но эти обстоятельства, по мнѣнію „Вилен. Вѣсти.“, надо приписать не холодности витеблянъ къ драматическому искусству, а исключительно плохому составу труппы.

Въ **Самарѣ** будетъ подвизаться труппа антрепренера г. Крамского подъ режиссерствомъ г. Стрѣльскаго. Въ составъ труппы вошли: г-жи Алексѣева, Дагмарова, Тугаринова, Грацова, Кузьмина, Марина, Сергѣева, Эльмина; гг. Стрѣльскій, Незлобинъ, Мурскій, Дубенскій, Ѳедоровъ, Тугариновъ, Печоринъ, Васильевъ, Ромашковъ и Холмскій. Сезонъ предположено было открыть 15 сентября. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ предположено давать спектакли по цѣнѣ отъ 20 к. (кресла), до 1 р. 25 к. (ложи) для дѣтей и учащихся. Кромѣ того, администраціею театра будетъ выдано на всѣ спектакли безплатно 225 билетовъ въ распоряженіе учебнаго начальства для раздачи учащимся. Свѣдѣнія эти мы сообщаемъ по „театральному объявленію“, присланному въ редакцію. „Самарская газета“ по прежнему хранитъ упорное молчаніе о театрѣ. Мы уже отмѣчали такое нежелательное въ интересахъ театра замалчиваніе, еще въ прошломъ году, и снова повторяемъ, что любопытно было бы узнать разъясненіе этого страннаго отношенія мѣстной печати къ такому важному явленію общественной жизни, какъ театръ.

Въ **Томскѣ** сезонъ открытъ труппою г. Крылова 1 сентября драмою Островскаго „Безъ вины виноватые“. О положеніи театральнаго дѣла вообще въ Сибири сообщаетъ любопытныя данныя „Сибир. Вѣстникъ“. Въ важнѣйшихъ сибирскихъ городахъ—Томскѣ и Иркутскѣ—играютъ ежегодно сезонныя труппы и имѣются вполнѣ удовлетворительныя зданія театровъ; почти во всѣхъ сибирскихъ городахъ, не исключая Томска и Иркутска, подвизаются или общества любителей драматическаго искусства, или частные кружки. Театры, хотя и небольшіе деревянные, существуютъ въ Красноярскѣ и Барнаулѣ; изъ такихъ глухихъ и далекихъ городовъ, какъ Якутскъ, Кирепскъ—вѣсти о любительскихъ спектакляхъ доносятся нерѣдко; отъ городовъ не отстаютъ даже и села; (Зыряновское, Салаирское и др.). Нельзя игнорировать и отрицательныхъ сторонъ театральнаго дѣла въ Сибири. Постоянныя труппы въ Иркутскѣ и Томскѣ едва существуютъ; театры бываютъ полны въ исключительныхъ случаяхъ; обычные сборы не превышаютъ 150—200 руб.; нерѣдко зрителей насчитывается 20—40 человѣкъ. Въ ряду послѣднихъ шести сезоновъ въ томскомъ театрѣ только одинъ былъ конченъ безъ дефицита, и то благодаря новизнѣ оперетки. Обычно же, антрепренеры терпѣли неудачи, несмотря ни на хорошія труппы, ни на серьезный репертуаръ. Масса съ бо́льшими симпатіями относится къ цирку, каруселямъ, трактирамъ. Въ настоящее время театръ въ Томскѣ имѣетъ небольшой контингентъ зрителей въ 200—300 человѣкъ, но контингентъ постоянный, мало измѣняющійся. Эти 200—300 человѣкъ, можно сказать, и выносятъ театръ исключительно на себѣ. Газета констатируетъ и нѣкоторые отрадные факты. Представленія съ трескучими эффектами, мелодрамы съ разными ужасами почти утратили свое обаяніе на публику, широко-вѣщательныя афиши-простыни, разукрашенныя всѣми цвѣтами радуги, выходятъ изъ употребленія. Публика научилась вести себя въ театрѣ надлежащимъ образомъ. Театральные кружки сплочиваютъ единичныхъ личностей и служатъ практикой общественной инициативѣ, преслѣдующей филантропическія цѣли, давая не мало и дѣлу народнаго образованія, и дѣлу благотворительности.

Что касается до любительскихъ кружковъ и обществъ въ другихъ городахъ, то они еще не открывали своей дѣятельности. Къ числу любительскихъ обществъ, взявшихся за антрепризу, прибавилось въ **Житомірѣ** мѣстное Русское Драматическое Общество. Оно сформировало для житомірскаго городскаго театра труппу и предполагаетъ давать драмы, комедіи и водевили какъ современнаго, такъ и историческаго репертуара. Обществомъ приглашены въ труппу слѣдующіе артисты: г-жи Андреева-Любавина (gr. dame), Панова (ing. dram.), Виноградова (ком. стар.), Нелюбова (драм. старуха), Арцыбашева (водев.), Милославская (gr.-coquet.); гг. Лавровскій (герой и драм. любовникъ), Томскій (драм. резонеръ), Брагинъ (ком. и режиссеръ), Сквозниковъ (простакъ), Пилони (ком. резон.) и др. Судя по театральному объявленію, Общество, открывшее сезонъ 15 сентября „Каширскою стариной“, поставило себѣ первою задачею въ возможной степени улучшить и поддержать дѣло театра въ Житомірѣ.

Вообще говоря, дѣйствительно, только такое коллегіальное и притомъ лишенное личныхъ корыстныхъ цѣлей веденіе театральнаго дѣла можетъ быть признано въ принципѣ наилучшимъ. На антрепренеровъ слышатся жалобы чуть не съ самаго основанія театровъ; товарищества, которыя должны бы высоко ставить общіе интересы и задачи театра, тоже далеко не всегда удовлетворяютъ своему прекрасному, по идеѣ, назначенію. Довѣріе, которое возбудила среди провинціальныхъ сценическихъ дѣятелей организація товариществъ, теперь постепенно смѣняется сомнѣніемъ въ безкорыстіи лицъ, ведущихъ товарищескія дѣла и переводящихъ иногда ихъ въ обыкновенную антрепризу, замаскированную фирмою товарищества. Интересную страничку изъ наблюденій надъ провинціальными театральнымъ дѣятелями представляетъ письмо актера г. Розена, появившееся въ „Орл. Вѣсти.“. Авторъ письма прежде всего отказывается отъ приписанной ему чести снятія орловскаго театра. „Театровъ,—говоритъ онъ,—никогда и нигдѣ я не снималъ и снимать не буду. Браться за антрепризу, не имѣя полной гарантіи на существованіе 40—50 лицъ въ теченіе полугода, по меньшей мѣрѣ, нечестно. Стать же во главѣ товарищества—по моей 20-ти лѣтней опытности—еще хуже. Антрепренеръ рискуетъ хоть первоначальными задатками, высылкой дорожныхъ, судомъ, описью кассы; наконецъ, хотя только за первый мѣсяцъ, но кое-какъ заплатитъ. „Глава товарищества“ не рискуетъ ничѣмъ... Голодать съ своей труппой, т.-е. быть вполнѣ „главой товарищества“, не у всякаго хватитъ силы и воли. Поступать же такъ, какъ поступаютъ почти и всѣ и вездѣ, т. е., напримѣръ, самому держать лошадей, между тѣмъ, какъ первая актриса труппы получаетъ въ 2½ мѣсяца на марки 1 р. 50 коп.—не очень благовидно. Я очень хорошо помню одного изъ „товарищей“, который бралъ себѣ 10 процентовъ валового сбора за хлопоты по снятію

театра, жалованье и прочія доходныя статьи театра, задавалъ ужины, а въ это время одинъ изъ главныхъ его актеровъ, 55-лѣтній старикъ, получилъ за 2 мѣсяца 18 рублей и его 8-лѣтній сынъ ходилъ по ложамъ и просилъ у публики денегъ на хлѣбъ себѣ, отцу и маленькимъ двумъ братьямъ. Знаю и то, что въ послѣдній лѣтній сезонъ, въ двухъ извѣстныхъ городахъ, актеры заработали по 60 коп. за мѣсяцъ; одинъ актеръ, честный и трезвый труженикъ, пришелъ пѣшкомъ въ Оредъ за 300 верстъ, а у его „распорядителя“ оказалось около 100 пудовъ багажа, нѣсколько тысячъ денегъ и спятый театръ въ одномъ изъ столичныхъ городовъ“.

Факты, подобные приводимымъ въ письмѣ, очень печальны и слышатся часто, но жаль что на нихъ только указываютъ и не ищутъ никакого избавленія отъ разъѣдающихъ театральное дѣло язвъ тѣ же самые сценическіе дѣятели, которымъ приходится испытывать на себѣ грубую эксплоатацію. Въ концѣ концовъ жаловаться приходится имъ только на самихъ себя, на свой низкій, умственно-нравственный уровень развитія, на свою неумѣлость противостать ловкимъ аферистамъ. Будемъ по крайней мѣрѣ надѣяться, что русскій актеръ, хотя путемъ тяжелыхъ испытаній, но выбьется, наконецъ, на самостоятельный путь, гдѣ онъ будетъ не безличнымъ орудіемъ для корыстныхъ цѣлей спекулянтовъ, а дѣйствительно честнымъ и разумнымъ служителемъ свободнаго искусства.

—

Баку. *(Отъ нашего корреспондента).* Съ 1-го октября открылся сезонъ въ Тагіевскомъ театрѣ, въ которомъ будетъ подвизаться русская опереточная труппа подъ управленіемъ г. Лассаля. Составъ труппы слѣдующій: г-жи Станиславская-Дюранъ, Поммэ, Люценко (артистка московскихъ Императорскихъ театровъ), Славская, Тенишева, Смирнова, Пальмская, Баранова и гг. Завадскій, Вальеро, Коррезъ, Сосновскій, Бѣльскій, Грѣховъ, Охотинъ, Смирновъ и др. Труппа, какъ видно изъ приведеннаго списка, для Баку очень сильна и если прибавить, что предполагаются гастроли г-жъ Монбазонъ, Лассаль, Энглундъ, Бѣльской и др., то можно заранѣе предсказать дѣлу вѣрный успѣхъ. Въ **Батумѣ** театръ пустуетъ за отказомъ отъ антрепризы г. Томскаго.

—

Екатеринославль. *(Отъ нашего корреспондента).* Харьковское товарищество драматическихъ артистовъ съ 29 сентября сняло на зимній сезонъ помѣщеніе цирка въ Екатеринославлѣ и предполагаетъ тамъ давать спектакли, отдѣляя своихъ товарищей, свободныхъ въ репертуарѣ харьковскаго театра. Весь бюджетъ екатеринославскаго театра не превышаетъ 4000 рублей въ мѣсяцъ, не считая, конечно, работы артистовъ-сосіетеровъ. Плата за театръ съ электрическимъ освѣщеніемъ 15% съ валового сбора. На ноябрь и половину декабря екатеринославскій театръ предполагается сдать какой-нибудь гастролирующей труппѣ. Для открытія сезона въ Екатеринославлѣ ставится „Ревизоръ“, въ которомъ выступаютъ г-жа Велизарій въ роли Машеньки, гг. Петипа въ роли Хлестакова и Ильковъ въ роли Городничаго.

—

Елецъ. *(Отъ нашего корреспондента).* 26 сентября послѣдуетъ открытіе театральныхъ представленій въ елецкомъ городскомъ театрѣ, снятымъ на сезонъ 1891—92 года товариществомъ артистовъ подъ управленіемъ К. В. Бравича. Составъ труппы: Г-жи Весеньева (grande coquette и драматическая), Вольская (ingenue и водевильная), Карина (ingenue, драматическая и комическая), Сахарова (grande dame), Маріинская (1-я комическая старуха) Ольгина (2-я комическая старуха), Корчагина (2-я ingenue), Славская и Петрова (вторыя роли). Гг. Бровичъ (любовникъ-герой и характерныя роли, онъ-же режиссеръ), Ягелловъ (драматическій резонеръ и характерныя роли), Копыловъ (простакъ), Баскаковъ (комикъ), Маржецкій (любовникъ и фатъ), Ивановъ (резонеръ), Вишневскій (комикъ-резонеръ), Сарматовъ (любовникъ), Малиновскій (2-й комикъ), Николинъ (2-й простакъ), суфлеръ Куликовъ. Репертуаръ—пьесы современныя, идущія на Императорскихъ сценахъ, водевили съ пѣніемъ, небольшія оперетки и малорусскія піесы.

—

Житомиръ. *(Отъ нашего корреспондента).* Лѣтомъ у насъ постоянной труппы не было. Пріѣхало-было сюда въ началѣ лѣта опереточное товарищество г. Лядова, но, вслѣдствіе охлажденія житомірской публики къ опереткѣ, товарищество не имѣло успѣха; а затѣмъ въ теченіе лѣта подвизались на садовыхъ сценахъ безъ всякаго успѣха разныя случайно заѣхавшія русскія и малороссійскія товарищества. Среди такого лѣтняго застоя театральныхъ дѣлъ наше недавно ожившее Драматическое Общество любителей проявляло въ теченіе лѣта особенно-усиленную дѣятельность. Спектаклей было 6; поставлены были слѣдующія пьесы: „Перекати-Поле“ П. П. Гнѣдича, „На паяхъ“, „Дармоѣдка“ И. А. Салова, „Папеньки-чудаки“ и „Черезъ край“, г. Тихонова. Житомірское драматическое Общество, существующее около 10 лѣтъ, послѣднія пять лѣтъ проявляло очень незначительную дѣятельность. Съ прошлаго года Общество стало дѣйствовать энергичнѣе. За исключеніемъ предсѣдателя и 2-3-хъ членовъ изъ первоначальнаго состава Общества—весь нынѣшній его составъ новый. Между вступившими въ Общество членами есть два опытныхъ сценическихъ дѣятеля: драматическая артистка Е. А. Краевская и бывшій актеръ В. Ѳ. Михалевичъ (директоръ-режиссеръ Общества). Кромѣ этихъ двухъ и нѣсколькихъ другихъ членовъ—почти всѣ остальные члены Общества—новички на сценѣ. Изъ общихъ слабыхъ мѣстъ постановки у насъ любительскихъ спектаклей слѣдуетъ обратить вниманіе на плохое разучиваніе ролей, на слабыя срепетовки пьесъ и на стѣсненность, робость въ движеніяхъ исполнителей на сценѣ. Но въ особенности слѣдовало бы Обществу удѣлить побольше серьезнаго вниманія на репертуарную часть. По уставу, „Общество имѣетъ цѣлью:... 2) Содѣйствовать всѣми зависящими отъ него средствами развитію драматическихъ талантовъ и 3) Распространить любовь къ драматическому искусству и развивать пониманіе его“. А вѣдь безсодержательнымъ репертуаромъ, вродѣ: „На паяхъ“, „Папеньки-Чудаки“, „Черезъ край“ развѣ можно *развивать пониманіе драматическаго искусства* или же подобными пустыми комедійками и водевилями *содѣйствовать развитію драматическихъ талантовъ*.

У насъ театръ—городской и субсидируемый правительствомъ (3.000 руб. ежегодно)—въ цѣляхъ „русскаго дѣла“ въ здѣшнемъ краѣ. Въ видахъ этой общей цѣли, а равно и своей по уставу—„распространять любовь къ драматическому искусству и развивать пониманіе его“—наше драматическое Общество любителей взяло отъ города театръ въ свое вѣдѣніе (сначала въ видахъ опыта—на годъ],—постановивъ изгнать изъ театра оперетку, которая ужъ никакъ не можетъ споспѣшествовать ни „русскому дѣлу“, ни цѣлямъ искусства, и будетъ давать публикѣ драму и комедію.

Въ выпущенномъ Обществомъ анонсѣ говорится: „Ж. Р. Драм. Общество, взявъ городской театръ, поставило себѣ первой задачей въ возможной степени улучшить и поддержать дѣло театра у насъ, въ Житомірѣ, въ виду чего съ нѣкоторымъ матеріальнымъ рискомъ допущенъ расходъ по составленію труппы, произведены значительныя затраты, какъ на ремонтъ имѣющихся декорацій, такъ и на постройку новыхъ; независимо отъ того сдѣланы совершенно новые костюмы по парижскимъ рисункамъ".

Пожелаемъ, чтобы наша публика отнеслась сочувственно къ предпріятію Драматическаго Общества и поддержало Общество въ его начинаніяхъ.

—

Казань. Сообщаемъ цифровыя данныя о положеніи оперы въ Казани за прошедшій сезонъ 90—91 года. Изъ 23 оперъ, данныхъ въ сезонѣ, оперъ русскихъ композиторовъ поставлено 7, иностранныхъ 16. Изъ 132 спектаклей на долю русскихъ композиторовъ пришлось 43 спектакля, на долю иностранныхъ 89. Оперы г. Чайковскаго—„Евгеній Онѣгинъ" и „Мазепа" составили 16 спектаклей. Оперы Верди — „Трубадуръ", „Риголетто", „Травіата", „Отелло" и „Балъ-маскарадъ" — 27. „Жизнь за Царя" прошла 6 разъ, „Русалка" 9, „Демонъ"—10. Изъ „Руслана" данъ только III актъ.

—

Кіевъ. *(Отъ нашего корреспондента).* 1-го сентября открылся сезонъ „Ревизоромъ". Съ 1-го по 17-ое сентября были поставлены слѣдующія пьесы: „Ревизоръ" и „Нина" по два раза, „Надо разводиться", „Перемелется, мука будетъ", „Лѣсъ", Клубъ холостяковъ", „Доходное мѣсто", „Тяжелые дни", „Наслѣдство Тупинеля", „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ", „Любовь и предразсудокъ", „Меблированныя комнаты Королева", „Нищіе духомъ", „Ни минуты покоя" и „Маскарадъ", водевили: „Школьная пара"—два раза, „Ночное", „На пескахъ", „Она его ждетъ", „Медвѣдь"—по разу. Дѣла товарищества пока хороши. Выдающимися спектаклями по значенію были первый утренній спектакль „Ревизоръ" и спектакль въ память Лермонтова—„Маскарадъ", а въ заключеніе апофеозъ при участіи всей труппы. Какъ въ первомъ, исполняя Хлестакова, такъ и въ послѣднемъ спектаклѣ, исполняя Арбенина, выдающимся успѣхомъ пользовался г. Самойловъ-Мичуринъ. Изъ исполнительницъ наибольшимъ успѣхомъ пользуется г-жа Анненская. Вообще труппа хороша, пьесы проходятъ съ ансамблемъ. Введенъ абонементъ съ уступкою 25%. Товарищество обѣщало по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ давать утренніе спектакли для учащейся молодежи по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ, при чемъ ставить пьесы классическаго репертуара, а по средамъ еженедѣльно общедоступные спектакли. Всѣ эти нововведенія публика встрѣтила очень сочувственно и выразила па дѣлѣ свою признательность.

—

Кострома. *(Отъ нашего корреспондента).* Въ этомъ году наступающій сезонъ обѣщаетъ быть очень бѣднымъ: городской театръ не снятъ антрепризой и тамъ вселяется любительскій кружокъ съ очень и очень слабыми силами. Обывателямъ Костромы придется зимою или скучать по своимъ угламъ, или-же дремать въ театрѣ, глядя па любителей. Если театральные дѣла за прошлые 2—3 года шли у насъ не совсѣмъ успѣшно, то въ этомъ виновата совсѣмъ не публика, а во 1-хъ наша городская дума, взимавшая слишкомъ большую плату съ антрепренеровъ, во 2-хъ неопытность лицъ, ведшихъ дѣло; такъ, наприм., въ прошлый сезонъ было много исполнителей на одно и то-же амплуа, другіе-же амплуа замѣщались артистами совсѣмъ неподходящими; особенно страдалъ въ этомъ отношеніи женскій персоналъ. Третьей и немаловажной причиной можно назвать тѣхъ-же любителей, которые ставили на театральной сценѣ свои спектакли въ перемежку съ артистами, нерѣдко за день, за два до бенефиса, и несомнѣнно отбивали этимъ публику у актеровъ, такъ какъ въ провинціи многіе идутъ на любительскіе спектакли по знакомству, другіе, какъ меценаты, чтобы поддержать благотворительную цѣль, которая ставится примапкой подобныхъ спектаклей. Разумѣется, Кострома городъ не настолько богатый, чтобы поддержать и тѣхъ и другихъ; вышло раздвоеніе, борьба партій: въ товариществѣ артистовъ появились педочеты, и нужда, многіе уѣхали до конца сезона, а инымъ и выбраться было не съ чѣмъ, хоть обращайся къ общественной благотворительности.

—

Новороссійскъ. *(Отъ нашего корреспондента).* Лѣтній сезонъ въ Новороссійскѣ закончился довольно плачевно, хотя игравшая здѣсь драматическая труппа была вполнѣ прилична, пьесы шли хорошо, обстановка на сценѣ хорошая. Объясняютъ это вообще застоемъ въ дѣлахъ; но если принять во вниманіе, что въ театральномъ буфетѣ съ трудомъ можно было найти мѣсто и что картежная эпидемія страшно здѣсь свирѣпствуетъ, то приходится придти къ грустному выводу, что въ Новороссійскѣ просто нѣтъ потребности въ театрѣ.

Изъ артистовъ труппы пользовались успѣхомъ г-жи Вольская, Колосова, Грюнвальдтъ и Косицкая, гг. Вознесенскій, Томскій, Аркадинъ и Самаринъ.

—

Новочеркасскъ *(Отъ нашего корреспондента).* Театральный сезонъ 1891—92 года открытъ въ Новочеркасскѣ оперетками: „Бокаччіо" и „Цыганскій Баронъ", которыя прошли съ полнымъ успѣхомъ. Предполагалось поступить иначе; но внезапная болѣзнь двухъ первыхъ актрисъ — г-жи Мазуровской и Синельниковой заставила отложить назначенныя на первые два спектакля пьесы — „Дармоѣдку" и „Даму съ камеліями". Составъ новой труппы, состоящей подъ управленіемъ г. Синельникова и имѣющей оперировать здѣсь на товарищескихъ началахъ, слѣдующій: Г-жи Мазуровская—драматическія роли, Муратова—первая пѣвица ком. оперы, Синельникова—драм. ingenue, Сѣрова—лирич. партіи въ ком. операхъ, Медвѣдева — ком. ingenue и вод. роли, Кирилова — роли старухъ. Никитина—грандъ-дамъ, Александрова—вторая старуха, Ротенбергъ, Пилецкая, Шмакова—вторыя роли и гг. Рощинъ-Инсаровъ—драм. любовникъ, Бастуновъ—др. герой и первый баритонъ, Степановъ—комикъ, Зайцевъ—первый теноръ, Синельниковъ—простакъ, Михайловъ—характерныя роли и резоперъ, Медвѣдевъ—характерныя комическія роли, Ростовцевъ—молодыхъ людей, Зубовъ, Антоновъ, Новополинъ, Фроловъ—вторыя роли. Хоръ состоитъ изъ 25 человѣкъ. Режиссеръ Синельниковъ.

—

Одесса. *(Отъ нашего корреспондента).* Неудача, постигшая антрепризу гг. Сѣтова и Ящука, культивировавшихъ въ Одессѣ надоѣвшую всѣмъ итальянскую оперу, не научила, повидимому, ничему гг. антрепренеровъ „Русскаго театра", снова водворившихъ у насъ, съ перваго сентября, итальянскую оперу, съ ея заѣзженнымъ репертуаромъ. Представленія ея происходятъ не каждый день, и, повидимому, вскорѣ должны прекратиться, въ виду равнодушнаго отношенія къ пей публики. Поста-

новка оперъ отличается крайнею небрежностью—хоры и оркестръ годны развѣ только для оперетки. Поставлены были: Лючія, Эрнани, Фаворитка, Риголетто, Фаустъ. Составъ артистовъ слѣдующій: г-жи Литвинова, Россини, Дрогъ, Бріата Маасъ; гг. Пикалуга, Уголини, Сальмазн, Сивори, Прокаччи.

Одесситы возлагаютъ большія надежды на антрепризу г. Грекова, намѣревающагося держать съ начала января русскую оперу. Оперы Глинки, Чайковскаго, Сѣрова, Римскаго-Корсакова, Мусоргскаго, Кюи—поставленныя на сценѣ, будутъ имѣть интересъ совершенной новизны, такъ какъ одесситы съ ними почти совершенно не знакомы. Если общее желаніе публики будетъ удовлетворено и г. Грековъ водворитъ наконецъ столь долго ожидаемую здѣсь русскую оперу—то онъ можетъ быть увѣренъ въ сильной поддержкѣ этого русскаго дѣла и въ искренней благодарности людей любящихъ родное искусство.

Трудно объяснить столь постоянное и упорное игнорированіе антрепренерами здѣшнихъ театровъ образцовъ русскаго творчества, достигшихъ въ настоящее время столь высокой степени совершенства. Да и вообще нельзя не высказать нѣкотораго удивленія по поводу культивированія иностранныхъ произведеній на окраинахъ Россіи. Казалось бы, что здѣсь то, среди разнороднаго населенія, куда часто пріѣзжаютъ иностранцы—тутъ то бы и служить русскому искусству. Казалось бы, что pium desiderium всѣхъ русскихъ заключалось бы въ мирномъ завоеваніи при посредствѣ искусствъ симпатій инородцевъ и наступленіе дня, когда всѣ русскіе подданные, вмѣстѣ съ остальной Русью, будутъ говорить: *нашъ* Пушкинъ, *нашъ* Толстой, *нашъ* Глинка!

Въ составѣ преподавателей музыкальнаго училища Од. Отд. Имп. Муз. Общ. произошли нѣкоторыя перемѣны; на мѣсто удалившагося преподавателя віолончельной игры А. Ѳ. Вербова, приглашенъ г. Алоизъ. Также въ качествѣ учительницы пѣнія приглашена г-жа Сантагано-Горчакова.

Въ виду дифицита въ 4000 за прошлый сезонъ, дирекція Муз. Общества сочла нужнымъ удалить 30 учениковъ, обучавшихся безплатно. Въ настоящемъ году къ прежнимъ 152 ученикамъ прибавилось вновь поступившихъ 25 человѣкъ. Число учениковъ прибавляется, число же членовъ Муз. Общества значительно падаетъ, такъ съ числа 125 членовъ (1886—87 г.) оно въ настоящемъ году упало до 50. Дѣятельность Муз. Общества отличается крайней вялостью и отсутствіемъ энергіи. Боязнь расходовъ и убытка заставляетъ дирекцію Общества отказываться отъ мысли устройства симфоническихъ концертовъ—такъ напр. въ прошломъ году не было *ни одного* симфоническаго вечера. Будутъ ли они въ настоящемъ году—то вѣдаютъ лишь экономные директора! Общество тружениковъ музыкальнаго дѣла рѣшило давать въ настоящемъ году оркестровые концерты, для чего пригласило дирижеромъ г. Р. Гельма, соединившаго свой оркестръ любителей съ оркестромъ Общества. Состоявшійся 25 апрѣля 1891 г. первый публичный ученическій вечеръ музыкальнаго училища Од. Отд. Муз. Об. съ участіемъ впервые образовавшаго ученическаго оркестра, заставляетъ надѣется, что эти вечера будутъ происходить и впредь, доставляя, кромѣ практики, столь полезной ученикамъ, также и удовольствіе слушателямъ.

—

Орелъ. *(Отъ нашего корреспондента).* Наконецъ театръ нашъ дождался, кажется, лучшихъ временъ. Капитально ремонтированный и отдѣланный къ настоящему сезону городской управой, онъ, навѣрное, привлечетъ вновь нашу, почти уже совершенно отвыкшую отъ театра, публику, и составомъ труппы. Объявленный на зимній сезонъ персоналъ товарищества подъ управленіемъ Н. С. Вехтера даетъ орловцамъ нѣкоторое основаніе надѣяться на порядочное исполненіе.. Репертуаръ труппы—драматическія пьесы современныхъ и классическихъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Для открытія сезона объявленъ „Старый баринъ“ Пальма, съ премьеромъ труппы г. Вехтеромъ въ заглавной роли. Нельзя отъ души не пожелать оживленія нашему театру, который едва было не дошелъ до полнаго упадка. А вѣдь орловская сцена дала Россіи г-жъ Стрепетову и Савину и живо помнитъ такія времена, какъ антреприза г. Медвѣдева, настоящаго режиссера петербургскаго Императорскаго театра.

—

Оренбургъ. *(Отъ нашего корреспондента).* Театральное объявленіе г. Новикова увѣдомляетъ, что имъ организовано товарищество, въ составъ котораго входятъ: г-жи Гофманъ-Малевская, Немирова-Ламанова, Мазылевская, Понятовская, Донская, Отрадина, Чарова, Островская, Болдырева, Михайлова и Любимка; гг. Малевскій (онъ-же режиссеръ), Яковлевъ, Лидинъ, Вронскій, Немировъ, Болдыревъ, Ростовъ, Глумовъ, Козловъ-Каменскій, Донской, Прибытковъ, Маловъ. Объявленный составъ труппы совсѣмъ не радуетъ публику. Здѣсь мы видимъ всего на-всего только пять новыхъ лицъ, остальныя—давно знакомы и притомъ именно тѣ, которыхъ публика менѣе всего желала-бы видѣть. Изъ женскаго персонала мы рады встрѣтить г-жу Гофманъ-Малевскую, нашу старую знакомую, и затѣмъ симпатичную г-жу Донскую.

—

Рига. *(Отъ нашего корреспондента).* Продолжаю свое музыкальное обозрѣніе, прерванное на апрѣльской книжкѣ „Артиста“. — Въ апрѣлѣ, 3 и 5 числа, концертировала въ Ригѣ Алиса Барби, заинтересовавшая рижанъ своимъ оригинальнымъ репертуаромъ—романсами полузабытыхъ знаменитостей 17 и 18 вѣка, Джомелли, Паэзіелло и др.; изящная колоратура артистки очень идетъ къ той „галантной“ манерѣ, въ которой написаны всѣ эти вещицы. 4 и 9 апрѣля далъ концертъ извѣстный чешскій скрипачъ, Францъ Ондричекъ, съ прекраснымъ тономъ, твердостью интонаціи и образцовой виртуозностью, но темпераментомъ слишкомъ необыграннымъ; кое-что удалось ему въ совершенствѣ, напр. „Венгерскіе танцы“ Брамса, „Польскій № 4“ Венявскаго, „Пляска вѣдьмъ“ Паганини. 19 апрѣля послѣдовало одно изъ „событій“ сезона: въ лютеранскомъ соборѣ, славящемся своимъ органомъ, была исполнена Messa solennis Бетховена. Дирижировалъ органистъ г. Бергнеръ; оркестръ, по сравненію съ колоссальнымъ органомъ, звучалъ слабовато; хоры были сильны и хороши, квартетъ пѣли мѣстные оперные солисты. Messa прошла гладко, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ, напр. въ Benedictus, даже художественно; въ виду техническихъ трудностей этой мессы серетовка ея представляетъ своего рода подвигъ.—23 и 26 апрѣля концертировалъ со своимъ оркестромъ г. Лаубе; новинками для рижанъ были: увертюра Рубинштейна „Антоній и Клеопатра“, и сюита Грига „Пиръ Гинтъ“. Музыка къ драмѣ Ибсена безпритязательна, въ норвежскомъ народномъ духѣ, своими минорами напоминаетъ немного нашего Чайковскаго.—29 апрѣля простилась со сценой мѣстное оперное знаменіе г-жа Лоринзеръ, превосходная Аннхенъ въ „Фрейшютцѣ“, Дженни въ „Бѣлой дамѣ“ и миссисъ Флуть въ „Виндзорскихъ кумушкахъ“ Николаи, очень

способная артистка, никогда не впадавшая ни въ музыкальный, ни въ сценическій шаржъ.

Въ маѣ уже было меньше музыки и по количеству и по качеству. На мѣсто г-жи Лоринзеръ въ „Фрейшютцѣ", „Фиделіо" и „Царѣ и плотникѣ" Лорцинга дебютировали какія-то неудачницы. 1-го мая дала концертъ г-жа Бенъ-Радеке, симпатичное, но довольно ординарное контральто, выступившая 9 мая на сценѣ въ „Карменъ" и изобразившая вмѣсто драматическаго типа нѣчто оперетточное. 25 мая шла „Свадьба Фигаро" Моцарта; исполненіе было дружное, но далеко не такое чуткое и воздушное, какого требуетъ музыка оперы,—да и едва ли гдѣ-либо въ настоящее время хорошо поютъ Моцарта. Сезонъ былъ заключенъ 31 мая шедшей въ первый разъ оперою Верди „Балъ-Маскарадъ". Въ операхъ въ послѣдній разъ выступили двѣ лучшія мѣстныя силы: колоратурное сопрано г-жи Абендротъ (пажъ) и баритонъ, ученикъ Віардо Гарсіа, г. Шитте-Гармсенъ (Ренато) Объ уходѣ обоихъ артистовъ публика несомнѣнно пожалѣетъ.

Если мы теперь обратимся къ итогамъ всего музыкальнаго сезона, то найдемъ кое въ чемъ успѣхи въ сравненіи съ предыдущимъ сезономъ. Вновь были разучены или поставлены слѣдующія оперы: „Орфей" Глюка, „Отелло" и „Балъ-Маскарадъ" Верди, „Сильвана" Вебера, „Царь и плотникъ" Лорцинга. Оркестръ за нынѣшній сезонъ г-номъ Лозе дисциплинированъ значительно. О лучшихъ солистахъ мы упомянули; хоры были сносные; постановка въ общемъ очень порядочная. Жаль, что дирекція игнорируетъ совершенно русскую и новую французскую оперу; публикѣ обѣщали „Бенедикта и Беатриче" Берліоза и „Евгенія Онѣгина" Чайковскаго, но дѣло такъ и ограничилось однимъ обѣщаніемъ.—Но несомнѣнно интереснѣе настоящій сезонъ концертами. По иниціативѣ капельмейстера театра, г. Лозе, состоялось шесть симфоническихъ собраній. Теперь очередь только за квартетными собраніями. Мѣстная публика познакомилась впервые съ 3-ей сюитой г. Чайковскаго и 1-мъ концертомъ его же.—Въ особенности повезло въ настоящемъ сезонѣ Бетховену: подъ управленіемъ г. Лозе были исполнены „Героическая" и „Девятая" симфоніи. О мессѣ мы уже упоминали. Напомнимъ также объ исполненіи ораторіи Карисими „Іевфай", подъ управленіемъ г. Шмидта.—Пріѣзжали: гг. Брухъ, Мержвинскій, Рейзенауэръ, Шписъ, Барби, Губай, Ондричекъ, Познанская, Лаубе. Интереснѣйшіе изъ этихъ концертовъ были интереснѣйшіе и по программамъ: концерты Макса Бруха и г-жъ Шписъ и Познанской.

Лѣтомъ Рига продолжала музицировать: въ окрестностяхъ, въ Маіоренгофѣ, въ пивномъ садикѣ Горна разыгрывалъ симфоніи Бетховена оркестръ Шеля. Не ожидая начала сезона, латышскія пѣвческія общества организовали концертъ 25 августа, подъ управленіемъ г. Юрьяна. Латышская народная пѣсня любопытна, какъ помѣсь германской и славянской пѣсни: она легко умѣщается въ рамкахъ западно-европейскаго мажора и минора, но по той роли, какую играетъ въ ней квинта, и по нѣкоторымъ особенностямъ своей гармонической подкладки она приближается къ русской пѣснѣ.

Въ оперномъ составѣ—новое колоратурное сопрано, г-жа Польденъ, и новый баритонъ, г. Марсано. Предполагается къ постановкѣ въ непродолжительномъ времени „Cavalleria Rusticana" Маскапьи. **Дилетантъ.**

—

Самара. *(Отъ нашего корреспондента).* 15-го сентября у насъ открылся сезонъ. Для открытія была поставлена комедія Пальма „Нашъ другъ Неклюжевъ" съ г. Стрѣльскимъ въ главной роли. Въ настоящее время въ Самарѣ не антреприза, а товарищество, отвѣтственнымъ распорядителемъ котораго является г-нъ Крамской. Пока съѣхались еще не всѣ артисты, и не всѣ еще успѣли заявить себя. Пока съ очень выгодной стороны успѣла заявить себя г-жа Тусаринова, исполняющая роли ingenue dramatique и comique. Простота и живость исполненія, теплота и обдуманность—вотъ характерныя черты игры этой артистки. Къ этимъ достоинствамъ слѣдуетъ еще прибавить стройную фигуру, симпатичное лицо и пріятный звучный голосъ. Роли Наташи въ ком. „Нашъ другъ Неклюжевъ" и Нелли въ др. „На жизненномъ пиру" были проведены артисткой съ большимъ чувствомъ и доставили ей успѣхъ. Г-жа Кузьмина показала себя опытной и хорошей grande-dame, г-жа Эльмина хорошая комическая старуха; особенно удачно она сыграла роль няни въ др. „На жизненномъ пиру"; г-жа Марина бойкая водевильная актриса, но ей портитъ южный акцентъ. Изъ актеровъ выдѣлились пока г-нъ Стрѣльскій и г-нъ Незлобинъ, исполняющій сильно драматическія роли молодыхъ людей. Первый обладаетъ безспорнымъ даровавіемъ и опытностью. Г-нъ Незлобинъ въ драматическихъ мѣстахъ производитъ впечатлѣніе, отличается хорошей дикціей, но мимика его еще очень мало развита. Остальные исполнители еще не успѣли зарекомендовать себя; не понравился публикѣ только г-нъ Ѳедоровъ, комикъ сильно впадающій въ шаржъ. Въ утренніе спектакли по удешевленнымъ цѣнамъ для учебныхъ заведеній ставятся пьесы по указанію учебнаго начальства. Пока былъ только одинъ такой спектакль; поставлено было: „Женитьба" Гоголя и „Бѣда отъ нѣжнаго сердца". Исполненіе было удовлетворительное. На утреннихъ воскресныхъ спектакляхъ предполагаютъ поставить пьесы Островскаго, Потѣхина и Гоголя, а также „Орлеанскую Дѣву", „Макбета" и „Донъ-Карлоса".

—

Старая Русса. *(Отъ нашего корреспондента).* Лѣтній театральный сезонъ въ Старой Руссѣ—нельзя причислить къ числу удачныхъ по недостаточному числу пріѣхавшихъ лѣчиться. Несмотря на недурной, въ общемъ, составъ труппы, частью изъ вторыхъ сюжетовъ Александринскаго театра, частью изъ провинціальныхъ и клубныхъ силъ, сезонъ начался крайне вяло и при весьма плохихъ сборахъ. Независимо отъ этого, въ самой труппѣ не замедлилъ вскорѣ обнаружиться расколъ, выразившей уходомъ изъ ея состава—г-жи Пасхаловой, которая изъ-за недоразумѣній съ антрепризой вздумала основать въ Руссѣ, рядомъ съ существующей, другую сцену, на которой далъ былъ лишь одинъ спектакль. Малороссійская труппа г. Конылова тоже не имѣла большаго успѣха и послѣ 5-го спектакля закончила свои представленія. Взамѣнъ ея была приглашена, какъ гастролерша, г-жа Мазуровская, но и это приглашеніе вышло неудачнымъ. Публика, наполнившая театръ въ 1-й спектакль съ ея участіемъ, быстро охладѣла къ гастролершѣ, и уже на 3-й спектакль г-жа Мазуровская играла при пустомъ залѣ и безъ всякаго успѣха. Всѣ эти неудачи сезона, въ концѣ концовъ, завершились крахомъ антрепризы. 8-го августа, на требованіе актерами жалованья, слѣдуемаго имъ съ 21 іюля, г-жа Вреде (по афишѣ г-жа Арди) заявила, что денегъ нѣтъ и что дальнѣйшее продолженіе спектаклей она считаетъ неудобнымъ для себя. Въ виду того, что сезонъ на водахъ кончается только 20 августа, труппа, такимъ образомъ, теряла жалованье за цѣлый мѣсяцъ. Часть труппы уѣхала въ Петербургъ, а оставшіеся рѣши-

ли кое-какъ пробиться до окончанія сезона и чѣмъ-нибудь возмѣстить свои убытки отъ неожиданно разразившагося надъ ними краха. Благодаря содѣйствію любителей и сочувствію публики, три спектакля, данные товариществомъ, дали возможность просуществовать до конца сезона. Въ репертуарѣ преобладала комедія и легкая драма: „Мѣсяцъ въ деревнѣ“, „Озимь“, „Дѣвичій переполохъ“, „Свадьба Кречинскаго“, „Послѣдняя воля“ и т. п. Исполненіе, въ общемъ, довольно стройно, причемъ какъ на выдающихся лицъ можно указать: на г-жъ Пасхалову, Эльмину; гг. Шевченко, Григорьева, Новинскаго и Шаповаленко. Обстановка сцены—азурядна. Декорацій мало и многія истрепаны до невозможности. Необходима капитальная реставрація. На будущій сезонъ, по слухамъ, новый директоръ водъ, г. Тиличевъ, намѣренъ пригласить оперетту, которая, будто-бы, болѣе отвѣчаетъ вкусамъ пріѣзжающей на воды публики.

—

Тверь *(отъ нашего корреспондента)*. Тверская губернія не принадлежитъ къ числу такихъ, гдѣ сценическое искусство сдѣлалось насущною потребностію общества. Между тѣмъ какъ въ иныхъ мѣстахъ театръ является пастолько дорогимъ для общества учрежденіемъ, что на содержаніе его затрачиваются общественныя средства; у насъ, даже въ губернскомъ городѣ на всякую попытку создать театръ смотрятъ совершенно пассивно, чтобы не сказать болѣе. Во всей Тверской губерніи нѣтъ ни одного постояннаго театра. Прежде, впрочемъ, бывали. Первый общественный театръ въ Тверской губерніи открытъ былъ въ городѣ Осташковѣ въ 1805 году. Устройству этого театра способствовали мѣстные богатые граждане, но предназначенъ онъ былъ для людей всѣхъ состояній и званій. Исполнителями были мѣстные граждане, большею частію ремесленники. Какъ ни бѣдна была внѣшняя обстановка этого театра,—онъ успѣлъ настолько развить въ осташковской публикѣ любовь къ сценическому искусству, что когда, въ 1825 году, представленія на этомъ театрѣ временно прекратились—въ 1826 году, по желанію публики, онъ былъ возобновленъ. Новый театръ съ внѣшней стороны устроенъ былъ лучше прежняго; въ немъ была уже постоянная сцена, были постоянныя мѣста для публики. Репертуаръ состоялъ преимущественно изъ комедій Фонъ-Визина и драмъ Коцебу. Цѣны мѣстамъ были отъ 20 до 50 коп. ассигнаціями. Послѣ перерыва между 1830 и 35 годами, общественный театръ въ Осташковѣ опять возстановляется и существуетъ до начала восьмидесятыхъ годовъ. Съ теченіемъ времени онъ постоянно улучшался, въ пятидесятыхъ же годахъ при немъ организовался постоянный и притомъ недурной оркестръ, главный контингентъ котораго состоялъ изъ мѣстныхъ церковныхъ пѣвчихъ, знакомыхъ съ инструментальною музыкой. Пишущему эти строки довелось быть много разъ на представленіяхъ Осташковскаго театра въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ и вынести изъ него самыя отрадныя впечатлѣнія. Игрались, большею частію, лучшія изъ пьесъ, имѣвшихъ успѣхъ на столичныхъ театрахъ, и мнѣ удалось видѣть на Осташковской сценѣ пьесы: „Горе отъ ума“, „Ревизоръ“, „Женитьба“, „Не въ свои сани не садись“, „Бѣдность не порокъ“, „Гроза“, „Горячее сердце“, „Доходное мѣсто“, „Въ чужомъ пиру похмѣлье“, „Мѣщанинъ въ дворянствѣ“, „Мнимый больной“, „Разбойники“, „Карьера“, „Свадьба Кречинскаго“ и многія другія. Давались и водевили съ пѣніемъ подъ аккомпаниментъ оркестра. Вообще можно сказать, что выборъ пьесъ обнаруживалъ въ руководителяхъ театра заботливость о воспитаніи въ обществѣ хорошихъ вкусовъ и добрыхъ общественныхъ стремленій. Что касается исполненія, то оно заслуживало похвалы, особенно въ пьесахъ народныхъ, бытовыхъ. Нѣкоторыя изъ исполнителей и исполнительницъ, никогда не видавшіе столичныхъ театровъ, поражали талантливостью и правдой своей игры. Въ началѣ 80-хъ годовъ зданіе Осташковскаго театра пришло въ ветхость, и не нашлось матеріальныхъ средствъ, чтобы возобновить его. Публика должна была, поневолѣ, довольствоваться любительскими спектаклями. Но, какъ слышно, средства уже имѣются въ виду, и у Осташкова скоро будетъ театръ, такъ долго составлявшій одно изъ любимѣйшихъ его учрежденій. Изъ другихъ городовъ Тверской губерніи постоянный театръ имѣла нѣкоторое время Тверь. Я помню Тверской театръ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ. Сколько помнится, на сценѣ его преобладали трагедіи и мелодрамы. Мнѣ довелось здѣсь видѣть пьесу Кукольника „Рука Всевышняго отечество спасла“, „Парашу Сибирячку“, „Материнское благословеніе“, „Тридцать лѣтъ или жизнь игрока“ и другія вещи того же репертуара. Въ шестидесятыхъ годахъ здѣсь гастролировалъ Ольриджъ; но труппа была уже, вслѣдствіе упадка матеріальныхъ средствъ театра, такъ плоха, что жалко было видѣть великаго трагика, которому, кромѣ исполненія своей роли, наприм. „Шейлока“, приходилось па сценѣ подсказывать неопытной Джезикѣ, что ей говорить и что дѣлать. Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ зданіе тверскаго театра сгорѣло и съ тѣхъ поръ не возобновлялось. Потребность публики въ наслажденіи сценическимъ искусствомъ удовлетворялась частію любительскими спектаклями, частію же являвшимися на короткое время въ Тверь провинціальными труппами, находившими себѣ пріютъ въ какомъ-либо изъ мѣстныхъ клубовъ. Значительнаго матеріальнаго успѣха ни одна изъ этихъ труппъ не имѣла. Съ 1879 года, въ теченіе десяти лѣтъ, на поприщѣ сценическаго искусства поработало существующее еще въ Твери Литературно-музыкальное Общество „Ладо“. Въ тверскомъ обществѣ нашлось не мало любительницъ и любителей, обнаружившихъ недюжинныя сценическія дарованія; пьесы Гоголя, Островскаго, Потѣхина, Шпажинскаго и другихъ русскихъ драматурговъ разучивались и исполнялись тщательно. Но, при всемъ этомъ, Общество разстроилось, чему одною изъ главныхъ причинъ были матеріальныя затрудненія. Тверское общество не нашло возможнымъ обезпечить, изъ его же членовъ состоявшій, драматическій кружокъ помѣщеніемъ на такихъ условіяхъ, чтобы любителямъ не приходилось играть за деньги. Съ осени 1888 г. по настоящій годъ въ Твери давало представленія товарищество драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ г. М. Н. Новикова. Главная сила этой труппы—самъ г. Новиковъ—опытный и искусный комическій актеръ. Во второй половинѣ зимняго сезона 1890—91 г. труппою г. Новикова временно управлялъ И. И. Ладыженскій, пригласившій, для усиленія ея, на гастроли г. Дарскаго. Благодаря г. Дарскому, тверская публика видѣла въ прекрасномъ исполненіи роли Франца Моора, Отелло, Гамлета, Кина. Но предпріятіе, имѣвшее моральный успѣхъ, не возвратило г. Ладыженскому его расходовъ. Тѣмъ не менѣе г. Ладыженскій рѣшился еще разъ поработать въ Твери на поприщѣ сценическаго искусства. Съ 1-го сентября этого года онъ открылъ здѣсь театръ, для котораго пригласилъ молодыхъ артистокъ и артистовъ, большею частію изъ драматической школы Московскаго Филармоническаго Общества. Вмѣстѣ съ труппою, состоящею изъ 20 человѣкъ, пригла-

шенъ оркестръ изъ 16 человѣкъ. До 15 сентября даны были три представленія, и съ успѣхомъ. Очевидно, что предпріятіе разсчитано на хорошіе вкусы, что сцена у этой труппы будетъ доброю нравственною школой для мѣстной публики. Театръ открылся представленіемъ одной изъ лучшихъ пьесъ Островскаго „Безъ вины виноватые". Артистка г-жа Смуглова просто и съ большою теплотой провела роль Отрадиной-Кручининой, а г. Поль нервно и горячо исполнилъ роль Незнамова. Въ пьесѣ князя Сумбатова „Листья шелестятъ", г-жа Хамина очаровала публику энергіей и страстностію своей игры. Сезонъ только-что начался. Поддержитъ ли тверская публика новое, весьма симпатичное артистическое предпріятіе,—трудно сказать; но что театръ И. Н. Ладыженскаго дастъ тверитянамъ рядъ художественныхъ наслажденій, что онъ оживитъ нашу, погрязшую въ мелкихъ личныхъ интересахъ, провинціальную жизнь горячею сценическою проповѣдью правды, любви и человѣчности,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

—

Тифлисъ. *(Отъ нашего корреспондента).* 8-го сентября начались въ казенномъ театрѣ спектакли русской драматической труппы, составленной В. Л. Форкатти по порученію „Артистическаго Общества", состоящаго, какъ извѣстно, антрепренеромъ названнаго театра уже 4-й годъ. Составъ труппы слѣдующій: женскій персоналъ—г-жи Байкалова, Звѣздичъ, Казина, Левина, Менделова, Марлинская, Некрасова, Любичъ, Линденбергъ, Соколъ, Токарева, Тамарина, Карнѣева, Ольгина и друг.; мужской—гг. Аяровъ, Вольскій, Волховской, Громовъ, Горинъ, Григорьевъ, Крамской-Сельскій, Каменевъ, Любовъ, Львовъ, Мячинъ, Михайловъ, Нильскій, Ольгинъ, Смирновъ, Форкатти, Череповъ, Яковлевъ. Спектакли открылись „Женитьбой Бѣлугина", въ которой особенный успѣхъ выпалъ на долю г. Вольскаго—Андрея Бѣлугина и г-жи Некрасовой—Елены. Затѣмъ состоялись дебюты г. Волховского —(„Тайна"), г-жи Токаревой —(„Грѣшница" А. Н. Пальма), г. Любова—(„Соколы и Вороны"), г. Аярова—(„Безъ вины виноватые"), г. Крамского-Сельскаго („Маіорша") (Тереховъ) и друг. Труппа имѣетъ большой успѣхъ у той немногочисленной публики, которая посѣщаетъ театръ; я говорю немногочисленной, потому что драма, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не прививается въ Тифлисѣ; контингентъ ея посѣтителей весьма не великъ. Принимая, однако, во вниманіе то обстоятельство, что въ настоящемъ зимнемъ сезонѣ ничего другаго не предвидится, надо полагать, что въ концѣ концовъ публикѣ нашей придется примириться съ драмой и посѣщать театръ.

—

12-го августа состоялся здѣсь концертъ А. Г. Рубинштейна. Весь сборъ отъ концерта назначается на образованіе фонда для постройки зданія музыкальнаго училища, состоящаго при тифлисскомъ отдѣленіи Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества. Концертнымъ заломъ служилъ здѣшній театръ. Нечего и говорить, что онъ былъ переполненъ: и въ зрительномъ залѣ, и на мѣстѣ оркестра, и на сценѣ, гдѣ были устроены мѣста вокругъ рояля, и за кулисами—все было полно.

—

Харьковъ *(отъ нашего корреспондента).* Зимній сезонъ въ Харьковѣ открылся гораздо раньше обыкновеннаго: въ прежніе годы сезонъ никогда не открывался раньше половины сентября, въ текущемъ-же году двери нашего драматическаго театра открылись 15-го августа. Разсчетъ „товарищества" въ этомъ отношеніи оказался совсѣмъ неудачнымъ: на его бѣду въ августѣ стояла чисто іюльская жара, такъ что публику совсѣмъ не тянуло въ душный зимній театръ и кромѣ того въ это-же время въ лѣтнемъ театрѣ коммерческаго клуба подвизалась очень недурная опереточная труппа подъ режиссерствомъ Н. Н. Синельникова, весьма удачно конкурировавшая съ драматической труппой до 1-го сентября включительно. Конкуренція эти доходили даже иногда до того, что въ то время, когда въ опереткѣ бывали сборы по 400, 500 р. и болѣе, драматическій театръ дѣлалъ невидапные, по своей ничтожности, сборы въ родѣ 30 и 40 рублей. Надо правду сказать, и художественная сторона спектаклей въ драматическомъ театрѣ до нѣкоторой степени хромала, пока труппа не сыгралась и не собралась въ полномъ своемъ составѣ. Съ 30 августа сборы въ драматическомъ театрѣ поднялись сразу на довольно значительную высоту и даже въ будничные дни онъ сталъ привлекать весьма многочисленную публику, въ особенности на болѣе или менѣе выдающіеся спектакли. Но во всякомъ случаѣ первый мѣсяцъ сезона въ матеріальномъ отношеніи не далъ никакихъ особенно утѣшительныхъ результатовъ, какъ по ничтожеству сборовъ, такъ и, главнымъ образомъ, потому, что въ этомъ мѣсяцѣ потребовалось много расходовъ, такъ сказать, на первое обзаведеніе. Ужасный расходъ приходится нести товариществу по арендѣ театра: владѣлецъ этого допотопнаго зданія (въ текущемъ году, впрочемъ, значительно подновленнаго, но исключительно на средства товарищества) г-жа Дюкова, пользуясь своей монополіей, беретъ съ товарищества 14,000 рублей въ годъ арендной платы безъ отопленія и освѣщенія и только съ нѣкоторой, весьма не важной обстановкой, тогда какъ коммерческій клубъ, затративъ на передѣлку своего зала въ оперный театръ около 50,000 рублей, беретъ за несравненно большее и удобное помѣщеніе съ г. Картавова 12,000 рублей. Вообще съ каждымъ годомъ приходится все болѣе и болѣе убѣждаться въ томъ, что Харькову необходимъ новый драматическій театръ. Переходя къ художественной сторонѣ дѣятельности товарищества, то въ первые полтора мѣсяца сезона, мы должны отмѣтить, что товарищество, повидимому, старается придать драматическому искусству нѣкоторое воспитательное значеніе и этому, конечно, нельзя не радоваться. Открывъ сезонъ „Грозою" Островскаго, товарищество, начиная съ 15 августа и кончая 23 сентября, составило свой репертуаръ изъ произведеній Гоголя, („Ревизоръ"), Островскаго („Безъ вины виноватые", „Послѣдняя жертва", и „Доходное мѣсто"), Грибоѣдова („Горе отъ ума"), Бомарше („Свадьба Фигаро"), Мольера („Донъ-Жуанъ" и „Мизантропъ"), Виктора Гюго („Маріонъ-де-Лормъ"), А. Доде („Борьба за существованіе" и „Нума Руместанъ") и др. Всѣ эти спектакли, блещущіе именами первоклассныхъ авторовъ, разыграны и обставлены были, если не безъукоризненно, то во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ прилично для провинціальной сцены, а уже и въ этомъ большая заслуга со стороны товарищества. Труппа товарищества составлена, по нашему мнѣнію, нисколько не слабѣе прошлаго года: выбывшихъ главныхъ прошлогоднихъ персонажей г-жъ Глѣбову, Волгину, Лопухину и Анненскую, г.г. Недѣлина и Соловцова съ большимъ успѣхомъ замѣнили г-жи Свободина-Барышева, Вронская, Велизарій, Петипа, г. Петипа и, до нѣкоторой степени, г. Ильковъ—очень толковый и полезный актеръ, зарекомендовавшій себя довольно недурнымъ исполненіемъ роли городничаго. Къ сожалѣнію, незамѣненнымъ осталось амплуа г. Чужбинова: многія его роли играетъ теперь г.

Шеинъ, въ прошлые сезоны занимавшій амплуа простаковъ. Г. Шеинъ—безусловный талантъ, но актеръ въ будущемъ. Вотъ почему, перейдя на амплуа первыхъ комиковъ, г. Шеинъ, хотяи имѣетъ успѣхъ, но все таки не въ состояніи замѣнить собою въ этихъ роляхъ такого опытнаго актера, какъ г. Чужбиновъ. Г. Шеинъ, впрочемъ, взялся даже за такую трудную роль какъ роль Сганареля въ „Донъ Жуанѣ“, и былъ недуренъ, хотя и не вполнѣ выдержалъ тонъ роли. Амплуа первыхъ любовниковъ въ труппѣ занимаетъ, какъ и въ прошломъ сезонѣ, г. Типскій, но теперь онъ пользуется болѣе значительнымъ успѣхомъ, благодаря тому, что онъ пріобрѣлъ себѣ въ труппѣ болѣе нормальное положеніе: въ прошломъ сезонѣ ему не давали играть его роли г.г. Недѣлинъ и Соловцовъ, бравшіеся за всякія роли, даже не подходящія къ ихъ дарованіямъ. Вполнѣ заслуженный успѣхъ выпалъ на долю г. Тинскаго въ драмѣ Гюго „Маріонъ-де-Лормъ“, гдѣ онъ прекрасно сыгралъ роль Дидье. Вообще драма Гюго разыграна была очень хорошо, чему, кромѣ г. Тинскаго, способствовали также г. Петипа въ роли Северни и отчасти г-жа Вронская, недурно, хотя и не вполнѣ выдержанно, сыгравшая роль Маріонъ. Мы не будемъ распространяться о г-жахъ Свободиной-Барышевой, Вронской и г. Петипа: дарованія ихъ хорошо извѣстны мѣстной публикѣ и успѣхъ ихъ здѣсь вполнѣ обезпеченъ. Безусловно новыми персонажами являются для Харькова г-жи Велизарій и Петипа: первая изъ нихъ сразу завоевала симпатію публики, дебютируя очень удачно въ роли Полины въ „Доходномъ мѣстѣ“; у пея много искренности и простоты; держится она на сценѣ непринужденно и вообще для Товарищества представляетъ весьма цѣнное пріобрѣтеніе; не менѣе цѣннымъ пріобрѣтеніемъ является и г-жа Петипа, очень бойко и не безъ огонька передающія многія болѣе или менѣе легкія роли.

Открытіе оперпаго сезона нѣсколько повліяло на умепьшеніе сборовъ въ драматическомъ театрѣ, вслѣдствіе чего Товарищество намѣрено дѣлать періодическія поѣздки въ сосѣдній Екатеринославъ, гдѣ для этой цѣли уже снятъ театръ. Будетъ, впрочемъ, ѣздить не вся труппа, а только та часть, которая въ данный моментъ не занята въ Харьковѣ.

Оперный сезонъ у насъ открылся 15 сентября въ театрѣ коммерческаго клуба, заново передѣланнымъ изъ танцовальнаго зала. Труппа, составленная г. Картавовымъ, очень недурна и обѣщаетъ дѣлать хорошіе сборы. Въ первую недѣлю даны были „Жизнь за Царя“, „Демонъ“, „Кармепъ“, „Мазепа“ и „Риголетто“. Изъ исполнителей выдѣляются г-жи Смирнова (меццо-сопрано), Лысенко (лирическое сопрано), Давыдова (контральто), г.г. Медвѣдевъ (теноръ), Виноградовъ (баритонъ) и Молчановскій (басъ). Обстановка и костюмы у г. Картавова сдѣланы довольно роскошно и не безъ вкуса. Вообще, постоянная опера, которой Харьковъ лишенъ былъ въ теченіе почти шести послѣднихъ сезоновъ, является въ данное время довольно хорошо обезпеченнымъ предпріятіемъ, тѣмъ болѣе у такого опытнаго антрепренера, какъ г. Картавовъ.

Шадринскъ, Пермской губ. *(Отъ нашего корреспондента.)* На Крестовской-Ивановской ярмаркѣ Шадринскаго уѣзда, Пермской губ., существуетъ больше 16-ти лѣтъ деревянный театръ, собственникомъ котораго состоитъ актеръ г. Бабошъ-Королевъ. Въ ярмарочное время, съ 28 іюля по 22-е августа, ежегодно труппа драматическихъ артистовъ даетъ спектакли подъ управленіемъ собственника театра. Ярмарочный храмъ Мельпомены расположился совѣмъ на лонѣ природы: въ 10-ти сажепяхъ отъ театра идутъ посѣвы хлѣба, направо молодой березовый лѣсъ. Не смотря па бѣдную обстановку Крестовской ярмарки, театръ обширенъ. Въ прежнее время, когда процвѣтала ярмарка, сборы бывали до 850 руб. въ вечеръ, при бенефисныхъ цѣпахъ. Театръ вмѣщаетъ 16 №№ ложъ, 4 литерныхъ, 18 рядовъ мѣстъ, 80 мѣстъ балкопа и галлерею на 200 человѣкъ. Оркестръ состоитъ изъ 10, иногда 12-ти музыкантовъ; труппа изъ 15—16 артистовъ. Репертуаръ изъ комедій и драмъ. Въ послѣдніе три года, по случаю паденія ярмарки, антрепренеръ, пасколько извѣстно, несетъ ежегодные убытки. Земство-же и ярмарочный комитетъ, причисливъ театръ къ промышленному заведенію, продолжаютъ брать налоги.

Труппа изъ Шадринска въ теченіи зимняго сезона предполагаетъ проѣхать въ Тюмень, гдѣ дастъ 15 спектаклей, а оттуда сдѣлаетъ передвиженіе въ Златоустъ, въ которомъ и закончитъ сезонъ.

Славянскія художественныя извѣстія.

Польская драматическая сцена можетъ причислить 1890 г. къ однимъ изъ самыхъ неудачныхъ. Въ самомъ началѣ года смерть похитила славу и гордость польской сцены, Ал. Жулковскаго. Мѣсто несравненнаго артиста не занято, и едвали когда будетъ занято. Вмѣстѣ со смертью Жулковскаго и репертуаръ Варшавскаго драматическаго театра долженъ былъ потерпѣть значительныя измѣненія; многія піесы были мыслимы только при его мастерской игрѣ и поэтому теперь пришлось снять ихъ съ репертуара. Жулковскій имѣлъ какъ свой спеціальный репертуаръ (онъ особенно любилъ выступать въ короткихъ одноактныхъ піесахъ), такъ и свою спеціальную публику. Со смертью любимаго артиста эта, только для него посѣщавшая театръ, публика точно исчезла съ лица земли. Дирекціи пришлось искать новой публики помощью новыхъ средствъ. Эти средства состояли главнымъ образомъ въ большомъ разнообразіи репертуара. Въ теченіе года было разучено и сыграно болѣе тридцати новыхъ піесъ, въ томъ числѣ четырнадцать драмъ и комедій нѣсколько актовыхъ (въ одномъ только театрѣ Rozmaitosci). Въ этомъ числѣ лишь третья часть принадлежитъ къ піесамъ оригинальнымъ, остальныя—переводы съ французскаго, нѣмецкаго, чешскаго (Сарду, Доде, Бело, Дюма, Липдау, Гондине, Клаппа, Врхлицкаго и др.) наибольшимъ успѣхомъ пользовались—«Пріятельница женъ» Любовскаго—20 представленій и «Дѣло Клемансо» Дюма—29 пред.). Русскій репертуаръ игнорируется систематически, между тѣмъ какъ переводы и передѣлки польскихъ комедій весьма нерѣдко появляются на сценахъ русскаго театра и нѣкоторыя (какъ піесы Балуцкаго, особенно его «Денежные тузы») пользуются у насъ значительнымъ успѣхомъ. Это тенденціозное игнорированіе русской драмы вредно отзывается на самой же польской драматической литературѣ. Если въ ней что имѣетъ достоинства, то только комедія и притомъ лишь

комедія нравовъ, смахивающая притомъ очень часто на водевиль. Въ польской комедіи нерѣдко много юмору, живости, смѣха, порою и наблюдательности, хотя и довольно мелкой; внѣшнія черты типовъ схвачены часто удачно, но глубокой и всесторонней разработки типа, анатоміи и психологіи его духа не ждите отъ польской комедіи. Я не знаю въ ней ни одного типа настолько широкаго и общечеловѣческаго, который бы могъ прочной ногой вступить на международную сцену. Черты внѣшнія и мѣстныя преобладаютъ въ типахъ польской комедіи надъ чертами общечеловѣческими, послѣднія тонутъ въ нихъ, и лишенный мѣстной окраски такой типъ бѣденъ, безжизненъ: съ другой стороны, въ драмѣ и высокой комедіи польскіе драматурги рабски идутъ за нѣмецкой и особенно излюбленной ими французской драмой; трескучіе сенсаціонные эффекты, преобладаніе интриги надъ внутреннимъ развитіемъ характера, вотъ основныя черты польской драмы, сколка съ драмы западноевропейской. Русская драма съ ея реализмомъ, такъ поразившемъ напр. чеховъ, съ ея идейностью, могла бы благодѣтельно подѣйствовать на польскую драматическую литературу, вдохнуть въ нее правду жизненную, безъ которой ни одно литературное произведеніе не можетъ разсчитывать на прочный успѣхъ.

Какъ польская драматическая сцена игнорируетъ русскую драму, такъ и польская оперная сцена не признаетъ и не хочетъ знать русской музыки; несмотря на крайнюю бѣдность собственнаго опернаго матерьяла. (Поляки не дали до сихъ поръ, кромѣ Монюшки, ни одного выдающагося опернаго композитора). Польская оперная сцена не хочетъ принимать даже такихъ крупныхъ русскихъ музыкальныхъ произведеній, которыя возбуждаютъ общее удивленіе своей свѣжестью и оригинальностью на западѣ, какъ оперы Глинки, Даргомыжскаго, Сѣрова, Чайковскаго. Изъ русскихъ композиторовъ поляки признаютъ только Чайковскаго (считая его отчасти своимъ по происхожденію) и Рубинштейна, какъ композитора международнаго. Но и произведенія этихъ творцовъ исполняются только въ концертахъ, не проникаютъ на сцену.

А между тѣмъ мы помнимъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ 1887 г.) польское музыкальное Общество въ Львовѣ исполнило въ одномъ изъ своихъ концертовъ геніальную «Камаринскую» Глинки. Успѣхъ этого, столь извѣстнаго у насъ, творенія величайшаго изъ нашихъ музыкальныхъ творцевъ, былъ весьма значительный; по настойчивому требованію публики «Камаринскую» пришлось повторить: мѣстныя польскія газеты помѣстили о ней восторженныя замѣтки, причемъ одинъ критикъ, разбирая ея инструментовку, кончилъ замѣчаніемъ, что одного окончанія «Камаринской» достаточно, чтобы признать Глинку первымъ композиторомъ нашего времени. Этотъ фактъ легко указываетъ, что и отъ поляковъ возможно ожидать безпристрастныхъ отзывовъ о нашихъ эстетическихъ произведеніяхъ. И мы думаемъ поэтому, что пришло уже время, когда полякъ способенъ прослушать и оцѣнить русское выдающееся произведеніе, забывъ о томъ, что его написалъ москаль. Попытки къ сближенію польской литературы съ русской начинаютъ уже появляться, и нѣкоторыя польскія газеты отводятъ уже мѣсто обзору успѣховъ русскаго искусства. Привѣтствуемъ такой поворотъ въ лучшей части польскаго общества и пожелаемъ ему прочности.

—

Послѣднія новинки польской драматической сцены довольно незначительны по содержанію.

Въ піесѣ Севера, «Панъ маршалекъ» («Предводительдворянства»), представленаизбирательная борьба въ Галиціи. Представители разныхъ партій, консервативной (партіи т. н. «Станчиковъ»), центра и либеральной борются здѣсь изъ-за вліятельнаго мѣстечка. Довольно слабая по техникѣ, піеса пользуется нѣкоторымъ успѣхомъ (въ первый разъ была дана въ Краковѣ), благодаря политическимъ намекамъ въ ней разсѣяннымъ.

Успѣхомъ пользовался веселый фарсъ въ 3 дѣйствіяхъ Залѣсскаго: «Ахъ, мужчины, мужчины».

Съ 1888 г. театрально-музыкальный польскій журналъ «Эхо» объявляетъ ежегодно премію за лучшее драматическое произведеніе изъ народной жизни. Всего за три года на конкурсъ было представлено 77 драмъ. Въ 1890 году первой преміи удостоена четырехъ-актная драма Галасѣвича, «Najnowsi», заглавіе, которое авторъ при постановкѣ піесы измѣнилъ на «Ciągachy». Драма Галасѣвича имѣетъ немаловажныя достоинства, содержаніе ея заслуживаетъ тѣмъ болѣе нашего вниманія, что дѣйствіе происходитъ, повидимому, среди русскаго населенія восточной Галиціи.

Авторъ, какъ видно уже изъ заглавія піесы («Изъ новыхъ») старается вывести на сцену новое поколѣніе въ крестьянскомъ сословіи Галиціи, поколѣніе не чуждое цивилизаціи и ея благотворнаго вліянія. Дабы оттѣнить это новое явленіе, авторъ выводитъ, съ одной стороны, два типа новыхъ людей—людей дѣйствительно образованныхъ, изъ привязанности къ родной землѣ и желанія ей послужить отказывающихся отъ болѣе широкой дѣятельности и посвящающихъ себя служенію землякамъ, и въ параллель имъ,—натуры только очень поверхностно затронутыя цивилизаціей, разжегшей лишь ихъ аппетиты. Съ другой стороны, этотъ новый элементъ входитъ въ коллизію съ консервативными элементами, живущими по старинѣ и съ пасмѣшкой или негодованіемъ взирающими на «новыхъ». Изъ коллизіи обоихъ

элементовъ вырастаетъ драма, злымъ духомъ въ ней является указанный средній, т. е. фабричной образованности, элементъ. Однако противоположность новаго и стараго проведена далеко не ярко; новые играютъ притомъ далеко несущественную роль въ драмѣ, которая могла бы развиваться совершенно независимо отъ нихъ.

Исходнымъ пунктомъ драмы является вражда двухъ стариковъ изъ-за матеріальныхъ интересовъ. Мѣстный войтъ (старшина) Ѳома выдаетъ дочь за сына своего пріятеля. Нарѣченные любятъ другъ друга, и все поэтому предвѣщаетъ свѣтлое будущее. Яблокомъ раздора является однако вопросъ о приданомъ. Ѳома не имѣетъ собственной земли, его земля составляетъ приданое за женою и поэтому должна перейти цѣликомъ къ сыну. Поэтому въ приданое дочери онъ можетъ дать лишь деньги, а ихъ то у него и нѣтъ. Отецъ жениха, Василій—человѣкъ богатый и великодушный. Онъ не требуетъ приданаго, такъ какъ знаетъ любовь сына къ невѣстѣ и цѣнитъ высоко будущую жену сына. Но у этого, въ сущности весьма недурнаго человѣка, есть своя слабая струнка—жажда земли, такъ безподобно описанная Золя въ его «La terre» та непреодолимая для сельскаго люда «власть земли, достигающая иногда такой силы, что результатомъ ея является даже преступленіе». Притомъ Василій честолюбивъ и мечтаетъ, закруглivши свои владѣнія, войти въ число крупныхъ землевладѣльцевъ. Для этой цѣли ему необходимы два морга изъ участка Ѳомы, и онъ предлагаетъ послѣднему продать ему этотъ кусокъ за какую угодно цѣну, ставя во всякомъ случаѣ эту продажу непремѣннымъ условіемъ своего согласія на бракъ сына. Желая поставить во что бы то ни стало на своемъ, Василій, послѣ душевной борьбы, въ которой любовь къ сыну и его неиспорченная натура борются съ «властью земли» и прирожденнымъ южнорусскому крестьянину упрямствомъ, рѣшился на легальное насиліе—онъ скупаетъ векселя Ѳомы и послѣдній попадаетъ этимъ въ его руки. Василій чувствуетъ свою неправоту, сознаетъ, что совершилъ безнравственный поступокъ и пытается заглушить упреки совѣсти разными софизмами: — Ѳома полоумный старикъ, не понимающій своихъ выгодъ и изъ-за пустяковъ, жертвующій счастьемъ дочери, его, молъ, слѣдуетъ отрезвить. Съ другой стороны чувство самозащиты и личное упорство ведутъ и Ѳому къ преступленію. Злымъ духомъ, указавшимъ ему скользкій путь проступка, является ветеринарный наблюдатель Гнацикъ, приватно исполняющій должность писаря у Ѳомы-войта. Гнацикъ смертельно влюбленъ въ Галю, дочь Ѳомы, и принадлежитъ къ мрачнымъ сосредоточеннымъ натурамъ, которыя ни передъ чѣмъ не остановятся для достиженія своихъ цѣлей. Пособникомъ Гнацика является лѣсной сторожъ Щипавка, пьяница и гуляка, родственникъ Василія. Послѣдній обходится свысока съ промотавшимся гулякой и Щипавка всей душой ненавидитъ богача-шурина. Щипавка составляетъ планъ, помощью котораго Ѳома долженъ былъ высвободиться изъ зависимости Василія, но вмѣстѣ съ тѣмъ попасть въ руки Гнацика. — Ѳомѣ, какъ войту, принадлежала обязанность сбора податей по правительственной росписи. Гнацикъ предлагаетъ поддѣлать роспись, увеличивъ сумму сборовъ, излишекъ уплатить Василію, а затѣмъ, пожалуй, вернуть обществу незаконный переборъ.

Прижатый со всѣхъ сторонъ, Ѳома идетъ на преступленіе, не замѣчая того, что изъ одной зависимости попалъ въ другую, сталъ теперь рабомъ Гнацика. Несчастный случай или преступленіе еще болѣе запутываетъ дѣла. Въ село ожидается пріѣздъ какого-то важнаго чиновника и все населеніе собирается для его встрѣчи къ дому войта-Ѳомы. Въ числѣ зрителей—и Василій, не утерпѣвшій подразнить бывшаго пріятеля кошелькомъ съ деньгами и злополучными векселями Ѳомы. Въ это время даютъ знать о приближеніи чиновника, народъ бросается его встрѣчать съ криками и ружейными салютами, и вдругъ прибѣгаютъ съ извѣстіемъ, что Василій лежитъ простр ѣленный, а бывшій у него кошелекъ пропалъ. Начинается слѣдствіе, которое однако долго ни къ чему не приводитъ. Между тѣмъ Ѳома со смертью Василія и исчезновеніемъ вмѣстѣ съ злополучнымъ кошелькомъ векселей, отдававшихъ его во власть Василію, только перемѣняетъ господина, ибо попадаетъ въ руки Гнацика, соучастника въ поддѣлкѣ росписи податей. Гнацикъ теперь требуетъ за свое молчаніе руки Гали.

Ѳомѣ удается только выпросить у Гнацика срокъ для исполненія его требованія. Между тѣмъ тѣсныя отношенія Гнацика къ Ѳомѣ и постоянное откладываніе свадьбы Гали съ сыномъ Василія, зарождаютъ въ душѣ близкихъ Ѳомѣ, его свекрови и дочери, страшное подозрѣніе, что убійцей Василія былъ не кто иной какъ Ѳома, а соучастникомъ его Гнацикъ. Къ той же мысли приходятъ двое изъ «новыхъ»—сельскій учитель Палухъ и лѣсничій Проховникъ, люди получившіе высшее образованіе, но вернувшіеся служить родной землѣ. Ставя интересы справедливости выше собственныхъ, Палухъ, хотя и влюбленный въ другую дочь Ѳомы, Марѳу, употребляетъ всѣ усилія къ разслѣдованію таинственнаго убійства Василія. Пріятелямъ удается найти скрытые у Гнацика поддѣланную роспись и кошелекъ Василія. Что Гнацикъ—виновникъ преступленія, теперь несомнѣнно, но былъ ли онъ одинъ убійца или

имѣлъ сообщника? Въ то время какъ Палухъ занятъ подобными размышленіями, Галѣ удается случайно подслушать разговоръ отца съ Гнацикомъ, изъ котораго она ясно видитъ безпредѣльную власть послѣдняго надъ Ѳомой. Убѣждаясь еще болѣе въ виновности отца, она рѣшается пожертвовать собою и выйти за Гнацика. Случай разъясняетъ все это темное дѣло. Паробокъ нашелъ на днѣ рѣчки ружье Щипавки. Увидавъ corpus delicti, Щипавка, со смерти Василія безпросыпно запившій, сознался въ убійствѣ шурина, а соучастникомъ называетъ Гнацика, овладѣвшаго кошелькомъ убитаго. Несмотря на разные недостатки, которыхъ мы въ нашемъ отчетѣ объ этой піесѣ, и безъ того довольно обширномъ, касаться не будемъ, піеса Галасѣвича несомнѣнно весьма интересна; авторъ близко знакомъ съ сельской жизнью, рисуетъ ее безъ прикрасъ, безъ идеализаціи простого люда, выводитъ не аркадскихъ пастушковъ, а людей живыхъ. Драма развивается естественнымъ путемъ, и смотрится съ большимъ интересомъ. Такія произведенія, какъ «Горькая судьбина», «Власть тьмы» и отчасти разсказанная только что піеса, доказываютъ полную возможность драмы изъ среды народной жизни, разумѣется, при двухъ условіяхъ, здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо необходимыхъ: наличности таланта у автора и близкаго его знакомства съ народной жизнью. Соединеніе обоихъ условій весьма рѣдко, тѣмъ болѣе, что простой человѣкъ далеко не такъ экспансивенъ, какъ современные культурные герои мѣщанскихъ драмъ, пространно и красивыми фразами излагающіе свои чувства. Простой народъ, переживаетъ драму въ глубинѣ своей души, чувствуетъ не менѣе, если не болѣе глубоко, чѣмъ изъѣденный рефлексіей и склонный къ позировкѣ культурный интеллигентъ. Нуженъ или большой талантъ, или глубокое родство съ духомъ народа для пониманія всѣхъ перепетій его душевныхъ драмъ. Но о народной драмѣ вообще мы позволимъ себѣ поговорить какъ-нибудь болѣе подробно.

—

Извѣстная польская актриса Моджеевская, давно оставившая польскую сцену и собиравшая лавры за-границей, совершала недавно артистическое турне по разнымъ польскимъ сценамъ въ Познани, Краковѣ, Львовѣ и Варшавѣ. Знаменитую артистку, съ годами развившую свой талантъ, земляки принимали восторженно. Она выступила также съ большимъ успѣхомъ какъ гастролерша на сценѣ пражскаго театра. Въ Варшавѣ Моджеевская дала 10 представленій, изъ нихъ девять абонементныхъ (по три въ каждомъ абонементѣ). Играла Моджеевская въ слѣд. піесахъ: «Маріи Стюартъ» Шиллера, «La dame aux camelias»—Дюма, «Далилѣ» Фельe, «Борьбѣ женщинъ» Скриба, «Макбетѣ» и «Одеттѣ» (Сарду). Въ бенефисный свой спектакль она играла Адріенну Лекуврeръ.

Къ числу польскихъ сценъ въ концѣ прошлаго года прибавилась постоянная польская сцена въ Петербургѣ. Попытки устроить прочную польскую сцену въ сѣверной столицѣ были уже не разъ, но имѣли мало успѣха. Польская публика горячо встрѣчала своихъ земляковъ, дѣлала имъ овацiи, но съ третьяго же представленія артистамъ приходилось играть при пустой залѣ. Очевидно, при обиліи развлеченій столичной жизни, одними земляками польская сцена не просуществуетъ, а незнакомые съ польскимъ языкомъ едва-ли стапутъ посѣщать чужую сцену, не блещущую притомъ выдающимися талантами.

—

Въ настоящемъ году драматическія сцены Галиціи получаютъ слѣдующую поддержку отъ мѣстныхъ сеймовъ: польская краковская сцена 8 тыс. гульд., польская львовская 20 тыс. гульд., малорусскій театръ (Биберовича) во Львовѣ 7250 гульд., кромѣ того, 750 гульд. назначено на вознагражденіе двухъ лучшихъ малорусскихъ артистовъ, столько же—на двѣ преміи за лучшія драматическія произведенія на польскомъ языкѣ. Кромѣ того, Краковское Музыкальное Общество получаетъ 800 гульд., музыкальная при немъ школа 2000 г., Львовское Музыкальное Общество 3 тыс. гульд. и два музыкальныхъ кружка во Львовѣ («Гармонія» и «Лютня») —одно 300, другое 500 гульд. Кромѣ того, мѣстный магистратъ во Львовѣ рѣшилъ приступить къ постройкѣ новаго зданія театра, стоимостью въ 750 тыс. гульд., театръ этотъ долженъ быть оконченъ въ четырехъ-лѣтній срокъ и считаться городской собственностью.

Въ параллель съ такими заботами управленія о поднятіи театральнаго дѣла въ Галиціи небезъинтересно будетъ привести здѣсь весьма любопытныя данныя о первыхъ шагахъ польской сцены въ Галиціи подъ властью Австріи. Въ 11 кн. журн. «Athenaeum» (польск.) помѣщена статья Брон. Чарника, дающая нѣкоторыя новыя свѣдѣнія для біографіи одного изъ первыхъ директоровъ польскаго театра во Львовѣ, Каминскаго, и рисующая довольно ярко отношенія тогдашняго австрійскаго правительства къ польскому театру.

Послѣ разныхъ странствованій съ своей труппой по многимъ русскимъ городамъ (онъ былъ между прочимъ въ Каменцѣ-Подольскѣ и Одессѣ), Каминскій попытался прочно осѣсть во Львовѣ. Но время его прибытія во Львовъ совпало съ выходомъ изъ Галиціи польскихъ войскъ и вторичнымъ запятіемъ края Австріей. Артисту велѣли было оставить городъ. Подъ разными предлогами ему удалось прожить во Львовѣ, пока на его ходатайство о раз-

рѣшеніи польской сцены здѣсь не послѣдовало соизволенія императора. Послѣдній выразился такъ: «я не держусь того мнѣнія, что польскій языкъ и польская сцена должны быть стѣснены въ Галиціи». Директору польской труппы удалось добиться и аудіенціи у Франца I во время его пребыванія во Львовѣ въ 1817 г., а затѣмъ и у всесильнаго Меттерниха. Бесѣда Каминскаго съ обоими недурно рисуетъ императора и его перваго министра. Въ то время какъ Францъ добродушно подшучивалъ надъ бѣднымъ артистомъ, обѣщалъ сдѣлать, что можетъ, и даже вернулъ директору расходы по парадному представленію, данному въ его честь польской труппой, министръ-дипломатъ разсыпался въ красивыхъ фразахъ, много наговорилъ о важномъ значеніи театра, и въ концѣ концовъ отпустилъ артиста ни съ чѣмъ. Лишь нѣсколько лѣтъ спустя, Каминскому удалось добиться небольшой субсидіи въ 2000 гульд., чѣмъ однако дѣла его не поправились, такъ какъ онъ вошелъ въ значительные долги и долженъ былъ заложить даже чекъ на свою субсидію. Въ концѣ концовъ несчастному директору пришлось сдать все дѣло въ руки компаніи на паяхъ. Въ одномъ изъ будущихъ №№ «Артиста» мы надѣемся дать читателямъ краткій обзоръ исторіи польскаго и малорусскаго театровъ въ Галиціи.

—

Извѣстный собиратель славянскихъ народныхъ пѣсенъ, Людвигъ Куба, совершилъ недавно экскурсію въ Черногорію и записалъ въ разныхъ ея мѣстахъ около 300 пѣсенъ. Желая ознакомить чешскую публику съ совершенно незнакомыми ей мелодіями храбрѣйшаго изъ славянскихъ племенъ, неутомимый собиратель далъ въ чешскомъ клубѣ артистовъ и литераторовъ (Umelecka Beseda) весьма интересный вечеръ, посвященный исключительно черногорской музыкѣ. Хоровыя пѣсни исполнялъ квартетъ любителей, а соло пѣлъ артистъ пражской оперы Викторинъ. Среди черногорскихъ пѣсенъ оказалось нѣсколько музыкальныхъ перловъ; особенное впечатлѣніе произвела пѣснь «Сву ной на ной»; прелестны также мелодіи «Дай дѣвойко да едномъ полюбимъ» и «Ай, како можешь, Боланъ, тово еденъ часъ бит без мене». Кромѣ того, Л. Куба тутъ-же ознакомилъ публику съ оригинальными черногорскими инструментами: гуслями, «дипле», свирѣлью, и демонстрировалъ разныя черногорскія издѣлія и снятые имъ рисунки. Нѣкоторыя изъ записанныхъ собирателемъ черногорскихъ пѣсенъ появятся вскорѣ въ свѣтъ въ печатаемомъ Кубою «Черногорскомъ альбомѣ». Успѣхъ перваго славянскаго вечера привелъ г. Кубу къ мысли устроить рядъ подобныхъ вечеровъ, посвященныхъ народной пѣснѣ лужицкихъ славянъ, русскихъ, поляковъ, хорватовъ, словаковъ. Обильный матерьялъ для подобныхъ представленій даетъ сборникъ самого собирателя «Славянство въ своихъ пѣсняхъ», отпечатанный авторомъ уже въ 51 выпускѣ. Весьма жаль, что это цѣнное изданіе (г. Куба собираетъ пѣсни по большей части на мѣстѣ и весьма удачно ихъ гармонизуетъ) такъ мало у насъ извѣстно. Было бы крайне желательно устройство подобныхъ вечеровъ и у насъ. Мы много говоримъ о славянской музыкѣ и ея блестящемъ будущемъ, но знаемъ ее весьма плохо.

—

Интересъ къ славянской пѣснѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе ближе съ нею ознакомиться ростетъ быстро на западѣ. Недавно парижскій музыкальный кружокъ «Cercle Saint Simon» устроилъ музыкальный вечеръ, посвященный исключительно славянскимъ произведеніямъ. Между прочимъ были исполнены «Славянскіе танцы» Дворжака, «Краковьякъ» Падеревскаго, «Чешская полька» Сметаны, «Польская пѣснь» Вѣнявскаго, «Пѣснь безъ словъ» Чайковскаго, «Сербская рапсодія» и «Сватовачь» Стойковича; кромѣ того, рядъ славянскихъ гимновъ— «Кде домовъ муй» и «Гей, Словане» (чешскіе гимны), «Шуми Марица» (болгарскій) и русскій народный гимнъ.

Заграничная хроника.

Въ нашемъ обозрѣніи мы должны прежде всего отмѣтить нѣкоторые факты изъ литературной жизни драматическихъ писателей, стоящихъ въ настоящее время во главѣ западно-европейской сцены. Недавно въ Норвежской столицѣ, Христіаніи, происходилъ рядъ сценическихъ празднествъ, посвященныхъ славѣ Генрика Ибсена. Поэта, какъ извѣстно, долго не признавали въ своемъ отечествѣ. Правда, путешествіе Ибсена по Скандинавскому полуострову лѣтомъ въ 1874 г. доказало, что поэта начинали цѣнить и на родинѣ, но эта оцѣнка видна была почти исключительно на сторонѣ молодежи, преимущественно студентовъ университета. Вліятельные общественные кружки отнеслись къ поэту сдержанно и скандинав-

Г. Ибсенъ.

Типо-лит. Высоч. утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

скіе театры не выказывали особенно пылкаго желанія видѣть у себя представленія ибсеновскихъ пьесъ.

Теперь обстоятельства безусловно перемѣнились. На сценѣ театра въ Христіаніи былъ устроенъ среди въ высшей степени торжественной обстановки рядъ спектаклей въ присутствіи Ибсена. Были даны исключительно его пьесы. Сначала появился на сценѣ *Союзъ молодежи*, потомъ *Нора*, дальнѣйшіе спектакли должны были состоять изъ другихъ наиболѣе замѣчательныхъ драмъ знаменитаго автора. На самого Ибсена эти овація произвели крайне благопріятное впечатлѣніе. Было замѣтно, что его покинула обычная суровость; энергичный, неумолимый гонитель пороковъ своихъ согражданъ теперь, повидимому, чувствовалъ на себѣ всю силу ихъ признательности и уваженія.

Послѣдняя драма Ибсена *Гедда Габлеръ* переведена на французскій языкъ и вызываетъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ критическихъ взглядовъ. Ибсену, очевидно, суждено одинаково благотворно,—въ смыслѣ серьезнаго направленія мысли и вкуса—вліять на публику и критику.

Другой знаменитый писатель западной Европы—Альфонсъ Додэ—обнаруживаетъ крайне напряженную дѣятельность. Писателя давно уже мучитъ застарѣлый недугъ, заставляетъ его жить внѣ Парижа почти годами, мѣшаетъ правильной работѣ. Несмотря на это, романы и драматическія произведенія съ изумительной быстротой возникаютъ подъ перомъ автора. Рядомъ съ слухами о трехъ новыхъ романахъ, мы узнаемъ, что Додэ написалъ двѣ новыя пьесы—одну въ идиллическомъ стилѣ. Самъ авторъ называетъ ее пасторалью и сравниваетъ съ своей же пьесой—Арлеціанкой. Новая пастораль только лишена музыки, но по содержанію еще трогательнѣе, чѣмъ Арлеціанка Вторая пьеса носитъ названіе *Soutien de famille*. Авторъ уже вернулся въ Парижъ изъ своего лѣтняго мѣстопребыванія и дѣятельно работаетъ надъ окончаніемъ своихъ пьесъ и ихъ постановкой.

Среди новостей парижскихъ сценъ мы должны отмѣтить двѣ пьесы, характеризующія новое, свѣжее теченіе во французской драматургіи. Эта драматургія, какъ извѣстно, искони посвящала свои произведенія изображенію городского круга жизни, свѣтскаго или буржуазнаго, и французская сцена совершенно не видѣла до сихъ поръ сельскаго быта. Типы и характеры крестьянъ ей совершенно невѣдомы. Въ оправданіе сцены можно привести тотъ фактъ, что и въ общей беллетристической литературѣ Франціи крестьянская жизнь до сихъ поръ появлялась весьма нечасто и характеризовалась въ слишкомъ специфическихъ, исключительныхъ формахъ. Французская литература не знаетъ типовъ дѣйствительнаго крестьянина, а знаетъ только крестьянъ того или иного автора. Наиболѣе популярные очерки въ этомъ направленіи принадлежатъ Жоржъ Занду, Гюи Мопасану, Эмилю Золя. Крестьяне у всѣхъ этихъ авторовъ не представляютъ чего-либо обще—типическаго: у Жоржъ Занда это нѣчто въ родѣ библейскихъ патріарховъ, у Мопасана—примитивныя, но крайне надменныя существа, у Золя—какіе-то стихійные, необыкновенно размашистые образы.

Всѣ эти авторы принадлежатъ городу, столицѣ, видятъ крестьянина только во время вакаціонныхъ путешествій или спеціально для романа отправляются изучать его. Но въ настоящее время во Франціи есть поэтъ, ведущій совершенно исключительный образъ жизни. Поль Гарель (Harel) пользуется большой извѣстностью во французской литературѣ. Томъ его стихотвореній даже увѣнчанъ Академіей. Предъ появленіемъ на сценѣ его пьесы въ публикѣ и критикѣ были распространены самыя нетерпѣливыя ожиданія и смѣлыя надежды. Гарель постоянно живетъ въ Нормандіи, никакія блестящія предложенія не могутъ его удержать въ стѣнахъ Парижа,—и, принимаясь писать пьесу изъ своего нормандскаго сельскаго быта, поэтъ направляетъ всѣ усилія на то, чтобы убѣдить своихъ земляковъ не покидать родныхъ полей и не бросаться въ волны соблазнительной, но крайне опасной городской и въ особенности парижской жизни.

Ожиданія и надежды, возлагавшіяся на пьесу Гареля *l'Herbager* оправдались далеко не въ полной мѣрѣ. Пьеса затрогиваетъ весьма жгучіе вопросы въ современной жизни Франціи—объ убыли сельскаго населенія, но вопросъ этотъ вставленъ въ рамку, мало характерную для сельскаго быта въ тѣсномъ смыслѣ слова. Фактическое содержаніе пьесы можно перенести въ какую угодно буржуазную среду.

Содержаніе это напоминаетъ безсмертную «печальную исторію» о Ромео и Джульеттѣ. Главный герой пьесы l'Herbager—крестьянинъ богачъ, страшно жадный, эгоистическій, честолюбивый. У него единственный сынъ—Октавъ. Отецъ мечтаетъ устроить ему карьеру, сдѣлать его адвокатомъ, одною изъ городскихъ знаменитостей. Но Октавъ влюбленъ въ простую крестьянскую дѣвушку, Жермэну. Она—дочь бѣдной семьи, отягощенной громаднымъ количествомъ дѣтей. Отецъ семьи приходится родственникомъ Октаву. Отецъ Октава страшно возмущенъ этой страстью, идущей наперекоръ его честолюбивымъ мечтаніямъ, онъ осыпаетъ упреками отца Жермэны—въ намѣреніи залучить въ женихи своей дочери самого богатаго наслѣдника въ деревнѣ, ставитъ ему въ вину даже его многочисленное семейство. Бѣднякъ отвѣчаетъ съ гордымъ сознаніемъ своей пользы для отечества. Его слова

именно и касаются наиболѣе больного вопроса современной Франціи, страдающей, какъ извѣстно, страшнымъ недугомъ—постепеннымъ уменьшеніемъ населенія. «Если бы ваша земля», говоритъ отецъ Жермэны своему противнику, «подверглась какой-либо опасности, если бы пули засвистали по полямъ, гдѣ мы живемъ, мои дѣти сумѣли бы показать себя. Лучше вамъ оставить свои фантазіи. Если бы слушались васъ, ваши поля превратились бы въ пустыни. Для жатвы, для всякаго земледѣльческаго труда, для сѣва, для войны—вездѣ необходима многочисленная семья крестьянина. Во всѣхъ битвахъ мы отдаемъ своихъ дѣтей на пользу тѣхъ, у кого ихъ нѣтъ». — Эта рѣчь вызываетъ живѣйшіе апплодисменты публики. Но какъ бы то ни было, отецъ Октава настаиваетъ на своемъ и его сынъ, отчаявшись жениться на Жермэнѣ, бѣжитъ въ Парижъ, слѣпо бросается въ круговоротъ столичной жизни, начинаетъ вести лихорадочную игру на биржѣ, принимаетъ участіе во всевозможныхъ аферахъ и въ результатѣ подвергается опасности попасть за долги въ тюрьму. Отецъ спасаетъ его и — даетъ, наконецъ, согласіе на его бракъ съ Жермэной.

Мораль пьесы совершенно ясна и намъ трудно представить, до какой степени она близка симпатіямъ современной французской публики. Къ сожалѣнію, авторъ и фабулу пьесы и ея дѣйствія обставилъ не типической крестьянской жизнью, а просто—буржуазной. L'Herbager и по характеру, и по своимъ стремленіямъ вполнѣ подходитъ къ типу зажиточнаго буржуа. И рядомъ съ этимъ въ пьесѣ мало бытовыхъ, жанровыхъ картинъ въ такомъ направленіи, какъ, наприм., въ романѣ Золя *La Terre*.

Другая пьеса, взятая изъ крестьянской жизни, принадлежитъ Полю Делэру (Delair) и, по внутреннему содержанію, еще интереснѣе, чѣмъ произведеніе Гареля. Съ перваго же появленія драмы Делэра на сценѣ—героиня получила названіе *m-lle Hamlet*. И дѣйствительно, по роли дѣйствующихъ лицъ, по внѣшнему характеру дѣйствія французская пьеса живо напоминаетъ знаменитую трагедію.

Здѣсь также идетъ дѣло о мести за убійство отца; мститъ только не сынъ, а дочь. Отецъ отравленъ женой въ сообщничествѣ съ любимымъ человѣкомъ, за котораго преступница выходитъ замужъ. Главная героиня, Елена, слѣдовательно, стоитъ въ положеніи Гамлета, но не имѣетъ ни единой черты, общей съ характеромъ датскаго принца. Елена не обладаетъ и малой долей необычайно развитыхъ разсудочныхъ способностей принца. Она совершенно неспособна ставить и разрѣшать отвлеченные вопросы, обсуждать взаимное вліяніе человѣческихъ духовныхъ способностей и во время процесса разсужденія и критики забывать дѣйствительную жизнь и свои насущныя обязанности. Елена прямо и просто принимается за дѣло, лишь только опредѣляетъ роли своихъ противниковъ и свой долгъ.

Еленѣ двадцать два года, она очень хороша собой, уже помолвлена за своего односельца, Савиньена, въ моментъ начала драмы находящагося въ военной службѣ. Отецъ Елены умеръ пятнадцать лѣтъ тому назадъ и десять мѣсяцевъ спустя послѣ этой смерти вдова отдала руку Марку Фоссу, служившему на фермѣ ея покойнаго мужа. Елена, подобно Гамлету, страстно любила своего отца, который былъ выдающимся человѣкомъ въ своей средѣ: онъ, по словамъ Елены, все зналъ, кромѣ умѣнья читать. Елена страшно была поражена поспѣшнымъ бракомъ матери. Кромѣ того у нея остались неясныя, но въ высшей степени тревожныя воспоминанія объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ смерть отца. Она помнитъ, что отецъ передъ смертью порывался поговорить съ дочерью наединѣ, и жена и Маркъ Фоссъ упорно этому мѣшали. Наконецъ, послѣ второго брака мать Елены почти внезапно постарѣла, ея волосы стали сѣдыми, она вѣчно больна, по ночамъ ее мучатъ какія-то странныя видѣнія... У Елены давно живетъ въ душѣ мучительный вопросъ, какая причина нравственныхъ страданій матери.

Но Елена молода, она сильно заинтересована своей личной судьбой, ждетъ не дождется своего жениха. Онъ, наконецъ, возвращается. Молодые люди встрѣчаются, между ними происходитъ первый разговоръ послѣ многолѣтней разлуки. Это лучшая сцена въ пьесѣ. Между влюбленными нѣтъ никакихъ изліяній.—«Знаешь-ли, ты похорошѣла» говоритъ Савиньенъ.—«А ты загорѣлъ»—отвѣчаетъ на этотъ комплиментъ Елена. Потомъ она спрашиваетъ, что онъ дѣлалъ въ Алжирѣ?—«Ахъ Алжиръ! Тамъ такъ жарко»—ивсѣ впечатлѣнія Савиньена ограничиваются этимъ воспоминаніемъ. Разговоръ ведется больше молчаливыми взглядами, отрывочными фразами.

Вѣсть о прибытіи Савиньена быстро распространяется по окрестностямъ. Всѣ собираются посмотрѣть на земляка, прибывшаго изъ далекихъ краевъ и, между прочимъ, является мѣстный деревенскій знахарь и гадальщикъ—Ригу. Во время появленія его на сцену Маркъ Фоссъ угощаетъ Савиньена, (Савиньенъ приходится ему племянникомъ). Ригу подходитъ къ столу пирующихъ и проситъ для себя стаканъ вина. Его принимаютъ крайне недружелюбно, крестьяне перестали его бояться съ тѣхъ поръ, какъ онъ охромѣлъ и состарѣлся. Особенно грубо съ нимъ обходится Маркъ Фоссъ. Елена, напротивъ, чувствуетъ состраданіе къ старику и приноситъ ему вина. Ригу наклоняется къ Еленѣ и шепчетъ ей на ухо загадочныя слова, что если-бъ онъ захотѣлъ,—могъ бы раздавить

Марка Фосса. Ригу предлагаетъ Еленѣ—повидаться съ нимъ наединѣ и обѣщаетъ разсказать ей много интересныхъ вещей.

Слова Ригу, смутныя предчувствія Елены на счетъ смерти отца моментально превращаютъ въ подозрѣнія, почти въ увѣренность, что дѣло не чисто. Она начинаетъ вести тщательное слѣдствіе, почти не обращаетъ вниманія на своего жениха, преслѣдуетъ мать многозначительными взглядами и вопросами...

Однажды вечеромъ мать Елены, измученная преслѣдованіями дочери, ложится спать въ необычайно ранній часъ, ее начинаютъ мучить обычныя видѣнія, она бредитъ. Елена, не нарушая ея сна, начинаетъ разспрашивать ее о смерти отца и вырываетъ у нея мало-по-малу разсказъ о преступленіи.—«Да, они отравили отца Елены, но онъ ихъ заподозрилъ и хотѣлъ объ этомъ сказать дочери».—«Но почему, спрашиваетъ Елена, онъ пилъ, зная что ему подаютъ отраву?» — «Потому, отвѣчаетъ мать, что онъ не хотѣлъ ни отъ чего отказываться, что бы я ему ни подавала», — и съ этими словами она просыпается, видитъ дочь и вскрикиваетъ въ ужасѣ...

Дальше слѣдуетъ сцена на кладбищѣ. Страшная, темная ночь, гроза, Елена на могилѣ отца клянется отомстить его смерть. Этотъ монологъ отзывается нѣкоторой фальшью, говоритъ онъ крестьянской дѣвушкой на тему знаменитыхъ словъ Гамлета: «Я къ мести полечу на крыльяхъ любви, какъ вдохновенье быстрыхъ». Эти рѣчи не подходятъ къ нравственному міру Елены и звучатъ слишкомъ дѣланнымъ трагизмомъ.

Елена легко получаетъ дальнѣйшія свѣдѣнія о смерти отца: оказывается, что ядъ Марку далъ Ригу, а Маркъ передалъ его матери Елены. Потомъ Маркъ пытался отдѣлаться отъ Ригу, стрѣлялъ въ него, но убить его не удалось, а только искалѣчилъ колдуна... Маркъ Фоссъ всецѣло поработилъ волю своей хозяйки, она, очарованная его ласками, готова была на все... Между Еленой и матерью происходитъ сцена, напоминающая соотвѣтствующую сцену въ трагедіи Шекспира, но Маргарита (имя преступницы въ драмѣ Делэра) гораздо болѣе увлечена своимъ сообщникомъ, чѣмъ королева Гертруда Клавдіемъ. На слова дочери: «вмѣстѣ отомстить за смерть перваго мужа»—Маргарита выражаетъ стремительную готовность всю кару принять на себя одну, готова пасть отъ руки дочери, лишь бы Елена пощадила Марка. Елена клянется направить всѣ свои силы на отмщеніе,—и начинаетъ съ того, что окончательно разрываетъ съ Савиньеномъ, племянникомъ преступника. Актъ мести совершается въ ночь подъ Рождество. Елена приготовляетъ отравленный стаканъ для Марка—и, чтобы разсѣять его подозрѣнія, сама первая выпиваетъ ядъ.

Въ пьесѣ, какъ видитъ читатель, нѣтъ глубокаго очарованія возвышенной мысли, проникающей шекспировскую пьесу. Но авторъ и не могъ и не стремился создать это очарованіе: Елена, по характеру и всему нравственному строю, не имѣетъ ничего общаго съ Гамлетомъ. Она рѣшительна, энергична, у нея воля не блѣднѣетъ отъ сознанія. Всему ея характеру нельзя отказать въ интересѣ и психологической правдѣ, за исключеніемъ весьма немногихъ частностей, въ родѣ монолога на могилѣ отца.

Къ пьесѣ написана музыка Мессажеромъ. Она смягчаетъ мрачный фонъ послѣдней сцены—въ ночь предъ Рождествомъ. Въ пьесѣ есть и настоящій свѣтъ, чуждый ожесточенной драматической борьбы: крайне симпатичная фигура школьнаго учителя, являющагося въ деревнѣ среди сельчанъ, чѣмъ-то въ родѣ свѣтскаго духовнаго отца.

Во всякомъ случаѣ пьеса во многихъ отношеніяхъ заинтересовала парижскую печать и публику: прежде всего она заключаетъ въ себѣ почти невѣдомую французскому театру деревенскую жизнь, а потомъ въ этой жизни драматизируетъ весьма серьезный фактъ, одинаково важный въ бытовомъ и психологическомъ отношеніи.

Въ заключеніе мы должны упомянуть о событіяхъ, приведшихъ на память современникамъ имя изъ далекаго прошлаго,—знаменитое—славное въ далекую старину, но едва знакомое современнымъ читателямъ, и тѣмъ не менѣе великое. Мы говоримъ о воспоминаніяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ наши дни, объ англійскомъ драматургѣ XVI вѣка — Христофорѣ Марло.

Марло въ началѣ сентября открытъ памятникъ въ его родномъ городѣ Кэнтербэри. Марло родился въ одинъ годъ съ Шекспиромъ, почти за два мѣсяца до рожденія великаго драматурга, былъ сынъ сапожника, одинъ изъ множества братьевъ и сестеръ. Благодаря, вѣроятно, покровительству какого-либо богатаго кентерберійца, Марло поступилъ въ университетъ и, послѣ весьма успѣшнаго окончанія курса, поступилъ на сцену. Современныя условія актерской сцены были крайне своеобразны: отчаянныя оргіи, всевозможное прожиганіе жизни наполняли досугъ артистовъ. Марло отдался этому образу жизни со всею страстью юношескаго возраста, во время одной изъ оргій сломалъ ногу и долженъ былъ оставить сцену. Съ этихъ поръ дѣятельность Марло ограничивалась исключительно писаніемъ для сцены. Это было творчество лихорадочное, необыкновенно плодовитое. Марло не прожилъ и 30 лѣтъ, а написалъ, по крайней мѣрѣ, до 15 пьесъ. Онѣ не всѣ дошли до насъ, важнѣйшія изъ уцѣлѣвшихъ—*Мальтійскій жидъ*, *Тамерланъ*, *Фаустъ* и историческая хроника *Эдуардъ II*. Для насъ интереснѣе всѣхъ трагедія *Фаустъ*, быв-

шая первой поэтической обработкой извѣстной средневѣковой легенды. «Фаустъ» Марло — самъ авторъ: это страстный поклонникъ жизненныхъ наслажденій, наслажденій самыхъ реальныхъ, волнующихъ горячую кровь молодости. Никакихъ аллегорическихъ отступленій и отвлеченныхъ тонкостей въ драмѣ Марло нѣтъ: это только исторія духа, истомившагося по радостямъ жизни и кончается эта исторія логическимъ, съ точки зрѣнія времени Марло, результатомъ: Фаустъ становится добычею ада...

Значеніе Марло для англійской драмы основано на его остальныхъ произведеніяхъ. У Марло впервые появились на сценѣ психологически-разработанные характеры, цѣльность драматическаго дѣйствія, единство всего произведенія. Онъ первый создалъ историческую хронику— съ характерами и драматическимъ ходомъ событій. Марло англійская драма обязана также и формой: онъ создалъ бѣлый стихъ. Всѣми этими результатами безвременно погибшаго юноши воспользовался его болѣе счастливый преемникъ Шекспиръ.

Въ Варезе давали $^{7}/_{19}$ сентября оперу «Roncisval» Бертини, сына извѣстнаго миланскаго художника. Въ операѣ трп акта, либретто ея сдѣлано изъ драмы Эмилія де Марки. Она шла уже въ сезонъ карнавала $18^{90}/_{91}$ года въ главномъ театрѣ Медены, но успѣха тогда не имѣла. Бертини — уроженецъ Варезе. Можно себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ ждали тамъ постановки «Roncisval'я» на сценѣ мѣстнаго театра Sociale. Особенность итальянской публики — любить и цѣнить своихъ талантливыхъ согражданъ. Этимъ отчасти объясняется относительный успѣхъ оперы Бертини въ его родномъ городѣ. Коротенькая оркестровая прелюдія,—чуть-ли не лучшій нумеръ всей оперы,—бисируется. Недурной первый хоръ, выходъ Рончисваля, появленіе королевы и танцы—эффекта впрочемъ не производятъ. Зрительный залъ оживляется лишь разсказомъ Рончисваля; нравится также красивый финалъ акта, не заключающій въ себѣ однако ничего новаго. Второй актъ начинается прекраснымъ романсомъ примадонны; затѣмъ идетъ выразительный и сильный драматизмомъ дуэтъ ея съ басомъ. Тутъ публика даетъ волю своимъ восторгамъ и горячо вызываетъ автора, котораго въ первомъ актѣ вызывала сдержанно. И въ этомъ актѣ хорошъ финалъ, болѣе еще интересный даже, чѣмъ первый, но къ концу дѣйствія впечатлѣніе зрителей замѣтно охлаждается. Третій актъ—самый неудачный: въ немъ мелькаютъ, положимъ, недурныя музыкальныя мысли, но все затирается бѣдностью движенія и недостаточной силой драматическихъ положеній. Въ общемъ опера Бертини—трудъ серьезный, почтенный и не лишенный дарованія. Врядъ-ли однако она будетъ пользоваться прочнымъ успѣхомъ: она слишкомъ однообразна (отчасти вина либреттиста), слишкомъ мало разсыпано по этой красивой монотоніи яркихъ, захватывающихъ моментовъ. Исполненіе въ общемъ заслуживаетъ похвалы. Лучше всѣхъ былъ теноръ Майна, приложившій много старанія, чтобы выдвинуть партію Рончисваля. Остальные— сопрано Мауци, меццо-сопрано Баллъ и басъ Ритти—были недурны. Оркестръ и хоры подъ управленіемъ талантливаго Сарманни шли очень хорошо. Думаютъ повторить оперу нѣсколько разъ.

Въ томъ же театрѣ, за нѣсколько дней до постановки «Roncisval'я», давали «Pescatori di Perle» Бизэ. Оркестръ (дирижеръ Сарманни), хоръ и солисты оспаривали другъ у друга пальму первенства; въ итогѣ громадный успѣхъ. Линда Брамбилла, исполнительница главной партіи, пѣла уже ее въ Миланѣ на сценѣ La Scala. Своимъ свѣжимъ, серебристымъ голосомъ (сопрано), блестящей техникой, изяществомъ фигуры и общей передачи роли артистка произвела фуроръ, какого давно не запомнятъ въ Варезе. Большая доля восторговъ публики досталась баритону Фумагалли. Это—артистъ, пѣвшій на первѣйшихъ сценахъ Италіи; онъ уже совершенно оправился послѣ тяжкой болѣзни, которую недавно перенесъ, и по прежнему поражаетъ своимъ мощнымъ голосомъ.

Значительный интересъ представитъ въ этомъ году репертуаръ флорентинскаго театра Pergola. Его снялъ на пять лѣтъ импрессаріо Сондзоньо и думаетъ тамъ поставить нѣсколько новинокъ. Изъ нихъ называютъ «L' Amico Fritz» Масканьи, «Tilda» Чилеа, «Mala Vita» Джіордано, «Manon Lescaut» Массне и «Rêve» Бруно.

Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидаетъ итальянскій музыкальный міръ (и не только, полагаемъ, итальянскій) услышать новое твореніе Верди. Сообщаемъ что знаемъ. Маститый композиторъ усиленно работаетъ надъ своимъ «Фольстафомъ»; первые три акта закончены совсѣмъ, и, можно надѣяться, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ трудъ будетъ доведенъ до конца. Авторъ сильно озабоченъ пріисканіемъ артиста для заглавной партіи своей первой комической оперы; до сихъ поръ онъ еще ни на комъ не могъ остановиться: никто не подходитъ къ тому типу, о которомъ онъ мечтаетъ.

Въ первыхъ числахъ октября начались въ римскомъ театрѣ Constanza репетиціи новой оперы Масканьи. Роли распредѣлены такъ: Susel Кальвэ, Fritz Де Лючіа; раввина-же, вмѣсто предполагавшагося Мореля, поетъ Лерье. Сначала композиторъ предполагалъ начать оперу съ симфонической поэмы «Весна»; въ послѣднее время онъ ее замѣстилъ прелюдіей новаго сочиненія.

ВЪ ПАМЯТЬ С. А. ЮРЬЕВА.

Сборникъ, изданный друзьями покойнаго.

ОСТАЛОСЬ НЕБОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

Содержаніе:

Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. *Гр. Л. Н. Толстаго.* — **Народъ въ драмѣ Лопе де-Вега „Овечій Источникъ".** *М. М. Ковалевскаго.* — **Изъ воспоминаній о старомъ другѣ** *Алексѣя Веселовскаго.*—**Стихотвореніе** *А. Н. Плещеева.*—**Воспоминаніе о С. А. Юрьевѣ.** *Л.*—**Отношенія Сергѣя Андреевича Юрьева къ сценѣ за послѣдніе три года его жизни.** Личныя впечатлѣнія и наброски. *Кн. А. И. Сумбатова.* — **Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ, какъ мыслитель.** *Л. М. Лопатина.*—**Отрывокъ изъ неоконченнаго разговора.** *Z. Z.*—**Бѣдный докторъ.** Разсказъ Луиджи Капуана. Переводъ *Александры Веселовской.* — **Посвященіе къ неизданной комедіи.** Стихотвореніе *Владиміра Соловьева.*—**Н. В. Гоголь.** Его отношенія къ графу А. П. Толстому. Неизданныя письма, съ предисловіемъ и примѣчаніями *Е. С. Некрасовой.* — **На озерѣ.** Стихотвореніе. *Ю. В—скаго.* — **Отрывки изъ старой переписки.** Письма къ Юрьеву Тургенева, Достоевскаго, Салтыкова, А. И. Кошелева и Н. А. Чаева, съ поясненіями *Алексѣя Веселовскаго.* — **Путешественникъ.** Разсказъ *Л. Нелидовой.*—**Евлампіева дочь.** Повѣсть *Ф. Д. Нефедова.*—**Донъ-Фернандо, Стойкій принцъ** (El principe constante). Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ донъ-Педро Кальдерона. (Отрывокъ) перев. *Ник. Арбенина.*—**Волжское преданіе.** *А. К. Сызовой.*—**Вольнодумецъ эпохи возрожденія.** *Н. И. Стороженка.*

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Складъ въ книжномъ магазинѣ П. К. Прянишникова, Москва, Петровскія линіи, № 15.

Выписывающіе изъ редакціи журнала „АРТИСТЪ" за пересылку не платятъ.

Вышла (девятая) сентябрьская книга ежемѣсячнаго и литературно-политическаго изданія

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

I. Отрава жизни. (Комедія въ пяти дѣйств.). **В. А. Крылова.** II. Джалаледдинъ. Повѣсть Раффи. Переводъ съ армянскаго. III. Братья Гордѣевы (Повѣсть). **Д. Н. Мамина-Сибиряка.** IV. Зороастръ. Романъ Маріона Крауфорда. Гл. I и V. Переводъ съ англійскаго. **В. М. С.** V. Стихотвореніе. **В. В. Величко.** VI. Смѣна. (Романъ). Часть II, гл. III и IV. Продолженіе. **А. И. Эртеля.** VII. Земскіе финансы. **Н. Н. Нечаева.** VIII. О повѣстяхъ Элизы Оржешковой. (По поводу двадцатипятилѣтія ея литературной дѣятельности) **В. А. Гольцева.** IX. Современной великоруссъ въ его свадебныхъ обычаяхъ и семейной жизни. **Л. П. Весина.** X. Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ. (20 сентября 1791 года — 20 сентября 1891 года). **П. Н. Милюкова.** XI. По поводу шестисотлѣтія швейцарской конфедераціи. **И. Н. К—ой.** XII. Письма о литературѣ **М. А. Протопопова.** XIII. Внутреннее обозрѣніе. XIV. Иностранное обозрѣніе. **В. А. Г.** XV. Научный обзоръ: Современныя задачи біологіи. **М. А. Мензбира.** XVI. Французская выставка въ Москвѣ. XVII. Библіографическій отдѣлъ. Объявленія.

Продолжается подписка на второе полугодіе 1891 года (двѣнадцатый годъ изданія).

	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Цѣна: съ дост. и перес.	6 р.	3 р.	1 р.
За-границу	7 „	3 „ 50 к.	1 „ 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ и къ 1 октября по 3 рубля. Книгопродавцамъ уступка 50 коп. съ годоваго экземпляра; кредита и разсрочекъ не допускается.

Изъ книгъ перваго полугодія можно получать только: январскую, февральскую, мартовскую и іюньскую.

Москва: контора журнала:—Леонтьевскій, 21.

С.-Петербургъ: книжный магазинъ Н. Фену и К°, Невскій.

Редакторъ-издатель **В. М. ЛАВРОВЪ.**

Изданія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°

и

книжнаго магазина П. К. ПРЯНИШНИКОВА.

Даніель де Фо. **ЖИЗНЬ И УДИВИТЕЛЬНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ РОБИНСОНА КРУЗО, ЙОРКСКАГО МОРЯКА, РАЗСКАЗАННЫЯ ИМЪ САМИМЪ. Новый полный переводъ съ англійскаго П. Канчаловскаго,** одобренный Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для библіотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній М. Н. П. Съ портретомъ автора и 100 прекрасными иллюстраціями въ текстѣ. Клише исполнены въ Лондонѣ. М., 1889 г. Цѣна за 2 тома 4 руб., пересылка по разстоянію за 3 фунта, въ роскошномъ переплетѣ 4 руб. 75 коп.

Тысяча одна ночь. **АРАБСКІЯ СКАЗКИ.** 3 тома. **Новый полный переводъ Ю. Доппельмайеръ,** съ 450 рисунками въ текстѣ. М. 1890 г. Цѣна I-го тома 3 р. 15 к., на велен. бумагѣ 3 р. 50 к. Цѣна II тома 2 р. 75 к., на велен. бумагѣ 3 р. Цѣна III т. 2 р. 75 к., на велен. бумагѣ 3 р. За роскошный переплетъ каждаго тома прибавл. 75 к. Пересылка каждаго тома за 3 ф. по разстоянію. **При второмъ томѣ помѣщена статья академика профессора А. К. Веселовскаго, написанная для этого изданія.**

Джонатанъ Свифтъ. **ПУТЕШЕСТВІЯ ЛЕМЬЮЭЛЯ ГУЛЛИВЕРА. Новый полный переводъ П. Канчаловскаго и В. Яковенко,** съ біографіей Свифта и примѣчаніями **Вальтеръ Скота, Шеридана, Кука Тейлора, Теккерея** и др. Томъ I: **Путешествіе въ Лилипуту и путешествіе въ Бробдиньягъ.** Томъ II: **Путешествіе въ Лапуту и къ Гуигнгнмамъ.** Съ 164 рисунками, рѣзанными въ Лондонѣ. Цѣна за 2 тома 4 р. 40 к. Пересылка по разстоянію за 3 фун. Роскошный переплетъ 75 коп.

Издатели просятъ не смѣшивать трехъ предъидущихъ изданій съ безчисленными передѣлками, не имѣющими, кромѣ фабулы, ничего общаго съ оригиналами этихъ классическихъ произведеній, появляющихся въ полномъ переводѣ въ первый разъ.

Монтомери. **СИНЯЯ ВУАЛЬ.** Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Переводъ съ англійскаго. С. Л. Федоровичъ, съ 12 рисунками. Цѣна въ папкѣ 1 руб. 75 коп. Перес. за 2 ф. по разстоянію.

Вольтеръ. **ДЖОНА МОРЛЕЯ.** Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей профес. А. Кирпичникова. М. 1889 г. Цѣна 2 руб. Пересылка за 2 ф. по разстоянію.

Джонъ Тиндаль. **ТЕПЛОТА,** разсматриваемая какъ особый родъ движенія. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей проф. А. Шимкова, съ 120 рис. въ текстѣ. Изданіе 2-е. М. 1889 г. Цѣна 3 руб. 75 коп., съ перес. 4 руб. Книга рекомендована Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ, мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ семинарій, а также для библіотекъ учительск. институтовъ и городскихъ училищъ.

Джіованни Боккаччіо. Декамеронъ. Полный переводъ академика профессора А. Н. Веселовскаго. Роскошное иллюстрированное изданіе. М. 1891 г. Т. I. Цѣна съ билетомъ на 2-й томъ 10 руб. Пересылка за 5 фун. оба тома. Второй томъ выйдетъ въ октябрѣ 1891 г.

Печатаются и вскорѣ поступятъ въ продажу:

Жанъ-Жакъ Руссо. Юлія или Новая Элоиза, или Письма двухъ любовниковъ, живущихъ у подножья Альпъ. Т. I.

Жоржъ-Зандъ. Сочиненія. Т. I. Замокъ Вильпрэ.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Ю. Лермонтова.

ВЪ ДВУХЪ БОЛЬШИХЪ ТОМАХЪ

съ 40 фототипіями 120 рисунками въ текстѣ.

Рисунки исполнены исключительно для этого изданія художниками: *И. К. Айвазовскимъ, В. М. Васнецовымъ, А. М. Васнецовымъ, М. А. Врубелемъ, Е. Е. Волковымъ, Н. Н. Дубовскимъ, С. В. Ивановымъ, К. А. Коровинымъ, В. К. Менкъ, В. Е. Маковскимъ, В. Д. Поленовымъ, Л. О. Пастернакомъ, И. Е. Рѣпинымъ, К. А. Савицкимъ, В. А. Сѣровымъ, В. И. Суриковымъ, К. А. Трутовскимъ, И. И. Шишкинымъ.*

Текстъ вновь пересмотрѣнъ и исправленъ по рукописямъ поэта, согласно указаніямъ нашего извѣстнаго библіографа П. А. Ефремова. Біографія поэта и критическая статья объ его произведеніяхъ написаны И. И. Ивановымъ.

Цѣна 5 руб. за оба тома (пересылка по разстоянію за 5 фун.).

Съ требованіями обращаться въ книжный магазинъ П. К. Прянишникова (Москва, Петровскія линіи, № 15) и магазинъ книгъ и канцелярскихъ принадлежностей Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. (Москва, Никольская ул., д. Чижовыхъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ

гг. артистовъ, ищущихъ ангажемента:

Козичъ, Анна Измаиловна. Амплуа—2 injenue въ драмахъ и комедіяхъ и роли въ малороссійскихъ пьесахъ. Владиміръ-Волынскъ. Театръ.

Ланинъ, С. Я.—Суфлеръ. Свободенъ на зимній сезонъ. Г. Могилевъ, Пожарный пер., д. Стаховскаго.

Пальмина, Евдокія Ивановна. Injenue dramatique. Г. Новочеркасскъ, до востребованія.

Райскій, Александръ Борисовичъ желаетъ получить ангажементъ на зимній и лѣтній сезоны $189^1/_2$ г. на 2-я роли. Г. Владиміръ-Волынскъ. Театръ.

Смирновъ, Алексѣй Дмитріевичъ. На роли любовниковъ и фатовъ, располагаетъ большимъ классическимъ репертуаромъ. Москва, Старая Божедомка, д. Жидельева, кв. Нарцисова.

Смирновъ, Влад. Ал. (Звѣздинскій). Трагическія и сильно драматическія роли. Можетъ быть преподавателемъ драматическаго искусства. Жалованье въ крайнемъ случаѣ до 50 р. въ мѣсяцъ. Обращаться письменно, адресъ: Москва, Донская ул., д. Ильвовскаго (противъ училища глухонѣмыхъ) кв. № 3.

Холминъ, Н. П. Комикъ-простакъ. Г. Саратовъ, Митрофаньевская площадь, П. Н. Карпову, соб. домъ, для передачи Холмину.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ
НА

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Газету еженедѣльную политическую и литературную,
ПОСВЯЩЕННУЮ ИЗУЧЕНІЮ ВОСТОКА И СИБИРИ.

(Десятый годъ изданія.)

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ.

Въ 1891 году въ нее войдутъ слѣдующіе постоянные отдѣлы:

I. Статьи по мѣстнымъ и внутреннимъ вопросамъ.
II. Хроника сибирской жизни.
III. Городская хроника Иркутска.
IV. Корреспонденціи изъ Западной и Восточной Сибири.
V. Фельетонъ.
VI. Отчеты засѣданій: иркутской думы, суда, В. Сиб. Отд. Г. Общ., Общ. Вспом. учащимся В. Сибири, санитарные отчеты, театральные отчеты и пр.
VII. Хроника переселенческаго движенія въ Сибирь.
VIII. Хроника золотопромышленнаго дѣла.
IX. Литературное обозрѣніе.
X. Политическая хроника: событія русской жизни и жизни Европы.
XI. Телеграммы Сѣвер. Телеграф. Агентства.
XII. Справочный отдѣлъ.

При газетѣ издаются, въ видѣ приложеній, періодическіе сборники, заключающіе большія литературныя и научныя статьи.

Цѣна газеты за годъ 8 р., за полгода 5 р., за три мѣсяца 3 р. и за одинъ мѣсяцъ 1 р.

Лица, выписывающія газету съ приложеніями, добавляютъ къ подписной цѣнѣ 2 руб.

Въ отдѣльной продажѣ каждый выпускъ стоитъ 2 руб.

Гг. городскіе подписчики „Восточнаго Обозрѣнія“, желающіе получить въ 1891 г. ежедневныя телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“, благоволятъ добавлять къ подписной цѣнѣ 3 р. за годъ, 2 р. за полгода; иногородніе же по московскому тракту — 7 р., по забайкальскому — 5 р. 50 к. и по якутскому—4 р. 50 к.

Адресъ: Иркутскъ, редакція „ВОСТОЧНАГО ОБОЗРѢНІЯ“.

Издатель **Н. М. Ядринцевъ.** Редакторъ **В. А. Ошурковъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

общественной жизни, политики, литературы, промышленности и торговли

„КУРСКІЙ ЛИСТОКЪ“

на 189½ годъ

(13-й годъ изданія).

Выходитъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ пересылкою и доставкою: за 12 м.—5 р., 6 м. 2 р. 50 к., 3 м. 1 р. 25 к., 2 м. 1 р., 1 м. 60 к. **Безъ доставки:** на 12 м.—4 р., на 6 м.—2 р., на 3 м.—1 р. Отдѣльные №№ «Курскаго листка» 5 к. Подписка принимается съ 1 чис. каждаго мѣс.

Курскъ, Можаевская улица, домъ Фесенко.

Открыта подписка на **1892** г. на

ЕЖЕДНЕВНУЮ БОЛЬШУЮ ГАЗЕТУ

РУССКІЙ ЛИСТОКЪ.

Въ изданіи участвуютъ: **А. М. Пазухинъ, И. А. Вашковъ, С. Ѳ. Рыскинъ, В. А. Риваль, Н. А. Хлоповъ, Д. С. Дмитріевъ, И. К. Кондратьевъ, М. А. Козыревъ, А. П. Андреевскій, Е. О Дубровина, М. С. Сковронская, Елизавета Г., Я. Д. Земскій, Л. И. Ретюнская, В. С. Карцовъ, Л. А. Фейгинъ, В. В. Васильевъ, А. А. А—въ, С. С. Будченко, Р. А. Менделевичъ, Н. Н. Кельшъ** и мног. др.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

на одинъ мѣсяцъ **60** к., на полгода **3** р., на годъ **5** р.

NB. *Гг. иногороднимъ подписчикамъ. Почтовыя марки вмѣсто денегъ конторою редакціи* **не принимаются**

Адресъ редакціи и конторы: Москва, Б. Лубянка, Варсонофьевскій пер., домъ Рябушинскаго.

1-го **СЕНТЯБРЯ** ВЫШЛА И РАЗДАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ IX-я КНИЖКА ЖУРНАЛА

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

СОДЕРЖАНІЕ: **ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.** I. „НЕ ГЕРОЙ“. Романъ въ 2-хъ частяхъ. **И. Потапенко.**—II. ЦАРСТВА ДВУХЪ МОНАХОВЪ. Историческіе очерки. **А. Михайлова (А. К. Шеллера).**—III. ШКОЛЫ ГРАМОТНОСТИ И „ВОЛЬНЫЕ УЧИТЕЛЯ“. **А. Пругавина.**—IV. РОДНЫЯ ТѢНИ. (Изъ парижскихъ скитаній). **Н. Сѣверова.**—V. ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ. **Г. Работникова.**—VI. ВОЗНИКНОВЕНІЕ БРАЧНЫХЪ СОЮЗОВЪ К. Каутскаго. (Переводъ). **Покровскаго.**—VII. ЛЕБЕДИНАЯ ПѢСНЬ. (Съ грузинскаго, изъ стихотвореній А. Р. Церетели).—VIII. ЛОЖЬ ЕЯ ЖИЗНИ. Романъ Александра Рёмера. Пер. съ нѣмецкаго **Д. Л. Михаловскаго.**—IX. ИЗЪ АЛЬФРЕДА ДЕ-МЮССЕ. Стихотвореніе. **С. Уманца.**—X. ОДИНЪ ИЗЪ ВОПРОСОВЪ ДНЯ: Сервитутныя отношенія въ юго-западномъ краѣ. **Н. Астырева.**—XI. ПОСЛѢДНІЯ СЛОВА. Стихотвореніе. **В. Булгакова. ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.** I. КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ЛИФЛЯНДІИ. Статья первая. Проф. **И. Лучицкаго.**—II. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ: 1) ОЧЕРКИ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ТВЕРСКАГО ЗЕМСТВА за двадцатипятилѣтіе его существованія. (По земскимъ матеріаламъ). **Н. Мамадышскаго.**—2) ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ И ОБЩИННЫЙ БЫТЪ КРЕСТЬЯНЪ И ИНОРОДЦЕВЪ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНІИ **А. А. К.**—III. ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ. Самоубійства послѣдняго времени.—Разнохарактерность ихъ и преобладающіе мотивы.—Необходимость собиранія и болѣевнимательнаго изслѣдованія фактовъ.—Низкій курсъ на жизнь, какъ общая характерная черта.—IV.—СОБЫТІЯ И НОВОСТИ. Отплытіе французской эскадры.—Новый таможенный тарифъ.—Воспрещеніе вывоза ржи заграницу.—Недоразумѣнія и безпорядки изъ-за вывоза хлѣба.—V. ПИСЬМО Г. ЛЮБОЩИНСКАГО.—VI. ПО ПОВОДУ РУССКАГО ПЕРЕВОДА ПѢСЕНЪ ОССІАНА. Поэмы Оссіана Джемса Макферсона. **Ѳ. Брауна.**—VII. НОВЫЯ КНИГИ. 1) Беллетристика и поэзія. 2) Медицина. 3) Общественныя науки. 4) Педагогическая и дѣтская литература и изданія для народа.—VIII. ФРАНЦУЗСКАЯ ВЫСТАВКА ВЪ МОСКВѢ. **А. Каменскаго.**—IX. ПИСЬМА ИЗЪ АМЕРИКИ. XVI. Фермеры въ Соединенныхъ Штатахъ. **В. Макъ-Гаханъ.**—X. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. **Р. Сементковскаго.**—XI. ПРИЛОЖЕНІЕ: СВѢТСКАЯ ЖЕНЩИНА. Романъ Мабель Робинзонъ. (Пер. съ англійскаго). **А. Погосской.**

ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ. С.-Петербургъ, Троицкая улица, д. № 9.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: годовая цѣна безъ пересылки и доставки 12 р., съ доставкой въ Петербургѣ 12 р. 50 к., съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи—13 р. 50 к.; **на полгода**—7 р. 50 к.; на четверть года—4 р.; за границу 15 р. Для подписывающихся чрезъ Главную Контору разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1-му апрѣля—4 р., къ 1-му іюля—3 р. и 1-му октября—2 р. 50 к.

Издательница **Л. Я. Гуревичъ.** Редакторъ **М. Н. Альбовъ.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ „БУДИЛЬНИКА“.

ЧИТАТЕЛИ и ПРЕЛЕСТНЫЯ ЧИТАТЕЛЬНИЦЫ!

Садитесь за столъ, берите бумагу—и пишете. Пишите прямо, безъ фальсификаціи все, что вы знаете и думаете

„О ДОКТОРАХЪ И АДВОКАТАХЪ“!!

Отъ смерти и отъ суда никто не можетъ уклониться. Поэтому всякій изъ васъ долженъ знать пли доктора, или адвоката или, еще хуже, того и другаго вмѣстѣ. Мефистофелю только этого и надо! Онъ хочетъ собрать, при помощи всероссійской корреспонденціи, интересныя и пелицепріятные отзывы о томъ, какіе доктора и адвокаты дѣйствуютъ на родной нивѣ,—и напечатать.

Пишите о нихъ, съ какой стороны знаете и хотите: общественной, семейной, матримоніальной, музыкальной и инструментальной, психопатической, спиритической, клубной, обывательской, сосѣдской, пріятельской и непріятельской. Для насъ всѣ доктора хороши! Аллопатическіе, гомеопатическіе, невропатическіе, ушные, горловые, „наружные“, „внутренніе“, „домашніе“, зубные, ножные и даже ручные, если у васъ такіе есть!

Адвокаты годятся—уголовные, гражданскіе, бракоразводные, брюнеты, блондины, съ усами, безъ опыхъ, красивые, „такъ себѣ“ и даже „уроды“,—во всѣхъ видахъ: во фракахъ, „домашнихъ костюмахъ“ и халатахъ.

И такъ, къ оружію. citoyens!! Беритесь за перья, зарядите ваши чернильницы порохомъ и стрѣляйте, т. е. пишите! Можете убить однимъ письмомъ „двухъ зайцевъ“—доктора и адвоката—если у васъ хватитъ пороха.

Всѣхъ „интересно-раненныхъ“ мы соберемъ, „перевяжемъ“ и преподнесемъ въ видѣ *„букета изъ докторовъ и адвокатовъ“* къ новому году.

Это будетъ неслыханный, потрясающій и высокопоучительный „медико-юридическій актъ“... вѣжливости, конечно!!

Прим. Во избѣжаніе *„членовредительства“*—(„Будильникъ“ никому не желаетъ вредить, какъ члену общества!)—можете не подписывать своихъ именъ и фамилій. Требуется только общественное званіе автора и названіе города.

Письма просимъ адресовать: **Москва**, редакція сатирическаго журнала **„Будильникъ“**.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1892 годъ. (Годъ тридцатый).

Годовая цѣна—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Сергіевская улица, домъ 61-й, кв. 11 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

„ОКРАИНА“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ,

съ безплатными беллетристическими и научными приложеніями.

Единственный частный органъ въ Закаспійской области и Туркестанскомъ краѣ.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою: на годъ **5** руб., на $\frac{1}{2}$ года **3** руб. **50** коп., на 3 мѣсяца **2** руб. **50** коп, на 1 мѣсяцъ **1** руб., за границу за годъ **8** руб. На другіе сроки подписка не принимается.

Адресъ редакціи: Самаркандъ. Отдѣленіе: Ташкентъ, типографія Бр. Порцевыхъ.

НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ВЪ 1891 ГОДУ

(восьмой годъ изданія).

Условія подписки, съ пересылкою и доставкою: на годъ **10 р.**, на полгода—**6 р.**, на три мѣсяца—**3 р. 50 к.**, на одинъ мѣсяцъ—**1 р. 50 к.** За границу: на годъ—**17 р.**, на полгода—**9 р.**, на три мѣсяца—**5 р.** (Подписка принимается не иначе, какъ считая съ 1-го числа любаго мѣсяца).

Иногородніе адресуютъ свои требованія: **Въ Тифлисъ, въ редакцію газеты „Новое Обозрѣніе“.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„КАЗАНСКІЙ БИРЖЕВОЙ ЛИСТОКЪ“

Газета издается **двадцать третій** годъ. Въ программу входятъ: правительственныя распоряженія, статьи по общественнымъ вопросамъ, городская и областная хроника, критика и библіографія, фельетоны, политическое обозрѣніе и друг. отдѣлы, составляющіе принадлежность газетъ съ широкою программою.

Кромѣ того, газета имѣетъ въ своей программѣ **торговый отдѣлъ**. На болѣе цѣлесообразную и широкую постановку этого отдѣла обращено особое вниманіе.

Подписная цѣна: для иногородныхъ **9** р. въ годъ, за полгода **5** р., на 3 мѣсяца **3** р. и на мѣс. **1** р. **25** к. Городскіе подписчики съ доставкою платятъ **7** р. Земскіе учителя и учительницы, студенты и учащіеся платятъ: иногородніе **8** р., городскіе **6** р. съ правомъ разсрочки.

Требованія адресуютъ въ г. Казань, въ редакію **„Казанскаго Биржеваго Листка“**.

Продолжается подписка на ежемѣсячный толстый журналъ литературы, науки, искусствъ и общественной жизни

(съ рисунками и картинами)

„КОЛОСЬЯ“

Редакція и Контора: С.-Петербургъ, Николаевская, 16.

VIII г. За г. съ пер. **8** р. ½ г. **4** р. **VIII г.**

Въ вышедшихъ девяти книгахъ помѣщены слѣд. произвед.: **Со ступеньки на ступеньку**, ром. изъ московской жизни послѣдп. дней (окончен). **Васька Паленый**, пов. изъ жизни горнораб. на Уралѣ (окончена). **Деньги**, ром. Э. Зола (окончен). **Два десятилѣтія**, (Ф. М. Достоевскій и А. **О**. Писемскій). **Воровка**, разск. (съ рисунками). **Жертва предразсудка**, разск. **Очерки швейцарскихъ конституцій. Знаменитыя куртизанки** древнихъ вѣковъ. **Жизнь-Битва**. Пьеса. **Передъ зеркаломъ**, повѣсть. **Поѣздка на Кермашъ**. Очерки Бѣлоруссіи. **Путешествіе Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича на Востокъ. Нѣмой свидѣтель**, разсказъ. **Идеалисты и практики жизни**. Драма. **Марія Анна**. Истор. разск. **Загубленная**, ром. изъ жизни петерб. большого свѣта. **Мысъ Ѳіолентъ** и Георгіевскій монастырь въ Крыму. **Душа**, ром. Ж. Онэ. **Малютка**. Разсказъ (съ рисунками). **Графъ Лейчестеръ**. Трагедія. **Ревность**. Поэма. **Простая душа** Флобера и друг. Галлерея русскихъ дѣятелей: А. Н. Майковъ и А. Н. Бекетовъ (съ портретами). 1881—1891 г. съ портретами *Ихъ Величествъ*. Каждая книга заключаетъ въ себѣ: Обзоръ общ. жизни, фельетонъ, литерат.-критич. отдѣлъ, хронику по всѣмъ отраслямъ знанія, музыкальное и художественное обозрѣніе. Подписчики получаютъ соб. соч. **М. Ю. Лермонтова** съ портретомъ, біограф. и примѣч.

ПОДПИСКА НА

„ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“

въ 1891 году.

Въ настоящемъ году **„Варшавскій дневникъ“** увеличиваетъ свой объемъ и будетъ выходить попрежнему по утрамъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Въ Варшавѣ:		**Съ пересылкою:**	
На годъ	9 р. 60 к.	На годъ	12 р.—к.
„ полгода	4 „ 80 „	„ полгода	6 „ —„
„ три мѣсяца	2 „ 40 „	„ три мѣсяца	3 „ —„
„ мѣсяцъ	— „ 80 „	„ мѣсяцъ	1 „ —„

Для уѣздныхъ и гминныхъ управленій, магистратовъ, народныхъ училищъ и духовныхъ лицъ уступается при подпискѣ на годъ за **10** р., при подпискѣ на полгода за **5** р.

Подписка принимается: въ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ (Варшава, Медовая, № 20), а также въ книжныхъ магазинахъ Н. П. КАРБАСНИКОВА въ С.-Петербургѣ, Литейный пр., № 48, въ Москвѣ, Моховая, д. Коха, и въ Варшавѣ, Новый-Свѣтъ № 65.

Редакторъ-издатель **П. А. Булаковскій.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА **1891** ГОДЪ

на общественную, литературную и политическую газету

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

выходящую въ Казани ежедневно, за исключеніемъ дней, слѣдующихъ послѣ праздниковъ.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Въ „Волжскомъ Вѣстникѣ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица: Н. Я. Агафоновъ, Н. Ф. Анненскій, Н. Н. Блиновъ, проф. Н. Н. Буличъ, проф. А. В. Васильевъ, А. С. Гацискій, В. А. Гольцевъ, проф. В. В. Ивановскій, В. Г. Короленко, проф. Д. А. Корсаковъ, проф. К. М. Леонтьевъ, проф. Ѳ. Г. Мищенко, проф. Е. А. Нефедьевъ, В. О. Португаловъ, Посадскій, А. А. Савельевъ. проф. И. Н. Смирновъ, проф. Н. В. Сорокинъ, проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, С. Н. Южаковъ, Г. И. Успенскій и друг.

Подписная цѣна для иногородныхъ, съ пересылкой: на годъ **9** р., на полгода **5** р., на 3 мѣсяца **2** р. **75** к., на 1 мѣсяцъ **1** р.

Гг. иногородніе подписчики требованіе на газету и высылку денегъ благоволятъ адресовать слѣдующимъ образомъ: Казань, редакція „Волжскаго Вѣстника“.

Редакторъ-издатель **Н. Рейнгардтъ.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ,

напечатанныя въ №№ 1—15 журнала „Артистъ“ и №№ 1—6 журнала „Театральная Библіотека“.

	№№ кн. Артиста.	№№ кн. Т. Библ.
„Автора въ театрѣ нѣтъ“, ш. въ 1 д. **И. Л. Щеглова.** (Къ представленію разрѣшено безусловно см. „Правит. Вѣсти.“ 91 г. № 176)	—	3
„Ахъ мужчины, мужчины!“ ком.-ф. въ 4 д. перед. изъ ком. Залевскаго **Н. А. Тихановымъ** (Пр. В. 91 г. № 144)	—	2
„Бабье дѣло“, ш. въ 2 д. **А. Н. Канаева** (90 г. № 202)	7	—
„Безъ ниншала“, ш. въ 1 д. **В. Р. Щиглева** (Тоже 90 г. № 202)	7	—
„Божья коровка“, ком. въ 4 д. **П. Д. Боборыкина.** (90 г. № 12)	4	—
„Борьба за существованіе“, піеса въ 5 д. **А. Додэ**, пер. **Э. Э. Матерна.** (90 г. № 12)	4	—
„Вамъ такія сцены не знакомы? Сценка въ 1 д. Соч. Н. А. Дрейфуса. Перев. **Н А. Тиханова.** (91 г. №№ 144 и 176)	—	4
„Василенъ“, ком. въ 4 д. **В. А. Крылова.** (90 г. № 283)	11	—
„Водоворотъ“, др. въ 5 д. **И. В. Шпажинскаго.** (90 г. № 12	3	—
„Вольная волюшка“, др. въ 5 д. **И. В. Шпажинскаго.** (91 г. № 31)	12	—
„Всякому свое“, ком. въ 4 д. **Н. В. Назанцева.** (90 г. № 202)	5	—
„Въ мутной водѣ“, ш. въ 1 д. **Н. С. Семенова** (91 г. № 144)	—	1
„Въ слѣдующій разъ“, сценка-монологъ въ 1 актѣ **Грене-Данкура**, перев. съ французск. **Ѳ. А. Куманина.** (90 г. № 202). (Въ отдѣльн. изд. вашего журнала—91 г. № 31)	8	—
„Въ сонномъ царствѣ“, ком. въ 4 д. **И. Я. Гурлянда.** (90 г. № 202)	8	—
„Въ старые годы“, др. въ 5 д. **И. В. Шпажинскаго.** (89 г. № 258)	1	—
„Гастролерша“, шутка въ 1 дѣйствіи **Ивана Щеглова.** (90 г. № 228)	9	—
„Геніальная женщина“, шутка въ 1 д. **А. Р. Г.** (91 г. № 144)	—	1
„Гусь лапчатый“, др. въ 5 д. **И. А. Салова.** (90 г. № 283)	11	—
„Дармоѣдка“, комедія въ пяти дѣйствіяхъ **И. А. Салова.** (90 г. № 202)	8	—
„Докторъ Штокманъ“, др. въ 5 д. **Г. Ибсена**, перев. **Н. Мировичъ.** (91 г. № 120)	15	—
„Долгъ чести“, драма въ 1 д. **П. Гейзе**, перев. **Э. Э. Матернъ.** (91 г. № 176)	—	3
„Донъ Карлосъ инфантъ испанскій“, тр. въ 5 д. **Шиллера.** Приспособленный для сцены переводъ **И. Н. Грекова.** Съ рисунками костюмовъ **гр. Ѳ. Л. Соллогуба**	1—4	—
„Донъ Фернандо, стойкій принцъ“, траг. въ 5 д. **Кальдерона**, перев. **Н. Ѳ. Арбенина**	12—14	—
„Душа потемки“, сцены въ 3 д. **М. П. Садовскаго**	—	5
„Жизнь Илимова“, будничная драма въ 5 карт. **В. С. Лихачова**	15	—
„Жить надоѣло“, ш. въ 1 д. **В. В. Билибина.** (91 г. № 176)	—	3
„Жоржиньна“, комедія-фарсъ въ 2 д. **Чека.** (91 г. № 94). (Въ отдѣльномъ изданіи нашего журнала—91 г. № 120).	14	—
„Жрица искусства“, ком. въ 4 д. **Е. П. Карпова.** (91 г. № 59)	14	—
„Золотая рыбка“, ком. **И. А. Салова** и **И. Н. Ге.** (90 г. № 12)	3	—
„Интересная больная“, шутка въ 1 д. **В. Холостова**	—	6
„Искорка“, ком. въ 1 д. **Пальерона**, перед. для русск. сцены **А. Н. Плещеевымъ.**	—	5
„Камень при распутьи“, ком. въ 3 д кн. **Н. П. Урусова** (91 г. № 176)	—	4
„Кража“, драм. этюдъ въ 1 д. **кн. Д. П. Голицына (Муравлина).** (90 г. № 228)	9	—
„Лебединая пѣсня“ *„Калхасъ“*, др. эт. въ 1 д. **А. П. Чехова.** (89 г. № 274)	2	—
„Мамаево нашествіе“, ком.-шут. въ 3 д. **Ивана Щеглова.** (90 г. № 283)	10	—
„Маman“, ком. въ 2 д. **С. Н. Терпигорева** (Сергѣя Атавы). (90 г. № 12)	3	—
„Медвѣдь“, ш. въ 1 д. **А. П. Чехова** (90 г. № 202)	6	—
„Мельхіоръ“, ком. въ 1 д. **С. Меллера**, перев. **Н. Г.**	—	5
„Молчаніе“, шутка въ 1 д. **В. В. Билибина.** (91г. № 31)	12	—
„Мышеловка“, ш. въ 1 д. **И. Л. Щеглова** (89 г. № 258)	1	—
„Не всякому канъ Якову“, картина сельской жизни въ 1 д. **Е. П. Гославскаго.** (91 г. № 59)	13	—
„Не въ добрый часъ“, ш. въ 1 д. **И. Л. Щеглова**	—	5
„Нежданный гость“ (Жакъ Дамуръ), др. въ 1 д. **Энника** (передѣлано изъ романа **Эмиля Золя**), переводъ съ франц. **И. Л. Щеглова.** (90 г. № 202)	5	—
„Незадачный дененъ“, ш. въ 1 д. **Н. Каменскаго**	—	5
„Незваный гость“, небывалый анекдотъ **Н. Леонтьева**	—	6
„Ненастье“, ком. въ 1 д. **П. П. Гнѣдича.** (91 г. № 59)	11	—
„Новое дѣло“, ком. въ 4 д. **Влад. Ив. Немировича-Данченко.** (90 г. № 283). (Въ		

	№№ кн. Артиста.	№№ кн. Т. Библ.
отдѣльномъ изданіи нашего журнала—91 г. № 31)	10	—
„Обухъ“ („Ни съ того, ни съ сего“) („Nowy dziennik“), ком. въ 3 д. Балуцкаго. Перед. для р. сц. **Е. М. Б—аго.** (91 г. №176).	—	4
„Озимь“, др. въ 4 д. **А. А. Луговаго** (90 г. № 202)	7	—
„Опасные люди“ („Два полюса“), драма въ 4 д. **К. В. Назарьевой.** (91 г. № 176).	—	3
„Осень“, ком. въ 3 д. **В. М. Михеева** (91 г. № 144)	—	2
„Отставка“, шутка въ 1 дѣйст. (91 г. №№ 144 и 176)	—	4
„Перекати поле“, ком. въ 4 д. **П. П. Гнѣдича.** (90 г. № 12). (Въ отд. изданіи нашего журнала—90 г. № 228)	4	—
„Плагіатъ“, ком. въ 1 д. **К. С. Баранцевича.** (90 г. № 202)	6	—
„Подвижной лагерный сборъ“, карт. въ 1 д. **Н. П. Неймана** (91 г. № 144)	—	1
„Подъ властью сердца“, др. въ 5 д. **И. Н. Ладыженскаго** (89 г. № 274)	2	—
„По кровавымъ слѣдамъ“, фарсъ въ 1 дѣйст. **Г. Н. Грессера.** (90 г. № 283)	10	—
„По ревизіи“, эт. въ 1 д. **М. Л. Кропивницкаго.** (91 г. № 94)	14	—
„Порывъ“, др. въ 4 д. **Н. О. Ракшанина** (91 г. № 31)	12	—
„Послѣднее сокровище“, др. эт. въ 2 д. **В. М. Михеева** (91 г. № 144)	—	1
„Похищеніе Сильфиды“, ком. въ 1 д. **В. Билибина**	—	5
„Предложеніе“, ш. въ 1 д. **А. П. Чехова** (90 г. № 12)	3	—
„Привѣтствіе искусствъ“, лирическая сцена Шиллера, перев. **Н. Ѳ. Арбенина.**	2	—
„Приступомъ“, сцена въ 2 д. **И. В. Шпажинскаго.** (90 г. № 202)	5	—
„Разладъ“, др. въ 4 д. **В. А. Крылова** (89 г. № 274)	2	—
„Ранняя осень“, драма въ 4 д. **Е. П. Карпова.** (91 г. № 59). (Въ отдѣл. изд. нашего журнала—91 г. № 31)	13	—
„Ревнивый актеръ“, монологъ въ стихахъ **гр. Ѳ. Л. Соллогуба.** (89 г. № 258)	1	—
„Револьверъ“, ком. въ 1 д. **В. В. Билибина.** (90 г. № 283)	10	—
„Самъ у себя подъ стражей“, ком. въ 3 д. **Донъ Педро Кальдерона дель Барка,** приспособл. къ сценѣ **С. А. Юрьевымъ.**	15	—
„Сарданапалъ“, трагедія **Байрона,** переводъ **О. Н. Чюминой** (90 г. № 283)	9—11	—
„Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ“, шутка въ 1 д. **Хеля,** перев. **Н. Ѳ. Арбенина.** (90 г. № 202)	6	—
„Симфонія“, комедія въ 5 дѣйств. **Модеста И. Чайковскаго.** (90 г. № 228)	9	—
„Скитальцы“, сцена въ 5 д. **Н. С. Генкина.** (90 г. № 202)	6	—
„Старая погудка на новый ладъ“, к. въ 1 д. въ стихахъ **О. Н. Чюминой** (90 г. № 202)	6	—
„Стоячія воды“, картинки соврем. жизни въ 3 дѣйств. **П. П. Гнѣдича.** (90 г. № 228)	9	—
„Съ бою“, ком. въ 4 д. **П. Д. Боборыкина.** (91 г. № 59)	13	—
„Сюжетъ заимствованъ“, фарсъ въ 1 д. **Н. В. Каменскаго** и **В. С. Пичинскаго** (91 г. № 176)	—	3
„Трагикъ по неволѣ“, ш. въ 1 д. **А. П. Чехова.** (90 г. № 202)	7	—
„Три встрѣчи“, монологъ въ стихахъ **М. И. Лаврова** (91 г. № 144)	—	1
„Турусы на колесахъ“, ш. въ 1 д. **И. Л. Щеглова** (90 г. № 202)	7	—
„Уѣздный Шенспиръ“, ком. въ 1 д. **И. Я. Гурлянда.** (90 г. № 202)	6	—
„Федра“, траг. **Ж. Расина,** перев. **М. П. С—го.** (90 г. № 202)	5—7	—
„Фотографъ любитель“, ш. въ 1 д. **Э. Э. Матерна.** (90 г. № 202)	6	—
„Цѣпи“, др. въ 4 д. **кн. А. И. Сумбатова.** (89 г. № 258)	1	—
„Чудакъ“, ком. въ 4 д. **И. Л. Щеглова.**	—	6
„Школа гостепріимства“, ш. въ 2 д. **А. Н. Канаева.** Сюжетъ заим. изъ пов. **Д. В. Григоровича**	—	6
„Эллида“, др. въ 5 д. **Г. Ибсена,** перев. **В. М. Спасской.**	14	—

Отдѣльные №№ журнала **„Артистъ“** продаются по **2** рубля.— **„Театральной Библіотеки“** по **1** рублю. (Цѣна тома „Театральной Библіотеки“ (4 книги)—3 руб.).

Выписывающіе изъ конторы редакціи за пересылку не платятъ.

Экземпляры № 4 всѣ разпроданы, („Перекати поле“, ком. въ 4 д. П. П. Гнѣдича напечатана отдѣльнымъ изданіемъ. Цѣна **1** р. **50** к.).

Вышепоименованныя піесы разрѣшены къ представленію безусловно— соотвѣтствующіе №№ „Правительственнаго Вѣстника“ указаны въ скобкахъ.

„Театральная Библіотека“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПРОГРАММА.

1) Драматическія произведенія (трагедіи, драмы, комедіи и водевили), **одобренныя** драматическою цензурою **для представленія безусловно**; 2) монологи, сцены и стихотворенія, одобренные драматическою цензурою къ публичнымъ чтеніямъ; 3) критика и библіографія; 4) практическія указанія режиссерамъ.

Въ каждой книгѣ помѣщается отъ 4 до 8 актовъ драматическихъ произведеній.

Отдѣльные нумера—1 руб.

Цѣна за томъ (4 книжки)—3 рубля.

Выписывающіе изъ редакціи (Москва, Кудрино, Садовая, домъ Бартельсъ), **за пересылку не платятъ.**

Подписная цѣна на журналъ „Театральная Библіотека“.

	На 12 мѣс.	На 8 мѣс.	На 4 мѣсяца.
Безъ доставки	3 руб.	2 руб.	1 руб. 50 коп.
Съ доставкой	4 „	3 „	2 „ — „

Подписка принимается ТОЛЬКО отъ подписчиковъ на журналъ „Артистъ“ и только на тѣ же сроки, на какіе они состоятъ подписчиками на журналъ „Артистъ“.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА (№№ 1—4).

Книга первая. (Май 1891 г.)

„Въ мутной водѣ“, шутка въ 1 д. Н. С. Семенова.
„Геніальная женщина“, шутка въ 1 д. А. Р. Г.
„Подвижной лагерный сборъ“, карт. въ 1 д. Н. П. Неймана.
„Послѣднее сокровище“ др. этюдъ въ 2 д. В. М. Михеева.
„Три встрѣчи“, монол. въ стихахъ М. И. Лаврова.

Книга вторая. (Іюнь 1891 г.)

„Ахъ мужчины, мужчины!“ ком.-фарсъ въ 4 д., перед. изъ ком. Залевскаго Н. А. Тихановымъ.
„Осень“, ком. въ 3 д. В. М. Михеева.

Книга третья. (Іюль 1891 г.)

„Автора въ театрѣ нѣтъ“, шутка въ 1 д. И. А. Щеглова.
„Долгъ чести“, драма въ 1 д. П. Гейзе, перев. Э. Э. Матернъ.
„Жить надоѣло“, шутка въ 1 д. В. В. Билибина.
„Опасные люди“, драма въ 4 д. К. В. Назарьевой.
„Сюжетъ заимствованъ“, фарсъ въ 1 д. Н. В. Каменскаго и В. С. Пичинскаго.

Книга четвертая. (Августъ 1891 г.)

„Камень при распутьи“, комедія въ 3 д. князя Н. П. Урусова.
„Отставка“, шутка въ 1 дѣйствіи.
„Обухъ“ („Ни съ того, ни съ сего“) („Nowy dziennik“), комедія въ 3 д. Балуцкаго. Передѣлка для русской сцены Е. М. Б—аго.
„Вамъ такія сцены не знакомы?“ Сценка въ 1 д. соч. Н. А. Дрейфуса, перев. Н. А. Тиханова.

5-я книжка (Сентябрь 1891 г.).

Содержаніе. **„Душа—потемки“**, житейскія сцены въ 3 д. *М. П. Садовскаго.* — **„Искорка“**, ком. въ 1 д. *Пальерона*, перев. *А. Н. Плещеева.*—**„Не въ добрый часъ“**, ш. въ 1 д. *И. Л. Щеглова.*—**„Мельхіоръ“**, ком. въ 1 д. *С. Мелларъ*, перев. *Н. Г.*—**„Похищеніе Сильфиды“**, ком. въ 1 д. *В. Холостова.*—**„Незадачный денекъ“**, ш. въ 1 д. *Н. В. Каменскаго.*

Вышла 6-я книжка (Октябрь 1891 г.).

Содержаніе. **„Чуданъ“**, ком. въ 4 д. *И. Л. Щеглова.*—**„Школа гостепріимства“**, ш. въ 2 д. *А. Н. Канаева.*—**„Интересная больная“**, ш. въ 1 д. *В. Холостова.*—**„Незваный гость“**, небывалый анекдотъ въ 1 д. *Н. Г. Леонтьева.*

Издатель Ѳ. А. Куманинъ. Отвѣтственный редакторъ **И. И. Петровъ.**

Въ неравной борьбѣ.

Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Влад. Александрова.

Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ на Александринскомъ театрѣ 7 февраля 1891 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

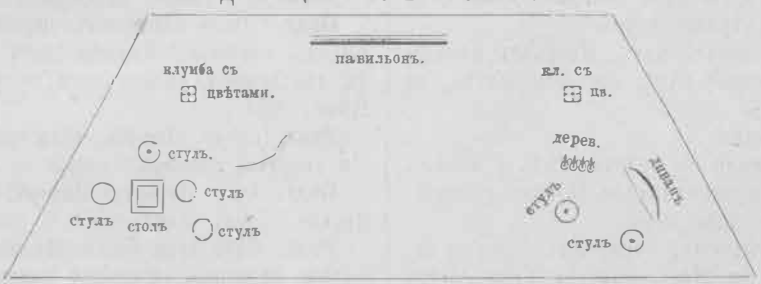
Сергѣй Николаевичъ Тоболинъ-Турскій, богатый помѣщикъ . . . . *Г. Писаревъ.*
Зина, его дочь, 18 л. . . . . *Г-жа Мичурина.*
Елена Николаевна фонъ-Штенгъ, сестра Тоболина, вдова. . . . . *Г-жа Абаринова.*
Марья Степановна, экономка Тоболина . . . . . *Г-жа Дюжикова.*
Лизавета Григорьевна, ея дочь, лѣтъ 25. . . . . *Г-жа Савина.*
Илья Петровичъ Штепенко, отставной капитанъ артиллеріи, сосѣдъ Тоболина. . . . . *Г. Ленскій.*
Леонидъ Викторовичъ Старковскій. . . . . *Г. Дальскій.*
Кассьянъ Яковлевичъ Подгуляевъ, безъ опредѣленной профессіи, живетъ у Тоболина . . . . . *Г. Панчинъ.*
Василій, садовникъ. . . . . *Г. Головинскій.*
Григорій, лакей въ домѣ Тоболина. . . . . *Г. Троепольскій.*

Дѣйствіе происходитъ въ имѣніи Тоболина.

Между 1-мъ и 2-мъ дѣйствіями проходитъ нѣсколько дней, между 2-мъ и 3-мъ—двѣ недѣли, между 3-мъ и 4-мъ—мѣсяцъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ДЕКОРАЦІЯ 1-ГО И 2-ГО АКТА.



Фасадъ стариннаго барскаго дома, передъ нимъ садъ, клумбы съ цвѣтами; на одной сторонѣ сцены—столъ, вокругъ него садовая мебель.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Лиза и Подгуляевъ. (*Лиза, въ русскомъ костюмѣ, ходитъ по сценѣ.*)

Подг. Напрасно, Лизавета Григорьевна, отъ души говорю, напрасно.

Лиза. Неужели...

Подг. Отъ всей души.

Лиза. Спасибо.

Подг. Посудите, какое ваше положеніе, весьма неопредѣленное, вѣрнѣе сказать, шаткое...

Лиза. Всѣ знаютъ, кто мы.

Подг. Положимъ, знаютъ.

Лиза. Такъ и толковать не о чемъ.

Подг. Положимъ, всѣ знаютъ: Марья Степановна только по званію экономка, знаютъ, кѣмъ приходится вамъ Тоболинъ, да вѣдь это всѣ знаютъ, а фундамента все-таки нѣтъ. Сегодня умри внезапно Сергѣй Николаевичъ—и крышка. Наслѣдница-дочка законная, а каковъ характеръ у этой дочки, у Зинаиды Сергѣевны, того никто не знаетъ.

Лиза (*остановясь*). Дочка тутъ не причемъ, она у тетки, какъ дочь. Выйдетъ замужъ, приданое дастъ ей Сергѣй Николаевичъ, да и все тутъ. Чужіе мы ему развѣ, осьмнадцать лѣтъ вмѣстѣ живемъ. (*Переходитъ направо.*) Чего только смущаете... Не таковъ Сергѣй Николаевичъ, обезпечитъ; навѣрно у него все написано.

Подг. Написано... Никогда-съ... и ничего-съ. Сами знаете, какъ онъ боится разговоровъ на счетъ смертнаго часу... ну, да и на счетъ денегъ крѣпокъ. Охъ, крѣпокъ...

Лиза (*усмѣхаясь, проходитъ направо и останавливается около стола*). Вы, однако, умѣете выпросить.

Подг. Я. Я—особая статья; въ ушко игольное пролѣзу. Вотъ вы говорите: «умѣете выпросить», а въ соображеніе возьмите, труда сколько стоитъ. Я за эти два года такъ Сергѣя Николаевича изучилъ, такъ изучилъ, прямо могу сказать—досконально. Такъ его характеръ понялъ, точно на рояли по клавишамъ могу играть. Тутъ нужно тонко. Положимъ, выпросишь, пойдетъ онъ выдавать, а ты не вздумай самъ близко подходить къ несгораемому шкапу. Разсердится—и всему дѣлу конецъ. Нѣтъ-съ, отворяетъ онъ шкапъ, револьверъ возлѣ себя положитъ, а ты—ноль вниманія, ходи по комнатѣ, да картины разсматривай... Однако мы уклонились отъ главнаго: въ послѣдній разъ говорю—обожаю, не отталкивайте вѣрнаго друга.

Лиза. Не надоѣло вамъ, Кассьянъ Яковлевичъ? Въ который разъ, все объ одномъ, да про одно.

Подг. Страдаю...

Лиза. Неужели не видите, нѣтъ у меня къ вамъ никакого расположенія. Понять, кажется, можете, даже давно пора.

Подг. Самъ вижу, пора; а все-таки не могу. Еслибъ я съ дурными намѣреніями... Нѣтъ никогда-съ.

Лиза. Ишь, женихъ какой выискался! Невѣдомо откуда проявился, опять же, на какомъ положеніи живетъ: не то управляющій, не то въ шутахъ... Туда же...

Подг. Осуждать легко.

Лиза. Иль думаете красотой взяли!? (*Отвернулась и перешла на другую сторону, а потомъ опять переходитъ направо.*)

Подг. Еслибъ вы хоть разъ внимательно меня выслушали.

Лиза. Наслушалась—будетъ!

Подг. Такъ-съ. Женщина вы, а по сему и легкомысленны. Положимъ, и не красавецъ я, внѣшняго лоску не получилъ, и по-французски, кромѣ бонжуръ, да мерси, можетъ, всего еще только два слова и знаю «бутейль», да «дю венъ», а все-таки во многомъ за себя постою. Вотъ вы изволили выразиться: «въ шутахъ состоитъ». Точно, похоже на то. Только вы разбирайте, въ самомъ дѣлѣ человѣкъ шутъ, или шутовство напускаетъ ради практическихъ соображеній...

Лиза. Ваше дѣло, мнѣ-то что... такъ сказала.

Подг. Вы вотъ нашимъ братомъ, мелкотравчатымъ, пошвыриваете, а того не соображаете, станетъ ли за васъ свататься другаго калибра.

Лиза. За кого пойду,—мое дѣло, не ваша забота, спрашиваться не стану.

Подг. А какъ бы обстроили дѣльце-то! Словомъ, годъ не пройдетъ, капиталъ солидный будетъ у насъ въ рукахъ и заживемъ мы въ городѣ... Вы съ Сергѣемъ Николаевичемъ не такъ разговариваете. Дѣйствовали бы по моему наставленію, такъ и родительское чувство въ немъ по настоящему пробудилось бы...

Лиза (*подошла къ Подгуляеву и говоритъ въ упоръ*). Любитъ ли отецъ, что у меня на душѣ, про то я знаю. И кто его теперь противъ насъ съ матерью сбиваетъ, знаю. Думаешь, Кассьянъ Яковлевичъ, этимъ взять. Ошибся, дружочекъ. Не на такую напалъ. Иль не видите, что у меня за характеръ? А еще умомъ хвалитесь.

Подг. Понимаемъ. Только и ваши мечтанья вздоръ и вздоръ пустой. Все знаемъ... (*Переходитъ.*)

Лиза. Что знаете? И скрывать нечего...

Подг. Давно замѣчаемъ: перемѣна и къ нарядамъ влеченіе... Сперва диву дался, наша ли это Лизавета Григорьевна, не подмѣнили ли? Нѣтъ, она!

Лиза (*съ*). Что-жь тутъ удивительнаго. Не старуха, кажется.

Подг. Охъ, Питеръ, Питеръ! Только напрасно. Бредъ одинъ.

Лиза. Вотъ куда гнете. Ну, что-жь, распускайте сплетню... Хорошій человѣкъ въ трущобу нашу заѣхалъ, да нами не пренебрегаетъ, такъ и не вѣсть что выдумываете... Чудесно, отлично...

Подг. На что лучше...

Лиза. Ну, да, для него одѣваюсь, такъ что-жь? Для васъ, что ли? Кто здѣсь понимаетъ.

Подг. Гдѣ намъ ровняться, Леонидъ Викторовичъ мужчина интересный. Одно жаль—

финансы плохи... А ужь на счетъ красоты понимать могутъ—что говорить!... Я такъ полагаю, сегодня, напримѣръ, за барыней какой пріударитъ, завтра въ хороводѣ красивую Матрешку примѣтитъ и ту вниманіемъ своимъ не оставитъ... По лѣтнему времени отчего же и съ вами компанію не водить, особенно... луна свѣтитъ, соловьи поютъ, а дѣвица въ достаточномъ возрастѣ, да и романы разные читала, ну, кровь по жиламъ и ходитъ. (*Смѣется.*)

Лиза. Какой у васъ подлый смѣхъ. Кто какъ смѣется, примѣта вѣрная.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ-же и Марья Степановна.

Мар. Степ. О чемъ ссоритесь? Чего не подѣлили? По моему такъ, что есть—все вмѣстѣ, чего нѣтъ—пополамъ.

Подг. Мы не ссорились, а такъ рузсуждали...

Мар. Степ. (*Лизѣ*). А ты чего хмурая? Какая бѣда приключилась? Охъ, и дѣвицы же нонѣ стали. Ни живости въ нихъ, ни веселья. То ли дѣло въ мое время... Мало-ль горя видѣлось, а и горе все бывало съ полъ-горя, все нипочемъ... Хоть себя возьму: сколько натерпѣлась, а все весела... Баринъ приласкалъ, завидки другихъ брали, ну, и досаждали... Завидовали, а какъ у меня на душѣ было, о томъ я знала... (*Пауза*). Дьяконша мальченку прислала, приходи, примѣрь платье, самой оторваться изъ дому ей нельзя, родные пріѣхали. (*Подуляевъ улыбается.*) Что зубы скалишь? Извѣстно, дѣло дѣвичье, молодое.

Подг. И Лизаветѣ Григорьевнѣ докладывалъ, удивляюсь, молъ.

Мар. Степ. Чему удивляешься, ну, говори?

Подг. Прежде никакого пристрастія къ туалету не имѣли, даже до крайности доходили, будто имъ все равно, а теперь все по иному. (*Прошелъ въ глубину сцены.*)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ-же и Василій (*съ лейкой.*)

Мар. Степ. Давно пора. Жара спала, а нѣтъ того, во время полить...

Василій. Учите еще.

Мар. Степ. И буду.

Василій. Вамъ бы только обидѣть человѣка...

Мар. Степ. А ты не груби, а то съ тобой разговоръ коротокъ, жалованье получай, да и маршъ... На человѣка не похожъ сталъ отъ пьянства, потому человѣку дано по сходству и подобію, а ты свое сходство и подобіе и ни вѣсть во что превратилъ.

Василій. Это вѣрно... Вѣрно... когда не пью, золотыя руки... А ежели...

Мар. Степ. Пошелъ разговаривать до заутрени... Знай свое дѣло, смотри за цвѣтами.

Василій. Смотрю. На васъ, Марья Степановна, угодить никакъ невозможно. А что къ вамъ, что къ Лизаветѣ Григорьевнѣ, всегда съ полнымъ почтеніемъ. Хозяйки, понимаю тоже... Кто преданнѣе меня? Никто... Потому — чувствую, по добротѣ вашей... Только объ одномъ думаю, какъ бы угодить... Вотъ Троица пріѣдетъ, я впередъ думаю, такой букетъ барышнѣ приготовлю... У меня теперь двадцать чайныхъ розъ, на удивленіе букетъ выйдетъ, вотъ что...

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

(*На террасѣ показывается* **Тоболинъ.**)

Тобол. Марья, гдѣ ты?

Мар. Степ. Здѣсь, Сергѣй Николаевичъ.

Тобол. Самоваръ готовъ?

Мар. Степ. Готовъ.

Тобол. Въ саду подать.

Мар. Степ. Сейчасъ. Василій, сбѣгай, скажи Семену, здѣсь чай готовить. Ну, поворачивайся скорѣй. (*Василій уходитъ.*)

Тобол. Славно выспался... и комаровъ сегодня мало.

Подг. Вѣтерокъ.

Тобол. Лиза, ты чего насупилась? А?

Лиза. И не думаю.

Тобол. Разсказывай. Знаетъ, главное, ненавижу кислыя лица, раздражаетъ...

Лиза (*встаетъ*). Могу уйти, не раздражать васъ...

Тобол. Умно... Вообще за послѣднее время ты на себя не похожа. А? Если что надо, спроси. А, что? Можешь толкомъ объяснить что, поймутъ...

Лиза. Еслибъ поняли, да сдѣлали, на что лучше.

Мар. Степ. (*тихо, дергая ее за платье*). Будетъ тебѣ, оставь...

Лиза. Оставьте вы меня. Вотъ, Сергѣй Николаевичъ сейчасъ сказали, толкомъ объяснить... И объясню, давно собиралась. Только не сейчасъ, ну, хоть завтра, а надо, очень надо.

Тобол. И прекрасно. (*Ласковымъ тономъ.*) Сердитая. (*Погладилъ по головѣ*) Въ меня характеромъ. (*Къ Подуляеву.*) Ну, министръ безъ портфеля, сходимъ пока на ферму.

Подг. Пойдемте-съ.

Тобол. (*къ Марьѣ Степановнѣ*). Коньякъ къ чаю подать... Тотъ, что вчера привезли, и ликеру. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Марья Степановна и Лиза.

Мар. Степ. Сбѣсилась ты, что ли?

Лиза. А что?

Мар. Степ. Какъ ты съ Сергѣемъ Николаевичемъ разговаривала?

Лиза. Испугались... Онъ теперь трезвый, все выслушаетъ. Вотъ кабы пьянъ былъ, ногайку въ дѣло пустилъ бы... а то заплакалъ.

Мар. Степ. Опомнись...

Лиза (*рѣзко*). Чего опомниться. Забыться рада.

Мар. Степ. Да чего тебѣ? Сыта, пригрѣта.

Лиза. Еще бы!... Сыта... И собаки у насъ сыты. Живешь, живешь, да и додумаешься. Что за положенье?... Отъ однихъ отстали, къ другимъ не пристали. Съ прикащиками, да съ простыми намъ водиться не къ лицу, да и мы для нихъ хоть и не бары, а все полубары, а настоящіе господа не очень-то къ намъ льнутъ.

Мар. Степ. Анъ и врешь... Возьми хоть Илью Петровича, Леонида Викторовича.

Лиза. Только и есть. Илья Петровичъ... Развѣ много такихъ? А Леонидъ Викторовичъ недавно еще... Что ему въ насъ... Хоть бы одѣться какъ слѣдуетъ... А спроси у отца денегъ... Какъ скупъ-то! Вонъ, дочери заграницу не скупится посылать... Завтра вотъ поговорю, все выскажу... Нѣтъ, я себѣ тоже цѣну знаю. Не уродъ. Дай капиталъ, такъ и женихи настоящіе будутъ... Все скажу: или обезпечьте, чтобъ такъ и знали всѣ, вотъ, молъ, приданое за ней какое; а не обезпечите, уйду.

Мар. Степ. Ты съума сошла, совсѣмъ рехнулась...

Лиза. Попугаю только. У меня тоже сердце есть. Все же люблю его. Не отпуститъ, привыкъ, оттого и не обезпечиваетъ, боится уйдемъ тогда, не захотимъ переносить его капризовъ. Это вы, маменька, по добротѣ своей, да родились крѣпостной, а во мнѣ нѣтъ этой мягкости...

Мар. Степ. И чего ты взялась... Жила до сихъ поръ, а тутъ, накось, вдругъ...

Лиза. Мало-ль что. Вдругъ. Нѣтъ не вдругъ, а по каплѣ набиралось. Тоже не каменная...

Мар. Степ. (*обнявъ Лизу*). Догадываюсь я, Лиза, догадываюсь. Только пустяки ты задумала, не пара онъ тебѣ.

Лиза. (*испуганно*). Кто вамъ сказалъ?

Мар. Степ. Сорока на хвостѣ принесла. Говорю, значитъ знаю. Брось, дитятко. Не мечтай. Не выйдетъ изъ этого толку.

Лиза. Что-жь и не помечтать... Мало-ль случаевъ бываетъ!... И совсѣмъ на простыхъ женятся... По модному одѣваться, да говорить—не трудно... Лишь бы деньги, а то какъ еще зажить можно... Пусть назначитъ приданое... Выберу я на дняхъ минуту хорошую и скажу все Сергѣю Николаевичу.

Мар. Степ. Безстрашная!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ-же и Штепенко.

Штеп. О чемъ совѣщаніе? Здравствуйте.

Мар. Степ. Илья Петровичъ, милости просимъ.

Лиза. Здравствуйте.

Штеп. Здравствуй. А владыко гдѣ, спитъ?

Мар. Степ. Всталъ. На ферму пошелъ, сейчасъ вернется.

Лиза, Гдѣ вы пропали?

Штеп. Вотъ нашелся. Такое сокровище, никто не украдетъ. Хозяйничалъ. Время сухое, уборкой торопимся, а урвешь часокъ, съ Машуткой посидѣть захочется.

Мар. Степ. Дѣвочка какая, просто не налюбуешься.

Штеп. Сорванецъ! Нашалитъ, напроказитъ, и надо бы наказать, да... обхватитъ рученками, начнетъ приговаривать: «папка добрый, папка у меня славный» — вотъ тутъ и наказывай!

Лиза. Хорошо, кого такъ любятъ... Вѣдь вотъ какъ это странно. Другой говоритъ, говоритъ и все какъ будто вѣрно, а сердцемъ сомнѣваешься. А вы, что ни скажете, шутя ли, серьезно ли, про любовь, про дѣло — во всемъ вамъ вѣришь.

Штеп. (*съ удареніемъ*). А кто это другой-то?

Лиза. Я такъ сказала, къ слову.

Мар. Степ. Не слушайте ее, батюшка. Она нынче полоумная какая-то.

Штеп. Вотъ даже какъ! Что же приключилось?

Лиза. Пустяки говорите, маменька.

Мар. Степ. Ладно. Поразспросите ее, батюшка, а я схожу за коньякомъ. Теперь у меня, Илья Петровичъ, все подъ замкомъ. Народъ такой воръ сталъ... Особливо на счетъ вина... (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Штепенко и Лиза, *потомъ* **Старковскій.**

Штеп. Что случилось?

Лиза. Да ничего.

Штеп. Какія думы смущаютъ?

Лиза. Мало ли!

Штеп. Именно?

Лиза. Не перескажешь всѣхъ...

Штеп. Смотрю я на тебя, Лиза, и дивлюсь, что съ тобой. Лицо тоже, глаза тѣ же, а что-то въ нихъ новое рвется наружу, что это значитъ? Не влюблены мы?...

Лиза. Ну, вотъ придумали, сконфузили даже... (*перешла на другую сторону*).

Штеп. Старковскій давно былъ?

Лиза. Вчера.

Штеп. Такъ. А ужь эти мнѣ мусье Печорины и чортъ ихъ знаетъ... не разберешь порой, что въ немъ сидитъ, не то неудачникъ, не то просто ничтожество.

Лиза. Ну, ужь кто тамъ Печоринъ, это я не знаю, а про Леонида Викторовича такъ думать грѣхъ...

Штеп. Да я не про него, а такъ вообще...

Ему-то въ такой костюмъ рядиться совсѣмъ не пристало. Кто онъ, я, по совѣсти, до сихъ поръ не разберу. Видалъ я много на своемъ вѣку вотъ этихъ петербургскихъ прожигателей жизни изъ золотой молодежи, только и на нихъ онъ не совсѣмъ похожъ... Зоологъ сказалъ бы: новая особь изъ той же семьи...

Лиза. Нѣтъ, онъ... кажется хорошій человѣкъ... Простой, внимательный...

Штеп. Мужчина ловкій. А только вотъ что я тебѣ скажу, Лиза: берегись его.

Лиза. Отчего? Ну, отчего? Говорите скорѣй...

Штеп. Вѣришь ты, что люблю тебя?

Лиза. Ну?

Штеп. Такъ остерегись. Больше я тебѣ ничего не скажу.

Лиза (*зло усмѣхаясь*). Немного сказали. А! Легки на поминѣ.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ-же и Старковскій, *въ адъютанской формѣ, высокіе сапоги, въ китель, съ хлыстомъ въ рукахъ.*

Старк. Лизавета Григорьевна, родная, найдите алчущаго, прикажите подать чего-нибудь холоднаго.

Лиза. Здравствуйте. Чего хотите, молока или воды съ вареньемъ? Свѣжее сварили.

Старк. Чудесно, давайте воды съ вареньемъ.

Штеп. Ужь и на мою долю, Лиза.

Лиза. Сейчасъ. (*Уходитъ.*)

Старк. Здравствуйте, Цинцинатъ.

Штеп. Цинцинатъ!? Экъ васъ... Словечка въ простотѣ не скажете.

Старк. Я васъ этимъ обижаю?

Штеп. Вотъ еще! Очень нужно. (*Пауза, Старковскій раза два прошелся по сценѣ.*)

Старк. Послушайте, Илья Петровичъ. Отвѣтьте мнѣ откровенно... Вы предубѣждены противъ меня?

Штеп. А не все ли вамъ равно?

Старк. Значитъ не все равно.

Штеп. Хм! Дѣланный вы какой-то, Леонидъ Викторовичъ, дѣланный даже въ тѣ минуты, когда хотите казаться совсѣмъ простымъ; рисуетесь, увлекаетесь ролью и сами на себя любуетесь. Вы на меня не обижайтесь, голубчикъ. (*Жметъ крѣпко ему руку.*) Сами же попросили.

Старк. (*задумчиво*). О, нѣтъ... Отчасти вы правы... Вы меня, конечно, мало знаете... Такъ, кое-что изъ внѣшнихъ фактовъ моей жизни. Разозлился, молъ, пріѣхалъ въ деревню, ничего не дѣлаетъ, но мой внутренній міръ вамъ неизвѣстенъ, неизвѣстно и то, какъ вообще сложилась моя жизнь...

Штеп. Ну, вотъ, вотъ! Вѣрнѣе всего, я ошибаюсь.

Старк. Живу я, Илья Петровичъ, изо дня въ день и... даже задуматься боюсь надъ своимъ положеніемъ. Кончится мой одиннадцатимѣсячный отпускъ, а что со мной будетъ дальше—не знаю. Здѣсь тоска, а тамъ, въ Петербургѣ, жить безъ средствъ я не могу, не могу стушеваться тамъ, гдѣ привыкъ быть замѣтнымъ...

Штеп. Батюшка! Такъ давайте служить, работать... мало-ль дѣятельности?

Старк. Мой добрый другъ, на Морской, въ одномъ изъ модныхъ ресторановъ, мы, и конечно наши подруги жизни, постоянно собирались въ одномъ и томъ же кабинетѣ. Условіе было—пить только шампанское sec, а потому и кабинетъ прозвали «сухимъ клубомъ». Такъ вотъ, тамъ мы похоронили лучшіе порывы сердца, а кстати успѣли позабыть все, что знали. Изъ всѣхъ наукъ я, напримѣръ, усвоилъ себѣ, и то благодаря практикѣ, только два отдѣла: изъ уголовнаго права о дуэляхъ, а изъ торговаго—всѣ обороты съ векселями. Этотъ отдѣлъ я дѣйствительно изучилъ до тонкости. Изломанный я человѣкъ, Илья Петровичъ. Увлекусь порой искренно, горячо, а проклятое сомнѣнье тутъ какъ тутъ... Вы знаете, что такое русскій скептикъ?... Какая это пытка! Знаете его конецъ? Чаще всего русскій скептикъ, вмѣсто того, чтобы пустить себѣ пулю въ лобъ, начинаетъ искать утѣшенія въ винѣ или въ амурныхъ дѣлахъ. Но пить я больше не могу—печень болитъ, а ухаживать скучно. Вы улыбаетесь?... Да, скучно, а между тѣмъ, по привычкѣ, машинально, буду ухаживать за каждой женщиной. (*Горячо и искренно.*) Я никого и ничего не люблю, я притворяюсь интересующимся чѣмъ-нибудь, а вмѣстѣ съ тѣмъ я мучительно завидую тѣмъ, въ комъ вижу жизнь. За что схватиться, въ чемъ спасенье? Я наиболѣе рѣзкій представитель того типа, въ душѣ котораго вы встрѣтите и слѣды рыцарскаго благородства, и кровную связь съ родиной, и тутъ же подмѣтите слѣды зла и лѣни, слѣды цѣлаго ряда поколѣній, воспитанныхъ среди крѣпостнаго разгула... Вы говорите: служить, работать, бороться... добиваться успѣха? Передъ кѣмъ? Передъ толпой? Стоитъ ли? Кто владѣетъ толпой? А главное и борьбой-то я могу увлечься теоретически, не чувствуя въ себѣ огня... Я могу даже пойти на массу жертвъ, но вовсе не изъ геройства, а скорѣе всего изъ той нравственной апатіи, что захватила меня и тысячу мнѣ подобныхъ.

Штеп. (*всталъ*). Вотъ что я вамъ скажу: все это до первой настоящей любви. А не полюбите—ставьте крестъ надъ собой... (*Перешелъ на другую сторону.*)

Старк. Полюбить? Хотѣлъ бы. Къ несчастью мнѣ женщина нравится пока она не сказала, что любитъ меня, или вѣрнѣе, пока я не замѣтилъ, что нравлюсь ей...

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ-же и Лиза. *Мальчикъ несетъ за ней воду и варенье.*

Лиза. Вотъ и варенье... Поставь сюда. Кладите побольше.

Старк. Удивительная вы мастерица, чудное варенье...

Лиза. Въ деревнѣ живя, да не научиться. Это у насъ вмѣсто развлеченія, не то что въ городѣ...

Старк. Я не хотѣлъ бы васъ видѣть въ городской обстановкѣ. Здѣсь, среди природы, вы на мѣстѣ, вы составляете съ ней одно цѣлое. (*Штепенко все время ходилъ, остановился, подошелъ къ Старковскому.*)

Штеп. Я окончу нашъ разговоръ. Вы не умѣете находить интереса внѣ-себя—вотъ ваше горе. Вы никогда не умѣете отрѣшиться отъ своего личнаго *я*. Все чтобы вы ни дѣлали, даже въ лучшія минуты, все это непремѣнно будетъ связано съ вашимъ *я*... Вотъ вамъ мой отвѣтъ. (*Уходитъ въ ту сторону, куда ушелъ Тоболинъ.*)

Старк. Хорошо у кого на душѣ такъ покойно и ясно. Завидую я Штепенко.

Лиза. Леонидъ Викторовичъ, у меня къ вамъ просьба...

Старк. Какая, радъ исполнить...

Лиза. Подарите вашу карточку.

Старк. Съ удовольствіемъ, какъ только снимусь.

Лиза. Иль можетъ стѣсняетесь? Какъ, мой портретъ у простой дѣвушки будетъ, неловко,..

Старк. Какъ вамъ не стыдно.

Лиза. Иль можетъ обѣщанье дали, никому не давать, ей только подарили?

Старк. Кому ей?

Лиза Извѣстно кому... кого любите.

Старк. А если никого не люблю?

Лиза. Развѣ можно повѣрить... Здѣсь положимъ нѣтъ для васъ никого примѣчательнаго, а въ Петербургѣ, да за-границей, какъ не встрѣтить. Притомъ же военный...

Старк. Я всегда любилъ только мивъ.

Лиза. Какъ вы сказали?

Старк. Не живую, а мечту, созданную фантазіей, а эта мечта слишкомъ мало походитъ на окружающую меня дѣйствительность. (*Пауза.*) Такъ то-съ. хорошая вы моя дѣвушка... Ну, а вы любили? Какъ вы до сихъ поръ не вышли замужъ?

Лиза. (*взволнованно*). Полно, не говорите... А вотъ вы отчего не женились?

Старк. Вѣрнѣй всего и не женюсь.

Лиза. Почему?

Старк. Состоянія у меня нѣтъ, женатому нельзя жить кое какъ, у меня привычки, вкусы, отъ которыхъ я никогда не откажусь.

Лиза. На богатой женились-бы.

Старк. Изъ за денегъ однихъ? Нѣтъ... Бросимъ говорить обо мнѣ. Скажите пожалуйста, вы въ этомъ имѣніи и родились?

Лиза. (*смутившись*). Гдѣ я родилась? Нѣтъ, не здѣсь. Мы сюда переѣхали когда мнѣ было 5 лѣтъ, а то мы съ мамашей жили въ другомъ имѣніи... Сергѣя Николаевича...

Старк. Онъ васъ очень любитъ—Сергѣй Николаевичъ?

Лиза. Да... Что-жъ, я ему не чужая... Всѣ знаютъ... Скрываться нечего...

Старк. А гдѣ его младшая дочь!— Зинаида Сергѣевна?

Лиза. Вы ее знаете?

Старк. Встрѣчались какъ-то въ Петербургѣ.

Лиза. Заграницей, съ теткой.

Старк. Сюда не собираются?

Лиза. Нѣтъ, не поѣдутъ они въ нашу глушь.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Марья Степановна и Лакей *несетъ приборъ.*

Мар. Степ. Все принесъ? Ушла и онъ цѣлый часъ приготовить не могъ... За каждымъ шагомъ смотри. Иди скорѣе, неси самоваръ, вонъ Сергѣй Николаевичъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ-же, Тоболинъ, Подгуляевъ и Штепенко.

Тобол. Такъ и знай, Илья Петровичъ. Будешь по стольку дней пропадать, домой тебя совсѣмъ пускать не стану, сиди здѣсь, а то съ бабами съ однѣми съ ума сойдешь. (*Замѣтивъ Старковскаго.*) Леонидъ Викторовичъ, очень радъ... (*Къ Штепенко.*) Совѣтую Леониду Викторовичу совсѣмъ у насъ поселиться, мы его въ предводители. А? Согласны?

Штеп. Превосходно. (*Въ это время приносятъ самоваръ.*)

Тобол. Ну, Марья Степановна, наливай. (*Всѣ сѣли.*) Нѣтъ, Леонидъ Викторовичъ, шутки въ сторону, служить-то служите, надо, а здѣсь не засиживайтесь, тина затянетъ, облѣнитесь...

Штеп. Кому рубль добывать надо, лѣниться некогда. Вотъ вамъ, Сергѣй Николаевичъ, хорошо, сиди себѣ, посиживай, да получай доходы съ 5000 десятинъ. Куда лучше.

Тобол. (*смѣясь*). Онъ у насъ скоро верига надѣнетъ, посыпетъ главу пепломъ и пойдетъ всенародно оглашать наши пороки. Такъ что ли? Стыди насъ, оглашай, отче Илья.

Штеп. Что васъ оглашать, развѣ васъ этимъ проймешь.

Тобол. Люблю... дерзости постоянно говоритъ, все-таки люблю... А? За что? (*Льетъ себѣ въ стаканъ коньякъ.*) Желаете?... (*Выпиваетъ рюмку.*)

Мар. Степ. Сергѣй Николаевичъ.

Тобол. Чего тебѣ?

Мар. Степ. Вредно вамъ.

Тобол. Ну? Это еще что? А? Ужасно не люблю... заботиться начинаютъ, точно о маломъ ребенкѣ... Смѣшно, право!

Лиза. Вредно вамъ, оттого и говорятъ.

Тобол. И ты голосъ подала, Милитриса Кирбитьевна.

Лиза. Ну, пейте...

Тобол. Господа, что же вы не пьете! Леонидъ Викторовичъ. Не желаете-ли, батюшка, рюмочку ликеру, у меня чудесный, вѣдь вы недавно пообѣдали, поздно, по столичному.

Старк. Нѣтъ, благодарю.

Тобол. *(показываетъ на Штепенко).* Этотъ теперь не станетъ, не время скажетъ. *(Къ Подуляеву.)* А ты?

Подг. Пожалуйте-съ...

Тобол. Можетъ ликеру хочешь?

Подг. Нѣтъ-съ. Изъ всѣхъ ликеровъ я люблю только водку.

Тобол. Ха, ха, ха... Наконецъ-то, а то сидитъ, притихъ... Обидѣлся сегодня, родней даже сталъ хвастаться...

Подг. Что-же и могу... Чѣмъ я хуже другихъ. А что на счетъ родныхъ, и родня у меня хорошая. Въ Москвѣ тетенька богатая, собственный домъ. Помилуйте-съ. Вотъ вы, Леонидъ Викторовичъ, разсудите, изволятъ надо мною смѣяться, что подъ судомъ былъ, Во-первыхъ судъ суду рознь, а во-вторыхъ, и главное, у каждаго человѣка своя планета, если я подъ судъ попалъ, такъ это планетѣ моей такъ назначено и я тутъ даже не причемъ...

Тобол. Вѣрно.

Старк. За что васъ судили?

Подг. Въ жизни моей, приключеніями изобилующей, переиспыталъ я весьма разнообразныя профессіи, пока, носясь въ утломъ челнѣ по бурному морю, не прибылъ въ сію тихую пристань и не бросилъ здѣсь якорь.

Тобол. *(пьянъя).* Нѣтъ, каково размазываетъ. А?

Подг. Чѣмъ я только не былъ.... До того разъ дошло, въ садовники нанялся; истинно несчастный я человѣкъ. Имя-съ дали, и то такое, что имянины приходятся черезъ три года на четвертый. Ну, совершилъ, положимъ, проступокъ, такъ вѣдь въ какомъ состоянiи, то принять во вниманiе надо.

Тобол. Пьянъ былъ.

Подг. При достаточной энергiи и любви къ отечеству иногда невозможно не напиться. Ну, грозили мнѣ лишенiемъ правъ состоянiя. А я говорю—состоянiя меня лишить нельзя, потому его у меня и нѣтъ-съ, а правъ, какiе они? Родителя своего я не знаю, а только, вѣря по наукѣ въ теорiю наслѣдственности и на себя взирая, думаю былъ онъ человѣкъ высокоблагородный и геніальный.

Тобол. Вѣрно. *(Опять наливаетъ.)*

Лиза *(беретъ бутылку).* Больше не дамъ.

Тобол. *(ударилъ кулакомъ по столу).* Это что? А? Какъ ты смѣешь?

Лиза. Смѣю.

Тобол. Да я тебя изуродую. Посадилъ за столъ, какъ ровную—тамъ помни кто ты.

Лиза *(вставъ, переходитъ на другую сторону, Тоболинъ идетъ за ней, Штепенко его удерживаетъ).* Помню, еще бы забыть!

Тобол. Молчи...

Лиза *(вскрикнула).* Сергѣй Николаевичъ.

Вмѣстѣ. **Штеп.** *(Старковскій и Штепенко вскочили).* Опомнитесь, Сергѣй Николаевичъ.

Старк. Сергѣй Николаевичъ, Лизавета Григорьевна, успокойтесь. *(Въ это время звонки и звукъ подъѣхавшаго экипажа, остановился, вбѣгаетъ лакей.)*

Лакей. Барыня-съ пріѣхали, Елена Николаевна.

Тобол. Кто? Какая барыня?

Лакей. Съ дочкой вашей сестрица.

Тобол. Что ты выдумалъ?

Лакей. Изъ коляски выходятъ... *(На дорожкѣ появляются Елена Николаевна и Зина.)*

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ-же, Штенгъ и Зина.

Зина. Здравствуй папа, пирми насъ, путниковъ.

Тобол. Зина, сестра! Не ожидалъ.

Ел. Ник. Здравствуй, Сергѣй,

Тобол. Откуда вы, какими судьбами?

Ел. Ник. *(показавъ на Зину).* Знаешь ее... Что захотѣла, такъ и дѣлай. Мой принципъ не стѣснять. Захотѣла—поѣдемъ сюрпризомъ. Въ городѣ едва коляску нашли и здѣсь...

Тобол. Что-жь я, засуетился, не представилъ: сосѣдъ Штепенко, Старковскій.

Зина. Съ М-г Старковскимъ мы старые знакомые, онъ не узналъ меня...

Старк. Вы такъ измѣнились...

Тобол. А вотъ, Марья Степановна, узнаешь сестра, вотъ Лизавета, — Зина... *(Зина едва кивнула головой.)*

Мар. Степ. *(подошла).* Здравствуйте, барыня, здравствуйте, барышня. *(Подходитъ и цѣлуетъ въ плечо Елену Николаевну.)*

Тобол. Подгуляевъ. *(Подуляевъ подбываетъ, думая, что и его представятъ.)* Бѣги, вещи вынуть изъ коляски. *(Подуляевъ и лакей уходятъ.)* А я, сестра, сегодня боленъ немного, извини...

Ел. Ник. *(строго).* Да, я замѣчаю.

Тобол. Извини, по домашнему.

Ел. Ник. Не стѣсняйся, мой принципъ не стѣснять никого...

Тобол. Ну садитесь. Чаю, молока? Или сперва въ комнаты?

Зина. Мнѣ чаю.

Ел. Ник. И мнѣ тоже. Потомъ переодѣнемся.

Тобол. Марья Степановна, наливай!

Зина. Мнѣ, папа, вели приготовить ту комнату, гдѣ маминъ будуаръ былъ.

Тобол. Прекрасно. Кто въ ней? Ты, Лизавета?

Зина. Тогда...

Мар. Степ. Пока чай будете кушать — все устрою.

Тобол. Садитесь. (*Тоболинъ, Елена Николаевна и Зина садятся, Старковскій подалъ стулъ Зинѣ, Лиза колеблется, пауза, но Штепенко подвигаетъ ей стулъ.*)

Штеп. Лизавета Григорьевна, пожалуйте. (*Лиза сѣла. Елена Николаевна пристально смотритъ на Тоболина, потомъ быстро встала.*)

Ел. Ник. Здѣсь свѣжо, принесите чай въ комнаты... Зина, пойдемъ.

Зина. Но, тетя.

Ел. Ник. (*съ удареніемъ*). Холодно, здѣсь оставаться неудобно. (*Къ Тоболину.*) Покажи намъ комнаты. (*Тихо.*) Кто она у тебя?

Зина (*къ Старковскому и Штепенкѣ*). Я не прощаюсь.

Старк. Мнѣ позвольте раскланяться, попрошу позволенія явиться завтра.

Тобол. Оставайтесь...

Ел. Ник. Идемъ.

Тобол. Идемъ. Марья Степановна ряспорядись. Лиза пришли туда чаю.

Мар. Степ. Пожалуйте-съ. (*Тоболинъ, Марья Степановна, Елена Николаевна и Зина уходятъ.*)

Старк. До свиданія.

Лиза. Куда же вы?

Старк. Теперь посторонніе лишніе. До свиданія. До завтра. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Штепенко и Лиза, *потомъ* **лакей.**

Штеп. Лиза! (*Лиза стоитъ молча.*)

Штеп. Лиза, что съ тобой? (*Пауза.*) Брось, не обижайся; что за ерунда! Охота тебѣ. Лизокъ, да приди ты въ себя, голубка моя!

Лиза. Сидѣть вмѣстѣ не захотѣли... и головой едва кивнула, точно горничной. Кто, молъ, ты такая — я и знать не желаю. Хозяйка пріѣхала... Красавица! По нашимъ мѣстамъ такой и не видали. Леонида Викторовича такъ ослѣпила, убѣжалъ, а человѣкъ привычный... (*Нервно смѣется.*) Смѣшно-то какъ, смѣшно...

Штеп. Тебя просили налить чаю, Лиза!

Лиза (*приходя въ себя*). Чаю?... Да, сейчасъ... Въ чашкахъ имъ надо. (*Быстро наливаетъ, хлопочетъ.*) Гриша! Гриша!.. А красивая она? Илья Петровичъ! Скажите: красивая?

Штеп. Не уродъ. (*Входитъ лакей.*)

Лакей. Чего вамъ?

Лиза. Гриша! Неси имъ чай. Спроси, лимона или сливокъ, чего угодно. Скорѣй.

Лакей (*беретъ поднос съ чашками*). Вотъ затормошила. Не знаешь куда и поспѣть. (*Уходитъ.*)

Лиза (*садится, положивъ обѣ руки на столъ*). Не уродъ? Неправду вы говорите... Неправду. Посмотрите еще, какъ у насъ начнутъ бѣгать за нею... Всѣ побѣгутъ... Даже вы, старичекъ... и то побѣжите... (*Смѣется.*) Вотъ будетъ смѣшно-то. Вѣдь вашему брату то и дорого, чего достать нельзя... А которая глупая, просто свою душу высказываетъ — къ той у васъ интереса никакого... (*Серьезно.*) Обидно только... Развѣ это по сестрепному?.. (*Закрываетъ лицо руками.*)

Штеп. Магометанинъ начинаетъ и оканчиваетъ молитву словами: благодарю тебя, Аллахъ, что ты не сотворилъ меня женщиной! Магометанинъ правъ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Декорація перваго акта.

(*Лиза варитъ варенье, Зина сидитъ съ книгой на колѣняхъ*).

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Лиза и Зина.

Зина. Неужели вы и зиму никуда не уѣзжали?

Лиза. Нѣтъ... куда же?

Зина. Хоть въ городъ.

Лиза. Привыкла я къ деревнѣ. Поѣхали мы какъ-то въ губернію. Страсть какъ хотѣлось ѣхать, чуть не за мѣсяцъ разговоры начались, а пріѣхали — скучно, тоска. Все незнакомые кругомъ. Скорѣй бы только назадъ въ деревню...

Зина. Здѣсь зимою сосѣди?

Лиза. Мало... и лѣтомъ близко нѣтъ, да и тѣ не пара намъ... Только кто изъ здѣшнихъ, вотъ священникъ съ матушкой. А въ иную пору какъ хочется съ живымъ человѣкомъ словомъ перекинуться... Вотъ вы, Зинаида Сергѣевна. и въ Петербургѣ, и за-границей всего наглядѣлись.

Зина. И вездѣ одинаково скучно.

Лиза. Что вы! Я о за-границѣ читала только, да картины видала, и то любопытно... Можетъ какъ нибудь охота прійдетъ, разскажете... Хотѣла бы я по душѣ поговорить съ вами, только недоступны вы... Я вотъ недѣлю всю

присматриваюсь, гордая вы что-ль такая, мы-ль вамъ ужь очень не по сердцу...

Зина. Я не люблю излишней откровенности. а сентиментальность ненавижу. Мнѣ кажется намъ съ вами и не объ чемъ особенно откровенничать. По крайней мѣрѣ я не знаю.

Лиза. Извините... извините пожалуйста.

Зина. Не за что.

Лиза. Какъ же, помилуйте.

Зина. Вы экзальтировапы, странная какая. Вы должно быть начитались плохихъ романовъ... Не верьте, милая, тому, что пишутъ...

Лиза. Ничему я кажется скоро вѣрить не буду...

Зина. Да, я все собиралась извиниться, заняла вашу комнату...

Лиза. Помилуйте, зачѣмъ извиняться, вы хозяйка здѣсь.

Зина (*сухо*). Кто я здѣсь, это я и безъ васъ знаю. (*Встала.*)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ-же и Василій *съ букетомъ цвѣтовъ, потомъ* **Старковскій.**

Василій. Изъ чайныхъ розъ приказали.

Зина. Спасибо... прекрасный.

Василій. Помилуйте, самимъ за удовольствіе, потому ты мастеръ, а цѣнить не всякіе могутъ. Настоящимъ господамъ угодить пріятно, не то какимъ прочимъ, мы сами понпмаемъ, радуемся, господъ дождались...

Зина. Спасибо... Можете пдти.

Василій. Слушаю - съ. (*уходитъ. Входитъ Старковскій, одѣтъ въ скуртукъ съ эксельбантами и высокія сапоги.*)

Зина. А, Леонидъ Викторовичъ!

Старк. Здравствуйте! Здравствуйте Лизавета Григорьевна.

Зина. Я васъ ждала. Верхомъ поѣдемъ?

Старк. Къ сожалѣнію нѣтъ. я не на долго.

Зина. Почему?

Старк. Въ гости отозванъ. Сегодня имянины жены нашего священника п мнѣ сказано, если не пріѣду—смертельное оскорбленіе; мы и сговорились съ Ильей Петровичемъ отъ васъ поѣхать. (*Къ Лизѣ.*) Вы будете?

Лиза. Звали.

Старк. (*къ Зинѣ.*) А васъ вѣроятно не рѣшились звать?

Зина. И напрасно, я поѣхала бы посмотрѣть. Попеняйте матушкѣ...

Старк. Что подѣлывали?

Зина. Ничего. Учусь мечтать... Начинаю признавать прелесть деревни.... Если здѣсь и скучно, за то кругомъ нѣтъ раздражающаго веселья.

Старк. Чѣмъ?

Зина. Своею скукою. Это игра словъ, но право она вѣрна. Хотите на лодкѣ кататься?

Старк. Хочу. (*Отошелъ на другую сторону сцены, гдѣ на скамейку положилъ хлыстъ, Зина подошла къ нему и говоритъ въ полголоса.*)

Зина. On peut être la socié de cette charmante demoiselle?...

Старк. Pourquoi cette ironie?.

Зина. Давайте руку... я такъ пойду безъ шляпы. (*Уходятъ.*)

Лиза (*бросила ложку*). Увела... мѣшаю имъ. (*Прислонилась къ дереву.*)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Марья Степановна и Лиза.

Мар. Степ. Одна что-ль? Леонидъ Викторовичъ пріѣхалъ.

Лиза. Видѣла.

Мар. Степ. Гдѣ же онъ?

Лиза. Съ барышней гулять ушелъ. Не со мной же мужичкой ему сидѣть...

Мар. Степ. Опять на тебя накатило...

Лиза. Какъ посмотрю я на васъ, только удивляюсь... Должно быть много нужно, чтобы васъ обидѣть... не въ васъ я, должно быть въ отца характеромъ.

Мар. Степ. Что приключилось?

Лиза. По душѣ съ ней заговорила, посмотрѣли-бъ какъ отвѣчала... Осадила сразу, знай молъ мѣсто свое.

Мар. Степ. Ты всякое слово въ строку не ставь.

Лиза. А тутъ по французски съ нпмъ заговорила, думала не услышу... Про меня, а то зачѣмъ бы скрывать... Говорили съ Сергѣемъ Николаевичемъ?

Мар. Степ. Боюсь, Лизокъ, сердитъ онъ. Погоди, уѣдутъ онѣ, тогда лучше.

Лиза. Уѣдутъ. Когда уѣдутъ? Слышали, что Елена Николаевна говорила, до зимы здѣсь проживутъ...

Мар. Степ. Барышня соскучится.

Лиза. Не соскучится... Надо намъ поговорить съ Сергѣемъ Николаевичемъ. Я такъ не могу. Пусть опредѣлитъ мое приданое... Вамъ вотъ все равно, что за столъ теперь не садимся, у себя обѣдаемъ, и чай пьемъ, а мнѣ кусокъ въ горло не идетъ... Кушанье несутъ, а мнѣ такъ и кажется у лакея, хама подлаго, въ глазахъ насмѣшка: «что, молъ, изъ барышень разжаловали, настоящая пріѣхала»...

Мар. Степ. Побори въ себѣ зависть, смирись... вспомни что я въ жизни стерпѣла... Ты мать поддержи, не добивай. Грѣхъ... (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Лиза (*одна*). Я покоя не знаю, а ему что? Какое ему дѣло... Женихъ что-ль... А увидишь ихъ вмѣстѣ, къ горлу точно клубокъ какой подкатитъ... на все бы готова кажется... крик-

нуть хочется... Не думать, а кто научитъ думы прогнать, гдѣ такая власть, кому сила такая дана. На лодкѣ теперь парочкой... Пойду, полюбуюсь... рядышкомъ небось сидятъ, весла бросили, лодку тихо качаетъ, а по берегу камышъ густой, никто не подсмотритъ, ласточки развѣ, такъ онѣ никому не скажутъ... (*Схватилась за сердце.*) Что жъ испытаю себя! Посмотрю. (*Пауза.*) Не пойду. Можетъ все такъ представляется, а и нѣтъ ничего, все придумала... Въ гости сегодня звали, и онъ будетъ; ее не будетъ... Надѣну новое платье, причешусь по модному, какъ у ней, веселая буду, да шутя и спрошу его: «влюблены вы?» По глазамъ увижу, смутится иль нѣтъ. Ну, а любитъ, значитъ судьба... она красива, образована, подъ пару ему... Пойду, подсмотрю... (*Идетъ по направленію къ рѣкѣ, остановилась.*) Не надо ходить... что это... не хочу думать, не хочу, не надо. (*Почти крикнула.*) Не надо! (*Остановилась, потомъ вдругъ повернула къ берегу.*) Пойду. (*Ушла.*)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Таболинъ и Елена Николаевна (*входятъ слѣва*).

Ел. Ник. Ты долженъ со мной согласиться.

Тобол. Долженъ, долженъ... Почему долженъ?...

Ел. Ник. Потому что я права.

Тобол. Можешь понять, мнѣ непріятно.

Ел. Ник. Вѣрю.

Тобол. Тяжело...

Ел. Ник. Вѣрю, но кто виноватъ, самъ... впередъ надо было думать... не забывать принципа, теперь не стоялъ бы въ такомъ положеніи.

Тобол. Какой тамъ принципъ!..

Ел. Ник. Такой... Кто ты?... Тоболинъ-Турскій.

Тобол. И помню прекрасно...

Ел. Ник. Mesaillance ужасенъ, не только въ бракѣ, но и въ интимныхъ интригахъ... Къ чему онъ ведетъ, опустится человѣкъ, опошлится...

Тобол. Довольно...

Ел. Ник. Нѣтъ, не довольно... Положимъ ты приласкалъ эту женщину, ну что-жъ... награди. Скажешь, привыкъ къ нимъ—ну, не гони, но поставь въ настоящія рамки разъ навсегда. Не забывай принципа. Простая женщина никогда не можетъ такъ тонко, нервно чувствовать фальшь своего положенія; она гордится даже и счастлива...

Тобол. Ты говоришь все о ней, забываешь Лизавету...

Ел. Ник. Тутъ то и горе... Марья Степановна экономка, кто она тебѣ—на это можно было закрыть глаза, но Лизавета...

Тобол. Ты сама видишь, она и отцемъ меня не называетъ.

Ел. Ник. Этого еще не доставало... Но во первыхъ ты долженъ былъ тогда же выдать Марью Степановну замужъ, ну за прикащика какого нибудь и Лизавета считалась бы его дочерью, а во вторыхъ, если этого не съумѣлъ,— воспитывать ее какъ простую дѣвушку, въ дѣвичьей, выдать потомъ замужъ за простаго человѣка. Далъ бы 200, 300 руб. приданаго и она счастлива.

Тобол. Елена, да вѣдь она моя дочь.

Ел. Ник. Положимъ. Хотя въ молодости той-же Марьѣ Степановнѣ могъ нравиться...

Тобол. Елена, замолчи, замолчи сію минуту...

Ел. Ник. Не замолчу... Я не о себѣ забочусь, а о Зинѣ. Если тебѣ все равно, такъ мнѣ не все равно, она для меня дочь, также люблю... послѣ смерти мужа она для меня все.

Тобол. Я цѣню...

Ел. Ник. Какъ хочешь, я рѣшительно требую, чтобы онѣ выѣхали изъ дому.

Тобол. Вѣдь я сдѣлалъ по вашему, обѣдаютъ теперь отдѣльно, сидятъ въ своихъ комнатахъ...развѣ имъ легко. Привыкли, столько лѣтъ...

Ел. Ник. Онѣ должны выѣхать изъ дому.

Тобол. Легко сказать.

Ел. Ник. И сдѣлать не трудно... Флигель тотъ, въ концѣ усадьбы, пустой, пусть туда и переѣдутъ..,

Тобол. Въ немъ нѣсколько лѣтъ никто не жилъ.

Ел. Ник. Привести въ порядокъ не трудно.

Тобол. Чѣмъ онѣ вамъ мѣшаютъ? Ну, говорите, чѣмъ? Что?

Ел. Ник. Чѣмъ? А тѣмъ, что у васъ, сударь, теперь въ домѣ дочь взрослая дѣвушка.

Тобол. И прекрасно... Зина не потребуетъ... Слишкомъ жестоко... Дѣло не въ помѣщеніи, но чувства... А? Ты не подумала?

Ел. Ник. Вы понимаете, что говорите? Встрѣчаться съ ними постоянно, какія то неловкія отношенія, видѣть печальныя физіономіи, особенно Лизаветы. Кто тебѣ Марья Степановна, кто тебѣ Лизавета, ни мнѣ, ни Зинѣ дѣла нѣтъ; слышите; но разъ мы здѣсь, въ домѣ все должно быть прилично.

Тобол. (*ходитъ въ волненіи.*) Кажется я въ твою жизнь, сестра, не вмѣшиваюсь... кѣмъ ты увлекалась, что дѣлала.

Ел. Ник. Что? увлекалась?

Тобол. Да, въ прежніе годы... Только всегда умѣла все это умно... молодымъ талантамъ покровительствовала, то юнаго музыканта приголубишь, то въ безусомъ юношѣ новаго Рафаэля откроешь.

Ел. Ник. Вы желаете меня оскорбить и заставить перемѣнить разговоръ! Свои счеты я потомъ съ вами сведу и конечно сегодняшняго разговора не забуду, а теперь я забочусь о Зинѣ... Да что я отъ васъ требую? Особенной

жертвы? Выгнать ихъ на улицу? Нѣтъ... Избавьте только отъ фальшиваго положенія... Уѣдемъ мы, тогда опять наслаждайтесь ихъ обществомъ. Я не отступлю, дѣйствую не по капризу, буду настаивать, считаю правильнымъ, во имя принципа...

Тобол. Вы ради принципа людей готовы на эшафотъ послать.

Ел. Ник. Громкія фразы и больше ничего... Вы волнуетесь, а я увѣрена, онѣ сами будутъ довольны и почувствуютъ себя гораздо спокойнѣе...

Тобол. Противно... Противно и гадко...

Ел. Ник. Пустяки и пустяки... Да вонъ кстати идетъ Марья Степановна, объясни ей и ты увидишь, какъ все это просто устроится...

Тобол. А? Что?.. Потомъ...

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ-же и Марья Степановна (*проходитъ къ дому.*)

Ел. Ник. Нечего откладывать. Марья Степановна, подите сюда.

Мар. Степ. Что прикажете?

Ел. Ник. Сергѣй Николаевичъ хочетъ съ вами переговорить.

Мар. Степ. О чемъ?

Тобол. Что прикажете, что прикажете! Ничего не прикажу... Поговорить надо.

Мар. Степ. О чемъ, Сергѣй Николаевичъ?

Тобол. Чего Лизавета капризничаетъ?

Мар. Степ. (*испуганно*). Натворила развѣ чего? Вы ужь простите, дѣвка за послѣднее время точно сама не своя, такъ все съ горячности.

Тобол. Не о ней дѣло.

Мар. Степ. О комъ же, въ толкъ не возьму!

Ел. Ник. Удивительное объясненіе, замѣчательно ясно...

Тобол. Ну, ну сама и объясни...

Ел. Ник. До меня не касается.

Мар. Степ. Да не томите, что случилось?..

Тобол. Ты не думай, я не хочу обидѣть... Не думаешь? Ни тебя, ни Лизавету, не желаю... Если дѣлаю, надо такъ. А? что ты сказала? Ну, говори.

Мар. Степ. Кажется въ эти годы достаточно видѣли, покорна-ли...

Тобол. И я тоже говорю.., не спорю, признаю, да признаю... не вѣришь? То-то! Теперь сестра, дочь, гостей ждутъ... (*Вскочилъ.*) А, да чортъ васъ возьми...

Мар. Степ. Зачѣмъ вы себя, голубчикъ Сергѣй Николаевичъ, тревожите, не мучьте-съ, надо что, прикажите, на то ваша воля.

Тобол. Флигель тотъ, помѣщенье въ немъ хорошее?

Мар. Степ. Для гостей приготовить?.. Флигель помѣстительный, почистить надо...

Тобол. Я тебя и Лизавету прошу, переѣзжайте туда.

Мар. Степ. (*растерянно*). Намъ переѣхать?.. Въ толкъ не возьму, развѣ мѣшаемъ кому, обезпокоили?

Тобол. Прошу, мнѣ въ одолженье, пойми.

Мар. Степ. Чѣмъ прогнѣвали васъ?

Тобол. (*почти вскрикнулъ*). Кто прогнѣвалъ... никто... въ одолженье мнѣ!.. Ну, уступи, сдѣлай такъ... Я прошу, убѣдительно прошу...

Мар. Степ. Зачѣмъ просить, прикажите и то сдѣлаемъ. Изъ вашей воли не выйдемъ... И я, и Лиза... Всегда учила ее слушаться... про меня что, я—раба!.. Не то, что теперь, а и съ молоду, когда противъ шла? Вы вотъ, Елена Николаевна, можетъ не знаете, какъ я барину молодому всю себя отдала и душу, и тѣло. А баринъ то мой потѣшился, лѣто погулялъ, соловушку въ саду по ночамъ послушалъ, милую вдостоль нацѣловалъ, да и уѣхалъ... Каково было на людей смотрѣть? А тамъ пришло управителю письмо, баринъ пріѣдутъ, съ женой молодой, а мнѣ приказъ въ другое имѣніе отъѣхать... Все стерпѣла, не вышла изъ воли. А какъ, овдовѣвши, Марью опять вспомнили и тутъ она обиду забыла, по первому зову пришла... И всѣ годы, что было, брань-ли, обиду, все молча Марья терпѣла, никому не жалилась. Какъ назначено судьбой, такъ и жила. Красна-ль моя жизнь — я про то знала, и никто отъ меня жалобъ не слыхалъ. Что-жь, теперь мѣшать стала, на то ваша воля, не токмо во флигель, совсѣмъ съ усадьбы прогнать... Вы себѣ, Сергѣй Николаевичъ, ни въ чемъ не перечьте, коли прогнать меня надо, гоните, что стѣсняться, честью не уйдемъ, гнать вели, гони, какой лядъ мы нужны, коль и видѣть насъ вблизи не въ терпежъ стало, гадко... Не тревожься напрасно, уйду, уйду, Сергѣй Николаевичъ. (*Зарыдала и пошла.*)

Тобол. Марья, Марья! Съ ума сошла, что придумываетъ. (*Къ Еленѣ Николаевнѣ.*) Вотъ, этого хотѣла, радуйся, по твоему вышло... У, чортъ, дьяволъ, принципъ. (*Ушелъ налѣво.*)

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Елена Николаевна, *потомъ* **Подгуляевъ.**

Подг. Вашему сіятельству, честь имѣю кланяться. Не узнали-съ? Подгуляевъ Кассьянъ Яковлевичъ...

Ел. Ник. Узнала. Вы къ Сергѣю Николаевичу, онъ ушелъ...

Подг. Никакъ нѣтъ-съ, къ вашему сіятельству.

Ел. Ник. Я вовсе не сіятельство, зачѣмъ вы такъ называете.

Подг. Помилуйте, ваше превосходительство.

Ел. Ник. Да я и не превосходительство... Какой вы странный...

Подг. Нѣтъ ужь вы позвольте называть васъ превосходительствомъ, иначе у меня въ разговорѣ и настроенія настоящаго не будетъ... И притомъ, если покойный супругъ вашъ до этого чина и не достигли, такъ вы тутъ, можно сказать, не причемъ. Что же касается васъ самихъ, то по всему, по важности, по уму, однимъ словомъ по всему антуражу, иначе какъ за превосходительство никто не сочтетъ...

Ел. Ник. Что же вамъ отъ меня надо?..

Подг. Какъ вамъ сказать... вотъ какъ... на счетъ своего счастья, а вашего и Зинаиды Сергѣевны спокойствія. Вопросъ политичный.

Ел. Ник. Говорите яснѣе.

Подг. Извольте-съ. Марью Степановну и Лизавету Григорьевну достаточно понять могли?..

Ел. Ник. Ну?

Подг. Я часть разговора слышалъ. Ихъ пребываніе здѣсь теперь не мало вамъ непріятностей причиняетъ, а въ будущемъ, хотя-съ и во флигель перейдутъ, грозитъ бо̀льшими; озлобятся...

Ел. Ник. (*послѣ паузы, тихо*). Какъ же быть?..

Подг. Устранить...

Ел. Ник. Ну да, устранить, но какъ?

Подг. Выдайте Лизавету Григорьевну замужъ, устройте отдѣльно, и маменька съ ними...

Ел. Ник. (*подумавъ*). Это мнѣ нравится...

Подг. Помилуйте, на что лучше.

Ел. Ник. За кого?.. если не ошибаюсь...

Подг. Совершенно вѣрно... Давно Лизаветѣ Григорьевнѣ руку предлагаю, но упорно отвергла, конечно, по ихъ особенному положенію въ домѣ, фантазировать могли. Ну теперь почувствовали, а главное, ваше превосходительство, примите вы участіе—другой разговоръ... Вы Сергѣю Николаевичу внушите, а ихъ онѣ ослушаться не рѣшатся.

Ел. Ник. Я очень рада... но вы ее любите?

Подг. Обожаю-съ, да и притомъ, откровенно сознаться, я не дуракъ, совсѣмъ безъ разсчета дѣйствовать не могу. Сознаюсь, у каждаго своя слабость, а я къ гравюрамъ большое пристрастіе имѣю, а у Лизаветы Григорьевны небольшая-съ коллекція все-таки будетъ.

Ел. Ник. Къ гравюрамъ?... Странно... къ старымъ? Откуда у ней?..

Подг. Все равно, старыя, новыя, безразлично, лишь бы нумера цѣлы были.

Ел. Ник. Причемъ тутъ нумера?

Подг. Да вы на счетъ какихъ гравюръ полагаете? Я-съ на счетъ тѣхъ, что въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ въ С.-Петербургѣ печатаются. Дозвольте ручку. (*Цѣлуетъ руку.*) Я, такъ сказать, и малымъ буду доволенъ...

Ел. Ник. Надо подумать...

Подг. Не стоитъ думать. Къ чему вамъ себя утруждать, ваше превосходительство. Ясно, къ обоюдной выгодѣ...

Ел. Ник. Да, я рада. Знаете, мнѣ кажется, изъ васъ отличный семьянинъ выйдетъ... Вы умный... (*Смотритъ въ лорнетку*) и довольно красивы.

Подг. Помилуйте-съ.

Ел. Ник. Да, я поговорю... (*Встаетъ.*) Я за семью всегда, изъ принципа, я поговорю... (*Идетъ къ дому.*)

Подг. Ручку...

Ел. Ник. Не надо... впрочемъ, ты изъ благодарности, я цѣню этотъ принципъ... (*Пріостановилась.*) А ты совсѣмъ красивъ... право... (*Ушла.*)

Подг. Клюнула... Ахъ, ваше превосходительство, сколь мало Господь умомъ васъ надѣлилъ. Союзникъ... (*Смотритъ въ аллею.*) Идутъ Старковскій съ Зинаидой сюда. Въ какомъ положеніи у нихъ дѣло? Понаблюдаемъ, надо быть въ курсѣ. Женюсь я на Лизаветѣ, васъ всѣхъ спровадимъ, а старика въ руки заберемъ. Трудись Кассьянъ! Удивительно устроена наша планета: или ты объегоривай, или тебя объегорятъ... (*Уходитъ и прячется за кусты.*)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Подгуляевъ (*въ кустахъ*), **Зина** и **Старковскій.**

Зина. Мое сердце не застраховано, его могутъ поджечь, но я сама вовсе не хочу заниматься поджогами... Пусть побѣдятъ...

Старк. Побѣда надъ вами—побѣда Пирра...

Зина. Вамъ ли бояться, рыцарю женскаго культа.

Старк. Васъ испугаешься.

Зина. Впрочемъ, за эти годы вы перемѣнились, что-то другое въ васъ...

Старк. Увѣренности меньше? Вы злы. Вы ядъ въ роскошномъ флаконѣ.

Зина. Вы говорите дерзости...

Старк. Умная женщина не обидится и на дерзость, сказанную умно... Вы злы.

Зина. Да, я злая.

Старк. Я люблю злыхъ женщинъ, у нихъ темпераментъ.... Если женщина слишкомъ добра, съ ней скучно...

Зина. А все-таки, если я для васъ ядъ—поищите противоядіе... Вотъ напримѣръ Лиза, деревенская красавица. Я замѣтила, когда она смотритъ на васъ, у нея мордочка влюбленной кошки..

Старк. Интересный характеръ. Въ ней мѣщанство соединено съ какой-то чисто родовой гордостью...

Зина. Я вовсе не желаю знать ея достоинствъ. Я ненавижу ихъ. Видѣть кто замѣняетъ здѣсь мѣсто моей матери... Гадко... А вы, кажется, постоянно пользовались обществомъ этой барышни.

Старк. Не сидѣть же цѣлые дни одному въ усадьбѣ. Помните слова, кажется, Мефистофеля: «Даже худшее общество заставляетъ тебя чувствовать, что ты человѣкъ среди людей». Зачѣмъ вы пріѣхали? Я начинаю испытывать подлѣйшее волненіе.

Зина. Уже? Скоро. Это мнѣ не нравится. Я васъ считала инымъ. Вообразите разочарованіе художника: копію принялъ за оригиналъ. Такъ и я. Я думала, что вы не похожи на нашихъ штампованныхъ.

Старк. Это еще что?

Зина. Штампованные? Точно серебрянные двугривенные, всѣ по одному образцу.

Старк. (*переходитъ на другую сторону*) Подождите смѣяться. У меня хватитъ еще силъ переломить себя. Рано начали торжествовать.

Зина. Вотъ и отлично. (*Прикалываетъ ему лилію.*) Возьмите на память. Бѣлыя лиліи— чаши, изъ нихъ пьютъ русалки, а если кто выпьетъ остатокъ, узнаетъ ихъ думы, но съ той поры полюбитъ только такую женщину, у которой нѣтъ сердца...

Старк. Вотъ у васъ, напримѣръ. Вы не можете любить.

Зина. Неправда... Томсика моего я ужасно люблю...

Старк. Вотъ развѣ его.

Зина. Если у меня когда-нибудь будетъ другая собака, я назову ее именемъ самаго искренняго моего поклонника... и буду всегда вспоминать его...

Старк. Вамъ доставляетъ наслажденіе мучить людей, дѣлать имъ больно...

Зина. Можетъ быть.

Старк. Великодушно.

Зина. Да, такъ я поступаю не великодушно... и съ вами?

Старк. Конечно...

Зина. Вы должны радоваться.

Старк. Это почему?

Зина. Отчего я такъ привязана къ Томсику, хотя вообще собакъ не люблю?

Старк. Не знаю... капризъ.

Зина. Мнѣ его подарили маленькимъ, онъ все приставалъ, ласкался, разъ какъ-то я была сердита и швырнула его съ колѣнъ, онъ упалъ и вывихнулъ лапку. Съ тѣхъ поръ мнѣ вдругъ стало такъ его жаль, принялась лѣчить и страшно къ нему привязалась...

Старк. Вы и съ людьми хотите также обращаться, вамъ все равно, что люди, что собаки... Неизвѣстно даже, кого вы больше любите... Во всякомъ случаѣ Томсика больше, чѣмъ меня...

Зина (*будто серьезно, нервно*). Ничего вы не видите... (*Передразнивая.*) Кого вы больше любите? (*Какъ будто долго не рѣшаясь.*) Слѣпой... (*Пошла, передъ самымъ уходомъ со сцены пріостановилась.*) Конечно Томсика. (*Убѣгаетъ со смѣхомъ.*)

Старк. Куда вы?.. Ну, дѣвушка! Обовьетъ тебя вокругъ пальца—и не замѣтишь, какъ голову потеряешь. Много ты въ своей жизни, Леонидъ, глупостей надѣлалъ, должно быть и этой не миновать... (*Съѣлъ на скамью*).

Подг. Мое почтенье.

Старк. Здравствуйте.

Подг. Чѣмъ это вы, Леонидъ Викторовичъ, будто встревожены?

Старк. Васъ это интересуетъ?..

Подг. Помилуйте-съ... Конечно, человѣкъ я маленькій, ничтожный, червь незамѣтный, а тоже понять могу... Вы у насъ появились, отрада одна, посмотришь, сердце радуется... Только конечно прискорбно, очень прискорбно, если вамъ здѣсь долго оставаться.

Старк. Странное сожалѣніе!

Подг. Не могу... Я человѣкъ съ сердцемъ. Вотъ и теперь все время о васъ думалъ.

Старк. Интересно знать.

Подг. Замѣтилъ я нѣчто за эту недѣлю... И явилась мысль: Кассьянъ, помоги, освѣти, желательно, вѣроятно, Леониду Викторовичу въ просакъ не попасть, желательно все знать.

Старк. Что вы толкуете, что знать?

Подг. Не ходить же вамъ самимъ по опекамъ.

Старк. Зачѣмъ мнѣ идти въ опеку, никакого желанія не имѣю.

Подг. Послѣ маменьки у Зинаиды Сергѣевны капиталъ остался, могу точно узнать цифру...

Старк. Да?

Подг. Могу-съ.

Старк. Скажите, г. Подгуляевъ, часто васъ били?

Подг. (*быстро отступая*). Что за вопросъ?

Старк. Да вы не бойтесь, я васъ бить не собираюсь.

Подг. Позвольте-съ.

Старк. Скажите... Ну пожалуйста, искренно, по совѣсти, прошу васъ.

Подг. (*пауза*). Вы меня какъ благородный человѣкъ спрашиваете, извольте скажу—били разъ... и то давно...

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ-же и Штепенно (*входя при послѣдней фразѣ*).

Штеп. Врешь... Тебя-то разъ...

Подг. Не больше.

Штеп. Я сколько разъ знаю...

Подг. Такъ вѣдь они спрашиваютъ, по настоящему сколько разъ били, а такъ недоразумѣнія, такъ отъ нихъ кто же застрахованъ. (*Уходитъ.*)

Старк. Что за охота Сергѣю Николаевичу держать его у себя?

Штеп. А кого же онъ въ шуты рядить будетъ?..

Старк. Вы эти дни здѣсь не были?

Штеп. Кажется скоро совсѣмъ перестану ѣздить.

Старк. Почему?

Штеп. Не нравится мнѣ... Конечно, въ чужія дѣла вмѣшиваться не слѣдуетъ, а скажу прямо, Сергѣю Николаевичу грѣхъ... Положимъ, мелочи, да вѣдь и жизнь то вся состоитъ изъ мелочей. Мар. Степ. и Лиза хозяйками были, гостей принимали, за столъ всегда вмѣстѣ садились, а теперь къ музыкантамъ отдѣльно... Противно!

Старк. Вопросъ щекотливый...

Штеп. Старый и вѣчно новый. Бываютъ, батюшка, такіе жгучіе вопросы, бываютъ, и къ ихъ числу принадлежитъ и о незаконныхъ дѣтяхъ... Нельзя его забывать, нельзя-съ... грѣхъ...

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ-же и Лиза. *(Одѣта въ нарядное, но безъ вкуса сдѣланное платье, въ прическѣ подражаетъ Зинѣ.)*

Лиза. Здравствуйте, Илья Петровичъ.

Штеп. Здравствуйте... Фу ты, какая нарядная, и прическа по новому. Смотрите, значитъ вечеръ сегодня совсѣмъ по формѣ...

Лиза. Какіе наряды, такъ, весьма обыкновенно... Въ гости-то не часто ѣздимъ. Да притомъ и общество тамъ будетъ, и Леонидъ Викторовичъ собирается.

Штеп. Почемъ матерію брала?

Лиза. 2 руб. 20 к., что хлопотъ было...

Штеп. Марья Степановна ѣдетъ?

Лиза. Нѣтъ, не ѣдетъ.

Штеп. Я довезу.

Лиза. Довезите... А вы, Леонидъ Викторовичъ, верхомъ?

Старк. Верхомъ...

Штеп. Шарабанъ у меня знатный, мигомъ домчу... Зачѣмъ дѣло стало, можно трогаться?

Старк. Я догоню васъ... попрощаюсь съ Зинаидой Сергѣевной.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ-же и Зина *(одѣта въ амазонку).*

Зина. Прощаться съ Зинаидой Сергѣевной не надо, лошадь у ней осѣдлана и она съ вами ѣдетъ на имянины... Не прогонятъ. Мнѣ интересно посмотрѣть.

Штеп. Какъ на кунсткамеру?... Смѣшнаго не найдете, люди, правда, простые.

Зина. Лизавета Григорьевна... *(Старается скрыть улыбку.)*

Лиза. Чего вы смѣетесь?..

Зина. Я не смѣюсь.

Лиза. Какъ же не смѣетесь... Видѣла. Коли смѣшно что, намъ скажите, и мы посмѣемся.

Зина. Да нѣтъ... я просто обратила вниманіе на вашъ туалетъ...

Лиза. Что-жъ въ немъ особаго?..

Зина. Если правду сказать, это платье васъ уродуетъ... Надѣньте русскій костюмъ, онъ страшно къ вамъ идетъ. Ахъ, и прическа смѣшная. Милая, вы не сердитесь... Еслибъ у меня были такія чудныя косы, какъ у васъ, ни за что-бы не стала такъ причесываться... Кто это вамъ шилъ, и шею какъ открыла... Постойте. *(Снимаетъ съ себя ленточку и надѣваетъ на шею Лизѣ. Лиза стоитъ неподвижно.)* Ну-съ, ѣдемъ. Леонидъ Викторовичъ руку, а вы, Илья Петровичъ, вашей дамѣ руку... Какое сердитое лицо... *(Уходитъ съ Старковскимъ.)*

Штеп. Поѣдемъ Лиза... Опять? Неужто обидѣлась?.. Да плюнь ты на нее, поѣдемъ...

Лиза. Не поѣду. Никуда не поѣду.

Штеп. Фу ты. Что ты ее слушаешь. Такъ, зря сказала. Прекрасно одѣта.

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ-же и Марья Степановна.

Мар. Степ. Ты не уѣхала еще?.. Здравствуйте, батюшка... съ ней что ли? Довезите... Нарядилась какъ, любо посмотрѣть... Ну поѣзжайте, пора... А я прилягу, мочи нѣтъ...

Лиза. Никуда я не поѣду.

Штеп. Та натрещала, платье плохо. Превосходное.

Лиза. Дуры мы... куда намъ, тягаться гдѣ же, на смѣхъ только... Смѣшно ей... гдѣ у насъ лучше сошьютъ. И я-то придумала. Сиди дома... зачѣмъ теперь.... безъ меня почетные гости будутъ...

Штеп. Полно...

Лиза. Не говорите ничего, не злите лучше... Зачѣмъ мнѣ ѣхать? Не за чѣмъ, кому я нужна... Чтобъ тамъ еще на смѣхъ подняли... *(Распустила косу.)* Тоже по модному причесалась, цвѣточекъ вколола, какія нѣжности! *(Топчетъ цвѣты.)* Ишь ты вырядилась. Въ кружевахъ вся. *(Дернувъ кружева.)* Какіе у насъ фасоны... Шея вишь слишкомъ открыта, ленту дала. Точно петлю надѣла! Проклятая! *(Сорвала и бросила)*

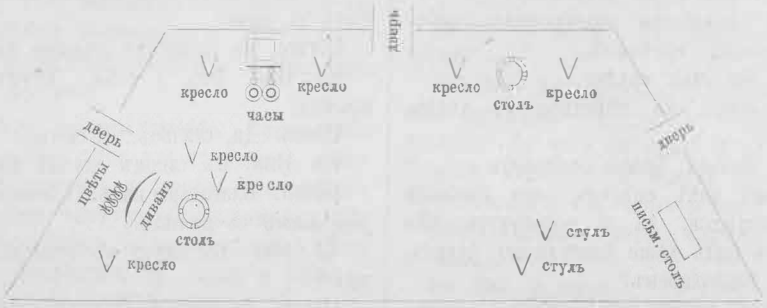
Мар. Степ. Лиза! Лиза!

Лиза. Отстаньте отъ меня всѣ. Никого мнѣ не надо. *(Заплакала, уходитъ.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Декорація 3-го акта.



(*Гостиная въ домѣ Тоболина. Обстановка старинаго барскаго дома, средняя дверь на террасу.*)

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Елена Николаевна и Подгуляевъ.

Подг. Разговоръ не возобновляли?

Елен. Ник. Безполезно. Лизавета и слышать не хочетъ. Только дерзостей мнѣ наговорила.

Подг. Указали вы ей, что не дождаться ей жениха изъ господъ?

Ел. Ник. Говорила, ничего съ ней нельзя подѣлать. И за простаго, говоритъ, пойду, а за Подгуляева никогда. Не печалься впрочемъ. Все къ лучшему. Судьба всегда устраиваетъ помимо насъ. Это мой принципъ.

Подг. Обидно.

Ел. Ник. Какая она тебѣ жена! Характеръ у нея дурной, испорченный, раздражительный.

Подг. Сергѣю Николаевичу говорили?

Ел. Ник. Намекала...

Подг. Какъ же онъ отнесся?

Ел. Ник. За шутку принялъ...

Подг. (*злобно*). На томъ и покончили?

Ел. Ник. Брось думать о Лизаветѣ.

Подг. Такъ-съ. Еще бы имъ обратить вниманіе на такое ничтожество, находясь въ ожиданіи великихъ благъ и милостей.

Ел. Ник. Какихъ благъ?

Подг. Такихъ-съ. Не хотѣлъ тревожить, да вижу скрывать хуже... Сергѣй Николаевичъ обезпечить ихъ хочетъ, передать имъ Васильевку, а въ ней 1200 десятинъ.

Ел. Ник. (*тревожно*). Откуда ты знаешь?

Подг. Знаю.

Ел. Ник. Лжешь.

Подг. Цѣли нѣтъ и пользы не вижу, а безъ пользы зачѣмъ я буду врать. Слышалъ.

Ел. Ник. Самъ?

Подг. Самъ. Пожалуй вы ошибочку сдѣлали, переселивши ихъ во флигель.

Ел. Ник. Почему?

Подг. Вопросъ обострился преждевременно. Въ душѣ Сергѣя Николаевича борьба поднялась... Такъ онъ нѣжно съ Марьей Степановной говорилъ.

Ел. Ник. Гдѣ?

Подг. Во флигелѣ. Прости, говоритъ, виноватъ.

Ел. Ник. Ну, а она что?

Подг. Руку цѣлуетъ.

Ел. Ник. Какъ ты это могъ все видѣть и слышать?

Подг. Что-жъ тутъ труднаго? Зашелъ съ той стороны, гдѣ ветлы, подкатилъ чурбанчикъ къ окну и готово — обсерваторія безподобная.

Ел. Ник. И ты думаешь, братъ отдастъ ей Васильевку?

Подг. Благопріобрѣтенная.... можетъ.

Ел. Ник. Его дѣло! Мнѣ все равно, только несправедливо противъ Зины. Пусть поступаетъ, какъ хочетъ, — и разговаривать не стану. Опять дерзости выслушивать!

Подг. Эхъ, Елена Николаевна, не такъ вы со мной разговаривать изволите.

Ел. Ник. Не такъ?

Подг. Надо вамъ сказать, что я хоть немного, а все таки учился и всегда особенное пристрастіе къ исторіи имѣлъ, въ особенности къ древней. Очень нравилось, какъ тамъ Фрина или Клеопатра и прочее.

Ел. Ник. Ты это все къ чему?

Подг. Интересный разсказецъ имѣется, какъ жрецы и авгуры, принося жертвы и всякіе тамъ фокусы устраивая, не могли безъ смѣха смотрѣть другъ на друга.

Ел. Ник. Ну?

Подг. И мы съ вами въ настоящій моментъ въ родѣ этихъ авгуровъ... Будьте откровенны: вѣдь вамъ непріятно, если вдругъ Сергѣй Николаевичъ совершитъ такое безумство?.. Мѣры бы принять надо, а какія не придумаете... А я знаю.

Ел. Ник. Знаешь... какія?

Подг. Рѣшительныя; опеку надо устроить.

Ел. Ник. Опеку?

Подг. Да, опеку, просить черезъ предводителя, за пристрастіе къ вину... дѣлами сами управлять не могутъ.

Ел. Ник. Какъ же это?

Подг. Очень просто...

Ел. Ник. Развѣ легко устроить?

Подг. Вы ближайшая родственница, заботитесь о Зинаидѣ Сергѣевнѣ...

Ел. Ник. Все таки трудно.

Подг. Не легко, но дѣйствуя съ умомъ, все возможно...

Ел. Ник. Нельзя, брата оскорбить...

Подг. Какъ вамъ сказать, при слабости ихней, поволнуются, да и позабудутъ... Въ душѣ можетъ быть даже благодарны будутъ.

Ел. Ник. Благодаренъ?

Подг. Да-съ. Скупы они, теперь положимъ порывъ нашелъ на нихъ, а тамъ сами жалѣть начнутъ. А тутъ и благородство обнаружитъ и отступитъ по неволѣ.

Ел. Ник. Я понимаю-обезпечь, назначь пенсію, но отдавать цѣлое имѣніе... Да, опека, совершенно вѣрно. Что-жъ такое, постоянно приходится слышать... Какъ же къ этому приступить?

Подг. Очень просто. Всѣ формальности и канцелярскія затрудненія я вамъ черезъ нѣкіего мущину прекрасно улажу. Не безпокойтесь, на меня положитесь. Не дорого и хорошо все будетъ сдѣлано. А вы на предводителя дѣйствуйте. Сначала довѣреннаго человѣка пошлите, съ письмомъ, пусть подробности на словахъ объяснитъ.

Ел. Ник. Разумѣется тебя, конечно.

Подг. Превосходно... Садитесь и письмецо пишите, коротенькое: возмущаюсь, опасаюсь за племянницу...

Ел. Ник. (*Садится писать*). Боюсь, какъ Зина посмотритъ, разсердится.

Подг. Имъ пока и говорить не надо... Потомъ когда дѣло совершится. Притомъ онѣ-съ теперь другимъ поглощены, молодость...

Ел. Ник. Это тебя не касается.

Подг. Виноватъ.

Ел. Ник. Подъ какимъ предлогомъ ты поѣдешь?

Подг. Не безпокойтесь, самъ Сергѣй Николаевичъ пошлетъ.

Ел. Ник. Зачѣмъ?

Подг Молодыхъ лошадей хотятъ купить, разговоръ заведу, посмотрѣть и пошлютъ.

Ел. Ник. На. (*Подаетъ письмо*).

Подг. Не запечатали?

Ел. Ник. Не надо. Такъ и передай, предводитель пойметъ что это значитъ.

Подг. Понимаю.

Ел. Ник. Кто то идетъ, спрячь... Надѣюсь, устроишь, потомъ и я съѣзжу.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ-же и Штепенко. (*входитъ. Въ это время Подгуляевъ прячетъ письмо*).

Подг. Будьте покойны, исполню... (*Уходитъ*).

Ел. Ник. Увѣрена... Иди... Здравствуйте.

Штеп. Вотъ вы гдѣ. Мое почтеніе.

Ел. Ник. А Сергѣй хотѣлъ сегодня посылать за вами.

Штеп. По хозяйству должно быть?

Ел. Ник. Онъ у себя. Хотите къ нему пройти?

Штеп. Да, сейчасъ... Успѣю... Мнѣ бы...

Ел. Ник. Въ такомъ случаѣ присядьте.

Штеп. Благодарю васъ. (*Садится и мнетъ фуражку въ рукахъ.*)

Ел. Ник. Вы давно въ этой мѣстности живете?

Штеп. Въ этой мѣстности? Лѣтъ двѣнадцать.

Ел. Ник. Не скучаете о службѣ?

Штеп. О службѣ? Я былъ раненъ, здоровье пришлось поправлять.

Ел. Ник. Неужели? бѣдный! Знаете, мы заграницей на многое смотримъ объективнѣе. Я люблю Россію, а все таки скажу, что мы русскіе во многомъ отстали и во многомъ должны подчиниться. Я очень люблю родину.

Штеп. (*разсѣянно*). Что же это за человѣкъ, если родину не любитъ... Это такая скотина... и повѣсить его не жаль...

Ел. Ник. Ну да, ну да. И я тоже говорю. Родина... это что то могучее, сѣдое, великанъ какой-то... Но война-ахъ. это такой ужасъ! Par exemple, Старковскій. Такой молодой и еслибы вдругъ война...

Штеп. Что-же Старковскій! Франтикъ... а случись дѣло, въ атаку на сомкнутые ряды пѣхоты броситься, и глазомъ не моргнетъ.

Ел. Ник. Не правда ли, въ немъ что-то геройское? Какъ онъ только можетъ здѣсь жить? Я удивляюсь, что онъ еще не сдѣлался пьяницей.

Штеп. Что считать пьяницей. По закону пьяницей именуется тотъ, кто болѣе дней въ году пьянъ, нежели трезвъ бываетъ.

Ел. Ник Неужели?

Штеп. Вотъ что, Елена Николаевна... Я вѣдь въ сущности къ вамъ.

Ел. Ник. Ко мнѣ?

Штеп. Вы ужъ извините меня пожалуйста... Поѣду, думаю, выскажу ей... Пойметъ же она, сама женщина.

Ел. Ник. Это вы про кого говорите?

Штеп. Да все про васъ же.

Ел. Ник. Ахъ, про меня. Что-жъ я должна понять? Предупреждаю васъ... Мой принципъ не мѣшаться въ чужія дѣла...

Штеп. Ну, вотъ поняли, значитъ, о чемъ хочу говорить.

Ел. Ник. Ничего не поняла.

Штеп. Поймите же... Вотъ вы говорите пьяница... А не будь возлѣ Сергѣя Николаевича Марьи Степановны да Лизы, до чего бы онъ дошелъ! Самъ бы бѣлой горячкой кончилъ и

все бы расхитили... Онѣ за нимъ какъ за малымъ ребенкомъ ухаживаютъ. Вотъ вы изволили коснуться больнаго мѣста, самъ разговоръ на эту тему начинать не рѣшался, а вы начали, позвольте высказать.

Ел. Ник. Пожалуста, хотя я и не понимаю. на что мнѣ все это.

Штеп. Нѣтъ, вы выслушайте. Надо знать Марью Степановну. Она умѣетъ любить горячо, всѣмъ жертвовать и терпѣть молча, безъ жалобъ. А Лиза—натура экспансивная: дайте ей другую обстановку, не то бы вышло, а тутъ какъ то все фальшиво, ну нервы и развинтились, совсѣмъ больной человѣкъ... Какъ бы тамъ ни было, только до пріѣзда вашего жилось все таки кое какъ сносно, о многомъ забылось, глазъ не мозолило, а вы пріѣхали, тутъ она все почувствовала, да и другіе даютъ почувствовать, прислуга даже и та тонъ перемѣнила; мелкота всякая уколоть желаетъ. Почувствуйте вашимъ женскимъ сердцемъ. Нельзя же такъ...

Ел. Ник. Какой вы странный, monsieur Штененко. Чѣмъ же мы виноваты!.. Не пріѣзжать сюда? Странно. Не могла же я при встрѣчѣ на шею имъ броситься, Марью сестрой назвать, Лизавету племянницей. Удивительно вы странный...

Штеп. Не то-съ, зачѣмъ на шею! а по человѣчески обойтись, понять ихъ положеніе, а не оскорблять, (*не сдерживаясь.*) не выгонять изъ дому—вотъ въ чемъ дѣло!

Ел. Ник. (*встала*). Послушайте, г. Штепенко.....

Штеп. Ну вотъ!.. «Господинъ Штепенко»—я такъ и зналъ.

Ел. Ник. Надо же думать то, что вы говорите. Сергѣй Николаевичъ самъ не маленькій, онъ знаетъ, что дѣлаетъ. Мы съ Зиной здѣсь не при чемъ.

Штеп. (*рѣзко*). Такъ я и повѣрю. Мы, молъ, ничего не знаемъ, руки наши чисты... А чьи желанія здѣсь исполняются?.. Его, что ли? Онъ ихъ выгналъ изъ дому? Отчего онъ до сихъ поръ не гналъ? Ну покричитъ бывало, да и все тутъ. А какъ вы появились...

Ел. Ник. Я не хочу васъ слушать.

Штеп. Не слушайте. Продолжайте ваше доброе дѣло. Пусть всѣ порядочные люди отвернутся отъ вашего брата.. А, да что тутъ говорить! Надо было мнѣ впутываться! Кого хотѣлъ убѣдить! Усовѣстишь тутъ, какъ же! (*Идетъ и пріостанавливается.*) Раскусилъ я васъ, сударыня. Ужь какъ баба завела музыку на счетъ принциповъ, стало быть у нея никакихъ принциповъ и въ поминѣ нѣтъ. Признакъ вѣрный (*Уходитъ*).

Ел Ник. Невѣжа, грубіянъ!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Елена Николаевна и Тоболинъ (*слегка выпивши*).

Тобол. Ой-ой-ой! Что такое? Откуда эти громы?

Ел. Ник. Ахъ, отстаньте, Serge! Кѣмъ вы себя окружили? Откуда вы набрали этакихъ уродовъ? До чего вы пали! И это Тоболинъ-Турскій, мой родной братъ! Вѣчное вино!.. Отвратительно! (*Хочетъ идти.*)

Тобол. Сестра, постой... Сегодня рѣшительно не пилъ...

Ел. Ник. Я вижу.

Тобол. Исключительное обстоятельство: смотрѣлъ сейчасъ портретъ покойницы... Зина вылитый ея портретъ, только у ней нѣтъ той доброты въ лицѣ... Да. (*Всхлипываетъ.*) Ну... выпилъ двѣ рюмки коньяку, ослабъ... Я теперь что... я теперь жалкій... А мнѣ всѣхъ жаль, и тѣхъ жаль, а вамъ, вамъ никого не жаль...

Ел. Ник. Безобразіе. Теперь я съ вами объясняться не стану, только не воображайте, что позволю вамъ дочь раззорять... Ахъ, бѣдный, бѣдный братъ! (*Уходитъ въ боковую дверь.*)

Тобол. Хм! Бѣдный братъ! Сама тамъ по заграничнымъ курортамъ... (*Оглядывается.*) Какого дьявола! Гдѣ Зина? Зина!

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тоболинъ и Лиза (*входитъ изъ средней двери*).

Тобол. Ты куда?

Лиза. Въ кладовую.

Тобол. Зачѣмъ?

Лиза. Мать послала.

Тобол. Поди сюда.

Лиза. Что вамъ?

Тобол. Подойди... ближе. Ну.

Лиза. Подошла.

Тобол. Ты меня ненавидишь? Да?

Лиза. Съ чего придумали.

Тобол. Ты меня считаешь виноватымъ? Да?

Лиза. Кажется я не жалуюсь, молчу...

Тобол. (*раздражительно*). Молчу... хуже... хуже что молчишь... Не улыбнется, глаза злые...

Лиза. Не до смѣху мнѣ, Сергѣй Николаевичъ, и не до разговоровъ... Позвольте, я пойду...

Тобол. Попреки, нѣмое страданіе. А? Такъ что ли? Не поладила. Ну, баста! Довольно... Чтобы я не видѣлъ больше такого лица... Чего тебѣ надо?.. Изъ пустяковъ исторію затѣвать, дуться... Велика важность, что во флигель перевели! Обидѣли! Кого же? Лизавету Григорьевну!

Лиза. Оставьте въ покоѣ Лизавету Григорьевну... Вѣдь Лизавета Григорьевна не Сергѣевна.

Тобол. Замолчи!

Лиза. Погромче, а то не вся прислуга услышитъ... Меня не удивите... Или старое вспомните... Ногайки нѣтъ? Такъ принесу, бейте!

Пусть Елена Николаевна, да Зинаида Сергѣевна порадуются... Что, притихли? Совѣстно стало?...

Тобол. (*встаетъ*). Лизочка!

Лиза. Господь съ вами! Мнѣ жаль васъ. Только оставьте меня въ покоѣ... (*Уходитъ.*)

Тобол. (*за нею*). Лиза, Лизавета... Постой... Послушай... (*Уходитъ за ней, въ это время изъ среднихъ дверей показались Старковскій и Штепенко.*)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Старковскій и Штепенко.

Штеп. Такъ обозлила, ушелъ и фуражку здѣсь оставилъ.

Старк. Сраженье было долгое и жаркое?

Штеп. Нѣтъ, весьма краткое, но достаточно энергичное... Теперь на себя досадно, охота съ бабой связываться, все равно не убѣдишь. Куда дѣвался Сергѣй Николаевичъ, весь садъ обошелъ, а сейчасъ здѣсь его голосъ послышался... (*Смѣется.*) Фу, усталъ, усталъ, а то и съ вами, Леонидъ Викторовичъ, серьезно поговорить надо и выругать преотмѣнно.

Старк. Чѣмъ провинился?

Штеп. Видите теперь, что здѣсь творится, а г. Тоболинъ не умѣетъ разрубить Гордіевъ узелъ... У него характера не хватаетъ. Барышня должна помочь—существо молодое, свѣжее, должна быть чуткой...

Старк. Вы меня извините, я съ вами совершенно не согласенъ. Мнѣ жаль Лизавету Григорьевну, но я вполнѣ понимаю и Зинаиду Сергѣевну... Вы можете меня считать отсталымъ, дурнымъ человѣкомъ, я смотрю въ этомъ вопросѣ трезво, а жизнь — дѣло грубое, въ идеальныя схемы ее никакъ не уложишь... Да, меня то за что вы хотите ругать?

Штеп. Лишнее горе ей прибавили. Предупреждалъ васъ раньше, намекалъ, будьте вы поосторожнѣе съ Лизаветой Григорьевной... Вы по привычкѣ со всѣми любезны, а она втюрилась въ васъ.

Старк. Пустяки.

Штеп. Какой пустяки... Вы только присмотритесь внимательнѣе, что здѣсь творится... Нѣтъ, много я васъ, молодыхъ людей, наблюдалъ, скверно вы къ женщинѣ относитесь.

Старк. Относительно Лизаветы Григорьевны я никогда не позволилъ себѣ рѣшительно ничего лишняго, а что мы вообще относимся плохо къ женщинѣ — не спорю. Да и неужели вы хотите искать серьезное отношеніе тамъ, гдѣ девизъ «жить—наслаждаться»!? (*Искреннимъ тономъ.*) Одно я вамъ скажу, хотите вѣрьте... Лично я всегда мучительно завидовалъ тѣмъ, кто способенъ чувствовать всей душой и отдаваться всецѣло чувству, жертвовать всѣмъ. (*Задумался.*)

Штеп. Простите мое любопытство, вы отчасти сами дали мнѣ на него право. Съ вами, Леонидъ Викторовичъ, творится что-то неладное...

Старк. (*всталъ.*) Что дѣлается съ такими, какъ я.

Штеп. Бросьте этотъ тонъ...

Старк. Скверно у меня на душѣ, а скверно отъ того, отъ чего у другаго было бы хорошо...

Штеп. Вы начинаете говорить загадками...

Старк. Которымъ вы уже отъискали разгадку... Люблю я, вы сами знаете кого. Эту капризную, взбалмошную Зину, знаю всѣ ея недостатки и кажется за нихъ еще больше люблю ее...

Штеп. И слава Богу...

Старк. Къ чему это приведетъ?..

Штеп. Къ законному браку, а со временемъ и къ крестинамъ...

Старк. Я не женюсь на ней...

Штеп. Это почему?

Старк. Жениться, чтобы сказали, что разорившійся Старковскій поправляетъ свои дѣла богатой женитьбой?!.. Нѣтъ, переломлю себя, а силъ не хватитъ, такъ пулю въ лобъ... Теперь я хочу богатства, чорту душу отдалъ бы за него... Женись я, всѣ рѣшатъ: на первомъ планѣ деньги и не осудятъ, вотъ что обиднѣе всего, Нѣтъ, найдутъ благоразумнымъ, вполнѣ благоразумнымъ... Женись я на бѣдной, назвали бы безумiемъ... Ахъ, если бы я могъ найдти работу, я сталъ бы работать за десятерыхъ... съумѣлъ бы...

Штеп. Эхъ, Леонидъ Викторовичъ, бросьте ложное самолюбіе, гордость въ васъ говоритъ, ее вы рядите въ красный сарафанъ, да и носитесь съ ней. Вы то сами убѣждены, знаете что не за деньгами гонитесь, такъ что вамъ за дѣло кто и что скажетъ... Сплетничать будутъ, ну и пусть ихъ сплетничаютъ на здоровье. Бросьте всѣ сомнѣнія, если любите, рѣшайтесь... Ишь ты, похудѣлъ даже, вотъ она любовь то, злая штука. Пусть она богата— вы то будете жить на свои средства, умѣйте только довольствоваться малымъ... и каждый рубль, честно добытый вашимъ трудомъ, стоитъ ея тысячъ и вы счастливы и богаты, богаты какъ Крезъ. Ну-съ; чтобы сомнѣнья и въ поминѣ не было. Если вы сейчасъ говорили вполнѣ искренно и твердо рѣшитесь такъ поступать, какой же вы бѣдный? Вы богачъ. Молодость, образованіе, сила, энергія и желаніе работать... Тотъ бѣденъ, кто работы боится, тотъ бѣденъ, кто работать не умѣетъ, а кто съ энергіей идетъ въ борьбу и работы ищетъ, найдетъ ее.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ-же и Зина.

Зина. Вотъ вы гдѣ. Здравствуйте.

Штеп. Здравствуйте.. (*Старк. молча пожимаетъ руку*).

Зина. На васъ, капитанъ, тетя обижена; что вы ей тутъ наговорили?

Штеп. Правду, а правда всегда жестка бываетъ. И съ вами поговорю.

Зина. Пустяками вы занимаетесь, а что слѣдуетъ, того не дѣлаете.

Штеп. Чего же?

Зина. За мной не ухаживаете.

Штеп. За вами? Спаси Богъ.

Зина. Это почему?

Штеп. Почему? Да вы съ поклонниками своими навѣрно поступаете хуже, чѣмъ непріятель на войнѣ... Тамъ отобьютъ знамена, пушки, берегутъ ихъ... Индѣецъ и тотъ оскальпируетъ врага и съ гордостью всю жизнь носитъ его волосы, а вы возьмете чужое сердце, растопчите и въ памяти даже не сохраните. Хоть бы записную книжку завели...

Зина. Для васъ заведу особенную, съ золотымъ обрѣзомъ.

Штеп. Тѣмъ не менѣе я васъ покину и пойду искать Сергѣя Николаевича.

Зина. Онъ недавно былъ здѣсь... Не въ саду ли?

Штеп. Найду. Развеселите вы сего молодаго человѣка, а то посмотрите: на челѣ тучи ходятъ... Вообще у всѣхъ здѣсь такое настроеніе, не нравится мнѣ, точно передъ грозой... Помните, господа, молодость дважды не приходитъ, живи, пока живется, а что за жизнь, гдѣ нѣтъ любви. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Зина и Старковскій.

Зина. Вы хандрите?

Старк. Да. Васъ это удивляетъ?

Зина. Съ чего? Скажите.

Старк. Причинъ нѣсколько, главная одна... Впрочемъ, въ самыя тяжелыя минуты, испытывать которыя вы, кажется, не считаете меня способнымъ, у меня остается одно утѣшеніе.

Зина. Какое?

Старк. Всѣмъ, рѣшительно всѣмъ безразлично: что со мной, какъ я живу, никого это не опечалитъ, не огорчитъ.

Зина. Плохое утѣшеніе.

Старк. Годится, за неимѣніемъ лучшаго... Впрочемъ, виноватъ, не всѣмъ безразлично... За моей жизнью слѣдятъ, и очень внимательно, желаютъ мнѣ искренно всевозможныхъ успѣховъ —мои кредиторы... Да, вообще ужасная вещь одиночество, но я испыталъ его среди многолюдства... Неправда ли, вамъ все это смѣшно?

Зина. Вовсе не смѣшно...

Старк. Я гдѣ то читалъ описаніе путешествія среди снѣговыхъ тундръ... Тоже чувство одиночества, оторванности отъ всего живаго я испытывалъ среди толпы... Никто не повѣритъ, а между тѣмъ не только теперь, но и прежде, среди довольства и веселья, избалованный жизнью, я все таки часто засыпалъ и просыпался съ одной и той же мыслью: какъ скучно жить и какъ хорошо умереть.

Зина. Нѣтъ, въ смерти что-то ужасное. А странно, были минуты и мнѣ приходила та же мысль.

Старк. Вамъ это думать—безуміе... Съ чего?

Зина. Тоже скучно... Скучно было въ пансіонѣ, скучно разъѣзжать по курортамъ. Я не знаю чѣмъ наполнять жизнь... Я какая то особенная... На первый балъ выѣхала и то ничего не ощущала, старушка няня у меня была, разсердилась на меня: «Идолъ ты», говоритъ, «развѣ можно дѣвицѣ такъ безчувствовать...» Передъ отъѣздомъ въ деревню, въ Италіи, зашла я какъ то въ церковь, что то тяжело было на душѣ, зашла, смотрю, всѣ молятся; простыя, набожныя лица, а у меня въ душѣ ничего не говоритъ. Какъ жаль, что меня не научили молиться...

Старк. Вы помните матушку?

Зина Нѣтъ... (*Рѣзко перемѣнивъ тонъ, переходитъ на другую сторону.*) Однако мы минорный разговоръ завели... Извольте разсказывать... Разсказывайте, что хотите, только веселое... Извольте слушаться!

Старк. Какъ рабъ покорный? (*Подходитъ къ ней.*)

Зина (*шутливо*). Я не люблю рабовъ, рабы всегда коварны и лживы, и можно-ли уважать того, кто добровольно носитъ цѣпи. Предпочтите имъ всѣ муки, но сбросьте...

Старк. (*схвативъ ее за руку*). Какъ я люблю васъ... неужели вы не видите?

Зина. За что?

Старк. Не знаю за что и не хочу знать. Можетъ быть за то, что вы также испорчены душой, какъ и я.

Зина (*шутя*). Вы...любите? не можетъ быть?

Старк. Вамъ шутки... бездушная...

Зина. Да я Ундина, у меня нѣтъ души ..

Старк. (*смотритъ пристально*). Я съ безумной любовью смотрю въ эти глаза и въ нихъ, гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ, я читаю мой приговоръ... Я хочу знать правду, скажите, кто я для васъ..? Любите или нѣтъ?

Зина. Люблю или нѣтъ..? Должно быть люблю, а можетъ-быть и нѣтъ...

Старк. Что за пытка. Будетъ этому конецъ, злая дѣвушка?

Зина. Какъ вы торопитесь, точно каждый часъ промедленія грозитъ вамъ несчастьемъ, разореньемъ...

Старк. (*взволнованный*). Что вы сказали? Разореньемъ..? Зинаида Сергѣевна, я долго боролся... скажите мнѣ сейчасъ всю правду, скажите правду, я требую. Неужели вы могли подумать, я изъ за денегъ..? этотъ упрекъ...

Скажите, можетъ-быть по вашему я гонюсь за приданымъ?

Зина *(сильно и рѣзко)*. Никогда... Я никогда этого не думала.

Старк. Благодарю васъ... Мучить меня вы можете, это ваше право!

Зина *(кокетливо)*. Чѣмъ я виновата?

Старк. Вы ничѣмъ. Вы не желаете отвѣтить, но вѣдь въ этомъ молчаніи вашъ отвѣтъ. Произносить пламенныя рѣчи, говорить жалкія слова—я не желаю... Прощайте...

Зина. Прощайте... *(Старковскій идетъ къ дверямъ.)* Вы уходите?

Старк. *(быстро подходитъ къ ней)*. Иногда у меня является желаніе убить васъ, задушить... Радость моя, жизнь моя, никому не отдамъ. *(Обнялъ, приподнялъ ей голову и страстно поцѣловалъ.)*

Зина *(оттолкнувъ)*. Пустите...

Старк. *(опомнился)*. Простите.

Зина (*опустивъ голову къ нему на плечо*). Милый...

Старк. (*тихо*). Зина, Зина. (*Цѣлуетъ ей руки, въ это время въ дверяхъ показывается Лиза, несетъ кулекъ, выронила.*)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ-же и Лиза.

Зина. Что это?

Лиза. Извините. (*Съ злымъ смѣхомъ.*) Простите, пожалуйста, испугала, не знала, взошла не во время, помѣшала.

Зина (*проходя*). Милая моя, вы мнѣ не можете помѣшать. (*Къ Старковскому.*) Я пройду въ садъ. (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

Старк. Лизавета Григорьевна, къ чему такой странный тонъ..? Успокойтесь.

Лиза. Благодарю, спасибо за совѣтъ. Спасибо, только выговоръ дѣлаете, а я думала за нее обидитесь, прибьете.

Старк. Что вы такое говорите?

Лиза. Самое обыкновенное. Какъ молъ ты смѣла такимъ тономъ сказать, будто посмѣялась. Гдѣ намъ разговоръ найти, въ пансіонахъ насъ не обучали, по заграницамъ не возили. Мѣсто свое знать должны. Прежде другое дѣло и съ нами разговаривать могли.

Старк. Я сегодня еще собирался зайти къ вамъ. Я кажется ничѣмъ не оскорбилъ васъ. Мнѣ понятно ваше настроеніе, мнѣ жаль васъ, но я никогда васъ не обманывалъ...

Лиза. Никто васъ не проситъ жалѣть меня и ни въ чемъ не винятъ васъ.

Старк. (*холодно*). Тѣмъ лучше. Идите и успокойтесь.

Лиза. Васъ жаль, голубчикъ мой, Леонидъ Викторовичъ. Не стоитъ она васъ, нѣтъ, злая она, бездушная, сердца у ней нѣтъ, кокетка, не умѣетъ любить, не оцѣнитъ васъ. Не женитесь на ней. На комъ хотите женитесь, невѣсту найдете хорошую, богатую... а я рабой ея буду, въ горничныя къ ней пойду, всю жизнь отдамъ. Только на этой не женитесь, не стоитъ она васъ, не стоитъ...

Старк. Поймите, ни о какой женитьбѣ и рѣчи не было. Что вы замѣтили? Поцѣлуй руки. Она меня можетъ быть и не любитъ, такъ шалость...

Лиза. Не любитъ. Еще бы ей оцѣнить васъ... ломака она.

Старк. Однако довольно! До всего этого вамъ нѣтъ дѣла, но чтобы избавить васъ разъ на всегда отъ всякихъ фантазій, я вамъ искренно говорю: я такъ ее люблю, что всѣмъ готовъ пожертвовать! (*Беретъ фуражку со стула.*) Вы это хотѣли знать? (*Идетъ къ двери.*)

Лиза (*подходитъ къ двери*). Постойте, заплатитъ она вамъ за мои муки, посмѣется надъ вами, увидите. (*Старковскій пріостановился на минуту у порога балконной двери, пожалъ плечами, надѣлъ фуражку и ушелъ.*)

Лиза (*одна*). Умереть... который разъ въ голову приходитъ. Добромъ развѣ вспомнитъ. Сумашедшей назоветъ... За то мукамъ конецъ, ихъ вмѣстѣ не увижу. А грѣхъ вѣчный, незамолимый. Нѣтъ, силъ моихъ нѣтъ. Мучайся, да на радость ихъ смотри... Ласки ихнія. А то заговорятъ о тебѣ, онъ пожалѣетъ. Не хочу твоихъ сожалѣній, не хочу. А та смѣяться будетъ. (*Схватилась руками за голову.*) Схватить ее за горло, такъ, чтобы въ рукахъ и жизнь кончила. Вотъ такъ... чувствовать будешь, кровь у ней въ жилахъ стынетъ, стынетъ, глаза закрылись, хрипитъ... стынетъ, стынетъ. Что я, Господи, навожденіе, съ любовью этой ума рѣшилась. Вотъ такъ люди и до убійства доходятъ. Вотъ и сейчасъ, будто толкаетъ что... (*Пауза.*)

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Лиза, Марья Степановна, Тоболинъ.

(*При послѣднихъ словахъ входятъ Тоболинъ и Марья Степановна, продолжая разговоръ.*)

Мар. Степ. Васька прибѣжалъ, разсказываетъ, наповалъ убили. (*Лиза при послѣднихъ словахъ какъ бы опомнилась.*)

Лиза. Кто? Кто сказалъ? Вы почемъ знаете?

Мар. Степ. Прибѣгли съ деревни, сказываютъ.

Лиза. Да, ну что-жъ? Ну, говорите?

Тобол. Опомнись, что съ тобой?

Лиза. Ничего... ничего. Такъ показалось. Испугали, вдругъ сказали. Вы не смотрите на меня такъ... Что вы? Чудные какіе, право чудные! Такъ убили, говорите? Да какъ рѣшиться? Нельзя... нельзя. Правда вѣдь? Что вы такъ смотрите? Ахъ бѣдная, думаете, съ ума сошла, рехнулась... Нѣтъ, не сошла, нѣтъ еще, не сошла, не сошла. (*Уходитъ.*)

Тобол. Маша, что съ ней?

Мар. Степ. Все время такъ, ума не приложу. Дѣло молодое, обидчивое... Вы съ нее, Сергѣй Николаевичъ, не взыщите, такъ зря мелетъ невѣдомо что.

Тобол. Я и не взыскиваю, мнѣ жаль, не чужая... Вы всѣ считаете меня безъ сердца...

Мар. Степ. (*цѣлуя его въ плечо*). Голубчикъ ты нашъ, обидно очень... Чего сестрица-то куражится...

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ-же и Штепенко и Подгуляевъ.

(*Штепенко тащитъ Подгуляева за шиворотъ.*)

Штеп. Иди, нечего упираться.

Подгул. Позвольте, пустите! Безобразіе!

Штеп. Молчи. (*Толкнулъ его впередъ.*)

Подг. Этакъ членовредительство можно совершить, отвѣчать будете.

Штеп. Ребры тебѣ переломать слѣдуетъ! И отвѣчать не буду.

Подг. Нѣтъ ужъ это вы ахъ оставьте, напрасно.

Тобол. Что случилось? Въ чемъ дѣло?

Штеп. Послушайте-ка!

Подг. Недоразумѣніе.

Штеп. Молчи... хорошо недоразумѣніе... Пошелъ я васъ отыскивать, подхожу къ бесѣдкѣ надъ прудомъ. Смотрю, стрикулистъ этотъ читаетъ какое то письмо, конвертъ сбоку лежитъ, надпись «предводителю». Не видитъ онъ меня и повторяетъ фразу «взять въ опеку», видно смакуетъ словами. Точно въ сердцѣ мнѣ что ударило, раньше былъ онъ мнѣ подозрителенъ, а сегодня замѣтилъ, какъ ему сестрица ваша какое-то письмо передавала, а при моемъ приходѣ засуетилась.... Подошелъ къ нему, да хвать за руку, вотъ такъ. (*Беретъ Подгуляева за руку.*)

Подг. Больно... Пустите... Кричать стану.

Штеп. Онъ и такъ, и этакъ, у меня не вывернешься. Письмо взялъ, въ первый разъ въ жизни себѣ позволилъ, не вытерпѣлъ, нѣсколько строкъ прочелъ, сейчасъ ему разъ, два въ шею, да и приволокъ сюда. (*Даетъ письмо.*) Нате, читайте... Хорошо придумали?

Тобол. Давайте... (*Читаетъ, скомкалъ, топчетъ ногами.*) Низость... А? Каково? Вотъ оно что. Ну, сестрица! Неужели и дочь, Зина?! Не могла безъ ея согласія. А? Что вы сказали? Конечно, всѣ сообща... Вотъ какъ... Меня въ опеку, расточитель, пьяница?! Ну, расточитель, ну пьяница, свое расточаю... Лгутъ. Еслибъ и правда, кто же сестра, дочь... Погодите! Марья, Марья...

Мар. Степ. Что прикажете?

Тобол. Сейчасъ зови сюда Лизу, скорѣе...

Штеп. Она въ саду, на скамейкѣ сидитъ. (*Марья Степановна уходитъ.*)

(*Тоболинъ звонитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ-же и Лакей *потомъ* **Елена Николаевна, Зина и Старковскій.**

Лакей (*входитъ изъ боковой двери*). Что прикажете?

Тобол. Просить сюда сейчасъ Елену Николаевну и Зинаиду Сергѣевну, сію минуту, скорѣе. (*Въ средней двери показываются Елена Николаевна и Зина, за ними Старковскій.*) А вотъ и они, кстати... Пожалуйте сюда...

Ел. Ник. Что случилось?

Тобол. Васъ то мнѣ, голубушекъ, и нужно...

Ел. Ник. Что за тонъ?

Тобол. Тонъ? А? Какого же вы тона ждали отъ полоумнаго пьяницы... подъ опеку меня взять надо... Что? Надо?

Зина. Что это значитъ?

Тобол. Тебѣ съ тетенькой лучше знать... Вотъ повѣренный ея попался... письмо, опеку надъ мной. Ну, любви ко мнѣ у васъ нѣтъ, насильно не заставишь, да благодарность... Лишалъ васъ чего? А? Ну, скажи, что? Молчите? Пріѣхали... по вашему все, нѣтъ отказу... Близкихъ, годы со мной возились, все переносили, да, переносили,— ихъ обидѣлъ... По заграницамъ мыкались, когда отца вспоминали? Что? Когда? деньги требовались—тогда?.. Мнѣ здѣсь, со мной были. Не чужія.

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ-же и Марья Степановна и Лиза (*при послѣдней фразѣ вошла и остановилась въ дверяхъ, Марья Степановна за ней.*)

Зина (*сильно*). Ни увѣрять въ любви, ни толковать о письмѣ я не желаю, но ты, отецъ, не имѣешь права предполагать что я знала... Никто не смѣетъ сказать. Это ложь, ложь, слышите, ложь.

Тобол. О да, конечно, вѣрить долженъ... Да... Хитра ты... Лиза!

Лиза. Звали?

Тобол. Лиза, подойди, прости. (*Съ рыданьемъ.*) Лиза, Лизокъ мой. (*Лиза припала къ нему на плечо.*)

Тобол. Хлопотать буду права ей...

Ел. Ник. Трогательная картина.

Тобол. Молчать... Я здѣсь хозяинъ, не подъ опекой пока.

Ел. Ник. Но будете. И меня защитятъ, безобразничать вамъ не позволятъ. Слышите вы, все въ ходъ пущу и возьмутъ васъ въ опеку.

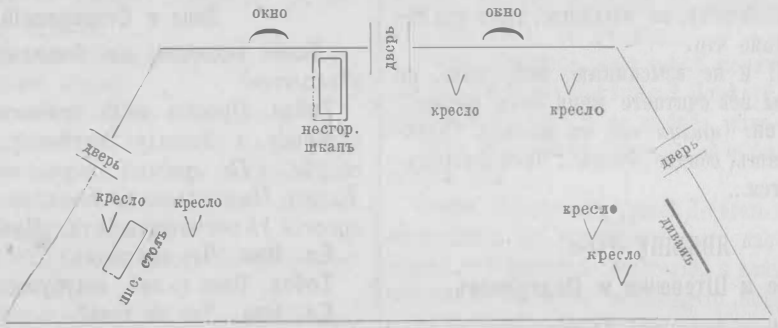
Тобол. (*вскрикивая*). Что? Что ты сказала... Уѣзжайте изъ моего дома, сегодня же... слышите... Состоянье отняли, мало, дочь отняли, врагомъ сдѣлали!

Зина. Отецъ. (*Старковскій подходитъ къ ней, взялъ за руку.*)

Тобол. Да, отнять все хотите... Нѣтъ, нѣтъ, не удастся... (*Схватился за голову.*) Что, дурно, темно, помогите... (*Падаетъ, Марья Степановна вскрикиваетъ.*)

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.



Кабинетъ Тоболина, старинная мебель, на стѣнѣ оружіе, несгораемый шкапъ, противъ зрителя дверь въ садъ и два широкихъ венеціанскихъ окна, боковыя двери. Мягкій вечерній свѣтъ, постепенно краснѣетъ и подъ конецъ акта вся сцена залита краснымъ тономъ захода, издали слабо долетаетъ пѣснь въ хороводѣ на деревнѣ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Подгуляевъ и Штепенко.

Подг. (*одѣтъ въ хорошую черную пару, перебираетъ бумаги, входитъ Штепенко, прошелъ въ спальню Тобомина, возвращаясь*).

Штеп. Гдѣ Сергѣй Николаевичъ? Въ спальнѣ нѣтъ.

Подг. Катать повезли въ садъ.

Штеп. Тонъ какой. Достигли своего, судьба помогла, устроили опеку. Радъ, что съ благодѣтелемъ твоимъ параличъ, законное основаніе нашлось. Елена Николаевна опекунша считаться будетъ, а всѣми дѣлами ты будешь ворочать, да воровать.

Подг. Во первыхъ, г. Штепенко, мы съ вами на брудершафтъ не пили, а потому и «ты» говорить вы мнѣ не имѣете права. Впрочемъ, если желаете, мы можемъ выпить на ты, пожалуй...

Штеп. Вотъ какъ мы нынче разговаривать стали. Господинъ Подгуляевъ, скажите откровенно, хоть когда нибудь вы были честнымъ?

Подг. Полагаю.

Штеп. Давно должно быть... Теперь конечно никакого желанія быть честнымъ не имѣете?

Подг. (*нагло*). Никакого... Пробовалъ, не выходитъ. Убыточно, себѣ дороже стоитъ... Цѣнить никто не цѣнитъ, да и наконецъ до какой бы я теперь чистоты душевной не достигъ, никто этому все равно не повѣритъ. А главное, чтобы понять, что на душѣ у человѣка, такъ вѣдь для этого философски мыслить надо, а кто же здѣсь, по здѣшнему необразованію можетъ...

Штеп. А вы, господинъ Подгуляевъ, далеко пойдете. Изъ управляющаго имѣніями Тоболина скоро превратитесь сами въ помѣщика, общественнаго дѣятеля. А все-таки мнѣ кажется, что черезъ нѣсколько лѣтъ мы съ вами встрѣтимся при другой обстановкѣ, и, вотъ пойдите же, какое то сладкое предчувствіе мнѣ подсказываетъ, что въ концѣ концовъ я буду присутствовать при проводахъ васъ въ Сибирь или въ арестанскія роты... (*Уходитъ*).

Подг. Каркай, дьяволъ! (*перебираетъ бумаги*). Если по всѣмъ этимъ документамъ мнѣ поручатъ взыскать, % получу, а если нѣкоторые, тѣ два, напримѣръ, спрячу, съ должниками переговорю, такъ и капиталъ въ половинномъ размѣрѣ получу... Такъ выгоднѣй. Въ карманъ попадетъ, вотъ и фундаментъ будущаго благосостоянія... Хорошо, что надоумилъ Елену Николаевну въ описи ихъ не показывать, сама то она всѣхъ не помнитъ... Такъ съ... Лиза это? (*Привставъ.*) Елизавета Григорьевна, пожалуйте сюда на минуту...

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Подгуляевъ и Лиза.

Лиза (*не входя въ комнату, останавливаясь у балконной двери*). Что вамъ надо?

Подг. Куда идете?

Лиза. А вамъ на что... мать ищу.

Подг. Присядьте, нѣсколько словъ, весьма важныхъ, объяснить.

Лиза. О чемъ намъ объясняться... Все ясно. Не о чемъ Кассьянъ Яковлевичъ... Вы свои планы тонко ведете. Вамъ и книги въ руки...

Подг. Сердитесь, зачѣмъ на счетъ опеки хлопоталъ..? Простота вы, простота сердечная... Теперь послѣ болѣзни опеку непремѣнно назначили бы.

Лиза. А раньше? Отъ нея и болѣзнь случилась...

Подг. Раньше? Для чьей пользы старался..? Вашей.

Лиза. Моей?

Подг. Да, вашей... Разсудите сами, дѣвушка вы умная, достаточно, кажется, понимать можете. Разъ, что Еленѣ Николаевнѣ въ голову вошло, вынь, да положь... Явилось у ней желаніе опеку устроить и устроила бы. Не я,

другой повѣренный все бы оборудовалъ, а я и сообразилъ... Пусть все дѣло у меня въ рукахъ, во первыхъ затормозить его могу, во вторыхъ—такъ предводителю разскажу, будто и за Елену Николаевну, а на самомъ дѣлѣ противъ. И потомъ такъ разсудилъ, какъ только Сергѣй Николаевичъ узнаетъ, разсердится, а вамъ выгода огромная. Не смѣю утверждать, не повѣрите. Я и съ письмомъ попался нарочно. Такъ, мысль геніальная вдругъ блеснула.

Лиза. Врете вы все.

Подг. Эхъ, Лизавета Григорьевна, Лизавета Григорьевна, обидно, обидно ко мнѣ относитесь, а я душой... Вотъ теперь все противъ васъ, и фортуна, и люди, а я развѣ перемѣнился... Нѣтъ, и сейчасъ только слово и я вашъ рабъ покорный... Лизавета Григорьевна, пощадите, прошу не для себя только, но и для васъ... Пользы много могу оказать въ вашемъ положеніи и зла не мало.

Лиза. Весь вы тутъ, какъ есть. Въ любви увѣряете и то съ угрозами... Оставьте, напрасно слова тратите...

Подг. Теперь ваше положеніе не завидно, а и ухудшиться можетъ... Вы хоть о мамепькѣ подумайте.

Лиза. И подумаю,—не ваша забота...

Подг. Лизавета Григорьевна, въ послѣдній разъ спрашиваю, хоть надежду какую подайте... Ждать буду... Искренно говорю. Каковъ бы я ни былъ, а къ вамъ искренно.

Лиза. Можетъ и любите, кто васъ знаетъ, только разъ навсегда говорю, женой вашей никогда не буду. Нищей, съ сумой пойду, а за васъ не выйду... И обманывать не хочу...

Подг. (*злобно*). Такъ-съ. Что-жъ дѣлать. Думалъ, угомонились, а на повѣрку выходитъ по прежнему, фантазіи разныя въ головѣ бродятъ. Напрасно... Кажется, сами видите. Или можетъ такъ желательно, хоть въ любовницы Старковскаго?

Лиза. Гадина!

Подг. Припомните и вы меня. Поберегитесь...

Лиза. Испугалъ.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ-же и Лакей.

Лакей. Кассьянъ Яковлевичъ, барыня зовутъ.

Подг. Сейчасъ! (*Уходитъ*). Припомните...

Лиза. (*одна, прислонилась къ притолкѣ*). Грозитъ. (*Пауза.*) Чѣмъ испугаетъ, отниметъ что? Все отняли... (*Смотритъ въ сторону сада*). И на дворѣ осень, и въ сердцѣ... Тамъ то снова весна будетъ, а мнѣ чего ждать, вѣчной зимы, безъ веселья, безъ радости? Того и гляди — выгонятъ, по чужимъ людямъ таскаться... Теперь кажется жить не зачѣмъ. Нельзя такъ жить, вѣдь душу изъ себя не вырвешь! Что же впереди..? Либо въ старыхъ дѣвахъ вѣкъ оканчивай, либо за мѣщанина какого замужъ выходи... Бѣднякъ послѣдній, каторжникъ и тотъ мечтаетъ, надеждой живетъ, у меня нѣтъ ея... На свѣтѣ живешь, люди вокругъ ходятъ, а ты въ могилѣ точно... (*Издали доносятся пѣсни изъ хоровода, поютъ на деревнѣ*). Хороводъ водятъ, весело имъ; и горе есть, да и радости... со своими равными... всякому весело, по своему. А мнѣ? Кому до тебя... (*Подходитъ къ столу, видитъ револьверъ, беретъ.*) Заряженъ. (*Сильно*). Мнѣ ли жить не скверно, ишь ты, смерти боюсь!... (*Бросила револьверъ на столъ*) Съ ними только не встрѣчаться... Хоть бы скорѣй уѣзжали, а не то сбѣгу, сбѣгу отсюда.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Лиза и Старковскій (*входитъ.*)

Лиза. Вы?

Старк. Здравствуйте... У васъ весь домъ точно вымеръ, никого нѣтъ, и во флигель къ вамъ заходилъ... думалъ, здѣсь кто.

Лиза. Нѣтъ, никого здѣсь, никого нѣтъ.

Старк. Какъ никого, а вы? Я очень радъ васъ видѣть, поговорить.

Лиза. Нѣтъ, ужъ вы извините, гдѣ намъ теперь съ вами разговаривать.

Старк. Лизавета Григорьевна!

Лиза. Правду, правду говорю, Леонидъ Викторовичъ.

Старк. Вы такъ со мной говорите, точно съ врагомъ.

Лиза. Я врагъ вамъ? Охъ, голубчикъ, Леонидъ Викторовичъ, зачѣмъ вы сказали такъ... больно мнѣ...

Старк. Мнѣ искренно жаль... Ваше положеніе...

Лиза. Нѣтъ, не говорите, не надо...

Старк. Наоборотъ... обсудимъ...

Лиза. Мѣсяцъ во снѣ брожу. Прежнее ли сонъ, теперь ли, не знаю... Вы только вспомните, при васъ случилось, и призналъ передъ всѣми дочерью, мечты исполнились, а тутъ... вдругъ, вознесли тебя, да и въ пропасть потомъ. Теперь со всѣмъ простись. Отецъ, что все одно, что мертвецъ, жаль его,... ходить за нимъ будемъ, его не виню... ему все простила... Ахъ, Леонидъ Викторовичъ, думы какія...

Старк. Бѣдная вы моя.

Лиза. Жалѣете? Идутъ сюда... Прощайте...

Старк. Я сегодня зайду къ вамъ.

Лиза. Не надо, не надо. Забыть хочу, обо всемъ забыть. Не заходите, слышите, изъ дому сбѣгу. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Старковскій и Зина.

Зина (*входитъ*). Съ кѣмъ ты разговаривалъ? (*Смотритъ въ дверь.*) А, съ ней.

Старк. Да, съ Лизаветой Григорьевной.

Зина. Прекрасный и печальный демонъ.

Старк. Не мое дѣло касаться семейныхъ отношеній, но мнѣ ее отъ души жаль, и мнѣ хочется, чтобы и ты относилась къ ней мягче.

Зина. Чего ты отъ меня хочешь?... Я должна ей помочь, но чувства у меня къ ней нѣтъ... Помочь, обезпечить непремѣнно, я уже говорила съ тетей...

Старк. Чѣмъ ужасны подобныя положенія: объ стороны правы и каждая по своему. Незаконная говоритъ: чѣмъ я виновата, за что ко мнѣ судьба мачиха, а законная: не желаю знать увлеченій отца... Но только здѣсь желаніе Сергѣя Николаевича такъ ясно.

Зина. Я тебѣ сказала, обезпечу, но я не могу забыть той минуты, когда отецъ торжественно провозгласилъ ея дочеринскія права... Мнѣ теперь жаль отца, очень жаль, а все-таки, помимо воли, шевелится въ душѣ какое то недоброе чувство...

Старк. Но Лизавета Григорьевна не виновата!

Зина. Минутами мнѣ кажется, встрѣться мы съ ней при другихъ условіяхъ, я полюбила бы ее; мнѣ нравится въ ней сила, энергія, а теперь, при видѣ ея, меня будто что то толкаетъ сказать ей непріятное, обидѣть... Мнѣ обидна мысль, что ея мать, эта добрая, но неразвитая женщина могла такъ скоро замѣнить мою мать... Можетъ быть я злая, сердца нѣтъ у меня?.. Тебя не пугаетъ?...

Старк. Нѣтъ... Ты не безсердечна, но вокругъ себя ты не видала настоящей любви... Да и что мнѣ за дѣло до твоихъ недостатковъ. Положимъ, я ихъ вижу... Еслибъ ихъ было въ сто разъ больше... Я люблю, и въ этомъ сила... (*Сѣлъ на диванъ возлѣ Зины.*) Какъ часто я чувствую, что становлюсь новымъ человѣкомъ, и я съумѣю завоевать положеніе... Я хочу устроить такъ свою жизнь, чтобы самому уважать себя, тогда и надъ тобой у меня будетъ вліяніе... (*Задумался.*)

Зина. Что съ тобой?... О чемъ ты задумался? Опять? Странно, но у тебя въ глазахъ часто какая то грустъ...

Старк. Видишь, я правду говорилъ, изломанный я человѣкъ... За минуту я горячо говорилъ, а теперь...

Зина. А теперь ты разнервничался и только.

Старк. Въ эту минуту я вполнѣ тебѣ вѣрю, но когда начинаю вспоминать семью въ томъ обществѣ,—гдѣ мы съ тобой будемъ жить, невольно подумаешь: да развѣ мы составляемъ исключеніе? Съумѣемъ ли мы пойти рука объ руку, а можетъ быть и нашъ очагъ превратится въ трагизмъ скуки, душевной пустоты и взаимныхъ измѣнъ...

Зина. Но гдѣ же оно прочное?

Старк. Гдѣ? Гдѣ настоящая работа и трудъ... Тамъ, гдѣ мы съ тобой, вѣроятно, почувствовали бы себя несчастными среди мелкихъ заботъ и слишкомъ буржуазной обстановки.

Зина. Милый, живи настоящимъ.

Старк. Вѣрно, счастье—эгоистично... Прочь всѣ думы.

Зина. Я думаю, мы можемъ объявить о нашей свадьбѣ... Я говорила уже сегодня съ тетей.

Старк. Скорѣй бы шло время. (*Взялъ за руку, другой обнялъ ее, она положила голову на плечо. Забылись. Молчаніе. Зина первая пришла въ себя.*)

Зина. (*вставая*). Пойдемъ въ садъ, здѣсь душно.

Старк. Пойдемъ.

Зина (*взволнованнымъ голосомъ*). Постой.

(*Старковскій притянулъ ее къ себѣ*).

Зина. Не надо.

(*Старковскій порывисто обнялъ ее, поцѣловалъ*).

Зина. Безумный... (*Идетъ къ двери, онъ за ней.*)

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Подгуляевъ *(входитъ.)*

Подг. (*изъ боковой двери*). Цѣлуйтесь на здоровье, да только поскорѣе уѣзжайте отсюда. Дѣлами я съумѣю заняться и безъ васъ... (*Подходитъ къ столу.*) Запомнила документы Петрова, придется отдать, досадно... подложимъ. (*Вынимаетъ изъ кармана два векселя, одинъ кладетъ въ бумаги, другой назадъ въ карманъ.*) Тотъ останется.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Елена Николаевна и Подгуляевъ.

Ел. Ник. Весь столъ пересмотрѣла, нѣтъ его... не могъ пропасть, сама видѣла.

Подг. (*перебираетъ бумаги*). Да и я теперь припоминаю. Да вотъ онъ, ишь куда попалъ.

Ел. Ник. Говорила тебѣ.

Подг. Удивительная у васъ память, истинно поразительная.

Ел. Ник. Надо у всѣхъ побывать... кто не заплатитъ, взыскать...

Подг. Теперь и приступимъ... Указъ опеки у васъ?

Ел. Ник. У меня.

Подг. Довѣренность выдадите-съ, ни о чемъ не извольте безпокоиться, все сдѣлаю-съ съ полнымъ стараніемъ.

Ел. Ник. Увѣрена.

Подг. Кажется преданность мою въ полной мѣрѣ доказалъ, и умѣньемъ не обиженъ... Истинно вамъ доложу, Елена Николаевна, ни одинъ повѣренный скорѣй моего не устроилъ бы вамъ опеки... Положимъ, протекція ваша, а и самъ все аккуратно.

Ел. Ник. Я цѣню, но нельзя же было и не назначить опеки: человѣкъ разбитъ параличемъ...

Подг. Такъ-то оно такъ, все-таки быстрота

много значитъ. Мало-ль какіе разговоры: вотъ хоть сплетни господина Штепенко.

Ел. Ник. Видѣть его не могу.

Подг. Удалите.

Ел. Ник. Не могу, онъ при больномъ постоянно.

Подг. Ну, не удаляйте, пусть самъ удалится.

Ел. Ник. Какимъ образомъ?

Подг. Человѣкъ съ самолюбіемъ, и при большомъ... Оскорбленій не вынесетъ... Ну, да это пустяки, а главная опасность—Марья съ Лизаветой Григорьевной.

Ел. Ник. Чѣмъ?

Подг. Зимой уѣхать собираетесь?

Ел. Ник. Не сидѣть же здѣсь въ берлогѣ.

Подг. А Марья Степановна при больномъ останется?

Ел. Ник. Самъ видишь, онъ теперь все равно, что ребенокъ.

Подг. Вѣрно-съ. Только ребенокъ этотъ ручкой правой владѣютъ...

Ел. Ник. Такъ что же?

Подг. То, что въ обезпеченіе будущности Марьи Степановны и Лизаветы Григорьевны могутъ векселя заднимъ числомъ, или духовную подписать... Господинъ Штепенко устроитъ. (*Вынимаетъ бумаги изъ кармана.*) Не угодно-ли взглянуть проектъ духовной, въ бумагахъ нашелъ, братецъ вашъ писалъ собственноручно, все пополамъ, дочери Зинаидѣ и Марьѣ Степановнѣ. Судьба помѣшала, истинно судьба.

Ел. Ник. Что-же дѣлать?

Подг. Удалить, а сюда вѣрныхъ людей приставить... Лизавету тоже удалить, не даромъ сказано, лучше жить со львомъ и зміемъ, нежели съ женою лукавою. Всякая злоба мала противъ злобы женской.

Ел. Ник. Да, удалить... Я и сама думала и съ Зиной говорила... Намъ съ ними непріятно встрѣчаться, въ особенности съ Лизаветой... Что съ ней дѣлается?

Подг. Понятно, въ прискорбіи, всѣ надежды, замки воздушные рушились.

Ел. Ник. Я ее вчера встрѣтила, похудѣла, глаза какіе-то дикіе... Да, непремѣнно удалить, и обезпечить...

Подг. Много-съ нельзя.

Ел. Ник. Почему?

Подг. Потому вамъ этотъ расходъ изъ своихъ средствъ производить придется... Въ какую же статью расхода по опекѣ внесете?

Ел. Ник. Дать мало, процессъ затѣять, проиграть можно. Наконецъ, я не хочу скандала...

Подг. Никакого процесса никогда онѣ не затѣятъ, да и ни какихъ у нихъ солидныхъ доказательствъ не имѣется, а еслибъ и были, такъ плохо вы, Елена Николаевна, Лизавету знаете. Не такова она. (*Пауза.*)

Ел. Ник. Подгуляевъ.

Подг. Что прикажете?

Ел. Ник. Много имъ и не надо...

Подг. Совершенно вѣрно. (*Пауза.*)

Ел. Ник. Только своихъ я все-таки платить не желаю... Подгуляевъ.

Подг. Чего-съ? (*Пауза.*)

Ел. Ник. Ты будешь составлять отчетъ въ опеку.

Подг. Слушаю-съ. (*Пауза.*)

Ел. Ник. Такъ и пиши, однимъ словомъ, устрой.

Подг. Будте покойны, устрою... Ручку-съ дозвольте. (*Цѣлуетъ руку.*)

Ел. Ник. Ахъ, сколько заботъ, сколько заботъ... Самое непріятное, объясненіе. Гдѣ онѣ теперь? (*Въ это время изъ сада вкатываютъ кресло съ больнымъ Таболинымъ, возлѣ идутъ Марья Степановна и Штепенко.*)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ-же, Тоболинъ, Марья Степановна и Штепенко.

Штеп. Осторожнѣе. (*Больной, увидѣвъ, что Подгуляевъ разбираетъ бумаги, дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе рукой.*) Успокойтесь. (*Къ Еленѣ Николаевнѣ.*) Не могли въ другой комнатѣ разбирать бумаги?

Ел. Ник. Сергѣй, какъ ты себя чувствуешь..? (*Сергѣй Николаевичъ отвернулся.*)

Штеп. Оставьте его, видите не хочетъ разговаривать.

Ел. Ник. (*отошла, въ полголоса*). Мужикъ. (*Кресло покатили въ спальню, Штепенко остановился.*)

Штеп. Если вы меня оскорбляете съ цѣлью выжить изъ дому, напрасно трудитесь. Я здѣсь не у васъ, а возлѣ больнаго, который здоровымъ всегда оказывалъ мнѣ радушіе и расположеніе. Меня оставьте въ покоѣ. Въ неравной борьбѣ вы побѣдили, лучшее доказательство, что въ жизни не всегда добродѣтель торжествуетъ. Радуйтесь и продолжайте въ томъ же родѣ... По вашему, я мужикъ. Можетъ быть, я и мужикъ, да совѣсть-то меня ни въ чемъ не упрекнетъ. (*Ушелъ.*)

Ел. Ник. Каковъ?

Подг. Презрѣнія достоинъ, всѣмъ наровитъ сказать одно непріятное. Какъ же на счетъ Марьи Степановны изволите рѣшить?

Ел. Ник. Надо ей сказать.

Подг. И откладывать не слѣдуетъ, тутъ каждый часъ несчастье можетъ произойти. А на счетъ Сергѣя Николаевича вы не безпокойтесь, къ нимъ мы вѣрнаго человѣка приставимъ.

Ел. Ник. Позови ее.

Подг. (*подходитъ къ дверямъ*). Марья Степановна, на минутку пожалуйте къ барынѣ...

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ-же и Марья Степановна.

Мар. Степ. (*входитъ*). Звали?

Ел. Ник. Да... Мнѣ съ вами переговорить надо.

Мар. Степ. О чемъ?

Ел. Ник. Видите-ли, я знаю, братъ любитъ васъ, вы ему не чужая... И вы къ нему относитесь, по своему, хорошо, а если вредили, нехотя, не сознавая.

Мар. Степ. Во всю жизнь мою о Сергѣѣ Николаевичѣ заботилась, о немъ, голубчикѣ.

Ел. Ник. И я тоже говорю... Только понимаете, милая моя, положеніе ваше фальшивое.

Мар. Степ. Какое мое положеніе. Раба, одно слово раба ихъ, но гробъ жизни, да и все тутъ.

Ел. Ник. Все это такъ, я и Зина, мы цѣнимъ, только видите, прежде здѣсь одни порядки были, теперь другіе.

Мар. Степ. Вижу, точно другіе, только лучше-ли они, того не знаю.

Ел. Ник. Мы говоримъ не объ этомъ... Ахъ, да вы сами должны понять, чего я хочу, не разстраивайте меня...

Подг. Къ чему вы разстраиваете Елену Николаевну.

Мар. Степ. Я? Чѣмъ?

Ел. Ник. Вамъ съ дочерью надо отсюда уѣхать.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ-же и Лиза (*показывается въ дверяхъ*).

Мар. Степ. Уѣхать!?

Ел. Ник. Да.

Мар. Степ. Кому я мѣшаю, его оставить, и на кого же?

Ел. Ник. Объ этомъ не безпокойтесь, да и вы нуждаться не будете, мой принципъ. Конечно, при условіи, если вы будете себя вести благоразумно, никакихъ исторій. Въ праздникъ приходите, вотъ при немъ.

Лиза (*выступаетъ впередъ*). Мамаша, сегодня же уѣдемъ, часу лишняго не останемся, не зачѣмъ насъ гнать, сами уѣдемъ, и ничего намъ не надо, такъ проживемъ. Пойдемъ отсюда, мамаша.

Ел. Ник. И вы заговорили?

Мар. Степ. (*отстраняя Лизу*). Постой... Какъ же такъ..? Оставить безъ призора, на чужихъ рукахъ, больнаго..? Матушка барыня! (*Съ рыданіемъ бросилась на колѣни.*) Ничего мнѣ не надо, ничего, оставьте, не гоните... возлѣ него, голубчика... Флигель нуженъ, въ избу перейду, у порога, какъ собака, валяться буду, только возлѣ него, голубушка, барыня, милая...

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ-же и Штепенко.

Штеп. (*показывается въ дверяхъ спальни*). Этого не доставало! Ну, Елена Николаевна!

Мар. Степ. Милый, Илья Петровичъ, голубчикъ, заступись, заступись за меня, сироту, спаси. Не хочу уходить, не могу. (*Гордо выпрямилась.*) И никто гнать не смѣетъ! Никто! Нѣтъ такой власти! Я ему молодость отдала, я и до гроба съ нимъ останусь.

Штеп. Успокойтесь... Упрашивать ее не стану, безполезно, но знайте—мой домъ—вашъ и Лизы... Чтобы не случилось, у васъ есть пріютъ, нуждаться никогда не будете... Смѣло идите, послѣднимъ кускомъ съ радостью подѣлюсь съ вами, упрекать не стану.

Мар. Степ. Не пойду, никуда не пойду. Собаками пусть травятъ, здѣсь умру...

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ-же, Зина и Старковскій (*входятъ изъ средней двери*).

Зина. Посмотри, тетя, какой закатъ!.. Что за собраніе?

Штеп. Прекрасное, превосходное. Вашимъ именемъ дѣйствуютъ. Такое собраніе, что какъ посмотрѣть на этихъ господъ (*Показываетъ на Елену Николаевну и Подуляева.*), такъ одному дивишься, какъ стѣны не обрушатся на нихъ .. (*Къ Маріи Степановнѣ и Лизѣ.*) Ко мнѣ же, мой домъ—вашъ, сейчасъ лошадей запрягать велю, а здѣсь я не могу больше оставаться, не могу. Силъ не хватаетъ... (*Уходитъ.*)

Ел. Нин. Финалъ мелодрамы. Извините, Леонидъ Викторовичъ, семейныя сцены, ихъ пора кончить. Я нахожу, и ты, вѣроятно, Зина, раздѣлишь мой взглядъ, что имъ здѣсь оставаться не удобно, я и сказала.

Зина. Онѣ не должны нуждаться...

Ел. Ник. Конечно... Имъ будутъ давать ежегодно, ну, 600 руб. и кой-что изъ провизіи.

Лиза. Ничего намъ не надо... Заработать съумѣю...

Зина. Я слишкомъ дорожу честью фамиліи и не желаю, чтобы кто-нибудь смѣлъ дурно отозваться объ отцѣ... Вамъ мало 600 руб.? Вы получите 1000 руб. Сколько, по вашему, надо?

Ел. Ник. Зина!

Зина. Тетя, я такъ хочу!

Лиза (*подходя къ Зинѣ, говоря со злобой*). У васъ есть гордость, а у меня ее нѣтъ..?! Еще бы, гдѣ намъ... Деньги заплатить и прогнать!.. Какъ не гнать!? Сами виноваты. Такіе часы были, весь Сергѣй Николаевичъ въ рукахъ былъ, слово скажи она, женился бы, тогда иначе говорили бы. А теперь вашъ верхъ, все сдѣлать можете. Судомъ требовать не пойдемъ, не бойтесь. Вы опеку устроили, ославили человѣка, а я имя его трепать по судамъ не стану... Не надо вашихъ денегъ.

Зина. Но я знаю, вы хотѣли просить отца обезпечить васъ.

Лиза. Отца могла просить и взяла бы. Какъ дочь взяла, а подаянія не надо... Изъ мило-

сти, какъ собакѣ голодной, кусокъ бросить... Ишь ты, какъ слугъ разсчитываютъ, не нужны больше, уходите, пенсію дадимъ. Проживемъ и безъ вашей милости...

Зина. Тогда я не причемъ... Но прошу не трогать отца. Знайте свое мѣсто и не забывайтесь.

Старк. (*вполголоса, Зинѣ*). Прекратите эту сцену.

Ел. Ник. Никто васъ обижать не желаетъ, вамъ здѣсь оставаться не удобно... Сами поймете... Мы лѣтомъ опять пріѣдемъ... наконецъ, Зина выйдетъ замужъ, дѣти... Кто вы имъ? Да что скрывать, это не тайна. Зина уже засватана за Леонида Викторовича.

Лиза (*схватывается руками за столъ*). Просватана?!

Зина (*иронически*). Послѣдуйте моему примѣру, выходите за Подгуляева, онъ страдаетъ, влюбленъ.

Лиза. Смѣется еще. (*Вскрикнула*). А, тебѣ все-бы взять: богатство, счастье, любовь, проклятая! (*Схватила револьверъ, хочетъ выстрѣлить, Старковскій подбѣжалъ, схватилъ Лизу за руку.*)

Старк. Безумная!

Лиза (*стараясь освободить руку*). Пусти! (*Подгуляевъ бросился въ уголъ, Елена Николаевна вскрикнула, Марья Степановна бросилась къ Лизѣ. Лиза нѣсколько секундъ стоитъ, какъ бы не сознавая окружавшаго, повела рукой по глазамъ, взяла Марью Степановну за руку.*) Мама, пойдемъ отсюда...

Поправки, сдѣланныя въ піесѣ авторомъ при ея постановкѣ.

I актъ (стр. 2). Послѣ словъ Подгуляева: «и родительское чувство въ немъ по настоящему пробудилось бы» прибавить: «*Или можетъ вы насчетъ новаго закона объ узаконеніи наслышаны, такъ напрасно, онъ къ вамъ не относится, потому что рождены вы при жизни жены Серг. Ник., да и на бракъ онъ не согласится, фамилію свою высоко ставитъ*».

II актъ (стр. 11). Въ монологѣ Мар. Степ. вставить послѣ словъ «лѣто погулялъ» — «благо жена за границей, по болѣзни, осталась», а послѣ словъ: «не вышла изъ воли» — прибавить: «видно за то Господь наказалъ, что съ женатымъ на грѣхъ пошла».

IV актъ (стр. 24). Послѣ словъ Старковскаго «здѣсь желаніе Серг. Ник. такъ ясно» прибавить: «Что же будетъ съ ней дальше?», а Зина отвѣчаетъ: «Это до меня не касается. Можетъ быть 200.000 выиграетъ, замужъ выйдетъ, въ портнихи пойдетъ. Мы столкнулись съ ней здѣсь, здѣсь и оканчивается наша борьба» — дальше говоритъ опять по пьесѣ.

Стр. 25. Подгуляевъ послѣ фразы: «Не такова она» говоритъ: «Вы можетъ на счетъ брака опасаетесь? Не безпокойтесь, никто Серг. Ник. вѣнчать не согласится, бракъ не дѣйствителенъ, потому болѣзнь ихъ такая, что на умственныя способности подѣйствовала».

Взамѣнъ переписыванія ролей драмы «Въ неравной борьбѣ» могутъ быть пріобрѣтаемы въ конторѣ журнала «Артистъ» (Москва. Кудринская Садовая, д. Бартельсъ) отдѣльные оттиски этой пьесы. Цѣна полнаго комплекта (10 экз.) 5 р. Гг. подписчики на журналъ «Артистъ» за пересылку не платятъ.

Осколки минувшаго.

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, 5-ти картинахъ.

(4-е дѣйствіе въ двухъ картинахъ.)

Передѣлана изъ повѣсти **Вс. Крестовскаго** (псевдонимъ) «*Въ ожиданіи лучшаго*».

И. Н. Ге.

Къ представленію дозволено. С.-Петербургъ, 19 декабря 1890 г. № 5690.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Столбинъ-Десятова Екатерина Петровна, 85 лѣтъ, вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Крѣпкая еще старуха. Говоритъ медленно, отчеканивая слова, съ самоувѣренностію и апломбомъ.

Столбинъ-Десятовъ Иванъ Петровичъ (Жанъ), ея внукъ, отставной поручикъ кавалерійскаго полка. Носитъ мундиръ.

Теженецкій Василій Васильевичъ (Вася), ея внукъ (сынъ дочери), 16 лѣтъ—ученикъ частнаго пансіона.

Алексинская Екатерина Александровна, ея крестница. Молодая женщина. Кисейная барыня, крайне доброе существо.

Мѣстнова Аделаида Григорьевна, компаньонка Екатерины Петровны Столбинъ-Десятовой. Старая дѣва; бѣлится и румянится.

Пехлецовъ Дмитрій Владиміровичъ, помѣщикъ, старикъ. Дамскій угодникъ. Одѣвается по модѣ.

Неряцкій Михаилъ Никаноровичъ, 35 лѣтъ, инженеръ-технологъ, управляющій имѣніемъ Алексинской. Вполнѣ приличный образованный человѣкъ. Одѣвается изысканно хорошо, но просто; въ 4-мъ актѣ на немъ шелковая русская рубаха, поддевка тонкаго сукна съ рукавами, личные сапоги.

Абарова Анна Ѳедоровна, бѣдная чиновница—лѣтъ 36-ти, крайне утомленная и усталая.

Павла Егоровна (Полина), ея дочь.

Гусевъ—чиновникъ.

Додо Моронова, **Анжъ Моронова** } сестры, московскія барышни.

1-й Лакей, **2-й Лакей**, **1-я Горничная**, **2-я Горничная**, **3-я Горничная** } прислуга Столбинъ-Десятовой.

Настя, **Лакей** } прислуга Алексинской.

Всѣ указанія отъ зрителя.

1-е дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ квартирѣ Столбинъ-Десятовой; 2-е и 1-я картина 4-го дѣйствія—у Алексинской, въ имѣніи ея Воскресенскомъ; 3-е и 2-я картина 4-го дѣйствія въ с. Бубново, у Столбинъ-Десятовой.

1-е дѣйствіе совершается въ половинѣ мая; между 2-мъ и 3-мъ проходитъ двѣ недѣли, между 3-мъ и 4-мъ тоже.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Гостиная въ домѣ Столбинъ-Десятовой. По серединѣ двое дверей, изъ которыхъ одна—мѣвая, съ поднятыми портьерами, ведетъ въ столовую, гдѣ виденъ сервированный къ чаю столъ и прочее убранство комнаты, а правая—завѣшана опущенной портьерой. Налѣво—два окна, посереди ихъ зеркало; возлѣ оконъ стулья и цвѣты. Направо—диванъ, столъ, кресла, козетка и большое вольтеровское кресло, со стоящимъ рядомъ съ нимъ маленькимъ столикомъ. Передъ кресломъ большая, имѣющая видъ подушки, скамейка. Меблировка старинная, но богатая: всюду столики, этажерки, горки съ массой разставленныхъ безделушекъ, чашекъ, серебряныхъ вещей, корзиночекъ, портретовъ въ рамкахъ и проч. Кромѣ того, комната завалена разнаго рода и разной величины сундуками, чемоданами, корзинками, корзиночками, въ чехлахъ и безъ чехловъ, разными свертками въ бумагѣ и простынях, и грудой вещей, разложенныхъ и собранныхъ для упаковки. Сундуки стоятъ одинъ на другомъ, составляя цѣлыя пирамиды; иные разбросаны по одиночкѣ, иные зашиты въ полотно и перевязаны веревками. Зеркало и нѣкоторыя картинки на стѣнахъ завѣшаны кисеей.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Изъ столовой входитъ **Анна Ѳедоровна** *въ сопровожденіи* **Полины**. *За ними, въ столовой, показываются два* **Лакея**.

Анна Ѳедор. (*входя*). Точно у васъ ушей нѣтъ!... Цѣлый часъ заставляете звонить и ждать у подъѣзда!

1-й Лакей. Да ея превосходительства нѣтъ дома, изволили къ обѣднѣ поѣхать.

Анна Ѳедор. Это ничего не значитъ; все-таки отворить можно. Что, ужь укладываетесь? Ѣдете?

1-й Лакей. Какъ видите. Одинъ обозъ уже отправленъ.

Анна Ѳедор. Да? Кто-же съ обозомъ поѣхалъ?

1-й Лакей. Поваръ—извѣстно; его обязанность.

2-й Лакей (*съ насмѣшкой*). И потому кушанье теперь въ ресторанѣ только на двѣ особы берутъ-съ.

Анна Ѳедор. (*съ неудовольствіемъ*). Ну хорошо, ступайте; я подожду генеральшу.

1-й Лакей. Аделаида Григорьевна еще не вставали.

Анна Ѳедор. Ну, такъ что-же? Ну и пусть себѣ дрыхнетъ хоть до 12 часовъ. Намъ ее совсѣмъ не нужно!

1-й Лакей. А какъ насъ заругаютъ. Скажутъ зачѣмъ пустили!

Анна Ѳедор. Что?!.. Что такое?!.. А вотъ я за это на тебя да на твою Аделаиду Григорьевну и пожалуюсь ея пр — ву, чтобы ты не смѣлъ грубостей мнѣ говорить.

1-й Лакей. Я не грублю, помилуйте... Какія грубости...

2-й Лакей. Зачѣмъ грубить...

Анна Ѳедор. Убирайтесь вонъ!.. вотъ и все!.. Я съ вами дураками и говорить не хочу... (*Лакеи несмѣло удаляются.*) Подайте намъ сюда чаю.

1-й Лакей. А вотъ когда ея превосходительство пріѣдутъ-съ...

2-й Лакей. Тогда и подадимъ. (*Уходятъ.*)

Анна Ѳедор. (*имъ вслѣдъ*). Грубое животное!.. Скотина!.. (*Взглянувъ на дочь, которая все это время стоитъ молча въ сторонѣ.*) Ну, что-же ты? Чего ждешь? Садись. Слава Богу, версты четыре прошли, думаю ногъ подъ собою не слышишь... Посмотри на себя какая ты блѣдная, какъ полотно!

Полина (*подходитъ къ зеркалу, поднимаетъ кисею и взглянувъ на себя*). Поблѣднѣешь, не обѣдавши четыре дня! (*Снимаетъ шляпку и небрежно бросаетъ ее на столъ.*) Ходимъ, ходимъ, точно вѣчные жиды и нигдѣ пристанища намъ нѣтъ!.. (*Сдергивая перчатку.*) Ахъ, надоѣла мнѣ такая жизнь! (*Снимаетъ другую и рветъ ее.*)

Анна Ѳедор. Что—готово уже? Конецъ?

Полина (*желчно*). Конецъ! Дешевыя перчатки никогда долго не носятся!

Анна Ѳедор. А, дорогихъ захотѣлось!

Полина. Еще-бы! Не даромъ говоритъ пословица: «что дорого—то мило». (*Начинаетъ разсматривать разныя вещи на этажеркѣ.*)

Анна Ѳедор. «А что дешево—то гнило». Знаю я это, матушка, знаю хорошо—да только нѣтъ у насъ и на дешевый-то товаръ денегъ... вотъ что! (*Замѣтивъ, что Полина, зацѣпивъ рукавомъ одну изъ куколъ—повалила ее.*) Поосторожнѣй, пожалуйста, не сломай чего-нибудь.

Полина (*взявъ въ руки чашку*). Ахъ, какая счастливая эта генеральша!.. Какъ я люблю vieux-saxe!

Анна Ѳедор. (*садясь въ кресло и взявъ со стола книгу*). Много ты его видѣла!

Полина. Столько-же, сколько и вы.

Анна Ѳедор. Гдѣ-же это?

Полина. Тамъ, гдѣ и вы; гдѣ мы бываемъ. У княженъ Ручневыхъ, у Мороновыхъ... во всѣхъ хорошихъ домахъ.

Анна Ѳедор. Такъ я думаю, ты тамъ и не очень-то смѣешь все брать въ руки да вертѣть. Перестань, сдѣлай милость, поставь на мѣсто, положи, а то, того гляди, еще расколотишь!

Полина. Точно я ребенокъ. (*Ставитъ вещицу на мѣсто.*)

Анна Ѳедор. Хуже! И что за манера у тебя все брать, всему удивляться и все трогать... Бываешь въ хорошихъ, какъ ты говоришь, домахъ,—такъ и держи себя, какъ слѣдуетъ, порядочно.

Полина. Что-же я непорядочнаго дѣлаю, маменька? Развѣ въ томъ есть что-нибудь дурнаго, что я любуюсь чужимъ добромъ? Вѣдь только въ «чужихъ» домахъ я и вижу что-нибудь; дома вѣдь у насъ мнѣ разсматривать нечего...

Анна Ѳедор. (*съ отчаяніемъ*). Господи, да гдѣ же мнѣ взять?.. Гдѣ?.. Тебѣ вотъ vieux-saxe нравится, а я не придумаю гдѣ-бы простаго горшка добыть, чтобы сварить щи да кашу... (*Махнувъ рукой.*) Да и варить нечего!

Полина. Развѣ я этому виновата.

Анна Ѳедор. Ну и не я тоже! Я бьюсь какъ рыба объ ледъ!.. Развѣ ты не знаешь этихъ проклятущихъ большихъ баръ? За всякій грошъ, что они дадутъ, не оберешься отъ нихъ оскорбленій! Это они какъ будто долгомъ своимъ считаютъ.

Полина. Такъ зачѣмъ-же вы воспитали меня тогда, выростили въ ихъ средѣ и на ихъ средства, какъ свѣтскую барышню?.. развивали потребности роскоши и довольства? Вы знали, что у насъ ничего нѣтъ.

Анна Ѳедор. Вотъ она благодарность за любовь матери! И за это еще упрекъ!.. Вѣдь ты дочь чиновника, дворянка,—полагаю... Не могла-же я не дать тебѣ образованія? Ну и выклянчила, вымолила.

Полина. Господи!.. Хотя-бы какая-нибудь исходная, свѣтлая точка... хотя-бы искра надежды въ будущемъ!.. Только что у меня веселый характеръ, что я не хныкалка...

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Изъ правыхъ боковыхъ дверей входитъ **Аделаида Григорьевна** *въ бѣломъ вышитомъ модномъ пеньюарѣ, въ большихъ золотыхъ серьгахъ и богатомъ браслетѣ. Кивнувъ слегка головой на поклонъ* **Полины**, *она высокомѣрно взглядываетъ на* **Анну Ѳедоровну** *и величественной походкой быстро проходитъ въ столовую, скрываясь направо.*

Анна Ѳедоровна (*послѣ ея ухода*). Ахъ, прахъ тебя возьми! Ты не кланяешься—и не нужно... и тебѣ никто кланяться не станетъ!.. Приживалка противная! Изъ-за всякой юбки готова ноги у генеральши лизать, наушничать на всю дворню, сплетничать—тѣмъ и умна, и вдругъ...

Аделаида Григ. (*показываясь опять въ столовой*). Не могли вы имъ отказать?.. Всякій день таскаются.

2-й Лакей (*вслѣдъ за ней*). Да они, сударыня, не женируются... Мы докладывали, а они ея пр—ву, говорятъ, жаловаться будутъ... Не подъ ручку-же...

Аделаида Григ. Безсовѣстная!... (*Входя.*) Самоваръ давайте, я думаю сейчасъ Катерина Петровна пріѣдетъ. (*Напѣвая, подходитъ къ окну и смотритъ на улицу.*)

2-й Лакей. Слушаю-съ! (*Уходитъ, а вслѣдъ затѣмъ вноситъ въ столовую самоваръ, ставитъ его на столъ и завариваетъ чай.*)

Анна Ѳедор. (*въ это время дочери, которая вновь принялась разсматривать портреты*). Полина! Опять!.. Да что ты все изъ угла въ уголъ снуешь, точно преступленіе какое сдѣлала и не знаешь куда спрятаться! Чего ты переконфузилась?

Полина (*съ досадой, желая скрыть свое чувство*). Я?.. Нисколько... Боже мой, съ чего вы взяли?

Анна Ѳедор. Такъ успокойся—сядь и дѣлай что-нибудь. Работа вѣдь съ тобой?

Полина. Со мной.

Анна Ѳедор. Ну и садись, въ такомъ случаѣ, и шей.

(*Полина, вынувъ изъ кармана свертокъ батиста, нашиталю на клеенку, садится и шьетъ; Анна Ѳедор., подобравъ подъ себя ноги, углубляется въ чтеніе, а Адел. Григор., стоя у окна, смотритъ на нихъ съ саркастическимъ вызывающимъ видомъ. Картина. Послѣ минутнаго молчанія въ передней раздается сильный звонокъ.*)

Аделаида Григор. (*въ тотъ-же моментъ*). Ея прев—во!.. (*Бросается въ столовую.*) Иванъ!.. Клементій!.. Бѣгите отворять... Чаю, чаю скорѣе!.. Гдѣ подносъ?..

(*Суета. Лакеи и горничныя пробѣгаютъ столовую, показываясь въ ней и опять исчезая. Аделаида Григорьевна разливаетъ чай.*)

Анна Ѳедор. (*замѣтивъ, въ это время, что Полина соскочила тоже съ своего мѣста*). Сиди, сиди, матушка, сиди, не прыгай! Нечего тебѣ вылетать на встрѣчу... есть тамъ кому и безъ тебя похолопничать, да подслужиться!..

(*Въ столовой показывается* **Столбинъ-Десятова**, *окруженная слугами.*)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Адел. Григор. (*пропустивъ ее въ гостиную и протолкавшись впередъ, рисуется среди комнаты въ своихъ бѣлыхъ драпировкахъ*). Устали?

Стол.-Десят. (*развязывая ленты и снимая шляпку*). Немного!.. Да, я еще вздумала заѣхать въ пансіонъ за Васенькой... Привезла тебѣ гостя.

Адел. Григ. (*взявъ у нея шляпку и поспѣшно передавая ее горничной*). Да?.. Базиля отпустили?

Вася (*вбѣгая со связкой книгъ*). Отпустили, отпустили!.. Ура! (*Швыряетъ книги съ громомъ на полъ и, бросившись въ объятія Аделаиды Григорьевны, начинаетъ ее кружить по комнатѣ.*) Адель, душка, вакація, вакація!.. Мы съ вами уѣдемъ отсюда, будемъ гулять, бѣгать, веселиться!.. Vive les vacances!..

Столб.-Дес. Вася, Вася!.. Не шуми!.. Адель, уйми своего баловня... Вася!.. Какъ онъ тебя любитъ однако!

Адел. Григор. (*цѣлуя Васю*). О, у него золотое сердце.

Стол.-Десят. (*Васѣ*). Довольно!.. Отстань! (*Адел. Григорьевнѣ.*) Милая, я чаю хочу.

Адел. Григ. Сію минуту, ваше превос-ство, сію минуту... уже налитъ... (*Оборачивается.*) Клементій! (*Увидавъ стоящаго возлѣ себя лакея съ подносомъ, на которомъ находятся двѣ налитыя чашки чая, сухарница съ крендельками, сахаръ, сливки и проч.*) Пожалуйте... (*Направляется, въ сопровожденіи лакея, къ столу, возлѣ котораго уже успѣла размѣститься на вольтеровскомъ креслѣ Стол.-Десят. и ставитъ передъ ней чашку, сливки и сухарницу съ крендельками. Вася ускользаетъ направо.*)

Анна Ѳедор. (*съ обидой, видя, что ее не замѣчаютъ*). Здравствуйте ваше превосходительство.

Столб.-Десят. (*медленно взглянувъ на нее черезъ лорнетку*). А, вы уже здѣсь? Здравствуйте, милая... (*Замѣтивъ дѣлавшую ей реверансъ Полину*) Bonjour, ma chère... (*Прихлебнувъ чаю, Адел. Григ.*) Чай сегодня очень вкусенъ.

Адел. Григор. (*сіяя отъ восторга*). Вы очень добры, ваше пр-во... (*Садится возлѣ нее и начинаетъ пить тоже чай.*)

Столб.-Десят. Нѣтъ серьезно. Я съ удовольствіемъ пью. (*Пауза.*)

Анна Ѳедор. (*вставъ съ неудовольствіемъ и пройдясь по комнатѣ*). Вы когда собираетесь выѣхать въ деревню?

Столб.-Десят. (*Взглянувъ на нее съ удивленіемъ*). Я?... (*Оглядываясь, какъ-бы ища чего-то, разсѣянно.*) Не знаю.. Дня черезъ три, четыре... (*Полинѣ, подавшей ей тартинки.*) Merci, вы очень догадливы.

Анна Ѳедор. (*садясь*). Дай и мнѣ пирожекъ, Полина... (*Видя, что та не трогается съ мѣста.*) Да и сама съѣшь что-нибудь; я думаю ты голодна.

Полина (*конфузливо потупивъ глаза, чуть слышно*). Я не хочу...

Анна Ѳедоровна (*злобно*). Ѣшь, ѣшь, не стѣсняйся; у Катер. Петр. всякаго добра не мало!..

Столб.-Десят. Развѣ вы не пили чаю?

Анна Ѳедор. (*рѣзко*). Нѣтъ!

Столб.-Десят. Такъ вы-бы сказали; вамъ нальютъ; Адель, дай имъ.

Адел. Григор. Мы привыкли ждать приглашенія. (*Аннѣ Ѳедоровнѣ язвительно.*) Ахъ, извините! (*Идетъ въ столовую, нарочно задѣвая за все по дорогѣ и натыкаясь на книги, брошенныя Васей.*)

Столб.-Десят. (*равнодушно*). Ты-бы могла позвонить и приказать. (*Указывая на книги.*) Распорядись, чтобы прибрали это все.

Вася (*вбѣгая*). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, grand' maman, нѣтъ; этого безъ меня не сдѣлаютъ... Ничего, grand' maman, пусть онѣ полежатъ минуточку...

Столб.-Десят. (*строго*). Среди комнаты?

Вася. Въ такомъ случаѣ я ихъ отнесу къ себѣ. (*Поднявъ связку.*) Какъ тяжело! Ужасно тяжело, а я поднимаю!.. Посмотрите... Вы не поднимете grand' maman... (*Бросая книги.*) Bonjour, Анна Ѳедоровна. (*Подкатывая ногой къ ней связку.*) Попробуйте поднять... Нагнитесь... вѣдь вамъ ничего не стоитъ нагнуться, вѣдь вы безъ корсета...

Столб.-Десят. (*еще строже*). Базиль!

Вася (*оторопѣвъ*). Ахъ grand' maman... pardon, извините... но я думалъ... я предполагалъ, что я дома, у себя... и что по этому я могу дѣлать и говорить все, что хочу...

Столб.-Десят. Только не глупости!

Вася. Но... Ахъ, grand' maman, у васъ нѣтъ скамеечки подъ ногами, grand' maman... (*Бросается опрометью въ столовую.*)

Столб.-Десят. Не безпокойся, мой милый,— есть, есть!

Вася (*останавливаясь у дверей*). Есть? А я и не замѣтилъ. Мнѣ показалось... Въ такомъ случаѣ... (*Стремительно бѣжитъ къ стулу, оставленному Адел. Григ-ной*). Я могу спокойно садиться (*Садится.*) и пить чай. Да? Не правда-ли grand'maman?.. Да?.. (*Входящей Адел. Григорьевнѣ.*) Адель, милая, хорошая Адель, дайте мнѣ чашечку, я здѣсь, возлѣ grand'maman... Мы вмѣстѣ...

Адел. Григор. (*внушительно, указывая съ язвительной улыбкой слѣдовавшему за ней, съ двумя чашками чаю, лакею на Анну Ѳедоровну и Полину*). Имѣйте терпѣніе, Базиль, прежде дамамъ!

Вася. Дамамъ? Ахъ, это для Анны Ѳедоровны... Анны Ѳедоровны и m-lle Pauline... Pardon, Анна Ѳедоровна... я по разсѣянности... я не хотѣлъ... la politesse avant tous...

Столб.-Десятова. (*допивъ чай и отодви-*

ия чашку). Послушай, Адель, *ты* кажется читала въ газетахъ о дешевыхъ товарахъ?

Адел. Григор. Я, ваше превосходительство.

Столб.-Десят. Гдѣ это? Я что-то не помню.

Адел. Григ. На Срѣтенкѣ, возлѣ бульвара, въ магазинѣ Желтухина.

Столб.-Десят. Надо-бы съѣздить туда да посмотрѣть. Жаль, что я велѣла карету отпречь, ты-бы могла...

Вася. Да вотъ Анна Ѳедоровна—она и пѣшкомъ можетъ...

Столб.-Десят. Ахъ, въ самомъ дѣлѣ. Анна Ѳедоровна сходите, пожалуйста.

(*Адел. Григор. фыркаетъ сдержаннымъ смѣхомъ.*)

Вася (*въ то же время*). Вы вѣдь бѣгаете какъ страусъ.

Столб.-Десят. (*строго ударивъ пальцемъ по столу*). Василій Васильичъ! (*Вася углубляется въ чаепитіе, уткнувъ носъ въ чашку.*) Не знаю, право, чему ихъ тамъ учатъ! (*Аннѣ Ѳедоровнѣ.*) Такъ, пожалуйста...

Анна Ѳедор. (*бросивъ молніеносный взглядъ на торжествующую Адел. Григ.*). Если прикажете...

Столб.-Десят. Я васъ прошу. Видите ли, въ позапрошломъ году Адель мнѣ купила на распродажѣ,—не помню гдѣ, въ какой лавкѣ,—шелковую лѣтнюю матерію, очень хорошенькую; — мелкія клѣточки и полосочки по нимъ въ длину; только ее не достаетъ аршина три или четыре, почему я и не дѣлаю платья:—такъ вотъ, поищите и прикупите.

Анна Ѳедор. Хорошо, ваше превосходительство, если найду.

Столб.-Десят. Конечно.

Адел. Григ. Да кромѣ того и еще нужно кое-чего для деревни купить—разной мелочи...

Столб.-Десят. Да, и на платья для горничныхъ, и для подарковъ. Ты кажется все записала, Адель?

Адел. Григ. Какже, ваше превосходительство.

Столб.-Десят. Такъ вотъ ты этотъ списокъ и передай Аннѣ Ѳедоровнѣ.

Адел. Григ. Слушаю. (*Аннѣ Ѳедоровнѣ, направляясь къ бюро.*) Кстати вы и поторгуетесь...

Анна Ѳедор. А вы точно не умѣете!

Адел. Григ. Вы лучше, куда намъ.

Вася. Это ужь вашъ талантъ, Анна Ѳедоровна, ваша профессія...

Столб.-Десят. (*доставъ изъ ридикюля пачку денегъ*). Вотъ вамъ деньги. (*Передаетъ ей.*)

Адел. Григ. (*взявъ съ бюро реестръ*). А вотъ и списокъ покупокъ. (*Передаетъ ей тоже*).

Анна Ѳедор. (*взглянувъ на него*). Господи, сколько всего! Ваше превосходительство, я извощика возьму.

Столб.-Десят. Да развѣ это далеко?

Анна Ѳедор. На Срѣтенку-то?

Вася. Утро такое прекрасное... птички поютъ...

Адел. Григ. (*удерживая смѣхъ*). Солнышко свѣтитъ...

Анна Ѳедор. (*съ отчаяніемъ*). Да я не донесу всего этого! (*Показывая генеральшинъ списокъ.*) Тутъ хоть ломоваго бери!

Адел. Григ. Но вѣдь съ вами будетъ Полина.

Анна Ѳедор. (*выходя изъ себя—раскланиваясь*). Нѣтъ ужь—благодарствуйте!... Довольно что мнѣ и одной бока натолкаютъ, а моя дочь не хуже кого-нибудь, чтобъ я стала ее по толкучкамъ водить!...

Адел. Григ. Да и не лучше васъ...

Анна Ѳедор. Такъ вы бы пошли сами...

Столб.-Десят. Довольно, будетъ! прокричали мнѣ уши! (*Аннѣ Ѳедоровнѣ.*) Возьмите извощика обратно домой.

Адел. Григ. А деньги, что останутся, мнѣ привезите.

Анна Ѳедор. (*съ раздраженіемъ надѣвая шляпку*). Нѣтъ, себѣ возьму! Матерію вашу, Катерина Петровна, отъ кого прикажите получить?

Столб.-Десят. Отъ моей горничной.

Анна Ѳедор. Такъ я иду. Полина, дай мнѣ зонтикъ. (*Направляется къ двери столовой въ сопровожденіи Полины.*) До свиданья, ваше превосходительство. (*Быстро, съ гнѣвомъ уходитъ черезъ столовую.*)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

(*Изъ правой, противъ зрителя, двери входитъ* **Лакей.**)

Лакей. Катерина Александровна Алексинская.

Вася. Алексинская? Grand'maman...

Адел. Григ. (*въ это время приближаясь къ Столб.-Десят.*). Прикажете принять?

Столб.-Десят. Конечно.

(**Лакей** *уходитъ.*)

(**Вася** *бѣжитъ, схватываетъ связку книгъ и убѣгаетъ съ ней въ дверь направо. Адел. Григорьевна слѣдуетъ за нимъ*).

Столб.-Десят. Ты куда, Адель?

Адел. Григор. Одѣваться.

Столб.-Десят. Прикажи подать мнѣ работу по канвѣ.

(**Адел. Григ.** *уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Алексинская. Bonjour, maman! (*Подходитъ къ Столб.-Десятовой и наклоняется чтобы поцѣловаться.*)

Столбинъ-Десятова. Bonjour ma chère. (*Подставляетъ ей для поцѣлуя щеку.*)

Алексинская (*увидавъ Полину.*) Bonjour m-lle, Pauline! (*Дѣлаетъ ей навстрѣчу нѣсколько шаговъ и подаетъ руку.*)

Столбинъ-Десятова (*указывая возлѣ себя*

мѣсто). Садись сюда. (*Алексинская садится.*) Что такъ рано, mon enfant?

Алексинская. Я поспѣшила, боясь васъ не застать. Вы собираетесь въ деревню, такъ вѣроятно выѣзжаете часто.

Столб.-Десятова. Прощаться? О, нѣтъ, моя милая! Я нынѣшній годъ избавляю себя отъ этого труда. Не стоитъ.

(**Горничная** *вноситъ большой сафьяновый сундучокъ съ бронзовыми гвоздиками и ставитъ на столъ передъ Столб.-Десят.*).

Столб.-Десят. (*Алексинской*). Ты что дѣлаешь? Работаешь что-нибудь? (*Отворяя сундучокъ и вынимая изъ него длинную полосу канвы, на которой вышиты пунсовые кактусы.*) Посмотри мое шитье.

Алексинская (*разсматривая канву*). Ахъ, maman, это удивительно!... право только вы можете такъ... у васъ столько вкуса... Это для ковра на столъ?

Столб.-Десят. Да, кайма къ сукну. Я еще не рѣшила какого цвѣта сукно — marron или vert president.

Алексинская. И то и другое будетъ одинаково хорошо.

Столб.-Десят. Это для Жана; ему въ кабинетъ.

Алексинская. Vert president будетъ лучше, maman, это оживитъ комнату.

Столб.-Десят. (*глубокомысленно глядя на красные кактусы.*) Ты думаешь?

Алексинская. Непремѣнно. (*Послѣ небольшой паузы.*) Я пріѣхала къ вамъ посовѣтоваться, maman...

Столб.-Десят. Вѣрно насчетъ лѣта и поѣздки за границу?

Алексинская. Нѣтъ, maman... о своемъ положеніи...

Столб.-Десят. (*считая узоръ*). Да?

Алексинская. Вы знаете, maman, что когда я вышла замужъ за Nicolas, я не любила его — той безпредѣльной любовью, которою мы должны любить того, кому отдаешь всю жизнь. Помните, какъ вы и всѣ говорили, что между нами бездна.

Столб.-Десят. Да, я всегда была этого мнѣнія. Конечно, твой мужъ и хорошъ собою, и молодъ, и съ прекраснымъ состояніемъ, и даже не глупъ; — но вы съ нимъ разнаго круга, а сколько тамъ *ихъ* не воспитывай — все равно!... Что онъ? — Отставной армейскій, артилерійскій офицеръ! Что онъ видѣлъ? — Только ты его и ввела въ свѣтъ.

Алексинская. Да, maman, но вы не знаете сколько мнѣ стоило это труда! Я должна была выносить все, все... оскорбленія, неудовольствія...

Столб.-Десят. Несчастный! Что же развѣ то общество, въ которомъ онъ таскался, лучше? (*Звонитъ.*)

Алексинская. Должно быть, — по его мнѣнію, такъ какъ онъ былъ очень недоволенъ и даже выражалъ мнѣ это...

Столб.-Десят. (*качая головой*). Какъ человѣкъ ничтожный!

Алексинская. Не знаю... Но онъ мнѣ отомстилъ, maman.

Столб.-Десят. Отомстилъ? Какъ?... Развѣ онъ способенъ?

Алексинская. Къ несчастію! Я для него сдѣлалась ничѣмъ!...

Столб.-Десят. Ну это еще не бѣда! Что же такое, ma chère? Развѣ это измѣняетъ хоть сколько-нибудь твое положеніе въ обществѣ? Ничуть! Для него-же хуже... (*Вошедшему лакею, не смотря на него.*) Позвать Василія Васильевича.

(**Лакей** *уходитъ*).

Алексинская. Я хочу уѣхать, maman. Какъ вы совѣтуете?

Столб.-Десят. Уѣхать? Куда?

Алексинская. На лѣто въ деревню.

Столб.-Десят. Это въ твою, что по сосѣдству со мною?

Алексинская. Да, maman.

Столб.-Десят. Что же, пожалуй, поѣзжай для развлеченія... Твой мужъ, кажется, тамъ что-то устроилъ по своему?

Алексинская. Да, суконную фабрику.

Столб.-Десят. А на чьи деньги — свои или твой капиталъ?

Алексинская. Мы не раздѣляемъ денежныхъ счетовъ.

Столб.-Десят. Напрасно! Это бы первое слѣдовало сдѣлать. У тебя управляющій тамъ?

Алексинская. Да, нѣкій Неряцкій, товарищъ мужа... Они друзья.

Столб.-Десят. (*качая головой*). А «товарищъ», вѣрно, «по дружбѣ» крадетъ какъ ни въ чемъ не бывало!... Ха... ха...

Алексинская. Не знаю, maman.

Столб.-Десят. Ну такъ поѣзжай тѣмъ болѣе, хотя ты и не понимаешь дѣла, но все же хозяйскій глазъ... притомъ воздухъ — онъ укрѣпитъ тебя... Поѣзжай! Будешь бывать у меня, а то я одна... (*Вбѣжавшему* **Васѣ.**) Вася, подойди сюда. — Я беру его къ себѣ на вакацію.

Алексинская (*протягивая руку Васѣ*). Какъ я рада!... А что пишетъ твоя maman — какъ ее здоровье?

Вася (*конфузливо*). Mercі. (*Садится на кончикъ стула.*)

Столб.-Десят. Бѣдная Агриппина — все страдаетъ; кажется ея болѣзнь неизлѣчима. Полина, подайте портретъ Агриппины Ивановны, матери Васи.

Алексинская (*вскакивая и идя къ Полинѣ, которая исполняетъ требованіе Столб.-Десят.*). Ахъ, не безпокойтесь, пожалуйста!... (*Взявъ портретъ.*) Mercі infigneмent!.. (*Взгля-*

нувъ, отступаетъ порывисто, затѣмъ конфузится.)

Полина. Ахъ, pardon, я вамъ по ошибкѣ подала портретъ Ивана Петровича... Ха... ха... ха... Какая я разсѣянная... (*Быстро ставитъ его на мѣсто и подаетъ Алексинской другой портретъ.*)

Столб.-Десят. (*не замѣтивъ случившагося*). Не обращай вниманія, что она такъ полна; это полнота не натуральная. Нынче вѣдь дознано медициной, что есть фальшивый аппетитъ, фальшивый сонъ, даже фальшивое здоровье. человѣку только кажется, что онъ здоровъ, а между тѣмъ—онъ боленъ!... (*Вдѣвая въ иголку гарусъ.*) Какъ ты находишь портретъ?

Алексинская (*подходя къ ней*). Похожъ—поразительно!

Столб.-Десят. Обратила ты вниманіе на ея кружева? Они тамъ стоятъ восемьсотъ франковъ... Ахъ, да, я и забыла тебѣ сказать... Знаешь Жанъ опять поступаетъ въ полкъ и чтобы отдохнуть отъ занятій...

Вася. Но, grand'maman, вѣдь онъ ничего такого и не дѣлалъ, чтобы уставать.

Столб.-Десят. Напрасно ты такъ думаешь, онъ готовится къ этому... все это утомляетъ, а такъ какъ лѣтомъ въ Петербургѣ невыносимо,—то онъ и сдѣлаетъ мнѣ удовольствіе и пріѣдетъ ко мнѣ въ деревню.

Вася. Чтобы скучать?

Столб.-Десят. Не думаю; онъ говорилъ мнѣ, напротивъ, что желаетъ разсѣяться...

Вася. Для того только, чтобы сказать вамъ что-нибудь пріятное! О, Жанъ очень хитеръ!

Алексинская. Въ самомъ дѣлѣ, maman, онъ соскучится съ нами.

Вася Конечно. Онъ будетъ скрывать это, потому что вы его звали, но въ глубинѣ души не будетъ знать какъ бы уѣхать скорѣе... Вѣдь онъ не то, grand'maman, что я... (*Замѣтивъ недовольный, вопросительный взглядъ генеральши.*) Онъ молодой человѣкъ, а я... я почти ребенокъ, я еще дитя... для меня наслажденіе сидѣть возлѣ васъ, бывать съ вами... Я даже знаете что думаю, grand'maman... что онъ совсѣмъ не пріѣдетъ и готовъ держать пари! Хотите?...

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Жанъ (*показываясь въ дверяхъ столовой*). Я хочу! Bonjour, grand' maman!... (*Подходитъ къ генеральшѣ и цѣлуетъ ея руку.*)

Столб.-Десят. Ты такъ шумишь, Вася, что и не слышно какъ кто входитъ! (*Цѣлуя Жана въ лобъ.*) Здравствуй, Жанъ, ты не былъ у меня вчера, здоровъ ли ты?

Жанъ. Mercі, какъ всегда. (*Дѣлая общій поклонъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и Полинѣ.*) Входя я слышалъ здѣсь кажется шло пари... о чемъ? Я вчера проигралъ одно, такъ нельзя ли отыграться сегодня?

Столб.-Десят. Пари о тебѣ—пріѣдешь ли ты ко мнѣ въ деревню.

Жанъ (*садясь*). Разумѣется.

Столб.-Десят. Я была въ этомъ увѣрена. А нынѣшній годъ у меня сосѣдка будетъ, Катерина Александровна.

Жанъ (*бросивъ взглядъ на Алексинскую*). Въ самомъ дѣлѣ?

Алексинская (*конфузясь*). Да, я предполагаю.

Столб.-Десят. Ты видѣлъ портретъ тетки?

Жанъ. Tante Agrippine? Конечно. (*Васю, взявъ его за руки и ставя между колѣнъ.*) Ну, что, Васька, тебя отпустили?

Вася. Да.

Столб.-Десят. Взгляни на мою работу, Жанъ; это для тебя.

Жанъ (*вскакивая*). Неужели? (*Взглянувъ на шитье.*) Ахъ grand' maman, я этого не стою!... (*Цѣлуетъ ея руку.*)

Столб.-Десят. (*пріятно улыбнувшись*). Я думаю, что не стоишь... я вѣдь вовсе не люблю тебя, шалунъ!

Жанъ. Вы право такъ добры... (*Вторично цѣлуетъ ея руку и, сѣвъ возлѣ нея, ведетъ съ ней тихо оживленный, видимо интересный разговоръ.*)

Вася (*пробравшись въ это время къ Полинѣ*). А вы для кого вышиваете, m-lle Pauline?

Полина (*наблюдая за разговоромъ Жана и бабушки, со смѣхомъ*). Для васъ, бѣдный, обиженный юноша.

Вася (*вспыхнувъ*). Вы смѣетесь надо мною, m-lle Pauline... Конечно, я это понимаю, такая прелестная работа и вдругъ... но мнѣ обидно, мнѣ дѣйствительно обидно... у меня нѣтъ ничего такого отъ grand'maman, чтобы могло составить «souvenir»... а между тѣмъ (*Поглядывая на бабушку.*) я такъ grand'maman люблю, такъ...

Полина. Вы напрасно теряете, молодой человѣкъ, заряды краснорѣчія, grand'maman васъ не слышитъ!

Вася (*оторопѣвъ*). Ахъ, m-lle Pauline, что вы!... Развѣ я для этого?... Однако, m-lle, какой у васъ злой языкъ!... я и не предполагалъ, право не предполагалъ этого...

Полина (*смотря насмѣшливо въ упоръ на Васю*). Иванъ Петровичъ кажется единственный наслѣдникъ вашей бабушки.

Вася (*съ азартомъ*). О, нѣтъ, какъ можно... имѣніе все родовое, а моя маменька... (*Замѣтивъ, что Жанъ встаетъ, измѣняетъ тонъ.*) M-lle Pauline, вы кажется не видѣли коллекцію раковинъ, которую я собираю, пойдемте я вамъ покажу.

Полина (*съ саркастической улыбкой*). Пойдемъ. (*Оба уходятъ въ столовую.*)

Столб.-Десят. (*замѣтивъ уходъ Полины*).

Затѣмъ когда ты пріѣдешь ко мнѣ въ деревню—тамъ у меня и планы и бумаги, тамъ мы съ тобой и потолкуемъ. Конечно, если ты желаешь продолжать службу, то я понимаю, что служить въ кавалеріи безъ состоянія нельзя, но чтобы выдѣлить тебѣ одно изъ имѣній необходимо прежде хорошенько объ этомъ и подумать, и посовѣтоваться кой съ кѣмъ.

Жанъ. Я вполнѣ вѣрю въ ваше доброе ко мнѣ расположеніе, grand'maman...

Аделаида Григорьевна (*раздвигая портьеры правой двери*). Простите, ваше превосходительство, васъ ждутъ... (*Замѣтивъ Жана, жеманно.*) А, Иванъ Петровичъ!...

Жанъ. (*щелкая шпорами*). Мое почтеніе, Аделаида Григорьевна.

Столб.-Десят. (*съ неудовольствіемъ*). Что тамъ такое? Какъ будто безъ меня нельзя...

Адел. Григор. Это изъ деревни...

Столб.-Десят. Такъ что же? Все равно! (*Вставая.*) Ахъ, какъ это мнѣ надоѣло!... Я сейчасъ... je reviens tout de suite.

(*Уходитъ въ сопровожденіи* **Адель**).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Жанъ (*направляясь, чтобы взять фуражку*). Ну, а я домой!... (*Беретъ фуражку.*)

Алексинская (*бросая книжку, которую она все время съ видимымъ вниманіемъ читала, и поспѣшно вставая*). Иванъ Петровичъ (*Оглянувшись.*) Послушайте...

Жанъ (*останавливаясь*). Что прикажете?

Алексинская (*оглянувшись еще разъ*). Мнѣ нужно вамъ сказать два слова...

Жанъ. Что такое?

Алексинская (*продолжая оглядываться*). Удѣлите мнѣ минуту времени.

Жанъ. Съ удовольствіемъ. Говорите только скорѣе.

Алексинская (*убѣдившись, что никто ее не видитъ, торопливо подходитъ къ нему*). Жанъ, знаешь что? Я передумала... Не пріѣзжай лучше въ деревню.

Жанъ. Ха... ха... ха... Когда просятъ такія вещи, то ужь не говорятъ «ты»!... Вамъ стало быть угодно разстаться со мной? Вы отъ меня бѣжите? Да? Прошу не говорить послѣ этого, что я васъ бросилъ!

Алексинская. Но, Жанъ, ты не понялъ меня.

Жанъ. Потому что тебя и понять невозможно! Ты сама себя не понимаешь! То умоляешь пріѣхать въ Вубново, мечтая о томъ какъ мы вмѣстѣ проведемъ лѣто въ деревнѣ, то вдругъ—«лучше не пріѣзжай!»

Алексинская. Видишь ли, Жанъ... (*Беретъ его за руку повыше кисти.*) Я мученица... Ты знаешь мою любовь къ тебѣ, но я боюсь...

Жанъ. Чего? Огласки? (*Замѣтивъ, что Полина сѣла у стола въ столовой и смотритъ на нихъ.*) Такъ будь поосторожнѣе: прими руку, а то вотъ та дѣвченка все видитъ.

Алексинская (*исполняя это*). Я боюсь, милый мой, всего... Если ты пріѣдешь—что скажутъ? Что это для меня!

Жанъ (*улыбаясь*). Вовсе нѣтъ! Весь свѣтъ знаетъ, что мнѣ необходимо заискивать расположеніе бабушки, такъ какъ она меня выдѣлить собирается, и если ужь начнутъ говорить, такъ наоборотъ, что ты для *меня* бросила мужа и отправилась вслѣдъ за мной.

Алексинская (*вскрикнувъ*). Господи!... Но это тѣмъ хуже!

Жанъ. Кричи еще громче, чтобы и слышали, а то только глядятъ. (*Отходитъ отъ нея.*)

Алексинская (*подбѣгая къ нему*). Жанъ, ты безжалостенъ, не уходи!... Я буду говорить спокойно, тихо...

Жанъ. Чего ты всполошилась, скажи, пожалуйста? Чего? Вѣдь мужъ не догадывается? Въ обществѣ ничего не говорятъ?

Алексинская. Нѣтъ, еще ничего...

Жанъ. Такъ что же это за фантазія?

Алексинская. Я думала...

Жанъ. Перестань чудить!... Вѣдь это смѣшно!... Ты сама наводишь сомнѣніе...

Алексинская (*впадая въ павосъ и повышая голосъ*). Жанъ, ты знаешь вѣдь, какъ я тебя люблю, какъ ты мнѣ дорогъ!...

Жанъ. Знаю, знаю, только не кричи, не дѣлай сценъ, ради Бога!... (*Мѣняя тонъ.*) Ну, прощайте (*Кладетъ фуражку подъ локоть лѣвой руки, причемъ изъ нея выпадаютъ перчатки, и подавая ей правую руку.*) Au plaisir de vous revoir, madame! (*Щелкаетъ шпорами и направляется въ столовую, встрѣчаясь въ дверяхъ съ Полиной.*)

Полина (*медленно входя въ комнату не переставая вышивать*). Ваши перчатки, Иванъ Петровичъ. (*Указываетъ.*) Вы ихъ потеряли. (*Шьетъ стоя, не поднимая глазъ.*)

Жанъ (*обернувшись*). Ахъ дѣйствительно... mercі! (*Идетъ, поднимаетъ. Взглянувъ на Полину, которая продолжаетъ свою работу.*) Какъ вы прилежны, mademoiselle, удивительно прилежны!

(*Алексинская съ досадой начинаетъ разсматривать кипсекъ.*)

Полина (*не поднимая глазъ, спокойно*). Да?

Жанъ (*надѣвая перчатки*). Примѣръ для насъ, лѣнивцевъ.

Полина (*не измѣняя положенія*). Въ самомъ дѣлѣ? Кто же вамъ мѣшаетъ слѣдовать ему?

Жанъ. Лѣность... Впрочемъ, примѣра одного мало—надо учить. Дайте мнѣ лоскутокъ кисеи, я буду вышивать.

Полина (*разсмѣявшись, но не измѣняя положенія*). Вотъ идея!

Жанъ. Право. Это должно быть очень весело—шить и только объ этомъ думать.

Полина *(какъ прежде).* Напротивъ; это именно такое занятіе, которое не мѣшаетъ думать о другомъ.

Жанъ. Серьезно? О чемъ же вы думаете?

Полина. *(значительно взглянувъ на него, съ улыбкой).* А вамъ очень хочется знать? *(Продолжаетъ шить.)*

Жанъ. Очень. Скажите.

Полина. О тысячи вещахъ, обо всемъ, что попадается на глаза... *(Съ удареніемъ, опять взглянувъ на него и улыбнувшись.)* Что я вижу, что слышу...

Жанъ. Слѣдовательно и обо мнѣ?

Полина *(кокетливо).* Да, между прочимъ.

Жанъ. Между прочимъ?—Этого мало.

Полина. Вы находите?

Жанъ. Конечно: я самолюбивъ...

Полина. Дурной порокъ.

Жанъ. Согласенъ... но... все-таки я лучше васъ;—я... откровененъ.

Полина. Какъ это? *(Бросаетъ взглядъ на Алексинскую, потомъ на него. Со смѣхомъ.)* Откровенность большая ошибка!

Жанъ *(оторопѣвъ).* Нѣтъ... *(Улыбнувшись.)* Видите-ли я... я... сознаюсь въ моихъ порокахъ, а вы не хотите признаться въ вашихъ мысляхъ.

Полина. Это труднѣе.

Жанъ. Развѣ? Почему?

Полина. Вы любопытны.

Жанъ. Но я и настойчивъ.

Полина. Да?

Жанъ. Увидите. Я добьюсь, я узнаю... теперь мнѣ некогда, я спѣшу; grand'maman можетъ задержать меня,—но помните—при первой нашей встрѣчѣ.

Полина. Что?

Жанъ. Я узнаю.

Полина *(съ наивностью).* Что такое?

Жанъ. О чемъ вы думаете. Au revoir, m-lle Pauline. *(Жметъ ей руку, щелкнувъ шпорами и сдѣлавъ поклонъ Алексинской, поспѣшно уходитъ черезъ столовую.)*

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Столб.-Десят. *(входя).* Ну вотъ и я.

Алексинская *(стоявшая все время впродолженіи разговора Жана и Полины въ страшномъ волненіи, дѣлая видъ, что разсматриваетъ кипсекъ).* Ахъ, maman, *(Бросаясь къ ней.)* вы еще не знаете... я еще не все вамъ сказала...

Столб.-Десят. И не нужно... И нечего говорить!.. Мой совѣтъ тебѣ молчать вообще и ни съ кѣмъ не откровенничать... Что въ этомъ прокъ?

Алексинская. Но, maman...

Столб.-Десят. *(холодно цѣлуя ее въ лобъ).* Ты очень нервична, моя дорогая, тебѣ необходимо нужно посовѣтываться съ докторомъ... Обратись вотъ хотя къ Ольтенгейту—прекрасный докторъ, онъ лѣчитъ Агриппину, единственный отъ нервныхъ болѣзней... Онъ дастъ тебѣ что-нибудь на лѣто въ деревню—пилюли или порошки—и будешь здорова.

Алексинская *(въ слезахъ).* Ахъ нѣтъ, maman, нѣтъ, будь я покойна душей...

Столб.-Десят. Ну холодныя ванны можетъ быть посовѣтуетъ—онѣ тебя укрѣпятъ... Ты кажется хочешь уже проститься со мной?

Алексинская. Да, maman, мнѣ нужно успокоиться... *(Цѣлуетъ Столб.-Десят.)*

Столб.-Десят. *(цѣлуя ее вторично въ лобъ).* Такъ до свиданія, мой ангелъ! *(Провожая ее до двери.)* Не забывай меня, старуху...

Алексинская *(бросаясь опять къ ней въ объятія).* Какъ можно, maman!.. Видѣть васъ единственное мое утѣшеніе... *(Быстро подходя къ Полинѣ.)* До свиданія, m-lle Pauline, заходите ко мнѣ, пожалуйста... всегда какъ только будетъ у васъ свободное время... безъ церемоніи... буду очень рада... *(Подавая ей руку.)* Au revoir! *(Быстро идетъ къ Столб.-Десят., обнимаетъ и цѣлуетъ ее.)* Au revoir, chère maman!.. простите за безпокойство.

(Уходитъ въ правую противъ зрителей дверь, въ сопровожденіи **Полины**).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

(Въ столовой слышится шумъ. Вбѣгаетъ **Вася**, *волоча по полу пучки шнурковъ и тесемокъ и таща огромную связку, изъ которой сыпятся разные свертки, коробочки съ пуговицами, булавками, иголками и другими принадлежностями работы, клубки вязальной бумаги, мотки цвѣтныхъ шерстей, гребенки, шпильки, жестянки съ помадой и проч. Все это онъ теряетъ и въ концѣ концовъ вывариетъ съ шумомъ остальное посереди комнаты.)*

Столб.-Десят. *(пораженная).* Что это?.. Вася!

Вася. Ахъ, grand'maman, это Анна Ѳедоровна... Я не виноватъ... это тяжело, я не могъ удержать, grand'maman... Я хотѣлъ помочь Аннѣ Ѳедоровнѣ.

Анна Ѳедор. *(вбѣгая вслѣдъ за нимъ раскраснѣвшаяся, съ спутанными до невозможности волосами, съ огромнымъ, стянутымъ веревками, узломъ).* Василій Васильевичъ!.. Что вы дѣлаете!?.. Василій Васильевичъ!..

Столб.-Десят. Вася!.. Вася, перестань!.. Ахъ какъ это скучно!.. Слышишь—тебѣ говорятъ!.. Подбери сейчасъ-же все!..

Вася. Слушаю, grand'maman... *(Подъ видомъ прибиранія разбрасываетъ еще больше.)*

Адел. Григ. (*быстро входя*). А, это вы, Анна Ѳедоровпа!.. Ну что—все купили?

Анна Ѳедор. (*съ торжествующимъ лицомъ*). Разумѣется!

Столб.-Десят. И на платьѣ мнѣ?

Анна Ѳедор. И вамъ на платьѣ, ваше прев—во!.. Ахъ, ваше прев—во, съ вашимъ платьемъ цѣлая исторія!..

Столб.-Десят. (*поспѣшно*). Что такое?

Анна Ѳедор. Такого фуляра, какъ вашъ, пе нашла, перерыла весь магазинъ—нѣтъ!.. Такъ я обмѣняла его на другой... пастоящій французскій—съ клеймомъ таможни, коймами, въ двѣнадцать съ половиною аршинъ длипы, шире вашего и лучше!.. Шелкъ—просто прелесть—ровный, плотный, нитка въ нитку... посмотрите! (*Беретъ изъ узли, который успѣлъ уже развязать Вася, матерію и развертываетъ ее передъ Столб.-Десят.*)

Столб.-Десят. Ахъ какъ это мило!.. (*Разсматриваетъ.*) Прелесть!.. Взгляни, Адель, какъ порядочно. А что вы много приплатили, Анна Ѳедоровна?

Анна Ѳедор. (*торжественно*). Отгадайте.

Столб.-Десят. (*соображая*). Не знаю ..

Анна Ѳедор. Восемь рублей.

Столб.-Десят. Не можетъ быть!.. Да это совсѣмъ даромъ!.. И какъ это вамъ такъ удалось?

Анна Ѳедор. (*съ восторгомъ*). Торговалась очень. Немножко потолкали—правда, но за то..

Вася. Что?.. Васъ вытолкали?

Столб.-Десят. (*строго*). Вася!

Вася (*драпируя кусками принесеннаго ситца стулья и кресла*). Виноватъ, grand' maman. Я недослышалъ... я думалъ что полицейскіе...

Столб.-Десят. Что ты дѣлаешь?!

Вася. Ничего, grand'maman, это такъ.. такъ лучше... теперь ваша гостиная совершенно какъ лавка...

Столб.-Десят. (*повелительно*). Оставь! Ты мнѣ просто голову вскружилъ своими шалостями! (*Адел. Григорьевнѣ, указывая на ситецъ.*) Это для дѣвокъ?

Адел. Григ. Да, ваше пр—во, для дѣвокъ и другой прислуги.

Столб.-Десят. Раздай имъ.

Анна Ѳедор. (*садясь, снимая шляпку*). Охъ, присѣсть! (*Передавая деньги и реестръ покупокъ Столб.-Десят.*) Извольте получить, ваше пр—во!

Столб.-Десят. (*передавая Адел. Гр—нѣ*). Сочти, Адель. (*Взявъ вновь матерію и собирая ее въ складки.*) Прелесть фуляръ! Я такъ рада, такъ рада.. merci, Анна Ѳедоровна! (*Передавая его Адел. Гр—нѣ*). Возьми и это... Пошли за портнихой. (*Садится въ кресло и беретъ работу.*)

Адел. Григ. (*принимая матерію и почти швыряя ее на стулъ*). Все равно не сошьютъ вамъ до отъѣзда. (*Звонитъ.*)

Столб.-Десят. Почему? У тебя страсть спорить.

Адел. Григор. Когда-же успѣть? Всего осталось три дня. (*Вошедшему лакею.*) Помогите мнѣ убрать все это. (*Собираетъ. Лакей и Вася помогаютъ.*)

Анна Ѳедор. (*въ то же время*). Если позволите, ваше пр—во, я схожу; черезъ два дня все будетъ готово.

Столб.-Десят. Вотъ видишь. Пожалуйста, Анна Ѳедоровна.

Анна Ѳедор. Съ удовольствіемъ, ваше пр—во, (*Вошедшей Полинѣ.*) Ты гдѣ это шатаешься? Не видишь что дѣлаютъ?.. Потрудись тоже.

(**Полина** *молча подходитъ къ Адел. Григорьевнѣ, помогаетъ ей уложить вещи и вмѣстѣ съ ней, лакеемъ и Васей уносятъ все направо въ боковую дверь.*)

Столб.-Десят. (*въ это время*). А она хорошо работаетъ? Не испортитъ?..

Анна Ѳедор. О, будьте покойны, замѣчательно хорошо шьетъ... Притомъ скоро и не дорогая.

Адел. Григ. (*уходя и бросая на Анну Ѳедоровну молніеносный взглядъ*). Такъ вотъ и приведите ее, эту драгоцѣнность, а то разсылать некого—вся прислуга занята.

Анна Ѳедор. (*ей вслѣдъ*). Могли-бы, кажется, и сами услужить Катеринѣ Петровнѣ... (*По уходѣ всѣхъ, несмѣло.*) Знаете что, ваше превосходительство... я бы хотѣла васъ попросить кой о чемъ.

Столб.-Десят. (*взглянувъ на нее изъ-подъ очковъ*). Ну?

Анна Ѳедор. (*рѣшительно*). У меня вотъ какой планъ: я имѣю случай на лѣто сдать свою квартиру.

Столб.-Десят. Что-же, прекрасно.

Анна Ѳедор. Мнѣ даютъ по десяти рублей въ мѣсяцъ.

Столб.-Десят. Очень хорошо.

Анна Ѳедор. Такъ вотъ я и не знаю какъ мнѣ быть... Куда мнѣ съ Полиной дѣваться? Некуда.. Мнѣ-бы хотѣлось уѣхать...

Стоб.-Десят. Зачѣмъ? Вѣдь вы и безъ того дома не живете.

Анна Ѳедор. Да, дѣйствительно, почти не живемъ, но все-таки иной разъ ночуемъ у себя, обѣдаемъ... такъ вотъ я и хотѣла попросить васъ, ваше пр—во, оказать намъ благодѣяніе и позволить намъ провести лѣто у васъ въ деревнѣ.

Столб.-Десят. У меня?

Анна Ѳедор. (*умоляющимъ голосомъ*). Да.

Столб.-Десят. (*опуская работу*). То-есть какъ-же это? Вы пріѣдете ко мнѣ?

Анна Ѳедор. Нѣтъ, ваше пр—во, ужь если

вы будете такъ добры, то и довезите насъ какъ-нибудь... вы знаете, мы не прихотливы, а истратить нѣсколько рублей на дорогу это составляетъ кое-что... (*Замѣтивъ, что старуха не можетъ вдѣть кончикъ шерсти въ иголку.*) Позвольте мнѣ, я сейчасъ вдѣну. (*Исполняя и передавая иголку.*) Вотъ и готово.

Столб.-Десят. (*взглянувъ на Анну Ѳедоровну*). Какъ это вы ловко дѣлаете!.. (*Начинаетъ шить.*) Такъ значитъ вы хотите вмѣстѣ съ нами?

Анна Ѳедор. Если васъ не затруднитъ, ваше пр—во... Мы вамъ столько ужь обязаны... и если наше общество ужь не совсѣмъ вамъ непріятно—доставьте, ради Бога, намъ возможность съэкономничать, при нашей бѣдности, нѣсколько рублей.

Столб.-Десят. (*послѣ минутной паузы*). Пожалуй,—хорошо, я васъ возьму... я скажу Адель. Мы вотъ какъ сдѣлаемъ: когда я пріѣду въ деревню, то я пошлю сюда за экипажами и лошадьми; карету и коляску повезутъ подъ покрывалами, а въ бричку, куда положатъ оставшіяся здѣсь вещи,—вы можете сѣсть съ Полиной.

Анна Ѳедор. Не знаю, право, какъ васъ и благодарить... Вы не имѣете понятія о нашемъ положеніи...

Столб.-Десят. Я всегда рада помочь всякому.—Васъ не стѣснитъ, что сзади брички будутъ привязаны лошади?

Анна Ѳедор. Нисколько! помилуйте, мы...

Столб.-Десят. Ну и отлично. Человѣка съ вами не будетъ; вы присмотрите, чтобы все было привезено въ цѣлости.

Анна Ѳедор. Конечно, конечно...

Столб.-Десят. И будете наблюдать за кучерами, чтобы они не пропивали овесъ.

Анна Ѳедор. Будьте покойны, ваше пр—во, я и дочь моя... мы постараемся...

Горничная (*входя со свертком кисеи въ рукахъ*). Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство. (*Цѣлуетъ руку и уходитъ*).

Столб.-Десят. (*не обращая на нее вниманія, Аннѣ Ѳедор—нѣ*). Ну, а когда пріѣдете въ деревню, вѣдь вамъ дѣлать будетъ нечего, такъ я вамъ дамъ другое занятіе: я куплю здѣсь полотна, а вы тамъ скроите его и сошьете мнѣ дюжину сорочекъ...

Анна Ѳедор. Съ удовольствіемъ.

Столб.-Десят. Со строчкой, какъ должно.

Анна Ѳедор. Само собою... Кокетки вышью—родъ манишечки...

(*Входятъ двѣ горничныя, тоже со свертками.*)

1-я Горничная. Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство.

2-я Горничная. Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство!

(*Цѣлуютъ руку и уходятъ.*)

Столб.-Десят. (*въ то же время, не обращая на нихъ вниманія*). А Полина ваша шить умѣетъ?

Анна Ѳедор. Нѣтъ, Катерина Петровна, вы знаете, вѣдь, какъ и чему ихъ учатъ въ пансіонѣ.

Столб.-Десят. Она и вышиваетъ прескверно—я видѣла; я дамъ ей фонъ зашить вотъ въ этой канвѣ. Это-то она съумѣетъ, не испортитъ?

Анна Ѳедор. Какъ можно, понятное дѣло,.. она постарается.

(*Входятъ два лакея съ свертками въ рукахъ.*)

1-й Лакей. Покорнѣйше благодарю...

2-й Лакей. } вмѣстѣ Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство.

Адел. Григор. (*входя изъ правыхъ дверей въ сопровожденіи Полины и Васи*). Ахъ, ваше пр—во, вы всѣхъ одѣлили, забыли только одного казачка Митрошку;—но Базиль, этотъ ангелъ Базиль, онъ нашелъ у себя кое-что, далъ ему и надо видѣть теперь какъ счастливъ этотъ мальчикъ!

Столб.-Десят. (*съ достоинствомъ*). Сегодня, кажется, всѣ счастливы, вотъ и Анна Ѳедоровна тоже счастлива,—она пріѣдетъ съ дочерью ко мнѣ въ деревню.

Адел. Григор. (*съ удивленіемъ*). Какъ? Вы?..

Анна Ѳедор. (*тоже съ достоинствомъ*). Да, я!

1-й Лакей. Прикажите завтракъ подавать?

Столб.-Десят. Давно пора. Анна Ѳедоровна, я не держу теперь своего стола, извините.

Анна Ѳедор. (*вставая*). Я знаю, ваше пр—во, я и не разсчитывала оставаться у васъ... (*Надѣваетъ шляпку, дѣлая знакъ Полинѣ.*)

Лакей. Сторожъ и кучера пришли поблагодарить ваше превосходительство.

Анна Ѳедор. (*Завязывая ленты шляпки*). Я еще буду имѣть удовольствіе видѣть васъ передъ отъѣздомъ, Катер. Петр., чтобы узнать какъ намъ можно будетъ уложиться, кому вы поручите...

Столб.-Десят. (*вставая, съ видимымъ утомленіемъ.*) Хорошо, хорошо!... изъ-за чего столько толку?

(*Лакеи уходятъ.*)

Анна Ѳедор. (*толкая локтемъ Полину*). Благодари ея превосходительство... Что-же ты стоишь...

Полина (*почти шопотомъ, опуская глаза*) Вы такъ добры, Катерина Петровна...

Столб.-Десят. Которая это мнѣ благодарность сегодня?!.. Пойдемте завтракать... Вася! Адель! ..

(*Столб.-Десят., Адел. Григорьевна и Вася уходятъ въ столовую, Вася, уходя послѣднимъ въ объятіяхъ Адел. Григорьевны, дѣлаетъ носъ Аннѣ Ѳедоровнѣ, показываетъ языкъ.*)

Полина *(оставшись вдвоемъ съ матерью).* Ну, куда-же мы теперь, маменька?

Анна Ѳедор. Куда?.. *(Послѣ небольшой паузы.)* Не знаю! *(Махнувъ рукой.)* Ахъ ты жизнь!.. Дѣлать нечего,—пойдемъ домой!... У меня еще осталось тридцать копѣекъ,—по дорогѣ купимъ что-нибудь поѣсть!...

(Уходятъ въ правую дверь противъ зрителя.)

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ II-е.

Садъ. Въ глубинѣ, налѣво, въ ¾ оборота къ зрителю, большой, затѣйливой архитектуры, барскій домъ, съ боковой террасой и широкимъ, убраннымъ цвѣтами и вьющимися растеніями, балкономъ на второмъ этажѣ — во всю длину дома, съ лѣстницей въ садъ и колоннадой, обвитой дикимъ виноградомъ. Передъ домомъ роскошный цвѣтникъ. Направо, на заднемъ планѣ,—родъ бесѣдки изъ вьющихся растеній, на переднемъ—садовая скамья подъ кустами сирени. Налѣво, на переднемъ планѣ, подъ шантскимъ деревомъ диванъ, столъ, кресла. Вдали—рѣка, освѣщенная вечерней зарей.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

При поднятіи занавѣса—налѣво, подъ деревомъ, сидитъ **Алексинская** *и вышиваетъ въ пяльцахъ. Изъ дома, съ террасы, входятъ* **Неряцкій** *съ кипою книгъ, газетъ, журналовъ и писемъ и* **лакей.**

Неряцкій *(слѣдовавшему за нимъ лакею).* Скажите г-ну Теженецкому, что у меня для него и господъ Столбинъ-Десятовыхъ нѣтъ ничего въ оранжереи и если они желаютъ имѣть цвѣты, то пусть сами разводятъ.

(Лакей уходитъ.)

Неряцкій *(подходя къ Алексинской)* Здравствуйте, Катерина Александровна. Вотъ съ почты привезли. *(Кладетъ принесенное имъ на столъ.)* Вамъ три письма; одно кажется отъ Николая.

Алексинская *(схвативъ письма).* Bon soire, m-r Неряцкій, вѣкъ, какъ я васъ не видѣла... *(Протягиваетъ ему съ улыбкой руку.)* Живя чуть не въ одномъ домѣ... Право это не хорошо!

Неряцкій. Не хотѣлъ васъ безпокоить... да и рабочему человѣку часто бываетъ некогда: тѣмъ свѣтъ въ полѣ, тамъ на фабрику, вечеромъ—тоже дѣла—счеты. Едва успѣваешь что-нибудь прочесть.

Алексинская. Садитесь, пожалуйста *(Разрывая одинъ изъ конвертовъ.)* Простите великодушно.

Неряцкій *(садясь).* Сдѣлайте одолженіе, не церемоньтесь. *(Беретъ журналъ и читаетъ. Замѣтивъ, что она, быстро просмотрѣвъ письмо, складываетъ его).* Ну, что онъ пишетъ?

Алексинская. Всего три строчки. *(Читаетъ.)* «Что ты молчишь? Двѣ недѣли какъ уѣхала и хоть-бы слово!... Ужь не больна-ли, избави Богъ? Увѣдомь скорѣе». Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, какая я лѣнивая.... Собираюсь со дня на день и никакъ не могу собраться.

Неряцкій. Вы-бы телеграфировали.

Алексинская. Да? Ну хорошо, я это сдѣлаю... Непремѣнно сегодня-же. Вы кажется очень любите Nicolas?

Неряцкій. Да, мы друзья съ дѣтства; вмѣстѣ учились, росли.... только потомъ разошлись по разнымъ дорогамъ. Онъ пошелъ по военной, я по гражданской,—поступилъ въ технологическій институтъ....

Алексинская *(отложивъ письма въ сторону и прерывая его).* Взгляните, какъ вамъ понравится? Я начала большую работу, *(Раскрывая пяльцы.)* вышиваю пелену для нашей церкви. У меня много des perles bourguignons, des chefs en or, знаете?

Неряцкій. Никакъ нѣтъ-съ. Это не по моей части.... *(Взглянувъ на работу.)* Должно быть хорошо. Ну что-жь вы осмотрѣлись у насъ, ознакомились съ паркомъ, съ окрестностями усадьбы? Есть мѣста очень живописныя.

Алексинская. Нѣтъ, я дальше цвѣтника никуда не хожу.

Неряцкій. Напрасно. Вотъ за рѣкой, напримѣръ,—отсюда видно,—превосходная сосновая роща,—получше Сокольницкой, могу васъ увѣрить. Затѣмъ были въ оранжереѣ?

Алексинская. *(смѣясь).* Нѣтъ, тоже не была!

Неряцкій. Ахъ, грѣховодница! Да такой поискать; въ Москвѣ не найдете!

Алексинская *(наивно).* Что вы?

Неряцкій *(шутливо, добродушно).* Совершенно вѣрно. Въ Бубновѣ уже пронюхали о ней и вотъ сейчасъ достопочтенный Василька, желая сдѣлать бабушкѣ сюрпризъ,—обставивъ ея этаблисманъ цвѣтами, — вѣроятно, чтобы она поскорѣй задохлась,—присылалъ сюда подводу за цвѣтущими магноліями, чайными деревьями и туберозой.

Алексинская. Что-жь, вы дали?

Неряцкій. Конечно, нѣтъ!

Алексинская. Ахъ, Боже мой, какъ-же это. Катерина Петровна мнѣ крестная мать!

Неряцкій *(весело, шутливо).* Знаю-съ; но что-же изъ этого? Ради Бога, Катерина Але-

ксандровна, не обирайте себя!—У вашего садовника заготовлены прелести—дивные экземпляры, но только для васъ.... Сжальтесь!

Алексинская (*съ неудовольствіемъ*). Но вѣдь это значитъ манкировать maman!

Неряцкій. Манкировать? Кому? Катеринѣ Петровнѣ Столбинъ-Десятовой де Бубново? Помилуйте, что вы! Да развѣ это возможно? Вѣдь это все равно, что достать солнце рукою. Развѣ она обыкновенная смертная, чтобы вы могли обратить ея вниманіе на себя, оказавъ ей чѣмъ либо расположеніе или пренебреженіе?..— Ей—этому божку Олимпійскому, застывшему въ своемъ величіи сфинксу!

Алексинская. Ахъ, Боже мой, что вы говорите!...

Неряцкій (*тѣмъ-же тономъ*). Міры падутъ-съ вокругъ нея и не сдвинутъ ея съ этаблисмана! Провалятся въ преисподнюю всѣ окружающія ее приживалки, сломитъ голову Васька, пострѣлитъ лобъ кутила кавалеристъ и она не шевельнется, не спроситъ, почему это случилось?.. Гдѣ-же ей думать о другихъ, о комъ-бы-то ни было? Она не человѣкъ, она нѣчто безплотное — Юпитеръ-громовержецъ, Перунъ....

Алексинская. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, вы несправедливы къ maman. Пожалуйста распорядитесь послать ей сейчасъ-же что есть у меня лучшаго.

Неряцкій (*со вздохомъ*). Какъ угодно-съ,— ваше добро. Сѣдло тоже прикажете присовокупить?

Алексинская. Сѣдло? Какое сѣдло?

Неряцкій. Ваше. Вчера я получилъ, — не знаю какъ назвать,—приказаніе, просьбу или просто повѣстку—доставить его въ Бубново,— такъ какъ, дескать, вы не ѣздите, и потому оно вамъ не нужно.

Алексинская (*въ недоумѣніи*). Сѣдло!... Кто присылалъ?

Неряцкій. Самъ отставной поручикъ, кавалеристъ Ивавъ Петровъ.

Алексинская. Какъ?... Иванъ Петровичъ?... Развѣ онъ пріѣхалъ?

Неряцкій. Какже-съ, изволили прибыть; дней пять уже будетъ.... И такъ какъ имъ дѣлать, по обыкновенію, нечего,—то они и желаютъ занять свои часы досуга манежнымъ ученіемъ.

Алексинская (*растерявшись*). Кого же онъ будетъ учить?

Неряцкій (*со смѣхомъ*). Не могу знать. Должно быть всѣхъ по очереди, начиная съ бабушки.

Алексинская (*стараясь смѣяться, чтобы скрыть смущеніе*). Ахъ, mon Dieu!

Неряцкій. Что-же, это презабавно будетъ... Жаль только лошадей! (*Съ сердцемъ.*) И не легкая-же сила ихъ принесла сюда нынѣшній годъ, чтобы вы и здѣсь отъ нихъ не избавились!... Вѣдь они не дадутъ вамъ дышать, измучатъ, истерзаютъ.... Знаете что? Позвольте мнѣ распорядиться, если вы ужь лично по добротѣ своей не въ силахъ,— я велю запереть ворота и какъ только кто явится изъ нихъ— приживалка-ли, почтенный отрокъ, само могущество кавалеристъ—все равно—всѣмъ говорить, что васъ нѣтъ дома.

Алексинская (*испугавшись*). Нѣтъ, не надо... Богъ съ вами, что вы!... Какъ можно!

Неряцкій (*засмѣявшись*). Напрасно. А ужь я бы постарался!... Былъ я вчера у нихъ— просто прелесть: царь Новуходоносоръ во всемъ своемъ величіи возсѣдаетъ, приживалки вокругъ...

Алексинская (*перебивая, не слушая*). Вы были въ Бубновѣ?

Неряцкій. Такъ точно-съ; имѣлъ счастіе. Изволили вызывать меня, въ качествѣ эксперта, по вопросу размежеванія спорныхъ земель съ сосѣдними обывателями—я и поѣхалъ.

Алексинская. И долго пробыли тамъ?

Неряцкій. Порядочно. Обѣдалъ, послѣ обѣда предложили карточку...

Алексинская. И вы остались?

Неряцкій. Остался. Обыгралъ всѣхъ и уѣхалъ. Васъ удивляетъ это? Я умѣю вѣдь вести себя прилично и ругаюсь только шутя между своими друзьями, когда къ слову придется; а то такъ даже иногда и думаю, что можно и оставить ихъ, этихъ полумертвецовъ, въ покоѣ доживать свой вѣкъ на развалинахъ ихъ прежняго величія...

Алексинская (*со смѣхомъ*). «Самого» видѣли?

Неряцкій. Блестящаго кавалериста и кумира барышень и дамъ обѣихъ столицъ? Какже-съ. Усиленно ухаживаютъ за прибывшей изъ Москвы, съ багажемъ, молоденькой барышней и вмѣстѣ съ тѣмъ въ большомъ прискорбіи находятся,—точно въ воду погруженные.

Алексинская (*стараясь смѣяться*). Почему? Скучаетъ вѣрно?

Неряцкій (*весело*). Должно быть; надо такъ полагать, потому что статьи все неподходящія: во-первыхъ, барышня, какъ будто, не очень благоволитъ, она, кажется, умнѣе всѣхъ тамъ, во-вторыхъ, послѣ петербургскихъ банкетовъ съ разными Сюзетами и Кляретами, бубновскіе пискари въ обществѣ ея превосходительства и приживалокъ не должны приходиться по вкусу, а въ третьихъ, бабушка, будь ей пусто, не даетъ вотъ имѣнія по боку качнуть, ну и грустятъ,—понятное дѣло!

Алексинская (*насильно разсмѣявшись, скрывая слезы*). Ха... ха... ха... вы меня уморите со смѣху, m-r Неряцкій... Вы право ужасный человѣкъ—заставляете смѣяться до слезъ!...

Неряцкій. Что же если смѣхъ здоровый— такъ и смѣйтесь... (*Говоря все время весело, добродушно, шутливо,— переходитъ въ*

серьезный тонъ.) Только знаете что? Тутъ и смѣяться нельзя—больно. Смѣяться можно надъ бабушкой, Пехлецовымъ... Она скоро умретъ, истлѣетъ и всѣ ея приживалки уплывутъ за ней; не станетъ старыхъ хоромъ, не будетъ мѣста и крысамъ; Пехлецовъ, тоже ужь отживаетъ свой вѣкъ, обратился въ какое-то посмѣшище и не сегодня—завтра незамѣтно отправится червямъ на ужинъ. Пехлецовъ—*(Сбивая палочкой грибокъ у ствола дерева.)* вотъ что!... Никому ненужный грибъ — поганка; но Иванъ Петровичъ это молодое существо!... Онъ долго еще проживетъ, изчадье отошедшихъ въ вѣчность паразитовъ, отжившей свой вѣкъ среды, долго будетъ тяготѣть надъ обществомъ, обременяя землю!... Лѣнь, деморализація, презрѣніе къ честному труду—примѣръ скверный, заразительный, а тутъ на горе еще красивый, блестящій, ну и кончено!... Васьки вѣдь, достопочтенные эти отроки, у нихъ, у Ивановъ Петровичей учатся... Изъ полка, напримѣръ, почему онъ вышелъ? Бабушка ничего не даетъ, состоянія нѣтъ? Вздоръ! Потому что въ наше время господамъ офицерамъ нельзя ничего не дѣлать!... Ну и попросили должно быть...

Алексинская. Но вѣдь онъ опять поступаетъ въ полкъ!

Неряцкій. На словахъ: чтобы бабушка имѣнье отдѣлила... для увеличенія кредита, съ политико-экономической цѣлью... ради чего онъ и мундира не снимаетъ... *(Смѣшенъ звонъ бубенчиковъ.)* Однако, кажется пріѣхалъ кто-то... *(Встаетъ и заглядываетъ налѣво.)* Точно-съ; о волкѣ погудка, а волкъ тутъ—послѣдній изъ рода Столбинъ-Десятовыхъ! *(Взявъ со стола фуражку.)* Желаю веселиться! *(Раскланиваясь.)* Честь имѣемъ кланяться!

Алексинская *(поспѣшно)*. Нѣтъ, нѣтъ, не уходите, пожалуйста, останьтесь... Я такъ не люблю этихъ визитовъ... on me dérange...

Неряцкій. Ха... ха... ха... ха... Я думаю, удовольствія мало! *(Садясь на свое мѣсто.)* Право Катерина Александровна, согласитесь на мое предложеніе.

Алексинская. Какое?

Неряцкій. Дозволить мнѣ...

Лакей *(входя)*. Иванъ Петровичъ!

Алексинская. Просите сюда. *(Лакей уходитъ.)* Дозволить вамъ?

Неряцкій *(со смѣхомъ)*. Запереть ворота. *(Алексинская принужденно смѣется.)* У васъ есть въ сосѣдствѣ прекрасные люди: князья Телищевы, Засѣкины, Коптевъ-Приснухины... все это образованная молодежь, одна семья лучше другой, а это...

Алексинская *(поспѣшно, тихо)*. Тс... молчите, идетъ...

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Жанъ *(сходя съ террасы)*. Здравствуйте, m-me Alexinski. *(Подходитъ къ ней.)*

Алексинская. Наконецъ-то! *(Протягиваетъ руку.)* Вы кажется знакомы?

Жанъ *(кланяясь Неряцкому)*. Какже; вчера у grand'maman... Какъ поживаете?

Алексинская. Mercі. Садитесь, пожалуйста. Maman здорова?

Жанъ *(садясь)*. Какъ всегда. Я привезъ вамъ тысячу упрековъ въ томъ, что вы разлюбили насъ, похоронились здѣсь, не хотите пріѣхать...

Алексинская. Да, я совсѣмъ сдѣлалась затворницей, нигдѣ не бываю, все дома и дома. Что новаго въ Москвѣ?

Жанъ. Я ужь давно — цѣлый вѣкъ какъ оттуда.

Алексинская. Все же позднѣе меня. Что Хмѣлевскіе? Eglé мнѣ ничего не пишетъ...

Жанъ. Понятное дѣло: уѣхали въ эту глушь, спрятались отъ людей... вы сами того хотите, чтобы васъ забыли всѣ!

Алексинская. Всѣ? Нѣтъ зачѣмъ же.... Я не хочу, чтобы меня друзья забывали.

Жанъ. А, такъ, значитъ, дѣлаются исключенія?

Алексинская. Конечно.

Жанъ. Для кого напримѣръ?

Алексинская. Для нѣкоторыхъ,—вотъ для Eglé.

Жанъ. А еще?

Алексинская. Еще?... Не знаю право... очень для немногихъ... Мнѣ здѣсь такъ хорошо, такъ покойно, что я не знаю даже желаю ли я еще чего-нибудь.

Жанъ. Поздравляю васъ. Значитъ вы вполнѣ счастливы.

Алексинская. Вполнѣ.

Жанъ. Рѣдкое явленіе! Что вы дѣлаете? Чѣмъ занимаетесь?

Алексинская. Работаю. M-r Неряцкій такъ добръ, что доставляетъ мнѣ много чтенія. *(Неряцкому.)* Pardon, m-r Неряцкій, я все еще держу ваши журналы.

Неряцкій. Поторопитесь. *(Указывая.)* Вотъ ужь и новые пріѣхали.

Алексинская. Ахъ, я такъ запоздала!... У меня нѣтъ привычки читать скоро. Но мнѣ пришла идея... Знаете что? Если у васъ будетъ свободное время—прочтите мнѣ сами.

Неряцкій. Съ удовольствіемъ.

Алексинская. Я такъ люблю работать когда читаютъ...

Неряцкій. Это замѣняетъ разговоръ.

Алексинская *(какъ-бы спохватившись)*. Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не потому. Можно говорить о прочитанномъ... объяснять свои взгляды... *(Жану.)* Неправда ли? *(Не дожидаясь*

отвѣта, Неряцкому.) Это даже очень интересно.

Неряцкій. Въ смыслѣ обмѣна мыслей—пожалуй.

Алексинская. Разумѣется. (*Жану.*) Вы какъ—изъ деревни прямо въ Петербургъ?

Жанъ. Непремѣнно.

Алексинская. И Москва васъ больше не увидитъ?

Жанъ. Довольно мнѣ вашей Москвы! Скучно. Да и жизнь въ Москвѣ обходится мнѣ дороже; а въ наши времена, когда деньги становятся все дешевле и дешевле, а добыть ихъ дѣлается, день отъ дня, все труднѣе, надо о сокращеніи расходовъ подумать.

Неряцкій. Это точно-съ; благоразумная экономія необходима, хорошее дѣло; только я не могу съ вами согласиться, чтобы трудъ сталъ меньше оплачиваться — напротивъ. Трудитесь только и...

Жанъ (*смѣривъ его со злобой глазами*). А, понимаю!... Вы вотъ что!... (*Отвернувшись отъ него и обращаясь къ Алексинской.*) Много вы занимаетесь музыкой?... Ахъ и забылъ: вчера вечеромъ пріѣхали къ намъ Мороновы—Анжъ и Додо, и сегодня всѣ: онѣ, наши и, кажется, даже grand'maman собираются васъ навѣстить.

(**Неряцкій** *всталъ.*)

Алексинская. Очень буду рада... (*Неряцкому.*) Куда же вы?... Уже уходите?

Неряцкій (*протянувъ ей руку*). Да; къ себѣ и буду до вечера дома. Если что понадобится—пришлите. До свиданія. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Жанъ (*послѣ небольшой паузы, оглянувшись и увидѣвъ, что Неряцкій ушелъ*). Ну-съ, m-me Alexinski? Вамъ угодно было, чтобы я пріѣхалъ?

Алексинская (*вышивая, поднимаетъ съ удивленіемъ глаза*). Мнѣ?

Жанъ. Ну да, вамъ. Для чего вы меня звали?

Алексинская. Я звала васъ?

Жанъ. Да, что мы въ вопросы играемъ, что ли? Вы велѣли Адели прислать меня, — ну вотъ и я.

Алексинская (*продолжая вышивать*). Я ничего никому не велѣла.

Жанъ. Какъ же она увѣряетъ?

Алексинская. Не знаю. (*Шьетъ.*)

Жанъ. Странное дѣло!... Она говоритъ, что, пользуясь вашимъ довѣріемъ...

Алексинская (*не поднимая глазъ и продолжая работу*). У меня нѣтъ повѣренныхъ никого...

Жанъ (*чувствуя себя неловко*). Съ чего же она взяла?

Алексинская. Спросите ее.

Жанъ. Удивительная вещь!.. Пристала, чтобъ я ѣхалъ—«поѣзжайте, да поѣзжайте»... (*Вынимая портъ-сигаръ.*) Курить возлѣ васъ дозволяется?

Алексинская. Конечно; что за церемоніи... Спички у васъ есть?

Жанъ (*вынимая папиросу*). Есть, не безпокойтесь. (*Закуривъ и оглянувшись вокруг.*) Какъ у васъ, однако, здѣсь хорошо!... Очень недурно убрано—со вкусомъ! Кто же это занимается?

Алексинская. Не знаю. Когда я пріѣхала сюда все было уже готово.

Жанъ. Да? Милая внимательность мужа. Ну, а что онъ? Г. Неряцкій, часто бываетъ у васъ?.. Что онъ, какъ вы его находите?... Доставляетъ онъ вамъ удовольствіе своимъ обществомъ tête-a-tête?

Алексинская (*съ недоумѣніемъ*). Вы его видѣли.

Жанъ. Видѣлъ; красивый мужчина!... Ну, а какъ онъ, скажите пожалуйста, очень въ васъ влюбленъ? Ухаживаетъ за вами? Нѣжничаетъ? Мы вѣдь такъ, m-me Alexinski, дружны, что вы можете мнѣ смѣло признаться во всемъ... (*Алексинская, не выдержавъ, начинаетъ рыдать, зажимая лицо платкомъ.*) Что это? Э, вздоръ какой!... Съ вами говорить нельзя!... (*Алексинская встаетъ поспѣшно съ мѣста и, продолжая сильнѣе рыдать, переходитъ нальво къ скамейкѣ, обернувшись къ Жану спиной.*) Catherine!... Catherine!... Послушайте, воротитесь... Что за комедія! (*Вставая и подходя къ ней.*) Кто-нибудь пройдетъ по саду—увидитъ...

Алексинская (*зарыдавъ еще сильнѣе*). Боже мой, какая я несчастная!

Жанъ. Перестаньте, пожалуйста!... Что вы дѣлаете!... (*Садясь на скамью.*) Садитесь сюда... (*Указывая ей мѣсто возлѣ себя.*) Да садьте же, говорятъ вамъ! Что за невыносимая женщина!... (*Алексинская садится, продолжая плакать.*) Ну вотъ; давно бы такъ... Ну, что это за слезы!... Ну къ чему? Будто забыла, что я утѣшать не мастеръ и не охотникъ. Еще? Что за проливной дождь!... Будетъ, будетъ... пора проясниться!... Вѣдь если вы намѣрены такъ продолжать принимать меня, то я, пожалуй, и самъ примусь плакать!...

Алексинская (*сквозь слезы*). Ты меня не любишь!

Жанъ. Чѣмъ же это доказывается?

Алексинская (*рыдая*). Пять дней уже... пять дней!

Жанъ. И даже шесть. Что же изъ этого? Нельзя же было какъ только пріѣхалъ, такъ и скакать сюда, чтобы всѣ заговорили! Удивительное дѣло, право, ее берегутъ, о ней заботятся, а она съ упреками...

Алексинская (*со слезами, качая головой*). Что за разговоры, что за вопросы!

Жанъ. Ахъ, Боже мой, и шутить нельзя! Вотъ характеръ! Что же я такого, наконецъ, сказалъ? Чѣмъ провинился? Пріѣзжаю — она сидитъ богомолкой, въ неприступностяхъ; животное это, управитель, тутъ... я на него не обращаю вниманія, я къ нему спиной верчусь, а она съ нимъ въ разговоры: «куда вы идете, зачѣмъ вы уходите?».

Алексинская *(нервно вскрикивая).* Онъ полчаса, часъ, цѣлый вѣкъ, какъ ушелъ, а развѣ я услышала хоть одно слово?!

Жанъ. Такъ же какъ и я! Я думалъ быть запросто, какъ у себя дома... Право смѣшно требовать отъ близкаго человѣка любезностей или учтивостей!... Точно я у васъ чужой, точно мы не любимъ другъ друга, только что вчера познакомились случайно. *(Алексинская, посматривая на него искоса, начинаетъ улыбаться.)* Ну вотъ, видишь, ты и сама теперь надъ собой смѣешься.

Алексинская *(тихо, съ дѣтской наивностью).* Жанъ!

Жанъ. Что такое?

Алексинская. Ты влюбился... ухаживаешь! *(Грозя пальцемъ.)* Смотри!

Жанъ. Что за вздоръ! За кѣмъ? Откуда эти новости!

Алексинская *(быстро обнимая его и цѣлуя нѣсколько разъ).* Милый мой, какъ я тебя люблю!

Жанъ *(вскакивая и освобождаясь отъ ея объятій).* Madame, vous êtes folle!... Опомнитесь! *(Оглядывается вокругъ.)*

Алексинская. Ну вотъ и опять!

Жанъ. Что вы дѣлаете! Развѣ можно — чуть не на глазахъ у всѣхъ?! Вамъ непремѣнно хочется скомпрометировать себя!..

Алексинская. Ну, ну, довольно, не буду больше!... Не сердись, прости меня!

(Слышенъ звонъ бубенчиковъ.)

Жанъ. Вотъ слышите, наши должно быть. Ахъ какъ бы прекрасно было, если бы вдругъ...

Алексинская *(рѣзко зажимая ему ротъ ладонью).* Молчи, молчи.

Жанъ *(гнѣвно отталкивая ее).* Перестаньте!... Взгляните лучше на себя—на кого вы похожи! Глаза распухли отъ слезъ, волосы вспутаны. Идите скорѣй въ комнату, приведите себя въ порядокъ.

Алексинская. Сейчасъ, сейчасъ, мой милый, сію минуту... Только помирись со мною... улыбнись, скажи мнѣ ласковое слово... хоть одно *(Замѣтивъ нетерпѣливый гнѣвный жестъ Жана.)* Ну, ну, не надо, не надо. . Иду, иду *(Замахавъ руками, какъ бы останавливая его гнѣвъ, бѣжитъ къ дому.)*

Голосъ Столб.-Десят. *(изъ дома.)* Никого нѣтъ!

Алексинская *(остановившись на мгновеніе).* Ахъ!... *(Бросается опрометью обратно и, подбѣгая къ Жану, хватаетъ его со страхомъ за плечи, обнявъ львою рукой.)*

Жанъ *(въ тотъ же моментъ хватая ее правою рукою за талію).* Сумасшедшая! *(Быстро увлекаетъ ее направо въ кущу деревьевъ).*

Голосъ Столб.-Десят. Въ саду? Ну такъ и мы въ садъ.

Голосъ Пехлецова. Отправимся на розыски...

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Входятъ: **Столб.-Десят., Додо, Анжъ, Аделаида Григорьевна, Анна Ѳедоровна, Полина, Вася, Пехлецовъ и Лакей.**

Пехлецовъ *(входя).* Изберемъ среди себя главновожатаго и, проникнувши въ невѣдомыя дебри...

Адел. Григ. Да и въ саду никого нѣтъ! *(Осматривается.)*

Анна Ѳедор. Ни души!

Столб.-Десят. Гдѣ же она? *(Осматривается тоже.)*

Лакей. Должно быть въ паркѣ гуляютъ. *(Сходитъ съ террасы и уходитъ налѣво.)*

Пехлецовъ. Гдѣ-нибудь подъ тѣнію древесъ...

Додо. *(бѣгая по цвѣтнику вмѣстѣ съ Анжъ и Полиной и разсматривая цвѣты).* Ахъ какъ тутъ мило!

Анжъ. Прелесть!

Полина. Настоящая оранжерея!... Я такъ люблю цвѣточки...

Додо. Просто чудо!

Анжъ. Очарованіе!

Пехлецовъ. Точно въ царствѣ цвѣтовъ, гдѣ-нибудь въ волшебномъ замкѣ...

Столб.-Десят. *(осматривая въ лорнетъ садъ, съ кислой гримасой).* Слишкомъ пестро! Ces fleurs eclairent comme une illumination....

Анна Ѳедор. Вѣрно, вѣрно!

Пехлецовъ. Да, дѣйствительно, смѣсь колеровъ...

Столб.-Десят. Un kiaking!

Адел. Григ. Ха, ха, ха!... Вы такъ всегда мѣтко, ваше пр — ство, un kiaking! Замѣчательно!

Пехлецовъ. «Kiaking» — C'est admirable!... Неправда ли — m-lle Pauline?

Анна Ѳедор. *(толкая дочь, занявшуюся цвѣтами).* Полина, съ тобой говорятъ.

Полина. Кто?

Анна Ѳедор. Дмитрій Владиміровичъ.

Пехлецовъ *(подбѣжавъ къ ней).* Я восхищаюсь умѣніемъ Катерины Петровны... *(Продолжаютъ тихо разговоръ.)*

Столб.-Десят. *(въ это время).* Однако, что же мы здѣсь стоимъ! Пойдемте куда-нибудь или сядемъ. Мнѣ кажется, я устала.

Вася *(въ красной шелковой рубашкѣ и бархатныхъ штанахъ, заткнутыхъ въ мичные сапоги, бросаясь къ кресму и подвигая*

его). Voila, grand'maman, вотъ кресло, вамъ тутъ будетъ удобно.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Алексинская *(быстро входя съ балкона, свѣжо напудренная).* Pardon, maman *(подбѣгая къ ней и цѣлуя ее.)* Я была у пруда и вдругъ мнѣ говорятъ, что вы пріѣхали... я бѣгу...

Столб.-Десят. *(цѣлуя ее).* Bonjour, ma petite... Что это у тебя глаза точно заплаканы?

Алексинская. Я плохо ночь спала... у меня мигрень. *(Обращаясь къ Мороновымъ.)* Bonjour, mes chères amies! *(Цѣлуясь съ ними.)* Ахъ какъ я рада! Bonjour, m-r Пехлецовъ. *(Протягиваетъ ему руку.)* Вы всегда вѣрный спутникъ maman. *(Протягивая руку Аделаидѣ Гр—нъ.)* Здравствуйте, Аделаида Григорьевна, merci что пріѣхали. *(Протянувая руку Аннѣ Ѳедоровнѣ.)* И вы Анна Ѳедоровна? Вы кажется въ первый разъ у меня въ деревнѣ? *(Протягивая руку Полинѣ.)* Bonjour, chère m-lle Pauline, наконецъ-то вы рѣшились... Недобрая, никогда не заглянетъ! *(Цѣлуя Васю.)* Здравствуй, Вася, какъ ты хорошъ въ этомъ нарядѣ.

Вася. Неправда ли мило? Нашъ національный русскій костюмъ.

Алексинская. Да, да, *(Столб.-Десятовой, которая успѣла уже сѣсть.)* Maman, вы кажется утомились; не желаете ли въ комнаты?

Столб.-Десят. Пожалуй. *(Встаетъ; Адел. Григорьевна и Вася помогаютъ ей встать.)* Пойдемте, здѣсь слишкомъ цвѣты пахнутъ; можетъ разболѣться голова! *(Направляясь къ балкону.)* Вотъ и у тебя не оттого ли мигрень? Я бы всѣхъ ихъ велѣла убрать. *(Уходитъ.)*

(Всѣ, исключая Полины и Пехлецова, слѣдуютъ за ней.)

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Полина *(тихо, задушевнымъ голосомъ, смотря на цвѣтокъ, который она держитъ въ рукахъ, общипывая лепестки).* Нѣтъ, Дмитрій Владиміровичъ, я бѣдная, очень бѣдная дѣвушка, у меня ничего нѣтъ,—такъ какъ же я могу разсчитывать на чье-либо расположеніе?

Пехлецовъ. Но почему же?

Полина *(съ той же кокетливой поддѣльной скромностью).* Я не изъ вашей среды.

Пехлецовъ. Это ничего не значитъ! Владѣтельный герцогъ, встрѣтивши пастушку, плѣнялся ею... Ваше образованіе...

Полина. Ха, ха, ха!... Видите вотъ эту розу?

Пехлецовъ *(въ недоумѣніи).* Вижу.

Полина. Нравится вамъ этотъ вполнѣ культивированный цвѣтокъ?

Пехлецовъ. И даже очень.

Полина. Прекрасно. Полюбуйтесь имъ, а затѣмъ сорвите.

Пехлецовъ. Зачѣмъ?

Полина. Я васъ прошу.

Пехлецовъ. Извольте. *(Идетъ къ розѣ и наклоняется, чтобы сорвать).* Ай!

Полина. Что такое?

Пехлецовъ. Колется!

Полина. Ничего не значитъ... Тѣмъ лучше: больше удовольствія. Il n'y a pas des roses sans épines!

Пехлецовъ *(срывая).* Сорвалъ!

Полина. Браво! *(Подходя къ нему.)* Не правда ли что за прелесть?! Что за лепестки?! Какая свѣжесть, запахъ какой дивный?... Понюхайте. *(Пехлецовъ нюхаетъ.)* Ну, а теперь бросьте! Вотъ вы всѣ таковы: полюбоваться, сорвать, понюхать и швырнуть!

Пехлецовъ. Ха, ха, ха, ха!... Но это аллегорія!

Полина. Все равно. Аркадскія времена прошли!... Владѣтельные герцоги въ наши дни не влюбляются уже въ пастушекъ, предпочитая отдавать свое сердце дочерямъ банкировъ, и бѣдной дѣвушкѣ, какъ я, надо забыть, что у нея есть что-то въ груди, есть способность увлеченія, человѣческіе инстинкты... *(Уходятъ направо.)*

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

(На балконѣ второго этажа показывается **Алексинская и Вася.** *Алексинская ищетъ глазами кого-то въ саду.)*

Вася. Ахъ, Катерина Александровна, если бы вы знали, какъ у насъ не дорожатъ фамильными древностями!... Вѣдь Столбинъ-Десятовы происходятъ прямо отъ Рюрика и вдругъ, представьте себѣ, ихъ вещи,—эти безцѣнные сохранившіеся памятники величія нашихъ предковъ, валяются какъ никому ненужная дрянь! Я нашелъ, напримѣръ, и конечно повѣсилъ надъ постелью, шкуру волка, котораго собственноручно убилъ мой прапрадѣдъ думный бояринъ Данило Столбинъ-Десятовъ, она лежала въ кладовой; затѣмъ стопу временъ прапрабабушки Степаниды Юрьевны, вышедшей замужъ за князя Аристарха Волжинскаго... Vous savez ce que c'est «стопа»? — Кубокъ, изъ котораго бояре пили медъ, et, figurez vous, c'etait dans l'office во владѣніи лакеевъ и кучеровъ... *(Замѣтивъ, что Алексинская всматривается въ даль.)* Но вы не слушаете меня, Катерина Александровна, pardon, я кажется отвлекаю ваше вниманіе?

Алексинская *(спохватившись).* Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ. Это такъ все интересно, но пойдемъ внизъ къ maman. *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Полина *(выходя съ Пехлецовымъ съ правой стороны).* Да, дѣйствительно, предназначеніе женщины составить чье-нибудь счастье, украсить жизнь... Но все же я рада, что могу

уѣхать... И хотя обязанности гувернантки тяжелы—я съ восторгомъ принимаю должность, сознавая, что буду на своемъ мѣстѣ, буду самостоятельная...

Пехлецовъ. Вы право совсѣмъ дитя!

Полина. Можетъ быть! Мнѣ это всѣ говорятъ; но что же мнѣ дѣлать? Мнѣ такъ бы хотѣлось заняться чѣмъ-нибудь, заботиться о комъ-нибудь, жить мирно, тихо. (*Задушевно.*) Я не принадлежу къ вашему обществу, не требую отъ него никакихъ правъ и охотно бы не знала его, предпочитая жить въ вѣчномъ трудѣ, въ уединеніи,— только бы у жизни была цѣль...

Пехлецовъ. Вы пессимистъ, смотрите на насъ сквозь призму предубѣжденія и видите все въ черномъ цвѣтѣ...

Полина. Нѣтъ, нѣтъ, Дмитрій Владиміровичъ, нѣтъ, я не ошибаюсь; только вы напрасно сопричисляете себя, говоря: «насъ». (*Продолжаютъ разговоръ тихо.*)

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Алексинская (*входя на террасу въ сопровожденіи всей компаніи*). Здѣсь будетъ безподобно... сюда и чай подадутъ... Вы согласны, maman?

Столб.-Десят. Отчего же. Кто будетъ играть?

(*Лакеи ставятъ карточный столъ*).

Алексинская. Вы, maman, Аделаида Григорьевна, Анна Ѳедоровна и Мг. Пехлецовъ.

Столб.-Десят. (*садясь у стола*). А ты?

Алексинская. Я бы съ удовольствіемъ, но мнѣ нельзя; я такъ давно не видѣлась съ Додо и Анжъ.

(**Додо и Анжъ** *сходятъ съ террасы и уходятъ направо въ глубину сада.*)

Полина (*слегка указывая головой на террасу*). А эти прекрасныя дамы, эти представительницы beau monde'а? Меня положительно пугаетъ ихъ насмѣшливость, ихъ холодное, разсчитанное кокетство... Онѣ ничѣмъ не дорожатъ—безжалостны, безпощадны!.. Дружбы у нихъ нѣтъ, искренности тоже—отойдите только, онѣ ужь смѣются... а о благодарности... (*махнувъ рукой.*) о благодарности и говорить нечего!

Пехлецовъ. Благодарности? Ну, это еще вопросъ!.. Что такое благодарность?

Полина. Да вотъ я васъ для примѣра возьму. Вотъ вы такой добрый, умный, хорошій,— а цѣнятъ они васъ? Постарались понять, какъ я это сдѣлала? Благодарны вамъ за ваше къ нимъ расположеніе, вниманіе, за безпримѣрную любезность и доброту вашу? Нѣтъ!

Пехлецовъ (*сконфуженный и даже растерявшійся отъ удовольствія*). Ну, вы уже совсѣмъ не то... вы ужь слишкомъ захвалили меня...

Полина (*не давая ему опомниться*). Нисколько!.. И знаете, что меня и смѣшитъ еще и приводитъ въ негодованіе: это ловля ими жениховъ!..

Пехлецовъ (*въ полномъ удовольствіи*). Ха... ха... ха... я этого не замѣтилъ!..

Полина. Ахъ, какъ они это ловко дѣлаютъ!.. (*Смѣется тоже.*)

Пехлецовъ (*продолжая хохотать*). Ахъ вы насмѣшница!..

(*Продолжаютъ тихо разговоръ.*)

Столб.-Десят. (*разговаривавшая все время съ Анной Ѳедоровной*). Ну, что-же, мы будемъ играть?

Алексинская (*разговаривавшая тоже съ Адел. Григорьевной и Васей*). Сію секунду, maman! Messieurs et mesdames, садитесь пожалуйста!.. Mr. Пехлецовъ!

Пехлецовъ (*спохватившись*). Здѣсь!.. Къ вашимъ услугамъ!.. (*Топчется, собираясь идти.*)

Полина (*поспѣшно*). Я смѣюсь только потому, что мнѣ такъ весело, такъ хорошо съ вами!..

Пехлецовъ. Право я не смѣю вѣрить...

Полина (*кокетливо*). Не вѣрьте!.. Впрочемъ, можетъ-быть моя откровенность не кстати... можетъ-быть то, что говорятъ, правда и m-lle Додо...

Пехлецовъ (*испуганно*). О, вѣтъ, я васъ увѣряю вѣтъ!.. Между m-lle Мороновой и мною одни только отношенія глубокаго уваженія...

Полина (*быстро отвернувшись, скрывая улыбку и разрывая, какъ-бы нечаянно, бусы*). Ахъ, какая неосторожность!.. (*Пехлецовъ бросается собирать ихъ.*) Не безпокойтесь, пожалуйста, не нужно!...

Пехлецовъ. Почему?

Полина. C'est fini!.. Я не хочу собирать ихъ...

Адел. Григ. (*съ террасы*). Дмитрій Владиміровичъ, будетъ вамъ любезничать; пожалуйте, мы васъ ждемъ!..

Пехлецовъ (*не зная, что ему дѣлать*). Бѣгу, лечу!..

Полина (*насмѣшливо*). Идите, идите, имъ нуженъ партнеръ!

Пехлецовъ. Но ваши бусы...

Полина. Богъ съ ними! Дайте мнѣ вотъ лучше розу... (*Выхватываетъ ее изъ его рукъ.*) Прелестный цвѣтокъ!.. Я его сохраню на память о сегодняшнемъ днѣ!.. Идите! (*Со смѣхомъ, граціозно поворачиваетъ его, чуть-чуть толкая въ спину, убѣгаетъ направо, напѣвая арію Орсино изъ Лукреціи: „Собирайтесь, друзья, вы со мною“.*)

(**Пехлецовъ**, *потоптавшись и оглянувшись раза два, идетъ къ террасѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Адел. Григ. Что съ вами?.. Ужь не въ любви-ли вы объяснились?

Пехлецовъ. Я? Помилуйте, что вы!..

Адел. Григ. Вы со мной играете, ея превосходительство съ Анной Ѳедоровной.

(*Садятся.* **Вася** *садится тоже — возлѣ бабушки,* **Алексинская** *становится возлѣ ея кресла. Изъ сада направо входятъ* **Додо и Анжъ.**)

Додо (*входя и взглянувъ на террасу*). И здѣсь его нѣтъ!

Анжъ. Но гдѣ-же онъ? Въ передней я хорошо замѣтила его пальто.

Додо. «Красавица» здѣсь—значитъ не съ ней.

Анжъ. Съ Полиной можетъ-быть—ее нѣтъ.

Додо. Пожалуй. (*Взявъ подъ руку сестру.*) Пойдемъ поищемъ еще... Я не хочу съ этой дурой разговаривать .. если-бы не генеральша ни за что-бы не поѣхала сюда.

(*Уходятъ направо.*)

Столб.-Десят. (*Алексинской, собирая карты и отодвигая ихъ отъ себя*). У тебя прекрасный управляющій, очень старательный. Онъ былъ у меня на дняхъ, по одному моему дѣлу и такъ хорошо все понялъ...

Анна Ѳедоровна (*замѣтивъ, что въ это время Пехлецовъ, сдавая карты, показалъ свои Аделаидѣ Григорьевнѣ*). Ну, это ужь изъ рукъ вонъ!

Столб.-Десят. Что тамъ такое?

Анна Ѳедоровна. Помилуйте, они показываютъ другъ другу карты. Вѣдь мы не въ щепки играемъ! Это безсовѣстно!

Адел. Григ. Какъ вы смѣете такъ говорить!

Анна Ѳедор. Что-же съ вами церемониться, когда вы плутуете! Такъ вѣдь все до нитки проиграть можно... У меня деньги не краденныя!..

Вася. Adieu les économies, Анна Ѳедоровна!...

Анна Ѳедор. А вы не вмѣшивайтесь!.. Пятому за столомъ не мѣсто...

Столб.-Десят. Вася!.. Сколько я разъ тебѣ говорила!.. Да и въ самомъ дѣлѣ, чего ты тутъ торчишь?

Вася. Я, grand' maman...

Столб.-Десят. Ты мнѣ, дорогой мой, надоѣлъ!.. Уйди, Христа ради!..

Вася. Хорошо, grand' maman, я уйду, но вы...

Алексинская (*обнявъ его за плечи*). Пойдемъ, Вася. (*Сводя съ террасы.*) Ты хотѣлъ мнѣ что-то интересное разсказать.

Пехлецовъ (*въ это время*). Успокойтесь, успокойтесь, я пошутилъ и пересдамъ. (*Сдаетъ.*)

Вася (*послѣ маленькой паузы, сойдя съ террасы*). Я право не понимаю, Катерина Александровна, почему grand'maman такъ несправедлива ко мнѣ?

Алексинская. Что ты, милый мой! Ты ошибаешься...

Вася. Вы думаете? Она меня просто ненавидитъ! Ну, за что, напримѣръ, она меня сейчасъ прогнала?

Алексинская. Потому что ты шалишь, надоѣдаешь ей...

Вася. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Она видѣть меня не можетъ... Она всю любовь обратила на Жана!.. Жану все можно, а между тѣмъ какая разница—я и Иванъ Петровичъ?! Я откровенный, добрый мальчикъ, преданный ей тѣломъ и душею, а онъ—безсердечный хитрецъ! Вы думаете, что онъ любитъ grand'maman? Что изъ любви пріѣхалъ къ ней? Совсѣмъ нѣтъ! Я собственными ушами слышалъ, какъ онъ говорилъ Адели въ Москвѣ,—спросите ее, что ѣхать ему сюда—«каторга», и что если онъ пріѣдетъ, то только затѣмъ, чтобы grand'maman отдала ему при жизни Бубново! И она ему отдастъ, непремѣнно отдастъ!.. Между тѣмъ какъ Бубново—это имѣніе, которое изъ рода въ родъ всегда отдавалось дочерямъ до самаго прадѣдушки Эспера Столбинъ-Десятова, завладѣвшаго имъ у сестры, за что онъ былъ убитъ громомъ! Что-же grand'maman—чего хочетъ? Чтобы и Жана постигла та же участь, чтобы и его громомъ убило? Вѣдь семейными преданьями не шутятъ, Катерина Александровна!.. Grand'maman должна отдать Бубново моей матери, а мы тогда прибавимъ къ нашей фамиліи «Бубновы»... Василій Васильевичъ Теженецкій-Бубновъ! де Бубново... понимаете? Какъ иностранные аристократы владѣльцы...

Алексинская. Ты не замѣтилъ, куда ушли Додо и Анжъ?

Вася. Нѣтъ... Въ садъ должно быть. Но я утомилъ васъ, Катерина Александровна?.. Простите въ такомъ случаѣ мою откровенность...

Алексинская (*слушавшая все время крайне разсѣянно, какъ-бы высматривая кого-то въ саду*). Ахъ, что ты, что ты... Полно, милый мой!.. Мы будемъ продолжать нашъ разговоръ, только пойдемъ отсюда... Я бы хотѣла видѣть Мороновыхъ... (*Уходятъ.*)

(*Темнѣетъ. Заря гаснетъ совершенно. Лакеи на террасѣ подаютъ чай.*)

Пехлецовъ (*взявъ стаканъ чаю*). Вы неосторожны, Анна Ѳедоровна, потому и проигрываете... Это надо оставить юности! Спокойствія, побольше спокойствія!

Адел. Григ. Вамъ воды не подать-ли?

Анна Ѳедор. (*отодвигая отъ себя карты*). Ахъ ты, Господи, такъ играть нельзя! (*Хватаетъ мѣлъ и записываетъ проигрышъ.*)

Столб.-Десят. (*прихлебывая чай*). Никто не принуждаетъ васъ.

Анна Ѳедор. (*бросая мѣлъ въ сторону Адел. Григ—ны, съ такой силой, что онъ ломается, обсыпая осколками ея платье.*) Вѣдь это нарочно, сговорившись такъ играютъ!

Адел. Григ. (*вскочивъ, отряхивается*). А вы рукамъ воли не давайте!

Пехлецовъ. Да, да, будемъ воевать позволеннымъ оружіемъ—словомъ!

Анна Ѳедор. Не всякаго словомъ проймешь. (*Аделаидѣ Григорьевнѣ.*) Чисто, чисто... будетъ вамъ отряхиваться!

Адел. Григ. (*поднося ей свое платье чуть не подъ носъ*). Не угодно-ли посмотрѣть!

Анна Ѳедор. Давно-ли вы стали мѣлу бояться?

Адел. Григ. Что-съ? Что такое?

Анна Ѳедор. Ничего-съ.

Адел. Григ. Вамъ ничего!.. Васъ хоть съ головы засыпь—черное бѣлымъ не сдѣлаешь!

Анна Ѳедор. Ваше пр—во!.. Катерина Петровна!.. Какъ эго вы позволяете въ вашемъ присутствіи...

Столб.-Десят. Довольно! Надоѣли, будетъ!.. Это скучно наконецъ! Играемъ мы или нѣтъ, Адель?

Адел. Григ. Сію минуту, ваше пр—во. (*Сдаетъ карты.*) Какая щепетильность, скажите пожалуйста .. еще обижаться изволятъ!..

Анна Ѳедор. Пики!

Пехлецовъ. Пасъ!

(*Продолжаютъ игру.*)

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

(*Изъ сада направо входятъ:* **Жанъ, Додо, Анжъ и Полина.**)

Жанъ. У Хмѣлевскихъ будетъ спектакль на дачѣ лѣтомъ—вотъ вамъ и занятіе.

Додо (*высокомѣрно*). Мнѣ? Ха...ха...ха... Чтобы я играла? Да за кого вы меня принимаете?

Жанъ. Вотъ такъ сюрпризъ! А васъ хотѣли просить участвовать. Я даже навелъ m-me Хмѣлевскую на эту мысль.

Додо. Это она распоряжается?

Жанъ. Она.

Додо. Поздравляю! Во-первыхъ она ничего не устроитъ.

Анжъ. Ровно ничего!

Додо. А во-вторыхъ—я откажусь!

Полина. Ахъ, для чего-же, chère amie? Вы должны быть такъ хороши на сценѣ!..

Додо. Я никогда не играю комедій. Живыя картины, праздники въ честь кого-нибудь, съ благотворительною цѣлью,—это другое дѣло,—но водевильчики, французскіе фарсы...

Полина. А я наоборотъ... я была-бы такъ счастлива...

Жанъ. Вы бы хотѣли играть?

Полина. Ужасно!

Жанъ. А играли уже когда-нибудь?

Полина (*кокетливо бросивъ лукавый взглядъ на Жана*). Комедіи? Очень часто.

Додо (*съ изумленіемъ*). Гдѣ-же и когда, ma chère? Я вѣдь знаю...

Полина (*улыбаясь*). Всюду, вездѣ и во всякое время!

Жанъ (*разсмѣявшись*). А, вотъ оно что!.. Понимаю... Съ кѣмъ-же это?

Полина. Съ кѣмъ случится.

Жанъ. И удачно?

Полина. Какъ случится.

Додо (*въ ужасѣ*). Ah, mon amie, что вы говорите!

Анжъ (*держа ее за платье*). Finissez!

Жанъ. Такъ у васъ, значитъ, талантъ?

Полина. Большой!

Жанъ (*съ разстановкой*). И давно?

Полина. Нѣтъ, очень недавно! (*Разражается нервнымъ смѣхомъ.*)

Додо. Mais, m-lle Pauline, конечно вы шутите, но во всякомъ случаѣ...

Анжъ. Il faut être raisonable! Вы вѣдь клевещете на себя!..

Полина. Нисколько!

Жанъ. И говорите серьезно, такъ легко признаваясь?..

Полина (*перебивая поспѣшно, бросая въ то же время на него кокетливо-проницательный взглядъ*). Въ своихъ недостаткахъ, т.-е. «порокахъ»? Я этому отъ васъ выучилась!.. Примѣры заразительны... Да и кого нынче, дѣйствительно, обмануть можно? (*Додо и Анжъ въ ужасѣ пожимаютъ плечами.*) Никто—ничему и никому не вѣритъ!.. Я и говорю, заранѣе предупреждая: «не вѣрьте мнѣ»!.. Это оригинальнѣе.

(*Додо и Анжъ окончательно поражены.*)

Жанъ. Славно! (*посмотрѣвъ на нее пристально.*) Знаете-ли, я получилъ передъ вашимъ выѣздомъ изъ Москвы (*Съ удареніемъ, не сводя съ нея глазъ.*) письмецо.

Полина (*съ дѣтской наивностью*). Отъ бабушки?

Жанъ. Да.

Полина. Что-жь она вамъ пишетъ?

Жанъ (*протяжно*). Что пишетъ?

Додо (*съ возмущеніемъ*). Вотъ наивный вопросъ!.. Конечно, Иванъ Петровичъ выдумаетъ что-нибудь.

Жанъ. Зачѣмъ-же! (*Полинѣ.*) Наставленія!

Полина (*тѣмъ-же тономъ*). Ахъ, выговариваетъ вамъ за ваши шалости!?

Жанъ. Ну, не совсѣмъ!

Полина. Такъ за добродѣтели!?

Додо. Но, Боже мой, вы даже не послѣдовательны!..

Полина (*поспѣшно, съ радостью, не обращая на нее вниманія*). Я отгадала?

Жанъ. Отгадали!

Полина. Что-же вы ей скажете теперь на это?

Жанъ. Что-же я могу сказать?.. Не знаю... Какъ по вашему?

Полина. Что вы не виноваты, если добродѣтель сама васъ преслѣдуетъ, когда вы отъ нее бѣжите! (*Увидавъ выходящую изъ сада Алексинскую, бросается къ ней навстрѣчу.*) А, Катерина Александровна, вы не играете?.. А

мы думали... Какое счастіе для нашей маленькой компаніи!.. Не угодно-ли къ намъ? Иванъ Петровичъ моритъ насъ со смѣху...

Алексинская. Чѣмъ? (*Подходитъ вмѣстѣ съ Полиной.*)

Полина. Такъ бездѣлицами. Есть люди, которые имѣютъ даръ для этого; нужно только хорошее расположеніе духа.

Алексинская. А онъ веселъ?

Полина. Да, по крайней мѣрѣ былъ сейчасъ.

Алексинская (*Додо*). О чемъ же шло дѣло?

Додо. Не знаю. Мы не вмѣшивались въ ихъ разговоръ.

Жанъ. Я говорилъ, что получилъ недавно письмо.

Полина (*поясняя*). Отъ бабушки.

Жанъ. Да. (*Доставая изъ кармана бумажникъ и изъ него письмецо.*) Вотъ оно. При мнѣ постоянно вся моя канцелярія. Не угодно-ли послушать? (*Читаетъ.*) «Вы такъ охотно признаетесь въ вашихъ порокахъ»...

Полина. Видите, я говорила.

Жанъ. Вѣрно. (*Читаетъ.*) «...что другимъ невольно приходитъ охота отыскивать ихъ въ свободныя минуты»...

Полина. Т.-е. «между прочимъ?»

Жанъ (*утвердительно кивая головой*). Совершенно справедливо,—(*Читая.*) «...когда думать больше не о чемъ. Знайте, что ихъ найдено уже довольно и особу, которая занята ими—затрудняетъ только одно постоянство»...

Алексинская. Ah, mon Dieu!

Жанъ (*читаетъ*). «Постоянны вы или нѣтъ? Если постоянны—то какая жалость!.. Тогда, несмотря на все остальное, вы становитесь стары и—увы, скучны какъ неподвижность!..»

Алексинская. Не можетъ быть, чтобы это писала maman!

Жанъ (*съ улыбкой*). Вы думаете?

Додо. Конечно. Станетъ Катерина Петровна заниматься такимъ вздоромъ!

Анжъ. Смѣшно даже подумать!.. Какая-то мистификація!.. Покажите чья подпись? (*Протягиваетъ руку.*)

Додо (*тоже*). Да, да, самое лучшее.

Алексинская (*тоже*). Позвольте, я знаю почеркъ maman.

Жанъ (*поднявъ руку съ письмомъ*). Ахъ нѣтъ, извините... зачѣмъ-же? Не хотите вѣрить—не надо!

Додо. Значитъ, неправда!

Жанъ. Можетъ быть. (*Пряча письмо въ карманъ.*) Притомъ теперь такъ темно, что вы ничего даже не увидите...

Полина (*быстро отводя Додо*). Сочиняетъ! Ничего тамъ нѣтъ того, что онъ намъ прочелъ!

Додо (*съ торжествующимъ видомъ*). Разумѣется! (*Объясняетъ подошедшей Алексинской. Та видимо соглашается и обѣ смѣются, довольныя что не дались въ обманъ.*)

Полина *обнявъ за талію Анжъ и подбѣжавъ къ Жану*). И мы вамъ, потому, несмотря на вашу откровенность,—ничего не вѣримъ!.. Ничего!

Жанъ. Merci.

Полина. И взявъ во вниманіе вашу настойчивость и умѣніе узнавать: кто, что думаетъ...

Жанъ. Я уже и узналъ.

Полина. Да? Наши мысли? Ха... ха... ха... Въ такомъ случаѣ... (*Замѣтивъ, что на террасѣ поднялись съ мѣстъ.*) Господа, игра кончена!.. Пойдемте на террасу.

(*Въ саду темнѣетъ... Лакеи выносятъ на балконъ свѣчи. Въ окнахъ дома показываются они.*)

Столб.-Десят. Пойдемъ въ комнаты... здѣсь ужъ начинаетъ быть сыро!

Полина. Пойдемте въ гостинную... Mesdemoiselles сдѣлаютъ намъ одолженіе сыграть à quatre mains; (*Увидавъ сходящую съ террасы Аделаиду Григорьевну.*) Аделаида Григорьевна споетъ что-нибудь... и мы, такимъ образомъ, устроимъ премиленькій soirée musicale... Не правда-ли?

Алексинская. Да, да, дѣйствительно... (*Мороновымъ и Адел. Гр—нь.*) Пожалуйста.

Додо. Отчего-же...

Анжъ. Съ удовольствіемъ!

(**Адел. Григорьевна** *величественнымъ наклоненіемъ головы выражаетъ тоже согласіе.*)

Полина. А я покуда сбѣгаю на берегъ пруда, въ бесѣдку... я тамъ забыла свой зонтикъ... (*Бѣжитъ направо.*) Ахъ!.. (*Жанъ бросается къ ней.*) Не безпокойтесь, пожалуйста!.. я чуть не раздавила лягушку. Бѣдненькая! (*Подталкивая ее носкомъ ботинка.*) Прыгай, прыгай!.. (*Жану—указывая на Алексинскую.*) Предложите руку madame! (*Убѣгаетъ направо*).

(*Всѣ поднимаются на террасу, а затѣмъ постепенно уходятъ въ домъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

(*Изъ глубины сада направо выходятъ* **Неряцкій** *и* **Вася**, *направляясь къ террасѣ*).

Неряцкій (*насмѣшливо*). Да-съ, Василій Васильевичъ, да-съ, это точно; вамъ предстоятъ большія хлопоты!

Вася (*заступая ему дорогу*). Нѣтъ, вы представьте себѣ, Михаилъ Никанорычъ... вы человѣкъ разсудительный и вы легко поймете меня: grand'maman забываетъ, что мой прапрадѣдушка, бояринъ,—стольникъ Варнава Столбинъ-Десятовъ получилъ Бубново въ даръ отъ государя—и мы должны хранить царскій подарокъ, дорожить имъ; а если она отдастъ его Ивану Петровичу, (*Жанъ въ это время проходитъ сцену, направляясь съ террасы—на-*

право—въ садъ)—вотъ ему, моему дорогому кузену,—то онъ и до Петербурга не доѣдетъ, какъ проиграетъ все въ карты!

Неряцкій. Такъ вотъ вы и сообщите свои предположенія бабушкѣ. *(Идетъ къ террасѣ.)* Она васъ навѣрное послушаетъ.

Вася. О нѣтъ, нѣтъ... вы ее не знаете; она страшно упряма и несправедлива! Она души въ Жанѣ не чаетъ!..

Неряцкій. Ахъ, дѣйствительно, ваше положеніе ужасное! (*Уходятъ въ домъ.*)

(Въ гостиной раздаются звуки исполняемаго на роялѣ въ 4 руки попури изъ оп. „Севильскій Цирульникъ"—выходъ Фигаро).

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

(*Изъ сада, съ правой стороны, быстро входитъ* **Полина**, **Жанъ** *слѣдуетъ за ней).*

Жанъ (*загораживая ей дорогу*). Постойте, еще одно слово: вы дѣйствительно уѣзжаете?

Полина. Куда?

Жанъ. Въ провинцію, что-ли... не знаю... Говорятъ, вамъ предлагаютъ мѣсто наставницы или гувернантки.

Полина. Мнѣ? Ха... ха... ха...

Жанъ. Ну да, вамъ. Чему вы смѣетесь?

Полина. Мнѣ? Гувернантки? Въ провинцію? Что-же я тамъ буду дѣлать?

Жанъ. Какъ что? Учить дѣтей.

Полина. Я ихъ выучу добру!

Жанъ. Вы премило откровенны.

Полина. Для чего-же лицемѣрить?

Жанъ. Положимъ!.. Но...

Полина. Что такое?

Жанъ. Это не отвѣтъ. (*Схвативъ ее за руку.*) Послушайте...

Полина (*быстро выдернувъ ее, строго*). Оставьте, пожалуйста!.. *(Пауза.)* Вы забываетесь!.. (*Пауза.*) Будьте любезны, позвольте мнѣ... (*Дѣлаетъ движеніе впередъ.*)

Жанъ *(не двигаясь съ мѣста).* Одну, одну только минуту... Послушайте—къ чему все это? Къ чему вы напускаете на себя притворную скромность жеманницы, строгость недотроги? Вы только что сказали: «для чего лицемѣрить?» Будьте-же послѣдовательны! Будьте той—какой вы есть; будьте собой — очаровательной рѣзвушкой, живымъ существомъ, увлекательной своимъ веселіемъ и искренностью женщиной!..

Полина (*испугавшись*). Оставьте вы меня! Что вамъ нужно?.. Вы ошибаетесь!

Жанъ. Нѣтъ,— извините!.. (*Вынувъ изъ кармана письмо.*) Это вы писали!

Полина. Да я, дѣйствительно... но что-же изъ этого?

Жанъ. Какъ что?

Полина. Что вы нашли такого въ немъ, что бы вамъ давало право на подобный поступокъ? Неужели вы не умѣете различать серьезнаго отъ шутки?

Жанъ. Шутки? Ха... ха... ха... Покорнѣйше благодарю! А все остальное—всѣ наши разговоры въ теченіе пяти дней—что это? Тоже шуточки? Хороши шутки — вскружить человѣку голову, довести его до потери самообладанія и потомъ вдругъ: «ахъ оставьте!», «что вы?», «вы ошибаетесь!» Почему-же это вамъ можно шутить, а мнѣ—нельзя серьезно увлечься?

Полина. Вы увлеклись? Вы? Мною? Перестаньте! За кого-же вы меня принимаете, воображая, что я вамъ это повѣрю? Вы спрашивали меня — уѣзжаю-ли я? Я вамъ шутя отвѣчала, а теперь отвѣчу серьезно: да, ѣду; поступаю въ гувернантки, не имѣя къ этому ни малѣйшаго призванія... ѣду потому, чтобы вырваться изъ вашей среды, освободиться отъ вашихъ благодѣяній, вашихъ милостей, не видѣть того, какъ вы утопаете въ довольствѣ и роскоши! Развѣ вы считаете насъ,—бѣдняковъ, за людей, за равныхъ себѣ? Мы вѣдь, по вашему,—вещь, предметъ, «un sujet»!.. Нами только пользоваться можно! Такъ какже вы хотите, послѣ этого, чтобы я васъ понимала?

Жанъ (*горячо*). Павла Егоровна!.. Даю вамъ честное слово, что въ жизни своей я еще никогда и никого такъ не любилъ!.. Вы просто околдовали меня!.. Вотъ уже третій день, какъ я хожу точно потерянный!.. Съ кѣмъ-бы я ни говорилъ, чтобы я ни дѣлалъ — только *вы* и *вы*—одна *вы* передо мною!..

Полина. Не вѣрю.

Жанъ. Божусь!..

Полина. (*указывая на балконъ на второмъ этажѣ*). Станьте вотъ передъ этимъ балкономъ, возьмите гитару и знаете какъ въ «Сивильскомъ цирульникѣ»... Розина!

Жанъ. Ахъ, что мнѣ до Розины!.. Одна, одна только Полина...

Полина. Полина?

Жанъ (*бросаясь къ ней и схватывая ее за обѣ руки*). Чортъ!.. дьяволъ!.. Хочешь быть Столбинъ-Десятовой. Клянусь тебѣ жизнью, всѣмъ, что есть для меня святаго, дорогаго... (*Полина тихо освобождаетъ руки и бросаетъ на него съ насмѣшливой улыбкой взглядъ.*)

Жанъ (*схватывая ее въ объятія*). Чародѣйка!... демонъ!... (*Она вся съеживается, прижимая къ лицу кулаки стиснутыхъ рукъ и закрывая глаза,—онъ покрываетъ ее лицо поцѣлуями. Въ гостиной продолжаютъ играть.*)

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ III-е.

Садъ. Направо—большой барскій домъ съ балкономъ по серединѣ и боковымъ фасадомъ обращеннымъ къ зрителю. Передняя часть балкона, находящаяся противъ дверей, ведущихъ въ комнаты, закрыта сплошной стѣной вьющагося винограда; по бокамъ — мѣстницы. Передъ балкономъ большой сервированный столъ и десять стульевъ вокругъ. Направо, возлѣ дома, садовая скамья. Налѣво, подъ деревомъ, среди кустовъ, большое, увѣшанное подушками, качающееся кресло; рядомъ столъ и нѣсколько садовыхъ стульевъ. Вокругъ зелень, кое гдѣ цвѣты. Вдали, противъ зрителей, видна рѣшетка, куда ведетъ широкая липовая аллея; за рѣшеткой открывается видъ деревни.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Полина, *лежа въ качающемся креслѣ, читаетъ книгу.*

Анна Ѳедор (*сходя съ балкона*). Ты что-же это, вмѣсто того чтобы пойти со всѣми въ церковь—лежишь какъ барыня?

Полина (*взглянувъ на нее*). А вы почему сами не въ церкви? (*Читаетъ.*)

Анна Ѳедор. Я-то? Мнѣ и помолиться не когда! Твои-же платья да юбки гладила.... Сама не сдѣлаю—никто не догадается. А вотъ ты-то такъ напрасно, матушка, отъ компаніи отстаешь!... Вѣдь Нехлецовъ въ церкви?

Полина (*не отрываясь отъ книги*). Въ церкви.

Анна Ѳедор. И Аделька тамъ?

Полина. Не знаю...должно быть. А что такое?

Анна Ѳедор. А то, что женитъ она его, старая чертовка, на себѣ.... вотъ что!

Полина. Вы кажется помѣшались на этомъ.

Анна Ѳедор. Помѣшаешься, матушка! Она смотри какія штуки откалываетъ: то косой накладной къ нему повернется, то ножку ему покажетъ....

Полина (*равнодушно, читая*). У нея не ножки, а слоновыя копыта.

Анна Ѳедор. Все равно; онъ, дуракъ, этого не понимаетъ. Видитъ въ первый разъ, что ему стараются понравиться, и таетъ! Аделькѣ во всемъ счастье.... везетъ ей, подлой кочергѣ... того гляди изъ-подъ носа уведетъ жениха!

Полина (*опустивъ книгу*). У кого?

Анна Ѳедор. У кого?... У тебя!... А то у кого-же еще?

Полина (*съ изумленіемъ*). У меня?

Анна Ѳедор. Да что ты, матушка?! Понятное дѣло. Почему-бы ему на тебѣ не жениться?

Полина. На мнѣ?

Анна Ѳедор. Ну да, на тебѣ! Чѣмъ-же ты хуже кого? Молодепькая, красавица....

Полина. На мнѣ?... Этому старикашкѣ?

Анна Ѳедор. Тьфу!.. прости Господи!.. Какого-же тебѣ еще рожна нужно? И получше тебя и тѣ ему обрадуются! (*Полина, покачавъ медленно отрицательно головой, продолжаетъ опять читать.*) Богатъ, чиновенъ, умретъ скоро.... Жила-бы барыней! А то что такъ-то?—слоняться изъ дома въ домъ покуда состарѣешься, да къ какой нибудь, въ родѣ Катерины Петровны, въ компаньонки, какъ эта Аделька, попадешь?

Полина. Ну тогда и можно помышлять о Нехлецовыхъ!.. Время не уйдетъ....

Анна Ѳедор. Не уйдетъ!.. А до тѣхъ поръ?

Полина. До тѣхъ поръ?.. До тѣхъ поръ вотъ слушайте: Мы въ Петербургѣ... квартира наша на Англійской набережной... (*Анна Ѳедор., махнувъ рукой, хочетъ встать, она удерживаетъ ее.*) Сидите, сидите.... Вокругъ штофъ, бархатъ, позолота, мраморъ, бронза, кружевы.... Мой будуаръ весь въ зелени, заставленъ тропическими растеніями.... зеркальныя окна.... картины... во всю комнату персидскій коверъ... objet de lux, vieux-saxe.... каминъ топится,..

Анна Ѳедор. (*желая встать*). Полно вздоръ молоть!...

Полина (*удерживая ее*). Слушайте!... Я жду его.

Анна Ѳедор. Кого это?

Полина. Имѣйте терпѣніе!... «Его»... Онъ не пріѣхалъ еще съ парада. Но вотъ звонокъ—это онъ! Я сижу передъ каминомъ и читаю книгу.... слышу какъ онъ вошелъ въ залъ, прошелъ гостиную и приподнялъ драпри будуара... Въ комнатѣ запахло Violette de Parme—это его любимые духи.... «Ахъ, здравствуй, мой милый, что ты такъ поздно?» — «Ѣздилъ съ визитами» — «Да? а я тебя жду не дождусь!» — «Pardon, ma bluette, забылъ тебя предупредить». (*Анна Ѳедор. грустно качаетъ головой.*) Онъ цѣлуетъ меня въ лобъ и садится возлѣ меня....—«Къ обѣду будетъ кто-нибудь?» — «Я никого не звалъ.» — «Ахъ, какъ я рада! Я ужасно люблю, когда мы вдвоемъ и нѣтъ третьяго лица передъ глазами!» Но вотъ и шесть часовъ—день пролетѣлъ незамѣтно,—пора и обѣдать.... Потомъ опера. У меня абонированный бенуаръ, платье bleu du soir... на меня наводятъ бинокли, лорнеты.... «Жанъ, мы ѣдемъ сегодня на балъ»...

Анна Ѳедор. (*какъ-бы очнувшись*). Да ты съ ума сошла!

Полина (*съ удивленіемъ*). А что?

Анна Ѳедор. (*вскакивая*). Да ты что—серьезно что-ли?... смерти моей хочешь?... Я не на

то тебя выростила, воспитала!... переносилаунижения, насмѣшки, оскорбленія.... Да лучше мнѣ въ гробу тебя видѣть, чѣмъ....

Полина. Да что вы, маменька!... Онъ женится на мнѣ.

Анна Ѳедор. Кто? Иванъ Петровичъ?

Полина. Ну да; что это васъ такъ удивляетъ? Вопросъ рѣшенный....

Анна Ѳедор. Не знаешь ты, видно, людей!...

Полина *(съ неудовольствіемъ).* Ну такъ оставьте меня въ покоѣ!... (*Достаетъ изъ кармана маленькій, дорогой портъ-сигаръ и вынимаетъ папиросу.*) Дайте мнѣ вотъ спички — на столѣ лежатъ, и сдѣлайте милость не мѣшайте читать.

Анна Ѳедор. И это напрасно пріучаться къ глупости—курить! (*Бросая ей спички.*) На!... (*Увидавъ портъ-сигаръ.*) Покажи, покажи!.. Откуда онъ у тебя взялся?!..

Полина (*спрятавъ его быстро въ карманъ*). Нашла! Какое вамъ дѣло?!

Анна Ѳедор. *(строго).* Поля!... Послушай! Поля!... Давича я у тебя колечко съ изумрудами и брильянтами замѣтила, теперь этотъ портъ-сигаръ... папиросы... Поля!... Ты знаешь, Поля, ты бѣдная дѣвушка!... ты...

Полина *(вспыхнувъ).* Ахъ, Боже мой, какъ вы мнѣ надоѣли!... (*Вскакиваетъ.*)

Анна Ѳедор. (*не спускавшая съ нея испытующаго взгляда*). Да?!.. (*Полина потупляетъ глаза, опустивъ голову*). А, вотъ оно что?... Да?!.. Значитъ поздно уже!... (*Падаетъ со стономъ на стулъ.*) Господи!... да что Ты не прибралъ, не разразилъ меня!... Что Ты ее громомъ не убилъ!... Что ты....

Полина (*съ исказившимся отъ ужаса лицомъ*). Тише!... что вы голосите, точно сумасшедшая!..

Анна Ѳедор. *(задыхаясь отъ душевной боли и ломая руки).* Господи!... Ей всего восемнадцать лѣтъ!... Ребенокъ, ребенокъ!... Вся жизнь была впереди!... Да лучше бы она не родилась на свѣтъ Божій!...

Полина (*помертвѣвъ вся и сверкая глазами*). Да не кричите, Бога ради!... Замолчите!... Что вы дѣлаете?!.. Что вы, кого вы клянете? Развѣ этимъ воротишь что? Развѣ вы не знали?... Вѣдь на вашихъ глазахъ все происходило... Что-же вы молчали тогда? Отчего не увезли меня отсюда?... Не спасли?...

Анна Ѳедор. (*въ изступленіи*). Господи, Владыко мой!...

Полина. Уйдите поскорѣе отсюда!... (*Оглянувшись.*) Идутъ!... Ступайте!... (*Не своимъ голосомъ.*) Ступайте, говорю вамъ!... (*Бросается опрометью въ домъ.*)

Анна Ѳедор. (*поднимаясь съ мѣста*). Иду, иду!... (*Съ рыданіемъ уходитъ, шатаясь, въ аллею. Скрывается.*)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Неряцкій (*входя съ лѣвой стороны въ сопровожденіи Гусева, у котораго въ рукахъ большой свертокъ*). Чѣмъ-же это вы занимаетесь?

Гусевъ (*подымая свертокъ*). Это Василій Васильевичъ приказали. У насъ въ заведеніи чистописанію обучались, такъ они мнѣ изволили приказать.... Родословное древо.

Неряцкій. Родословное древо? Чье?

Гусевъ. Столбинъ-Десятовыхъ. (*Развертывая.*) Это на верху напишется.

Неряцкій *(заглянувъ).* Прекрасно. Ну, а не знаете, какія это дѣла у Катерины Петровны, что она за мною прислала? По разверстанію земель все кончено.

Гусевъ (*таинственно*). Нѣтъ-съ, тутъ совсѣмъ другое;—только это ихъ превосходительство, сколько я замѣтилъ, держатъ въ секретѣ,—они желаютъ имѣніе отдѣлить Ивану Петровичу.

Неряцкій. Такъ на что-же я ей, въ такомъ случаѣ, понадобился?

Гусевъ. Посовѣтоваться должно быть.

Неряцкій. Да я тутъ ровно не причемъ.... Я ничего и сказать не могу.

Гусевъ. Скупость, Михаилъ Никанорычъ, одна скупость всему причиной. Вотъ оно, изволите видѣть, и имѣніе, и домъ... милліоны—одно слово... а всего жалѣютъ-съ... куска хлѣба, обглоданной кости! Такъ какъ-же это, деревню отдѣлить. Вѣдь отдѣлить — значитъ отдать! Вотъ она и не выберетъ никакъ—рука не поднимается.... И того жалко, и другаго.... все равно, какъ знаете, пальцы на рукѣ — какой ни укуси—все больно!...

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Вася (*входя съ лѣвой стороны*). Ахъ, monsieur Гусевъ разговариваетъ!.. (*Гусевъ сокращается, дѣлая шагъ назадъ.*) Bonjour, m-r Неряцкій!... (*Подаетъ ему развязно руку.*) Извините, grand' maman еще въ церкви и послала меня за платкомъ... брата тоже нѣтъ.... Васъ заставляютъ ждать....

Неряцкій (*холодно*). И кажется совершенно напрасно. Ваша бабушка намѣрена отдѣлять имѣніе....

Вася. Что-о-о?!

Гусевъ *(дергая Неряцкаго за фалду — тихо).* Не говорите!... Ахъ!... (*Махнувъ рукой, отходитъ въ сторону.*)

Вася (*съ тревогой*). Имѣніе? Ужь не Ивану ли Петровичу?... Надѣюсь не Бубново?...

Неряцкій. Не знаю, ничего не знаю!

Вася. Но гдѣ-же справедливость послѣ этого?... М-г Неряцкій, послушайте, разсудите сами... Я имѣю къ вамъ полную довѣренность....

Покойный дѣдъ, Иванъ Данилычъ, ничего не далъ дѣтямъ,—все предоставилъ grand' maman какъ она хочетъ, передавъ ей свои имѣнія по купчимъ крѣпостямъ. Она очень бѣдно, только деньгами, одѣлила дочерей,—покойныхъ моихъ тетокъ Лидію и Евдокію; послѣ ихъ смерти, зятья все возвратили по рядной. Дядя мой, Петръ Иванычъ,—отецъ Ивана Петровича — умеръ тоже неотдѣленный. Вотъ взгляните сюда — на родословную... (*Выхватывая свертокъ у Гусева и развернувъ его.*) Два брата: стольники—Пантелей и Варлаамъ Столбинъ-Десятовы. Они были враги. Отъ Варлаама идетъ нашъ родъ: бояре—Василій, Іеронимъ, Эсперъ, Евлампій, Никита....

Неряцкій (*показывая на родословную*). Это какъ роспишется, золотомъ?

Вася (*взглянувъ на Неряцкаго удивленнымъ взглядомъ, послѣ долгой паузы*). Да, золотомъ. До свиданья, m-r Неряцкій, извините, что я васъ побезпокоилъ своимъ вздоромъ... Мнѣ некогда... меня ждетъ grand'maman!... (*Разсерженный, съ чувствомъ достоинства быстро уходитъ въ домъ.*)

Неряцкій (*разсмѣявшись*). Ха... ха... ха... Не любитъ!...

Гусевъ. Ну зачѣмъ вы, Михаилъ Никанорычъ?.. Зачѣмъ вы сказали?!.. Вотъ они теперь пойдутъ да и поднимутъ цѣлую исторію!

Неряцкій. Не безпокойтесь,—ничего онъ не подниметъ... знаю я ихъ храбрецовъ!... (*Увидавъ въ глубинѣ Анну Ѳедоровну. Взглянувъ на нее пристальнѣе.*) Ого... го... го... го... Однако что съ ней?... Точно сумасшедшая, еле ползетъ!... Видно жизнь не сахарная!...

Гусевъ (*махнувъ рукой*). Скоро тутъ всѣ одурѣютъ!... Съ ума сойдутъ! (*На цыпочкахъ уходитъ въ домъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Неряцкій (*направляясь къ Аннѣ Ѳедоровнѣ*). Одурѣешь! (*Кланяясь ей.*) Добраго утра!... (*Подходя.*) Здравствуйте, Анна Ѳедоровна... что это вы, нездоровы?

Анна Ѳедор. (*отрывисто*). Голова болитъ; рано встала.

Неряцкій (*пожимая ей руку, съ сочувствіемъ*). Вы бы отдохнули... здѣсь на солнцѣ хуже.

Анна Ѳедор. Гдѣ-же отдыхать-то? Прилечь негдѣ. Наверху тамъ, на чердакѣ, въ каморкѣ нашей, дышать нечѣмъ, внизу—все занято...

Неряцкій. А Павла Егоровна какъ поживаетъ? Я встрѣтилъ ее какъ-то на дняхъ, гуляла съ Иваномъ Петровичемъ...

Анна Ѳедор. Гуляла? Что вы хотите этимъ сказать? Странное дѣло... молодая дѣвушка...

Неряцкій. Господь съ вами, я и не думалъ...

Анна Ѳедор. (*перебивая его*). Гуляла!... Удивительно право... Почему же ей и не погулять? По цѣлымъ днямъ торчитъ возлѣ старухи, такъ хоть какое-нибудь развлеченіе. Она молода... Здоровье у нея тоже не Богъ вѣсть какое... Худа какъ щепка...

Неряцкій. Вы напрасно не условились съ Катериной Александровной... вы бы у насъ провели лѣто покойнѣе...

Анна Ѳедор. (*съ дикимъ смѣхомъ*). Покорнѣйше благодарю!

Неряцкій (*съ удивленіемъ*). Почему?

Анна Ѳедор. Потому, что всѣ вы хороши!... Богъ вѣсть, кто кого лучше... Надоѣло одолжаться цѣлому міру!

Неряцкій. Нельзя ли вамъ иначе, какъ-нибудь, устроиться... Дочь ваша получила образованіе и воспитаніе — это можетъ ей средствомъ къ жизни служить... она можетъ трудиться...

Анна Ѳедор. И чахнуть изъ-за гроша? Знакомы намъ эти заработки!... Спасибо!... Видите-ли какъ мы дешевы! Всякая дрянь можетъ и въ деревнѣ своей, на свободѣ жить да поживать и за границей въ пріятной компаніи кататься и съ гвардейскимъ офицеромъ съ утра до ночи съ глазу на глазъ сидѣть; а дочь моя, потому только, что родилась въ бѣдности,—такъ должна корпѣть за работой, по цѣлымъ суткамъ шею гнуть и не позволять себѣ никакихъ удовольствій,—даже прогулокъ съ молодымъ человѣкомъ!... Вотъ они сужденія-то какія!... Богатая—все прощено, замужняя—все можно: мужнино имя все прикроетъ!...

Неряцкій (*вспыхнувъ*). Опомнитесь!... Что вы говорите!

Анна Ѳедор. Сущую правду, батюшка!... Сытый—голоднаго не разумѣетъ! Вамъ—мужчинамъ хорошо, свободнымъ, обезпеченнымъ... по вашему — женщина работай да трудись, а вздумаете жениться,—все-таки возьмете бѣлоручку: бѣлоручка красивѣе, не измучена, да и взять за нею что-нибудь можно... все-таки годится безкорыстному человѣку, который о трудѣ проповѣдуетъ!

Неряцкій (*махнувъ рукой*). Вы больная женщина, съ вами говорить нельзя! (*Идетъ къ балкону.*)

Анна Ѳедор. (*вслѣдъ ему*). И нечего! Что показывать-то удаль надъ бѣдняками; совѣтуйте тѣмъ, кто поважнѣе,—вотъ помѣщицѣ своей!... Или не посмѣете?

Неряцкій (*у ступени балкона*). Я бы посовѣтовалъ перевѣшать сплетницъ!

Анна Ѳедор. И еще кого? Рукъ жаль только марать! (*Удаляется въ глубину.*)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Полина (*сбѣгая со ступеней балкона*). Bonjour, m-r Неряцкій! (*Протягивая ему руку*). Неужели Катерина Александровна не пріѣдетъ?

Неряцкій. Не знаю.

Полина Это будетъ очень жаль. Уже двѣнадцать часовъ... Ахъ, какъ Катерина Петровна запоздала отъ обѣдни!... Вы ждете Катерину Петровну?

Неряцкій. Да, ее.

Полина. И вѣроятно останетесь весь день? Сегодня именины Ивана Петровича. Онъ будетъ васъ просить.

Неряцкій. Нѣтъ-съ, не останусь.

Полина. Полноте, m-r Неряцкій, вы нелюдимъ! Какъ не стыдно вамъ, — недобрый!... Васъ надо переучить.

Неряцкій. Для этого я немного устарѣлъ.

Полина. О нѣтъ, еще время не ушло!... Особенно если не терять его,—и начать, напримѣръ, съ нынѣшняго дня.

Неряцкій. Напрасный будетъ трудъ.

Полина. Вы думаете?

Неряцкій. Убѣжденъ.

Полина. Можете ошибиться. (*Кокетливо улыбаясь и поднимая на него взглядъ.*) Если я, напримѣръ, попрошу васъ провести сегодня съ нами?

Неряцкій. Я не останусь.

Полина. Отчего?

Неряцкій. Сѣнокосъ, некогда.

Полина. Только поэтому?

Неряцкій. И потому еще, что не хочу никого изъ вашихъ видѣть!

Полина. Ахъ, вы въ отшельники собираетесь!... вотъ что!... Ну хорошо, подождите, я вамъ сдѣлаю сюрпризъ... честное слово сдѣлаю — и завтра же, чуть свѣтъ прискачу къ вамъ на сѣнокосъ.

Неряцкій. Это далеко.

Полина. О, я ничего не боюсь!

Неряцкій (*съ ядовитой насмѣшкой и презрѣніемъ*). Въ самомъ дѣлѣ?

Полина (*смутясь*). Въ самомъ дѣлѣ... чего мнѣ бояться — собакъ что-ли?... Pardon, тамъ мама кажется... (*Убѣгаетъ напѣвая:*)

«Гондольеръ молодой,
Взоръ твой полонъ огня.
Я млада, хороша...»

(*Подбѣжавъ къ матери.*) А вы еще не причесаны? Что это?... Подите, одѣньтесь!... (*Увидавъ Ивана Петровича, бросается къ нему*).

«Ночной зефиръ,
Струитъ эѳиръ,
Шумитъ, бѣжитъ
Гвадалквивиръ!...»

(**Анна Ѳедоровна** *уходитъ въ глубину направо.*)

Неряцкій (*смотря вслѣдъ Полинѣ*). Тоже горошкомъ отскочила! (*Уходитъ направо возлѣ дома.*)

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Жанъ. Боги, какой бабочкой! Кто тебѣ подарилъ это платье? (*Хватаетъ ее за руку.*)

Полина (*съ досадой*). Сама!... (*Вырывая руку.*) Сама себѣ подарила!

Жанъ. А не Пехлецовъ?

Полина. Вотъ вздоръ какой! Съ какой стати Пехлецовъ будетъ мнѣ подарки дѣлать?

Жанъ. Съ какой стати?

Полина (*строго*). Ну да. По какому праву? Боже, что за несносный человѣкъ!... Его ждутъ цѣлый часъ, бѣгутъ къ нему навстрѣчу, а онъ пристаетъ съ глупостями... На! (*Подноситъ къ губамъ* **Жана** *руку.*) Проси прощенія!

Жанъ (*безцеремонно отломнувъ руку*). Я хочу знать чье платье.

Полина. Мало-ли чего ты хочешь!.. (*Послѣ небольшой паузы, кокетливо присѣдая, глядя на него изъ-подлобья.*) Катерины Александровны!.. М-me Алексинской!

Жанъ (*сморщивъ брови*). А!.. миленькое...

Полина (*съ укоромъ*). «Миленькое?» Теперь оно для васъ «миленькое»? (*Протягивая къ его губамъ обѣ руки.*) Да поздоровайтесь-же!.. Говорю вамъ — я васъ цѣлый часъ ждала.

Жанъ (*взявъ ее за кисти рукъ и опуская ихъ*). И въ ожиданіи... любезничала съ управляющимъ? Я видѣлъ.

Полина (*съ досадой*). Жаль, что не слышалъ.

Жанъ. Жаль. Это для чего-же дѣлается? Чтобы не потерять привычки? Для экзерциціи?

Полина. Право ты пресмѣшной!

Жанъ. Очень можетъ-быть... Впрочемъ, что же, я нисколько не противъ этого, даже хвалю — предусмотрительность рѣдкое качество...

Полина (*насильно смѣясь*). Ха... ха... ха... Не мори меня со смѣху, Ваня... такъ серьезно! А лучше вотъ что: ты-бы, милый, пошелъ къ нему... вѣдь бабушка позвала его посовѣтоваться о твоемъ-же дѣлѣ.

Жанъ. Да онъ тутъ что-же? Имѣнье отдаетъ мнѣ бабушка, а не онъ.

Полина. Но, душка, все-же лучше; ты-бы разспросилъ его какъ это сдѣлать, какъ скорѣе...

Жанъ (*взглянувъ на нее съ саркастической улыбкой*). Какъ она о моихъ интересахъ хлопочетъ!

Полина (*удивленная*). Потому что они и мои тоже...

Жанъ (*продолжая пытливо смотрѣть на нее. Въ глазахъ его блеснула злоба*). Что? что такое?

Полина (*недоумѣвая*). Твои дѣла, Ваня, мнѣ также близки, какъ и мои собственныя.

Жанъ. Какъ такъ?

Полина (*положивъ ему обѣ руки на плечи и пытливо заглядывая въ лицо*). Очень

просто... я вѣдь твоя... je serai donc ta petite femme... буду женушкой твоей...

Жанъ (*нагло разсмѣявшись*). Ха... ха... ха... Какъ проворно!.. (*Сбрасывая ея руки съ своихъ плечъ.*) Прими, жарко!

Полина (*пораженная*). Да?.. Значитъ...

Жанъ. Значитъ, что ты такая-же, какъ и всѣ тѣ барышни, которыя только и думаютъ какъ-бы выйти за богатаго человѣка замужъ!.. Значитъ, что тебѣ не я, а мое состояніе нужно!

Полина (*оскорбленно*). Я любила васъ! васъ!

Жанъ (*со злобой*). Должно быть!

Полина (*задыхаясь, сквозь слезы*). Я васъ и теперь люблю... но... только... что-же это будетъ?

Жанъ. Видишь-ли вотъ твой характеръ: не въ томъ главное, что «я васъ люблю», а въ томъ «что-же будетъ?» Обрадовалась, что наймала, схватила за слово...

Полина (*вспыхнувъ*). Что? Что вы сказали? (*Съ негодованіемъ.*) Вы двѣ недѣли приставали ко мнѣ, не давали мнѣ прохода .. Какъ тѣнь сновали за мной, увѣряя въ своихъ чувствахъ и страданіяхъ; клялись вѣчной любовью, обѣщали всю жизнь свою посвятить мнѣ, сулили чуть не всѣ блага земныя—и когда я, подъ обаяніемъ словъ вашихъ, нашла въ своемъ сердцѣ откликъ взаимной любви, повѣрила вамъ и, опьяненная счастьемъ, сама не знаю какъ это случилось—увлеклась,—вы вотъ что заговорили!

Жанъ. Послушай,—я думалъ, что ты умнѣе! Если ты дѣйствительно повѣрила мнѣ, то вѣроятно не спроста, а основывая на чемъ-нибудь эту вѣру,—и такъ какъ, до настоящаго времени, еще вичего такого не произошло, что бы могло ее въ тебѣ поколебать,—то и подымать подобный вопросъ глупо; если-же ты дѣйствовала зря,—не думая, какъ дура,—то откуда у тебя взялся теперь вдругъ этотъ умъ? Снявши голову, по волосамъ не плачутъ!

Полина (*заломивъ руки и поникнувъ головой*). Бѣдная мама!

Жанъ. Ай какія пансіонскія уловки! «Dieu, ma mère!» Полно, милая! Въ тебѣ, именно, то и было хорошо, что ты не сантиментальничала,—и не начинай... со мной по крайней мѣрѣ! Ничего такого не случилось, чтобы могло измѣнить сколько-нибудь наши отношенія,—все идетъ благополучно, только не вмѣшивайся въ мои дѣла, не считай мое состояніе своимъ,—что мое—то не твое!.. А недѣли черезъ двѣ, три—бабушка развяжетъ мнѣ руки...

Полина. И ты уѣдешь?

Жанъ. Да, въ Петербургъ. Ты пріѣдешь тоже туда...

Полина. Нѣтъ!.. Послѣ нашего настоящаго разговора,—не обвѣнчавшись,—зачѣмъ-же? У меня голова еще на плечахъ, да и по волосамъ я плакать не желаю.

Жанъ. Отлично! Въ такомъ случаѣ—какъ знаешь! Ты свободна въ своихъ дѣйствіяхъ.

Полина. Да? Хорошо... Я выйду замужъ.

Жанъ. Съ Богомъ!.. За кого?

Полина. А вамъ какое дѣло... За Пехлецова.

Жанъ. Брависсимо! Вы рѣшительны! (*Поднявъ руки.*) Благословляю васъ!

Полина (*съ упрекомъ*). Ваня, Ваня!.. Не роняй себя!..

Жанъ. Безъ глупостей! (*Оглянувшись.*) Тише... Придите въ себя—бабушка идетъ!

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

*Съ лѣвой стороны, изъ глубины, входятъ спереди—***Вася**, *почтительно неся шляпку бабушки, за нимъ* **Столб.-Десят.**, **Адел. Григор.** *и* **Пехлецовъ**, *у котораго на головѣ толстый изъ васильковъ вѣнокъ, въ рукахъ цилиндръ, а за ними —* **Горничная** *и* **Лакей** *въ ливреѣ и цилиндрѣ съ кокардой, неся на рукѣ мантилью Катер. Петр. Съ правой стороны, съ балкона, сбѣгаетъ* **Анна Ѳедоровна**, *за ней* **Гусевъ**, *изъ-за угла, возлѣ дома, входитъ* **Неряцкій.**

Анна Ѳедор. (*подбѣгая къ Столб.-Десят.*). Съ праздникомъ, ваше превосходительство!.. съ дорогимъ именинникомъ!.. (*Цѣлуетъ руку.*)

Полина (*подходя тоже и дѣлая реверансъ*). Съ праздникомъ!..

(*Неряцкій и Гусевъ кланяются издали.*)

Жанъ (*подходя къ рукѣ*). Съ праздникомъ, grand'maman!

Столб.-Десят. (*цѣлуя Жана въ лобъ*). Тебя также... Дай Богъ тебѣ всего хорошаго, а главное—остепениться! (*Всѣмъ остальнымъ.*) Mercі! (*Проходитъ сцену. Горничная и лакей слѣдуютъ за нею и затѣмъ уходятъ въ домъ.*)

Жанъ Здравствуйте, Дмитрій Владиміровичъ. (*Протягивая ему руку и глядя на него*). Это что?

Адел. Григ. Ахъ, это я...

Пехлецовъ. Это они—Аделаида Григорьевна...

Адел. Григ. Увидала, на паперти, у дѣвушки вѣнокъ, взяла его и...

Пехлецовъ. И короновали меня!..хе...хе...хе...

Жанъ. Возложивъ вамъ на голову корону Флоры?

Пехлецовъ. Да... которую я, въ свою очередь, низлагаю къ ногамъ богини красоты! (*Снимаетъ вѣнокъ и хочетъ нагнуться, чтобы положить его къ ногамъ Полины.*)

Полина (*не допуская его исполнить и принимая вѣнокъ*). Mercі! (*Онъ цѣлуетъ ея руку, она его въ лобъ.*)

Адел. Григ. (*иѣвно, въ сторону*). Старый дуракъ! (*Отходитъ въ глубину.*)

Столб.-Десят. (*въ это время, ведя разговоръ съ Неряцкимъ*). Всѣ эти дни жара ужасная!..

Неряцкій. И слава Богу; дождь могъ-бы помѣшать сѣнокосу. Вы прислали намъ, Катерина Петровна, своихъ больныхъ коровъ...

(*Продолжаютъ вести разговоръ тихо.*)

Пехлецовъ (*восторгаясь Полиной, которая, получивъ вѣнокъ, надѣла его на голову*). Mais vous êtes charmante!.. Вы восхитительны, какъ майское утро... какъ улыбка Авроры.

Жанъ (*со злобой*). И даже болѣе того!

Полина (*небрежно Жану*). Вы находите? (*Пехлецову.*) Эти цвѣты мои любимые; простенькіе, но какъ хороши!

Адел. Григ. (*со злобой*). Смотрите, чтобы отъ нихъ у васъ коса не свалилась! (*Идетъ къ столу и хозяйничаетъ возлѣ самовара.*)

Полина (*холодно*). Я не ношу чужихъ волосъ.

Анна Ѳедор. (*Столб.-Десят.*). Молебенъ съ водосвятіемъ былъ?

Столб.-Десят. Да, очень торжественный! (*Васѣ, вертѣвшемуся все время возлѣ нея.*) Что тебѣ нужно, Вася? Ты меня просто преслѣдуешь, мой милый!..

Вася (*бросившись цѣловать ея руки*). Ахъ, grand'maman, это такъ, grand'maman... Это потому, grand'maman, что мнѣ большое удовольствіе быть при васъ...

Столб.-Десят. Я устала, mon cher, оставь меня, иди гулять... Скажи Адель, чтобы она чай дѣлала, а я пойду на минуту къ себѣ...

(**Вася** *убѣгаетъ.*)

Неряцкій. Вамъ было угодно, Катерина Петровна, видѣть меня по какому-то дѣлу?

Столб.-Десят. Да, но я теперь очень устала... Позднѣе немного... послѣ завтрака... Адель, займись чаемъ. (*Уходитъ въ домъ,* **Анна Ѳедоровна** *слѣдуетъ за ней.*)

Адел. Григор. (*ей вслѣдъ*). Сію минуту, ваше пр—во. (*Наливая чай.*) Basil!.. Вася!.. Гдѣ вы? M-r Неряцкій. (*Отставляя стаканъ чаю.*) Не угодно-ли? (*Неряцкій беретъ чай.*) Дмитрій Владиміровичъ, пожалуйте кушать!.. Будетъ вамъ любезничать?

Пехлецовъ. Сейчасъ, сейчасъ, несусь!..

Жанъ (*смѣясь*). Постойте одну минуту... полюбуйтесь еще разочекъ на прическу m-lle Полины; она намѣрена ее уничтожить!

Полина. Съ чего вы это взяли? И не думаю. Я останусь такъ до вечера.

Пехлецовъ (*персминаясь съ ноги на ногу*). И прекрасно сдѣлаете!.. Une parure champêtre!

Полина. Мнѣ это нравится.

Жанъ (*съ досадой*) Но онъ завянетъ вашъ вѣнокъ. Это будетъ сѣно.

Полина. Васильки не скоро вянутъ; но хотябы и завяли?..

Пехлецовъ. Хотя-бы и завяли?..

Полина (*съ нѣжностью*). Хотя-бы и завяли—я ношу ихъ цѣлый день!.. А потомъ... (*Смотритъ на Жана.*)

Жанъ. Потомъ?

Полина (*со вздохомъ*). Потомъ повѣшу на память надъ моимъ изголовьемъ!

Пехлецовъ (*въ упоеніи*). Oh, c'est trop!.. Это слишкомъ!..

Полина (*взявъ его подъ руку и направляясь къ столу*). Это сегодня (*смотря на Жана, съ удареніемъ.*) мое первое, единственное удовольствіе!.. (*Освобождая руку.*) Идите, васъ зовутъ. (*Отходитъ къ качающемуся креслу.*)

(**Пехлецовъ,** *расшаркавшись, подходитъ къ Аделаидѣ Григорьевнѣ и, стоя затылкомъ къ Полинѣ, закрывая ее такимъ образомъ отъ глазъ Аделаиды Григорьевны, ведетъ тихо разговоръ.*)

Жанъ (*быстро подойдя къ Полинѣ, сердитымъ шепотомъ*). Что-же это такое? Что ты себѣ позволяешь?

Полина (*холодно, тоже тихо*). А вы что мнѣ можете не позволить? Что вы только-что сказали мнѣ? Я—свободна! Ну и что-же вамъ нужно еще? (*Взглянувъ на окна дома.*) Вотъ пріѣхала ваша Алексинская—ступайте къ ней!.. (*Дѣлаетъ шагъ впередъ на авансцену.*)

Жанъ (*схвативъ ее за руку и привлекая къ себѣ страстно, шепотомъ на ухо*). Никого мнѣ кромѣ тебя... тебя одной не надо!..

Полина (*дѣлая усиліе вырваться*). Докажите это...

Жанъ. Докажу, даю тебѣ слово!..

Полина (*вырываясь*). Посмотримъ! (*Бросается навстрѣчу сходящей со ступеней балкона Алексинской.*) Ah, madame!. Какъ я рада, какъ счастлива!.. это вы... (*Обнимаетъ ее.*)

(*Изъ-за кустовъ, возлѣ кресла, выскакиваетъ* **Вася** *и, подбѣжавъ къ Аделаидѣ Григорьевнѣ, отводитъ ее въ глубину и что-то ей сообщаетъ; она цѣлуетъ его въ голову.*)

Алексинская (*цѣлуя Полину*). Bonjour, ma belle!

Полина. Ахъ, какъ вы хороши сегодня!

Алексинская (*нѣсколько смутясь*). Вы находите? А гдѣ-же maman?

Полина. Она васъ ждетъ... Она у себя!.. Я сбѣгаю ее предупредить. (*Бросается къ балкону, но со ступеней мѣстницы спускается уже* **Столб.-Десят.** *въ сопровожденіи* **Анны Ѳедоровны.**)

Алексинская (*въ это время, замѣтивъ, въ нѣсколькихъ шагахъ передъ собою, Жана, подходитъ къ нему*). Здравствуйте, Иванъ Петровичъ. (*Протягивая ему руку.*) Вотъ уже двѣ недѣли какъ вы не были у меня...

Жанъ (*тихо, направляясь въ глубину—куда отошла Полина*). Поздоровайтесь прежде со всѣми и съ grand'maman.

Алексинская (*окончательно растерявшись*) Grand'maman?.. (*Оглянувшись.*) Ah, chère maman... (*Бросаясь къ ней.*) Bonjour, chère ma-

man... Поздравляю васъ... (*Цѣлуется съ ней.*) Какъ ваше здоровье?... Bonjour messieurs et mesdames!.. (*Здоровается со всѣми.*)

Столб.-Десят. Будемъ завтракать. (*Идетъ къ столу. Всѣ, кромѣ Неряцкаго и Жана съ Полиной, ведущихъ въ сторонѣ оживленный разговоръ, спѣшатъ подать ей кресло, а затѣмъ всѣ садятся вокругъ стола въ слѣдующемъ порядкѣ: Столб.-Десят. съ правой стороны, возлѣ нея, по лѣвую руку Пехлецовъ, по правую Неряцкій; между Неряцкимъ и Аделаидой Григорьевной—Алексинская, а рядомъ съ Пехлецовымъ Анна Ѳедоровна. Возлѣ Аделаиды Григорьевны остаются два мѣста свободныхъ—Жана и Полины, все еще продолжающихъ разговаривать, затѣмъ садится Гусевъ и возлѣ него Вася, поставивъ двумя ножками свой стулъ на платье Анны Ѳедоровны. Вася и Анна Ѳедоровна сидятъ затылками къ публикѣ. Возлѣ Аделаиды Григорьевны, по лѣвую руку, стоитъ самоваръ на отдѣльной тумбочкѣ.*)

Столб.-Десят. (*послѣ того какъ всѣ, кромѣ Жана и Полины, усѣлись, обращаясь къ Алексинской*). Ты очень кстати, ma chère, вотъ mr. Неряцкій недоволенъ, что я отослала къ тебѣ нѣсколько своихъ больныхъ коровъ; онъ находитъ, что это затрудняетъ твоего ветеринара или тебя... не знаю кого...

Алексинская (*разсѣянно, сосредоточивъ свое вниманіе на Жанѣ и Полинѣ*). Не знаю, maman.

Неряцкій (*Алексинской*). Я говорилъ вамъ сегодня поутру.

Алексинская. Очень можетъ быть... Я не обратила вниманія... это бездѣлица!

Столб.-Десят. Я полагаю, что бездѣлица! Для меня непонятно только, какъ это какой-то ветеринаръ и позволяетъ себѣ разсуждать!

Алексинская (*продолжая свои наблюденія*). Конечно, maman.

Столб.-Десят. (*прихлебывая чай*). Развѣ можетъ быть *тебѣ* непріятно, оказать *мнѣ* услугу? Наконецъ, если бы потребовались на лѣченіе расходы, то я могу всегда заплатить.

Алексинская. Ахъ, maman, что вы?

Жанъ (*успѣвшись возлѣ Адел. Григ. Полинѣ, наливая себѣ сливокъ въ чай*). Вашему вѣнку не дожить до вечера.

Полина. Онъ безсмертенъ!

Пехлецовъ. Какъ идея! ха, ха, ха!...

Столб.-Десят. (*положивъ себѣ чего-то на тарелку*). Я всегда была увѣрена, что ты для меня не пожалѣешь ничего.

Алексинская. Конечно, maman.

Неряцкій. Дѣло вовсе не въ томъ, Катерина Александровна, я вамъ толковалъ сегодня, что присланныя коровы больны повальной моровой болѣзнью, что въ Бубновѣ падежъ скота, а у васъ рѣдкой породы превосходное стадо чистокровныхъ тирольскихъ коровъ... Пожалѣйте его!... Елеонскій находитъ...

Алексинская (*прислушиваясь къ разговору Жана съ Полиной, раздраженно, съ нетерпѣніемъ*). Ахъ, Боже мой, это скучно, наконецъ! Кажется я могу приказать ему!

Столб.-Десят. Я полагаю! Елеонскій... Что такое Елеонскій?

Неряцкій. Ветеринарный врачъ.

Столб.-Десят. Такъ что же изъ этого? Скажите какая важная птица! Коновалъ!

Неряцкій. Но если онъ...

Столб.-Десят. Какое ему дѣло? Мы право обойдемся и безъ его предостереженій. (*Ѣстъ.*)

Неряцкій. Онъ очень будетъ радъ, если вы безъ него обойдетесь.

Полина (*Жану*). Ни за что на свѣтѣ! Ни за что!

Жанъ. Но во всякомъ случаѣ согласитесь, что вы не правы.

Полина. Съ какой стати?

Алексинская (*не выдержавъ, Полинѣ и Жану*). О чемъ вы спорите, господа?

Жанъ. Это секретъ!

Неряцкій. Если онъ... (*дрожащимъ отъ волненія голосомъ.*) этотъ коновалъ... эта не высокаго полета птица и позволяетъ себѣ *разсуждать*, то дѣлаетъ это потому, что печется о ввѣренномъ ему добрѣ! (*Алексинской.*) Мнѣ кажется, Катерина Александровна...

Алексинская (*вставая, Жану*). На два слова, Иванъ Петровичъ... будьте любезны...

Жанъ (*смутившись, вставая тоже*). Вамъ угодно пройтись? Жарко.

Алексинская. Нѣтъ, пойдемте. (*Взявъ предложенную Жаномъ руку.*) Pardon, chère maman... Анна Ѳедоровна, потрудитесь, мой зонтикъ.

(**Анна Ѳедоровна** *встаетъ и рветъ прищемленное Васей платье.*)

Вася (*вскакивая тоже*). Ахъ, Анна Ѳедоровна... виноватъ! (*Хохочетъ.*)

(**Аделаида Григорьевна** *тоже смѣется.*)

Анна Ѳед. (*выразительнымъ шепотомъ*). Скверный мальчишка!

Вася. Но я у васъ прошу прощенія. (*Схвативъ зонтикъ и подавая его Алексинской.*) Катерина Александровна, вашъ зонтикъ. (*Жанъ и Алексинская уходятъ въ паркъ.*) Pardon, Анна Ѳедоровна, я не думалъ, я даже не ожидалъ отъ васъ...

Анна Ѳедор. (*бросая молніеносный взглядъ на хохотавшую Аделаиду Григорьевну.*) Вы бы рвали платья у кого ихъ побольше!

Адел. Григ. А вы бы еще шире распустили вашъ хвостъ!

Анна Ѳедор. Не съ вами разговариваютъ!... Кукла размалеванная! (*Съ гнѣвомъ уходитъ на балконъ.*)

Столб.-Десят. Господа, кто желаетъ, можетъ встать и уходить.

Полина *(разговаривая въ это время съ конфузившимся Гусевымъ, какъ бы не замѣчая ничего).* Вы допили вашъ чай? *(Вставая.)* Пойдемте на берегъ рѣки.

Гусевъ *(конфузясь еще болѣе).* Съ наслажденіемъ-съ.

Пехлецовъ *(вставая тоже).* Не позволите ли вы и мнѣ?

Адел. Григ. Нѣтъ, Дмитрій Владиміровичъ, останьтесь.

Пехлецовъ *(расшаркиваясь).* Если вы приказываете...

Адел. Григ. Мнѣ нужно съ вами переговорить.

Полина. Вы остаетесь?

Пехлецовъ. Да.

(**Полина,** *взявъ подъ руку* **Гусева,** *уходитъ налѣво.)*

Пехлецовъ (*садясь на мѣсто Жана*). Скучныя дѣла заставляютъ бѣжать нашихъ дамъ.

Неряцкій *(вставая).* Вижу.

Столб.-Десят. Потому что они совсѣмъ не женскія... *(Вставая, Неряцкому.)* Извините, я васъ такъ долго задержала. Я пригласила васъ, чтобы переговорить о дѣлѣ. Пойдемте. *(Идетъ на балконъ въ сопровожденіи Неряцкаго.)*

Адел. Григ. *(въ то же время, вставая, Пехлецову).* Пойдемъ и мы погулять немного. Чего тутъ сидѣть.

Пехлецовъ. Mais, avec le plus grand plaisire, mademoiselle. *(Подавая ей руку.)* Съ трепетомъ и замираніемъ сердца позволяю себѣ предложить вамъ... хе, хе, хе...

Столб.-Десят. *(войдя на балконъ).* Или нѣтъ, лучше подождите здѣсь, я сейчасъ возвращусь. *(Уходитъ. Неряцкій остается на балконѣ.)*

Пехлецовъ *(взявъ подъ руку Аделаиду Григорьевну).* Обвороженный Тиціанъ ищетъ снисхожденія у всепрощающей Атталы!... Я какъ-то прочелъ одно стихотвореніе, въ немъ сказано:

„Вся суть раскаянья—вины своей сознанье
И не сила въ наказаньи...“

Такъ вотъ и въ настоящемъ случаѣ. Хе, хе, хе... *(Уходятъ налѣво.)*

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Неряцкій (*оставшись одинъ, опираясь о колонну*). Боже мой, что же это такое? Я убѣждаюсь со всякой минутой!.. Да неужели? Неужели всѣ эти намеки сущая правда? Неужели она такъ низко пала? Впрочемъ, почему же и нѣтъ? Избалованная, изнѣженная, своенравная!... Развѣ могла она полюбить простаго, честнаго человѣка—своего мужа? Развѣ ей нужно что-нибудь другое, кромѣ пары завитыхъ усовъ, да ловкой дерзости? Развѣ у нея есть сердце, разумъ?... ха, ха, ха!... И я тоже хорошъ!... Ну что я нашелъ въ ней — идеалистъ!... Вообразилъ... Въ такомъ случаѣ надо вызвать его... при немъ она постѣсняется... Однако, что же я?... я можетъ-быть и ошибаюсь... Слишкомъ быстрый приговоръ! Увлеклась и больше ничего... Къ чему такъ думать!

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Алексинская (*показываясь съ лѣвой стороны, въ глубинѣ сада, въ сопровожденіи Жана*). Если ты разлюбилъ меня, если ты не помнишь, что для тебя я измѣнила мужу, забыла совѣсть, забыла Бога...

Жанъ. Не кричи, Христа ради!... Что ты дѣлаешь? (*Схвативъ ее подъ руку и быстро удаляясь.*) Ты забываешь, что насъ могутъ услышать...

Неряцкій (*прислушиваясь съ ужасомъ*). Что?!... Она?!... (*Сбѣжавъ съ балкона и увидавъ удаляющихся, поникаетъ головой.*)

(*Пауза.* **Жанъ** *и* **Алексинская** *исчезаютъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Столб.-Десят. (*сойдя съ балкона со свертком бумагъ и подойдя къ Неряцкому*). Вотъ я вамъ принесла бумаги...

Неряцкій (*поднимая голову и глядя на нее какъ бы съ просонья*). Что-съ?

Столб.-Десят. (*окинувъ его взглядомъ удивленія и негодованія, повысивъ голосъ*). Я говорю, что я вамъ принесла бумаги... Я имѣю намѣреніе отдѣлить мою деревню въ Саратовской губерніи внуку моему Ивану...

Неряцкій. Извините, ваше превосходительство, это мнѣ рѣшительно все равно... это меня совершенно не касается и такъ какъ я не имѣю ни намѣренія, ни времени, ни охоты заниматься вашими дѣлами, то и прошу васъ оставить меня въ покоѣ! Будьте здоровы! (*Быстро уходитъ направо возлѣ дома.*)

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

(**Столб.-Десят.** *остается пораженная, какъ бы остолбеневъ, держа бумаги въ рукѣ*)

Пехлецовъ (*быстро выходя съ лѣвой стороны съ Адел. Григ.*). Иванъ Петровичъ!... Иванъ Петровичъ! (*Увидавъ одну Столб.-Десят.*) Кончили ваши переговоры?

Столб.-Десят. Даже и не начинала!

Пехлецовъ. Какъ такъ?

Адел. Григ. Почему?

Столб.-Десят. (*съ раздраженіемъ*). Это животное!... Съ нимъ и говорить не стоитъ!

Жанъ (*подходя*). Что такое?

Адел. Григ. Что случилось?

Пехлецовъ. Неужели онъ осмѣлился?

Столб.-Десят. Catherine!... Гдѣ Catherine?

Жанъ. Она тутъ. Катерина Александровна!

Алексинская. Иду! (*Выходитъ изъ глубины, глаза у ней заплаканы.*)

(*Съ лѣвой стороны вбѣгаетъ* **Полина**, *съ правой* **Анна Ѳедор.** *и* **Вася.**)

Столб.-Десят. Catherine, прогони своего управляющаго. Это скотина, какъ рѣдко!... Неотесанный мужланъ!...

Жанъ. Котораго за окошко надо вышвырнуть! Я говорилъ.

Адел. Григ. И я тоже!

Алексинская. Но что же онъ сдѣлалъ, maman?

Столб.-Десят. Что сдѣлалъ? Ничего ma chère! Конечно ничего!... Что же онъ могъ сдѣлать?... Говоритъ только много—вотъ что!...

Пехлецовъ (*поясняя жестами*). Даетъ волю языку!

Столб.-Десят. Именно! Чего же еще... (*Нюхая спиртъ.*) Ну довольно объ этомъ... Чтобы его у тебя не было. Все это грязь!... Не сыграть ли намъ лучше? А?

Пехлецовъ. Вотъ это дѣло! Съ удовольствіемъ.

Адел. Григор. Я даже распорядилась уже столъ раскрыть въ угольной.

Столб.-Десят. Такъ сыграемъ... я, ты, Адель, Дмитрій Владиміровичъ и Анна Ѳедоровна.

Жанъ (*Аннѣ Ѳедоровнѣ*). Дайте мнѣ поиграть за васъ. (*Столб.-Десят.*) Вы позволите, grand'maman?

Столб.-Десят. Отлично!.. Спасибо, mon cher, я съ тобой играть люблю.

Всѣ исключая **Анны Ѳедор., Алексинской** *и* **Полины** *уходятъ.*

Полина (*отходя въ глубину намъво, весело*). Иванъ Петровичъ!

Жанъ (*подбѣгая къ ней*). Къ вашимъ услугамъ, mademoiselle.

Полина (*насмѣшливо*). Помирились?

Жанъ. Вполнѣ! Больше ничего?

Полина. Ничего. Честь имѣю поздравить.

Жанъ (*щелкая шпорами*). Много благодаренъ! (*Идетъ къ балкону.*)

Алексинская (*заступая ему у ступеней дорогу*). Что же это такое, Жанъ, мы не увидимся цѣлое утро? Ты будешь играть до обѣда?

Жанъ (*весело*). И даже послѣ.

Алексинская. Весь день?

Жанъ. Вплоть до вечера!

Алексинская. Послушай, это наконецъ неучтиво: я гостья, имѣй ко мнѣ, по крайней мѣрѣ, вниманіе какъ къ посторонней.

Жанъ. Вы не у меня въ гостяхъ, Катерина Александровна, вы гостья—grand'maman.

Алексинская. Да? Въ такомъ случаѣ я уѣзжаю домой. Велите заложить мою карету.

Жанъ (*щелкая шпорами*). Слушаю-съ! (*Уходитъ на балконъ, а затѣмъ въ комнаты. Съ другой стороны балкона сбѣгаетъ* **Вася** *и проскальзываетъ въ паркъ.* **Алексинская** *направляется въ глубину.*)

Полина (*подходя къ Алексинской*). Вы нездоровы?

Алексинская Да, немного... голова болитъ; жарко. Пойдемъ куда-нибудь, хоть въ садъ.

Полина. Всего лучше если вы пойдете въ комнаты; тамъ солнца нѣтъ... вы отдохнете, полежите немного...

Алексинская. Merci, chère enfant; меня разстроило сообщенное maman... это такъ непріятно... Нѣтъ, я лучше здѣсь останусь.

Полина (*взявъ ее за талію и подводя къ креслу-качалкѣ*). Такъ въ такомъ случаѣ, садитесь въ кресло... Оно очень удобно. (*Усаживаетъ.*) Подложите себѣ подушку за спину... (*Подкладываетъ.*) Вотъ такъ.. (*Беретъ маленькую подушечку.*) А эту сюда, подъ голову положимъ... (*Подкладываетъ подъ затылокъ.*) Это моя подушечка... я ее называю «думкой». Боже, Боже, чего я только не передумала, уткнувшись въ нее!... Ну что—хорошо?

Алексинская. Превосходно, chère amie... merci infiniment.

Полина. Ну и слава Богу!... Полежите такъ, успокойтесь... А чтобы вамъ скучно не было, съ вами мамочка посидитъ. Мама!... мамуленька!.. Побудьте здѣсь съ Катериной Александровной...

Алексинская. А вы куда же?

Полина (*улыбаясь игриво и показывая на домъ*). А я бѣгу туда!... Катерина Петровна можетъ спросить что-нибудь... Если мы обѣ уйдемъ—она пожалуй подумаетъ, что маменька разсердилась за неосторожность Васи или что Иванъ Петровичъ сѣлъ играть за нее въ карты... Это не хорошо будетъ. Au revoire, madame, au revoire! (*Кивнувъ граціозно головкой, убѣгаетъ въ припрыжку на балконъ. Всю эту сцену она ведетъ торопливо, быстро.*)

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Алексинская (*подошедшей къ ней въ это время Аннѣ Ѳедоровнѣ*). Какая она милая! (*Анна Ѳедоровна вздыхая садится.*) Что вы вздыхаете?

Анна Ѳедор. Такъ, ничего—духъ перевела.

Алексинская. Вы стянуты?

Анна Ѳедор. Что вы? Вотъ еще!

Алексинская. У Полины прехорошенькая талія!

Анна Ѳедор. Да, недурна.

Алексинская. Вѣрно прекрасный корсетъ?

Анна Ѳедор. Передъ отъѣздомъ сюда выписала изъ Петербурга.

Алексинская. Ахъ, они тамъ страшно дороги!

Анна Ѳедор. (*съ раздраженіемъ*). Что же

дѣлать? Нельзя же ей въ 18-ть лѣтъ не одѣваться порядочно. Послѣднее, что Богъ далъ, что на человѣка похожа, и тутъ себя уродовать!... Да я лучше ужь ни пить, ни ѣсть не стану!

Алексинская. Вы должно-быть ее очень любите...

Анна Ѳедор. Дочь-то? Я думаю.

Алексинская. Вамъ бы ее слѣдовало поскорѣй устроить.

Анна Ѳедор. *(злобно).* Ха, ха, ха!... Благодарю за совѣтъ! «Поскорѣй устроить»—легко сказать! Она можетъ-быть и многимъ нравится, но этого еще мало для того, чтобы выйти замужъ!... Тутъ деньги нужны!

Алексинская *(вздрогнувъ).* Многимъ нравится? Деньги нужны?... Ну, а если бы найти человѣка съ состояніемъ?

Анна Ѳедор. Да, «если бы»!.. Найдите.

Алексинская. Что же здѣсь, въ провинціи—пожалуй... въ провинціи всегда много жениховъ. Я знала такихъ дѣвушекъ, что уѣзжали изъ Москвы въ деревню и тамъ выходили замужъ... *(Анна Ѳедор. грустно смѣется, покачивая головой.)* Да, да, да, да! могу васъ увѣрить!. . вы не шутите этимъ, ma chère, это совершенная правда!... и если заняться этимъ дѣломъ...

Анна Ѳедор. Такъ вотъ вы и займитесь!... Кто же вамъ мѣшаетъ? Вы богаты, у васъ громадный кругъ знакомства... если вамъ точно жаль насъ, — похлопочите о ней. *(Дрогнувшимъ голосомъ.)* Спасите ее!...

Алексинская *(съ испугомъ).* Спасите?

Анна Ѳедор. Да, спасите!... Вырвите ее отсюда, пока она совсѣмъ не погибла!

Алексинская. Что вы говорите?!

Анна Ѳедор. Помогите ей, протяните руку, дайте ей мужа, возьмите къ себѣ... что хотите дѣлайте — только спасите, спасите ее!... Она молода, глупа,—въ ея годы всѣ глупы... недѣлю, другую выдержала, а тамъ силъ не хватило!... Не устояла, повѣрила вздору!... Ее вѣдь обмануть легко,—она еще ребенокъ, а этотъ человѣкъ и не ее обманетъ ..

Алексинская *(въ экстазѣ).* Жанъ?

Анна Ѳедор. Вы вѣдь его знаете хорошо, Катерина Александровна; вѣдь онъ не остановится ни передъ чѣмъ—ради прихоти, разврата!... А она сирота... она не богата— ей нечего на вѣнецъ надѣяться.

Алексинская. Конечно, разумѣется, *(высокомѣрно.)* Ей слѣдуетъ помнить, что она не изъ общества...

Анна Ѳедор. *(почти истерически).* Ха, ха, ха!... Вотъ вы всѣ таковы! Вотъ какова доброта ваша! *(Вскакивая.)* Смотрю я на васъ, да и думаю: что если бы эта добрая аристократка знала вину милой дѣвочки — также, какъ дѣвочка знаетъ ее вину,—она бы не сжалилась надъ нею въ затруднительную минуту, не стала бы ухаживать, ободрять ее, подкладывать ей подушки подъ голову,—а первая бы выдала ее головой!... Вотъ вы обѣ виноваты одинаково—вы даже больше: вы замужемъ; а призови свѣтъ разсудить вину вашу—онъ васъ оправдаетъ, а ее обвинитъ! Онъ скажетъ—мужъ виноватъ, мужъ допустилъ, мужъ скученъ, не понялъ... *(У Алексинской начинаетъ дѣлаться истерика.)* Да, да, да, да, это вѣрно... это такъ! А почему? Потому что вы богаты, «высшаго общества»,—а она нищая! Вѣдь ее Христа ради выростили, выучили, бросая ей обноски, какіе совѣстно ужь было отдать горничной, и швыряли куски со стола, которые все равно бы поваръ укралъ!—Такъ чего же еще? Какъ же она смѣетъ?... Вѣдь никому изъ васъ, благодѣтелей, не извѣстно гнетущее чувство униженія... вѣдь никому изъ васъ и въ голову не придетъ, что она тоже молода—можетъ захотѣть полюбить, пожить!... Господи!... Искушеніе велико! — Вся ваша роскошь передъ глазами, всѣ ваши обиды и оскорбленія, которыхъ вы и сами не понимаете, вотъ здѣсь: *(указываетъ)* въ глоткѣ, въ горлѣ!... Ну и кончено!... далеко ли до бѣды? А тутъ красота, неопытность, почти дѣтскій возрастъ — глядь и погибла!...

Алексинская *(съ истерическимъ воплемъ).* Mais de grâce, Анна Ѳедоровна... Ради Бога!...

Анна Ѳедор. *(въ изступленіи).* Нѣтъ, тогда и «ради Бога» не поможетъ!... Тогда и «ради Бога» никто изъ васъ не пожелаетъ ее держать! На улицу выгоните, куска хлѣба не дадите!... Захочетъ работать,— работы не возьмете изъ рукъ!... Грѣхъ въ лохмотьяхъ — не грѣхъ въ кружевахъ...

(Съ Алексинской дѣлается страшная истерика. Изъ-за кустовъ выскакиваетъ **Вася** *и убѣгаетъ въ домъ.)*

Жанъ *(сходя съ балкона).* Карета ваша готова, Катерина Александровна... *(Увидѣвъ ее въ истерикѣ.)* Что такое?

Анна Ѳедор. *(злобно).* Такъ, ничего... une attaque de nerfs... по васъ соскучилась... Посидите съ нею, полюбезничайте — такъ пройдетъ! *(Уходитъ въ глубину направо.)*

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Алексинская *(увидавъ Жана).* Жанъ!

Жанъ. Что вамъ угодно?

Алексинская. Жанъ, возможно ли?...

Жанъ. Что съ вами?

Алексинская. Возможно ли?... Я несчастная... умру!... *(Истерически рыдаетъ.)*

Жанъ. Пожалуйста безъ криковъ и глупостей! Если вы больны, такъ уѣзжайте домой.

Алексинская *(желая встать).* Я уѣду, Жанъ, уѣду сейчасъ, сію минуту, только не сердись!... Ради Бога, ради всего святаго, не сердись и

пріѣзжай ко мнѣ... сегодня же, вечеромъ, нѣтъ скорѣе... послѣ обѣда... раньше...

Жанъ (*помогая ей встать*). Вы заговариваетесь!

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Столб.-Десят. (*выходя на балконъ въ сопровожденіи* **Аделаиды Григорьевны, Пехлецова, Васи** *и* **Полины**). Что здѣсь случилось?

Жанъ Ничего особеннаго, маленькая истерика...

Вася (*съ азартомъ*). Я прохожу по саду и вижу M-me Alexinsky se meurt... Анна Ѳедоровна растерялась, я испугался...

(**Адел. Григ.** *ласкаетъ ею.* **Полина** *идетъ къ* **Алексинской.**)

Столб.-Десят. Это отъ жары... горячка въ воздухѣ...

Пехлецовъ. Должно быть инфлюэнца...

Алексинская (*увидавъ подходящую къ ней Полину, взвизгиваетъ и бросается въ сторону*). Ай!... Не подходите, не подходите ко мнѣ! (*Начинаетъ вновь истерически рыдать.*)

Жанъ (*поддерживая ее*). Господи, Боже мой, да успокойтесь наконецъ! (*Полинѣ.*) Принесите стаканъ воды!

(**Полина** *убѣгаетъ.*)

Алексинская. Не надо... Проводите меня въ карету. (*Дѣлая шагъ впередъ.*) Au revoire, maman!

Столб.-Десят. До свиданья, ma chère, не нужно прощаться, иди прямо, а то ты пожалуй насъ всѣхъ заразишь... Жанъ, проводи ее, но только прежде чѣмъ возвращаться въ комнаты, прогуляйся по саду и пусть тебя окурятъ чѣмъ-нибудь. Адель, займись этимъ. (*Уходитъ въ комнаты, нюхая спиртъ, въ сопровожденіи всѣхъ находящихся на балконѣ.*)

Алексинская (*проходитъ направо возлѣ дома, поддерживаемая Жаномъ. Лѣвая ея рука лежитъ вдоль спины на лѣвомъ его плечѣ, голова на правомъ. Онъ держитъ ее за талію*). Такъ ты пріѣдешь, да?... Пріѣдешь?

Жанъ. Хорошо, хорошо, вечеромъ.

Алексинская. Поклянись!.. Я не буду жива... я умру, убью себя, если ты меня обманешь!...

(*Уходятъ.*)

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КАРТИНА 1-я.

Комната—гостинная-будуаръ. Противъ зрителей стеклянная балконная дверь и два окна. Направо: рояль, ближе къ авансцены—этажерка съ нотами, еще ближе входная дверь. У лѣваго окна – уголъ дамскій письменный столикъ. Налѣво: въ глубинѣ, дверь въ спальню, ближе—изящный диванчикъ, столъ, тумба, на которой горитъ, подъ розовымъ абажуромъ, лампа, шезъ-лонгъ, нѣсколько стульевъ, креселъ, табуретокъ. Посреди комнаты — столъ съ газетами, книгами, книгами; вокругъ стола—легкіе золоченые стулья. У дверей и оконъ тяжелыя портьеры. Дверь на балконъ открыта. Лунная ночь.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

На балконѣ у перилъ стоитъ **Алексинская.** *Большая пауза. Затѣмъ она медленно входитъ въ комнату.*

Алексинская (*входя и останавливаясь въ глубинѣ*). Все нѣтъ и нѣтъ! (*Убитымъ, полнымъ отчаянія голосомъ.*) Что же это такое?... Неужели все кончено?... (*Послѣ маленькой паузы.*) Все, все!... (*Заломивъ руки.*) Боже мой!... Но вѣдь это жестоко!... Безчеловѣчно!... вѣдь... (*Прислушиваясь.*) Пріѣхалъ!... идетъ!... (*Бросается къ правой двери, отпираетъ и слушаетъ. Затѣмъ опираясь въ изнеможеніи о косякъ.*) Нѣтъ... никого! (*Послѣ небольшой паузы.*) Нѣтъ, я не выдержу этого!... у меня силъ не хватаетъ! (*Идетъ быстро къ столу, хватаетъ колокольчикъ и звонитъ.*) Настя! Настя!...

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

(*Изъ лѣвыхъ дверей входитъ* **Настя.**)

Алексинская. Давно поѣхалъ посланный въ Бубново?

Настя. Какъ только изволили приказать. Ужь онъ долженъ скоро и возвратиться.

Алексинская. Пойди узнай.

Настя. Слушаю-съ. (*Уходитъ.*)

Алексинская. Развлечься бы чѣмъ-нибудь... (*Послѣ небольшой паузы.*) Или вотъ что... (*Звонитъ.*) Я лучше сама поѣду... Я не могу, не въ состояніи...

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

(*Входитъ* **Настя.**)

Алексинская. Вели заложить мнѣ карету!

Настя. Что вы, барыня!... Гроза сейчасъ бу-

детъ. Отъ Чермошны страсть что за туча идетъ! Молніи такъ и сверкаютъ!

Алексинская. Что ты толкуешь! Лунная тихая ночь...

Настя. Извольте посмотрѣть — съ балкона видно.

Алексинская (*идетъ на балконъ и взглянувъ налѣво*). Да, дѣйствительно!... (*Возвращаясь.*) Верховой вернулся?

Настя. Не знаю-съ... Не успѣла узнать— вы изволили позвать меня...

Алексинская (*нетерпѣливо*). Такъ иди же, иди!... Кого тамъ послали? Пожалуй ночевать еще будетъ!...

(**Настя** *уходитъ.*)

Алексинская. Все противъ меня, все!.. даже природа! (*Садится и рыдаетъ.*) Боже, Боже, что я за несчастная!... Господи, подкрѣпи меня, дай силы!... (*Вскакиваетъ, бѣжитъ къ письменному столу, зажигаетъ свѣчу, садится и пишетъ, то и дѣло разрывая написанное. Написавъ наконецъ письмо, складываетъ его вдвое, звонитъ, бѣжитъ къ столу, находящемуся среди комнаты, хватаетъ первую попавшуюся книгу, кладетъ въ нее письмо и завертываетъ все какъ попало въ листъ бумаги.*)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Настя (*входя*). Васька форрейторъ ѣздилъ. Онъ уже давно возвратился.

Алексинская. Ну и что же?

Настя. Отдалъ письмо.

Алексинская. А отвѣта нѣтъ?

Настя. Нѣтъ никакого.

Алексинская. На, вотъ. (*Отдавая ей книгу.*) Завяжи снуркомъ и чтобы сейчасъ кто-нибудь отвезъ Ивану Петровичу... Очень нужное,- я вчера забыла!... Знаешь, какая я забывчивая? Совсѣмъ безпамятная! Чтобы скакалъ поскорѣе и отдалъ...

Настя. Я скажу Демьяну кучеру, онъ расторопнѣе.

Алексинская. Хорошо. Пусть спѣшитъ!... Скажи что я приказала!...

(**Настя** *уходитъ.*)

Алексинская. Неужели онъ и послѣ этого не пріѣдетъ?... Что же тогда?... Тогда... Нѣтъ, не хочу думать, не хочу... Буду ждать, терпѣливо ждать!... Не можетъ быть... Не извергъ же онъ!... (*Хватаетъ первую попавшуюся книгу.*) Буду читать... (*Взглянувъ въ садъ.*) Мелькнуло что-то въ саду... (*Бѣжитъ къ балкону.*) Никого нѣтъ!... Птица, должно быть... (*Возвращаясь, взглядываетъ направо отъ себя.*) А туча приближается... (*Садится за роялъ и начинаетъ играть: сначала тихо, впечатлительно, потомъ быстрѣе, нервно; переходя въ allegro съ увлеченіемъ. Игра ея соотвѣтствуетъ настроенію духа. Ускоряя темпы, она нетерпѣливо колотитъ пальцами по клавишамъ и, закончивъ блестящимъ аккордомъ, въ изнеможеніи опускаетъ руки, а затѣмъ вскакиваетъ.*) Нѣтъ, это невыносимо! Я просто съ ума сойду!... (*Идетъ на середину комнаты.*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

На порогѣ правыхъ дверей, изъ-за портьеры, появляется **Жанъ**.

Алексинская (*увидавъ его, съ крикомъ бросается къ нему*). Жанъ!... Ты ли это?!.. Я была увѣрена, что ты пріѣдешь!

Жанъ (*освобождаясь отъ ея рукъ и идя впередъ*). Еще бы!... Какъ же не пріѣхать?... Поневолѣ пріѣдешь, когда вы прямо объявляете, что надѣлаете глупостей! (*Швыряетъ фуражку на столъ, опрокидывая флаконъ.*) Ну, спиртъ, лекарства!... Что съ вами приключилось?

Алексинская. Это духи, chère amie, просто духи: Violette de Parme. (*Вытирая платкомъ и поднося его къ лицу Жана.*) Твои любимые.

Жанъ (*отдаляя ея руку*). На что я вамъ нуженъ?

Алексинская (*растерянно*). Да такъ, Жанъ, такъ...

Жанъ. «Такъ»? Ну, въ такомъ случаѣ, я вамъ объявляю, что вы съ ума сошли! Вчера сцены, сегодня глупости!... Вамъ непремѣнно хочется скомпрометироваться? За этимъ дѣло не станетъ!... Что вы вчера вытворяли у grand' maman?

Алексинская (*оправдываясь*). Но, Жанъ, мнѣ дурно было...

Жанъ. Отчего? (*Алексинская смотритъ на него растерянно.*) Что за характеръ! Не удивлюсь ни на минуту, если мужъ васъ броситъ: съ вами жить наказанье! (*Схватываетъ фуражку и направляясь къ двери.*) Прощайте!

Алексинская (*догоняя его и удерживая*). Послушай, Жанъ!... (*Падаетъ на колѣни.*) Я у ногъ твоихъ... Ради Бога... выслушай меня! Такъ оставить меня нельзя... это жестоко! Вспомни все... вспомни мою жизнь, — я тебѣ ее отдала!

Жанъ (*поднимая ее*). Ради Бога, не кричите!...

Алексинская (*противясь ему*). Нѣтъ, я останусь такъ... я должна упрекать тебя... я... я на колѣняхъ, въ каждомъ словѣ буду просить у тебя прощенія!... Прости меня, милый, жизнь моя!... Что ты дѣлаешь со мной?...

Жанъ (*возвышая голосъ*). Да что же я дѣлаю наконецъ? (*Вырываясь отъ нея.*) Пустите меня, сдѣлайте милость... Эти вздоры заходятъ ужь очень далеко! (*Идетъ къ двери.*)

Алексинская (*вскакивая*). Въ такомъ слу-

чаѣ... (*Жанъ оборачивается, она бѣжитъ къ балкону и останавливается въ дверяхъ.*) Если ты уйдешь—я брошусь!

Жанъ (*быстро направляясь къ ней*). А чортъ возьми, съ вами потеряешь всякое терпѣніе!... (*Схватываетъ ее за руку и, оттащивъ отъ балкона—швыряетъ на шезлонъ. Отдаленный раскатъ грома.*) Извольте сидѣть спокойно!... Перестаньте дурить!... Иначе я (*хватаетъ колокольчикъ съ письменнаго стола.*) позову людей, чтобы они васъ связали какъ съумасшедшую!... или дамъ знать вашему управляющему—можетъ онъ съумѣетъ привести васъ въ порядокъ!... (*Молнія.*)

Алексинская (*сложивъ умоляющимъ образомъ руки*). Нѣтъ, Жанъ, нѣтъ, не надо... Ради Бога, что ты!... Я буду тиха, я успокоюсь... (*Жанъ ставитъ колокольчикъ на столъ, устремляя на нее сверкающій злобный взглядъ, она поджимаетъ ноги, обхватываетъ обѣими руками колѣни и продолжаетъ тихо, покачивая головой.*) Боже мой, Боже мой!... Что жь это такое? Такъ ли все проходитъ?... Неужели все прошло?... Я тебя полюбила... Богъ свидѣтель, мнѣ была не легка моя жертва; я вѣдь знала, что поступаю нехорошо... Неужели это не цѣнится? Послушай... (*Молнія и сильный ударъ грома. Она вздрагиваетъ, забившись въ кресло.*)

Жанъ (*хладнокровно, опустивъ драпировки у оконъ и балконной двери*). Я слушаю.

Алексинская (*вскакивая*). Видишь ли,—ты меня не любишь!... Ты бы такъ меня не мучилъ, если бы любилъ! Есть чувства, Жанъ, которыми не шутятъ... которыми шутить преступно! Я тебѣ наскучила; да, это ясно!... О, Боже, Боже мой, что закрывать глаза, — все для меня прошло!... все, все!... Если я тебѣ, быть-можетъ, и мила еще, то только по привычкѣ! (*Бросаясь къ нему и хватая его за руку.*) Жанъ, милый, дорогой... хоть изъ жалости, обмани меня, скажи, что ты все тотъ же!

Жанъ (*вырывая у ней свою руку*). Нѣтъ, я не «тотъ же»! Я не могу «тѣмъ же» быть!... Ты сама до этого доводишь!

Алексинская Я? (*Отходитъ къ столу, у шезъ-лонга.*) Когда хотятъ обвинить человѣка всегда находятъ вину.

Жанъ. «Хотятъ»? Ты хочешь выставить меня какимъ-то извергомъ! И въ который это разъ,— вмѣсто удовольствія у насъ выходятъ только однѣ сцены? То зависть, то подозрѣнія, то упреки, то чортъ знаетъ что такое!... И все «жертва»!... «Жертва» да «жертва»!... Ну, если эта жертва вамъ такъ тяжела, — такъ о чемъ толковать послѣ этого? Тогда прощайте!... Я не негодяй какой-нибудь, хвастать не буду,—будьте покойны...

(*Слышны сильный порывъ вѣтра и отдаленные раскаты грома.*)

Алексинская (*опираясь рукой о столъ*). Ты радъ предлогу потому, что любишь другую!

Жанъ. Ну конечно... теперь ревность!

Алексинская (*сборачиваясь къ нему*). А развѣ я не въ правѣ ревновать? Вчера, ты успокаиваешь меня, увѣряешь, что все будетъ по прежнему, а мать этой дѣвочки прямо говоритъ, что я должна спасти ее отъ тебя!... Спасти—понимаешь ли? О, Боже!... ему мало моихъ слезъ, моей любви, ему нужна глупость, развлеченіе, кто-нибудь, что-нибудь,—лишь бы не я! И не ревновать послѣ этого?... Не выходить изъ себя? У тебя нѣтъ сердца!... Ни сердца, ни совѣсти!... Несчастная нищая, чуть не ребенокъ, мать-сплетница, злая интриганка, готовая все переносить изъ дома въ домъ... Что такое она для тебя? Что? Говори... я хочу знать!... Я спрашиваю потому, что имѣю право!

Жанъ (*хладнокровно*). Что она для меня? (*Вынимая изъ кармана портсигаръ и доставая изъ него папиросу.*) То же что и вы!

Алексинская. Что?!...

Жанъ (*прячетъ портсигаръ, зажигаетъ спичку и закуривая папиросу*). Вы слышали.

Алексинская (*дѣлая къ нему шагъ*). Жанъ!

Жанъ (*пряча спичечницу*). Что еще?

Алексинская. Такъ вотъ па кого ты промѣнялъ меня!... Ну, этому нѣтъ и названія!... Это пошло, это безчестно!

Жанъ (*иронически улыбаясь*). Почему безчестно?

Алексинская. Почему? Онъ еще спрашиваетъ! Потому, Жанъ, что тебѣ ничего не стоило бросить меня, для Богъ знаетъ кого!

Жанъ. Ха, ха, ха, ха!... Вы смѣшите меня, Катерина Александровна...

Алексинская (*дрожащимъ отъ волненія и слезъ голосомъ*). У тебя хватаетъ дерзости смѣяться?

Жанъ. Еще бы, когда вы вздоръ говорите! Полно, перестаньте, бросьте этотъ тонъ, онъ вамъ не къ лицу!... Повѣрьте мнѣ, что эта «Богъ знаетъ кто», эта «несчастная нищая», «чуть не ребенокъ», эта «дѣвчонка», которую вы собираетесь спасти отъ меня — гораздо умнѣе и опытнѣе васъ! Спасайте себя лучше... не дѣлайте скандаловъ... опомнитесь! Что это вы такое затѣваете? Какія такія права распространяете на меня? Вы забыли о своемъ положеніи, о томъ, что вы и дѣйствуете, какъ наивный ребенокъ.

Алексинская (*рыдая, заломивъ руки*). Богъ накажетъ тебя, Жанъ... накажетъ ее!... Онъ видитъ мои страданія... Онъ справедливъ!

Жанъ. Перестаньте, говорю вамъ!... перестаньте глупить!

Алексинская (*бросаясь къ нему и хватая его за руки*). Нѣтъ это невозможно.. Этого

быть не можетъ! Она тебя никогда такъ не любила и не полюбитъ какъ я!... Ты очнешься, ты бросишь ее, возвратишься ко мнѣ!.. Взгляни на меня... Неужели...

Жанъ (*отталкивая ее такъ, что она падаетъ на шезъ-лонъ*). Очнитесь вы сами!... Идетъ кто-то!...

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

(*Изъ лѣвыхъ дверей* (*спальни*) *быстро входитъ* **Неряцкій**, *еле переводя духъ.*)

Неряцкій (*не останавливаясь и швыряя фуражку на столъ, ходя по комнатѣ, какъ бы продолжаетъ разговоръ*). Но вы не можете не согласиться со мной, что вліяніе воздуха на организмъ человѣка представляетъ собой одно изъ условій жизни. Во время грозы воздухъ насыщенъ электричествомъ, а потому...

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

(*Изъ правыхъ дверей входитъ* **Пехлецовъ**.)

Пехлецовъ (*входя*). Являюсь на крыльяхъ бури. (*Подбѣгая къ Алексинской и протягивая ей руку*). Летѣлъ узнать о вашемъ здоровьѣ... (*Пожимая машинально протянутую ему руку.*) Вчера случилась такая неожиданность... (*Взглянувъ на нее.*) Но Боже мой, что съ вами?

Алексинская (*тихимъ голосомъ, едва живая*). Я испугалась.

Пехлецовъ. Грозы? Да, нервныя натуры...

Неряцкій. Я только что объ этомъ говорилъ. Мы вотъ вдвоемъ успокаиваемъ Катерину Александровну, хотя не совсѣмъ сходимся во взглядахъ.

Пехлецовъ (*протягивая ему руку*). Мое почтеніе, mr. Неряцкій. (*Протягивая руку Жану.*) Bon soire, cher ami... Я прямо изъ Бубнова. Тамъ ничего не знаютъ о здоровьѣ очаровательной сосѣдки. Катерина Петровна у себя, въ своей комнатѣ, Аделаида Григорьевна что-то не въ духѣ; Иванъ Петровичъ, говоритъ, у m-me Alexinsky, поѣзжайте и вы туда, можетъ-быть, узнаете что-нибудь интересное... M-lle Pauline не видалъ, она не выходила — испугалась грозы и спряталась... Что же это вы, господа, не позаботились, чтобы madame не замѣтила ужасовъ природы? Хе, хе, хе!...

Жанъ (*смущенный*). Можетъ-быть вамъ удастся это сдѣлать.

Пехлецовъ. О, я готовъ... Знаете, господа, что? Мы въ этомъ замкѣ путники застигнутые непогодой и обязаны стараться сократить вечеръ для прелестной хозяйки. Я подаю совѣтъ: прикажите поставить столъ и мы всѣ вчетверомъ, наперекоръ стихіи, не внимая ничему — ни бури, ни грому, храбро сразимся на зеленомъ полѣ!

Неряцкій. Прекрасно придумано.

Жанъ. Я отказываюсь.

Пехлецовъ (*съ удивленіемъ*). Почему?

Жанъ. По моему, отъ грозы лучше всего бѣжать домой; да и Катеринѣ Александровнѣ давно пора успокоиться.

Алексинская (*вставая*). Да, дѣйствительно, мнѣ дурно... я пойду къ себѣ...

Пехлецовъ (*смущенный*). Въ такомъ случаѣ .. конечно...

Жанъ (*хватая фуражку*). До свиданья, Катерина Александровна. (*Подаетъ ей руку.*)

Алексинская (*судорожно сжимая ее*). До завтра... a demain (*Подавая руку Пехлецову.*) Благодарю васъ, mr. Пехлецовъ, за вниманіе (*Подавая руку Неряцкому.*) Спокойной ночи, mr. Неряцкій.

(*Всѣ трое раскланиваются между собой и уходятъ*: **Жанъ** *и* **Пехлецовъ** *въ правую дверь,* **Неряцкій**—*на балконъ. Но едва успѣла опуститься за Жаномъ и Пехлецовымъ портьера, онъ тотчасъ же опять входитъ въ комнату.*)

Неряцкій (*подойдя къ Алексинской, твердымъ голосомъ*). Я спасъ васъ, Катерина Александровна, отъ скандала и позора на всю губернію; но чтобы это было въ послѣдній разъ! Вашъ мужъ—честнѣйшій и прекраснѣйшій человѣкъ, онъ вамъ не затѣмъ далъ свое имя, чтобы вы его топтали въ грязь! Предупреждаю васъ: завтра въ пять часовъ утра онъ пріѣзжаетъ сюда!... Будьте осторожны, бросьте всѣ эти ваши продѣлки съ этимъ... послѣднимъ изъ рода Столбинъ-Десятовыхъ!... Они къ добру не приведутъ! Въ порывѣ увлеченія вы потеряли стыдъ, забыли кто вы и что вы. Опомнитесь.... Очнитесь, оглянитесь вокругъ!... Что вы дѣлаете!... Вотъ вы набожная женщина, — обратитесь къ Богу, зажгите передъ образомъ лампаду, станьте на колѣни, да помолитесь поусерднѣе, попросите Творца, чтобы Онъ помогъ вамъ образумиться, отрѣшиться отъ пошлости... Вы срамите себя! До свиданья, простите за горькую истину, если я позволилъ себѣ ее вамъ высказать, то только изъ дружбы къ вашему мужу, въ надеждѣ на ваше доброе сердце! Заприте за мною дверь. (*Уходитъ на балконъ.*)

(**Алексинская** *стоитъ точно полуживая, опустивъ голову, выдвинувъ ее немного впередъ и устремивъ взглядъ въ одну точку.*)

Занавѣсъ.

КАРТИНА 2-я.

Гостиная. Прямо дверь. Налѣво: въ углу каѳельная печь, возлѣ нея маленькая, краснаго дерева одностворчатая дверь, ближе большой старинный краснаго дерева съ бронзой диванъ, передъ нимъ такой же покрытый скатертью столъ и по обѣимъ сторонамъ полукруглыя кресла. Направо: готическая стеклянная дверь и два такихъ же окна, изъ которыхъ у перваго стоитъ большое вольтеровское кресло, возлѣ него, со стороны окна, столъ, ближе стулъ, а сзади ширма. На полу подъ всѣми этими предметами, разосланъ коверъ; передъ кресломъ—большая, въ видѣ подушки, скамейка; на столикѣ—сундучекъ съ шерстью у начатой работы—вышиванія, лампа подъ абажуромъ и книга. На столѣ, передъ диваномъ, тоже лампа; обѣ зажжены. Вообще вся обстановка богатая, старинная: ковры, лампы, канделябры, картины. По обѣимъ сторонамъ двери противъ зрителя шкафчики съ серебромъ и чашками; на одномъ изъ нихъ часы подъ колпакомъ, на другомъ китайская слоновой кости группа, тоже подъ стекломъ. Готическія окна и двери съ большими нишами. Всюду, кромѣ двери краснаго дерева, тяжелыя драпировки подъ цвѣтъ мебели.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

При поднятіи занавѣса изъ среднихъ дверей выбѣгаетъ **Вася** *съ посланной Алексинской Жану книгой и подбѣгаетъ къ боковымъ дверямъ.*

Вася (*отворивъ двери, тихо*). Адель, chère Adèle! На минуточку.

Адел. Григор. (*входя*). Что такое, Базиль?

Вася. Подите сюда... (*Таинственно отводитъ ее отъ двери*). Вотъ... (*показываетъ ей завернутую, но развязанную книгу.*) Я не знаю, что мнѣ дѣлать?... Я только что былъ на крыльцѣ и смотрѣлъ на удаляющуюся грозу... «Бѣдный Пехлецовъ, думалъ я, какъ-то онъ доберется...» вдругъ вижу быстро въѣзжаетъ во дворъ кучеръ m-me Alexinsky,—весь мокрый, лошадь еле дышетъ... подлетаетъ къ крыльцу, подаетъ мнѣ что-то завернутое въ бумагу и говоритъ: «барыня прислали Ивану Петровичу, приказали спѣшить, потому что очень нужное». Меня это очень удивило: — что такое?... въ такую погоду...

Адел. Григор. (*перебивая его*). Тѣмъ болѣе, что часа два тому назадъ пріѣзжалъ уже одинъ посланный отъ нея съ запиской...

Вася. Ну да... да и Жанъ давно уже уѣхалъ къ ней... вѣроятно по ея-же вызову.

Адел. Григор. Конечно.

Вася. Вотъ я и рѣшился развернуть бумагу.—«Хорошо, говорю кучеру,—я передамъ...» а самъ къ себѣ на верхъ...

Адел. Григор. (*заинтересовавшись*). Ну, ну, ну?

Вася. Развязываю снурокъ...

Адел. Григор. Ну?... и что-же?

Вася. Книга. Раскрываю—письмо!

Адел. Григор. Отъ нея?

Вася. Да.

Адел. Григор. Гдѣ-же оно?

Вася (*доставая изъ книги*). Вотъ! Я его прочелъ... Мнѣ просто страшно, Адель... Я пораженъ... Я возмущаюсь...

Адел. Григор. (*выхватившая въ это время письмо, поднося его къ лампѣ, держа далеко отъ глазъ*). Ахъ я забыла мое пенснэ...

Вася. Дайте я вамъ прочту. (*Беретъ письмо и читаетъ:*) «Ты меня погубишь, ты хочешь моей смерти! Ради всего, что тебѣ свято, ради нашей любви, Жанъ, заклинаю тебя, пріѣзжай сейчасъ. Ты не имѣешь понятія о моемъ страданіи, повѣрь ему, какъ я все еще хочу вѣрить, что ты меня любишь, что еще не измѣнилъ мнѣ для этой... У меня нѣтъ мужества назвать ее. Пріѣзжай. Твоя Catherine...» Что-же это такое, Адель? Вѣдь это ужасно!

Адел. Григор. Бѣдный ребенокъ!... Вы такъ невинны еще, такъ невинны, мой милый Базиль! Это не женщина, а само преступленіе!... Но и вашъ братецъ тоже хорошъ!... Спрячьте записку, и все тутъ. Она вамъ пригодится: при случаѣ вы и предъявите ее grand'maman, какъ аргументъ.

Вася. А книгу?

Адел. Григор. А книгу мы завернемъ опять, (*дѣлаетъ это.*) завяжемъ какъ была (*завязываетъ.*) и положимъ Ивану Петровичу на столъ въ его комнатѣ.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Полина (*входя*). Что-же это вы сказали Пехлецову, что будто я испугалась грозы, запряталась къ себѣ и не выхожу къ нему?

Адел. Григор. Когда?

Полина. Вечеромъ... (*садясь на правой сторонѣ на стулъ возлѣ рабочаго столика генеральши*). Сегодня вечеромъ, часъ тому назадъ; я сама слышала .. была въ сосѣдней комнатѣ и...

Адел. Григор. Подслушивали?

Полина. Къ этому не нужно было прибѣгать—вы говорили такъ громко, что чуть не кричали! Меня удивляетъ только, что вы такъ оберегаете старика отъ встрѣчи со мной!... Я

для васъ неопасный конкуррентъ, повѣрьте мнѣ, — Нехлецовъ меня нисколько не интересуетъ...

Адел. Григор. (*злобно*). Очень вѣрю... Васъ интересуетъ другой — молодой, красивый...

Вася (*съ видомъ наивности*). Братъ Иванъ... Не правда-ли?

Полина (*Васѣ, сдержавъ себя*). А вы много приготовили изъ алгебры? Аделаида Григорьевна только что сказала бабушкѣ, что вы заняты уроками.

Вася (*вспыхнувъ*). Это васъ не касается, mademoiselle Pauline! Конечно, я дитя... и...

Адел. Григор. И зажать ротъ ребенку не трудно; — но вы не зажмете другимъ! (*Васѣ, отдавая завернутую книгу.*) Идите, Базиль, отнесите куда слѣдуетъ. (*Вася уходитъ въ среднюю дверь.*) Мнѣ кажется, Павла Егоровна, что вамъ не мѣшаетъ...

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Столб.-Десят. (*выходя изъ боковыхъ дверей*). Ну что, — гроза унялась?

Адел. Григор. Да, совершенно...

Полина (*поднимая штору у окна*). Какъ-бы ничего не было: небо прояснилось, мѣсяцъ свѣтитъ...

Столб.-Десят. Все-таки опустите штору и чтобы все въ домѣ было заперто... воздухъ еще не очистился, — полонъ этого... какъ его... ну, изъ чего гроза бываетъ?..

Полина. Электричества.

Столб.-Десят. Ну да. (*Садясь въ кресло.*) Я бы послушала. На чемъ мы остановились?

Полина (*взявъ книгу*). На томъ, какъ Сафо...

(*Входитъ* **Вася** *и приближается къ Аделаидѣ Григорьевнѣ*).

Столб.-Десят. Или, можетъ быть, мы составимъ партію?... Я, (*Аделаидѣ Григорьевнѣ*) ты, Жанъ (*Адел. Григор. дѣлаетъ знакъ Васѣ, указывая глазами на бабушку*) и Анна Оедоровна... (*Замѣтивъ, что Вася шепчетъ что-то Адел. Григ—нѣ*). Что такое?

Вася (*въ замѣшательствѣ*). Ничего, grand' maman.

Столб.-Десят. (*Аделаидѣ Григ—нѣ*). Такъ вели приготовить столъ. Гдѣ Жанъ?

Вася (*тихо, въ еще большомъ замѣшательствѣ*). Онъ уѣхалъ, grand'maman.

Столб.-Десят. Уѣхалъ? Въ такую погоду... не сказавъ мнѣ ни слова!... Куда? (*Вася опять шепчетъ что-то Аделаидѣ Григорьевнѣ, дѣлая видъ, что онъ растерянъ.*) Что ты все шепчешь? что съ тобою? (*Пауза.*) Я тебя спрашиваю!... (*Вася молчитъ.*) Онъ, право, глупъ, этотъ мальчикъ!... Если ты не знаешь, — такъ все-таки отвѣчать можешь!

Адел. Григор. (*тихо и несмѣло*). Онъ знаетъ...

Столб.-Десят. Знаетъ?... Такъ отчего же молчитъ?

Вася (*съ испуганнымъ и въ высшей степени растеряннымъ видомъ*). Я... я не смѣю, grand'maman, не смѣю сказать вамъ...

Столб.-Десят. (*холодно и твердо*). Не смѣешь сказать? Почему?

(**Полина**, *предчувствуя бѣду — оставляетъ книгу, которую просматривала, и, взглянувъ на Васю и Аделаиду Григорьевну, приходитъ въ ужасъ.*)

Вася (*подавая бабушкѣ записку, присланную Алексинской*). Вотъ... Жанъ, grand' maman, поѣхалъ къ m-me Алексинской... Ему прислали, grand'maman, эту записку... онъ, должно быть, потерялъ ее... я поднялъ... Я, конечно, виноватъ, grand'maman, что осмѣлился прочесть ее, grand'maman... я, разумѣется, еще такъ молодъ, что не долженъ понимать этого; но, grand'maman, если, къ моему несчастію, я узналъ... я просто не могу опомниться... вѣдь это преступленіе, grand'maman!...

Столб.-Десят. (*читая въ это время, смотря въ лорнетъ на записку*). Что это? (*Показываетъ на слова.*) нечетко написано: «у меня нѣтъ му... мужа...» что-ли? Не разберу.

Вася (*не глядя на записку*). «У меня нѣтъ мужества назвать ее», grand'maman.

Столб.-Десят. Да, дѣйствительно такъ! (*Опуская записку.*) Ты, кажется, наизусть выучилъ!... (*Переводитъ взглядъ, смотря тоже въ лорнетъ, на Полину.*)

Вася (*въ то же время*). Вы сердитесь на меня, grand'maman... я не понимаю, чѣмъ я заслужилъ вашъ гнѣвъ? Если я не тотчасъ-же отвѣтилъ вамъ, то только потому, что не смѣлъ сказать на брата... Я былъ такъ пораженъ, grand'maman... Я давно знаю эту исторію — ее всѣ знаютъ... Вамъ одной, grand'maman, было угодно ничего не замѣчать, потому что вы такъ исключительно любите брата Ивана, grand'maman, что для него дѣлаете несправедливости въ отношеніи къ вашему остальному семейству. Я вамъ это долженъ сказать, grand' maman... Вы отдѣляете ему имѣніе, онъ ужь объявляетъ свои претензіи на Бубново, а Бубново, grand'maman, изъ рода въ родъ часть дочерей и должно быть передано моей матери... (*Встрѣтивъ взглядъ бабушки, которая послѣ наблюденій надъ Полиной опять прочитала записку и, позвонивъ, обратила свой взоръ на него.*) Конечно, grand'maman, на это все ваша воля; но, grand'maman, вы

закрываете глаза на пороки вашего любимца и изъ-за него оскорбляете другихъ!... Вы сейчасъ сказали, grand'maman, что я глупъ... Я этого никакъ не могъ ожидать!... Братъ Иванъ въ правѣ дѣлать все, что хочетъ въ вашемъ домѣ, даже преступленія, grand'maman, которыя не терпятся ни въ какомъ обществѣ, а я...

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

(*Входитъ* **Лакей**).

Столб.-Десят. Какъ только Иванъ Петровичъ возвратится домой, позвать его ко мнѣ.

Лакей Слушаю-съ. Они уже пріѣхали. (*Уходитъ*).

Столб.-Десят. (*отстраняя Васю рукой*). Уйди! (*Неподвижно смотритъ на записку, соображая что-то.*)

Вася. Я уйду, grand'maman, я уйду... Я знаю, что вамъ ничего не стоитъ прогнать меня!.. Вы безсердечны ко мнѣ, grand'maman... Иванъ Петровичъ будетъ этимъ очень доволенъ: онъ избавится отъ свидѣтеля своихъ недостойныхъ поступковъ... потому что я видѣлъ своими глазами, слышалъ своими ушами... (*Столб.-Десят. взглядываетъ на него.*) Хорошо, grand' maman, хорошо, отдайте ему Бубново—вы увидите тогда...

Столб.-Десят. (*повышая голосъ*). Я тебѣ сказала—уйди!

Вася (*впадая въ азартъ и не обращая вниманія на дѣлаемыя ему знаки Аделаидой Григорьевной*). Извольте, grand'maman, извольте.. я уйду... уйду совсѣмъ, но... вамъ стало-быть не оскорбительно, вамъ пріятно, что вашъ любимецъ не только компрометируетъ особу изъ высшаго общества, замужнюю женщину,—готовитъ скандалъ, дуэль, но... и позволяетъ себѣ, кромѣ того, заводить въ вашемъ домѣ любовную интрижку съ дѣвушкой, стоящей гораздо ниже нашего достоинства?... Или вы ужь такъ ослѣплены имъ, grand'maman, что по вашей безпредѣльной къ нему любви,—вы позволите ему жениться на ней? Это будетъ замѣчательное украшеніе для вашего герба, grand'maman!

Столб.-Десят. (*выпрямившись*). Что?! (*Схвативъ его за руку и притянувъ къ себѣ.*) Что ты осмѣлился сказать?!

Вася (*разражаясь рыданьями*). Вы доведете меня до отчаянія, grand'maman,—я невиноватъ, если я и вчера, и сегодня, и прежде десять разъ видѣлъ и слышалъ, какъ Иванъ Петровичъ и mademoiselle Pauline...

Столб.-Десят. Ты лжешь!

Вася. Спросите кого хотите—людей вашихъ, если мнѣ не вѣрите.

Столб.-Десят. (*спокойно*). Посмотримъ; и увижу, правду-ли ты говоришь. (*Обращая взоръ на застывшую Полину.*) Позовите вашу мать. (*Полина дѣлаетъ поползновеніе встать, но не можетъ.*)

Адел. Григ. Ахъ, ваше превосходительство, поберегите себя!

Столб.-Десят. Mademoiselle Pauline, я вамъ, кажется, говорю! Что это всѣ нынче оглохли!

Адел. Григ. (*бросаясь къ боковой двери, отворяетъ ее и кричитъ*). Позвать Анну Ѳедоровну.

(*Изъ среднихъ дверей входитъ* **Жанъ**).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Жанъ (*входя*). Bon soir, grand'maman. (*Подходитъ къ ней и цѣлуетъ ея руку.*) Вы желали меня видѣть. Какъ ваше здоровье?

Столб.-Десят. (*холодно*). Я здорова. Ты, говорятъ, женишься!?. Правда-ли это?

Жанъ (*послѣ небольшой паузы, слегка улыбаясь*). Можетъ быть.

Столб.-Десят. (*Гнѣвно*) Sortez!

Жанъ (*спохватившись*). Но я... я пошутилъ, grand'maman....

Столб.-Десят. Я, милый мой, для шутокъ могу держать въ моемъ домѣ кого-нибудь другого. Ступай вонъ и чтобы нога твоя здѣсь больше не была! Я тебя не знаю. Ты для меня теперь—ничто!

Жанъ (*теряясь*). За что-же, grand'maman?

Столб.-Десят. Ты получилъ имѣніе своей матери и можешь жить имъ какъ тебѣ угодно. Твой дѣдъ,—мой мужъ, не нашелъ нужнымъ отдѣлить своего глупаго сына—отца твоего, я могу сдѣлать тоже съ непочтительнымъ внукомъ. Поди вонъ!

Жанъ. Но это....

Столб.-Десят. Что «это»? Ты манкируешь мнѣ въ моемъ собственномъ домѣ, позволяешь себѣ такія вещи, о которыхъ я и говорить не хочу,—и смѣешь думать, что я потерплю это?

Жанъ (*вспыхнувъ, но сдерживая себя, дрожащимъ голосомъ*). Я постараюсь поправить свою ошибку....

Столб.-Десят. Ты? (*Смотритъ на него въ лорнетъ недовѣрчиво-вопросительно.*)

Жанъ. И, конечно, для этого не осмѣлюсь никогда прибѣгнуть къ вашей помощи.... (*Теряется.*)

Столб.-Десят. Я полагаю! Посмотримъ.... Теперь можешь идти.... Я уже сказала! (*Жанъ дѣлаетъ шагъ къ двери.*) Да, вотъ еще.... (*Подавая ему записку Алексинской.*) Возьми...

въ другой разъ будь осторожнѣе и не теряй!... Это безчестно—такія вещи сжигаются!

(**Жанъ** *въ замѣшательствѣ сжимаетъ записку въ рукѣ и уходитъ.* **Полина** *порывисто встаетъ, дѣлаетъ нервно нѣсколько шаговъ, проходя мимо Столб.-Десят., затѣмъ шатается и падаетъ на кресло въ обморокѣ.*)

Вася (*въ то же время*). Ну вотъ, grand' maman, вы видите... я говорилъ... вы мнѣ не вѣрили... а между тѣмъ...

Столб.-Десят. (*отстраняя его*). Отойди въ сторону! (*Смотритъ въ лорнетъ на Полину, потомъ звонитъ.*)

Адел. Григ. (*принявъ Васю въ свои объятія*). Ради Бога, ваше превосходительство, не растраивайте своего здоровья... Не стоятъ они....

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

(*Входитъ* **Лакей**).

Столб.-Десят. Кто тамъ? Это ты, Иванъ?

Лакей. Такъ точно, ваше превосходительство.

Стоб.-Десят. Поди проводи Василія Васильевича въ его комнату, запри ее за нимъ и ключъ принеси мнѣ.

Вася. Mais, grand'maman...

Столб.-Десят. Ты уже довольно наговорилъ мнѣ дерзостей. (*Продолжая вышивать.*) Не заставляй меня....

Вася (*сквозь слезы*). Извольте, grand'maman, извольте... я повинуюсь, я долженъ, принужденъ повиноваться вамъ,—моя мать, мой отецъ далеко, я здѣсь сирота.... Я могъ-бы перебить вашихъ лакеевъ, но я уважаю вашъ домъ....

Столб.-Десят. (*спокойно.*) Иванъ!...

Адел. Григор. (*тихо и осторожно*). Поднте, Базиль....

Вася (*бросивъ презрительный взглядъ на Адел. Григ., а затѣмъ на бабушку*) Извольте... (*Рѣшительнымъ тономъ*). Хорошо, я ухожу! (*Уходитъ въ среднюю дверь, лакей слѣдуетъ за нимъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

(*Изъ боковыхъ дверей вбѣгаетъ въ попыхахъ* **Анна Ѳедоровна**, *поправляя засученные рукава.*)

Столб.-Десят. (*при ея появленіи*). А васъ обоихъ чтобы къ утру въ моемъ домѣ не было.

Анна Ѳедор. (*окаменѣвъ*). Ваше превосходительство!

Стобл.-Десят. Ступайте къ себѣ.

Анна Ѳедор. Творецъ мой!... Господи!... Куда-же мы денемся?!

Адел. Григ. (*съ хохотомъ*). У вашей дочери найдутся покровители!

Анна Ѳедор. (*падая на колѣни*). Ваше превосходительство, Катерина Петровна!...

(*Столб.-Десят. сидитъ, молча разсматривая вышиваемую ею работу.*)

Адел. Григор. Да что вы кричите? Вы свою дочь Столбинъ-Десятовымъ въ родню что-ли прочили? Господи, дерзость какая, неблагодарность, срамъ!...

Анна Ѳедор. (*подвигаясь на колѣнахъ впередъ, сложивъ молитвенно руки*). Ваше превосходительство, не дайте погибнуть намъ. Не доводите меня.... Это хоть руки наложить на себя, жизнь свою проклясть....

Столб.-Десят. (*надѣвъ наперстокъ и взявъ иглу*). Кляните вотъ кого. (*Указываетъ на Полину.*)

Анна Ѳедор. (*вскочивъ на ноги и оглянувшись на дочь*). Ее?... ее?... А вашъ внукъ правъ? Онъ правъ? Вы всѣ правы? Вотъ эта собака (*указываетъ на Адел. Григ.*), что лаетъ на меня—она права?... Такъ и гнать насъ? Да гдѣ-же правда-то у Бога? Ее погубили, ее и гонятъ! Онъ позабавился, а ей пропадать!... Ваше превосходительство, ради самого Христа... ради вашего смертнаго часа!... Вѣдь умрете и вы... хоть это припомните! Тяжело вамъ тогда будетъ, какъ вотъ это лицо вы передъ собой увидите!... (*Бросаясь къ дочери*). Поля, Поля моя, Поля!... Встань, подн, проси сама.... сжалятся! Ваше превосходительство, вѣдь кто виноватъ? Весь свѣтъ виноватъ! Развѣ въ немъ безъ грѣха проживешь? Развѣ вы сами безгрѣшны? Вѣдь и вамъ покаяніе, милость Господа нужны! Куда-же мы пойдемъ?... Что-же вы ее на весь свѣтъ.... дѣвочку!... Дѣвки, лакеи ваши... Ради самого Господа! Каково взглянуть въ глаза....

Адел. Григор. Ха... ха... ха... Вы до сихъ поръ всѣмъ смотрѣли!... Ничего!

Анна Ѳедор. (*падая вновь на колѣни передъ Столб.-Десят., потрясающимъ голосомъ*). Ваше превосходительство, ради страшнаго суда Божьяго!... (*Хватаетъ ея платье и цѣлуетъ.*) Ради памяти вашей матери, отца...

Столб.-Десят. (*вытянувъ платье изъ ея рукъ и продолжая шить*). Да пойдите-же... я вамъ сказала!...

Адел. Григор. Я позову человѣка....

Полина (*поднявшись съ мѣста*). Не надо, не безпокойтесь. (*Тихо подойдя къ матери и тронувъ ее за плечо.*) Пойдемте, маменька... Здѣсь милосердья нѣтъ!

(**Анна Ѳедоровна**, *оглянувшись, вскакиваетъ и рыдая виснетъ на шеѣ дочери.* **Полина**, *шатаясь, выводитъ ее въ боковую дверь*).

Столб.-Десят. (*послѣ небольшой паузы, опуская работу*). Мнѣ-бы хотѣлось чаю, Адель.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Обстановка сцены та-же, что въ 3-мъ дѣйствіи. Столъ сервированъ къ чаю.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Въ глубинѣ ходитъ **Полина. Жанъ** *быстро спускается съ балкона, осматривается и, замѣтивъ Полину—направляется къ ней. Она идетъ къ нему на встрѣчу.*

Жанъ (*подходя къ ней*). Что тебѣ нужно? Говори скорѣй... Тебѣ велѣно уѣхать отсюда? да?

Полина. Сегодня-же утромъ.

Жанъ. А, вотъ какъ! Это Вася все разсказалъ про насъ бабушкѣ?

Полина. Да, Вася.

Жанъ. И письмо Алексинской ей передалъ?

Полина. Все онъ!

Жанъ. Я такъ и зналъ!.... (*Ходитъ по сценѣ.*) Этого и нужно было ожидать!...

Полина. Вотъ до чего довели твои ухаживанья за этой дурой!...

Жанъ (*продолжая ходить*). Скверно!... И нелегкая-же понесла его къ старухѣ!... (*Останавливается въ размышленіи у стола.*)

Полина (*робко*). Какъ-же мнѣ быть, Ваня?... Что мнѣ дѣлать?...

Жанъ (*ударяя кулакомъ по столу*). А, чортъ побери мальчишку!... Теперь она имѣнья не отдастъ!

Полина (*съ ужасомъ*). Ваня,..... Ваня!...

Жанъ (*не замѣтивъ тона ея восклицанія*). Да, конечно!.... Развѣ ты не слышала что она вчера сказала?... Теперь все кончено!... Теперь она запоетъ такую пѣсню, что хоть вонъ бѣги изъ дома!...

Полина. Ахъ какой ты негодяй!

Жанъ. Что такое?

Полина (*тѣмъ же тономъ*). Что такое? Ты еще спрашиваешь? Ты меня погубилъ и тебѣ нѣтъ дѣла, что меня гонятъ, что меня позорятъ на весь свѣтъ!... Ты о себѣ только думаешь!... Лакей твой хохоталъ сейчасъ, когда я посылала за тобой.... я у матери ножъ изъ рукъ отняла, а тебѣ нѣтъ дѣла!... У тебя разсчеты въ головѣ.

Жанъ (*подходя къ ней и взявъ ее за руку*). Ну, полно, полно....

Полина (*дрожащимъ отъ слезъ голосомъ*). Грѣхъ тебѣ, Ваня!... Вспомни, что ты говорилъ мнѣ, обѣщалъ.....какъ клялся, увѣряя, что никогда не оставишь, не бросишь меня, что я буду твоею женою, что никогда насъ никто не разлучитъ! Вспомни, какъ еще недавно—три дня тому назадъ, здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, ты мнѣ сказалъ, что никого тебѣ, кромѣ меня о д н о й не надо, что ты мнѣ это докажешь.... что я должна вѣрить!... Доказалъ!... нечего сказать!... Спасибо!

Жанъ. Ахъ, Боже мой, какая ты странная.....

Полина. Вѣдь я люблю тебя, Ваня!

Жанъ. Знаю, вѣрю,.... но что-же дѣлать? Я самъ тебя люблю.... Ты дѣвочка добрая, умная....

Полина. Что дѣлать м н ѣ? М н ѣ, понимаешь-ли ты,—м н ѣ!?

Жанъ (*оторопѣвъ*). Тебѣ? Да..... въ самомъ дѣлѣ.... какъ-же быть.... дай подумать.... (*Смотритъ на нее. Пауза.*) Тебѣ нужно уѣхать отсюда.

Полина. Да?

Жанъ. Разумѣется. И даже какъ можно скорѣе.

Полина (*злобно*). Ха.... ха.... ха.... Да, дѣйствительно; теперь я это вижу; нужно было такъ и сдѣлать.... нужно было уѣхать,—хотя бы въ грозу, со страхомъ и стыдомъ.... упросивши кого нибудь на деревнѣ отвезти насъ въ городъ.....

Жанъ (*нетерпѣливо*). Постой!... Все это ты не то говоришь! Вѣдь все равно, такъ или иначе, а убраться отсюда надо будетъ.... Тутъ ничего не подѣлаешь!...

Полина (*рѣзко*). Ничего!

Жанъ. Конечно. Садись вотъ сюда..... (*указываетъ на стулъ у стола.*) и потолкуемъ спокойно, какъ слѣдуетъ..... что проку неистовствовать!... (*Она садится.*) Видишь-ли, другъ мой..... (*Беретъ стулъ и садится тоже возлѣ нея.*) Я дѣйствительно увѣрялъ тебя въ своей любви, обѣщалъ жениться на тебѣ.... дѣйствительно клялся быть вѣчно твоимъ.... Да, все это было.... все это такъ! Ты права, я съ этимъ не спорю и отъ словъ своихъ не отказываюсь! Но, видишь-ли,..... я не предвидѣлъ того, что произошло.... Я полагалъ, что бабушка выдѣлитъ меня, отдастъ мнѣ имѣніе, я уѣду въ Петербургъ, ты пріѣдешь туда-же и дѣло уладится. Узнавши о нашей свадьбѣ—она, конечно, разсердилась-бы, воспылала бы благороднымъ гнѣвомъ, не признала-бы тебя своей внучкой,—но т о г д а, въ т о в р е м я,—гнѣвъ ея былъ-бы для меня—все равно, что ничего. «Сердита Матрена, да не сильна,—та жь ворона», говоритъ русская пословица; ну а т е п е р ь, теперь дѣло иное... т е п е р ь она моя повелительница; теперь я ее ослушаться не могу!...

Полина (*съ гордой ироніей*). И рада-бы душа въ рай, да грѣхи не пускаютъ?

Жанъ. Совершенно справедливо. Слѣдовательно о свадьбѣ перестань и думать. Нечего о вздорѣ толковать: съ Столбинъ-Десятовыми и всей ихъ родней не сладить какъ нибудь и кому нибудь!... Такъ будь умна и смотри на вещи какъ должно.....

Полина. Какъ же это? Научите пожалуйста... Научите что дѣлать? Отправится-ли въ Москву и тамъ шататься, по прежнему, изъ дома въ домъ,—куда пустятъ и покуда пускать не перестанутъ...или пойти утопиться? Мнѣ все равно, я на все готова!...

Жанъ. Сумасшедшая, перестань! Какія вы всѣ крикуньи! Просто сладу съ вами никакого нѣтъ! Ни въ Москву тебѣ, ни топиться не надо.

Полина. А что-же нужно?

Жанъ. Нужно свободнѣе быть—вотъ что! Знакомства твои московскія все это ерунда, ничего не стоятъ; твое положеніе всегда было неловкое.... а я, между тѣмъ, отъ тебя не отказываюсь, бросать тебя не думаю—такъ о чемъ-же горевать? Мало-ли живутъ, въ наше время, по семейному, какъ мужъ съ женой, не будучи вѣнчанными, такъ сказать, въ гражданскомъ бракѣ?.... Ну вотъ и мы тоже.... Понимаешь?

Полина. Понимаю! Вы хотите меня содержанкой сдѣлать!....

Жанъ (*нетерпѣливо*). Ахъ, Боже мой, зачѣмъ-же такъ говорить?... Не все ли равно?...

Голосъ **Столб.-Десятов**. *за сценой.* Наконецъ это можно было-бы уладить иначе;—пошли узнать отъ моего имени....

Жанъ (*поспѣшно*). Бабушка идетъ!...

Полина. И это все, что вы нашли нужнымъ и возможнымъ мнѣ сказать?

Жанъ. Уходи скорѣй!... Послѣ, потомъ, мы поговоримъ еще....

Голосъ **Столб.-Десятовой**. Что? Послала уже?... Да? (*Появляется въ сопровожденіи* **Ад. Гр.** *на балконѣ.*)

Жанъ. Да уходи-же!.. Говорятъ тебѣ, уходи!.. (*Хватаетъ ее за талію, желая увести.*)

Полина (*отталкивая его*). Оставьте меня!... Оставьте, не прикасайтесь ко мнѣ... теперь я все поняла!... (*Поспѣшно уходитъ направо*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Столб.-Десят. (*сходя съ балкона*). Ты говоришь онъ ночью пріѣхалъ?

Адель Григ. Въ пятомъ часу утра. Влетѣлъ въ спальню,—Катерина Александровна въ обморокъ..... Скандалъ!....

Столб.-Десят. Кажется никого нѣтъ?

Жанъ. Исключая меня (*Подходя къ ней и цѣлуя ея руку.*) Добраго утра, grand'maman.

Столб.-Десят. (*холодно*). А, ты уже здѣсь! (*Садясь.*) Чай готовъ, Адель?

Адел. Григор. (*ставя чашку предъ старухой*). Готовъ, ваше пр—во.

Жанъ (*протянувъ руку*). Bonjour, Адель Григорьевна.

Адел. Григор. Здравствуйте, Иванъ Петровичъ. Слышали: Алексинскій пріѣхалъ.

Жанъ (*оторопѣвъ*). Да?

Адел. Григор. Съ курьерскимъ поѣздомъ. Неряцкій высылалъ лошадей на станцію, — онъ чуть не загналъ ихъ!.. Недоумѣваю, не могу понять, чтобы это значило!.. Это не даромъ; что-нибудь случилось, что-нибудь онъ узналъ!..

Столб.-Десят. Ты глупа, моя милая, я тебя прошу замолчать!

Адел. Григор. Но право...

Столб.-Десят. (*строго*). Ни слова больше!.. (*Помѣшавъ въ чашкѣ.*) Дай мнѣ сливокъ и сходи узнать, кого посылали въ Воскресенское за малипой? Можетъ быть уже и привезли.

(**Адель Григорьевна** *подаетъ ей сливокъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Столб.-Десят. (*послѣ небольшой паузы*). Ну-съ, ты мнѣ обѣщалъ вчера покончить съ Лбаровыми—что-же ты сдѣлалъ для этого?

Жанъ (*смутившись*). Такъ скоро, grand' maman?... Что-же я могъ сдѣлать? Въ одну ночь...

Столб.-Десят. Такъ я сама займусь, въ такомъ случаѣ, твоими дѣлами!.. (*Звонитъ.*) А съ тобой, мой милый, раздѣлаюсь иначе, какъ ты того и не ожидаешь!.. Я не хочу изъ-за тебя краснѣть и быть у всѣхъ на языкѣ... (*Вошедшему лакею.*) Позвать Анну Оедоровну. (*Лакей уходитъ.*) Я получила сегодня изъ Петербурга письмо отъ какого-то Кузьмы Оилатова, кажется; онъ мнѣ пишетъ, что ты ему долженъ десять тысячъ рублей и что у тебя до сорока тысячъ долгу...

Жанъ (*почти шепотомъ*). Я былъ принужденъ обстоятельствами, grand'maman... Я полагалъ, что вы мнѣ выдѣлите одно изъ вашихъ имѣній и я...

Столб.-Десят. И ты его тотчасъ-же продашь, чтобы вновь дѣлать долги?..

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Адел. Григор. (*быстро сбыая со ступеней балкона, неся корзину съ малиной*). Вотъ видите, ваше превос—во, вы сказали, что я глупа, сконфузили меня, а я не ошиблась... (*Ставитъ малину.*)

Столб.-Десят. Что тамъ такое еще? (*Взглянувъ на нее.*) Ты точно бѣшенную собаку встрѣтила!

Адел. Григор. Я говорю, что я не ошиблась! Знаете-лй, что за исторія у Алексинскихъ вышла?

Столб.-Десят. Ну? (*Ѣстъ малину.*)

Адел. Григор. Я сейчасъ распросила людей... Онъ пріѣхалъ, все узналъ, кричитъ: «подайте мнѣ его!..» Это — Ивана Петровича. Избилъ Катерину Александровну, бѣгалъ за ней съ ножемъ по двору... Нашъ Степанъ самъ видѣлъ и не зналъ какъ уйти поскорѣе...

Столб.-Десят. (*съ сарказмомъ*). Очень мило!.. (*Жану.*) Слышишь?

Жанъ (*вставая*). Я могу избавить его отъ необходимости вызывать мой духъ и сражаться съ фантомами: я поѣду къ нему...

Столб.-Десят. Зачѣмъ? Чтобы только огласка пошла?.. Нѣтъ ужъ, пожалуйста, избавь меня отъ этого... я терпѣть не могу шума— у меня сейчасъ голова заболитъ!.. (*Адель Гри—нъ.*) Вели запереть ворота и не пускать никого во дворъ...

Адел. Григор. Слушаю, ваше пр—во, сію минуту! (*Уходитъ поспѣшно въ домъ.*)

(*Съ правой стороны, изъ-за дома, выходитъ* **Анна Оедоровна.**)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Анна Оедор. (*подходя къ столу*). Вамъ угодно было видѣть меня?

Столб.-Десят. (*взглянувъ на нее въ лорнетъ*). А, это вы? Я велѣла васъ позвать чтобы переговорить съ вами. (*Замѣтивъ, что Жанъ собирается уйти.*) Ты куда?

Жанъ (*нерѣшительно*). Я тоже пойду...

Столб.-Десят. Нѣтъ, ты оставайся. (*Аннѣ Оедоровнѣ.*) Видите-ли дѣло вотъ въ чемъ: хотя вы и m-le Pauline и позволили себѣ такіе поступки, что довели меня до необходимости удалить васъ изъ своего дома, но въ этой возмутительной исторіи замѣшанъ также и Иванъ Петровичъ, а такъ какъ я всегда была справедливой, то я и нахожу нужнымъ загладить его вину. Скажите мнѣ—желаете вы выдать дочь свою замужъ?

Анна Оедор. (*рѣзко*). Кто-же женится на ней теперь, послѣ такого скандала?

Столб.-Десят. Да, конечно, она такъ уронила себя... Но все-таки, я думаю, что найдутся такіе, которые охотно согласятся дать

ей свое имя, если имъ, понятное дѣло, заплатить за это... Вы какъ, сколько-бы хотѣли получить за ошибку Ивана Петровича?

Анна Ѳедор. (*вспыхнувъ, съ гордостью.*) Я дочерью своею не торгую, ваше пр—во!.. да и не знаю, къ тому-же, и цѣны честному слову внука вашего!

Столб.-Десят. Какъ?- Я не понимаю васъ!.. Что вы хотите этимъ сказать? Развѣ онъ обѣщалъ?.. Далъ слово жениться на ней?

Анна Ѳедор. Разумѣется!.. Даже клялся!.. И не одинъ разъ!..

Столб.-Десят. (*Жану*). Правда-ли это? Да?.. Дѣйствительно-ли это такъ было?

Жанъ. Правда.

Столб.-Десят Часъ отъ часу не легче! (*Аннѣ Ѳедоровнѣ*) Позовите ее.

(**Анна Ѳедоровна** *уходитъ*).

Адел. Григор. (*показываясь на балконѣ*). Катерина Александровна!

Столб.-Десят. Ахъ, это напрасно! Я вѣдь тебѣ сказала...

Адел. Григор. Я не успѣла еще. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Катер. Алекс. (*сбыая съ другой стороны балкона*). Bonjour, maman. (*Бросается къ ней.*) Ахъ, какъ я несчастна! (*Съ рыданіемъ виснетъ у нея на шеѣ.*)

Столб.-Десят. (*освобождаясь отъ объятій*). Что съ тобою, ma chère? (*Алексинская рыдаетъ.*) Сядь вотъ сюда (*Указываетъ ей на стулъ.*) Успокойся.

Алексинская (*садясь*). Что я вытерпѣла, maman!.. Что выстрадала!..

Столб.-Десят. Говорятъ пріѣхалъ твой мужъ?

Алексинская. Да, maman.

Столб.-Десят. Что-же онъ?.. Не въ нормальномъ состояніи?.. Да?..

Алексинская. Онъ боленъ, maman... Сегодня заболѣлъ...

Столб.-Десят. Ну это еще не велика бѣда!.. Что-же у него горячка можетъ быть?... Такъ ты, въ такомъ случаѣ, напрасно пріѣхала!

Алексинская. О нѣтъ, maman, не безпокойтесь, ничего подобнаго нѣтъ!

Столб.-Десят. И ничего у васъ не произошло такого... непріятнаго? Понимаешь?

Алексинская. Ничего, maman..

Столб.-Десят. Ну такъ нечего тебѣ и отчаяваться; il est bête, mais c'est la perle des maris! Конечно съ нимъ скучно очень, рессурсовъ ужь никакихъ,—но что-же дѣлать, ma chère... Пріѣдешь въ Москву,—тамъ будутъ у тебя опять развлеченія: будешь выѣзжать, принимать у себя...

Алексинская (*замѣтивъ Жана*). Bonjour, Иванъ Петровичъ! (*подходитъ къ нему, подавая руку.*)

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Неряцкій (*быстро входя съ лѣвой стороны*). Виноватъ...

Алексинская. Ахъ!.. (*Съ крикомъ отступая.*) М-г Неряцкій!..

Неряцкій. Меня не пустили во дворъ, такъ я черезъ садъ...

Столб.-Десят. Какъ-же вы смѣли?!

Неряцкій. Вопросъ идетъ о жизни человѣка, ваше пр—во! (*Алексинской.*) Я за вами.

Алексинская. За мной?

Неряцкій. Да-съ. Зачѣмъ вы здѣсь? Вы знаете, что мужъ вашъ боленъ? Зачѣмъ вы уѣхали?

Алексинская. Вы забываетесь! Кто вамъ далъ право меня допрашивать?

Столб.-Десят. Какая наглость!

Алексинская. И даже болѣе того!.. Я просто не нахожу словъ.

Неряцкій. А то, что вы сдѣлали, Катерина Александровна, какъ прикажете назвать? Вашъ поступокъ избавляетъ отъ учтивости съ вами! Скажите мнѣ прежде, что вы?—А потомъ кричите, что я забываюсь!

Жанъ (*дѣлая шагъ къ нему*). Г. Неряцкій!...

Столб.-Десят. (*грозно*). Оставьте насъ!.. Уходите отсюда! Я не допущу, чтобы въ моемъ домѣ...

Неряцкій (*твердымъ голосомъ*). Позвольте-съ. Потише пожалуйста!.. Я вѣдь не изъ робкаго десятка!.. Я вамъ сказалъ, зачѣмъ я пришелъ,— такъ ужь извините, а одинъ я отсюда не выйду!.. Не давайте пріюта...

Алексинская. Вы донесли на меня, вы осмѣлились за мной подсматривать, подслушивать, а теперь...

Неряцкій. Не подслушивалъ, а только слышалъ; не подсматривалъ, а только видѣлъ; не

доносилъ, а призвалъ вашего мужа, чтобы положить безобразію конецъ! Вы обезумѣли!.. вы сами выставили на показъ всему свѣту свое униженіе, сами донесли на себя, сами разсказали все этому несчастному, который лежитъ теперь полуживой!

Алексинская. Онъ убьетъ меня!

Неряцкій. Нѣтъ, вы его убьете!.. Вы, а не онъ!.. Онъ, къ несчастью, васъ любитъ еще... Онъ и въ бреду не обвинилъ васъ ни однимъ словомъ! Поймите вы это, оцѣните... Онъ только тѣмъ и живетъ, что любитъ васъ!..

Алексинская (*заломивъ руки*). О, Боже мой!...

Неряцкій. Поѣзжайте домой!.. Поѣзжайте сейчасъ, сію-же минуту! Вы прощены—можете идти безъ страха... Но не смѣйте ему плакаться надъ собой, не смѣйте огорчать его, загладьте вашу вину, замолите, заслужите вашъ грѣхъ!

Алексинская. Но у меня силъ не хватитъ... я не въ состояніи...

Неряцкій. Нѣтъ ужь извините, какъ вамъ будетъ угодно: въ состояніи вы или нѣтъ,— но вы должны!

Алексинская (*бросаясь къ Столб.-Десят.*). Маmап, я къ вамъ, подъ вашу защиту!..

Столб.-Десят. Чѣмъ-же я могу тебѣ помочь, ma chère? Я вотъ слушаю и нахожу, что онъ, господинъ Неряцкій, правъ...

Алексинская (*съ удивленіемъ*). Какъ?

Столб.-Десят. Тебѣ, дѣйствительно, необходимо ѣхать домой. Зачѣмъ выносить соръ изъ избы? Тѣмъ болѣе, что у васъ уже все и улажено...

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Адел. Григор. (*сбѣгая съ балкона, въ сопровожденіи* **Васи**, *сіяя радостью*). Ваше пр—во, я получила сейчасъ письмо отъ Пехлецова; онъ мнѣ дѣлаетъ предложеніе! (*Подавая письмо*). Вотъ оно.

Столб.-Десят. (*отстраняя его*). Старый дуракъ!

(**Вася** *подобострастно цѣлуетъ ея руку*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Анна Ѳедор. (*вбѣгая крайне разстроенная*). Я нигдѣ не найду Полины!.. Ради Бога, ищите ее!.. Она готова лишить себя жизни...

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Полина (*входя съ правой авансцены*). И не подумаю!.. Вотъ еще—съ какой стати?! (*Анна Ѳедор. бросается къ ней съ крикомъ радости.*)

Адел. Григ. Ха... ха... ха... Ахъ, Боже мой!.. Скажите, какія нѣжности!..

Столб.-Десят. (*вставая и строго ударяя ладонью по столу*). Довольно! Какъ я вижу, такъ вы всѣ съ ума сошли!.. Будетъ всего этого!.. (*Алексинской.*) Ты—отправляйся домой и будь благоразумна!.. Ты сама виновата всему... Къ чему тебѣ нужно было разсказывать тамъ все и сознаваться мужу? Хочешь каяться — иди къ духовнику!.. а нарушать счастье въ семьѣ, подымать шумъ и дѣлать огласку—это мѣщанство! Прощай!

Неряцкій (*дѣлая жестъ рукой налѣво*). Пожалуйте-съ. Карета ваша у калитки сада.

Алексинская (*дѣлая шагъ къ Столб.-Десят.*). Маmап, я...

Столб.-Десят. (*повелительнымъ тономъ*). Прощай! Не заставляй меня повторять!..

(**Алексинская** *съ воплемъ и рыданіемъ уходитъ*).

Неряцкій. Честь имѣю кланяться! (*Слѣдуетъ за ней.*)

Столб.-Десят. (*Жану*). Ты—заруби себѣ на память и знай, что Столбинъ-Десятовы всегда держали свое честное слово! Твой прапрадѣдъ потерялъ положеніе, лишился наслѣдства, но не нарушилъ даннаго имъ легкомысленно обѣщанія своей крѣпостной дѣвкѣ и женился на ней! Ты долженъ сдѣлать то же самое!

Анна Ѳедор. (*бросаясь къ Столб.-Десят.*). Ваше пр—во, такая честь!..

(**Полина** *дѣлаетъ къ ней тоже шагъ*).

Столб.-Десят. (*отстраняя ихъ*). Я васъ не признаю своей родней!.. (*Жану.*) Имѣнія тебѣ—не дамъ, долговъ твоихъ платить не стану,—но и того не допущу, чтобы ты швырялъ честнымъ словомъ Столбинъ-Десятовыхъ!.. А чтобы ты впередъ не порочилъ фамиліи нашей и не торчалъ у всѣхъ передъ глазами,—ты отправишься немедленно въ Саратовскую губернію, въ то самое помѣстье, которое я хотѣла выдѣлить тебѣ, и будешь тамъ жить съ своей будущей женою,—до тѣхъ поръ,

пока я найду это необходимымъ! (*Васѣ.*) А ты укладывай свои вещи и уѣзжай сегодня-же обратно въ пансіонъ, въ Москву.

Вася (*ошеломленный*). Mais, grand' maman... Что-же я сдѣлалъ такого?..

Столб.-Десят. Непочтительныхъ внуковъ мнѣ не нужно!.. (*Адел. Гр—нъ.*) Гдѣ мой спиртъ?.. Я туда, къ себѣ, въ комнату... (*Беря стклянку и нюхая.*) Проводи меня и прикажи никого не пускать!.. (*поднимаясь на лѣстницу поддерживаемая Васей и Адел. Григорьевной.*) Мнѣ надоѣли уже весь этотъ шумъ, вся эта грязь! (*Уходитъ.*)

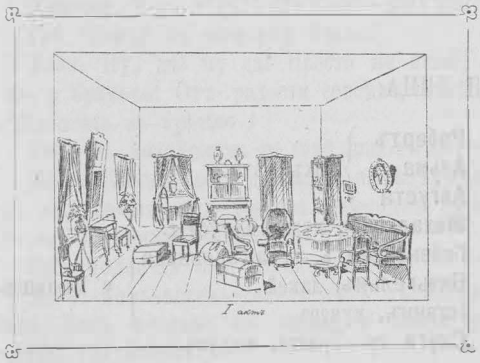
ЯВЛЕНІЕ 11-е.

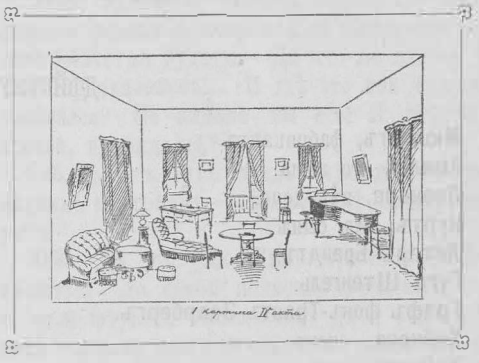
Полина (*послѣ небольшой паузы подойдя съ улыбкой къ Жану*). Ну, такъ какъ же, Ваня?.. А?.. Значитъ, мы съ тобой въ Саратовъ, въ ссылку ѣдемъ?

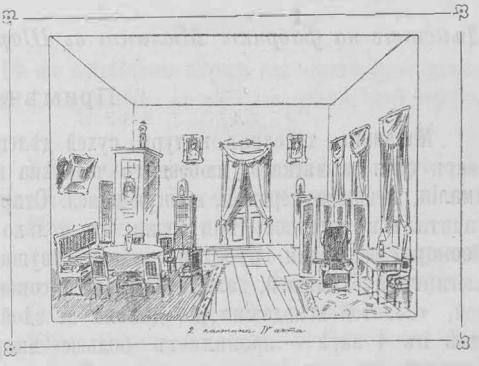
Жанъ (*вздохнувши*). Видно такъ!.. велѣно,—такъ что тутъ толковать!.. (*Съ гнѣвомъ.*) А, да уберется-же когда-нибудь старая! (*Порывисто садится къ столу, упираясь на руки головой.*)

(**Полина и Анна Ѳедоровна** *цѣлуются*).

Постановка пьесы на сценѣ Императорскаго московскаго Малаго театра.







Опечатка. Въ заголовкѣ этой пьесы, на 28 стр., вмѣсто словъ „комедія въ 4 дѣйствіяхъ и 5 картинахъ“—слѣдуетъ—„комедія въ 5 дѣйствіяхъ и 6 картинахъ“.

Честь.

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Г. Зудерманна.

Переводъ съ нѣмецкаго **Н. К.**

Къ представленію дозволено 27 сентября 1891 г., № 4518.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Мюлингъ, фабрикантъ.
Амалія, его жена.
Леонора, ихъ дочь.
Куртъ, ихъ сынъ.
Лотаръ Брандтъ.
Гуго Штенгель.
Графъ фонъ-Трастъ-Заарбергъ.
Хейнеке—отецъ.
Хейнеке—мать.

Робертъ, **Альма**, **Августа** } ихъ дѣти.
Михальскій, мужъ Августы.
Гебенстрейтъ, жена садовника; **Вильгельмъ**, лакей; **Іоганнъ**, кучеръ } у Мюлинга.
Слуга гр. Траста, индусъ.

Дѣйствіе на фабрикѣ Мюлинга въ Шарлоттенбургѣ, близъ Берлина, въ наше время.

Примѣчанія автора:

Мюлингъ, холодная натура, сухой дѣлецъ, себѣ на умѣ, но отнюдь не злодѣй. Самъ считаетъ себя за мягкаго, любезнаго человѣка и любитъ, чтобы и другіе считали его такимъ. **Амалія**, женщина нервная, волнующаяся. Старается показать, что никто другой, какъ она внесла капиталъ въ торговое дѣло мужа, что только ея деньгамъ дѣло обязано своимъ процвѣтаніемъ. **Леонора**, серьезная, простая, добрая дѣвушка, но съ друзьями брата держитъ себя свѣтской элегантной барышней, даже нѣсколько высокомѣрно. **Куртъ**, представитель легкомысленной, чванной, «золотой молодежи», но далеко не злой человѣкъ. Даже въ сценѣ обвиненія въ воровствѣ въ 4 актѣ — проявляетъ больше минутной ярости, чѣмъ врожденной злобы. **Лотаръ Брандтъ**, съ претензіями на остроуміе, корректный, придерживающійся во всемъ внѣшней формы отпрыскъ «молодой Германіи», соединяющій въ себѣ корпоративнаго студента и гвардейца. Роль исполняется безъ всякаго шаржа. **Гуго Штенгель**, берлинскій «пшютъ». **Робертъ Хейнеке**. Въ 1 актѣ слѣдуетъ оттѣнить постепенный переходъ отъ простодушной, почти дѣтской довѣрчивости къ недовѣрію и подозрѣнію. Третій актъ долженъ быть проведенъ безъ излишняго пафоса. Въ 4 актѣ Робертъ является мрачнымъ, озлобленнымъ, ушедшимъ въ себя, способнымъ даже на убійство. **Хейнеке**, ворчливый старикъ, постоянно смѣется короткимъ смѣхомъ. **Хейнеке**, добродушная, нѣсколько глупая старуха. Дурные поступки обоихъ родителей Роберта происходятъ не отъ врожденной склонности, а какъ результатъ нищенскаго существованія въ теченіе всей жизни. **Альма**, пустая, не сознающая своего положенія дѣвушка. Въ началѣ, съ Робертомъ, въ 3 актѣ, она искренна въ своемъ раскаяніи и только послѣ отказа ей, въ невинной, по ея мнѣнію, просьбѣ отпустить ее въ маскарадъ—выказываетъ свое упрямство и свои дурныя стороны. Въ 11 явленіи 3 акта она не принимаетъ участія въ общей сценѣ, занятая только своимъ нарядомъ. **Августа**—жадна, хитра, умна.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната у стариковъ Хейнеке. Потертая мѣщанская обстановка. Нѣсколько роскошныхъ вещей: два кресла, обитыхъ шелковой матеріей, закрытыхъ чехлами и большое трюмо въ золоченой рамѣ. Разный поломанный домашній скарбъ на комодѣ и полкахъ. Справа (отъ публики) диванъ и столъ съ кофейнымъ приборомъ, слѣва простой рабочій станокъ, на немъ горшокъ съ клейстеромъ, пачка картона и кучка готовыхъ картонажей. Несмотря на нищенскую обстановку, комната полна разными бездѣлушками и хламомъ: на стѣнахъ дешевыя гравюры, на полкахъ картонажи, старыя фарфоровыя чашки, сахарница и грошовая ваза.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Хейнеке—мать (*старательно убираетъ комнату*) **и Гебенстрейтъ.**

Геб. (*изъ двери направо*). Такъ это, стало, правда? Пріѣхалъ вашъ сынъ-то?

Хейнеке. Т-съ, т-съ! Ради Бога!—Онъ спитъ.

Геб. Тамъ? въ каморкѣ Альмы?

Хейн. Ну, да! ну да! Просто не знаю, за что и браться! Отъ радости совсѣмъ одурѣла! (*Падаетъ въ кресло.*)

Геб. Въ хозяйскомъ-то домѣ знаютъ про то?

Хейн. Какже, онъ доложить велѣлъ, нельзя же, все-жъ таки хозяева.—Сегодня съ визитомъ къ нимъ пойдетъ.

Геб. Долго-ль онъ ѣздилъ-то!

Хейн. Семь-восемь-девять лѣтъ съ половиной. Вотъ сколько не видала я своего дитятку. (*Плачетъ.*)

Геб. Что же сразу его узнали?

Хейн. И, что вы! Вчера вечеромъ, часовъ такъ около восьми... мой старикъ изъ портерной ввалился, а я тутъ вотъ сижу да для Альмы юбку зачиняю... и сколько эта дѣвченка бѣлья затаскиваетъ... вдругъ, слышу, стучатъ, смотрю,—входитъ мужчина, что я, мужчина,—баринъ, настоящій баринъ, да въ шубѣ, весь въ бобрахъ, вонъ она виситъ, пощупайте-ка боберъ-то,—я и думаю, что, должно, кто изъ господъ, изъ дочернихъ знакомыхъ, изъ пріятелей молодого хозяина.

Геб. Такъ, такъ.

Хейн.—Они, вѣдь, господа не гордые, частенько заходятъ къ намъ, бѣднымъ людямъ, поболтать—ну вотъ и думала я, а онъ, какъ броситъ шубу да шляпу на полъ, да ко мнѣ, да прямо передъ мною на колѣнки и сталъ, да какъ вскрикнетъ: «маменька, папенька, да неужто-жь вы меня не признали, вѣдь это-жь я, вашъ сынъ»! Ужь такъ то это, мать моя, разчудесно было, и какъ я только пережила этакую радость! (*Плачетъ.*)

Геб. Что вы, сосѣдка, нешто отъ радости помираютъ. Ну, да вѣдь и то сказать, почью то всѣ кошки сѣры.

Хейн. Что это, матушка, вы говорите! Мой сынъ—хорошій сынъ, благородныхъ попятіевъ.

Геб. Ужь не слишкомъ-ли благородный. Конечно, если онъ въ столькихъ земляхъ побывалъ, да въ шелкахъ, да бархатахъ щеголялъ.

Хейн. (*указывая на кресло*). Ну, шелки-то и у насъ найдутся.

Геб. (*съ гримасой*). Ну, ну, еще захочетъ ли онъ этого-то!

Хейн. Захочетъ, сосѣдка, захочетъ.—Материнское сердце повыше всякой должности, всякаго богатства будетъ.—Да что-же это я съ вами проклажаюсь!.. И гдѣ это мой старикъ подѣвался? Не видали вы его? И гдѣ онъ, хромой, пропадаетъ?

Геб. Да онъ тутъ стоялъ, на морозѣ, съ огромадпымъ картономъ—на солнышкѣ. Сушу, говоритъ.

Хейн. Да что ужь. Надо дать старику потѣшиться. До самой полночи провозился опъ съ этой штукой, клеплъ все. Да и оба мы съ нимъ всю ночь глазъ не сомкнули, съ радости-то.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ-же и Хейнеке-отецъ (*входитъ, прихрамывая, держитъ въ рукахъ громадный транспорантъ*).

Хейн. (*показывая на надпись транспоранта*). Ура! Ну вотъ и готово.

Мать. Чего ты кричишь!

Хейн. (*тихо*). «Добро пожаловать, сынокъ дорогой, въ отчій домъ». Что? ловко придумано?

Геб. Чисто солдатская мишень.

Хейн. Вѣрно, а сердце-то отцовское посередкѣ. Смотри-ка, старуха... (*Лѣзетъ съ молоткомъ на стулъ, чтобы прибить транспорантъ на стѣну.*)

Мать. Да заткни ты глотку-то!

Геб. И откуда у сынка-то вашего образованпость-то эта, благородство то это самое взялось? Вѣдь не изъ вашей-же семейки, небось?

Мать. Ну само-собой. Это, голубушка, вотъ какъ было: лѣтъ ужь 17 тому назадъ хозяпну нашему пожаловали чинъ-то этотъ, совѣтпика коммерческаго, ну и по этому случаю задали они пиръ горой, и иллюминація, и фейерверки, и бочки съ пивомъ повыкатили для всѣхъ служащихъ и фабричныхъ. Ну, мой муженекъ тамъ и выпилъ, сильно урѣзавши былъ.—Что ты, старикъ, сту-

чишь, то такъ?—До и то сказать—отчего и не выпить, ежели даровое. Ну, а какъ стали гости разъѣзжаться, мой старикъ-то и угоди подъ чью-то карету, ему руку и ногу и переѣхали.

Хейн. Да еще какъ! Небось не пустяки это! *(Свиститъ.)*

Мать. Не свисти! Услыхали про это хозяева и справляться стали, кто такой, да откуда, да какъ живетъ. Ну, а какъ отъ радости то своей—они ужь очень тогда подобрѣли, то и наобѣщали намъ и о насъ позаботиться и сына нашего старшаго въ науку отдать и въ люди вывести.

Геб. Ну и что-же, сдержали свое обѣщаніе-то?

Хейн. А ну ихъ къ бѣсу лысому.

Мать. Ну, это, какъ сказать! Намъ они этотъ флигелишко отвели, откуда насъ до сихъ поръ не выгнали еще, а сына въ училище помѣстили, тамъ онъ свою образованность-то и полировку эту самую и пріобрѣлъ. А когда онъ на праздники домой пріѣзжалъ, то хозяева завсегда къ себѣ его брали, шеколадомъ угощали, и съ барышней играть заставляли. Барчукато тогда еще мамка няньчила.

Геб. Стало, сынку-то вашему лучше дочки судьба выпала?

Мать *(тихо)*. Что-жь съ этимъ подѣлаешь?!

Геб. То-то и я такъ думаю.

Мать. А потомъ они его въ ученье отправили, въ контору, съ заграничными купцами дѣла вести. А какъ ему 19 годковъ стукнуло, послали они его въ самую эту Индію, гдѣ, сказываютъ, такъ жарко бываетъ... Тамъ у нашего хозяина племянникъ живетъ, чайными да кофейными товарами заправляетъ.

Хейн. *(съ лѣстницы)*. Это все тамъ кругомъ растетъ, какъ у насъ лопухи. *(Смѣется.)* Ну, что? Славно?

Мать. Нашъ-то и былъ у того, вродѣ какъ подручный. Ну и Господи, опять онъ дома теперь.—Да что-же это я все съ вами болтаю...

Геб. Иду, иду ужь. Прощайте, прощайтесь. А все-жь таки пальца въ ротъ ему не кладите. *(Въ сторону.)* Ну, и людишки-же! *(Уходитъ).*

Хейн. *(ей вслѣдъ)*. Сама ты змѣя подколодная!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Мать. Зависть, старикъ, зависть.

Хейн. Что за чортъ! Откуда у тебя сладкій пирогъ-то взялся?

Мать. Кухарка хозяйская принесла, барышня прислала, кланяться велѣла.

Хейн. *(отворачиваясь)*. Съ души воротитъ у меня отъ всего хозяйскаго. А сынку-то нашему благородному и вставать-бы пора, скоро ужь къ обѣду свистокъ будетъ. *(Любуется на транспорантъ.)* «Добро пожаловать, сынокъ»...

Мать *(перебиваетъ)*. Старикъ! здѣсь ужь онъ!

Хейн. Кто?

Мать. Сынокъ-то!

Хейн. *(показываетъ на транспорантъ)*. Знаемъ ужь.

Мать. Слышишь, шевелится. *(прислушиваясь.)* И то, ужь, слышь, сапоги обуваетъ. И какъ подумаешь: тутъ вотъ онъ, сапоги обуваетъ, и черезъ эту самую дверь сейчасъ войдетъ...

Хейн. *(гордо)*. Я ему только и скажу, что добро, молъ, пожаловать... А что, ты ему положила умыться тонкаго мыла французскаго отъ Альмы?

Мать *(не слушая)*. И сколько я тутъ вотъ сидѣла, да думала о немъ, какъ-то ему спится, да живется, да не съѣли ли его дикіе люди тамошніе. И вдругъ теперь опять онъ дома. Дома, старикъ, дома! Да оставь ты изюминыто, будетъ тебѣ пирогъ-то ковырять.

Хейн. Скажи, пожалуйста, да ежели мнѣ по вкусу.

Мать. Тише ты! Кажись, онъ идетъ,—опять у тебя галсгухъ наружу вылѣзъ. Срамъ съ тобой просто. *(Оправляетъ чехлы на креслахъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ-же и Робертъ.

Роб. *(кидаясь къ родителямъ, которые стоятъ смущенные)*. Здравствуй, отецъ. Боже мой, какъ я счастливъ! Здравствуй, мама. *(Обнимаетъ мать и цѣлуетъ ея руку).*

Хейн. «Добро пожаловать, сынокъ»... *(Замѣтивъ, что Роб. хочетъ поцѣловать его руку, быстро обтираетъ ее о панталоны.)* Ты у меня хочешь руку поцѣловать?

Роб. Конечно, отецъ, если ты позволишь.

Хейн. *(даетъ руку)*. Сейчасъ видно хорошаго-то сына.

Роб. *(оглядываясь)*. Такъ вотъ, наконецъто, я и дома. Я и самъ не знаю... Быть можетъ, я все это вижу во снѣ... Ахъ эта тоска по родинѣ, Господи, эта тоска по родинѣ! Лежишь бывало ночью и все родное вдругъ встанетъ передъ глазами: отецъ, мать, дворъ, садъ, фабрика..... очнешься—надъ тобой длинная пальмовая вѣтвь, а издали доносется крикъ попугая. Придешь въ себя..... поймешь, что ты далеко на другомъ концѣ свѣта, одинъ! Брръ!

Хейн. Попугаи? Вотъ это славно. У насъ только у богатыхъ людей попугаи-то есть.

Роб. Да, но еслп бы вы знали, какъ я боялся за послѣдніе годы... и въ дорогѣ домой... найду ли у себя дома все такъ, какъ я себѣ представлялъ.

Хейн. А почему же и пѣтъ?

Роб. Тамъ былъ одинъ мой другъ, мой лучшій другъ, который пробовалъ расхолаживать мои ожиданья. «Ты сталъ имъ уже чужимъ говаривалъ онъ, и не слѣдуетъ пробовать соединять то, что время и судьба разъединили»—

и еще Богъ знаетъ что. Тогда я сталъ бояться и за васъ, и за себя. Ну, слава Богу, теперь всѣ опасенія разсѣялись. Все, все исполнилось. Я засталъ здѣсь все такъ, какъ мечталъ 10 лѣтъ. Вотъ и отецъ, вотъ и мама, милые, добрые.... постарѣли, правда, немножко..... но зачѣмъ же и руки у меня. Подождите только. И сестры должны работать. Ну вотъ—здѣсь и отцовскій старый горшокъ съ крахмаломъ.... и фабричный паровикъ все также весело шумитъ.

Мать. Небось, машина-то тебѣ всю ночь спать не давала?—шумъ такой отъ нея.

Роб. О, нѣтъ; она убаюкивала меня лучше всякой колыбельной пѣсни. Я уже засыпалъ и все думалъ: ну пыхти, стучи, старый другъ, не лѣнись, но какъ ты не старайся, ты не сможешь прибавить къ славѣ дома Мюлинга столько, сколько я... Развѣ же мнѣ нельзя гордиться? И тогда-то я вспомнилъ про нашихъ благодѣтелей.

Хейн. Г-мъ... г-мъ!

Роб. Ты что-то сказалъ, отецъ?

Хейн. Я? Нѣтъ, ничего.

Роб. И въ эту минуту я поклялся работать для нихъ до послѣдняго вздоха!

Хейн. Я полагаю, ты уже довольно на нихъ поработалъ.

Мать. Истерзался, измытарился ты для нихъ, въ эти 10-то лѣтъ.

Роб. Ну, не слишкомъ, мама. Однако, перестанемъ говорить объ этомъ. Домъ Мюлингъ ежедневно давалъ мнѣ новый поводъ къ благодарности. Письма, которыя писалъ мнѣ глава дома, а особенно Куртъ, который теперь уже тоже компаньономъ, были такія дружескія.

Хейн. Куртъ?! Ну, это добрый парень. Ну, а вообще-то и онъ будетъ такой же. Станешь не нуженъ и пошелъ вонъ. Поучи еще и ты меня насчетъ этой шайки.

Роб. (*хочетъ возразить, но молча отвертывается огорченный*).

Хейн. Да ты оглянись, сынокъ! Неужто ты ничего не замѣчаешь? Мать, онъ ничего не замѣчаетъ.

Мать. Перестань вздоръ болтать-то!

Хейн. Вздоръ? Какъ? Если я привѣтствую дорогого сына въ отчемъ домѣ, такъ, по твоему, я вздоръ болтаю?! (*Подводитъ Роберта къ транспоранту.*) Каково? Ну что ты скажешь?

Роб. И это ты самъ сдѣлалъ, отецъ, своей больной рукой?!

Хейн. Ну, что тамъ. Я могу еще не такія вещи дѣлать. Если-бъ я, бѣдный калѣка, не могъ бы работать, то вся наша почтеннѣйшая семейка съ голоду бы давно поколѣла. Ну, ты что же тутъ, мать, стоишь, да зѣваешь, гдѣ жекофей-то?!

Мать. Ну ужь, ну ужь. (*Уходя*)

Роб. (*ей вслѣдъ*). Мама, право отецъ не хотѣлъ тебя этимъ обидѣть.

Мать Обидѣть?! Да, вѣдь это онъ такъ говоритъ, чтобы ты подумалъ, что онъ въ домѣ хозяинъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Пауза.

Роб. (*стараясь замять непріятную сцену*). Ну а коробочки-то ты по прежнему клеишь, отецъ?

Хейн. А какъ-же, постоянно.

Роб. А рука тебѣ не мѣшаетъ?

Хейн. Рука? ха-ха-ха! Рука! Хочешь посмотрѣть, какъ я клею? Сначала возьму картонъ вотъ такъ вотъ, потомъ перегну его такъ. (*Проводитъ кистью съ клейстеромъ по картону, который онъ придерживаетъ локтемъ лѣвой руки.*) Ну-ка, кто сдѣлаетъ лучше меня, калѣки?

Роб. Да ты настоящій фокусникъ!

Хейн. Да я и въ самомъ дѣлѣ фокусникъ. Никто только меня не понимаетъ. Кто поддерживаетъ меня? Никто меня не поддерживаетъ. Понятное дѣло, откуда же и быть уваженію ко мнѣ у обѣихъ дѣвчепокъ.... ну одна то ужь теперь замужемъ.... когда родная мать даетъ сама дурной примѣръ....

Роб. (*укоризненно*). Отецъ!

Хейн. Ну да, ты, конечно, нашихъ дѣлъ еще не знаешь. Издали-то все выглядитъ куда какъ прекрасно. Такъ-то! Только и слышишь: милая маменька, милая сестрица, а, если бы ты только зналъ, что мнѣ здѣсь терпѣть приходится?! Она мнѣ даже на конку денегъ не даетъ, когда я соберусь въ городъ проѣхаться, въ портерную.

Роб. Отецъ, не слишкомъ ли ты несправедливъ къ мамѣ? Развѣ же она не бережетъ тебя пуще своего глаза?

Хейн. Ахъ, Господи! Да я и не хочу ничего сказать про нее дурного. Т-съ, идетъ!

Мать (*входитъ съ кофейникомъ въ рукахъ*). Ну, садись, сыночекъ, садись, сюда, вотъ сюда на кресла-то, на кресла-то. Погоди немножко. (*Снимаетъ съ кресла чехолъ.*) Нашему знатному барину мѣсто на шелку.

Роб. Батюшки! Это, что за роскошь?!

Мать. Да, да, и другое, вотъ, тоже такое же.—У насъ, вѣдь, цѣлыхъ двѣ штуки.—А трюмо-то ты видѣлъ? Рама-то вся въ позолотѣ, а стекло-то цѣльное. Зять говоритъ, что ему бѣдно, бѣдно сто талеровъ цѣна.

Роб. Да откуда у васъ взялись всѣ эти прелести?

Мать. Отъ самого хозяина.

Роб. Такъ это онъ дѣлаетъ вамъ такіе подарки?

Хейн. Т. е., собственно говоря....

Мать (*тихо*). Т-съ, т-съ! Нешто ты не знаешь, что молодой хозяинъ про себя сказывать не велѣлъ.—(*Громко.*) Какъ-же. Къ прошлогоднимъ святкамъ тримо подарили, а въ нынѣшнемъ году—кресла. Старикъ, да не ковыряй ты пирогъ-то!

Роб. Ну, подобнаго рода щедрость мнѣ что-то не нравится.

Мать (*разливая кофе*). Ну, да вѣдь, эти вещи и не каждому годятся! Ну, а когда такихъ знатныхъ гостей принимать приходится, да когда еще и сынокъ такой большой баринъ, да и дочка такая умная, да талантливая...

Роб. Альма?

Хейн. Да, да. Мы для нашей дочки все сдѣлали, что только намъ по силамъ было.

Мать. А ты къ тому же, сынокъ, намъ всегда такъ много денегъ присылалъ...

Роб. Да, вѣдь, у насъ уговоръ былъ, чтобы она школу кончила, да портняжному ремеслу да счетоводству выучилась?

Мать. Да, конечно.... раньше....

Роб. А теперь? Развѣ она безъ мѣста?

Мать. Ужь больше полгода.

Роб. Такъ что же она теперь дѣлаетъ?

Хейн. (*гордо*). Въ пѣвицы готовится.

Роб. Никогда я и не слыхивалъ про ея музыкальныя способности.

Хейн. И еще какъ! (*Пьютъ кофе.*)

Мать. Она экзаменъ держала у итальянской пѣвицы, у синьоры... или какъ тамъ ихъ зовутъ.... такъ та говорила, что она отродясь ничего такого и не слыхивала и что она за честь сочтетъ даромъ давать уроки Альмѣ.

Роб. Что же вы мнѣ-то о томъ ничего не писали?

Мать. Ахъ, Господи, да отсюда до Индіи такъ далеко, что право всегда что-нибудь забудешь написать, а кромѣ того, мы тебѣ сюрпризъ хотѣли сдѣлать.

Роб. (*встаетъ и въ волненіи ходитъ*). Ну а Августа? Смотритъ она, по крайней мѣрѣ, за ней?

Мать. Конечно-же, она ее съ глазъ не спускаетъ. Альма и ѣстъ, и занимается у нея. А когда вечеромъ поздно конки кончатся, такъ и ночуетъ у нея. Вотъ, и сегодня....

Роб. А васъ не безпокоитъ, когда она возвращается поздно вечеромъ?

Хейн. Хе, хе, не велико дѣло.

Мать. Да, вѣдь, мы, небось, знаемъ, что Августа ее зря не отпуститъ. Впрочемъ, теперь пора бы ей ужь и дома быть. Молочница ужь давно, рано утромъ, ей письмо понесла.—Вотъ, будетъ рада то!

Роб. А Августа живетъ счастливо?

Мать. Ну, это какъ сказать. Бываетъ, запиваетъ онъ иногда, да и часомъ работать лѣнится. Впрочемъ....

Хейн. А ворчать, да скандалить, на это онъ мастеръ.

Мать. А вообще, кажется, живутъ-то себѣ ничего, ладно. Августа двѣ комнаты у себя обмеблировала и сдала ихъ одному богатому барину изъ Потсдама.— Онъ изрѣдка только останавливается у нихъ, а платитъ-то по-мѣсячно. Въ хозяйствѣ-то и подспорье. За кофей по утрамъ по маркѣ платитъ. (*Смотритъ въ окно.*) Да вонъ она идетъ съ зятемъ.

Роб. Какъ, а Альма развѣ не съ ними?

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ-же Августа и Михальскій.

Авг. Ну, вотъ наконецъ-то и ты вернулся. (*Цѣлуются.*) Ну, какъ поживалъ? Впрочемъ, и спрашивать нечего, кто такъ щеголяетъ... хотя и то сказать, не все то золото, что блеститъ... А вотъ и мой благовѣрный.

Роб. Ну, милый зять, давайте мнѣ руку, будемъ друзьями.

Мих. Помилуйте, много чести. Не часто случается, что моей мозолистой лапѣ такая честь выпадаетъ.

Роб. Зять, это не-подружески. (*Августѣ*). А Альма гдѣ?

Авг. Наша принцесса все тувалетъ никакъ свой не кончитъ, чтобы къ братцу явиться. Онѣ еще изволятъ себѣ чолку подвивать. Онѣ, должно, съ слѣдующей конкой припожалуютъ. Откуда это у васъ пирогъ-то?

Мать (*обнося всѣхъ пирогомъ. Михальскіе ѣдятъ*). Съѣшь хоть кусочекъ, сынокъ. (*Робертъ отказывается. Остальные ѣдятъ. Пауза.*)

Хейн. Посмотри-ка, Михальскій, что скажешь? «Добро пожаловать, сынокъ дорогой»....

Мих. (*прожевывая*). Ерунда!

Роб. (*удивленно*). Зять?

Хейн. Что? Это я отъ души сдѣлалъ своей сломанной рукой...? (*Робертъ успокаиваетъ его.*)

Мих. Я человѣкъ простой, я всегда прямо говорю... не люблю я этихъ глупостей... Кому такъ работать приходится, какъ намъ, кого голодъ погоняетъ...

Хейн. Еще бы, особенно, когда замѣсто работы цѣлый день безъ дѣла шляются, да сладкіе пироги жрутъ.

Авг. Опять ругаться начали? (*Мужу.*) Ты-то бы, хоть, языкъ попридержалъ. Не видишь, что ли, что старикъ въ младенчество впадаетъ.

Хейн. Я? Въ младенцы? Вотъ это такъ... Ловко... Видишь самъ теперь, какъ со мной дѣтки-то поступаютъ...

Роб. (*тихо Августѣ*). Извини, сестра, развѣ можно такъ говорить...

Авг. Какъ говорить? (*Стучатъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ-же и лакей Вильгельмъ (*въ ливреѣ, съ букетомъ въ рукахъ.*)

Всѣ (*кромѣ Роберта.*) А, Вильгельмъ, здравствуйте, съ добрымъ утромъ. (*Хейнеке и Михальскій жмутъ ему руку.*)

Мать. Для кого-жь это букетъ-то? должно въ городъ кому?

Вильг. Нѣтъ, сюда прислали. Вы будете молодой Хейнеке? (*Робертъ киваетъ головой. Вильгельмъ фамильярно.*) Очень пріятно съ вами познакомиться. (*Протягиваетъ руку.*)

Роб. (*усмѣхаясь и не подавая руки*). Очень любезно съ вашей стороны.

Вильг. Господа поздравляютъ васъ съ пріѣздомъ и посылаютъ вамъ этотъ букетъ — самые рѣдкіе цвѣты, какіе только есть въ оранжереѣ. Ну, по секрету вамъ сказать, цвѣты-то барышня послала... Вообще барышня очень...

Роб. (*сдерживаясь*). Вамъ что же приказали мнѣ все это разсказать?

Вильг. Нѣтъ, приказывать не приказывали.

Роб. Ну, такъ и оставьте это при себѣ. (*Вильгельмъ идетъ къ двери.*)

Мать. Вильгельмъ, пирожка не хотите-ли? Еще осталось немного.

Роб. Подожди немножко, мама, (*Даетъ лакею деньги.*) Вотъ вамъ на-чай. Передайте господамъ, что я буду имѣть честь быть у нихъ въ 2 часа, вмѣстѣ съ графомъ Трастъ-Заарбергомъ. Можете идти. (*Вильгельмъ уходитъ.*)

Мать. Съ графомъ? Съ какимъ графомъ?

Роб. Это одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей, мама, я ему многимъ обязанъ.

Авг. (*тихо мужу*). Слышишь? Съ графами дружбу водитъ.

Мих. (*тихо*). Хочетъ насъ этимъ удивить.

Мать. Дай-ка букетъ, я его въ воду поставлю. Послушай, сынокъ, зачѣмъ же это ты такъ съ Вильгельмомъ-то плохо обошелся? — Вѣдь мы съ нимъ пріятели?

Авг. Мы люди простые, съ графами знакомства водить не можемъ.

Мих. Намъ только съ лакеями въ пору дружбу вести.

Мать. Да, да, съ Вильгельмомъ-то ты долженъ подружиться... хоть ради насъ, сынокъ. Много онъ намъ добра дѣлалъ. То жаркого кусочекъ, то винца бутылочку притащитъ.

Роб. Мама, мама, и ты брала?!

Мат. А почему-жь и нѣтъ? Мы люди бѣдные, мы радоваться должны, если кто намъ что дастъ.

Роб. Мама, я стану больше работать, я вамъ все отдамъ, но... не правда ли ты мнѣ обѣщаешь?.. отъ этого лакея ты больше ничего брать не станешь?

Мать. Ахъ сынокъ, сынокъ, вѣдь это ужь гордость будетъ, чего намъ транжириться... Зачѣмъ отъ хорошаго отказываться? Вѣдь онъ тебѣ про барышню, право слово, безъ зла разсказывалъ. Ужь больно она странная. Какъ съ ней встрѣтишься только на дворѣ, такъ и начнетъ о тебѣ спрашивать; нѣтъ ли отъ тебѣ вѣсточки, здоровъ-ли, и пойдетъ, и пойдетъ... и всегда такая то ласковая... Вотъ кабы ты поумнѣе былъ, сынокъ...

Роб. Ради Бога, мама, перестанемъ объ этомъ.

Хейн. Парочка мильончиковъ намъ бы по вкусу пришлась.

Мих. А что далъ бы ты мнѣ, братецъ, тогда взаймы деньженокъ?

Роб. (*про себя*). Долго ли еще они не перестанутъ меня мучить!

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ-же и Альма; *въ концѣ* **Индусъ.**

Альма (*въ палевой жакеткѣ, кокетливой прическѣ, перчаткахъ, со множествомъ браслетовъ и съ роскошнымъ зонтикомъ. Въ дверяхъ*). Здравствуйте.

Роб. (*кидается ей навстрѣчу и обнимаетъ ее*). Альма! Наконецъ-то!

Мих. (*женѣ*). Сошлись два графчика изъ нашей фамиліи.

Роб. (*обнимая Альму*). Послушай, сестренка, если бы ты даже была такъ же дурна, какъ теперь красива, то, право, все же тебѣ нечего было бояться, что ты можешь не понравиться старшему брату...

Альма. Фуй, Августа, разболтала.

Роб. Ну, ну не отъ злого сердца она мнѣ разсказала. Полно, не сердись.

Альма (*дѣланно*). Милый братецъ...

Авг. (*тихо*). Ишь ты, какъ трогательно. (*Мать помогаетъ Альмѣ снять жакетку.*)

Хейн. Ну что скажешь? (*Треплетъ Альму по щекѣ.*) Сокровище она мое или нѣтъ?

Альма (*выдѣлывая трели*). «Oui, cher papa, c'est Girofla».

Хейн. Слышишь, слышишь, какъ поетъ.— Совсѣмъ итальянка.

Роб. Скажи, пожалуйста. Что это я слышу за новости? Ты, во что бы то ни стало, хочешь сдѣлаться знаменитой пѣвицей?

Альма. Да, если это возможно, то, конечно, я противъ этого ничего не имѣю.

Мать. Альмочка, хочешь пирожка?

Альма. Merci beaucoup. (*Беретъ кусокъ и отходитъ къ зеркалу и охорашивается.*)

Роб. Ну что же ты прилежно занимаешься?

Альма (*съ полнымъ ртомъ*). Каждый день урокъ у меня — do-re-mi-fa-sol-la-ci-ci-la-sol-fa. Ахъ, какъ надоѣли мнѣ эти вѣчныя гаммы, и эти противныя упражненія. У меня всѣ нервы разбиты.

Мать. Бѣдная моя дѣвочка.

Альма. О yes, ma! Ты знаешь я и по-англійски учусь, я ужасно образованна, чего я только не знаю.

Хейн. Да, да, вотъ видишь ты.

Альма. Да и вообще... Вѣдь жизнь коротка... Главное, чтобы было весело... Ты тоже веселый, братецъ?

Роб. Конечно, если есть отчего.

Альма. Вотъ еще. Надо быть веселыми и безъ всякихъ причинъ. Зачѣмъ же намъ и молодость? Ахъ, а жизнь такъ хороша... Каждый день что-нибудь новенькое, а Берлинъ такъ хорошъ, такъ красивъ, знаешь... напримѣръ... Подъ Липами электрическое освѣщеніе... Ты ужь видѣлъ?..Это я люблю больше всего на свѣтѣ... При электрическомъ свѣтѣ всегда бываешь такой блѣдной, такой интересной... Теперь и рестораны всѣ электричествомъ освѣщаются. Чудеса! Вотъ я видѣла люстру... Знаешь въ новомъ кафе на Dönhoffsplatz—большая цвѣточная гирлянда, и въ каждомъ цвѣткѣ огонекъ горитъ.

Роб. Ты? Ты была въ этомъ кафе?

Альма. Я? Ну, гдѣ же мнѣ. Я сквозь окошко видѣла. Ну, а въ Индіи этого нѣтъ еще? Не правда-ли?

Роб. Конечно, нѣтъ.

Альма. Мы вообще далеко ушли въ культурѣ, въ цивилизаціи... Одинъ господинъ мнѣ говорилъ, что у насъ, въ Берлинѣ, почти такъ же хорошо, какъ въ Парижѣ. Правда это?

Роб. Я не бывалъ въ Парижѣ, дитя мое.

Альма. Фуй, какъ это жалко. Каждый молодой человѣкъ долженъ знать Парижъ.

Роб. (*борясь между смущеніемъ и восторгомъ*). Ахъ, ты, моя маленькая дурочка!

Альма. Ха, ха, ха! Неправда-ли какая я смѣшная!? Такъ вотъ я какая. (*Смѣясь и шаля, отходитъ къ Августѣ и подноситъ ей свой платокъ, который у нея былъ заткнутъ за поясомъ.*) Понюхай-ка.

Авг. (*тихо*). Ахъ, какъ хорошо! Что это такое?

Альма (*тихо*). Икзора. Самые новые изъ Парижа. Это я сегодня получила.

Авг. (*тихо*). Ты сегодня выйдешь?

Альма (*тихо*). Не знаю еще. Онъ мнѣ скажетъ. За то завтра мы отправимся въ маскарадъ. Ха, ха, ха!

Роб. Ну однако же будемъ поумнѣе, малютка. Пойди-ка сюда... Сядь... Напротивъ меня... Сюда... Сюда...

Альма. Господи! Какой ты!.. Да это чисто уголовный судъ.

Роб. По крайней мѣрѣ я тебя о многомъ поразспрошу. (*Старики становятся за стуломъ Альмы. Михальскій садится на станокъ, Августа около него на скамейку.*)

Альма. Начинается. S'il vous plait, monsieur.

Мих. (*тихо жене*). Ну, пошло писать.

Роб. Какъ это случилось, что у тебя талантъ открылся?

Альма. Это все равно, какъ любовь, и сама не знаешь какъ.

Роб. (*недовольный*). Г-мъ!.. Однако кто-нибудь первый тебѣ сказалъ объ этомъ? (*Альма пожимаетъ плечами.*)

Мать. Вспомни-ка, дочушка,—это молодой хозяинъ...

Роб. Молодой хозяинъ?!

Хейн. Конечно.

Роб. А онъ почемъ узналъ?

Мать. Онъ слышалъ со двора, какъ она поетъ. А потомъ и сказалъ намъ, что глупо будетъ, ежели да такой голосъ..

Роб. Зачѣмъ же ты, Альма, заставляешь маму за себя говорить?

Авг. (*мужу*). Ужь больно застѣнчива.

Альма. Если такой голосъ въ такой трущобѣ пропадетъ... и что если я и вообще сама тутъ пропаду. «Это, барышня, было бы очень жалко» сказалъ онъ.

Мать. Я это тоже слышала, какъ онъ ее барышней называлъ.

Хейн. Какъ-же, какъ-же, дочь то моя—о-о!

Роб. Продолжай дальше.

Альма. Мои родители позаботились о вашемъ братцѣ, сказалъ онъ... а я хочу позаботиться о васъ, сказалъ онъ... ну, а потомъ онъ мнѣ учительницу нашелъ, у которой cercle musical — это значитъ музыкальный циркуль. У нея учатся только молодыя дамы самыхъ лучшихъ фамилій. Одна даже была сосватана, или обручена съ гусарскимъ поручикомъ.

Роб. Какъ фамилія этой учительницы?

Альма (*недовольчиво*). А тебѣ это зачѣмъ?

Роб. Да вѣдь это не можетъ же быть секретомъ?!

Альма. Ее зовутъ синьора ..

Хейн. (*восторженно*). Настоящая итальянка.

Роб. (*вынимая записную книжку*). И живетъ она...

Альма (*быстро*). На что тебѣ къ ней ходить?! Это все правда, что мы тебѣ разсказали.

Роб. Понятно, все правда, но мнѣ хотѣлось бы лично отъ твоей учительницы узнать о твоихъ успѣхахъ.

Авг. Да, вѣдь, ты, если хочешь, можешь проводить ее завтра въ школу.

Альма (*быстро*). Да, да, да, завтра.

Роб. Хорошо (*Поднимается съ мѣста и взволнованный ходитъ взадъ и впередъ.*) Я не хочу тебя обижать, милое дитя, но я долженъ сознаться, что я далеко не раздѣляю вашихъ большихъ надеждъ.

Хейн. Вотъ такъ такъ. Это отчего же?

Роб. Сколько молодыхъ дѣвушекъ попадали на эту дорогу, куда ихъ вовлекли ихъ кокетство и самомнѣніе. А это опасно, гораздо опаснѣе

нежели вы думаете. Я, конечно, твердо убѣжденъ, что побужденія молодого хозяина самыя чистыя, самыя благородныя, но... Ну, да вотъ завтра, если я услышу отъ спеціалистки, что мои сомнѣнія безосновательны, тогда я самъ обѣщаюсь помогать тебѣ, и не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока ты не достигнешь въ своемъ искусствѣ блестящихъ результатовъ. (*Альма беретъ вазу съ букетомъ и прячетъ свое лицо въ цвѣты.*) И какъ это странно, что мы всему, даже этому рѣдкому счастью, обязаны опять-таки дому Мюлинговъ. (*Михальскій иронически смѣется, Робертъ прислушивается.*)

Альма. Мама, кто это прислалъ мнѣ этотъ роскошный букетъ?

Мать. Это не тебѣ, а... (*дѣлая знакъ*) отъ барышни...

Альма. Ахъ, отъ нея?! (*Ставитъ вазу обратно.*)

Роб. Подожди немножко. Еще одинъ вопросъ. Я замѣчаю, что какъ только я упомяну о хозяйскомъ домѣ или о комъ-нибудь изъ того семейства, кто нибудь изъ васъ или засмѣется или сдѣлаетъ непріязненное замѣчаніе, хотя, кажется, молодой Мюлингъ и пріобрѣлъ ваше всеобщее расположеніе. Что вы имѣете противъ нашихъ благодѣтелей? За что вы можете жаловаться на нихъ?! (*Молчаніе.*) Почему, напримѣръ, ты, зять, сейчасъ такъ иронически засмѣялся? (*Молчаніе.*) Или, напримѣръ, ты, Альма? Почему тебѣ непріятно слышать про букетъ отъ Леоноры? Мать только что разсказывала мнѣ, что та всегда была такъ мила съ нею.

Альма. Кто? Она? Мила? Надутая, чванная, не знаетъ, какъ бы повыше носъ задрать, какъ только встрѣтится со мной. Она еле-еле мнѣ на поклоны отвѣчаетъ. О, она...

Авг. Со мной она тоже такъ же.

Роб. (*съ болью про себя*). Не похоже это что-то на нее...

Мать (*нѣжно*). Пусть только она замужъ выйдетъ за моего Роберта.

Роб. (*испуганно, перебивая ее*). Но, мама, мама... Впрочемъ, простите... я вѣдь и забылъ совсѣмъ, что я привезъ кое-что каждой сестрѣ, а также и вамъ... тебѣ, зятекъ.

Авг. (*вскакивая, съ жадностью*). Гдѣ? Что?

Роб. Въ спальнѣ, на столѣ. На каждой вещи записка для кого она. (*Трое, Августа впереди, убѣгаютъ въ спальню.*)

Хейн. А намъ-то что же, ничего не привезъ?

Роб. Для васъ, дорогіе родители, ничего изъ заграничнаго хлама я не могъ найти достаточно хорошимъ, чтобы вамъ привезти. Скажите мнѣ сами что вы желаете.

Мать. Ахъ, еслибы мнѣ дожить до того, чтобы кто-нибудь мнѣ подарилъ канапе, такую, чтобы подходила къ моимъ двумъ кресламъ. (*Робертъ смотритъ на нее удивленно.*) Ты меня не понимаешь?

Роб. (*съ упрекомъ*). Нѣтъ, мама, я не понимаю тебя.

Хейн. (*капризно*). А я желаю новый горшокъ для клейстера. Авось, это-то ты въ состояніи мнѣ купить. (*Августа съ пестрой шалью, Альма съ футляромъ, Михальскій съ кальяномъ возвращаются, окружаютъ Роберта и благодарятъ его.*)

Авг. Ахъ какъ жаль, что индійскія шали теперь не въ модѣ.

Мих. (*пробуя трубку*). Ну, понятное дѣло, воздухъ не проходитъ.

Роб. (*Альмѣ, которая разсматриваетъ фермуаръ*). Ну а ты, Альма, довольна? Посмотри, эти голубые камни называются индусскими сапфирами.

Альма. Очень мило, т.-е. я, конечно, больше люблю темные сапфиры, въ нихъ больше огня.

Роб. Откуда же это у тебя такое знаніе?

Альма. Ахъ — въ витринахъ ювелировъ я очень охотно любуюсь ими.

Роб. А что это у тебя блеститъ въ ушахъ?

Альма. Ахъ, это?—Это поддѣльные бриліянты—больше ничего, 2 марки за пару.

Роб. Душа моя, этого никто не носитъ. Если ты обѣщаешь сейчасъ же ихъ снять, то у меня есть еще другой сюрпризъ для тебя въ моемъ чемоданѣ.

Альма (*нерѣшительно снимая сережки*). Ну?

Роб. Видишь-ли—это платье одной индусской принцесы, взятое въ одинъ изъ походовъ однимъ изъ моихъ друзей. Ты полюбуйся только. Серебряная вышивка по розовому.

Альма (*въ восторгѣ*). О, Господи, какая роскошь!

Мих. (*смѣясь*). А потомъ вы, вѣроятно, вздернули ее на висѣлицу? (*Робертъ удивленно смотритъ на него.*)

Альма (*ласкаясь къ брату*). Милый ты мой, дорогой, добрый. (*Кучеръ въ ливреѣ стучитъ въ окно.*)

Мать. Поди, старикъ, спроси, что нужно Іоганну?

Альма (*Августѣ*). Ухъ, какъ у нихъ повытянутся лица отъ зависти, когда я завтра, въ маскарадѣ...

Авг. Т-съ, т-съ.

Хейн (*изъ глубины*). Альма, молодой хозяинъ прислалъ Іоганна сказать, что въ 3 часа онъ въ городъ поѣдетъ и велѣлъ спросить, поѣдешь ли ты съ нимъ? (*Августа и Альма молча переглядываются.*)

Роб. Это что значитъ?

Авг. Ничего особеннаго. У молодого хозяина экипажъ свой, а онъ такой любезный, что разъ навсегда пригласилъ Альму ѣздить съ нимъ до города.

Роб. Какъ? И вы это терпите? И ты, сестра, согласилась?

Альма. Бѣдной дѣвочкѣ тоже хочется покататься въ хорошемъ экипажѣ.

Мать. Притомъ и денегъ меньше на конку выходитъ.

Роб. Боже милосердный! Какъ же смотрятъ на васъ дамы изъ хозяйской семьи?

Альма. О, онѣ ничего и не знаютъ. Когда я ѣзжу, то экипажъ останавливается у заднихъ воротъ, гдѣ только одни рабочіе проходятъ.

Роб. Тѣмъ хуже. И что за грязныя сплетни должны вызывать такіе секреты! Развѣ ты никогда этого не замѣчала? (*Альмѣ.*) Пойдика ко мнѣ сюда, поближе. Посмотри мнѣ прямо въ глаза...

Альма (*смотря на него*). Ну?

Роб. (*беретъ ее за голову*). Нѣтъ, эти глаза не могутъ лгать! Ты чиста, ты... (*Цѣлуетъ ее.*)

Хейн. Рѣшай же скорѣй, вѣдь Іоганнъ ждетъ.

Роб. Отецъ, скажи Іоганну, что я раньше самъ переговорю съ его бариномъ.

Альма. Зачѣмъ? Да вѣдь все уже рѣшено...

Роб. Ты больше не будешь кататься въ экипажѣ молодого хозяина. Для дѣвушекъ нашего круга существуетъ конка. (*Альма капризно плачетъ.*)

Мать. Бѣдное мое дитятко!

Авг. Да ты, что же хочешь здѣсь распоряжаться по своему?! (*Со двора слышенъ дѣтскій крикъ.*)

Хейн. (*у окна*). Идите сюда скорѣе, скорѣе, смотрите — негръ въ тюрбанѣ. (*Всѣ бѣгутъ къ окну, кромѣ Роберта, который, глядя на нихъ, качаетъ головой.*)

Всѣ. Негръ! Нѣтъ, это не негръ.

Альма (*все еще въ слезахъ*). Робертъ, это негръ?

Роб. (*мрачно*). Нѣтъ, дитя моя, это индусъ, слуга моего друга.

Мать. Твоего друга? Это того самаго графа-то!?

Роб. Да. (*Входитъ индусъ, всѣ его окружаютъ.*) Рагарита, твой господинъ желанный гость въ этомъ домѣ. (*Индусъ уходитъ. Большое волненіе. Старуха Хейнеке передвигаетъ мебель и вытираетъ зеркало.*)

Альма (*передъ зеркаломъ*). Что твой графъ старикъ или молодой? (*Робертъ молчитъ.*) Ахъ, какіе у меня красные глаза, совсѣмъ красные. Не правда-ли, Августа? А вдругъ, да онъ молодой. (*Уходитъ.*)

Мих. Пойдемъ, Августа, не будемъ мѣшать знатнымъ барамъ. (*Уходятъ.*)

Хейн. Ваше сіятельство, скажу я ему... пожалуйте вотъ на это кресло, скажу я ему... О, мы тоже понимаемъ благородное обхожденіе.

Мать. Мы разъ ужъ одного барона принимали, онъ изъ пріятелей молодого хозяина... помнишь, старикъ? онъ еще справлялся о здоровьи Альмы... А графовъ еще видѣть у себя не приходилось.

Роб. Кто былъ у васъ, мама, говоришь ты?

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ-же и графъ Трастъ (*съ сильной просѣдью, длинной русой бородой. Робертъ молча спѣшитъ ему навстрѣчу и жметъ его руки*).

Трастъ (*тихо*). Что съ тобой? Неужели ты еще не пришелъ въ себя отъ возвращенія домой? (*Громко.*) Такъ вотъ они, къ кому ты такъ стремился. (*Жметъ руки старикамъ.*) Знаете-ли, мои почтеннѣйшіе, какимъ чуднымъ сыномъ васъ Богъ наградилъ? Дружба моего дорогого Роберта даетъ мнѣ право сказать вамъ это. (*Хейнеке молча расшаркивается и уходитъ.*)

Мать. Пирожка не угодно-ли, ваше сіятельство, еще остался кусочекъ.

Трастъ. Благодарю васъ, я съѣмъ, я съѣмъ. (*Мать присѣдаетъ и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Трастъ и Робертъ.

Трастъ. Ты блѣденъ, мой мальчикъ? У тебя руки дрожатъ? Что съ тобой случилось?

Роб. Ахъ, нѣтъ, такъ, ничего. Я счастливъ — понимаешь ты — волнуюсь... вѣдь это же такъ естественно.

Трастъ. Вполнѣ. (*Въ сторону.*) Онъ лжетъ (*Ему.*) Скажи, пожалуйста, ты думаешь еще долго оставаться здѣсь? Сообразно съ этимъ и я урегулирую свое пребываніе въ Европѣ.

Роб. Невозможно, милый другъ, наши дороги должны теперь разойтись.

Трастъ. А, чертъ возьми?!

Роб. Я буду просить у хозяина мѣсто здѣсь. Индійскій климатъ... ты понимаешь?

Трастъ. Вотъ тебѣ и разъ. Что? Видно хорошо сидѣть у материнской юбки?

Роб. Не насмѣхайся и не выспрашивай. И такъ какъ мы скоро разстанемся... нужно же это когда-нибудь высказать... то прими отъ меня, мой дорогой, мой милый ворчунъ, мою благодарность за все, за все... Я благословляю тотъ часъ, когда мы встрѣтились съ тобой въ первый разъ, когда я, дрожа въ лихорадкѣ, стоялъ въ клубѣ, на Бьютенсорѣ, сзади моего молодого хозяина, который вышвыривалъ на зеленый столъ одну стогульденовую бумажку за другой.

Трастъ. Ну такъ дуракъ я былъ, что съ тобой сошелся, когда ты теперь... меня... Фуй... это нечестно.

Роб. Трастъ! не огорчай меня! Ты видишь: я тебѣ признателенъ за все. Когда я услыхалъ тогда твое имя — имя Трастъ и К°., всемогущее отъ Іокагамы до Адена, я ощутилъ такое же чувство, какъ передъ императоромъ.

Трастъ. Императоръ—милостью кофейныхъ мѣшковъ!

Роб. Мюлингское дѣло въ Батавіи было уже близко къ банкротству...

Трастъ. Нечего было и удивляться этому, если ихъ представителемъ былъ первый негодяй во всемъ архипелагѣ.

Роб. Мнѣ грозили потерей мѣста.—Тогда ты принялъ подъ свое покровительство бѣднаго прикащика... Твое имя помогло мнѣ завязать массу сношеній, твои совѣты сдѣлали изъ меня человѣка, и въ то время, какъ г. Бенно Мюлингъ продолжалъ свою веселую жизнь, управленіе всѣми дѣлами перешло въ мои руки.

Трастъ. И въ концѣ концовъ, по милости нашей, домъ Мюлинговъ, вмѣстѣ съ своимъ пресловутымъ представителемъ, сдѣлался богаче на нѣсколько сотъ тысячъ.... Жаль.... Было бы лучше, если бы эти деньги достались тебѣ самому. Ну, да я открою глаза главѣ фирмы на тебя.—И если онъ не сдѣлаетъ тебя, по крайней мѣрѣ, своимъ компаніономъ, то тогда я не удержусь и произведу такое колебаніе цѣнъ на кофе, что этотъ благородный отпрыскъ нѣмецкаго дуба пожнетъ совершенно неожиданные плоды.—Кромѣ шутокъ, зачѣмъ ты упрямишься и хочешь непремѣнно продолжать службу въ этой фирмѣ? Переходи ко мнѣ, мой мальчикъ... Я дамъ тебѣ княжеское содержаніе и къ каждому Рождеству пару штановъ. (*Робертъ молча отрицательно качаетъ головой.*) Только одна благодарность не есть еще достаточный поводъ для такого сумасбродства. Нѣтъ ли въ инвентарѣ этой фирмы какой-нибудь нѣмецкой красавицы, которая... (*Въ сторону.*) А-га! (*Громко.*) Да, вотъ кстати, у насъ теперь рѣчь зашла о дѣвицахъ. Представь себѣ, что случилось со мной вчера вечеромъ... Распростившись съ тобой, я прошелся по улицамъ... Бросившаяся мнѣ въ глаза афиша приглашала въ маскарадъ... Между прочимъ она гласила, что сотня баядерокъ исполнятъ страстные индійскіе танцы. Ну, въ этомъ-то я спеціалистъ... Ахъ, это зрѣлище способно заставить даже самыхъ строгихъ аскетовъ отречься отъ ихъ обѣтовъ... Вдругъ, въ толпѣ, мнѣ попадается навстрѣчу молодое созданіе, нѣжное и свѣжее, какъ полузрѣлый персикъ. Повидимому, она была безъ провожатаго. Я атаковалъ ее. Она, камъ видно, не глупая, стала выклянчивать у меня сладкимъ, дѣтскимъ голоскомъ маленькій брелокъ отъ моихъ часовъ,—это былъ маленькій золотой идолъ божка Ганеза, моего патрона, бога успѣха, божка, который, какъ ты знаешь, изображается ѣдущимъ на крысѣ... Одна крыса чуетъ другую... И знаешь ли, что я открылъ, идя и болтая съ нею—какая наивная испорченность таилась подъ внѣшностью дѣтской невинности.

Роб. (*испуганно*). Такъ, стало быть, это, дѣйствительно возможно?

Трастъ. Ты слышишь же. Ну, а мое сердце привыкло всегда биться въ томъ темпѣ, какой требуется нравами страны, гостепріимствомъ которой я пользуюсь. Я дѣлаюсь охотно рабомъ толпы. На востокѣ я держу гаремъ, въ Италіи я перелѣзаю при лунномъ свѣтѣ садовые заборы, во Франціи плачу по счетамъ магазиновъ, и, Богъ мой, въ Германіи я возвращаю на путь добродѣтели. Вполнѣ логично! На востокѣ любятъ чувствомъ, въ Италіи фантазіей, во Франціи кошелькомъ, въ Германіи разсудкомъ. И такъ я рѣшился превратить это порочное дитя въ кающуюся Магдалину. Не успѣлъ я приступить къ своему намѣренію, не успѣли еще откупорить шампанское, какъ явился господинъ на половину демонъ, на половину шутъ и заявилъ свои права на нее... Я всегда уважаю права первенства, и потому легъ спать, не успѣвъ сдѣлать добраго дѣла. Но я дорого бы далъ, если бы судьба... мнѣ... это милое созданіе... (*Робертъ вздыхаетъ и закрываетъ лицо руками.*) О, чортъ! Что такое? П-стъ.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ-же и Хейнеке-мать.

Мать. Робертъ!

Роб. Что тебѣ, мама?

Мать. Нѣтъ ли у тебя пробочника? (*Трасту.*) Моя дочь хочетъ угостить васъ виномъ, ваше сіятельство. Вино это не простое — это лучшее, какое только можетъ быть.

Роб. Вѣроятно, хозяйское?

Мать (*гордо*). Ну, разумѣется!

Роб. (*вынимаетъ на столъ складной ножикъ*). Вотъ!

Мать. Однако, какой ты!

Роб. Да, да, ты права, прости. (*Мать уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Трастъ. Ну, кайся, мой мальчикъ, довѣрься мнѣ...

Роб. Ахъ, если бы мнѣ никогда не пришлось вновь увидѣть мою родину.

Трастъ. Ого-го! Не тѣмъ вѣтромъ подуло?!

Роб. Я стыжусь той среды, въ которой я родился. Мои для меня теперь уже болѣе—ничто. Я весь содрогаюсь отъ соприкосновенія съ ними. Я боюсь за свой мозгъ... Одно безумное подозрѣніе за другимъ приходятъ мнѣ въ голову... Трастъ! я боюсь, что даже сыновнія чувства поколеблены во мнѣ.

Трастъ. Что за глупости!

Роб. О если бы я могъ тебѣ разсказать, что только я здѣсь вытерпѣлъ... Каждое серьезное слово было для меня ударомъ кулака въ голову, каждая шутка—пощечиной. Какъ будто не могли найти другихъ словъ, кромѣ тѣхъ, которыя оскорбляли меня. Я надѣялся найти здѣсь родное, а очутился лицомъ къ лицу передъ совершенно чуждымъ мнѣ міромъ, въ которомъ я едва могу дышать. Посовѣтуй же мнѣ, что мнѣ дѣлать?

Трастъ. Укладывать свои чемоданы.

Роб. Это было бы трусливое, безсердечное бѣгство. Развѣ это заслужила мать?

Трастъ. Знаешь ли. Броснмъ этотъ пафосъ. Все это такъ просто, какъ нельзя быть проще для насъ съ тобой, изучившихъ духъ кастъ на мѣстѣ ихъ возникновенія. Тѣ же касты существуютъ и здѣсь, раздѣленныя между собою не запрещеніемъ ѣсть вмѣстѣ, не запрещеніемъ браковъ между членами разныхъ кастъ, не правилами религіознаго этикета... Это были бы мелочи. То, что ихъ раздѣляетъ, какъ пропасть, это различіе взглядовъ и понятій. Каждая каста имѣетъ свое собственное понятіе о чести, свое самолюбіе, свои идеалы, даже свой собственный языкъ. Поэтому всякій, отдѣлившійся отъ своей касты—несчастный человѣкъ, если у него не хватаетъ мужества окончательно порвать съ нею все. Таковъ и ты. Ты знаешь, что и я когда-то былъ такимъ. Да, то, что ты переживаешь теперь, пережилъ и я много лѣтъ тому назадъ. Или ты думаешь, что мнѣ тогда, молодому, блестящему каваллерійскому офицеру было легко, когда въ одно прекрасное утро я проснулся съ карточнымъ долгомъ въ 90 т. талеровъ, которые должны были быть уплачены въ 24 часа. Мнѣ нисколько не помогло, что я бросился домой и кинулся въ ноги моему отцу. Онъ заложилъ бы свою собственную шкуру, чтобы спасти честь моего и своего имени, но эта шкура была уже заложена. И такъ какъ ему нечѣмъ было наградить меня, то онъ наградилъ меня своимъ проклятіемъ.

Роб. И у тебя достало мужества продолжать жить?

Трастъ. А-га! Развѣ ты не знаешь, какъ это случилось?

Роб. (*разсѣянно*). Я не знаю больше ничего... ничего... ничего!

Трастъ. Такъ замѣть это себѣ. Быть можетъ, это тебѣ пригодится. Когда мои товарищи простились со мной, они оказали мнѣ послѣднюю услугу,—положили на мой столъ заряженный пистолетъ съ взведеннымъ курокомъ. Я осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ. Что я, какъ человѣкъ, потерявшій свою честь, не могъ больше жить одного часа — было для меня вполнѣ ясно. И когда я приставилъ пистолетъ къ виску, мнѣ пришла въ голову мысль: «это жестоко, это глупо! Почему ты сталъ хуже того, чѣмъ ты былъ три дня тому назадъ?! Ты, наобѣщавшій, какъ глупый мальчишка, такія суммы, которыхъ не имѣлъ, заслуживаешь, быть можетъ, розогъ, но не смерти. Цѣлыя тысячелѣтія наслаждались люди солнечнымъ свѣтомъ, не затемняя его фантомомъ чести. Да и теперь еще живутъ такъ 99 процентовъ всего человѣчества. Живи, работай и наслаждайся солнцемъ, какъ они»! Когда я черезъ 12 лѣтъ вернулся въ Европу — мой долгъ былъ уже, понятно, давнымъ давно заплаченъ,—между моимъ отцомъ и мною произошло, въ нѣкоторомъ родѣ, примиреніе,—наружно только. Если бы онъ нашелъ меня, какъ блуднаго сына, лежащаго у порога его дома, онъ бы поднялъ меня изъ грязи и прижалъ бы къ своей груди, но то, что я вернулся къ нему съ гордо поднятой головой, что я могъ придти къ нему самому на помощь съ моимъ полмилліономъ — этого онъ никогда не могъ мнѣ простить. Черезъ нѣсколько недѣль я уѣхалъ обратно. Разбогатѣвшій торговецъ кофемъ и обѣднѣвшій аристократъ не имѣли между собою ничего общаго.

Роб. И вотъ его уже нѣтъ больше.

Трастъ. Царство небесное ему, въ которое онъ вѣрилъ. И вотъ мораль: предоставь своимъ ихъ собственный взглядъ на вещи, тебѣ ихъ не передѣлать, доставь имъ все, что имъ нужно, даже больше, чѣмъ нужно и... уѣзжай со мной.

Роб. Я не могу... И слушай, почему я давеча промолчалъ объ этомъ... Я стыдился самого себя. У меня здѣсь любимая сестра, она была еще ребенкомъ, когда я уѣхалъ. О какъ я радовался свиданію съ ней. Въ ней я не разочаровался, она разцвѣла еще пышнѣй, еще лучше, чѣмъ даже я надѣялся, но моя любовь къ ней превратилась въ ужасъ, въ мученіе. Я боюсь тысячи опасностей... я даже страшусь ихъ назвать. То, что она дѣлаетъ и что позволяетъ дѣлать съ собой, понятно, совершенно безсознательно, противорѣчитъ моимъ понятіямъ о чести на каждомъ шагу. Давеча, когда ты разсказывалъ мнѣ про то неразцвѣтшее, но уже порочное созданіе, ужасъ... ужасъ охватилъ меня всего—потому что... Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ... Здѣсь мое мѣсто, здѣсь я останусь и, если нужно, погибну.

Трастъ. Я согласенъ, что ты имѣешь основательныя причины... Но ты находишься въ страшно возбужденномъ состояніи и я держу пари, что ты все видишь въ болѣе черномъ свѣтѣ, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ.

Роб. Какъ Богу угодно! (*Сжимаетъ голову руками.*)

Трастъ. Конечно, тебѣ не слѣдовало бы падать духомъ, тогда многое ты бы легче перенесъ.

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ-же и Альма (*слѣва съ подносомъ, на которомъ вино и стаканы.— Графъ отшатывается. Она вскрикиваетъ и чуть не роняетъ подносъ. Графъ, оправившись, спѣшитъ ей на помощь*).

Трастъ. Все это чуть не разлетѣлось въ дребезги, mademoiselle. (*Въ сторону.*) Все уже разлетѣлось въ дребезги.

Роб. (*обнимая сестру*). Взгляни, милый Трастъ, вотъ она. Не правда ли, это ангелъ? Такъ, теперь ступай къ нему, дай ему свою лапку и скажи: милости просимъ.

Альма (*тихо Тресту*). Вы! Не выдавать!

Трастъ (*въ сторону*). Несчастный, какъ я вытащу его отсюда?

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Салонъ въ домѣ Мюлинга. Обстановка роскошная, но неуютная. Прямо дверь въ столовую съ портьерой. Слѣва каминъ, софа, овальный столъ и кресла, справа диванчикъ съ маленькимъ столикомъ и качалка. Въ столовой видѣнъ богато накрытый столъ, въ безпорядкѣ послѣ оконченнаго завтрака.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Мюлингъ, Амалія, Куртъ *слѣва,* **Леонора** *справа въ качалкѣ, съ книгою въ рукахъ;* **Лакей** *разноситъ кофе;* **Другой лакей** *убираетъ столъ въ столовой.*

Куртъ. Нечего и говорить, воропой превосходенъ.

Мюл. Но дорогъ...

Куртъ. Дорогъ?! Ахъ, Господи!

Амалія. Я приму разницу на себя, лишь бы только наконецъ кончить этотъ разговоръ.

Куртъ (*цѣлуя ея руки*). Благодарю мама. Итакъ, я все-таки покажусь моимъ милымъ берлинцамъ на новой лошади. (*Леонорѣ.*) И тебѣ позволяю восхищаться мною.

Леонора (*читая*). Хорошо, мой другъ.

Куртъ. Лотаръ Брандтъ и Гуго Штенгель хотѣли пріѣхать посмотрѣть лошадь. Быть можетъ, это способно заинтересовать тебя, Лори?

Леон. Ну, эти скоро явятся, имъ все равно нечего дѣлать. (*Смотритъ на часы, про себя.*) Господи, какъ долго тянется время. (*Лакей уходитъ.*)

Амалія. Ты бы могла не гыражаться такъ объ этихъ господахъ, дитя мое, такъ какъ Лотаръ видимо ищетъ твоей руки.

Леон. Вотъ какъ?

Амалія. Развѣ ты ничего не замѣчаешь?

Леон. Я не наблюдала за нимъ, мама.

Амалія. (*вполголоса мужу*). Это невозможно, Теодоръ.

Мюл. Этотъ тонъ нашъ слишкомъ знакомъ, дитя мое, но и кичливость отцовскимъ карманомъ тоже имѣетъ свои границы.

Леон. (*выпрямляясь*). Отцовскимъ карманомъ?

Мюл. Какъ же прикажешь назвать твой образъ дѣйствій, что ты въ продолженіе 10 лѣтъ гонишь отъ себя видныхъ и богатыхъ жениховъ?... Я человѣкъ простой... Я началъ съ малаго и собственнымъ своимъ трудомъ пріобрѣлъ все.

Куртъ (*въ сторону*). Т.-е. выгодно женился.

Мюл. Что ты сказалъ, Куртъ?

Куртъ. О, это былъ порывъ восторга и только, папа...

Мюл. Да мнѣ не такъ-то легко было, какъ тебѣ, сынъ мой. Я не люблю чваниться и не хочу этого видѣть и въ моихъ дѣтяхъ. Только такъ и можно устроить себѣ пріятную жизнь.

Куртъ. И вдобавокъ—дешевле.

Леон. Твой упрекъ ко мнѣ не относится, папа.

Амалія. Такъ объясни же намъ наконецъ свое поведеніе!

Леон. (*съ упрекомъ*). Мама!

Амалія. (*нервно*). Ахъ, пожалуйста, пожалуйста.

Леонора (*вставая*). О, Господи, отчего вы не даете мнѣ жить, какъ мнѣ хочется. Вѣдь я же ничего не требую, не прошу, какъ только, чтобы мнѣ дали жить по моему.

Мюл. И это ты называешь скромностью? Куда же дѣнется тогда святость фамильныхъ узъ.

Амалія (*мужу*). Ну вотъ, самъ видишь, могу ли я быть покойной.

Леон. Изъ-за меня, мама?

Амалія. Каждый день такія выходки, такая безтактность. Ну что значитъ, напримѣръ, что ты разорила всю оранжерею, чтобы послать букетъ вернувшемуся прикащику?

Леон. Роберту, хочешь ты сказать?

Амалія. Г. Хейнеке-младшему, хочу я сказать.

Леон. Какой же онъ прикащикъ? Онъ намъ почти родной.

Куртъ. Благодарю.

Амалія. *(мягко).* Т.-е. мы вытащили его изъ грязи.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ-же и Вильгельмъ.

Мюлингъ. Ну?

Вильг. Молодой г. Хейнеке приказалъ доложить, что онъ будетъ имѣть честь явиться сюда въ 2 часа. *(Леонора дѣлаетъ движеніе и смотритъ на часы.)*

Мюл. Скажите, какой большой баринъ.. Хорошо.

Вильг. Съ вашего позволенія... Онъ будетъ еще съ однимъ господиномъ — графъ Трастъ, кажется...

Мюл. *(вскакивая).* Что? Графъ Трастъ? Трастъ и К°? Куртъ! Кофейный король. *(Машетъ Вильгельму, тотъ уходитъ.)*

Куртъ. Какое счастье выпадаетъ иногда прикащикамъ!

Мюл. Амалія, мы должны его пригласить непремѣнно.

Амалія. Хорошо, завтра къ обѣду.

Леон. Какъ? А Роберта Хейнеке нѣтъ?

Куртъ *(въ сторону).* Часъ отъ часу не легче.

Мюл. Собственно говоря, ты права. Если иногда снисходишь къ этимъ людямъ, то привязываешь ихъ къ интересамъ фирмы. Такое отношеніе къ нимъ часто очень выгодно, Куртъ. Этотъ юноша выработался хорошо подъ руководствомъ Бенно. А такъ какъ я хочу послать его въ будущемъ году на Антильскіе острова...

Леонора *(съ досадой).* Я совсѣмъ не то хотѣла сказать, папа.

Мюл. Все равно.

Амалія. А ты, Куртъ, наблюдай за нимъ, чтобы онъ не сдѣлалъ чего-нибудь безтактнаго. Знаешь изъ какого онъ общества, а это общество накладываетъ свою печать.

Куртъ *(вставая).* Pardon, но вѣдь вы желаете, чтобы и мои друзья были приглашены?

Мюл. Конечно, и твои друзья. У молодежи всегда найдется время.

Куртъ. Я попросилъ бы избавить меня отъ этого. Для меня немыслимо вводить людей хорошихъ фамилій въ общество сына... какого-нибудь Хейнеке.

Леон. *(тихо ему).* Ты вѣроятно хочешь сказать брата m-lle Хейнеке?

Куртъ *(сперва испуганно, потомъ собираясь съ духомъ).* Что ты хочешь этимъ сказать?

Леон. Довольствуйся и моимъ молчаніемъ.

Куртъ. Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста?

Леон. Сказать?

Куртъ. Ты что же, думаешь мнѣ грозить?

Мюл. Дѣти, я не допускаю такихъ сценъ въ моемъ домѣ.

Амалія. Предположимъ, что мы ничего не слыхали, Теодоръ. Я ухожу. И ты вѣроятно, немного приляжешь? *(Мюлингъ цѣлуетъ ее оффиціально въ лобъ.)*

Куртъ *(въ сторону).* Доброе старое время.

Амалія идетъ къ двери въ глубинѣ, Мюлингъ звонитъ.

Леонора *(догоняя мать).* Мама!

Амалія *(оборачиваясь, съ дѣланной любезностью).* Хорошо, хорошо, оставь меня. *(Уходитъ. Входитъ Вильгельмъ.)*

Мюл. Если меня будутъ спрашивать — я въ кабинетѣ. *(Уходитъ. Вильгельмъ за нимъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Куртъ хочетъ тоже уйти.

Леон. Мнѣ кажется, намъ съ тобой надо еще поговорить, Куртъ.

Куртъ. Намъ?... Хе? Нѣтъ.

Леон. И ты не чувствуешь необходимости потребовать отъ меня объясненій?

Куртъ. Ты, кажется, не переносишь, что я вращаюсь въ обществѣ? Ты, кажется, все еще хочешь водить меня на помочахъ, такъ какъ ты старше меня на 4 года и когда-то учила меня ходить... ну, а теперь, слышишь ли ты, я умѣю ходить самъ на своихъ ногахъ... Нѣкоторыя дамы находятъ даже, что я захожу слишкомъ далеко. Я тебя объ одномъ попрошу, предоставь мнѣ самому найти свою собственную дорогу въ рай.

Леон. Я тебя никогда ни въ чемъ не упрекала. Жуируй, сколько хочешь, но имѣй достаточно смѣлости въ этомъ признаваться.

Куртъ. Ну, это можетъ имѣть нежелательныя для меня послѣдствія.

Леон. Ты разыгрываешь послушнаго сына, чтобы потомъ, за спиной, смѣяться надъ своими родителями. Повѣрь мнѣ, Куртъ, ты совсѣмъ испортишься на этой дорогѣ.

Куртъ *(насмѣшливо).* Неужели?

Леон. Объ одномъ я прошу тебя, оставь въ покоѣ нашъ домъ и его обитателей.

Куртъ. Ну это мы попробуемъ, съ Божьею помощью.

Леон. Знаешь ли о чемъ перешептываются и говорятъ на всей фабрикѣ? что ты преслѣдуешь сестру Роберта Хейнеке своими ухаживаніями, что ты...

Куртъ *(пожимая плечами).* Ну, если ты позволяешь себѣ переносить сплетни съ задняго двора...

Леон. Куртъ, оставь этотъ топъ. Я пощадила тебя сегодня въ присутствіи нашихъ родителей. Въ слѣдующій разъ я этого не сдѣлаю. Но прежде всего... Робертъ возвратился... если онъ найдетъ свою сестру виновной... не безпокойся, я не испугаюсь, я не допущу себя до того, чтобы бояться. Но дѣвочка легкомысленна и вѣтренна... И если это случится...

и по твоей винѣ, Куртъ... берегись... онъ уничтожитъ тебя...

Куртъ. Кто? мой прикащикъ, съ чемоданомъ съ образцами?

Леон. А что ты обворовываешь своего прикащика, объ этомъ ты не думаешь?

Куртъ. Что это за выраженіе: «обворовываешь»? Что я у него ворую?

Леон. Его положеніе въ свѣтѣ, его доброе имя.

Куртъ. Имя Хейнеке!? П-ха! (*Вильгельмъ вноситъ двѣ визитныя карточки и подноситъ ихъ Леонорѣ.*)

Леон. Это къ тебѣ.

Куртъ. Кто такой?

Леон. Прочти.

Куртъ. Лотаръ Брандтъ... Гуго Штенгель... Проспть, просить. (*Кидаетъ карточки на столикъ направо. Слуга уходитъ. Леонора садится въ качалку.*)

Куртъ. Чудеса! Ты сегодня не спѣшишь уйти?

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ-же Штенгель и Брандтъ.

Брандтъ. Здорово, дружище.

Куртъ (*идя навстрѣчу*). Ахъ, вы пріѣхали взглянуть на моего воропого. Это очень мило съ вашей стороны.

Штенг. (*кланяясь Леонорѣ*). Мы позволили себѣ...

Брандтъ (*тоже*). Если мы не обезпокоимъ m-lle...

Леон. (*очень любезно*). О, нѣтъ, нисколько, я очень рѣдко бываю въ конюшнѣ. (*Небольшое замѣшательство обоихъ.*)

Куртъ. Что же вы не садитесь?

Бр. Мы ждемъ позволенія m-lle.

Леон. (*холодно*). Прошу. (*Перелистываетъ книгу. Куртъ кидаетъ на нее недовольный взглядъ. Всѣ сядятся.*)

Куртъ. Ну гдѣ вы вчера болтались?

Бранд. (*манерничая*). Вчера? Какія требованія ты предъявляешь къ моей памяти! Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ я былъ вчера? Сначала я былъ въ татерсалѣ, потомъ имѣлъ конференцію съ папа. Цѣны на кофе снова падаютъ.

Шт. Это внушаетъ опасенія—53½.

Бр. Внушаетъ опасенія, милый Гуго, это не совсѣмъ вѣрно. Онѣ падаютъ. Мы будемъ бороться. Потомъ я дѣлалъ визиты. Потомъ обѣдалъ въ офицерскомъ собраніи.

Леон. (*взглянувъ на него*). А, такъ вы офицеръ?

Бр. (*обиженно*). Я полагалъ, что это вамъ ужь извѣстно, m-lle. Я поручикъ резерва кирасирскаго, имени кронпринца, полка.

Леон. (*усмѣхаясь и смотря на карточку на столѣ*). Ахъ, да—смотри визитную карточку.

Куртъ (*хлопая Брандта по плечу*). А въ обыкновенное время верхомъ на табуреткѣ въ отцовской конторѣ.

Брандтъ (*рѣзко*). Пожалуйста, пожалуйста, милѣйшій.

Леон. Г. поручикъ, это не плохой конь въ погонѣ за счастьемъ.

Шт. Ахъ какъ это мило, какъ мило.

Куртъ. Я искалъ васъ вчера вечеромъ.

Бр. Вечеромъ? Вечеромъ, какъ всегда, я имѣлъ приглашеніе. Куда? Я и самъ хорошенько не помню. Бросимъ объ этомъ говорить. Вы улыбаетесь, m-lle?

Леон. Смѣю ли я?

Бр. Вы въ вашей замкнутой жизни и представить себѣ не можете, что значитъ на нашемъ миломъ языкѣ слово сезонъ.

Шт. Вотъ уже скоро два мѣсяца, какъ мнѣ, что называется, не удавалось какъ слѣдуетъ выспаться.

Куртъ. Да и то на билліардѣ.

Бр. Ну это милый Куртъ шутитъ, но если бы вы знали, что значитъ на самомъ дѣлѣ быть мученикомъ удовольствій, то вы бы поняли насъ.

Леон. Я такъ стараюсь васъ понять, что начала уже васъ жалѣть.

Штенг (*тихо Брандту*). Кажется, этадѣвченка смѣется надъ нами?

Бр. (*тихо и ядовито*). Каждая кокетничаетъ по-своему.

Куртъ (*перейдя къ Леонорѣ, тихо*). Мнѣ кажется, совсѣмъ не нужно быть такой невѣжливой.

Леон. (*качаясь*). Г-мъ? (*Читаетъ.*)

Бранд. Можно узнать, что такъ интересуетъ m-lle?

Куртъ (*про себя*). Зачѣмъ онъ не оставитъ ее въ покоѣ?

Леон. Нѣчто, что врядъ-ли заинтересуетъ мучениковъ удовольствія, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о мученикахъ труда.

Бр. Такъ, такъ.

Шт. (*вскакивая*). Пойдемте смотрѣть лошадь.

Бр. Превосходно, ступайте впередъ. Мученики труда интересуютъ меня больше, чѣмъ думаетъ m-lle.

Куртъ (*въ сторону*). Ахъ, несчастный!

Шт. M-lle...

Куртъ (*выталкивая его*). Да иди же, дружище, Бога ради (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Леон. (*смотритъ нетерпѣливо на часы*). Чѣмъ могу служить вамъ, г. Брандтъ?

Бр. Къ моему крайнему сожалѣнію, я вижу, m-lle, какъ мало я пользуюсь вашей благосклонностью, такъ какъ, если я и не обладаю большими достоинствами...

Леон. И чтобы это высказать мнѣ, вы упускаете случай...

Бр. Еще одну минуту... прошу васъ...

Леон. (*въ сторону*). Предложеніе!

Бр. Мои недостатки, можетъ быть, и безчисленны, но, m-lle, я прежде всего человѣкъ честный.

Леон. Мнѣ кажется, что для человѣка хорошей фамиліи это само собой разумѣется, г. Брандтъ. Это также мало заслуживаетъ похвалы, какъ приличный костюмъ...

Бр. Вы такъ мало цѣните...

Леон. Извините, я не отказываю въ своемъ уваженіи и даже дурно одѣтымъ, но ихъ въ салоны не пускаютъ. Но, г. Брандтъ, я васъ перебила. Быть можетъ, я въ васъ и ошибаюсь. Продолжайте.

Бр. Я долженъ сознаться вамъ, m-lle, что вы заставили меня сробѣть, а это уже кое-что значитъ. Потому, что же это за мущина, который потерялъ храбрость.

Леон. Ахъ, это уже кое-что большее. Я всегда уважала храбрость. Но въ чемъ вы показали свою храбрость?

Бр. Спросите моихъ друзей. Она—внѣ всякихъ подозрѣній.

Леон. Вы хотите, вѣроятно, сказать—вы дрались на дуэли?

Бр. Съ дамами не говорятъ о такихъ вещахъ.

Леон. А мы все-таки узнаемъ. Вѣдь мы затѣмъ и существуемъ, чтобы раздавать лавры побѣдителямъ. Быть можетъ, вамъ приходилось воевать противъ такихъ вещей, которымъ въ глубинѣ души вы сами же сочувствовали?

Бр. (*возмущенный*). Какъ можете вы это думать. Подобныхъ взглядовъ у меня нѣтъ.

Леон. Или, быть можетъ, вы молча перепесли какое-нибудь недостойное подозрѣніе?

Бр. Я? Молча?... Напротивъ.

Леон. Никогда?

Бр. Никогда, m-lle.

Леон. Ну, тогда и ваша храбрость осталась въ неизвѣстности, господинъ... можно сказать?... поручикъ. Сначала докажите ее и тогда мы поговоримъ подробнѣе. (*Хочетъ встать*).

Бр. (*удерживая ее*). M-lle.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ-же и Вильгельмъ, Трастъ и Робертъ.

Вильгельмъ (*въ дверяхъ*). Не угодно-ли господамъ подождать пока здѣсь.

Леон. Ахъ, наконецъ-то. (*Бросается къ Роберту, протягивая ему руки.*)

Тр. (*въ сторону*). Такъ вотъ опо что! (*Лакею, который идетъ въ дверь направо.*) Послушайте-ка, подите-ка сюда. (*Беретъ у него изъ рукъ одну изъ карточекъ и кладетъ ее къ себѣ въ карманъ.*)

Бр. (*наблюдая за Леонорой и Робертомъ*). Что это значитъ?

Тр. Достаточно моей карточки. Ступайте. (*Лакей уходитъ.*)

Роб. Леонора, представляю вамъ графа Траста, моего лучшаго друга.

Леон. (*приходя въ себя*). Господа, позвольте вамъ представить: г. Лотаръ Брандтъ, графъ Трастъ, г. Робертъ Хейпеке, мой другъ дѣтства. (*Обоюдные поклоны*).

Бр. (*про себя*). Она представляетъ меня брату Альмы... Добрый знакъ. (*Громко*) Господа извинятъ меня,—но мои друзья... (*Заикается и бормочетъ.*)

Тр. Васъ ждутъ? Не такъ ли?

Бр. (*осматривая его высокомѣрно съ ногъ до головы. Уходя*). Изъ какого опъ сорта графовъ? (*Оборачивается въ дверяхъ, кланяется, хлопая каблуками*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Леон. (*прося садиться*). Вы давно уже не были здѣсь, графъ?

Гр. Я веду торговыя дѣла въ тропикахъ почти четверть вѣка.

Леон. Ради удовольствія?

Тр. Во всякомъ случаѣ, насколько это возможно. Кромѣ того я спекулирую на кофе, пряностяхъ и слоновой кости, охотникъ на слоновъ, а при случаѣ и самъ дѣлаюсь слономъ.

Леон. (*смѣясь*). Въ качествѣ кого же мнѣ привѣтствовать васъ, такого многосторонняго человѣка?

Тр. Я предоставляю выборъ вамъ, m-lle.

Вильг. (*возвращаясь*). Баринъ просятъ васъ къ себѣ. (*Всѣ встаютъ.*)

Роб. Итакъ, я долженъ...

Тр. Остаться долженъ ты. Сначала мнѣ нужно одному переговорить съ твоимъ шефомъ. (*Тихо*) Безъ возраженій. Какъ могъ ты скрыть отъ меня про нее? (*Громко.*) Опъ мнѣ цѣлыхъ десять лѣтъ пѣлъ о васъ на разные лады. Неужели я не стою, чтобы вы, хотя бы въ теченіе 10 минутъ, выслушали отъ него и обо мнѣ что-нибудь хорошее?!

Леон. (*грозя ему рукой*). Какой вы хитрый!

Тр. Чтобъ угодить вамъ, готовъ и на это. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Леон. (*хватая руку Роберта*). Наконецъ-то я вновь вижу васъ, Робертъ.

Роб. Отъ всего сердца благодарю васъ, Леонора, за каждое ваше доброе слово.

Леон. Ахъ, какой торжественный тонъ. Мои добрыя слова не милостыня. (*Подводитъ его къ камину*). Сюда, къ теплу, садитесь противъ меня. Неужели вы хотите мерзнуть въ холодной Германіи. Подождите, я раздую огонь (*раздуваетъ мѣхами*). Теперь повсюду камины... очень непрактично... но очень пріят-

но сидѣть около и болтать. Въ Индіи, вѣдь въ каминахъ не нуждаются, не правда ли? (*про себя*). Какъ я счастлива! (*громко*). Ахъ, какъ я рада, Робертъ... и разъ вы это знаете... отбросьте всякія сомнѣнія и говорите прямо... я слушаю...

Роб. Леонора, не растравляйте моего сердца.

Леон. Боже меня сохрани!

Роб. Говоря такъ, вы вызываете тѣнь того счастья, которое я уже навсегда похоронилъ.

Леон. О если бы вы только остались тѣмъ же.

Роб. Богъ свидѣтель, что я тотъ же, но развѣ это можетъ чему-нибудь помочь. Насъ раздѣляетъ страшная пропасть.

Леон. (*упавшимъ голосомъ*). Да, въ такомъ случаѣ.

Роб. О, Боже мой, не истолковывайте ложно мои слова. Вѣдь я не смѣю высказать вамъ все, какъ бы я того хотѣлъ. Помните ли вы, что вы сказали мнѣ на ухо при прощаніи?

Леон. Что же?

Роб. «Останься мнѣ вѣренъ».

Леон. Я сказала именно такъ?

Роб. Такія слова не забываются, Леонора.

Леон. Совершенно такъ? Вѣдь намъ запрещали говорить на ты.

Роб. Но вѣдь мы это дѣлали.

Леон. Почему же мы не дѣлаемъ того же теперь?

Роб. Леонора, вы шутите со мной?

Леон. Вы правы, мой другъ, это не годится. Это похоже на кокетство, но, вѣрьте, что это только отъ радости, что я вновь увидѣла васъ. Но вы показали мнѣ слишкомъ ясно, что наши дѣтскіе сны уже кончились.

Роб. Это должно быть такъ! Вашъ отецъ вывелъ меня въ люди, по своему великодушію. Всѣми моими помыслами, всѣми чувствами я обязанъ ему. Я потерялъ право на свою собственную волю. Я только послушный слуга въ этомъ домѣ и не имѣю ни малѣйшаго права стоять такъ близко къ моей госпожѣ. Какая бы форма ни была...

Леон. Это ваша гордость заставляетъ васъ лгать.

Роб. Быть можетъ, дѣйствительно, моя гордость надѣла на меня это ярмо.

Леон. И вы не хотите пожертвовать мнѣ ни малѣйшей частицы?

Роб. Не мучьте меня. Вѣдь дѣло не только въ этомъ. Подумайте, каково мнѣ. Только теперь, въ эти минуты, когда я сижу подлѣ васъ, я нашелъ что-то родное. — Но я былъ бы несчастнымъ эгоистомъ, если бы далъ волю этому чувству, потому что тамъ, въ концѣ двора... живетъ моя семья, отецъ, мать, сестра... и эта семья... Ахъ, Леонора, тамъ во флигелѣ дѣла идутъ совсѣмъ иначе, чѣмъ вы себѣ можете представить.

Леон. Дорогой другъ мой, не нужно ѣздить въ Индію, чтобы сдѣлаться чужимъ среди своихъ.

Роб. Какъ, Леонора, и у васъ тоже?

Леон. Лучше молчать объ этомъ. Мнѣ совѣстно передъ вами. Я далеко не такъ сдержанна, какъ вы. Всѣ мои обязанности я забыла; съ какимъ-то глухимъ презрѣніемъ, которое перешло почти въ высокомѣріе, отношусь я къ своимъ и ко всему, что здѣсь происходитъ. А въ самомъ дѣлѣ я далеко не высокомѣрна. Скажите же мнѣ, что это такое со мной?!...

Роб. Тише.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ-же, Мюлингъ и Трастъ (*входятъ справа*).

Мюл. (*прощаясь съ Трастомъ*). И такъ до завтра, до обѣда, графъ. А, вотъ и молодой человѣкъ! Добро пожаловать, добро пожаловать! (*жметъ ему руку*). Что, вы развѣ уже хотите сдавать отчетъ?

Роб. Я только хотѣлъ представиться вамъ. Мои бумаги еще не распакованы.

Мюл. Ну, ну, это вовсе не къ спѣху. Ты зачѣмъ здѣсь, Леонора?

Леон. Очень просто, мнѣ хотѣлось повидаться съ Робертомъ.

Мюл. Г-мъ. Но вѣдь ты знаешь, что мать звала тебя. Пойдемте, молодой человѣкъ. У меня насчетъ васъ планы. Планы, да. Вы графъ, знаете, что отъ васъ у насъ нѣтъ секретовъ.

Тр. Вы гораздо лучше сговоритесь съ нимъ вдвоемъ. Я подожду тебя здѣсь.

Леон. До свиданія, Робертъ. (*Жметъ ему руку.*)

Мюл. (*сердито*). Г-мъ! (*Мюлингъ и Робертъ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10 е.

Леон. Графъ, вы слышали... Я принуждена удалиться.

Тр. Mademoiselle! (*Леонора идетъ къ двери. Онъ смотритъ ей въ слѣдъ. Когда она оборачивается, онъ съ усмѣшкой грозитъ ей пальцемъ.*)

Леон. (*сухо*). Что это значитъ, графъ?

Тр. Г-мъ. Собственно говоря, это... (*хлопаетъ въ ладоши*).

Леон. А что значитъ это?

Тр. Это значитъ... (*дѣлаетъ рукою рупоръ.*) Браво!

Леон. (*строго*). Я васъ не понимаю, господинъ... А... а... (*смѣется, возвращается и протягиваетъ ему руку*). Я васъ понимаю.

Тр. (*беря ея руку обѣими руками.*) Давно бы такъ.

Леон. *(снова сдержанно.)* Графъ!

Тр. Mademoiselle. *(Леонора уходитъ.)* Что за прелестная дѣвушка! Отъ души желаю имъ обоимъ счастья. Она должна принадлежать ему.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Трастъ и **Куртъ**, **Штенгель** и **Брандтъ** *(входятъ)*.

Куртъ *(Штенгелю)*. Смѣлѣй, дружище, смѣлѣй. Иди. *(Трастъ взглядываетъ на него и узнаетъ его. Куртъ также узнаетъ его. Испуганнымъ, глухимъ голосомъ)*. Вы искали меня, милостивый государь?

Тр. Нѣтъ, но я очень радъ найти васъ здѣсь.

Куртъ. Съ кѣмъ имѣю честь?

Тр. Графъ Трастъ.

Куртъ *(смущенно и очень вѣжливо.)* А, мы обязаны вашимъ посѣщеніемъ нашему ..... вѣроятно дорожное знакомство... Нашъ господинъ...

Тр. Вы, вѣроятно, сынъ хозяина этого дома?

Куртъ. Pardon. Къ вашимъ услугамъ. И.... не правда ли, графъ? Мы оба настолько джентльмены, чтобы не вспоминать вчерашняго вечера?

Тр. Вы думаете?

Куртъ. Дѣвочка—очень мила, предоставьте мнѣ судить объ этомъ. Вашъ вкусъ, графъ, дѣлаетъ вамъ честь. Но вы видите сами, что право на моей сторонѣ. Надѣюсь, соперниками съ вами мы не будемъ.

Тр. Тѣмъ менѣе, что братъ этой дѣвушки мой лучшій другъ.

Куртъ *(испуганъ. Собирается съ духомъ. Послѣ паузы)*. Что же вы думаете дѣлать?

Тр. Пока, я еще и самъ не знаю. Если мнѣ удастся освободить его отъ его воображаемыхъ обязательствъ передъ вашимъ домомъ и если вы мнѣ въ этомъ поможете, то тогда, пожалуй, я стану молчать.

Куртъ. А если нѣтъ?

Тр. Ну, тогда это ужь дѣло г. Хейнеке.

Куртъ. Неужели вы воображаете, что я стану драться съ моимъ прикащикомъ?!

Тр. Съ вашимъ—что? Ахъ, да.....

Куртъ. Вы, графъ, можете поступать, какъ вамъ угодно.

Тр. Я всегда такъ и поступаю. Г. Хейнеке въ настоящее время, находится въ кабинетѣ вашего отца. Вы позволите мнѣ остаться здѣсь немного, чтобы сократить ваше свиданіе? Мнѣ хотѣлось бы не допустить, чтобы вы подали другъ другу руки.

Куртъ. Пожалуйста, пожалуйста.

Тр. Благодарю васъ. *(Поворачивается и разсматриваетъ на стѣнѣ картины. Куртъ взволнованный, отходитъ въ глубину)*.

Бр. *(Штенгелю)*. Что это съ нимъ? Если я не ошибаюсь у насъ въ полку былъ какой то графъ Трастъ, который очень скверно кончилъ. Подожди-ка.

Шт. *(боязливо.)* Неужели же ты хочешь къ нему подойти?

Бр. Почему же нѣтъ? Онъ меня очень интересуетъ. *(Подходитъ къ Трасту.)* Графъ, вѣроятно, предпочитаетъ одиночество?

Тр. *(оборачиваясь)*. Безъ сомнѣнія.

Бр. Это почти невѣжливо.

Тр. *(смотря на него удивленно)*. А-а ваше самолюбіе помѣщается кажется на остріѣ ножа, господинъ... pardon.

Бр. Мое имя Лотаръ Брандтъ и я нахожу нелишнимъ прибавить, что я поручикъ резерва кирасирскаго, имени кронпринца, полка.

Тр. *(очень вѣжливо)*. И только?

Бр. *(угрожая)*. И только, графъ.

Тр. Извините, но въ резервахъ служатъ только въ военное время. Когда я ѣхалъ сюда, я надѣялся застать здѣсь мирное время.

Бр. Вы ошибаетесь, графъ. Въ резервахъ служатъ также и во время практическихъ занятій.

Тр. Что же и я вамъ нуженъ для вашихъ практическихъ занятій?

Бр. Позвольте, графъ, предложить вамъ сначала одинъ вопросъ.

Тр. Съ удовольствіемъ.

Бр. Въ полку, къ которому я имѣю высокую честь принадлежать, служилъ когда-то молодой офицеръ, носившій вашу фамилію?

Тр. Да? Это, вѣроятно, былъ именно я самъ.

Бр. *(рѣзко)*. Этотъ офицеръ принужденъ былъ выйти изъ полка?

Тр. Совершенно вѣрно, совершенно вѣрно. *(Все время очень вѣжливо.)* И если вы, многоуважаемый, хотите этимъ выразить ваше желаніе не кланяться мнѣ на улицѣ, то я съ удовольствіемъ освобождаю васъ отъ поклоновъ. Я въ нихъ не нуждаюсь. *(Беретъ альбомъ и перелистываетъ его.)*

Шт. *(съ восторгомъ)*. Такъ ловко меня еще не обрывали. *(Подходитъ къ Трасту съ глубокимъ поклономъ.)* Позволите..... моя фамилія Штенгель.

Тр. *(оборачиваясь)*. Чѣмъ могу служить?

Шт. Штенгель. *(Трастъ любезно кланяется и тихо разговариваетъ)*.

Куртъ *(переходя на авансцену, къ Брандту)*. Ты съ ума сошелъ. Вѣдь это же глава всемогущей фирмы Трастъ и К°! Что же ты хочешь разорить фирму своего отца?

Бр. *(испуганно.)* Что же ты мнѣ этого раньше не сказалъ?

Куртъ. Во всякомъ случаѣ, надо скорѣе поправить эту исторію.

Бр. Да, если ты найдешь приличный предлогъ.

Куртъ. Извините, графъ—мой другъ сожалѣетъ...

Бр. Сожалѣетъ, это не совсѣмъ вѣрное выраженіе, милый Куртъ.

Куртъ (*заикаясь*). То есть... онъ... онъ...

Тр. То-есть, вашъ другъ желаетъ считать нашъ разговоръ какъ бы не существовавшимъ?

Бр. Съ этимъ я еще готовъ согласиться, милый Куртъ.

Тр. И я готовъ идти навстрѣчу и желаю того же.

Куртъ. И такъ это недоразумѣніе можно считать покончennымъ?

Бр. А я позволю себѣ выразить мое удовольствіе лично познакомиться съ графомъ, дѣятельность котораго я такъ привыкъ уважать съ давнихъ поръ.

Тр. (*очень вѣжливо*). Вотъ видите ли, г. поручикъ, мой вопросъ насчетъ вашего общественнаго положенія не былъ лишнимъ. Въ гражданскомъ смыслѣ мы прекрасно понимаемъ другъ друга. Господа, г. Брандтъ младшій, наслѣдникъ уважаемаго торговаго дома Брандтъ и Штенгель, какъ я только что узналъ, дома, состоять въ торговыхъ сношеніяхъ съ которымъ я считаю за большое удовольствіе,—прочелъ мнѣ primatissimo лекцію на тему о чести. Позвольте же мнѣ на нее отвѣтить publize. (*Садятся направо.*) Откровенно говоря, чести не существуетъ. (*Всеобщее изумленіе.*) Не пугайтесь. Это не такъ страшно.

Бр. Что мы называемъ честью?

Тр. То, что мы вообще называемъ честью, есть не что иное какъ тѣнь, которую мы отбрасываемъ, когда насъ освѣщаетъ лучъ свѣта общественнаго мнѣнія. Но самое дурное при этомъ то, что у насъ столько же различныхъ понятій о чести, сколько общественныхъ слоевъ и кружковъ. Какъ тутъ разобраться?

Бр. (*рѣзко*). Вы ошибаетесь, графъ,—существуетъ только одна честь, какъ существуетъ только одно солнце, только одинъ Богъ. Честь сознается, или человѣкъ не принадлежитъ къ порядочнымъ людямъ.

Тр. Господа, нравственно все то, что считается нравственнымъ въ данной странѣ. Сверхъ того, въ основѣ понятія о такъ называемой чести лежитъ то, что она является достояніемъ лишь немногихъ, лишь небольшой кучки полубоговъ, потому что она—роскошь, которая теряетъ свою цѣну, по мѣрѣ того, какъ она дѣлается достояніемъ толпы.

Куртъ. Но, позвольте, графъ, вѣдь это парадоксъ. Вѣдь каждый можетъ быть человѣкомъ чести.

Тр. Совсѣмъ напротивъ, такъ какъ тогда любой изъ обитателей задняго двора могъ бы явиться сюда и потребовать къ себѣ уваженія, какъ къ джентльмену. (*Куртъ оскорбляется.*)

Бр. Если онъ безупреченъ въ своихъ поступкахъ, то онъ и есть джентльменъ.

Тр. Г-мъ? Да? Вы позволите мнѣ разсказать вамъ краткую исторію? Но я боюсь, утомить васъ, господа...

Бр. и Шт. (*вмѣстѣ, смѣясь.*) Нѣтъ, нѣтъ.

Тр. Дѣйствіе происходитъ гдѣ-то въ южной Америкѣ. Аристократія тамъ состоитъ изъ испанцевъ, а простой народъ изъ негровъ, индѣйцевъ, метисовъ и разнаго сброда. Одинъ изъ смѣшанной расы, по имени, г-мъ... г-мъ... Пепе, попалъ случайно въ Испанію, гдѣ и (*сдуваетъ пылинку съ рукава*) пристало къ нему кастильянское понятіе о чести.

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ-же и Робертъ (*выходитъ незамѣтно изъ кабинета и прислушивается*).

Тр. Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, онъ возвратился, то нашелъ свою только что разцвѣтшую сестру—въ черезчуръ дружескихъ отношеніяхъ съ однимъ молодымъ аристократомъ. Господа, не станемъ возмущаться. Для дѣвушки ея среды это и было настоящее назначеніе. Но молодой человѣкъ осмѣлился потребовать отчета отъ ея любовника, какъ будто онъ былъ рожденъ не метисомъ, а какимъ нибудь гидальго.

Куртъ (*тихо*). Слушайте, слушайте, это по моему адресу.

Тр. Какъ вы видите, господа, это было сумасшествіе. Съ нимъ и обошлись какъ съ сумасшедшимъ, но тутъ то и обнаружилась его настоящая натура. Какъ бандитъ, подкараулилъ онъ молодого аристократа и застрѣлилъ его. Понятно, что его приговорили къ повѣшенію, но даже и передъ казнью этотъ дуракъ.... Пепо, кажется, звали его,—продолжалъ стоять на своемъ, что онъ умираетъ за свою честь. Ну, развѣ же это не смѣшно, господа?

Роб. Ты ошибаешься, мой другъ, этотъ дуракъ былъ правъ. Я бы на его мѣстѣ поступилъ бы также. (*Всѣ встаютъ.*)

Тр. Ахъ, вотъ наконецъ и ты. (*Быстро идетъ къ нему и говоритъ тихо.*) Ты никого здѣсь не знаешь. Не осматривайся. Пойдемъ.

Роб. (*тихо.*) Это не Куртъ тамъ?

Тр. Здѣсь все только чужіе. Пойдемъ. Извините, господа, мы торопимся. До свиданія!

Бр. (*Курту*). Теперь я его поймаю (*громко.*) Позвольте, графъ, предложить вамъ еще одинъ вопросъ. (*Отчеканивая.*) Если вамъ угодно отбросить понятіе о чести, чѣмъ же, по вашему, должны замѣнить ее люди чести?

Тр. (*выпрямляясь*). Долгомъ, молодой человѣкъ. (*Весело.*) Конечно, это не совсѣмъ удобно.... (*Кланяясь.*) Господа!...

Куртъ. Вы сдѣлали большую честь нашему дому, графъ.

Роб. Виноватъ, вы г. Куртъ Мюлингъ?

Куртъ. Да, это я.

Роб. (*смущенно.*) Какъ—и?.....Да, я забылъ....Вы меня, кажется, не узнаете....Я.... (*Идетъ къ нему съ протянутой рукой.*)

Тр. (*становясь между ними*). Ты не подашь руки этому господину

Роб. (*дико озирается на Курта, потомъ на Траста, потомъ снова на Курта, вскрикиваетъ*). Прошу у васъ объясненія.... г. Мюлингъ..... съ глазу на глазъ.

Куртъ. Какъ видите, теперь я занятъ, но черезъ часъ я къ вашимъ услугамъ.

Роб. И такъ черезъ часъ, г. Мюлингъ?!

Тр. (*про себя*). Онъ понялъ все.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Декорація 1 дѣйствія.

На столѣ горитъ лампа. Разсвѣтъ. На заднемъ планѣ, слѣва, приготовленная, не смятая постель, подлѣ нея чемоданъ. Робертъ сидитъ у стола, опустивъ голову на руки.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Робертъ и Хейнеке-мать (*въ ночномъ чепчикѣ и шерстяной юбкѣ*).

Мать. Съ добрымъ утромъ, сынокъ (*Робертъ не отвѣчаетъ.*) Господи, да онъ и не ложился. (*Подходитъ къ нему, утирая слезы.*)

Роб. (*вскакиваетъ, кричитъ*). Что такое!? Что тебѣ!?

Мать. Господи, какъ онъ кричитъ на меня! У тебя зубъ на зубъ не попадаетъ, холодно тебѣ? Хочешь выпить кофейку? (*Робертъ отказывается.*) Бери, сынокъ, примѣръ съ своей старой матери. Какое горе ни будь, а спать все таки нужно, сонъ силъ прибавляетъ. (*Гаситъ лампу*).

Роб. Мама, мама, что вы надѣлали!?

Мать (*плача*). Не виноваты мы, сынокъ...

Роб. Не виноваты?! О, мама...

Мать. Я ее въ честности воспитывала. Она никогда дурного примѣра у насъ не видала. Я заставляла ее и въ школу ходить, даже конфирмоваться заставила, хотя въ этомъ теперь и нѣтъ надобности. Къ причастію я ее одѣла въ новое черное репсовое платье. Я его на дешевкѣ купила... а въ руки ей дала мой вѣнчальный носовой платокъ... а пасторъ говорилъ такъ трогательно... такъ трогательно...

Роб. Какъ могла ты допустить ея знакомство съ этимъ бариномъ?

Мать. Можетъ, еще дѣло поправимое...

Роб. Какихъ же тебѣ еще нужно доказательствъ, развѣ онъ не сознался мнѣ во всемъ съ самой дерзкой откровенностью?!... Развѣ сама Альма отрицала?... И въ довершеніе всего я вчера вечеромъ самъ былъ у Михальскихъ. Твоя милая дочка, Августа, сама устроила имъ тайное гнѣздышко... Ей платили за это... Ха, ха, ха! Негодяй былъ вчера въ моихъ рукахъ... О, если бъ я только могъ успокоить свое сердце!

Мать. Но, Робертъ...

Роб. Молчи! Онъ обѣщалъ дать мнѣ удовлетвореніе, хоть этого-то я достигъ по крайней мѣрѣ. Онъ видѣлъ, что я готовъ на все. Онъ далъ слово сегодня же дать удовлетвореніе и мнѣ, и всѣмъ вамъ. Я подумалъ о будущности несчастной дѣвочки и оставилъ его въ покоѣ.

Мать. Не думала я никакъ, что это можетъ такъ скверно кончиться.

Роб. Ты должна была это предвидѣть. Что же думала ты, когда видѣла, какъ онъ провожалъ ее поздно ночью?!

Мать. Какъ у снешь, такъ ничего и не думаешь. Да у нихъ былъ и свой ключъ отъ двери.

Роб. Да, вѣдь, не могла же ты не понимать, что если они возвращаются вмѣстѣ, то должны же они встрѣчаться гдѣ-нибудь въ городѣ?

Мать. Ну да я и думала, что она съ нимъ гуляетъ.

Роб. Я не понимаю тебя, мама.

Мать. Что она просто съ нимъ прогуливается...

Роб. Да вѣдь ты сказала...?

Мать. Ну, какъ обыкновенно дѣвушки съ молодыми кавалерами гуляютъ.

Роб. Гуляютъ? Какъ гуляютъ?

Мать. Ну, въ концерты ходятъ, или въ рестораны, если деньги есть, въ театры, а лѣтомъ въ Груневальдъ, въ Трепто...

Роб. Однѣ?

Мать. Однѣ? (*Прищелкиваетъ языкомъ.*) Нѣтъ, съ молодыми кавалерами.

Роб. Я хотѣлъ сказать: безъ родныхъ?

Мать. Понятное дѣло. Что же по твоему я старуха, на своихъ слабыхъ ногахъ, за молодыми ковылять должна?

Роб. Гм... такъ, стало быть, ты знала, что она повсюду съ нимъ бываетъ?

Мать. Нѣтъ, я это только предполагала.

Роб. Не спрашивала ты ее?

Мать. Къ чему же спрашивать-то? Отъ этого только лишніе разговоры. Дѣвушка сама должна знать, что она дѣлаетъ.

Роб. Такъ, такъ.

Мать. Ну, чтобы она... Охъ, кто бы подумать могъ... Господи, какъ ты дрожишь. Я тебѣ сейчасъ комнату протоплю. (*Идетъ къ печкѣ.*)

Роб. (*про себя*). Никакого выхода, никакого спасенія... Позоръ, на всю жизнь одинъ позоръ!

Мать (*кричитъ въ кухню*). Старикъ, принеси скорѣе кокса. (*Становится на колѣни передъ печкой и выгребаетъ золу.*)

Роб. И про какое удовлетвореніе онъ говорилъ? Женитьба? Ха, ха, ха! И если сказать откровенно... долженъ ли я желать этого. Пожалуй, въ концѣ концовъ, мнѣ останется—дуэль. Если онъ меня убьетъ, я буду чистъ, но что станется съ этими, здѣсь...

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ-же и Хейнеке (*въ драномъ халатѣ, войлочныхъ туфляхъ, вноситъ коробъ съ коксомъ*).

Хейн. (*глухо*). Добраго утра.

Роб. Добраго утра, отецъ.

Хейн. (*бормочетъ*). Да, да...

Мать. Не ворчи, старикъ. Помоги мнѣ огонь развести.

Хейн. Да, да, стало быть, будемъ огонь разводить. (*Становится передъ печкой на колѣни.*)

Роб. (*про себя*). А если я убью его?! Правда, это было бы удовлетвореніемъ, но останется открытымъ вопросъ, что станется съ этими... здѣсь... Я боюсь, что я не могу позволить себѣ такой роскоши, какъ личная честь. (*Вскрикиваетъ.*) Ахъ, какъ я грязенъ!

Хейн. Болитъ у тебя что, сынокъ?

Мать (*тихо*). Все изъ-за Альмы. Онъ даже и спать не ложился сегодня.

Хейн. Да, да... Альма... Отъ этого честному человѣку посѣдѣть можно... Я всегда говорилъ... Хозяйская семейка принесетъ намъ несчастье.

Мать. Не плачь, старикъ. (*Обнимаются.*)

Роб. (*про себя*). Ну какъ тутъ сердцу не разорваться!?

Хейн. Ахъ, я не плачу... Я господинъ въ своемъ домѣ... Я знаю, что мнѣ дѣлать. У бѣднаго калѣки тоже есть своя честь! Погодите! Дочка моя... ну она меня узнаетъ. (*Размахивая кочергой.*) Прокляну я ее, вотъ что.

Мать (*оправляя постель*). Ну, ну.

Хейн. Ну, ты... много ты понимаешь о чести. (*Ударяетъ себя въ грудь.*) Вотъ гдѣ она, честь моя. Я на улицу выгоню дочку-то, ночью, въ непогодь.

Роб. Чтобы она тамъ совсѣмъ ужь погибла, отецъ?

Мать. Оставь его. Пусть его болтаетъ.

Роб. Посмотри, гдѣ она теперь. Она, вѣрно, боится на глаза показаться?

Мать. Должно быть, спитъ.

Роб. О!

Мать (*идетъ къ двери*). Альма! (*Отвѣтанѣтъ.*)

Роб. О, Господи! Не нужно было оставлять ее одну.

Мать (*отворяя дверь*). Ну, вотъ, я же говорила,—она спитъ.

Роб. И она еще можетъ спать?

Мать. Встанешь ты, дрянная дѣвчонка?

Хейн. (*сзади ея*). Ну, вставай, а то я тебя палкой подниму.

Роб. Отецъ, мама, скорѣе, прежде чѣмъ она придетъ, слушайте .. не обращайтесь съ ней строго, это легко можетъ ее озлобить.

Мать. Ты, сынокъ, умный, куда умнѣй своей старой матери, ну, а про это я лучше тебя понимаю. Пусть мое сердце надорвется, а ее я теперь какъ въ острогѣ буду держать. Картофель чистить, комнаты убирать, лѣстницу мыть, вотъ что я ее теперь заставлю.

Роб. А если она отъ васъ почью сбѣжитъ?

Хейн. Фа, въ заперти она сидѣть будетъ, а ключъ я себѣ въ карманъ... Ну ка, какъ она тогда сбѣжитъ?

Роб. Подумайте, вѣдь она еще почти ребенокъ! Другіе больше ея виноваты. Сестра родная... А, если ужь быть къ кому строгимъ, такъ къ этой свахѣ... Я надѣюсь, что это-то я могу отъ васъ потребовать, чтобы вы разъ навсегда вырвали Альму изъ-подъ ея вліянія и чтобы Августу и ея мужа вонъ выгнали.

Хейн. Вѣрно. Разъ навсегда надо отдѣлаться отъ этой дряни. Михальскій мнѣ ужь давно опротивѣлъ. Вотъ, видишь ли, старуха, Роберту надо было изъ Индіи вернуться, чтобы насъ наконецъ вразумить! Вамъ, вѣдь, до меня, почтеннаго старика, нѣтъ никакого дѣла ..

Роб. Прости, отецъ, но тутъ дѣло не въ тебѣ.

Хейн Все равно. А Августа—лизоблюдка, все готова стащить, что подъ руку попадется.

Мать (*утирая платкомъ глаза*). Но, вѣдь, и она тоже мое дитя. Я своихъ дѣтей одинаково люблю.

Роб. Если они и не стоятъ твоей любви, мама?

Мать. Тутъ-то еще больше.

Роб. Тише!... Альма.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ-же и Альма (*въ бѣлой ночной кофтѣ и бѣлой юбкѣ, съ распущенными волосами, нерѣшительно выходитъ изъ своей комнаты и боязливо смотритъ то на одного, то на другого*).

Хейн. О-го!

Мать (*ломая руки*). Дочка, дочка, такъ-то ты насъ отблагодарила? Нешто я тебя не наставляла, не учила? Нешто я тебя не выростила, какъ принцессу какую? Ну, а теперь ужь баста! Чего стоишь? Тащи вѣникъ! Мети горницу! (*Альма, пожимая плечами, проходитъ въ кухню.*)

Хейн. (*быстро ходитъ изъ угла въ уголъ*). Я твой старый отецъ, я тебѣ скажу, я тебя родилъ... Да! Я старый почтенный старикъ. Да, я, я... (*Альма появляется въ дверяхъ съ вѣникомъ и лопатой.*)

Роб. Какъ трогательна она въ сознаніи своей вины и она...!

Мать. Ну, что же, скоро ты?

Хейн. (*торжественно.*) Альма, дочь моя, подойди ближе, еще ближе, еще...

Альма. Ради Бога, ради Бога, не бей меня.

Хейн. Это еще самое меньшее, что тебя ожидаетъ.—Я старый, честный человѣкъ. Да, вотъ гдѣ честь моя.. Знаешь ты, что я сейчасъ сдѣлаю? Прокляну тебя, вотъ что. Ну-ка, что ты скажешь?

Альма. Ахъ, оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ.

Хейн. Ты что это упрямиться хочешь? Нѣтъ, ты меня узнаешь, ты...

Мать. Старикъ, успокойся, ей нужно работать.

Хейн. Что? Я не смѣю проклясть свою негодную дочь?

Мать. Ахъ, батюшки, да, вѣдь, это только въ романахъ бываетъ.

Хейн. Фа!

Роб. Мои дорогіе родители... нельзя такъ дальше, сдѣлайте мнѣ одолженіе и оставьте насъ съ нею на минутку вдвоемъ.

Мать. Пойдемъ, старикъ.

Хейн. Я не смѣю мою негодную дочь...? Ну, подожди-жь ты. (*Мать тянетъ его за собою. Оба уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Роб. (*про себя*). Я дознаюсь, кто она теперь и что мнѣ дѣлать. (*Мягко.*) Подойди ко мнѣ, сестренка.

Альма. Мать мнѣ велѣла комнаты подмести.

Роб. Успѣешь еще. (*Беретъ ее за руку, она вырывается.*) Бояться тебѣ нечего,—ни бить, ни проклинать тебя я не стану. Знай, что съ этихъ поръ у тебя есть вѣрный другъ, который охранитъ тебя.

Альма. Ты слишкомъ добръ... слишкомъ добръ. (*Всхлипывая, падаетъ передъ нимъ на колѣни.*)

Роб. Ну, ну, только не на колѣни, сядь на скамейку. Такъ. (*Садится около въ креслѣ.*) Сядь такъ, чтобы я могъ смотрѣть тебѣ прямо въ глаза. (*Хочетъ поднять ея голову. Она прячетъ лицо въ его колѣни.*) Ты, стало быть, не хочешь, ну такъ стой, пожалуй, такъ и плачь, я не прогоню тебя. И много еще дней и ночей проплачешь ты, пока наконецъ поймешь, что изъ тебя сдѣлали. Скажи, пожалуйста, неужели ты не сознаешь, что тебѣ придется раскаиваться всю свою жизнь?

Альма. Да, я это сознаю...

Роб. (*беретъ ея голову обѣими руками*). Да, да, сестра. Ну, вотъ, на чужбинѣ я устраивалъ твое счастье... десять долгихъ лѣтъ... А теперь и 20-ти будетъ мало, чтобы позабыть это несчастье.

Альма. Да вѣдь черезъ 20 лѣтъ я уже старухой буду.

Роб. Старухой? Такъ что-жь. Для насъ обоихъ уже больше не существуетъ юности.

Альма. О, Господи!

Роб. (*вскакивая въ волненіи*). Не бойся, я останусь съ тобой. Мы спрячемся въ какой-нибудь норѣ, какъ травленные звѣри. Да мы и на самомъ дѣлѣ таковы: надъ нами насмѣялись, насъ гнали, травили, разрывали на куски. (*Альма прячетъ свое лицо въ другое кресло.*) Ну, вотъ видишь-ли, теперь мы можемъ помочь другъ другу, ты—мнѣ, а я тебѣ. (*Про себя.*) Какъ она убивается! Боже, мнѣ дѣлается все яснѣе, чтб тутъ нужно дѣлать. Непорочную дѣтскую душу, затоптанную имъ въ грязь, онъ мнѣ возвратить не можетъ, а другого удовлетворенія мнѣ не нужно. Альма!

Альма (*приподнимаясь*). Что?

Роб. Ты его очень любишь?

Альма. Кого?

Роб. Кого?—Его.

Альма. О, да.

Роб. Если бы ты его совсѣмъ потеряла, что... ты бы тогда совсѣмъ погибла?

Альма. О, нѣтъ.

Роб. Такъ, совершенно вѣрно. Будь тверда... Нужно учиться забывать... Да, нужно учиться... (*Садится.*) Прежде всего ты должна вновь приняться за работу. Что ты должна покончить съ своими руладами, это понятно само собой. Ты, вѣдь, училась портняжному ремеслу?... Только не поступай опять въ магазинъ... Тамъ только одни соблазны и дурные примѣры.

Альма. Ахъ, да, эти модистки—такія скверныя.

Роб. Не слѣдуетъ ни въ кого бросать каменьями, а тебѣ и подавно. Куда мы пере-

ѣдемъ, я и самъ еще не знаю. Если мнѣ удастся перетащить и стариковъ, то я увезу всѣхъ васъ куда-нибудь, лишь-бы вонъ отсюда, и тамъ ты должна принадлежать только мнѣ... мнѣ и работѣ..! Повѣрь мнѣ, что въ усталости отъ работы — уже половина счастья. Старики, конечно, будутъ жить съ нами, а ты должна мнѣ помогать заботиться объ нихъ. Занимаясь шитьемъ, ты будешь въ то же время вести хозяйство. Ты станешь ихъ покоить и будешь терпѣливо переносить ихъ капризы... Хочешь ты?

Альма Если ты хочешь.

Роб. Нѣтъ, ты сама должна этого хотѣть... съ радостью. Иначе на это не будетъ Божьяго благословенія, я спрашиваю тебя еще разъ: хочешь ты?

Альма. Да... Съ завтрашняго дня я на все согласна.

Роб. Вотъ это такъ. Но почему же съ завтрашняго дня, а не сегодня?

Альма. Потому что сегодня я еще...

Роб. Что такое?

Альма. Ахъ, ну, пожалуйста, пожалуйста ..

Роб. (*дружески*). Ну, ну договаривай, договаривай.

Альма. Мнѣ бы хотѣлось — сегодня, ахъ очень бы хотѣлось — побывать въ маскарадѣ. (*Долгое молчаніе. Нѣмая сцена. Робертъ встаетъ и ходитъ по комнатѣ взадъ и впередъ. Альма встаетъ.*) Да? Можно?

Роб. Позови стариковъ.

Альма. Стало быть, нельзя? (*Слезливо.*) Даже этого... даже на прощанье нельзя себѣ доставить этого маленькаго удовольствія.

Роб. Да ты понимаешь, что ты говоришь?! Ты...

Альма (*капризно*). Я очень хорошо понимаю, что я говорю. Я вовсе не такая дура, я знаю, какъ люди живутъ. Къ чему ты такъ горячишься? Развѣ же не глупо сидѣть здѣсь ни за что, ни про что... На этомъ дворѣ ни солнца, ни мѣсяца никогда не видно... а кругомъ только сплетни да руготня... и никто объ образованности и понятія-то не имѣетъ... и отецъ ругается, и мать ругается и... и всѣ пальцы себѣ до крови исколешь за шитьемъ... и всего на всего получишь 50 пфениговъ въ день, да этого и на керосинъ не хватитъ. А между тѣмъ я и молода, и хорошенькая... И повеселиться мнѣ хочется, и одѣться хочется получше... Мнѣ бы очень хотѣлось попасть въ другое общество... потому что я всегда имѣла склонность къ высшему кругу. Да, да, это всегда во мнѣ было... Я всегда любила объ этомъ въ книжкахъ читать... А насчетъ того, чтобъ замужъ... Ахъ, Господи, да за кого же выходить? За какого-нибудь паршивца фабричнаго выходить я вовсе не намѣрена. Они только и знаютъ, что пьянствовать, да драться. Мнѣ нуженъ мужъ образованный, а нѣтъ такого, такъ и никакого не надо. Куртъ всегда былъ со мной хорошъ. Онъ никогда меня никакимъ сквернымъ словамъ не училъ, я имъ здѣсь выучилась. Я и сама хочу отсюда вонъ... да и вовсе мнѣ покровительства твоего совсѣмъ не надо. Такія, какъ я, не пропадаютъ.

Роб. (*кидается на нее, но останавливается*). Позови, стариковъ.

Альма. А теперь я отца спрошу, можетъ быть, онъ... (*Робертъ кидается къ ней съ угрозой.*) Да иду, иду. (*Уходитъ.*)

Роб. Такъ! Такъ вотъ она какая. Ахъ, какой я плаксивый дуракъ. И я думалъ дѣйствовать добрымъ словомъ на эту грубую среду. Нѣтъ, тутъ дѣло не въ соблазнѣ, не въ искушеніи, это въ крови. Теперь я стану дѣйствовать безсердечно, грубо... все равно... иначе все потеряно.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Робертъ, Хейнеке, Мать и Альма.

(*Мать толкаетъ передъ собой Альму. Хейнеке входитъ съ свирѣпымъ лицомъ.*)

Хейн. Этакое безстыдство!

Мать. На маскарады нужны деньги, теперь дома сиди.

Хейн. Ну, развѣ же ты не заслуживаешь моего проклятія?! Я проклинаю тебя еще разъ, крыса ты этакая!

Роб. Альма, выйди вонъ, мнѣ нужно поговорить со стариками.

Мать. Да не болтайся ты такъ, накинь хоть платьишко-то на себя, сѣрое, штопанное.

Альма. Это старое-то?

Хейн. Вонъ!

Мать. И не смѣй кофей пить. Ну, ну не вой. (*Тихо.*) Онъ на плитѣ стоитъ. (*Альма уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Роб. Отецъ, мама... не сердитесь на меня... я долженъ вамъ... Въ вашей жизни должна... и будетъ... большая перемѣна...

Хейн. Что такое?

Роб. Я убѣдился окончательно, что Альма погибнетъ безвозвратно, если ее не поставить въ другія условія, которыя исключали бы всякую возможность для нея возврата къ прошлому. Но что же станется съ вами? Однихъ васъ оставить нельзя, иначе васъ Михальскіе оберутъ. Однимъ словомъ, вы тоже должны уѣхать со мной.

Мать (*съ ужасомъ*). Въ Индію?!

Роб. Все равно куда, можетъ-быть, даже и

въ Индію. Вліяніе Траста простирается далеко. Мы въ такомъ положеніи, что можемъ выбирать.

Хейн. (*капризно*). Если такъ, то только въ Индію.

Мать. У меня голова кругомъ пошла.

Роб. Это тяжело для васъ. Я и самъ это вижу. Но не отказывайтесь, пожалуйста. Это только кажется страшно. Подъ тропиками жить гораздо удобнѣе, чѣмъ здѣсь... Вы будете имѣть прислуги столько, сколько захотите.

Хейн. О, чертъ возьми!

Роб. И свой собственный домъ.

Хейн. И пальмы?

Роб. Больше, чѣмъ вамъ нужно.

Мать. И можно самимъ собирать съ деревьевъ лучшіе фрукты?

Роб. Можно приказать ихъ собирать.

Мать. И это ничего не стоитъ?

Роб. Почти что ничего.

Хейн. И попугаи тамъ летаютъ?.. И обезьяны, какъ въ зоологическомъ?

Роб. Такъ вы согласны?

Мать. Какъ ты, старикъ.

Хейн. Ну, что-жь пожалуй, ѣдемъ.

Роб. Благодарю васъ, благодарю. (*Въ сторону.*) Слава Богу, что мнѣ не пришлось ихъ принуждать. (*Громко.*) Только не надо терять времени. Гдѣ перо и бумага? (*Хейнеке задумчиво чешетъ затылокъ.*)

Мать. У Альмы, должно-быть. (*Идетъ въ комнату Альмы.*)

Хейн. Конечно, она постоянно письма пишетъ. (*Закрываетъ дверку печки.*)

Роб. (*про себя, облегченно вздыхая.*) А-ахъ! Ну, теперь меня вдвойнѣ интересуетъ каково то удовлетвореніе, которое онъ мнѣ предложитъ и которое я отклоню.... Отклоню, какъ и дуэль. Они будутъ считать меня трусомъ и безчестнымъ. Ахъ, что-жь... Мнѣ не нужна ихъ честь, мнѣ нужно зарабатывать мой кусокъ хлѣба.

Мать (*возвращаясь*). На столѣ тамъ все готово. Или ты, можетъ-быть, здѣсь хочешь?

Роб. Нѣтъ, нѣтъ, тамъ мнѣ мѣшать не будутъ.

Мать. Ты очень усталъ. . хоть бы поспалъ часокъ!

Роб. (*качая головой*). Если г. Мюлингъ пришлетъ ко мнѣ или самъ пожалуетъ—позовите меня. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Мать (*опускаясь на стулъ*). Въ Индію.

Хейн. Насъ старыхъ, почтенныхъ людей тащить кругомъ свѣта.

Мать (*смотря въ окно*). Батюшки!

Хейн. Что такое?

Мать. Михальскіе.

Хейн. Что? Они? (*Застегиваетъ сюртукъ.*) Ну, ужь проучу-жь я ихъ! (*Стучатъ.*)

Хейнеке оба (*тихо*). Войдите.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ-же, Августа и Михальскій.

Мих. (*со свертком*). Съ добрымъ утромъ.

Мать. Т-съ.

Хейн. (*грозя кулакомъ*). Вотъ я васъ! Убирайтесь вонъ сію минуту!

Авг. (*садится*). Какъ свѣжо сегодня на улицѣ.

Мих. (*садится и развертываетъ бутылку*). Вотъ я тебѣ наливки принесъ. Эта такая, что просто пальчики оближешь. Дай-ка штопоръ.

Мать. Въ другой разъ. Теперь мы, вѣдь, должны васъ вонъ выгнать.

Авг. Кто же это сказалъ?

Мать. Т-съ—Робертъ.

Авг. Что? Вы ему у себя командовать позволяете?!

Хейн. (*тихо*). Тише, онъ, вѣдь, рядомъ, въ той комнатѣ.

Авг. (*съ сожалѣніемъ*). Бѣдный отецъ, онъ даже дрожитъ со страха.

Мих. Такъ обращаться съ бѣдными, честными людьми. Мерзавецъ!

Мать. Онъ не мерзавецъ, онъ примѣрный сынъ, онъ объ насъ заботится.

Хейн. Хоть и хочетъ насъ въ Индію тащить.

Мих.
Авг. } (*вмѣстѣ*). Что?! Куда?!

Мать. Въ Индію.

Авг. Это почему?

Мать. Да потому только, что Альмѣ въ маскарадъ захотѣлось.

Мих. Да онъ съ ума сошелъ.

Мать. И изъ-за этого нужно бросать и нашу мебель, красоту всей квартиры.

Авг. (*сентиментально*). И меня, несчастную, вы тоже покинете?! Вы мебель-то продавать что-ли будете?

Мать. Мебель-то? (*Августа киваетъ головой.*) Поневолѣ придется.

Авг. И зеркало? И кресла? (*Мать утвердительно киваетъ головой. Августа трогательно.*) Я бы на вашемъ мѣстѣ, вмѣсто того, чтобы отдавать ихъ за ничто, подарила бы на память вашей дочери, которая сиротой останется. Вотъ тогда бы вы могли быть увѣрены, что ихъ бы стали беречь, какъ слѣдуетъ.

Мать (*мѣряетъ ее недовѣрчивымъ взглядомъ, потомъ тихо Хейнеке*). Слышишь, старикъ, она ужь подбирается къ кресламъ-то.

Авг. (*поправляясь*). Ну, если вы хотите продать, такъ мы вамъ всегда заплатимъ хорошую цѣну, чтобы все это, по крайней мѣрѣ, оставалось въ роду.

Хейн. Да постой, вѣдь мы еще не уѣхали.

Мих. Я бы на вашемъ мѣстѣ...

Мать. Ну, что же намъ дѣлать. Мы отъ него во всемъ зависимъ. Куда онъ намъ велитъ,

туда мы и ѣхать должны. Или къ вамъ на шею сѣсть?

Авг. Намъ и самимъ ѣсть нечего. (*Стучатъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ-же и Мюлингъ. (*Всѣ испуганно вскакиваютъ съ мѣста.*)

Мюл. Съ добрымъ утромъ, любезнѣйшіе. Сынъ вашъ дома?

Хейн. (*съ достоинствомъ*). Какъ-же, какъ же, дома.

Мать (*отворяя дверь*). Робертъ (*Нѣжно.*) Ахъ, Господи, да онъ заснулъ на стулѣ... Онъ, вѣдь, всю ночь не спалъ... Робертъ... Г. Мюлингъ... Нѣтъ, спитъ крѣпко.

Мюл. (*привѣтливо*). Да?.. Ну тѣмъ лучше, не будите его.

Хейн. Закрой дверь.

Мать (*тихо*). Да вѣдь онъ же велѣлъ...

Хейн. Онъ говорилъ про молодого хозяина. (*Закрываетъ дверь.*)

Авг. (*мужу*). Посмотри, что будетъ.

Мюл. (*оглядывая комнату*). Да у васъ тутъ, любезнѣйшіе, очень мило.

Хейн. (*съ достоинствомъ*). Не благоугодно ли будетъ вамъ присѣсть... вотъ на это кресло.

Мюл. Ай, ай,—настоящій шелкъ.

Мать. Да, это настоящій шелкъ.

Мюл. Подарокъ, вѣроятно, чей-нибудь?

Мать (*запинаясь*). Да... такъ сказать...

Мюл. (*съ беззаботнымъ видомъ*). Моего сына?

Хейн. } (*вмѣстѣ*). Да.
Мать. } Т-съ.

Мюл. (*въ сторону*). Негодяй. (*Громко.*) Кстати, вашъ милый сынокъ обошелся не совсѣмъ тактично съ моимъ сыномъ. Откровенно говоря, я ждалъ совсѣмъ иной благодарности. Вы можете ему передать, что я его увольняю и жду отъ него отчета до 4 часовъ дня.

Мать. Ахъ, онъ будетъ очень горевать объ этомъ.

Хейн. Онъ любитъ васъ, какъ отца родного.

Мюл. Да? Это меня очень радуетъ, но я не затѣмъ пришелъ къ вамъ, любезнѣйшіе... У васъ есть дочь.

Авг. (*пробираясь впередъ*). Къ вашимъ услугамъ.

Мюл. Чѣмъ могу служить?

Авг. (*съ достоинствомъ*). Я дочь.

Мюл. Да? Очень радъ, очень радъ. Но я не о васъ говорю. Ту дѣвицу зовутъ Альмой.

Мать. Совершенно вѣрно. И сказать правду, она прехорошенькая.

Хейн. И съ талантомъ. Мы ее въ пѣвицы готовимъ.

Мюл. Ахъ, всегда пріятно видѣть, когда дѣти радуютъ своихъ родителей. Только вотъ одно мнѣ не нравится: что ваша прелестная дочка воспользовалась своимъ пребываніемъ въ этомъ домѣ, гдѣ я позволилъ вамъ жить цѣлыхъ 17 лѣтъ, чтобы вступить въ нѣжныя отношенія съ моимъ сыномъ. Откровенно говоря, я ждалъ иной благодарности.

Мать. Но, господинъ хозяинъ.

Мюл. Чтобы прекратить всякія отношенія между вашей семьей и моей, я предлагаю вамъ отступное, которымъ вы, любезнѣйшій Хейнеке, подѣлитесь съ вашей дочкой, такъ, чтобы половина послужила ей приданымъ, коль скоро она найдетъ кого-нибудь, кто-бы... (*Усмѣхаясь.*) А до тѣхъ поръ капиталъ будетъ въ вашемъ распоряженіи. Что же, вы согласны?

Авг. (*тихо сзади*). Говори: да-да.

Хейн. Я... я...

Мюл. Я назначилъ необычайно высокую цифру, чтобы только получить назадъ то необдуманное обѣщаніе, которое вашъ милый сынокъ съумѣлъ вырвать вчера у моего сына. Эта цифра простирается до (*медлитъ и проглатываетъ слова*) 50 т. марокъ.

Хейн. (*съ крикомъ*). Господи, хозяинъ, да неужто-жь въ самомъ дѣлѣ?!

Мать. Батюшки, мнѣ дурно.. (*Опускаясь на стулъ, Августа ее поддерживаетъ.*)

Мюл. (*въ сторону*). Слишкомъ много..... (*Громко.*) Я спрашиваю васъ еще разъ довольно вамъ 40 т. марокъ?

Мих. Вы, кажется, раньше сказали...

Авг. (*толкая отца тихо*). Говори скорѣе да, а то онъ еще убавитъ.

Хейн. Я вѣрить не могу, хозяинъ, даже и 40. Такихъ денегъ и на свѣтѣ то не бываетъ. Это глупости! Покажите мнѣ деньги.

Мюл. Они готовы для васъ въ конторѣ.

Хейн. А кассиръ не велитъ меня по шеямъ прогнать. Скажетъ, я сумасшедшій. О, кассиры бываютъ грубы съ нами, бѣдными людьми. (*Мюлингъ вынимаетъ книгу ордеровъ, вписываетъ, отрываетъ и передаетъ Хейнеке. Всѣ бросаются и внимательно разсматриваютъ ордеръ.*) 40 тысячъ! Это такъ благородно съ вашей стороны, хозяинъ, такъ благородно! Дайте мнѣ вашу руку.

Мюл. (*прячетъ руки въ карманъ*). Еще одно—завтра вечеромъ я пришлю вамъ мебельную фуру, и черезъ 2 часа вы потрудитесь очистить мой домъ. И затѣмъ, я надѣюсь, что я о васъ больше никогда не услышу.

Хейн. Не говорите такъ, хозяинъ. Если вамъ не будетъ въ тягость визитъ стараго, почтеннаго человѣка, то я охотно буду доставлять иногда себѣ это удовольствіе. Да, я старый честный человѣкъ.

Мюл. Ну, конечно. Прощайте, любезнѣйшіе. (*Въ сторону.*) Сволочь! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Хейн. Мать, 40 т.! (*Михальскій хочетъ его обнять.*) Три шага назадъ, зятекъ! (*Ищетъ*

по карманамъ, вынимаетъ носовой платокъ, раскладываетъ его на колѣняхъ, бережно завертываетъ въ него ордеръ и прячетъ во внутренній карманъ.) Такъ. Ну, теперь ты можешь нѣжничать.

Мать. Я просто сама не своя отъ радости (*Обнимаются, съ плачемъ.*) Какъ подумаю, что теперь мнѣ ужь не придется безъ денегъ на рынокъ тащиться. А когда послѣ обѣда мнѣ вдругъ холодно станетъ, такъ я преспокойно могу протопить еще разъ, да какъ еще. А вечеромъ мы за ужиномъ будемъ ѣсть ветчину, да говядину.

Хейн. А я могу теперь по конкѣ ѣздить сколько душѣ угодно.

Мих. Какъ разъ 400,000 разъ по 10 пфениговъ.

Мать. А канапе мнѣ купишь?

Авг. Ну, въ Индію-то теперь вы ужь, небось, не поѣдете.

Мать. } *вмѣс-* Да Богъ съ тобой.
Хейн. } *тѣ.* Да ты, что, всбѣсилась что-ли?.:

Авг. А что же про это братецъ-то скажутъ?

Мать *(радостно).* Ахъ да, сынокъ-то!

Авг. (*удерживаетъ ее*). Я тебѣ совѣтую оставить его въ покоѣ. Будетъ время, узнаетъ еще.

Мать *(испуганно).* А что!?

Хейн. *(дергаетъ жену за юбку и показываетъ на дверь въ кухню).* А та-то тамъ хе—хе!

Мать. Ахъ, милая, бѣдное мое дитятко!

Хейн. (*таинственно*). Т-съ, мы ей суприз сдѣлаемъ. (*Всѣ идутъ на цыпочкахъ къ двери въ кухню. Хейнекеидетъ впередъ и открываетъ дверь. Въ кухнѣ раздается крикъ. Хейнеке, пораженный, отскакиваетъ*). Вотъ такъ такъ.

Мать (*всплескиваетъ руками*). Господи!

Мих. (*смотря черезъ ея плечи*). О чертъ возьми!

Хейн. (*съ притворной строгостью*). Ну скоро ли ты выползешь?

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ-же и Альма.

Альма (*изъ кухни, боязливо*). Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, нѣтъ.

Хейн. Ну, скоро ты? (*Альма выходитъ въ роскошномъ индусскомъ костюмѣ, стыдливо закрывая лицо руками. Всѣ окружаютъ ее съ сдержаннымъ смѣхомъ и съ возгласами удивленія*).

Авг. Индѣйское платье?!

Мих. Съ обобранной принцессы.

Альма. Мнѣ хотѣлось.... только... примѣрить... я сейчасъ... сниму....

Мать (*лаская ее*). Ахъ, Господи, чисто ангельчикъ!

Альма. Вы на меня больше не сердитесь?

Хейн. Сердитесь? (*Спохватывается. Строго.*) То есть, собственно говоря, очень, но мы хотимъ еще разъ показать тебѣ наше снисхожденіе. (*Оборачиваясь*). Каково сказано, а?

Мать (*гладитъ Альму по головѣ и отводитъ вправо*). Иди сюда, садись. Нѣтъ сюда, сюда, на кресло.

Альма. На кресло!? Что такое случилось?

Хейн. Хе... хе. (*Садятся вокругъ нея.*)

Альма. И въ маскарадѣ мнѣ сегодня можно?

Хейн. Да, да, можно, можно.

Авг. (*иронически*). Бѣдное дитятко.

Хейн. (*вскакивая*). Ахъ, да мнѣ сейчасъ надо въ контору бѣжать.

Мих. (*откупоривая бутылку*). Погоди, счастье надо примочить, чтобы оно прилипло. Альма, принеси стаканы.

Мать (*вскакивая*). Оставь милую дѣвочку въ покоѣ. Я сама сейчасъ принесу. (*Идетъ къ шкапу и выноситъ кабаре съ ликерными стаканчиками.*) Ты что мнѣ давеча насчетъ Роберта говорила?

Авг. Увидишь ужо.

Мать. Не станетъ же онъ отъ насъ, бѣдныхъ стариковъ, счастье отнимать?!

Мих. (*поетъ, поднимая стаканъ*).

«Такъ живемъ мы,
«Такъ живемъ мы
«Такъ живемъ мы ежедневно.

Мать. Тише, Бога ради. (*Въ комнатѣ, гдѣ Робертъ, слышенъ стукъ упавшаго стула.*)

Мих. Милостивые государи, Альма Хейнеке, наше дитя счастья, а прежде всего та фирма, которая показала себя съ такой благородной стороны....

Хейн. Да здравствуетъ торговый домъ Мюлинговъ! Ура!

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ-же и Робертъ (*въ дверяхъ*).

Всѣ. Ура!

Мать. Онъ! (*Молчаніе и замѣшательство.*)

Мих. (*дерзко*). Здорово, шуринъ.

Роб. Объясни мнѣ, мать, какимъ образомъ эти люди сидятъ за нашимъ честнымъ столомъ?

Мих. О-го!

Хейн. Не будь такъ неделикатенъ.

Мать (*идетъ къ Роберту*). Сынокъ, не хорошо гордиться, а особенно передъ родными.

Роб. Г-мъ, Альма! Это что такое? Кто тебѣ позволилъ?

Хейн. А это, чтобы ты забылъ о своей Индіи.

Я предпочитаю прожить свои деньги у себя дома, въ Германіи.

Роб. (*удивленно*). Что такое здѣсь произошло.

Мать. Говори ты, старикъ, вѣдь у тебя документъ.

Роб. Какой документъ?

Хейн. (*садится и позируетъ*). Сынъ мой! Нельзя судить о нѣкоторыхъ людяхъ по наружности. Они, такъ сказать, въ себѣ прячутъ. Поэтому надо всегда ихъ уважать; потому нельзя знать, что подъ скромной одежей. Бобры-то всякій носить умѣетъ.

Роб. Да объяснишь-ли ты мнѣ наконецъ.

Хейн. Объяснять? Да чего тутъ объяснять... Да не смотри на меня такъ. (*Женѣ.*) Чего онъ на меня такъ уставился? Я могу теперь это и запретить.

Мать. Да говори ужь.

Хейн. Итакъ... Я уже сказалъ... Все очень просто... Хозяинъ здѣсь былъ.

Роб. Онъ?... Такъ отчего-жь вы меня не разбудили?

Хейн. Эво-на! Во-первыхъ потому, что это былъ не молодой хозяинъ. Ты можешь принимать своихъ друзей, а старый хозяинъ—мой другъ. Мы обѣщались на будущее время посѣщать другъ друга. А во-вторыхъ—потому, что я вовсе не намѣренъ получать приказанія отъ моего сына. Довольно, будетъ ужь. Понялъ?

Мать. Ну, старикъ...

Хейн. Не мѣшайся, когда я дѣлаю сыну наставленія. Больше я съ собой шутить не позволю.

Мих. (*сзади*). Вотъ это такъ. Вотъ это дѣло!

Роб. Была рѣчь объ Альмѣ?

Хейн. Во-первыхъ, была рѣчь о тебѣ. Ты уволенъ отъ службы по милости твоего дурного поведенія. Откровенно говоря, я ждалъ отъ тебя иной благодарности.

Роб. Ты?!

Хейн. (*строго*). Да я, твой старый, почтенный отецъ. Мнѣ вовсе не все равно, что мой сынъ шляется по свѣту прикащикомъ безъ мѣста. И до 4 часовъ сегодня ты долженъ сдать ему отчетъ, а то тебѣ худо будетъ.

Роб. (*вспыхиваетъ, но сдерживается*). Поговоримъ объ Альмѣ. Предлагалъ онъ удовлетвореніе?

Хейн. Понятное дѣло, и полнѣйшее.

Роб. (*медленно, какъ бы чувствуя неловкость*). Стало быть... женитьбу?

Хейн. Какую женитьбу?

Роб. Ну, его сына на...

Хейн. Да ты взбѣсился.

Роб. (*вскакивая, испуганно*). Такъ что-же?

Хейн. (*лукаво, тихо, къ самому его уху*). Цѣлыхъ 40 т. марокъ! (*Громко.*) Ну что, не благородно?

Роб. (*дико вскрикивая*). Деньги!?

Мать (*испуганно*). Господи, чуяло мое сердце.

Роб. Деньги!?

Хейн. Конечно, вотъ онѣ, все одно, что наличныя.

Роб. Какъ!? И ты взялъ!?

Хейн. (*удивленно*). А что жь?

Роб. Онъ предложилъ деньги и ты взялъ? (*Внѣ себя кидается на него.*)

Мих. (*бросаясь между ними*). Я тебѣ совѣтую оставить старика въ покоѣ.

Роб. (*отходя и не обращая на него вниманія*). Мама, вы взяли?!

Мать (*складывая руки*). Мы люди бѣдные, сынокъ. (*Робертъ со смѣхомъ падаетъ на скамью. Михальскій и Августа хлопочутъ около Хейнеке, Альма съ сложенными на груди руками сидитъ въ креслѣ и смѣется.*)

Мать. Господи помилуй, онъ съ ума сходитъ. (*Кладетъ руку на плечо.*) Бери, сынокъ, примѣръ съ своей старой матери. Нечего свое счастье ногами топтать. Гордымъ Богъ противится.

Роб. Это еще не самое скверное, мать... Лучше я умру въ канавѣ... на соломѣ... Пускай я поколѣю какъ собака, только отдайте деньги назадъ!.. Смотрите, я буду говорить спокойно, разсудительно, я вамъ по пальцамъ перечту, что вы обязаны сдѣлать. Тѣ опозорили насъ... хорошо... но вѣдь мы не виноваты... намъ нечего было стыдиться ни передъ кѣмъ... Можно украсть мою честь, какъ мой кошелекъ, противъ этого человѣкъ беззащитенъ. Но когда мы свою послѣднюю честь продаемъ... за наличныя деньги... тогда мы сами безчестны, и были всегда такими... то и подѣломъ намъ. (*Хейнеке оборачивается къ Михальскому, тотъ показываетъ пальцемъ на лобъ.*) Господи, да, вѣдь, я все понимаю... я и не упрекаю васъ. Право же нѣтъ. Вы бѣдняки, и были ими всегда. Ваша жизнь, съ вѣчной погоней за кускомъ хлѣба, уничтожаетъ всякое понятіе о человѣческомъ достоинствѣ, убиваетъ разсудокъ и вы дали ослѣпить себя кускомъ золота?! Но, повѣрьте мнѣ, что оно не дастъ вамъ счастья. Одно отвращеніе дастъ вамъ оно.

Мать. Морозъ по кожѣ подираетъ отъ такихъ рѣчей.

Хейн. Такъ вотъ какъ, сынокъ.

Роб. И не думайте, что вы потеряете что-нибудь, если послушаетесь меня. Посмотрите на меня, вѣдь выучился же я чему-нибудь, не правда-ли? Вѣдь у меня здоровыя руки, не такъ-ли. Вѣдь я не опустился-же, не такъ ли?! Неужели же остатокъ вашихъ дней, вы не можете спокойно мнѣ довѣрить? Послушайте, вѣдь я хочу работать только для васъ... Обогатить хочу я васъ... обогатить.... Вы можете

дѣлать со мной все, что вамъ угодно... я буду вашимъ рабомъ... вашимъ вьючнымъ скотомъ, но только отдайте назадъ деньги.

Хейн. Все это очень прекрасно. Но только лучше синицу въ руки, чѣмъ..... я хотѣлъ сказать...

Мих. Совершенно вѣрно!

Хейн. Да, право-же, такъ... И такъ-то, сынокъ, ты ступай спокойно охотиться за журавлями, а я ужь останусь съ своей синицей... я ее вотъ сейчасъ въ наличныя превращу.

Мих. Браво.

Роб. А ты, мама?... (*Она молчитъ и отворачивается.*) И ты тоже?! Господи, что-же мнѣ теперь дѣлать?! Альма, вѣдь дѣло идетъ о тебѣ... я для тебя все сдѣлаю, только помоги мнѣ теперь. (*Хватаетъ ее за руку, она упирается, онъ выводитъ ее на середину.*)

Альма (*упрямо*). Пусти меня.

Авг. Онъ ей руки поломаетъ.

Альма. Мнѣ съ тобой больше не о чемъ разговаривать. (*Вырывается.*)

Роб. Сестра!

Альма. А въ маскарадъ я все-таки пойду. Вотъ, спроси мать.

Роб. Мать?

Мать. Отчего же бѣдному ребенку и не позволить это маленькое удовольствіе.

Роб. (*уничтоженный*). Такъ вотъ до чего мы дошли!

Мих. (*садясь въ кресло, иронически*). Да вотъ до чего мы дошли.

Роб. Ахъ ты негодяй! Прочь съ этого мѣста! (*Михальскій не трогается. Робертъ хватаетъ кресло за ручку.*) Прочь, говорю я! И убирайся вонъ! Вонъ вы, оба!

Мих. (*наступая на него*). Ну, однако будетъ.

Роб. (*держа кресло*). И ты еще смѣешь грозить мнѣ?!

Мать (*кидаясь между ними*). Ахъ, ты мнѣ кресло сломаешь!

Роб. Или оно вамъ очень дорого, оттого что оно изъ хозяйскаго дома?

Мать. Конечно.

Роб. Отъ милѣйшаго господина Курта, не правда ли?

Мать. Ну да, да.

Роб. (*съ дикимъ смѣхомъ*). На те вамъ его. (*Кидаетъ кресло на полъ, оно разбивается. Онъ бросаетъ обломки подъ ноги.*)

Мать (*плача*). Ахъ мое кресло, мое кресло! (*На колѣняхъ подбираетъ обломки, относитъ ихъ налѣво, — потомъ садится на скамью.*)

Хейн. Ну, однако это ужь изъ рукъ вонъ. (*Хочетъ уйти направо.*)

Роб. (*загораживая ему дорогу*). Ну что же возвратишь ты назадъ плату за позоръ дочери?! Да или нѣтъ?

Хейн. И не подумаю!

Роб. Ну, такъ у насъ съ тобой все кончено, и съ тобой тоже, мать. Такъ, стало быть, съ безчестіемъ на свѣтъ родятся, какъ съ родимымъ пятномъ. Ну, хорошо... Если мнѣ ужь, дѣйствительно, нужно было появиться на свѣтъ, то зачѣмъ же вы не оставили меня въ той же грязи, въ какой я родился..... и въ которой я бы всю жизнь копался, какъ того хочетъ моя почтенная семейка.

Авг. Слышишь ли, мать? Каковъ твой любимчикъ!?

Роб. Нѣтъ, мама, не слушай. (*Падаетъ передъ ней на колѣни.*) Я ничего, ничего не говорилъ..... Если я и сказалъ что, такъ я самъ себя не помнилъ. Мнѣ кажется, что сегодня я навсегда простился со всѣмъ, что человѣчно и разумно. Мама, сжалься надо мной! Ты еще можешь спасти и меня, и себя. Уѣдемъ со мною.

Мать (*всхлипывая*). Ужь не хочешь-ли ты, взбѣсившись, и наше зеркало разбить?

Роб. (*растерянно смотритъ на зеркало, потомъ поднимаясь*). Мы говоримъ на разныхъ языкахъ, мы не понимаемъ другъ друга.

Мих. (*все время тихо разговаривавшій съ Хейнеке, хватаетъ Роберта за плечо*). Ну, ты довольно наскандальничалъ. Теперь убирайся-ка вонъ.

Роб. (*отталкивая его*). Прочь! (*Смотритъ на стариковъ и на сестеръ, которыя съ злобными возгласами окружаютъ его, и хохочетъ.*) Ахъ, да, меня выгоняютъ вонъ!

Мих. (*раскрывая настежь дверь*). Вонъ!

ЯВЛЕНІЕ 13 е.

Тѣ-же и Трастъ (*появляется на порогѣ.*)

Трастъ (*хлопая Михальскаго по плечу*). Спасибо за любезный пріемъ.

Роб. (*узнавъ Траста, вскрикиваетъ и протягиваетъ руки, какъ бы защищаясь противъ него*). Что тебѣ нужно здѣсь?!..... здѣсь разбойничій вертепъ..... Знаешь ли ты, кто мы?!..... Мы торгуемъ собою... Ха, ха... не смотри такъ на меня..... Я не вынесу этого... (*Тяжело дыша, закрываетъ лицо руками. Альма, при появленіи Траста, стыдясь, убѣгаетъ. Михальскій и Августа прокрадываются въ кухню. Трастъ пристально смотритъ на нихъ.*)

Трастъ. Опомнись, что случилось!?

Хейн. (*съ шапкой въ рукѣ*). Онъ себя неприлично велъ, ваше сіятельство. Сначала вздумалъ насъ въ Индію тащить, а потомъ выдумалъ, чтобъ мы не смѣли денегъ брать. Я теперь, какъ разъ, иду въ контору. Цѣлыхъ 40 т. Имѣю честь кланяться, ваше сіятельство. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Трастъ. Такъ, такъ, теперь я понимаю. (*Кладетъ руку на плечо Роберта.*) Вѣроятно, тутъ былъ Мюлингъ?

Роб. Мюлингъ!? Вотъ, кого мнѣ теперь нужно!

Трастъ. Что ты хочешь дѣлать?

Роб. Они требуютъ отъ меня отчета и они его получатъ. (*Бѣжитъ въ глубину и лихорадочно роется въ чемоданѣ.*)

Мать (*плача*). Благодарите Бога, что у васъ нѣтъ семьи.. Охъ, какія неблагодарныя дѣти бываютъ на свѣтѣ!

Трастъ (*про себя*). Сама глупость говоритъ устами матери... Стыдись, Трастъ, это нехорошо.

Мать. Ну развѣ-жь я не права?

Трастъ (*обнимая руками беретъ ея руку*). Мать всегда права, она слишкомъ много страдала и любила, чтобы быть неправой.

Мать. Но, ваше сіятельство, мнѣ, простой женщинѣ, вы руку даете.

Трастъ. Я сильно виноватъ передъ матерями и долженъ заслуживать прощеніе... Особенно передъ своею матерью. Бываютъ еще гораздо худшіе сыновья, чѣмъ этотъ тамъ.

(*Роберть отыскиваетъ папку съ бумагами и откладываетъ ее въ сторону, ищетъ дальше, отыскиваетъ револьверъ и разсматриваетъ его.*)

Трастъ (*въ сторону*). Ага, револьверъ, такъ вотъ какъ онъ будетъ сдавать отчетъ.

Роб. (*видя, что за нимъ слѣдятъ, прячетъ револьверъ въ карманъ, беретъ папку и выходитъ на авансцену*). Такъ. Ну, теперь я готовъ.

Трастъ. Я провожу тебя.

Роб. Ты?

Трастъ. Развѣ я не имѣю на это права?

Роб. (*колеблясь*). Хорошо, пойдемъ.

Мать (*нѣжно, въ слезахъ*). Робертъ!

Роб. (*стараясь подавить свое волненіе*). Я... приду.. еще... проститься, мама. Теперь мнѣ надо кончить болѣе важныя дѣла (*Идетъ къ двери.*)

Мать (*ломая руки, къ Трасту*). Г. Куртъ и онъ!.. Ну, навѣрное, случится несчастье.

Трастъ (*въ волненіи ей*). Тише, тише, ну, идемъ мы?

Роб. (*къ матери въ страшномъ волненіи и съ прорывающейся нѣжностью*). Ну, а если мы... больше не... (*Хватаясь за Траста.*) Хорошо, пойдемъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Декорація 2 дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Трастъ, Робертъ (*съ папкой подъ мышкой*) **и Вильгельмъ.**

Вильг. (*тихо Трасту*). Мнѣ строго запрещено принимать г. Хейнеке.

Тр. И меня тоже?

Вильг. Помилуйте-съ, какъ можно. Вы—другое дѣло.

Тр. Глубоко тронутъ. Но г. Хейнеке явился вмѣстѣ со мной. Я беру на себя отвѣтственность. Мы подождемъ здѣсь г. Мюлинга.

Вильг. Но...

Тр. Вы что предпочитаете: бумажки или звонкую монету? (*Ищетъ въ бумажникѣ.*) Развѣ никого нѣтъ дома?

Вильг. Самъ г. Мюлингъ пошли на фабрику, барыня больны, у нихъ мигрень, а барышня съ молодымъ бариномъ въ городъ уѣхали.

Тр. Вмѣстѣ?

Вильг. О, они никогда вмѣстѣ не выѣзжаютъ.—Молодой баринъ хотѣли отказать господамъ, которые сегодня на обѣдъ приглашены...

Тр. (*даетъ ему деньги*). Хорошо, ступайте.

Вильг. Что прикажете?

Тр. Ступайте. (*Вильгельмъ уходитъ съ поклономъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тр. Поди-ка сюда, мой мальчикъ.

Роб. Что тебѣ?

Тр. Мнѣ? Ты знаешь отлично, что я никогда ничего не хочу. Я всегда отдаюсь на волю случая. Но тутъ вотъ какой вопросъ: чего ты хочешь въ этомъ домѣ?

Роб. Отдать отчетъ.

Тр. Это-то я знаю. Я одного не пойму. Разъ ты не намѣренъ пожать руку, которую въ такихъ случаяхъ принято подавать каждому честному работнику, то я не понимаю, почему бы тебѣ просто-на-просто не послать свой отчетъ прямо въ контору, и баста.

Роб. Конечно, это было бы проще всего.

Тр. Дорогой ты мой, позволь мнѣ еще разъ поговорить съ тобой, какъ съ другомъ.

Роб. Говори, говори.

Тр. Ты гоняешься за призраками.

Роб. Вотъ какъ?

Тр. Твою личную честь никто не затрогивалъ.

Роб. Вотъ какъ?

Тр. Потому что никто на свѣтѣ этого сдѣлать не можетъ.

Роб. Такъ, такъ.

Тр. То, что ты называешь своей честью, эта смѣсь изъ чувства такта, стыдливости, права и гордости, то, что ты воспиталъ въ себѣ—твоей нравственною жизнью и строгимъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ, такъ же мало можетъ отнять у тебя кто-нибудь своимъ мальчишескимъ поведеніемъ, какъ и доброту твоего сердца и твой здравый смыслъ. Или эта честь—часть твоего я или ея совсѣмъ не существуетъ. У тебя нѣтъ ничего общаго съ тѣми, чью честь можетъ оскорбить всякій свѣтскій бретеръ небрежно брошенной перчаткой.... Та честь хороша, какъ зеркало для глупцовъ, какъ игрушка для праздношатающихся и какъ духи для хлыщей.

Роб. Ты говоришь, какъ человѣкъ, который несчастье возводитъ въ добродѣтель.

Тр. Весьма возможно, потому что добродѣтель исходитъ изъ несчастья.

Роб. А моя семья?

Тр. А я думалъ, что у тебя уже нѣтъ больше семьи? (*Робертъ въ волненіи закрываетъ лицо руками.*) Я отлично понимаю тебя, но это не больше, какъ трепетаніе нерва, который только что ампутировали Не обманывай себя.

Роб. У тебя никогда не было сестры.

Тр. Скажи, пожалуйста, неужели я, аристократъ, долженъ учить тебя терпимости къ низшимъ? Милый мой, не презирай своихъ. Не говори, что они хуже тебя и меня. Они только иные и больше ничего. Въ нихъ живутъ чувства, совершенно чуждыя тебѣ. Они смотрятъ на жизнь взглядами, совершенно тебѣ непонятными. И поэтому осуждать ихъ было бы глупо. И наконецъ, другъ мой, знай, что ты въ этой борьбѣ съ твоими—съ начала и до конца неправъ.

Роб. Трастъ, и это говоришь ты!?

Тр. Да, я позволилъ это себѣ... Ты пріѣхалъ изъ чужихъ странъ, гдѣ въ средѣ порядочныхъ людей разъ 9 мѣнялъ свою натуру, и требуешь отъ твоихъ, чтобы они въ одинъ день перемѣнили свою шкуру, въ которой они выросли. Это слишкомъ нескромно, мой мальчикъ. А твоей сестрѣ Мюлинги, въ сущности, вернули ея честь, ту честь, которая ей нужна, потому что все на свѣтѣ имѣетъ свою мѣновую цѣну. За дворянскую честь платятъ, быть можетъ, кровью—быть можетъ, говорю я—а честь задняго двора можетъ быть возстановлена не большой суммой integrum. (*Робертъ дѣлаетъ гнѣвное движеніе*). Не съѣшь меня, пожалуйста! Постой я еще не кончилъ... Какой же другой смыслъ имѣетъ дѣвичья честь въ данномъ случаѣ, какъ не тотъ, чтобы принести будущему мужу извѣстное приданое изъ чистоты сердца, склонности и искренности. Вѣдь все это необходимо только на случай замужества. Ну, а спроси, пожалуйста у людей той среды: когда твоя сестра была болѣе завидной невѣстой,—теперь съ полученнымъ ею капиталомъ, или раньше?

Роб. Трастъ, ты грубъ, ты жестокъ!

Тр. Грубъ, какъ природа, жестокъ, какъ правда. Только лѣнтяи да трусы сочиняютъ à tout prix для себя идиллiи. Но вѣдь ты съ ними ничего общаго не имѣешь. И потому дай мнѣ твою руку, отряхни прахъ твоей родины съ своихъ ногъ и никогда на все это и не оглядывайся.

Роб. Но прежде я долженъ получить личное удовлетвореніе.

Тр. Такъ, стало-быть, ты хочешь, во что бы то ни стало, съ нимъ драться?

Роб. Я было отказался отъ этой мысли, но теперь, теперь—да, я хочу этого.

Тр. Да не будь же такимъ старомоднымъ.

Роб. Старомоднымъ? Можетъ быть... можетъ быть, именно потому, что я родился плебеемъ... мои понятія о чести слишкомъ поверхностны и я не могу подняться на высоту твоихъ взглядовъ. Оставь меня и пусть я погибну отъ своей ограниченности.

Тр. Но если онъ откажется?

Роб. Я сумѣю его заставить.

Тр. Ага. (*Про себя.*) Такъ вотъ зачѣмъ ему револьверъ!... (*Ему.*) Еще одно, мой мальчикъ... Если ты хочешь, во что бы то ни стало, чтобы г. Куртъ пробилъ твою шкуру, то сначала ты долженъ отнять у него всякій предлогъ къ отказу.

Роб. Ахъ, Богъ мой, ты совершенно правъ.

Тр. (*вынимая бумажникъ*). Ты, что стѣсняешься, что-ли?

Роб. Нѣтъ, ты и безъ того слишкомъ много сдѣлалъ для меня.

Тр. (*подавая ему чекъ*). Вотъ.

Роб. А если я никогда не буду въ состояніи тебѣ это заработать?

Тр. Ну, тогда я запишу въ трубѣ угольком, какъ обыкновенно ведутся счета между друзьями. (*Гладитъ его по головѣ.*) Ну до этого дѣло не дойдетъ. Г-мъ! мой мальчикъ... Еще одно, о чемъ ты совсѣмъ позабылъ.

Роб. Что такое?

Тр. Леонора.

Роб. (*вздрагивая*). Не говори мнѣ о ней!

Тр. Ты ее любишь?

Роб. А! я тебѣ на это ничего не отвѣчу.

Тр. Что же ей придется видѣть въ тебѣ убійцу ея брата?

Роб. Лучше, чѣмъ если она будетъ видѣть во мнѣ подлеца.

Тр. (*выпрямляясь*). А развѣ я не такой же подлецъ? А развѣ ты меня не зналъ за по-

рядочнаго человѣка? Развѣ я не такъ же, какъ другіе, высоко держу голову? Стыдись.

Роб. (*послѣ паузы*). Трастъ, прости меня.

Тр. Простить? Глупости. Я люблю тебя, и баста.

Роб. Трастъ... я не буду... драться.

Тр. Слово?

Роб. Слово.

Тр. Такъ пойдемъ.

Роб. Куда?

Тр. Почемъ я знаю—въ міръ.

Роб. Извини, но развѣ я могу отказаться... бросить деньги подъ ноги этому благодѣтелю.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ-же и Вильгельмъ.

Вильг. Баринъ только что прошли въ контору.

Тр. (*въ сторону*). Курта нѣтъ. Обстоятельства складываются прекрасно.

Роб. (*хватая папку*). Я иду туда.

Тр. Хорошо. Подожди меня тамъ.

Роб. Что тебѣ еще нужно здѣсь?

Тр. Это ужь мое дѣло. Поди-ка сюда. (*Тихо.*) Прежде, чѣмъ ты пойдешь, отдай мнѣ твой револьверъ.

Роб. (*испуганно*). Какъ? Ты знаешь?

Тр. Онъ слишкомъ ясно обрисовывается въ твоемъ карманѣ?

Роб. Я прошу тебя... Оставь его мнѣ... Или ты мнѣ не довѣряешь?

Тр. Я боюсь, что въ тебѣ еще сидитъ мой Пепе.

Роб. Неужели въ самомъ дѣлѣ честное слово у насъ, безчестныхъ, пе имѣетъ значенія?!

Тр. Хорошо. Оставь его у себя. (*Робертъ и Вильгельмъ уходятъ. Трастъ дѣлаетъ движеніе вернуть Роберта, потомъ останавливается.*) Пожалуй, это было неосторожно!.. Ну, если тотъ мальчишка вернется, я его поймаю и задержу насколько возможно. Но теперь дѣло совсѣмъ въ другомъ. Если эта дѣвушка дѣйствительно такая, за какую я ее принялъ...

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Трастъ и Леонора (*въ зимнемъ костюмѣ, шапочкѣ, шубѣ, съ муфтой, входитъ справа*).

Тр. А-а, вотъ это я называю удачей.

Леон. (*подавая ему руку. Взволнованно*). Знаете, графъ, гдѣ я была сейчасъ? У васъ. (*Раздѣвается.*) Вы въ ужасѣ отъ моей смѣлости?! Но только отъ васъ я могла узнать, что здѣсь творится. Я боялась... Подозрѣвала, что мой братъ готовъ увлечь и погубить эту молодую дѣвушку... Что вашъ другъ знаетъ объ этомъ?

Тр. О, если-бы только было.

Леон. Что же еще?

Тр. Я долженъ сознаться, что я не нахожу словъ, чтобы молодой барышнѣ...

Леон. Говорите, пожалуйста, все.

Тр. Ну, такъ слушайте. Ваши родные сочли за нужное заставить тѣхъ бѣдныхъ людей забыть ихъ позоръ, и они приступили къ нимъ именно съ той стороны, съ которой было всего легче, со стороны ихъ бѣдности.

Леон. Такъ-ли я васъ понимаю? Мой братъ откупился отъ той дѣвушки!? (*Трастъ утвердительно киваетъ головой.*) О, Боже мой!

Тр. Само собой понятно, что я воздерживаюсь отъ всякой критики, къ тому же это средство самое обыденное, какимъ обыкновенно порываютъ подобныя связи. Но я очень боюсь за нашего друга.

Леон. (*закрывая лицо руками*). Чѣмъ могу я это когда-нибудь поправить?

Тр. Развѣ вы считаете это своей обязанностью?

Леон. Еще бы. Я всѣмъ своимъ существомъ ненавижу эти противные обычаи нашей семьи. Платить... За все платить... За честь, за право, за любовь... За все платить... Вѣдь мы это можемъ... Мы, вѣдь, настолько богаты. (*Бросается въ кресло, потомъ вскакиваетъ.*) Простите, я не владѣю собою. Я говорю о моихъ родныхъ, какъ о чужихъ.

Тр. Быть можетъ, они еще болѣе вамъ чужіе, чѣмъ вы это думаете!

Леон. (*пораженная*). Ахъ, если бы это была правда. (*Трастъ прислушивается.*) Что такое?

Тр. Это не голосъ вашего брата?

Леон (*у двери*). Да, это онъ, съ своими друзьями.

Тр. (*про себя*). Напрасно я оставилъ у него револьверъ. (*Громко, взявъ шляпу.*) Онъ пройдетъ въ контору?

Леон. Нѣтъ, они, кажется, идутъ сюда.

Тр. (*кладя шляпу назадъ*). Прекрасно, я ихъ здѣсь подожду. М-Не, еще одна просьба. Мы оба съ моимъ другомъ сегодня покидаемъ этотъ домъ, завтра городъ, и, надѣюсь, скоро и Европу.

Леон. (*про себя*). Господи!

Тр. Но сегодня мнѣ хотѣлось бы помѣшать его свиданію съ вашимъ братомъ. Если мнѣ что-нибудь помѣшаетъ вмѣшаться, то прошу васъ будьте по близости.

Леон. (*съ жаромъ киваетъ головой. Голоса за дверью. Она идетъ налъво. Оборачивается*). Что мнѣ нужно дѣлать, графъ?

Тр. Остаться вѣрной самой себѣ.

Леон. Да, я это сдѣлаю. (*Уходитъ.*)

Тр. Ну, теперь братъ.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Трастъ и Брандтъ, Штенгель и Куртъ.

Кур. (*съ удивленіемъ.*) Графъ?

Бр. (*тихо*). Хорошо, что и мы съ нимъ.

Тр. Прошу васъ подарить мнѣ нѣсколько минутъ, г. Мюлингъ.

Кур. У меня нѣтъ времени, графъ. Отецъ ждетъ меня.

Тр. (*въ сторону*). О-го! (*Громко*). Дѣло заключается тутъ въ одной просьбѣ.

Кур. У меня пѣтъ секретовъ отъ моихъ друзей, графъ. (*Садятся.*)

Тр. Одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей тяжело оскорбленъ вами. По моему совѣту и изъ любви ко мнѣ онъ отказался требовать отъ васъ удовлетворенія.

Кур. Вы ошибаетесь, графъ, г. Хейнеке уже получилъ удовлетвореніе.

Бр. Другого мы ему дать не могли.

Тр. (*осматривая его съ головы до ногъ*). Оставимъ мы этотъ вопросъ, г. Мюлингъ. Мой другъ находится теперь, какъ я предполагаю, у вашего отца, такъ какъ онъ настаивалъ на томъ, чтобы ему позволено было лично сдать отчетъ.

Кур. Если это доставляетъ ему удовольствіе.

Тр. При этомъ случаѣ онъ искалъ свиданія съ вами.

Кур. Онъ можетъ его имѣть, графъ.

Тр. Черезъ часъ мой другъ покинетъ фабрику. Принимая во вниманіе возбужденное состояніе, въ которомъ онъ находится, было бы очень желательно избѣжать за это время встрѣчи между вами.

Бр. Графъ, воззваніе къ трусости никогда не находило отклика въ нѣмецкомъ сердцѣ.

Тр. (*спокойно*). Г. поручикъ, я не позволялъ себѣ обращаться къ вамъ. Г. Мюлингъ, подумайте хорошенько, это говоритъ вамъ человѣкъ, которымъ вы въ данный моментъ должны дорожить, не изъ симпатіи, конечно, какъ я это и самъ откровенно признаю. Я позволю себѣ поэтому обратиться къ вамъ, по дружески. Не поддавайтесь вліянію этихъ господъ.

Шт. Нѣтъ, нѣтъ, намъ не поддавайся.

Тр. И дайте просторъ тому чувству, которое подсказываетъ вамъ, что вы не должны противиться сознанію неправды, содѣянной вами ближнему. Вы молчите? Неправда-ли, вы исполните мою просьбу?

Бр. (*тихо Курту, сзади*). Ну, теперь хорошенько его.

Кур. Я молчу, графъ, потому, что не нахожу словъ выразить вамъ мое удивленіе по поводу вашихъ странныхъ претензій. (*Всѣ встаютъ.*)

Бр. (*сзади Курта, тихо*). Прекрасно, прекрасно.

Кур. Я позволю себѣ спросить васъ, что даетъ вамъ право предъявлять мнѣ требованія въ моемъ домѣ?

Тр. Требованія... которыя вы отклоняете?

Кур. Развѣ вы можете въ этомъ сомнѣваться, графъ?

Бр. (*тихо*). Хорошенько, хорошенько...

Тр. (*въ сторону*). Слѣдовательно употребимъ болѣе радикальное средство. (*Громко.*) Да, я сомнѣвался въ этомъ, у меня еще была слабая надежда, что я имѣю дѣло съ человѣкомъ чести. Pardon, я ошибся.

Кур. Графъ, это...

Тр. Оскорбленіе?—Да.

Кур. За которое вы мнѣ дадите удовлетвореніе.

Тр. Я ничего лучшаго и не желаю.

Кур. Вы завтра же услышите обо мнѣ.

Тр. Завтра? Развѣ у васъ могутъ спать послѣ такихъ оскорбленій?! У меня привычка немедленно смывать подобныя пятна.

Кур. (*запинаясь*). Если вамъ угодно.

Тр. (*въ сторону*). Слава Богу! (*Громко.*) Итакъ пойдемте.

Бр. (*вступаясь*). Будь во всемъ послѣдователенъ, милый Куртъ, такъ какъ вызванному не о чемъ больше говорить съ этимъ господиномъ. (*Рѣзко*). Во 1-хъ, кодексъ чести требуетъ, графъ, чтобы противники имѣли 24 часа срока, чтобы привести свои дѣла въ порядокъ. Мы, т.-е. мой другъ и я, воспользовались бы этимъ правомъ, если-бы—теперь я перехожу ко второму пункту—мы не были принуждены отказаться отъ удовольствія требовать отъ васъ удовлетворенія, потому что вы, милостивый государь, насъ не оскорбили.

Тр. А-а!?

Бр. Вы принадлежите къ числу такихъ людей, которые насъ оскорбить не могутъ.

Тр. (*весело*). Такъ, такъ.

Бр. Припомните, пожалуйста, что графъ Трастъ Заарбергъ 25 іюня 1864 года, какъ я узналъ изъ подлинныхъ документовъ, былъ вынужденъ, вслѣдствіе неуплаченнаго карточнаго долга, оставить полкъ. А потому, (*кланяется небрежно*) графъ...

Тр. (*расхохотавшись*). Благодарю васъ отъ души, господа, за этотъ урокъ... Я его вполнѣ заслужилъ, потому что самое сильное преступленіе — это непослѣдовательность. И что главное,—я вынесъ изъ этого слѣдующее: что какъ бы человѣкъ ни возвышался надъ современнымъ понятіемъ о чести, онъ всегда останется ея рабомъ. Хотя бы дѣло шло только о томъ, чтобы спасти отъ бѣды своего несчастнаго друга.—Господа, я имѣю честь... Pardon, я ее не имѣю. Вѣдь вы ея у меня не признаете... Итакъ, мнѣ остается простое удовольствіе раскланяться съ вами, но это для меня еще пріятнѣе. (*Кланяется, смѣясь, и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Шт. Ну вотъ мы и остались опять съ нашей честью въ дуракахъ.

Бр. Какъ?! Мы вели себя вполнѣ джентльменами.

Шт. Но, Брандтъ, а кофе-то, кофе?!

Бр. Нужно же немножко дорожить и своей честью, мой другъ. Я очень радъ, что я могъ оказать тебѣ эту услугу, милый Куртъ. Что бы ты безъ меня сдѣлалъ? Итакъ, до вечера.

Кур. Развѣ вы уже собираетесь обратно въ городъ?

Бр. Да.

Кур. Я васъ провожу.

Бр. О, это бы имѣло видъ бѣгства.

Кур. Что это тебѣ приходитъ въ голову?

Бр. А графъ будетъ смѣяться втихомолку? Теперь это даже твой долгъ искать встрѣчи.

Кур. Ну, это-то, пожалуй, и не такъ.

Бр. Это твой долгъ, говорю я, если ты не хочешь показаться трусомъ.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ-же, Мюлингъ (*въ мѣховомъ пальто и шапкѣ*) **и Вильгельмъ** (*сзади*).

Мюл. (*сбрасывая пальто на руки Вильгельма*). Съ чего это онъ взялъ осаждать меня въ конторѣ?! Здравствуйте, господа.... Велите тамъ отобрать отъ него всѣ книги и отчеты и скажите ему, чтобы онъ убирался къ черту.... (*Вильгельмъ уходитъ.*) Куртъ, ты чего это отъ меня прячешься, ты знаешь вѣдь, что наши разговоры съ тобой еще не кончены.

Куртъ (*тихо Брандту и Штенгелю*). Ну, теперь мнѣ достанется! Спасайтесь.

Шт. Г. Мюлингъ, наше время, къ несчастью....

Мюл. До свиданья, господа, сожалѣю крайне... до свиданья.

Бр. (*тихо Курту*). Разскажи намъ потомъ о встрѣчѣ. (*Брандтъ и Штенгель уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Мюл. Ну, на этотъ разъ мнѣ удалось все уладить.... Одинъ Богъ знаетъ, съ какими жертвами... Я это все запишу тебѣ на твой счетъ. Ну, а теперь вернемся къ нравственной сторонѣ этой исторіи.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ-же и Амалія (*изъ глубины*), *потомъ* **Леонора** (*слѣва*).

Куртъ (*про себя*). Ну и маменька явилась, хорошенькая сценка предстоитъ.

Амалія. О, Куртъ, Куртъ!

Куртъ. Да, мама.

Амалія (*садится*). Ты причинилъ своимъ родителямъ много горя, мой сынъ! Какъ это грязно, какъ унизительно для насъ, что ты заставилъ своего стараго отца входить въ сношенія съ этой дрянью. (*Вошедшей Леонорѣ.*) А тебѣ что здѣсь нужно?

Леонора. Мнѣ нужно переговорить съ вами.

Мюл. Теперь намъ некогда, ступай къ себѣ въ комнату.

Леон. Нѣтъ, папа, въ такихъ дѣлахъ молчать я не могу. Разъ я членъ семьи, то я тоже хочу имѣть свой голосъ.

Мюл. Что значитъ этотъ торжественный тонъ?

Леон. Въ нашей семьѣ произошелъ сегодня безобразный случай....

Мюл. Не знать бы мнѣ про это!

Леон. ...и вамъ нечего скрывать отъ меня. Конечно, по правиламъ свѣтскихъ приличій, которыя навязываютъ намъ, такъ называемымъ, свѣтскимъ барышнямъ, мнѣ бы слѣдовало опустить глаза и играть роль ничего непонимающей, но въ данномъ случаѣ это надо оставить. Я знаю все.

Амалія. И тебѣ не совѣстно?

Леон. Да, мнѣ очень совѣстно.

Мюл. Да ты понимаешь, съ кѣмъ ты говоришь?! Ты съ ума сошла!

Леон. Если я не такъ сказала, прошу прощенія. Я вовсе не хочу васъ сердить. Быть можетъ, дѣйствительно я была плохой дочерью, быть можетъ, я не имѣю права имѣть свои убѣжденія, пока у меня нѣтъ собственнаго положенія. Если это такъ, простите меня. Я постараюсь исправиться. Но, будьте справедливы, возвратите ему его честь.

Мюл. Я не хочу даже и спрашивать тебя, какое тебѣ, въ сущности, дѣло до этого человѣка, но объясни мнѣ, что ты понимаешь подъ словами «возвратить честь»?

Леон. Боже мой, по крайней мѣрѣ, захотите только все поправить, а потомъ уже найдется и средство.

Мюл. Ты думаешь? Сначала сядь, дитя мое. Я не хочу и на этотъ разъ измѣнять моимъ правиламъ и постараюсь подѣйствовать кротостью и вразумить тебя доводами, хотя здѣсь былъ бы болѣе умѣстенъ строгій выговоръ. Посмотри на мою сѣдую голову,—надъ ней нѣтъ безчестья, хотя я никогда не занимался, такъ называемыми вопросами чести. Ахъ, сколько приходится въ жизни вынести и не смѣть даже разинуть рта, если хочешь достигнуть цѣли. Но вотъ—какой-то молодой человѣкъ, у котораго, какъ ты выразилась, отняли честь.... Предположимъ, что ты права, я очень огорченъ легкомысліемъ твоего брата. Но кто заставляетъ молодого человѣка имѣть какую-то свою честь. Да и откуда она у него? Вѣдь не изъ семьи же его, и не изъ моихъ же торговыхъ дѣлъ. Мои прикащики не мальтійскіе рыцари. Хорошо, ты сказала, что у него была честь и мы должны ему ее возвратить. Но чѣмъ же? Какимъ же образомъ? Можетъ быть женить Курта на этой дѣвушкѣ?

Амалія. Я вынуждена просить тебя, Теодоръ, не говорить такихъ вещей, даже въ шутку.

Мюл. Но вѣдь это и мнѣ и моему дѣлу принесло бы страшное несчастье. Тогда, какъ тотъ молодой человѣкъ имѣетъ полную возможность выдти изъ этой исторіи. Если онъ этого не сдѣлаетъ и меня спросятъ, кто долженъ сдѣлаться несчастнымъ, мы или онъ?—то я отвѣчу—онъ, такъ какъ я не имѣю къ этому ни малѣйшей охоты. Такъ дѣйствовалъ я во всю мою жизнь и всякій знаетъ меня за честнаго человѣка.

Леон. *(вставая).* Папа, это твое послѣднее слово?

Мюл. Послѣднее. Теперь подойди и поцѣлуй меня и попроси у твоей матери прощенія.

Леон. (*отшатываясь, съ ужасомъ*). Оставь меня, я не могу тебя обманывать.

Мюл. Что это значитъ?

Леон. Папа, я вижу, что я во всемъ неправа, что я требую отъ васъ невозможнаго. Я должна была бы совершенно измѣнить мои взгляды, чтобы сравняться съ тобой, но.... (*Останавливается и прислушивается. За дверью слышны голоса.*)

Мюл. Но?

Леон. (*про себя*). Это онъ. (*громко*) Но... я больше не могу.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ-же и Вильгельмъ.

Вильг. Молодой г. Хейнеке опять здѣсь. (*Куртъ пугается.*)

Мюл. Развѣ вы не передали ему, что я велѣлъ сказать?

Вильг. Такъ точно, но онъ пошелъ сюда за мной изъ конторы.

Мюл. Это неслыханная дерзость! Если онъ моментально не.....

Куртъ. Извини, папа, можетъ быть, онъ хочетъ поблагодарить тебя? Я думаю, что онъ имѣетъ для этого достаточно причинъ.

Мюл. Этотъ народъ не знаетъ благодарности.

Кур. Вѣдь онъ еще долженъ сдать тебѣ кассу.

Мюл. Конечно.

Кур. Въ концѣ концовъ окажутся тамъ недочеты, и тогда ищи его.

Мюл. Ну, пожалуй, пусть войдетъ. (*Вильгельмъ уходитъ.*)

Амалія. Пойдемъ отсюда, Леонора.

Леон. (*быстро, шепча*) Куртъ.

Кур. Что?

Леон. Берегись.

Кур. (*стараясь скрыть смущеніе*). А, вздоръ! (*Амалія и Леонора уходятъ.*)

Мюл. Садись, такъ будетъ лучше.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ-же и Робертъ *(повидимому спокоенъ, сдержанно почтителенъ, съ папкой подъ мышкой).*

Мюл. Вы нѣсколько навязчивы, мой милый. Ну, я никогда не ставлю въ вину излишнее усердіе по службѣ, тѣмъ менѣе, когда оно проявляется въ послѣднія минуты предъ увольненіемъ. Ну, садитесь.

Роб. Если позволите, я постою.

Мюл. Какъ хотите. О моемъ племянникѣ я уже узналъ вчера. Ему живется хорошо, онъ веселится, правда немножко больше, чѣмъ слѣдуетъ, какъ мнѣ сказалъ графъ Трастъ, ну, это въ крови у людей хорошаго круга. Вы, я надѣюсь, принесли отчетъ?

Роб. Какъ-же.

Мюл. И?

Роб. (*ищетъ въ папкѣ и передаетъ ему черезъ столъ*). Вотъ.

Куртъ (*непринужденно*). Можно мнѣ взглянуть, папа?

Мюл. Да, да, разумѣется. Или, быть-можетъ, у васъ есть копія?

Роб. Конечно.

Мюл. Подайте ее, пожалуйста, моему сыну. (*Куртъ идетъ на встрѣчу. Оба стоятъ молча другъ противъ друга и обмериваютъ одинъ другаго глазами.*) На первый взглядъ, кажется, дѣла хороши. Чистаго дохода получено...

Роб. (*смотря въ портфель*). 116.227 гульденовъ.

Мюл. Считая голландскій гульденъ по 1 маркѣ 70-ти, это составитъ... Куртъ, считай и ты.

Роб. 197.585 марокъ.

Мюл. 8—1—3—5—8... Совершенно вѣрно, 197.586 марокъ 90 пфениговъ. Куртъ, что же ты не считаешь?

Кур. И 90 пфениговъ, совершенно вѣрно.

Мюл. Гм. Отъ операціи съ кофеемъ такая ничтожная прибыль? Что это значитъ?

Роб. (*передавая ему листъ*). Вотъ отдѣльный счетъ. Я имѣлъ возможность предугадать кризисъ съ кофе, вызванный бразильской конкурренціей, и занялъ пять шестыхъ плантацій чаемъ.

Мюл. Вы?

Роб. Да, я.

Кур. Странно.

Мюл. А какъ дѣла съ хинной коркой?

Роб. Вотъ счетъ. (*Передаетъ ему новый листъ.*)

Мюл. Тоже не представляетъ ничего особеннаго. Откуда-же такой барышъ?

Роб. Особенно доходными оказались опыты съ посѣвомъ табаку изъ сѣмянъ, выписанныхъ изъ Суматры. (*Передаетъ ему новый листъ.*) Въ особенности же переходъ къ культурѣ чаевъ.

Мюл. И вы сдѣлали этотъ смѣлый шагъ по своей собственной иниціативѣ?

Роб. Не совсѣмъ такъ. Въ этомъ случаѣ я пользовался совѣтами и указаніями моего друга, графа Траста.

Мюл. А мой племянникъ одобрилъ эти мѣры?

Роб. Послѣ, конечно.

Мюл. Ты правъ, милый Куртъ, все это очень странно.

Роб. Желаете еще спросить о чемъ-нибудь?

Мюл. Судя по тому, какъ вы держите себя, всѣ мои торговыя дѣла на Явѣ вы вели вполнѣ самостоятельно? Какимъ это образомъ?

Роб. Потому что у меня была полная довѣренность.

Мюл. А гдѣ же былъ въ это время мой племянникъ?

Роб. На этотъ вопросъ я ничего не могу отвѣтить вамъ.

Мюл. Развѣ мой племянникъ не ежедневно бывалъ въ конторѣ?

Роб. Нѣтъ.

Мюл. (*все болѣе волнуясь*). Когда же онъ бывалъ тамъ?

Роб. Когда приходила почта изъ Гамбурга и когда онъ бралъ деньги.

Куртъ. Что же вы хотите этимъ сказать, что мой кузенъ манкировалъ дѣломъ?

Роб. Я хочу сказать только то, что сказалъ.

Мюл. Такъ потрудитесь же мнѣ объяснить...

Роб. Я не считаю себя въ правѣ разсказывать о частной жизни моихъ патроновъ.

Куртъ. А кидать въ нихъ грязью считаете себя въ правѣ?

Роб. (*хочетъ кинуться на него, но сдерживается*). Угодно еще о чемъ-нибудь спросить?

Мюл. Сколько у васъ съ собой наличныхъ?

Роб. У меня переводовъ на разные банки на сумму 95 тыс. гульденовъ. Вотъ они.

Мюл. Куртъ, провѣрь. (*Оба становятся опять другъ противъ друга, Куртъ беретъ переводы и просматриваетъ ихъ.*)

Роб. Теперь все?

Мюл. Подождите еще немного. (*Пауза.*)

Куртъ. Совершенно вѣрно.

Мюл. Итакъ, мой милый г. Хейнеке, желаю вамъ счастья въ вашей дальнѣйшей карьерѣ. Оставайтесь порядочнымъ человѣкомъ и не забывайте, чѣмъ вы обязаны моему дому.

Роб. Нѣтъ, я этого не забуду. Вотъ тѣ 40 тыс., которыя вы были такъ добры передать моему отцу.

Мюл. Эти 40 тыс. были подаркомъ, а не займомъ.

Роб. Все-таки я считаю себя обязаннымъ возвратить ихъ вамъ.

Мюл. Вы уполномочены вашимъ отцомъ возвратить эти деньги?

Роб. Нѣтъ, имъ я не уполномоченъ.

Мюл. Слѣдовательно, эти деньги ваши?

Роб. Совершенно вѣрно.

Мюл. Такъ, такъ.

Куртъ. Не находишь-ли ты очень интереснымъ, папа, что нашъ г. Хейнеке сдѣлалъ сбереженія въ такихъ размѣрахъ?!

Роб. (*соображаетъ одно мгновеніе, понимаетъ смыслъ этихъ словъ, вскрикиваетъ и съ револьверомъ въ рукахъ кидается на Курта, хватая его за горло.*) Мерзавецъ! Возьми назадъ свои слова.

Мюл. Спасите, спасите!

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ-же и Леонора, потомъ Амалія.

Леон. (*вбѣгая.*) Робертъ, сжальтесь!

(*Робертъ, при взглядѣ на нее, роняетъ револьверъ и отходитъ, закрывая лицо руками. Куртъ, тяжело дыша, падаетъ на диванъ.*)

Амалія (*входитъ черезъ среднюю дверь*). Что случилось? Куртъ! Помогите! Убійца, убійца! Такъ позвони-же, Теодоръ!

Мюл. Тише, тише, опасности больше нѣтъ. Чего вамъ здѣсь еще нужно? Уходите.

Роб. Какъ воръ, не правда-ли? (*Леонора дѣлаетъ движеніе.*) Да, Леонора, знайте: я дѣлалъ сбереженія, я воръ.

Леон. Отецъ, Бога ради, что вы тутъ надѣлали!?

Роб. Хорошо. И такъ сегодня день отчета. Подведемъ балансъ. Балансъ между барскимъ домомъ и флигелемъ... Я вырывалъ для васъ барыши и зубами, и ногтями и не зайкался о жалованьи. Я на васъ смотрѣлъ, какъ на святыхъ. Вы были моей вѣрой, моей религіей. А вы что сдѣлали? Вы украли у меня честь моей семьи, вѣдь она была честна, хоть и жила на заднемъ дворѣ. Вы украли у меня любовь моихъ. Хотя они и грязные нищіе, но я люблю ихъ. Вы украли у меня подушку, на которой я отдыхалъ отъ работы на васъ. Вы украли у меня родину... вы украли у меня любовь къ людямъ и надежду на Бога. Вы украли покой, стыдъ и спокойную совѣсть. Вы украли солнце съ моего неба. Вы — воры, вы!

Мюл. (*послѣ паузы*). Что-же мнѣ позвать лакеевъ, чтобы вышвырнуть васъ за дверь?

Леон. (*между ними.*) Этого не будетъ, папа.

Мюл. Что? Ты?

Леон. Онъ уйдетъ отсюда свободно и безъ оскорбленій. Или ты и меня вышвырнешь за дверь.

Роб. Леонора, что вы хотите дѣлать?!

Леон. Папа, неужели у тебя не найдется ни слова извиненія передъ нимъ? Только одного слова?

Мюл. Ты съ ума сошла?

Роб. Оставьте, Леонора. Я буду съ благодарностью вспоминать о васъ, пока я живъ. Въ васъ я оставляю все то, что зовется родиной. Да будетъ надъ вами благословеніе. Прощайте. (*Идетъ къ двери.*)

Леон. (*съ крикомъ кидается за нимъ и*

хватается за него). Не уходи, не уходи, а если ты уходишь, то возьми и меня съ собой.

Роб. Леонора!

Мюл. Что это зна...?

Леон. Не оставляй меня одну. Мнѣ холодно съ этими людьми. И моя родина въ тебѣ. Ты былъ ею всегда. Смотри, я обнимаю тебя, ты не можешь меня покинуть...

Мюл. Ахъ, что за скандалъ!

Леон. Не будемъ ненавидѣть другъ друга, папа. Я вознагражу его за все то, что вы отняли у него. (*Роберту.*) У меня, положимъ, нѣтъ ничего, кромѣ меня самой. Хочетъ онъ этого...

Роб. Леонора!

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ-же и Трастъ.

Тр. Что здѣсь произошло?

Леон. (*бѣжитъ ему навстрѣчу*). Благодарю васъ, мой другъ. Вы мнѣ показали настоящую дорогу. Робертъ, создадимъ себѣ новую родину, новыя обязанности.

Роб. (*бросаетъ взглядъ на Курта, который сидитъ убитый. Съ горечью*). И новую честь. (*Обнимаетъ ее.*)

Амалія. Такъ вотъ какова благодарность, Теодоръ.

Леон. Папа, мама, я не прошу у васъ прощенія, потому что то, что я дѣлаю, я должна сдѣлать. Я чувствую, что это не можетъ быть несправедливо, но я молю васъ вспоминайте обо мнѣ безъ злобы.

Мюл. Вотъ какъ? И ты думаешь, что ты оставишь семью безъ того, чтобы услышать кто ты... Ты... (*Поднимаетъ руки для проклятія.*)

Тр. (*подходя къ нему*). Оставьте это. Къ чему утруждать себя проклятіями? (*Тише.*) Да и притомъ, между нами будь сказано, ваша дочь дѣлаетъ вовсе не плохую партію. Этотъ молодой человѣкъ будетъ моимъ компаньономъ, а такъ какъ у меня родныхъ нѣтъ, то и наслѣдникомъ.

Мюл. Но... графъ... Что-же вы мнѣ это раньше...

Тр. (*быстро отступая назадъ и отстраняя его руками*). Я жду вашего письменнаго согласія. (*Идетъ за Робертомъ и Леонорой къ выходу.*)

Инв. № 17144

Взамѣнъ переписыванія ролей комедіи „Честь“, могутъ быть пріобрѣтаемы въ конторѣ журнала „Артистъ“ отдѣльные оттиски этой пьесы. Цѣна полнаго комплекта (16 экз.) 8 рублей. Гг. подписчики на журналъ „Артистъ“ за пересылку не платятъ.

Дозволено цензурою. Москва. Сентябрь. 1891 года.

Общее число ролей. Роли дѣтскія и выходныя.	Число дѣйствій. Названія піесъ. Декораціи.	Число ролей. Старыхъ. Мужскихъ.	Старыхъ. Женскихъ.	Молодыхъ. Мужскихъ.	Молодыхъ. Женскихъ.
5 м., 6 ж. Дѣт. 1 м. 5 л. —	5 д. **Друзья дѣтства**, др. П. Невѣжина.—Садъ, въ немъ домъ и бесѣдка. Поляна въ лѣсу. 3 разн. комнаты. **Дѣло** см. **Отжитое время.**	1 ком. (куп.).	1 др. 1 ком.	2 л. др., 1 рез., 1 пр.	1 gr. d. др. 1 ing. др. 1 ing., 1.
11 м., 5 ж. Выход. 10 об. п.	4 д. **Дѣло Плеянова**, др. В. Александрова.—3 разныхъ комнаты.	2 ком., 2.	—	1 др., 6.	1 др., 4.
7 м., 3 ж. 5 д. об. п. Выход. 5 об. п.	5 д. **Дѣтскій докторъ**, др. А. Буржуа и А. Деннери.—Деревенскій видъ. Терраса въ паркѣ. 2 комнаты.	1 др. рез.	—	1 л. др., 1 рез. др, 1 л., 3.	1 ing. др., 1 ком., 1.
3 м., 2 ж.	2 д. **Жена артиста**, др. Скриба, перев. съ франц. Н. Коровкина.—Мастерская живописца. Комната.	—	—	1 др., 1 л., 1 ком.	1 ing. др., 1.
14 м., 1 ж. Вых. 3 м.	3 д. **Жертва за жертву**, драма В. Дьяченко.—Комната. Почтовая дорога.	1 рез., 2 ком.	—	1 л. др., 1 л. ком., 9.	1 gr. d. др.
4 м., 3 ж. Дѣт. 1 д. 7 л.	4 карт. **Жизнь за мгновенье**, др.— 3 разныхъ комнаты.	1 др.	1.	1 драм., 2.	1 gr. d. др., 1 gr. d. кок.
16 м., 7 ж. Выход. 7 м.	5 карт. **Жизнь Илимова**, драма В. С. Лихачова. 5 разн. комнатъ. («Артистъ» № 15).	4 рез., 1 ком.	2 ком., 1 рез.	1 др., 4 ком., 4 рез. 1 ф., 1 мальчикъ 10 лѣтъ.	3 ing. ком., 1 дѣвочка 6 лѣтъ.
7 м., 5 ж Выход. 10 об. п.	5 д. **Житье привольное!** народн. др. Е. Карпова.—Сельскій видъ, наружность избы и проч. Сельская торговая площадь, на ней разныя дома съ вывѣсками и палатки. Внутренность спальни рабочихъ. Долина между горъ, вдали село. Залъ сельскаго трактира.	1 др. рез., 1.	1 др.	1 л. др., 1 л. ком., 2 ком., 1.	3 др., 1.
14 м., 5 ж.	5 д. **Забубенная головушка**, др. Ѳ. Карѣева.—4 разныхъ комнаты.	1 др., 3.	2 ком.	1 пр. др., 2 ф., 1 л. др., 1 рез. 1 ком. (еврей), 4.	2 ing. др. 1 gr. d. кок.
7 м., 6 ж. Вых. 20 ж.	5 д. **За монастырской стѣной (Сестра Тереза)**, др. Луиджи-Комолетти, перев. съ итальянск. Н. Курочкина.—4 разн. комнаты. Въ одной изъ нихъ сквозь арки видна католическая церковь.	1 рез. др., 1 рез., 1.	1 gr. d. др. 2 ком.	1 др. л., 1 рез., 2.	1 ing. др., 2 ing.
8 м., 5 ж. Выход. 10 об. п.	4 д. **Злоба дня**, др. Н. Потѣхина.— Зимній садъ. 3 разн. комнаты.	1 др. рез., 1 рез. (куп.)	1 ком. (англ.), 1 ком.	1 др. л., 1 пр. др., 1 пр., 1 ком., 2.	1 ing. др. 1 gr. d., 1 ing. ком.
7 м., 4 ж Вых. 1 ж.	4 д. **Изъ мрака къ свѣту**, драма Д. Аверкіева.—3 разныхъ комнаты.	—	1 gr. d. драм.	1 рез. др., 1 л., 5.	2 ing. др., 1.
9 м., 5 ж. Выход. 6 об. п.	5 д. **Какъ поживешь, такъ и прослывешь**, драма А. Дюма (сына). — 5 разныхъ комнатъ.	2.	1.	1 др., 6.	1 др., 3.
8 м., 7 ж. Дѣт. 1 м. 13 л. Выход. 15 об. п.	5 д. и 8 карт. **Каширская старина**, др. Д. Аверкіева.—Сельскій видъ. Изба. Поле. Роща. Горница. Поле близь дороги. Изба. Другая изба.	2 др. рез., 1 ком.	1 др., 1 ком.	1 др. л., 1 др., 1 рез., 2.	1 ing. др., 1 ing. ком. 3.
10 м., 2 ж. Вых. 14 м.	4 д. **Клеймо**, др. П. Боборыкина.— Полисадникъ при усадьбѣ. 2 разныхъ комнаты.	1 рез. др., 2.	1.	1 рез. др., 3 ком., 1 л. др., 1 рез., 1.	1 gr. d. dr .
6 м., 4 ж. Вых. 8 м.	5 д. и 9 карт. **Коварство и любовь**, тр. Шиллера, перев. М. Л. Михайлова.—2 зала. Комната.	1 тр., 2 др. рез., 1 др., 1 ком.	1 др.	1 др. л.	1 gr. d. др., 1 ing. др., 1.
4 м., 5 ж.	5 д. **Кручина**, др. И. Шпажинскаго. — Садъ, въ немъ бесѣдка и домъ. 2 разныхъ комнаты.	1 рез.	3.	1 др., 1 л., 1.	1 др., 1.
14 м., 6 ж.	5 д. **Ларскій**, др. И. Ладыженскаго.—Садъ, въ немъ домъ. Другой садъ. 2 разныхъ комнаты.	1 рез. 1.	1 gr. d. 1 ком.	1 др., 5 рез., 6.	1 gr. d. др., 1 ing. 1 gr. d.

Общее число ролей. Роли дѣтскія и выходныя.	Число дѣйствій. Названія піесъ. Декораціи.	Число ролей. Старыхъ. Мужскихъ.	Старыхъ. Женскихъ.	Молодыхъ. Мужскихъ.	Молодыхъ. Женскихъ.
5 м., 5 ж. Дѣт. 1 м., 14 л. Выход. 8 об. п.	5 д. **Лиза Ооmина,** др. М. Каменской.—2 разныхъ комнаты.	1 рез.	4.	4.	1 ing. др.
4 м., 6 ж.	3 д. и 4 карт. **Лизавета Николаевна,** драма М. Чайковскаго.—4 разныхъ комнаты.	—	1 gr. d. 1.	1 рез., 1 др., 2.	1 gr. d. др. 1 ing., 1 gr. d. 1.
10 м., 6 ж. Выход. 6 об. п.	5 д. **Листья шелестятъ,** др. кн. А. Сумбатова.—Лѣсъ. 3 разн. комнаты.	1 рез. др. 1 рез. ком. 1 рез., 1 ком.	1 ком.	1 др. л., 1 ф., 1 л., 1 ком. (нѣм.), 1 пр., 1.	1 ing. др., 1 gr. d. кок., 1 gr. d. ком., 1 ing. ком.
8 м., 4 ж.	5 д. **Маіорша,** др. И. Шпажинскаго.—2 разн. комнаты. Берегъ пруда, на немъ домъ. Плотина, на ней мельница.	2 ком., 2.	1 ком., 1.	1 др., 1 пр., 2.	1 др., 1 ком.
9 м., 4 ж. Выход. 24 об. п.	5 д. **Материнское благословеніе, или бѣдность и честь,** др. перев. съ франц. П. Перепельскаго.—Внутренность хижины. Бѣдная комната. Богатая комната. Залъ. Сарай. Горы.	1 ком., 1 др., 1.	1 gr. d., 1.	1 пр. нѣв., 5.	1 ing. др., нѣв. 1.
5 м., 5 ж.	5 д. **Медовый мѣсяцъ,** др. Н. Соловьева.—2 разныхъ комнаты.	2 ком. 1 ком. (нѣм.).	2 ком.	1 др., 1 рез.	1 ing. др. 1 ing. ком., 1.
11 м., 6 ж. Дѣт. 1 д. 11 л. Выход. 8 об. п.	5 д. **Мертвая петля,** др. Н. Потѣхина.—4 разныхъ комнаты. На сценѣ рояль.	1 ком. рез. 1 рез., 1 ком.	1 ком. 1 gr. d. ком.	1 др. л., 1 рез., 3 ком., 3.	1 gr. d. др., 1 ing., др., 1 ing. ком., 1.
12 м., 5 ж. Вых. 2 м.	5 д. **Мотивы скорби (Вшоватые, но не судимые),** др. И. Ге.—Паркъ и въ немъ домъ. 3 разн. комнаты.	—	1 gr. d., 1 др.	2 др., 1 ф., 1 рез., 1 пр., 3 ком., 4.	1 ing. др., 1 gr. d. кок., 1 ing. ком.
8 м., 4 ж.	4 д. **На жизненномъ пиру,** драма Вл. Александрова. 3 разн. комнаты.	1 ком.	1 gr. d. ком., 1.	2 др. л., 1 ком., 1 ком. (арм.), 1 ф., 2.	1 gr. d. др., 1 ing. ком.
8 м., 4 ж. Выход. 15 об. п.	5 д. **На земской нивѣ,** др. Е. Карпова.—Поляна передъ сельскимъ домомъ. Сельская улица. 2 комнаты.	2 рез., 1 ком., 1.	1.	1 др., 2 пр., 1.	1 gr. d. ком., 1 ing. др. 1 ing. ком.
3 м., 2 ж. Дѣт. 1 д., 10 л.	1 д. **Нежданный гость,** др. Эпника, перев. съ франц. И. Щеглова.—Комната. („Артистъ“ № 5).	—	1.	2 рез. др., 1 ком.	1 др.
8 м., 5 ж. Дѣт. 1 д. 10 л. Вых. 2 м.	4 д. и 5 карт. **Не отъ міра сего,** др. П. Ракшанина.—4 разн. комнаты.	1 рез. 1 рез. др.	1 gr. d., 1 ком.	1 др. л., 1 ф., 1 рез., 3.	1 ing. др., 2 ing. ком.
7 м., 5 ж. Выход. 8 об. п.	3 д. и 4 карт. **Не такъ живи какъ хочется,** народ. др. А. Островскаго.—Комната. Изба.	1 др. рез., 1 рез.	1 др. 2 ком.,	1 др. 2 ком. 1 пр., 1.	1 др., 1 ком.
12 м., 4 ж. Выход. 10 об. п.	4 д. **Нищіе духомъ,** др. Н. Потѣхина.—4 разныхъ комнаты.	1 рез.	1 gr. d.	1 ф. 1 л., 1 пр., 2 рез., 1 (нѣм.), 5.	1 gr. d. др., 2 ing. ком.
7 м., 4 ж.	4 д. **Однимъ грѣхомъ болѣе.** др. А. Лаврова.—3 разныхъ комнаты. **Отжитое время.**	3 рез., 2.	2 ком.	1 л. 1 рез.	1 ing. др., 1.
10 м., 4 ж. Дѣт. 1 м. 10 л. Вых. около 20 об. п.	4 д. **Озимь,** драма А. Луговаго.—Дворъ съ разными хозяйственными строеніями. Лѣсъ съ поляной. 2 разн. комн. („Артистъ“ № 7).	1 рез. (куп.), 1 рез. др. 1 рез. ком. 1 рез.	1 ком., 1.	1 пр. др., 1 ком. 2 рез., 2.	1 ing. др., 1 gr. d. ком.
4 м., 2 ж.	3 д. **Окно во 2-мъ этажѣ,** драма І. Коржевскаго.—Роща, въ ней изба. 2 разныхъ комнаты.	3 др.	—	1 л.	1 gr. d. др., 1.

Общее число ролей. Роли дѣтскія и выходныя.	Число дѣйствій. Названія піесъ. Декораціи.	Число ролей. Старыхъ. Мужскихъ.	Старыхъ. Женскихъ.	Молодыхъ. Мужскихъ.	Молодыхъ. Женскихъ.
5 м., 6 ж. Вых. 1 м.	4 д. **Опасные люди**, др. К. В. Назарьевой.—Садъ съ террасой. 2 разн. комнаты. („Театральная Библіотека“ № 3).	1 рез., 2 ком.	1 ком.	1 др., 1 ком.	1 ing. ком. 1 ing. др.
16 м., 2 ж.	5 д. и 6 карт. **Отжитое время (Дѣло)**, др. А. Сухово-Кобылина.— 3 разн. комнаты.	5 рез., 7 ком.	1 gr. d.	2 ком. 1 фатъ, 1 рез.	1 ing. др.
8 м., 4 ж.	4 д. **Отъ судьбы не уйдешь**, др. пер. В. Лангаммера.—Садъ, въ немъ домъ съ окнами и дверью. 3 разн. комнаты. *Примѣчаніе.* Есть такого же содержанія драма Вильбрандта, подъ названіемъ „Фабриціи“.	1 др.	1 gr. d. др. 1.	1 л., 1 рез., 5.	1 ing. др. 1 ing. ком.
7 м. 5 ж. Выход. 5 об. п.	4 д. **Подруга жизни**, простая исторія А. Фролова.—4 разн. комнаты. На сценѣ рояль.	2 ком.	1 др. 1 gr. d. ком. 1.	1 др., 1 ком, 3.	1 gr. d., 1.
7 м., 5 ж. Дѣт. 1 м., 10 л. 1 д. 4 л.	5 д. **Подъ властью сердца**, драма И. Ладыженскаго.—2 разныхъ комнаты. Садъ, въ немъ домъ. (Артистъ № 2).	1 рез.	—	2 л., 2 рез., 2.	1 gr. d. др., 1 gr. d. ком. 1 ing., 2.
7 м., 5 ж	5 д. и 6 карт. **Поздній разцвѣтъ**, др. И. Шпажинскаго.—6 разн. комн.	1 др., рез.	1 gr. d. ком. 1.	1 др. л., 1 л., 1 ком., 2.	2 ing. др., 1.
10 м., 5 ж. Дѣт. 1 м. 12 л.	4 д. **По морю безъ якоря**, драма А. Б.—4 разныхъ комнаты.	1 ком., 4 рез.	1 ком., 2.	1 др. л., 1 др. 1 ком., 1 пр., 2.	1 ing. др., 1 gr. d. др.
6 м., 4 ж. Вых. 2 м.	4 д. **Порывъ**, др. Н. О. Ракшанина.—Садъ съ домомъ. 3 разн. комнаты. („Артистъ“ № 12).	1 рез., 1 ком.	1 ком.	4 рзз.	1 ing. др. 1 ing. ком. 1 gr. d.
5 м., 4 ж. Вых. 1 м.	2 д. **Послѣднее сокровище**, драм. этюдъ В. М. Михеева.—2 разн. комнаты. („Театральная Библіотека“ № 1).	1 ком., 1 рез.	1 gr. d.	1 др., 1 мальчикъ 11 лѣтъ, 1 ком.	1 ing. др. 2 ing. ком.
9 м., 4 ж. Дѣт. 1 м. 7 л.	5 д. **Прахомъ пошло!** народн. др. И. Шпажинскаго.—Изба. Лѣсъ. Сарай и овинъ. Внутренность питейнаго дома.	1 рез., 2.	1.	1 др., 1 ком. 4.	1 др., 2.
7 м., 5 ж.	5 д. **Преступница**, др. Н. Вильде.—4 разн. комнаты.	1 др. рез. 2 рез. 1.	1 gr. d. др., 1 gr. d. ком., 1.	1 ф., 2.	2 ing. др.
13 м., 3 ж. Вых. 8 м.	4 д. **Просвѣщенное время**, драма А. Писемскаго. — 3 разныхъ комнаты. Общественный садъ.	1 рез. 1 ком. (татар.), 1 (арм.), 1.	1 ком.	1 рез., 1 л., 1 пр., 2 ком., 4.	1 gr. d. др., 1 ing. к.
8 м., 4 ж. 1 м. 14 л.	5 д. и 6 карт. **Простая исторія**, драматич. этюдъ И. В. Шпажинскаго.—Садъ. 4 разн. комнаты.	1 рез. др. 1 рез., 2.	1.	1 л. др., 1 ком. 1 ф. 1.	1 gr. d., др 1 gr. d. кок., 1 ing. ком.
6 м., 3 ж. 1 м. 4 л.	3 д. **Пѣснь горя**, будничн. исторія Вл. Александрова.—3 разн. комнаты.	1 ком., 1 ком. (куп.). 1.	1 ком.	1 л., 1 пр., 1.	1 ing. др., 1 ing. ком.
7 м., 4 ж. Вых. около 20 об. п.	3 д. **Пятый актъ**, др. А. Дюма.—2 разн. зала; въ одномъ изъ нихъ сзади маленькій театръ. Садъ.	—	—	1 рез. др., 1 рез., 5.	1 gr. d. кок., 2 gr. d. 1.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Y680

ЧЕРЕЗЪ КОНТОРУ НАШЕГО ЖУРНАЛА МОГУТЪ БЫТЬ ВЫПИСЫВАЕМЫ:

„Въ память С. А. Юрьева“, сборникъ изданный друзьями покойнаго. Цѣна 2 руб. 50 коп. (Осталось небольшое количество экземпл.).

Собраніе сочиненій А. Н. Островскаго, новое изданіе въ 10 томахъ. Цѣна 16 руб.

„Въ слѣдующій разъ“, монологъ въ 1 д. Грене д'Анкура, перев. съ французскаго. Ѳ. А. Куманина. Цѣна 30 коп.

„Въ сонномъ царствѣ“, ком. И. Я. Гурлянда. Цѣна 1 р. Цѣна комплекта въ 12 экз. (по числу ролей)—6 руб.

„Жоржинька“, ком.-шутка въ 2 д. Чека. Цѣна 50 к.

„Жрица искусства“ (Свободная художница), комедія въ 4 д. Е. П. Карпова. Цѣна 1 руб. Цѣна комплекта въ 16 экз. (по числу ролей)—8 руб.

„Звѣзда Севильи“, трагедія Лопе де-Вега, переводъ С. А. Юрьева. Цѣна 1 руб.

„Крокодиловы слезы“, ком. въ 5 д. Е. П. Карпова. Цѣна 50 к.

„Милостники и опальные“, др. въ 4 д. и 5 карт. въ стихахъ, М. И. Лаврова. Цѣна 2 руб.

„Перекати поле“, ком. П. П. Гнѣдича. Цѣна 1 р. 50 к.

„Ранняя осень“, др. Е. П. Карпова. Цѣна 1 р. Цѣна комплекта въ 10 экз. (по числу ролей)—5 руб.

„Сильнодѣйствующее средство“ или „Лучше поздно, чѣмъ никогда“, („Doktor Klaus“), ком. въ 5 д. Аронжа, передѣл. съ нѣмецкаго Ѳ. А. Куманинымъ. Цѣна 1 р. 50 коп., для подписчиковъ нашего журнала—1 руб.

„Тяжкая доля“, др. въ 4 д. и 5 карт. Е. П. Карпова. Цѣна 50 к.

„Цитварный ребенокъ“, вод. въ 1 д. В. Холостова. Цѣна 40 к.

Фотографическіе кабинетные портреты артистовъ Н. А. Никулиной, М. К. Заньковецкой, А. И. Южина и Н. И. Музиля. Цѣна по 1 руб. Для подписчиковъ по 65 коп.

И ВСѢ ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

СУЩЕСТВУЮЩІЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

Гг. подписчики на журналъ „АРТИСТЪ“ за пересылку не платятъ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ въ 19 день Мая 1889 года ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ соизволилъ на открытіе при Комитетѣ Общества Русскихъ Драматическихъ Писателей и Оперныхъ Композиторовъ повсемѣстнаго по Имперіи сбора пожертвованій на сооруженіе **въ городѣ Москвѣ памятника** покойному драматическому писателю

А. Н. Островскому.

О такомъ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМЪ соизволеніи Комитетъ Общества Русскихъ Драматическихъ Писателей и Оперныхъ Композиторовъ поставляя въ общую извѣстность, покорнѣйше проситъ адресовать денежныя пожертвованія въ Москву казначею Общества д. с. с. Апполону Александровичу Майкову.

Контора редакціи покорнѣйше проситъ **гг. подписчиковъ, пользующихся разсрочкой,** высылать слѣдуемые взносы своевременно—**согласно объявленнымъ условіямъ разсрочки,** во избѣжаніе задержки въ высылкѣ книгъ.

Продолжается подписка на сезонъ 189½ г. (годъ 3-й)

И ГОДОВАЯ НА 1891 Г.

на Театральный, Музыкальный и Художественный иллюстрированный журналъ

„АРТИСТЪ".

(ГОДЪ 3-Й).

ПРОГРАММА:

1. **Правительственныя распоряженія**, касающіяся театра и музыки. Списки пьесъ дозволенныхъ драматическою цензурою.—2. **Драматическія произведенія**, оригинальныя и переводныя, преимущественно тѣ, которыя исполняются на столичныхъ сценахъ, **съ снимками** съ декорацій, планами сценъ, **портретами** артистовъ въ гримировкѣ и костюмахъ и проч.—3. **Либретто** оперъ и балетовъ.—4. **Режиссерскій отдѣлъ**, постановка пьесъ, указанія авторовъ, виды и планы декорацій, монтировки, костюмы (съ рисунками), статьи по гриму (съ рисунками), снимки съ извѣстныхъ артистовъ въ гримировкѣ и костюмахъ, снимки съ картинъ и портретовъ историческихъ лицъ. Виды и планы театровъ. Устройство театровъ съ чертежами и смѣтами.—5. **Критическія статьи** по всѣмъ вопросамъ искусства.—6. **Историческія статьи** и очерки эпохъ, изъ коихъ взяты сюжеты для историческихъ драматическихъ произведеній, статьи по исторіи театра и друг. искусствъ, біографіи артистовъ, ихъ воспоминанія, записки, дневники, автобіографіи и проч. съ приложеніемъ портретовъ, видовъ и проч.—7. **Хроника**, корреспонденціи, свѣдѣнія о произведеніяхъ искусства въ Россіи и на западѣ Европы, статистическія свѣдѣнія, отчеты разныхъ артистическихъ и художественныхъ обществъ и проч.—8. **Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и пр.**—9. Библіографія.—10. Смѣсь. **ПРИЛОЖЕНІЯ**: *а)* **оригинальные рисунки, снимки съ картинъ, портреты** артистовъ и писателей и т. п., исполненные фототипогравюрой, фототипіей, автотипіей, хромолитографіей, фотохемиграфіей и фотоцинкографіей и *б)* **музыкальныя произведенія** для пѣнія и игры на инструментахъ: отрывки изъ оперъ, романсы и проч.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Влад. А. Александровъ, Н. Ѳ. Арбенинъ, А. Ѳ. Арендсъ, А. С. Аренскій, К. С. Баранцевичъ, В. В. Билибинъ, П. И. Бларамберг, П. Д. Боборыкинъ, проф. А. Н. Веселовскій, А. А. Веселовская, проф. П. Г. Виноградовъ, Н. С. Генкинъ, А. К. Глазуновъ, П. П. Гнѣдичъ, кн. Д. П. Голицынъ, (Муравлинъ), С. С. Голоушевъ, В. А. Гольцевъ, Е. П. Гославскій, И. Н. Грековъ, Г. Н. Грессеръ, И. Я. Гурляндъ, В. Е. Ермиловъ, И. И. Ивановъ, А. А. Ильинскій, Н. В. Казанцевъ, А. Н. Канаевъ, Е. П. Карповъ, Н. Д. Кашкинъ, В. Г. Короленко, Н. А. Котляревскій, М. Л. Кропивницкій, С. Н. Кругликовъ, В. А. Крыловъ (Александровъ), А. Ѳ. Крюковской, Ѳ. А. Куманинъ, А. С. Кушнеревъ, Ц. А. Кюи, М. И. Лавровъ, И. Н. Ладыженскій, О. Я. Левенсонъ, И. Л. Леонтьевъ (Щегловъ), проф. И. А. Линниченко, В. С. Лихачовъ, А. П. Лукинъ, Н. С. Лѣсковъ, А. К. Лядовъ, Д. Н. Маминъ (Сибирякъ), Э. Э. Маттернъ, Д. С. Мережковскій, В. М. Михеевъ, К. В. Назарьева, Э. Ф. Направникъ, П. М. Невѣжинъ, Е. С. Некрасова, Влад. И. Немировичъ-Данченко, Ф. Д. Нефедовъ, А. П. Новицкій, проф. Н. А. Осокинъ, В. П. Острогорскій, А. Н. Плещеевъ, И. Н. Потапенко, Н. А. Римскій-Корсаковъ, М. Н. Розановъ, М. П. Садовскій, И. А. Саловъ, П. М. Свободинъ, А. А. Симонъ, А. Н. Сиротининъ, проф. Н. И. Стороженко, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), В. С. Сѣрова, С. Н. Терпигоревъ (Атава), А. А. Тихоновъ (Луговой), проф. Н. С. Тихонравовъ, кн. А. И. Урусовъ, А. А. Фетъ, А. А. Филоновъ, П. И. Чайковскій, М. И. Чайковскій, А. П. Чеховъ, В. А. Чечоттъ, О. Н. Чюмина, К. С. Шиловскій, И. В. Шпажинскій, К. Штепанекъ, В. Р. Щиглевъ, С. Ф. и А. А. Ѳедотовы, А. А. Ярцевъ и друг. **Художники:** В. Н. Бакшеевъ, Н. А. Богатовъ, Ѳ. А. Бронниковъ, А. А. Киселевъ, бар. М. П. и Н. А. Клодтъ, А. П. Ленскій, В. Е. Маковскій, Н. В. Невревъ, В. В. Переплетчиковъ, Л. О. Пастернакъ, В. Д. Полѣновъ, Д. П. Поляковъ, И. М. Прянишниковъ, И. Е. Рачковъ, И. Е. Рѣпинъ, Г. Ѳ. Рыбаковъ, А. С. Степановъ, К. А. Трутовскій И. И. Шишкинъ, С. И. Ягужинскій и друг.

Журналъ выходитъ **ежемѣсячно въ теченіе зимняго сезона** (7 разъ въ годъ съ **сентября по апрѣль**) книжками большаго формата.

Подписная цѣна за годъ 9 р., съ перес. и доставкою 10 р., за границу 12 р.,
вмѣстѣ съ „Театральною Библіотекой“ 13 руб., съ пересылкою 14 руб.

Подписная цѣна на «Артистъ» на веленевой бумагѣ (сто особыхъ нумерованныхъ экземпляровъ) 16 р., съ перес. 18 р.; въ изящныхъ переплетахъ 25 р., съ перес. 30 р.

Для учащихся въ спеціально театральныхъ, музыкальныхъ и художественныхъ школахъ подписная цѣна на «Артистъ» **7** руб., съ перес. **8** руб.

Для лицъ, подписавшихся въ редакціи, допускается РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 4 руб., послѣ полученія каждой изъ первыхъ 2 книжекъ по 2 руб. и послѣ 3-й—остальныя деньги.

Подписка принимается на 7 книгъ съ января *на годъ* или съ сентября *на сезонъ*.

Отдѣльные нумера по 2 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются съ платою за каждый разъ 25 руб. за цѣлую страницу; 15 руб. за половину; 10 р. за $^1/_4$ и 5 р. за $^1/_8$ страницы.

Подписка принимается и отдѣльные нумера продаются **въ конторѣ редакціи (Москва, Кудринская Садовая, д. Бартельсъ)**, въ отдѣленіяхъ конторы: въ кн. маг. „Новаго Времени“, г. Прянишникова и Т-ва Вольфъ и въ конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи) и кромѣ того въ книжной лавкѣ Московскаго Большаго театра, въ театральной библіотекѣ Е. Н. Разсохиной и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ, музыкальныхъ и эстампныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ; въ Кіевѣ у г. Оглоблина; въ Казани у г. Дубровина; въ Костромѣ у г. Бекенева; въ Варшавѣ у г. Карбасникова; въ Орлѣ и Курскѣ у г. Кашкина.

Кромѣ того отдѣльные №№ продаются **въ кіоскахъ на станціяхъ жел. дор.**: въ С.-Петербургѣ (на Николаев., Варшав. и Балтійск.); въ Москвѣ (на Николаев., Нижегород. и Рязанск.); въ Варшавѣ (на Петерб.); Бологое, Владиміръ, Витебскъ, Вильно, Владикавказъ, Динабургъ, Екатеринославъ, Елисаветградъ, Ессентуки, Екатеринодаръ, Желѣзноводскъ, Златоустъ, Калуга, Кременчугъ, Кисловодскъ, Минеральныя воды, Нижн.-Новгор., Новгородъ, Пенза, Пятигорскъ, Полтава, Псковъ, Рига, Рязань, Ростовъ-на-Дону, Сызрань, Смоленскъ, Тула, Тверь, Уфа и Чудово.

Иногородніе благоволятъ обращаться **исключительно** въ контору редакціи.

Отъ редакціи.

Редакція и **контора** (Москва, Кудринская Садовая, домъ Бартельсъ) **открыта** ежедневно, отъ 11 до 3-хъ часовъ дня, а по воскресеньямъ отъ 12 до 1 часу.—Личныя **объясненія съ редакторомъ** по четвергамъ отъ 12 до 1 дня.—Редакція **отвѣчаетъ только на тѣ письма**, къ которымъ приложены почтовыя марки.

За перемѣну адреса уплачивается 25 коп. **Билеты на полученіе журнала высылаются** только тѣмъ иногороднимъ подписчикамъ, которые приложатъ при высылкѣ подписки—19 коп. почтовыми марками.

Жалобы на неполученіе какой-либо книги журнала обращаются **исключительно** въ редакцію, съ указаніемъ нумера, напечатаннаго на адресѣ подписчика и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала не была получена.—Жалобы должны быть сообщаемы въ редакцію не позже полученія слѣдующей книги.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка по 50 коп. съ годоваго экземпляра. **Кредита** и **разсрочекъ** по доставленнымъ ими подпискамъ **не допускается.**

Доставленныя въ редакцію **статьи** должны быть подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ.—Статьи, присланныя въ редакцію безъ обозначенія условій гонорара, считаются безплатными.—**Гонораръ** уплачивается **только** за статьи уже напечатанныя въ журналѣ и уплачивается по истеченіи двухъ недѣль со дня выхода книжки. **Авансы не выдаются.**—Сочиненія, принятыя для напечатанія въ журналѣ, подлежатъ, въ случаѣ надобности, **сокращенію и исправленію.**—Сочиненія, признанныя редакціей неудобными къ помѣщенію въ журналѣ, **возвращаются** авторамъ безъ объясненія причинъ.—**Обратная пересылка** такихъ произведеній ихъ авторамъ производится на счетъ авторовъ.—Сочиненія признанныя редакціей неудобными для напечатанія въ журналѣ, **хранятся** въ редакціи въ теченіи **шести** мѣсяцевъ и затѣмъ уничтожаются; мелкія же статьи, объемомъ менѣе печатнаго полулиста нашего журнала, храненію не подлежатъ.

Правомъ безплатнаго полученія журнала пользуются только постоянные сотрудники.

Гг. артисты, ищущіе ангажемента, благоволятъ прислать въ редакцію свои заявленія, которыя будутъ **безплатно** печататься въ нашемъ журналѣ.

Издатель Ѳ. А. Куманинъ. Отвѣтственный редакторъ И. И. Петровъ.